

ГОДЪ

XLVI.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Невской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года января 1—2-го.

Содержаніе: Наступающій новый годъ и православное русское пастырство.—Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ (новогодніе думы и разговоры пастыря).—Объ отношеніи русскаго народа къ войнѣ.—Школа и жизнь (по вопросу объ участіи народныхъ школъ въ событіяхъ, происходящихъ на Дальнемъ Востоке).

Наступающій Новый годъ и православное русское пастырство.

Тяжело для Россіи протекъ минувшій годъ. Горькія, неутѣшныя слезы лились изъ глазъ осиротѣлыхъ матерей, женъ, дѣтей, сестеръ, братьевъ. Лучшія, молодая силы русскаго народа приносились въ жертву безощадной, безжалостной смерти. Ручьемъ текла русская кровь по горамъ и доламъ чуждой намъ страны. Паль уже подъ чудовищной силой вражнихъ ударовъ бывшій оплотомъ русской мощи на Дальнемъ Востоке многострадаальный Портъ-Артуръ.

Стонала Русская земля въ этой невиданной и неслыханной доселѣ какой-то титанической борьбѣ съ желтымъ врагомъ, и стонъ ея не прекратился еще.

Доколѣ, Господи, доколѣ прогнѣваеши на ны?! Доколѣ намъ опредѣлено терпѣть гнѣвъ Твой, и когда, наконецъ, увидимъ мы милость Твою въ грозной силѣ, посрамляющей враговъ нашихъ?!

Но еще не окончилась, значить, година гнѣва Божія на насъ, еще не заслужили мы помилованія, еще не достойны воспріятія чудесъ силы Господней. Смиримся и еще усерднѣе начнемъ возносить молитвы предъ Господомъ; восплачемъ и возрыдаемъ предъ Нимъ. *Аще беззаконія назриши, Господи, кто постойтъ?*—Но у кого, какъ не у Тебя же, и милость, и многое избавленіе, и только Ты *избавиши насъ* отъ вины всѣхъ бѣдствій—*беззаконій нашихъ*—и щедро *излиеши* милость Свою на насъ, *свободишь* отъ грѣховной скверны, прогнѣвавшей Тебя.

Минувшій годъ особенно близко поставилъ пастырей къ пасомымъ, особенно близко подчеркнул всю, такъ сказать, значимость пастырскаго служенія въ духовной жизни человѣка и многимъ заградилъ уста хуленія смиреннаго русскаго пастырства. Теперь, послѣ испытаннаго на войнѣ и всего, переживаемаго подъ ея впечатлѣніемъ, для многихъ стало ясно, что *отра* въ жизни человѣка—не безсодержательная фраза, и что *священническое служеніе* составляетъ дѣйствительную необходимость въ ряду прочихъ общественныхъ служеній. Можно ли,—спросимъ,—не укрѣпляя себя вѣрою въ помощь свыше, отдать себя тѣмъ лишеніямъ на войнѣ, о которыхъ мы постоянно слышимъ и читаемъ, и главное—не падать духомъ среди нихъ? Можно ли, не имѣя въ душѣ живой вѣры во всеблагото Господа и твердости упованія въ загробную жизнь, такъ безбоязненно итти на вѣрную смерть и безстрашно смотрѣть ей прямо въ глаза? Можно ли умирать на *войнѣ* такъ *мирно*, какъ умираютъ наши сѣрые солдатики, съ молитвою на устахъ, съ трогательнымъ благословеніемъ оставляемой семьѣ? И безропотная покорность волѣ Божіей, и вѣра въ милосердіе Божіе, прощающее за гробомъ грѣхи и беззаконія вѣрныхъ исполнителей воинскаго долга и возна-

граждающее за понесенные труды, и надежда на то, что всеблагой Господь не допуститъ до гибели осиротѣлыхъ дѣтей, жену, родителей, — все это ясно или между строкъ читается въ корреспонденціяхъ, какія доходятъ до насъ съ театра военныхъ дѣйствій.

По широкому лицу Русской земли пронеслась слава подвиговъ беззавѣтнаго мужества и неустрашимости при исполненіи священническаго долга на самомъ полѣ сраженія, подъ грохотъ орудій и свистъ пуль, — мужества и неустрашимости не одного и не двухъ, а почти всѣхъ священнослужителей, которымъ выпалъ многими желанный, но не для всѣхъ оказавшійся доступнымъ, *счастливый* жребій пастырскаго служенія на войнѣ. А здѣсь, вдали отъ леденящихъ душу страданій раненыхъ и умирающихъ, здѣсь съ какою мощью раздавался голосъ пастырей, то ободряющій унылый духъ народа подъ вліяніемъ печальныхъ вѣстей съ театра войны, то призывающій всѣхъ къ необходимымъ жертвамъ, то благодатно утѣшающій осиротѣлыхъ страдальцевъ, которымъ нынѣ на Руси нѣсть числа! Усердно молились въ храмѣ, у престола силъ, православные пастыри наши, да проститъ Господь прегрѣшенія положившимъ животъ свой на полѣ брани и да вселитъ ихъ, *идеже пристыщаетъ свѣтъ лица Божія и праведницы оправданные сіяютъ, яко свѣтила*, а также о томъ, чтобы Господь даровалъ побѣду и одолѣніе на враговъ нашихъ, къ славѣ всесвятаго Имени Его и чести дорогой всѣмъ намъ Россіи.

Гдѣ, какъ не въ вѣрѣ, русскій человѣкъ черпаетъ утѣшеніе въ скорбные дни своей жизни? Откуда, какъ не съ неба, нисходятъ на него благодатный *миръ* и та бодрость духа, которою русскій человѣкъ силенъ, и о которую сокрушаются самые жестокіе удары его исторической судьбы?

Война сблизила пасомыхъ съ пастырями и еще тѣснѣе, чѣмъ прежде, собрала ихъ воедино около св. Православной Церкви. Слава Богу за все! Какимъ бы тернистымъ путемъ ни итти, лишь бы въ концѣ концовъ успѣшно достигнуть цѣли!

Предыдущіе вѣка исторической жизни русскаго народа съ ясностью обозначили его идеалы. Вся долговременная исторія наша воочію указала, въ чемъ спасеніе Россіи, въ чемъ ея крѣпость, въ чемъ залогъ ея благостоянія и всѣми желаемаго развитія, въ чемъ смыслъ ея историческаго бытія. Это — православная христіанская вѣра, выражающаяся въ жизни, съ нею сообразной. То необходимо и вѣчно въ государственной жизни, что освящается благодатію вѣры, что творится со страхомъ Божиимъ и трепетомъ предъ Божественнымъ закономъ, и что имѣеть цѣлью служеніе ближайшему и отдаленнѣйшему, до вѣчности, благу ближнихъ. Жить по-Божьему—вотъ чему учить Россію свыше-тысячелѣтняя ея исторія. Различныя обстоятельства нынѣшняго тяжелаго времени еще разъ подчеркнули эту истину. Поэтому, нынѣ,—какъ, впрочемъ, и всегда,—благовременно вспомнить тѣ обѣтованія, которыя изрекалъ Господь устами великаго Моисея богоизбранному Своему народу, если онъ будетъ проводить въ жизнь спасительныя заповѣди Божіи. „Аще слухомъ послушаете гласа Господа Бога вашего хранить и творити вся заповѣди Его, яже Азъ заповѣдаю тебѣ днесь, и дасть тя Господь Богъ твой вышше всѣхъ языкъ земли: и придутъ на тя вся благословенія сія и обрящутъ тя. Аще слухомъ слушаеши гласа Господа Бога твоего, благословенъ ты во градѣ и благословенъ ты на селѣ, благословена исчадія чрева твоего и плоды земли твоея, и стада воловъ твоихъ и паствы овецъ твоихъ, благословены житницы твои, и останцы твои, благословенъ ты внегда входитьи тебѣ и благословенъ ты внегда исходитьи тебѣ. Да предасть тебѣ Господь Богъ враги твоя сопротивляющыя тебѣ, сокрушены предъ лицомъ твоимъ: путемъ единѣмъ изыдутъ на тя, и седмю путыи побѣжатъ отъ лица твоего. Да послеть Господь на тя благословеніе въ хранилищахъ твоихъ, и на вся, на няже возложиши руку твою на земли, юже Господь Богъ твой дасть тебѣ... И узрятъ тя вси языцы земни, яко имя Господа Бога твоего призвася на тя, и убоятся тебе“ (Второ-

зак. 28, 1—8. 10). Твердо надо помнить новому Израилю, *богоносцу*—русскому народу, словеса обѣтованій Господнихъ и ни на минуту не упускать изъ сознанія, *что* составляетъ надлежащую основу благополучія внѣшней жизни, о которомъ теперь такъ много хлопчуютъ, часто, къ сожалѣнiю, забывая при этомъ, верховнаго Подателя всѣхъ благъ Бога.

Какое обширное поле дѣятельности для пастыря въ нынѣшнiе дни, которые характеризуются мучительною неустойчивостью и колебанiями, не предвѣщающими добра, во всѣхъ положительно областяхъ жизни и сферахъ жизнедѣятельности человѣка! Повидимому, нигдѣ ничего прочнаго и устойчиваго. Ни о чемъ, кажется, нельзя съ увѣренностью сказать, что вотъ это будетъ твердо стоять и не сдвинется съ своего мѣста. Не сдвинется сегодня, но уцѣлѣетъ ли завтра?

Но неужели въ дѣйствительности *все* такъ расшаталось, что нельзя говорить ни о какой почвѣ и ни о какомъ оплотѣ?!

Нѣтъ, слава Богу, еще не все погибло, еще есть на чемъ основаться вѣрующему человѣку. Начала, *устои* жизни даны человечеству тою силою, противъ которой не возмогутъ даже духи злобы, если бы они обрушились всѣми своими кознями на человѣческой міръ. Могутъ измѣняться формы жизни, могутъ одни учрежденiя являться вмѣсто другихъ однородныхъ, могутъ, словомъ, *преходить образы* внѣшней стороны человѣческой жизни; но начала ея, какъ они сложились исторiей государства и освящены Богомъ, невидимо управляющимъ судьбою всего міра и cadaго въ отдѣльности народа, должны быть неизмѣнны. Устои русской жизни, покоящiеся на спасительной православной вѣрѣ, даны намъ Богомъ. Кто же одолѣетъ силу Божию?!

Среди житейской повседневной суеты человѣкъ такъ часто оставляетъ въ пренебреженiи *слово жизни*, данное ему Христомъ, и безопасно забываетъ, въ Комъ истинный путь, животъ и спасенiе. Теперь лющаяся широкой рѣкой *кровь* напоминаетъ намъ о столь часто забываемыхъ истинахъ. Да, нынѣшняя война придвигаетъ къ намъ ближе *книгу живота*,

данную Богомъ человѣку, и заставляетъ съ большимъ, чѣмъ когда-либо прежде, вниманіемъ относиться къ животворнымъ словесамъ спасительнаго Христова ученія. О, если бы всѣ на Руси—и премудрые, и богатые, и знатные, такъ же какъ простецы, и убогіе—прониклись твердымъ сознаниемъ необходимости положить въ основу жизни завѣты Христова ученія, такъ какъ предшествующей русской исторіей съ достаточною ясностью обнаружилось и такъ какъ составляетъ необходимое требованіе цѣлостнаго народнаго духа то, что мы, русскіе, должны явить безиримѣрный, свыше указанный образъ народа-богоносца, *духъ* котораго пламенѣлъ бы живою *любовью* къ Богу и ближнимъ, а *дѣла* соотвѣтствовали бы исповѣдуемой сердцемъ, дорогой каждому, православной вѣрѣ!

Громко трубите, добрые пастыри русскіе, слово Христова ученія. Учите, взывайте къ покаянію однихъ, утѣшайте другихъ, несите свѣтъ истины и правды Христовой въ широкій кругъ общества и тѣсныя рамки семьи, содѣлывайте общее спасеніе. Настало ваше время, такъ какъ искушаемый тяжелой нынѣшней войной русскій народъ всѣмъ сердцемъ обратился теперь къ Господу, и милосердый Господь видимо приклонился уже къ молитвѣ народа. Надо *создать* полное *спасеніе* новаго Израиля; надо помочь избавленію его отъ всѣхъ грѣховъ и беззаконій, которые тяготѣютъ надъ нимъ и отвращаютъ отъ него Господа; надо явить русскій народъ предъ всѣми языками міра народомъ святымъ и угоднымъ Богу, людьми *обновленія*...

Благослови, Господи, вѣнецъ наступающаго лѣта благодатію Твоею и ниспошли пастырямъ нашимъ благодатную помощь Свою съ силою многою потрудиться въ настоятельно необходимомъ дѣлѣ проповѣди спасительнаго ученія Христова!

Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ.

(Новогодніе думы и разговоры пастыря).

Нашъ священническій кружокъ собрался въ самый день Нового года, послѣ литургіи, у досточтимаго о. Алексѣя Семеновича. Послѣ привѣтствій и взаимныхъ благопожеланій, обычныхъ въ поволѣтіе, общій оживленный разговоръ перешелъ на вопросы, занимавшіе тогда русское общество; касались ихъ, какъ водится, съ *новогодней точки зрѣнія*. Нашъ добрый хозяинъ былъ въ особенно добромъ настроеніи и являлся, по обыкновенію, душою нашей бесѣды.

— Люблю я этотъ день всевозможныхъ добрыхъ пожеланій, свѣтлыхъ плановъ на будущее, смѣлыхъ рѣшеній измѣнить къ лучшему жизнь,—говорилъ о. Алексѣй,—и всегда радостно встрѣчаю начало каждаго новаго года. Въѣдъ каждое новое лѣто—новое явленіе благодати къ намъ Господа...

Свѣтлое, радостное настроеніе о. Алексѣя Семеновича представлялось тогда многимъ изъ насъ не вполне согласнымъ съ общей уныло-пессимистической настроенностію русскаго общества, съ мрачными призраками надвигавшейся съ Дальняго Востока военной грозы. Были и другія причины, которыя заставляли тревожно смотрѣть въ глаза будущему. Современные шатанія въ религіозной области, враждебно-презрительное отношеніе извѣстной части общества къ православному духовенству давали поводъ малодушнымъ изъ насъ съ опасеніемъ и тревогой задумываться надъ задачами и направленіемъ предстоящей пастырской дѣятельности.

— Да, хорошо и радостно встрѣчать новый годъ,—замѣтилъ одинъ изъ насъ на слова о. Алексѣя,—только не при современныхъ обстоятельствахъ. Когда жизнь разстилается предъ вами широкой, свѣтлой полосой; когда всюду кипитъ созидательная работа и влечетъ невольно васъ принять въ ней участіе; когда будущее сулитъ и родинѣ и обществу новые успѣхи и благоденствіе,—тогда, по-моему, отрадно встрѣ-

чать этотъ день, съ легкимъ, несмущеннымъ сердцемъ при-
вѣтствовать его наступленіе.

Говорившій былъ молодой, впечатлительный энтузіастъ,
и жившій и думавшій въ униссонъ господствовавшему на-
строению. Нашъ духовный руководитель понималъ наше общее
настроение, унылое, пессимистическое, только-что выразившееся
въ словахъ молодого батюшки, и повелъ рѣчь ко всѣмъ намъ.

— Знаю, дорогіе друзья, что не свѣтлая, радостная
пора переживается нами: не безоблачное небо у насъ надъ
головой, и не твердая земля подъ ногами. „Сумерки“, „су-
меречное время“ — такъ принято теперь называть у насъ пе-
реживаемую эпоху. Это значитъ: бродятъ у насъ люди по
сомнительнымъ путямъ и тропинкамъ, сбившись съ настоящей
дороги, оставшись въ обманчивой полутьмѣ. И нѣтъ предъ
ними ни вѣрныхъ цѣлей, ни великихъ, высокихъ задачъ:
нѣтъ, по тому же самому, ни силы, ни захватывающей духъ
энергіи въ нашей дѣятельности. Лѣнливо, вяло и скучно бре-
дутъ люди по житейскимъ распутіямъ. Что-жь? Это, вѣдь,
такъ и есть для представителей русскаго интеллигентнаго
общества, оторвавшагося отъ вѣры отцовъ, отъ исконныхъ
православно-русскихъ традицій. Имъ-то ужъ, вѣрно, нечѣмъ
вдохновиться, не отъ чего бодро и радостно смотрѣть въ бу-
дущее, пока не отыщутъ потеряннаго пути... Но наше поло-
женіе совсѣмъ другое, и не окружающимъ насъ „сумеркамъ“
убить въ насъ свѣтъ надежды и радость упованія. По-моему,
у каждаго изъ насъ, священниковъ, въ этомъ отношеніи ве-
ликое и неотъемлемое преимущество предъ мятущимся, мало-
вѣрнымъ міромъ. У крѣпкаго вѣрой пастыря не можетъ быть
упадба духа, малодушія, отчаянія въ свѣтломъ будущемъ.
При свѣточѣ вѣры для него ясенъ и открытъ жизненный
путь, опредѣленны цѣли и задачи дѣятельности; его всегда
можетъ укрѣпить и ободрить непоколебимая увѣренность въ
конечномъ торжествѣ совершаемаго имъ великаго и святаго
дѣла. „Что смущени есте, и почто помышленія входятъ въ
сердца ваша?..“ „Да не смущается сердце ваше“... „Зрите и

не ужасайтесь"—слышать во всякую „минуту жизни трудную“ наши пастыри ободряющій голосъ Господа... Особенно въ такія-то времена, какъ теперешнее, и не слѣдуетъ намъ поддаваться унынію, малодушію, а бодро, смѣло, съ вѣрой и свѣтлой надеждой выступить противъ нихъ съ рѣшительнымъ словомъ, призывающимъ „сумеречныхъ“ людей востать и исправиться!..

— Однакоже, сколько ни утѣшительны ваши слова, о. Алексѣй, мнѣ кажется, и намъ, священникамъ, какъ русскимъ людямъ, какъ сынамъ своей родины, нѣтъ особенной причины испытывать подъемъ духа и бодро и свѣтло идти навстрѣчу будущему. Стоитъ только внимательно присмотрѣться къ окружающей насъ русской дѣйствительности, прислушаться къ толкамъ и голосамъ, идущимъ изъ общества и печати, которыми въ мрачныхъ краскахъ изображается систематическое обѣднѣніе русскаго народа, расшатанность нравственныхъ устоевъ его жизни, безпросвѣтный мракъ и одичаніе деревни,—и невольно поддаться унылому, безрадостному настроенію. Не легко русскому пастырю испытывать на себѣ обидно-несправедливое отношеніе къ нему, къ его дѣятельности интеллигентнаго общества и свѣтской печати. Подозрительный, недовѣрчивый взглядъ на труды духовенства, особенно просвѣтительные, сомнѣніе въ его искренности и безкорыстіи, прямо враждебныя, злобныя выходки противъ представителей духовенства въ либеральной печати, презрительное, шутовское изображеніе духовныхъ лицъ въ современной беллетристикѣ—развѣ все это не способно если не ожесточить, то въ конецъ смутить впечатлительную душу русскаго пастыря? И гдѣ конецъ этой обидной травлѣ, направленной противъ нашего сословія!—Но пусть это—личные мотивы для нерадостнаго настроенія; есть болѣе глубокія причины, которыя заставляютъ именно теперь сжиматься сердце пастыря, со страхомъ встрѣчать наступающій годъ... Это—надвигающіяся надъ дорогой родиной тучи, кажется, неизбѣжной, неотвратимой войны... Да, есть отъ чего крѣпко

задуматься при мысли, что-то принесетъ съ собою наступающій годъ; есть отъ чего померкнуть свѣтлымъ надеждамъ... Не много радостнаго сулитъ новолѣтіе русскому человѣку и особенно русскому пастырю!..

Такъ пытался выразить, въ нѣсколько повышенномъ тонѣ, тотъ же молодой и пылкій нашъ собрать свои мысли и чувства, которыя, въ общемъ, раздѣляли почти всѣ мы, обычные посѣтители и почитатели о. Алексѣя Семеновича. Мы ощущали потребность въ утѣшительномъ, ободряющемъ словѣ и ждали, при наступившемъ молчаніи, что-то скажетъ на реплику нашего товарища всегда находчивый, опытный въ совѣтахъ о. Алексѣй. Онъ началъ:

— Согласенъ и я съ вами, вполне согласенъ, что наша русская дѣйствительность и грозное будущее способны навѣять тугу сердечную и невеселыя думы на каждого русскаго человѣка, а тѣмъ болѣе—на русскаго православнаго пастыря. Но не намъ, пастырямъ Церкви Христовой, предаваться унынію и малодушію. Подумайте: кто въ мрачномъ, безотрадномъ видѣ старается у насъ представить современное состояніе Россіи, обнищаніе народа, безпросвѣтный мракъ и одичаніе нашей деревни? Это—люди, извѣрившіеся сами въ себѣ, не признающіе исконныхъ русскихъ идеаловъ, порвавшіе давно духовную связь съ народомъ; для ихъ пониманія осталась достуцной лишь внѣшняя сторона русской жизни, русской дѣйствительности. При такихъ условіяхъ легко придти къ мрачнымъ и безотраднымъ зклученіямъ. А сколько среди нашихъ пессимистовъ людей прямо злонамѣренныхъ, которые, сѣя смуту и недовольство настоящимъ положеніемъ, заботятся только о достиженіи своихъ преступныхъ цѣлей! Но мы, живя вмѣстѣ съ народомъ, одною съ нимъ вѣрою, одними идеалами, и потому глубоко понимая душу народную, развѣ не убѣждаемся на каждомъ шагѣ въ богатствѣ духовныхъ силъ нашего народа? развѣ не замѣчаемъ въ этомъ по внѣшности сѣромъ и бѣдномъ народѣ всей красоты и полноты нравственно-религіозныхъ проявленій духовной жизни,

которыя свидѣтельствуютъ не о мракѣ и одичавіи народа, но о глубинѣ и высотѣ его духовно - нравственнаго развитія и міропониманія? Кто знаетъ близко, какъ мы, русскій православный народъ, тотъ ни на минуту не усумнится въ славномъ и свѣтломъ будущемъ родной земли и радостно, съ готовностію будетъ продолжать свой трудъ на благо народное, вѣруя и надѣясь, что его трудъ не окажется тщетнымъ!—Да, стоитъ жить и трудиться съ бодрими силами среди такого народа.

— Не страшны и не зловѣщи должны быть для насъ, пастырей, усиливающіяся за послѣднее время несправедливыя нападки на Церковь и духовенство со стороны свободомыслящей интеллигенціи, и нѣтъ причины малодушествовать намъ, когда наша дѣятельность не получаетъ справедливой оцѣнки, когда печать и свѣтская беллетристика избираютъ насъ и наши взгляды и вѣрованія предметомъ злыхъ насмѣшекъ, издѣвательства, вышучиванія. Напротивъ, эта ожесточенная травля, эти непрерывныя нападки на представителей Церкви Православной должны представлять для убѣжденнаго пастыря нѣчто утѣшительное. Не напрасно великій апостоль говорилъ про себя и своихъ соработниковъ на нивѣ Христовой: „гоними, тернимъ, хулими—утѣшаемся“. Мнѣ кажется, что современная открытая, ожесточенная враждебность нашего либеральнаго интеллигентнаго общества и печати противъ Церкви и ея сужителей является глухимъ, *противовольнымъ* признаніемъ за нами все возрастающей религіозно - нравственной силы и вліянія. Считаться съ этой силой, подавить во что бы то ни стало это вліяніе признается противной стороной необходимымъ: *inde ira*,—отсюда ожесточенныя нападки и слѣпая вражда. Ясно,—бодрствуютъ и высоко держатъ знамя православія служители Церкви, если враги ея ни на минуту не могутъ оставить ее въ покоѣ. Насколько же лучше, плодотворнѣе для насъ подобное воинствующее положеніе того недавняго прошлаго, когда и наше церковно-религіозное дѣло и наше сословіе обходили презрительнымъ молчаніемъ либеральные,

свободомыслящіе представители общества и печати!.. И кто знаетъ, къ чему приведетъ ожесточенная враждебность нашихъ неблагожелателей, нашихъ противниковъ? Изъ хульниковъ и гонителей содѣлывала сила Божія апостоловъ: близкое соприкосновеніе съ идеалами православія, съ носителями ихъ—служителями Церкви Православной, начавшееся на почвѣ ожесточенной полемики, не приведетъ ли лучшую, искренне убѣжденную часть нашей интеллигенціи къ вѣрѣ и послушанію Церкви Христовой? Этого слѣдуетъ ожидать, на это должно надѣляться,—и въ этомъ наша отрада и утѣшеніе!..

— Что сказать вамъ, друзья мои, продолжалъ затѣмъ о. Алексѣй,—про то страшное испытаніе, которое готовитъ предстоящая война нашей дорогой родиной, отъ котораго напередъ сжимается сердце русскаго человѣка?... Да минуетъ насъ чаша сія!.. И однако, если судилъ Господь испытать насъ ее, не станемъ прежде времени малодушествовать. Прошлая исторія научила насъ, какъ встрѣчать подобныя испытанія; она же даетъ намъ полную увѣренность въ конечномъ торжествѣ нашемъ надъ дерзкимъ врагомъ. Нѣтъ сомнѣнія, много, неисчислимо много потребуется жертвъ отъ всей Россіи на это кровавое дѣло... Но и здѣсь,—какъ всѣмъ истинно-русскимъ людямъ, такъ и намъ въ особенности, пастырямъ Церкви,—Господь открываетъ путь къ обнаруженію предъ всѣмъ міромъ истинныхъ свойствъ православно-русскаго богатырскаго, самоотверженно-возвышеннаго народнаго духа. И кто знаетъ, не для того ли Промыслъ Божій посылаетъ намъ грозное испытаніе, чтобы многихъ заблудшихъ, оставившихъ завѣты и вѣру отцовъ, какъ было и предъ 12-мъ годомъ, вразумить и вновь объединить въ одномъ общерусскомъ православно-упованіи? Лично для пастырей Церкви, истинныхъ молитвенниковъ и печальниковъ родной земли, предстоитъ здѣсь выполнить вновь свое святое, высокое историческое призваніе... И всѣ мы вѣримъ и надѣемся, что наше духовенство въ трудную пору, которую предстоитъ

пережить дорогому отечеству, самоотверженно, не жалѣя силъ, сослужить свою вѣрную службу!

— Итъ, друзья мои, ужъ если когда, такъ особенно теперь не время предаваться намъ унынію и малодушію; нынѣшнее время и наступающій годъ требуютъ отъ насъ особеннаго напряженія силъ, бодрости духа и вѣры, непоколебимой вѣры въ свое призваніе, въ свою историческую миссію. Встрѣтимъ же безъ унынія, но съ надеждой новаго пришельца — новое лѣто благодати Божіей.

Такъ встрѣчали мы, въ сообществѣ досточимаго о. Алексѣя Семеновича прожитый теперь 1904 годъ. Трудень, тяжелъ былъ этотъ годъ всѣмъ намъ, русскимъ людямъ, всей Русской землѣ; но вѣрны и не ложны оказались рѣчи нашего опытнаго руководителя и наставника. Встрѣтимъ же и опять наступающій 1905-й годъ со свѣтлой и непостыдной надеждой, съ молитвой о мирѣ всего міра и о торжествѣ вѣры православной надъ „сумерками“ малодушнаго невѣрія!..

Священникъ *Аванасій Веселижскій*.

Объ отношеніи русскаго народа къ войнѣ.

Русскій народъ выросъ въ сильное и могучее государство среди непрестанныхъ, можно сказать, войнъ. Въ томъ самоотверженномъ братствѣ, какимъ является на поляхъ битвы братство по оружію, гдѣ всѣ равны предъ лицомъ смерти, гдѣ столько мѣста для проявленія самоотверженія, мужества и неустрашимости, мушаль духъ русскаго народа, и закрѣплялось въ немъ „любви единенье“.

Таковъ удѣлъ твой, Русь святая,—вспѣлъ поэтъ,—
Величье кровью покупать...

Въ борьбѣ съ чужими племенами

Ты возмужала, развилась

И надъ мятежными волнами

Скалой громадной поднялась.

(И. Никитинъ).

Татары, ляхи, шведы, прусаки, французы, турки... чуть не всѣ народы Азии и Европы перебивали врагами Россіи; съ иными по нѣсколько разъ наши предки мѣрялись своею силою въ кровавомъ бою; случалось, терпѣли и неудачи, но и тогда духомъ не надали, а чаще выходили побѣдителями, покрывая себя неувидаемою бранною славою на страхъ врагамъ, себѣ же всякій разъ обезпечивая, казалось бы, мощный покой, который долго не будетъ нарушенъ. Но на дѣлѣ происходило обратное. Миръ Россіи никогда не былъ особенно продолжительнымъ, русское оружіе не ржавѣло въ ножнахъ, гдѣ оно подолгу не залеживалось. Вотъ и теперь, если не считать китайскаго похода 1900 года, русско-японская война возгорѣлась, когда едва лишь 25 лѣтъ минуло со времени послѣдней русско-турецкой войны за освобожденіе братьевъ нашихъ—славянъ (1877—1878 гг.). Теперь поднялись на Россію японцы—потомки древнихъ монголовъ, исконнаго нашего врага. Кстати сказать, они—и столько же храбрый, какъ ихъ предки, а еще болѣе, чѣмъ они, хитрый и лукавый врагъ. Они подкрались къ намъ „ночью“, чтобы „ужалить насъ въ пяту“, т. е. въ конечный пунктъ нашихъ владѣній на Дальнемъ Востоку, Портъ-Артуръ. Черезъ 25 лѣтъ Россія взялась за оружіе, и оно, не успѣвши заржавѣть за этотъ недолгій періодъ спокойствія, даетъ мужественный отпоръ врагу, не хотѣвшему соблюсти предложеннаго мира. Но 25 лѣтъ—это какой-то роковой промежутокъ между войнами, которыя велъ русскій народъ въ минувшемъ вѣкѣ. Въ прошедшемъ столѣтіи Россія слагала свое оружіе какъ бы для того только, чтобы чрезъ два или немного болѣе десятка лѣтъ мирнаго труда, имъ отвоеваннаго, снова взять его въ свои руки. Можно, пожалуй, подумать, что русскій народъ одинъ изъ наиболѣе воинственныхъ народовъ, любить воевать и предпочитаетъ поле брани мирнымъ занятіямъ на полѣ пашни, у фабричнаго станка, за торговымъ прилавкомъ или, вообще, въ рабочей мастерской. Такъ ли это?

Было и былѣмъ поросло то время, когда славянское племя, расселившись удѣлами въ верховьяхъ и по теченію рѣкъ Днѣпра и Волги, не покладало оружія въ постоянной борьбѣ съ беспокойными сосѣдами и въ кровавыхъ междоусобныхъ распряхъ. Въ то далекое время, дѣйствительно, „разбой, грабежъ и мщеніе были славой“ (Жуковскій). Но мало-по-малу междоусобныя распри стихали; изъ среды отдѣльныхъ князей выдвинулся князь Московскій, подъ власть котораго собралась разрозненная Русь, сплотилась и съ любовью отдалась воздѣлыванію родной земли, которую передъ тѣмъ обильно оросила кровію и своихъ сыновей и иноплеменниковъ. Однако, роднымъ полямъ русскимъ, орошаемымъ теперь трудовымъ потомъ земледѣльца, послѣ еще не разъ привелось быть подъ пятами враговъ, не разъ суждено было стать мѣстомъ кровавыхъ битвъ. Это произошло въ разное время. но уже тогда, когда русскій народъ опытно узналъ полезность и благотворность мирнаго труда надъ землей и успѣлъ сродниться съ нимъ, полюбить его, когда онъ облюбовалъ мирные промыслы, какіе указала ему сама природа: промыслялъ звѣря въ дремучихъ лѣсахъ, въ рѣкахъ ловилъ рыбу и занимался сплавомъ лѣса и хлѣба по нимъ,—вообще, когда онъ достигъ относительнаго благоустройства своей внутренней жизни. Имъ правилъ тогда любимый князь изъ Владимірова рода, а потомъ царь изъ дома Романовыхъ, которому онъ вручилъ наследственную власть надъ собою своими слезными мольбами; въ тяжкую годину самозванщины онъ упросилъ боярина Михаила Ѳеодоровича Романова стать царемъ его. Подъ властью своихъ князей и царей Русь развивалась и процвѣтала. Родныя поля убрались золотистыми нивами, покрылись селами и городами. Народъ понастроилъ въ нихъ храмы Божіи, разукрасилъ ихъ золотомъ и собирался подъ сѣнь ихъ съ усердной молитвой въ дни отдыха отъ мирнаго труда. Теперь уже хорошо было знакомо русскому народу чувство любви къ своей родинѣ, царю и вѣрѣ, къ своимъ привычнымъ полевымъ работамъ, къ сложившимся у

него обычаемъ, ко всему своему быту и домашнему обиходу,— и тѣ испытанія, которымъ подверглось это чувство, еще сильнѣе укрѣпили и углубили его. А испытанія были страшныя... Едва только Русь успокоилась отъ внутреннихъ раздоровъ подъ властью Московскаго князя, какъ двинулись на нее (во второй половинѣ XIV в.) татары, доселѣ сидѣвшіе въ Прикаспійскихъ степяхъ и два вѣка давившіе насъ отсюда своимъ ярмомъ... Два столѣтія спустя поднялись на Русь рати ляховъ, еще позднѣе—французовъ...

Много бѣдъ, и лихихъ, ей пришлось въ тѣ времена.

Много горя—злосчастія извѣдать... (Д.).

Враги проникали въ самое сердце Россіи; на пути своемъ они грабили, сквернили и жгли всё, что такъ мило и дорого было народной душѣ. Ярмо мусульманъ, въ этомъ новомъ ихъ походѣ на Русь, грозило, казалось, стереть русскій народъ съ лица земли. Подъ топоромъ ханскимъ въ Золотой Ордѣ уже скатилась не одна голова русскихъ князей... Тоже и коварный ляхъ: онъ полонилъ Москву и возвелъ на тронъ чужестранца. Въ Москвѣ засѣлъ и Наполеонъ и мечталъ отсюда повелѣвать Россіей... Самое дорогое сокровище народа—вѣру его—не пощадили руки осквернителей. Храмы Божіи разрушались на ряду съ жильемъ, подвергались осадѣ или обращались въ конюшни,—и тогда въ нихъ вмѣсто словесія Бога раздавалось конское ржанье!.. Но всѣхъ этихъ враговъ низвергла Русь! На полѣ Куликовскомъ она разорвала оковы татарскаго рабства (1380 г.), съ высоты Московскаго Кремля опрокинула поляковъ (1612 г.), а на Бородинскомъ полѣ сломила натискъ французовъ (1812 г.). Тутъ русскій народъ весь ополчился на самозащиту—безъ различія званій и состояній, и весь становился въ ряды воиновъ. На Куликовомъ полѣ въ первыхъ рядахъ ихъ шли въ бой иноки Пересвѣтъ и Ослябя, благословенные преп. Сергіемъ на ратный подвигъ,—шли безъ гнѣва и ненависти, безъ радости и боязни, спокойные и холодные, какъ ангелъ смерти, какъ вѣстники небснаго приговора осужденному—они вѣ-

рили—Богомъ врагу. То же самое повторилось потомъ во время нашествія поляковъ. Святая Лавра преп. Сергія въ теченіе 18-ти мѣсяцевъ мужественно выдерживала ихъ осаду, а народныя ополченія, по зову Минина, подъ начальствомъ князя Пожарскаго, оставивши семьи, побросавши дома и дѣла, стремительнымъ потокомъ двинулись на выручку полоненной Москвы. Въ Отечественную войну 12 года на француза шелъ всякій, вооружившись даже не ружьемъ или пикагой, а первой попавшейся въ руки дубиной. „Дубина народной войны (тогда) поднялась со всей своей грозной и величественной силой и..., не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французовъ до тѣхъ поръ, пока не погибло всё нашествіе“ (Толстой. „Война и Миръ“. Москва, 1903 г., т. IV, стр. 150). Во всѣхъ этихъ войнахъ рѣшался вопросъ о жизни Россіи, дѣло шло о спасеніи отечества, которому угрожала гибель. Отъ воинственнаго одушевленія народа здѣсь нельзя заключать къ его воинственной кровожадности. Не жажда крови, не корысть, не слава бранныхъ подвиговъ двигала народными массами; ихъ поднималъ на врага инстинктъ само-сохраненія, самозащиты. Это ясно само собою и не требуетъ доказательствъ. Конечно, народную душу волновало при этомъ чувство оскорбленія и мести; но это чувство было только оборотной стороной возгорѣвшагося патріотизма: видя поруганіе и погромъ родины, не возможно оставаться равнодушнымъ, не возможно не затаить обиды и не воспылатъ мстью. Но прежде мести и сильнѣе оя здѣсь дѣйствуетъ любовь къ родинѣ; она проснулась въ народѣ, и она-то воздвигла его на защиту любимаго достоянія: вѣры, царя и отечества. И вотъ какой приговоръ произнесъ нашему народу за его бранные подвиги описатель отечественной войны: „Благо тому народу, который въ минуту испытанія, не спрашивая о томъ, какъ... поступали другіе въ подобныхъ случаяхъ, съ прѣстотою и легкостью поднимаетъ первую попавшуюся дубину и гвоздитъ ею (врага) до тѣхъ поръ, пока въ душѣ его чувство оскор-

бленія и мести не замѣняется презрѣніемъ и жалостью“ (Толстой, тамъ же). Благо это для русскаго народа сказалось въ томъ, что, мужественно выступивши на самозащиту съ тѣми средствами, какія подвернулись подъ руку, онъ спасъ свою независимость и обезпечилъ себѣ долгую будущность, такъ какъ еще сильнѣе проникся любовію къ своему отечеству, ко всему своему достоянію, отстоять которое ему стоило столькихъ жертвъ. Въ этой любви—залогъ народной крѣпости; по словамъ поэта, она есть „сверхъестественная сила и чудотворный нашъ оплотъ“ (И. Никитинъ). На поляхъ Куликовскомъ и Бородинскомъ, въ стѣнахъ сожженной Москвы эта любовь пылала въ русскихъ людяхъ яркимъ пламенемъ; и пламя ея разнеслось своими искрами по всей Россіи изъ конца въ конецъ, а искры эти залегли въ народную душу глубоко... Богатыри-защитники родины, уцѣлѣвшіе отъ непріятельскаго меча, вернувшись съ поля битвы, рассказали своимъ дѣтямъ, какъ избавили они православную вѣру и Церковь отъ поруганія, какъ сберегли жизнь и власть своего царя, надъ созданіемъ и утвержденіемъ трона котораго Русь такъ долго и много трудилась до нихъ; какъ защищали они свое отечество отъ окончательнаго разгрома и порабощенія; повѣдали, какихъ невѣроятныхъ трудовъ и подвиговъ имъ стоило отстоять свою національную независимость и честь. И эта повѣсть, переходя изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, зажигала въ младшихъ поколѣніяхъ русскихъ людей самую горячую любовь къ отечеству, которая тѣмъ глубже западала въ ихъ душу и тѣмъ ярче искрилась во взорѣ дѣтей, чѣмъ яснѣе они сознавали, какъ много выстрадало отечество на своемъ вѣку, сколько труда положено на устроеніе его, сколько крови пролито въ защитѣ его, какою дорогою цѣною оно куплено для нихъ, и потому съ какою святою ревностью должно быть всегда оберегаемо! Да, мы живемъ въ отечествѣ, которое выношено и выращено для насъ нашими отцами и дѣдами въ подвигахъ неимовѣрнаго терпѣнія, кровавыхъ битвъ и исполинскаго труда, не разъ возстановлявшаго его

изъ развалинъ—и всегда еще въ бѣльшемъ блескѣ, чѣмъ въ какомъ оно было до погромовъ. Чѣмъ бы мы были, если бы Богу не угодно было столько разъ спасать нашу родину, если бы Онъ не воздвигъ въ нашихъ предкахъ мужественныхъ борцовъ за ея независимость, за ея цѣлость, честь и славу?! Потомкамъ ли было не жить преданіями своихъ славныхъ предковъ? имъ ли было не стать носителями той нравственной силы, той горячей и всѣхъ единящей любви, какую завѣщали имъ ихъ дѣды и прадѣды?—Но русскій народъ былъ вѣренъ этимъ завѣтамъ.

На тѣхъ поляхъ, гдѣ льются воды
Днѣпра и Волги и Оки,
Смирившій множество враговъ,
Живетъ народъ непобѣжденный,
Всегда предъ Господомъ смиренный,
Хранящій вѣру праотцовъ (К. Аксаковъ).

Вотъ что нашептываетъ, вотъ какимъ голосомъ раздается въ душѣ русскаго человѣка эта вѣрность его отцовскимъ завѣтамъ:

Ужъ и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,
Стать за честь твою
Противъ недруга,
За тебя въ нуждѣ
Сложить голову! (И. Козловъ).

И намъ думается, что вотъ въ этомъ глубокомъ патриотизмѣ русскаго народа, который въ обычное, спокойное время, пожалуй, такъ мало примѣтенъ, заключается источникъ того необычайнаго воодушевленія, съ которымъ относился русскій народъ ко всѣмъ другимъ войнамъ, какія велись имъ въ промежутки между указанными народными войнами и послѣ нихъ. Эти войны вчинались уже правящею властью, а не самимъ народомъ, что, впрочемъ, иначе и не могло происходить. Ихъ было много, даже очень много за время государ-

ственной жизни русскаго народа. Раскинувшись на широкой равнинѣ, доступной со всѣхъ сторонъ нападенію, Русское государство принуждено было ограждать будущность свою отъ враждебныхъ нашествій съ запада. При св. Александрѣ Невскомѣ (XIII в.) и послѣ при Петрѣ Великомѣ (XVIII в.) этимъ именно опасеніемъ были вызваны войны съ ливонцами и со шведами. Нанесши ударъ татарамъ на Куликовскомъ полѣ, Россія послѣ въ XVI в. расчищала себѣ путь на востокъ чрезъ покореніе остатковъ Монгольскаго царства, засѣвшаго въ Казани и Астрахани, и чрезъ завоеваніе Сибири. Сломивши натискъ поляковъ въ XVII в., Россія не разъ вынуждена была усмирять беспокойныхъ сосѣдей и въ XIX в. завоевала Варшаву. По тѣмъ же причинамъ она покорила Кавказъ. Владѣя обширными пространствами суши, она не имѣла свободнаго выхода къ морю; въ силу естественнаго развитія и насущныхъ потребностей, всегда стремилась къ нему, и потому воевала съ крымскими татарами и съ турками. Намъ незачѣмъ пересчитывать всѣ войны, какія знаетъ наша исторія; указанными примѣрами мы хотимъ сказать, что многія войны вызывались естественнымъ ростомъ нашего государства, требовавшимъ удаленія преградъ, какія стояли на пути развитія его и упроченія раздвинутыхъ границъ. При этомъ Россія неизбежно сталкивалась съ интересами сосѣдскихъ странъ. Интересы и отношенія между великими державами, въ семью которыхъ Россія вступила давно, были и есть такъ сложны, такъ тѣсно переплетаются между собою и такъ нерѣдко сталкиваются, что улаженіе ихъ мирнымъ путемъ даже для нашего гуманно настроеннаго вѣка, при дѣятельномъ стремленіи государственныхъ людей къ взаимному миру, представляется дѣломъ весьма труднымъ. Необходимыя приобрѣтенія и завоеванія принято теперь совершать не оружіемъ, а мирнымъ образомъ, напр., чрезъ откупъ и арендованіе земель. Но желанный миръ приходится оберегать при этомъ усиленнымъ вооруженіемъ; однако и оно не спасаетъ человѣчество отъ войнъ. Онѣ лежатъ въ природѣ самаго ро-

ста государствъ, приводящаго къ взаимному столкновенію ихъ интересовъ. Государства такъ же не свободны отъ этихъ столкновеній, какъ и отдѣльныя лица въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Разрѣшеніе мирнымъ образомъ этихъ столкновеній не легко и между частными лицами; тѣмъ труднѣе оно между государствами, гдѣ уступка со стороны одного сосѣда другому влечетъ за собою ущербъ общественный, могущій неблагоприятно отразиться на многихъ лицахъ, на цѣлой отрасли той или другой промышленности и народнаго благосостоянія. Отсюда война можетъ нависнуть въ такую минуту, когда народъ не подготовленъ къ ней и наименѣе желаетъ ея. Между тѣмъ, уклониться отъ нея бываетъ не возможно, не отказавшись отъ своихъ правъ и интересовъ, завоеванныхъ иногда цѣною продолжительной работы въ данномъ направленіи и большихъ матеріальныхъ затратъ. Это уклоненіе въ иныхъ случаяхъ можетъ быть и преступнымъ, такъ какъ обнаружитъ въ правительствѣ малодушіе и слабость, которыми не преминетъ воспользоваться восторжествовавшей сосѣдъ съ тѣмъ, чтобы простирать свое вліяніе на однажды уступившій ему народъ и дальше, заставляя его принимать предложенія унизительнѣе одно другого, нанося ему ущербъ за ущербомъ. Война, отсюда, является въ каждый историческій моментъ, когда пробилъ часъ для нея, болѣе или менѣе неотвратимою и всегда, конечно, печальною необходимостью. За примѣрами ходить не далеко: они предъ нами. Россія не готовилась къ настоящей войнѣ, она не желала ея; она предлагала Японіи рѣшить спорный вопросъ любовнымъ миромъ и дѣятельно стремилась къ этому. Но Японія не хотѣла пройти чрезъ двери мира, открытыя Россіей,—и война началась... Происшествіе съ нашимъ Тихоокеанскимъ флотомъ въ водахъ Сѣвернаго моря такъ обострило отношенія къ намъ Англии, что о возможности новой войны говорилось не въ шутку,—и нашему правительству стоило немалыхъ трудовъ устранить нависшую опасность и избѣжать кровопролитія. Въ прежнее время, когда стремленіе къ миру не было такъ дѣятельно и

напряженно, войны начинались, можетъ быть, проще и происходили чаще. Но всегда въ поводахъ къ нимъ, каковы бы они ни были, чувствовались серьезность положенія, и война всякій разъ оказывалась неотвратимою необходимостью. Можетъ быть, въ иныхъ случаяхъ русскій народъ не зналъ въ своей массѣ ближайшихъ поводовъ, какими вызывалась та или другая война; но общая мысль о неотвратимости войны, какъ неизбѣжнаго явленія въ жизни народовъ, извѣстна ему издавна. Нашъ крестьянинъ, при видѣ газеты, нерѣдко можетъ озадачить читателя вопросомъ, не пишутъ ли чего о войнѣ? Среди общей тишины и спокойствія, когда ни-откуда не предносится даже и призрака войны, вы можете смутиться этимъ наивнымъ вопросомъ. Но вдумайтесь въ него: ближайшимъ образомъ онъ объясняется, конечно, тѣмъ, что газета въ нашей деревнѣ появлялась и распространялась больше въ военное время; однако, изъ-за этого факта не открывается ли вамъ, въ то же время, и признаніе народной мудрости, что война неотвратима, и потому всегда возможна? Одинъ писатель, наблюдавшій настроеніе нашего народа на мѣстѣ, въ селахъ и деревняхъ, во время настоящей войны, сообщаетъ, что большинство крестьянъ, съ которыми онъ говорилъ, отзывались о ней приблизительно такъ:

— Что-жъ сдѣлаешь? Отъ судьбы не убѣжишь.

— Японецъ поднялся, надо его укоротить.

— Народу много нашего погибнетъ. Ну, и „ему“ тоже достанется. Что подѣлаешь. Войны давно не было. Вотъ опять приключилась. Дѣло такое. И не хочешь ея, она разгорается. И не хочешь идти, пойдешь“ (Л. Л. Толстой. „Нов. Вр.“, № 10252, 15 сент. 1904 г.).

И съ тѣмъ крестьянинъ умолкаетъ, потому что онъ мудръ,—справедливо замѣчаетъ писатель,—мудро относится къ войнѣ, какъ неотвратимому, неизбѣжному явленію въ международной жизни, и цѣль ея полагаетъ въ охранѣ отечества отъ опасности.

А. Волгинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Школа и жизнь.

(По вопросу объ участіи народныхъ школъ въ событіяхъ, происходящихъ на Дальнемъ Востоѣ).

Задача каждой школы должна заключаться не въ томъ только, чтобы сообщать своимъ питомцамъ знанія, но и воспитывать ихъ. Не только должна она обогащать умъ подростящаго поколѣнія, но и вліять на сердце его. Хороша та школа, которая умѣетъ пробуждать въ юномъ чужда добрыхъ, порывы горячіе. Важно, чтобы школа въ жизни проявляла то доброе направленіе, о которомъ такъ много заботятся воспитатели.

А жизнь не дремлетъ и на каждомъ шагу представляетъ для этого надлежащіе поводы. И въ данную минуту, во время упорной борьбы на жизнь и смерть съ коварнымъ и беззавѣтно храбрымъ врагомъ нашимъ на Дальнемъ Востоѣ, представляется особенно много данныхъ для проявленія школьниками добрыхъ чувствъ. Отраднo слышать, если школа принимаетъ близкое участіе въ судьбахъ нашего многострадальнаго воинства. И жертвы денежныхъ и вещественныхъ, и самое отношеніе къ этимъ жертвамъ со стороны питомцевъ народной школы, въ особенности церковной, много говорятъ въ ея пользу.

Въ чемъ должно проявляться участіе школы въ военныхъ событіяхъ, и въ чемъ должны проявляться симпатіи ея къ подвижникамъ на ратномъ полѣ?

Въ настоящее время, какъ справедливо говорятъ, толки о войнѣ отодвинули на задній планъ всякія другія злобы и событія. Образованный и простолюдиць, старый и малый ждуть вѣстей съ Дальняго Востока. Вѣсти эти проникаютъ и въ стѣны народной школы. Но въ какомъ искаженномъ и неправдоподобномъ видѣ! Одинъ мальчикъ со словъ тяти передаетъ своимъ товарищамъ, что *нашихъ* пото-

нуло въ морѣ десять тысячъ; другой рассказываетъ, что самъ видѣлъ полкъ плѣнныхъ японцевъ: третій увѣраетъ, что «на нашего Царя девять королей идутъ» и т. п. Подобными «новостями деревни» дѣти спѣшаютъ подѣлаться между собою и съ учителемъ. Последний, надо полагать, воспользуется случаемъ, чтобы разсѣять ложные слухи. Учителю можетъ представиться и другой случай для бесѣды съ дѣтьми о войнѣ. Въ «Книгѣ для чтенія», въ историческомъ отдѣлѣ, не мало статей, посвященныхъ подвигамъ русскаго воинства. Читая повѣствованія: «Куликовская битва», «Полтавскій бой», «Вторженіе Наполеона въ Россію» и др., учитель и дѣти невольно остановятся своимъ вниманіемъ на современной войнѣ. Такіе эпизоды этой войны, какъ сраженіе при Чемульно, покрываютъ доблестныхъ защитниковъ отечества не меньшею славою, чѣмъ любая битва минувшихъ вѣковъ, и пройти ихъ молчаніемъ было бы непростительно. Ничто не мѣшаетъ учителю сравнить настоящую войну съ тѣми, о которыхъ дѣти читали въ «Книгѣ для чтенія», чтобы они наглядно убѣдились въ неизмѣнной храбрости русскихъ воиновъ и вѣковой преданности ихъ царю и родинѣ. Но въ своихъ бесѣдахъ о войнѣ учитель долженъ соблюдать осторожность и тактъ. Лучшее время для бесѣды—часы отдыха. Бесѣда можетъ вызвать въ дѣтяхъ захватывающій интересъ, и потому въ часы занятій непременно отвлечетъ ихъ отъ прямого дѣла. Бесѣда должна быть кратка и правдива.

Подробности о военныхъ дѣйствіяхъ совершенно лишни для маленькихъ слушателей и только дадутъ поводъ для игры фантазій; правдивость сообщенія—долгъ учителя, какъ чловека и патріота. Его слова дѣти передадутъ, безъ сомнѣнія, родителямъ и старшимъ, и будутъ они достояніемъ всей деревни. Правдивость и краткость разговора въ школѣ о войнѣ предполагаются и цѣлью такого разговора. Единственная цѣль его—воспитаніе въ дѣтяхъ патріотическаго настроенія. Съ этою именно цѣлью приведены историческія статьи въ «Книгѣ для чтенія». Патріотизмъ—неотъемлемая черта русскаго народа; любовь къ отечеству врождена намъ. Нашей

народной школы не приходится искусственно прививать дѣтямъ патриотизмъ,—они проникнуты имъ еще до школы; школа можетъ также не заботиться объ усиленіи патриотизма въ своихъ питомцахъ: онъ и безъ того у нихъ крѣпокъ. Но долгъ школы—сдѣлать его сознательнымъ и дѣятельнымъ. Патриотизмъ въ дѣтской душѣ имѣетъ безотчетный, инстинктивный характеръ и ничѣмъ себя не обнаруживаетъ. Освѣтить его, насколько можно, и направить на служеніе родины—задача всякой русской школы. Народная школа можетъ лишь отчасти выполнить эту задачу. Война съ японцами даетъ свѣжій матеріалъ для воспитанія патриотизма; въ этой войнѣ, какъ въ зеркалѣ, отражаются высокія качества русскаго народа. война открываетъ великую душу народа.

Если учитель народной школы сумѣетъ ярко изобразить высокія качества русскаго народа, и дѣти поймутъ ихъ,—онъ исполнитъ свою задачу патриотическаго воспитанія. И прежде всего, онъ обратитъ вниманіе дѣтей на удивительную храбрость нашихъ воиновъ и ихъ горячую преданность царю и отечеству. О русскомъ солдатѣ справедливо всѣ говорятъ, что нѣтъ ему равнаго по храбрости и доблести. Читая на урокахъ рассказы о войнахъ минувшихъ вѣковъ, ученики, вѣроятно, не разъ удивлялись и радовались подвигамъ русскаго воинства.

Настоящая война въ защиту отечества будетъ, безъ сомнѣнія, богата славными дѣлами. Краткій и живой рассказъ о нихъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ гораздо сильнѣе подѣйствуетъ на учениковъ, чѣмъ историческіе рассказы «Книги для чтенія».

Слушая рассказъ учителя о побѣдномъ отраженіи непріятели или удачномъ нападеніи на него, ученики окрѣпнутъ въ сознаніи силы и могущества своей родины и проникнутся чувствомъ любви и уваженія къ доблестнымъ ея защитникамъ. А такое настроеніе есть истинно-патриотическое. Но не надо закрывать отъ дѣтей и печальной стороны войны. Эта война, какъ и всѣ большія войны, потребуетъ отъ нашего отечества огромной жертвы—матеріальной и духовной. Она вызываетъ

грустныя, тяжелыя чувствованія, когда мы представимъ себѣ массы убитыхъ и раненыхъ, а за ними бѣдныхъ вдовъ и дѣтей-сиротъ. Народъ нашъ закаленъ въ бою, не привыкать ему нести бремя войны; чувство любви и состраданія къ своимъ братьямъ, пострадавшимъ на войнѣ, не притупилось въ его сердцѣ, напротивъ—это чувство въ немъ сильнѣе говорить, чѣмъ у другихъ народовъ. Безпримѣрно храбрый на полѣ брани, русскій народъ, въ то же время, и самый миролюбивый народъ. Онъ смотритъ на войну вообще, какъ на испытаніе Божіе, какъ на бѣдствіе народное. Постоянная же война является особенно серьезнымъ испытаніемъ для нашего отечества. Учитель долженъ раздѣлять народный взглядъ на войну. Онъ допустилъ бы непростительную ошибку, если бы въ бесѣдѣ съ учениками привялъ хвастливый тонъ и послѣдовать примѣру тѣхъ легкомысленныхъ патріотовъ, которые теперь, какъ и въ турецкую войну, кричатъ: «японецъ намъ не страшенъ... мы шапками его закидаемъ!» Съ другой стороны, учителю не слѣдуетъ сгущать краски. Онъ можетъ объяснить ученикамъ трудность похода по чужой землѣ, вдали отъ родины, среди враждебныхъ людей; указать на лишенія, болѣзни и скорби нашихъ воиновъ; напомнить о страданіяхъ раненыхъ, горѣ осиротѣлой семьи. Но не много словъ надо на эту тему, чтобы дѣти поняли, что война—не охота, а тяжелое дѣло, и почувствовали жалость и состраданіе къ жертвамъ войны. Это въ высшей степени серьезное настроеніе переживаютъ теперь все русскіе люди, и оно въ извѣстной мѣрѣ доступно и дѣтямъ.

Оно находитъ себѣ прекрасное выраженіе въ общественной молитвѣ, въ дѣлахъ благотворительности и обильныхъ пожертвованіяхъ на нужды войны и въ пользу семействъ павшихъ воиновъ. Нѣтъ сомнѣнія, что горькая участь вдовъ и сиротъ будетъ значительно облегчена щедрыми жертвованіями. Отзывчивость населенія на бѣдствія войны можетъ раздѣлить и народная школа, дѣти школьники могутъ принести свою лепту въ пользу дѣтей-сиротъ павшихъ воиновъ. Дѣт-

ская лента отъ чистаго сердца будетъ принята сиротками съ благодарностью.

Итакъ, истинный патріотизмъ, вызванный настоящей войною, долженъ выражаться въ сознаніи силы и могущества родины, доблести и вѣрности ея защитниковъ, высокихъ симпатическихъ чувствованійхъ, молитвъ и благотворительности. Такой патріотизмъ не имѣетъ ничего общаго съ воинственнымъ задоромъ нашего врага, который охватилъ всю страну „Восходящаго Солнца“ и проникъ даже въ стѣны японскихъ школъ. Нѣтъ никакой необходимости и даже смысла разжигать въ юныхъ сердцахъ ненависть къ врагамъ, которыхъ дѣти совсѣмъ не знаютъ.

Послѣ неожиданнаго вѣроломнаго нападенія японцевъ на нашу эскадру въ ночь на 27 января, вся Россія дрогнула отъ обиды и негодованія: но и тогда въ массѣ народа не замѣчалося особой ненависти и злобы къ врагу. Отвѣтомъ на дерзкій вызовъ „желтолицаго японца“ явились торжественныя патріотическія манифестаціи мирнаго характера. Очевидно, присутствующее русскимъ людямъ сознаніе могущества Россіи и увѣренность въ побѣдоносный исходъ войны умѣряли скорбь русскаго сердца и сдерживали чувства злобы и понятной мести къ врагу. Рѣзкое выраженіе этихъ чувствъ—удѣлъ слабаго и перваго народа. Русскій богатырь съ полнымъ самообладаніемъ принялъ вызовъ врага. Въ противоположность японскимъ школьникамъ, русскія учащіяся дѣти вели и ведутъ себя съ полнымъ достоинствомъ. При открытіи военныхъ дѣйствій они выразили свою любовь къ отечеству въ тѣхъ же формахъ, какъ и взрослые, т. е. въ патріотическихъ манифестаціяхъ, молебномъ пѣніи и пожертвованіяхъ.

Въ Москвѣ и другихъ городахъ дѣти-подростки составляли иногда особую группу манифестантовъ и торжественно шли по улицамъ города, неся портретъ Государя, съ пѣніемъ „Боже, Царя храни“, „Спаси, Господи, люди Твоя“ и проч. Одна изъ такихъ группъ обратила особенное вниманіе своею многолюдностью и правильной организаціею. Она составилаь на

Лубянской площади и чинно направилась на Никольскую улицу. Здѣсь къ группѣ маленькихъ манифестантовъ пристали и взрослые въ качествѣ зрителей. Имѣя впереди портреты Государя и Государыни, украшенные флагами и зеленью, дѣти довольно стройно пѣли патриотическія и религіозныя пѣснопѣнія. На Никольской улицѣ, поровнявшись съ одной церковью, юные манифестанты упросили приходскаго священника, только-что окончившаго богослуженіе, совершить молебенъ о дарованіи побѣды. Во время молебна дѣти пѣли, стоя на коленяхъ. Потомъ тѣмъ же порядкомъ толпа дѣтей двинулась въ Кремль. 1)

Помимо этого, участіе школы въ военныхъ событіяхъ можетъ и должно проявляться и другимъ образомъ.

Необходимо, чтобы школьники не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ принимали участіе въ судьбѣ героевъ нашихъ. Нужно, чтобы и дѣти участвовали въ тѣхъ жертвахъ—и денежныхъ и вещественныхъ, которыя щедрою рѣкою текутъ теперь на Дальній Востокъ. Примѣръ въ этомъ подали уже нѣкоторыя школы. Такъ, на столбцахъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетъ появляются нерѣдко извѣстія о дѣтяхъ, которыя дѣлаютъ свои собственные подарки воинамъ, подвигающимся на Дальнемъ Востокѣ за родину. Вотъ, напр., одно изъ такихъ извѣстій.

Подарки дѣтей красовались въ складѣ вещей, приготовленныхъ кружкомъ кишиневскихъ дамъ, для нашихъ далекихъ героевъ къ великому празднику Пасхи. Среди массы всевозможнаго бѣлья, теплыхъ вещей и предметовъ первой необходимости, глазъ обозрѣвателя всѣхъ этихъ щедрыхъ подношеній невольно остановился на грудѣ пестрыхъ и парядныхъ мѣшечковъ въ видѣ кисетовъ, сшитыхъ изъ всевозможныхъ яркихъ доскутковъ, всевозможныхъ цвѣтовъ и матерій, начиная отъ парчи и бархата и кончая скромной китайкой и яркимъ русскимъ кумачемъ. Кисеты эти, предназначенные въ подарокъ нашимъ солдатикамъ, сшиты дѣтскими ручками изъ

тѣхъ матеріаловъ, какимъ каждый изъ дѣтей, участвующихъ въ приношеніи, могъ запастись. Въ бѣдныхъ семьяхъ, вѣдь, несмотря на самое горячее усердіе, ни шелковымъ, ни бахартнымъ лоскуткомъ не раздобудешься.

Большинство этихъ дѣтскихъ кисетовъ снабжено особыми вышитыми на нихъ надписями, какъ, напримѣръ:

- „Непобѣдимому воину“.
- „Храброму солдатику отъ Коли“.
- „Благословеніе отъ Тапи“.
- „Не робѣй—Японца бей!“.
- „Другу изъ Россіи“.
- „Солдатику подарокъ“.
- „Да здравствуетъ русскій солдатъ!“

И прочее въ томъ же задушевномъ родѣ..

Все это, видимо, идетъ прямо отъ души, ни въ чемъ нѣтъ ни диктовки, ни подготовки старшихъ. Русскій ребенокъ съ молокомъ матери всасываетъ любовь къ родному краю, и всякій, кто идетъ на защиту родины, ему и близокъ и дорогъ. Кисеты наполнены всевозможными предметами, по мнѣнію симпатичной дѣтвора, являющими собой вещи пріятныя и полезныя нашимъ солдатамъ въ ихъ трудномъ и далекомъ походѣ. Тутъ и миниатюрные кошельки съ мелкими деньгами, для полученія которыхъ, очевидно, пришлось открыть всѣ дѣтскія копилки, и маленькіе образки, и шейные крестики, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ на старыхъ и поношенныхъ ленточкахъ, видимо, сняты прямо съ дѣтскихъ шеекъ, чтобы перейти на закрубѣлую солдатскую грудь.

Одна маленькая дѣвочка, пожелавшая, очевидно, чтобы ея даръ достался истинному герою, вышила на своемъ кисетѣ: «Самому храброму солдату»... Судьбу этого послѣдняго дара опредѣлить съ достовѣрностью нельзя... Всѣ наши «чудо-богатыри» показали себя въ настоящую кампанію такими храбрецами, что опредѣлить среди нихъ «самого храбраго» почти совершенно не возможно!... Тѣмъ не менѣе, оригинальный даръ маленькой патріотки отправленъ на Дальній Востокъ, и тамъ

уже сами солдатки рѣшать между собою, на чью долю онъ достанется.

Нѣтъ сомнѣнiя въ томъ, съ какимъ горячимъ чувствомъ благодарности наши солдатки встрѣтятъ на далекой чужбинѣ этотъ дорогой привѣтъ родныхъ имъ по духу русскихъ дѣтей... Мысль о дѣтяхъ близка и дорога всякому, конечно, по вдали отъ всего близкаго и родного все цѣнится и глубже и сильнѣе. Притомъ же, у большинства нашихъ солдатиковъ—и своя родная мелюзга въ родной избѣ осталась, и ласки и привѣтъ чужого ребенка покажутся ему, оторванному отъ семьи, лаской и привѣтомъ его родныхъ дѣтей...

Такъ вотъ въ чемъ и вотъ какъ должно проявляться участiе нашихъ школъ въ тѣхъ страшныхъ событiяхъ, которыя происходятъ теперь на Дальнемъ Востокѣ. Возбужденiе въ питомцахъ школы патрiотическихъ чувствъ и духа героизма, правильное сообщенiе дѣйствительныхъ, а не измышленныхъ досужею фантазiею народа событiй съ театра войны, расположенiе дѣтей къ жертвамъ въ пользу защитниковъ отечества -- цѣли и задачи въ высшей степени почтенныя, которыя всегда, а въ особенности въ настоящее время, должна преслѣдовать народная школа. И съ увѣренностiю можно сказать, что сѣмя, брошенное на хорошо подготовленную почву—дѣтскую воспрiимчивую душу, принесетъ плодъ сторицею во время свое, къ чему и должна стремиться каждая народная школа.

Свящ. Серанiонъ Брояковскiй.

Редакторъ преподав. Кiевской духовной семинарiи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кiевъ, 27-го декабря 1904 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кiевъ. Университетская типографiя Акц. Общ. П. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 2.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905 года, января 9-го.

Содержаніе: Къ вопросу объ упадкѣ церковной проповѣди.—Пастырскія визитаціи и ихъ значеніе въ современной церковно-приходской практикѣ.—Объ отношеніи русскаго народа къ войнѣ (продолженіе).—Можно ли возводить въ священникъ сапѣ бывшаго въ военной службѣ и поражавшаго враговъ?—Воззваніе.

Къ вопросу объ упадкѣ церковной проповѣди ¹⁾.

Въ № 46-мъ за прошлый годъ журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ перепечатана была небольшая замѣтка: „Къ вопросу объ упадкѣ нашей церковной проповѣди“. Авторъ ея жалуется на то, что за послѣднее время не только нѣтъ знаменитыхъ *витій* — проповѣдниковъ, но и обыкновенныхъ *усердныхъ* проповѣдниковъ. Между тѣмъ, если когда, то именно нынѣ настойтъ, по апостолу, нужда „обличать, запрещать, умолять“ (2 Тим. 4, 2). Причину оскудѣнія церковной проповѣди, особенно въ молодыхъ пастыряхъ, авторъ полагаетъ въ томъ, что духовные войны чаще всего складываютъ свое духовное оружіе потому, что *не видятъ*

¹⁾ Настоящая статья прислана въ Редакцію преосвященнымъ Ректоромъ Казанской дух. Академіи *епископомъ Алексіемъ* при письмѣ отъ 4-го декабря 1904-го года.

толку отъ своихъ проповѣдей, что прихожане, сколько имъ ни говори, все равно продолжаютъ-де дѣлать свое грѣховное дѣло. Авторъ, поэтому, совѣтуетъ проповѣдникамъ быть *скромнѣе* въ своихъ желаніяхъ и требованіяхъ относительно успѣха ихъ проповѣдической дѣятельности, а главнымъ образомъ рекомендуетъ имъ быть *настойчивыми* и *терпѣливыми* сѣятелями Слова Божія. Какъ на примѣръ такой пастырской настойчивости, авторъ указываетъ на Златоуста, которому приходилось иногда *десятками* разъ говорить слушателямъ объ одномъ и томъ же (Бесѣды о статуяхъ).

Мы совершенно согласны съ почтеннымъ авторомъ замѣтки, что проповѣдь церковная за послѣднее время падаетъ,—падаетъ и *количествомъ* усердныхъ проповѣдниковъ, и еще болѣе *качествомъ* ихъ проповѣдей. Согласны и въ томъ, что не хватаетъ у проповѣдниковъ, особенно молодыхъ, начинающихъ, и скромности и терпѣливой настойчивости. Мы также вѣримъ въ силу старинной поговорки: *Gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo*. Хотя, согласно 2 Тим. 4, 2, пастырь-проповѣдникъ и долженъ быть настойчивъ въ проповѣди Слова Божія, но онъ уронилъ бы свое достоинство въ глазахъ слушателей, если бы сталъ проповѣдывать неблагоприятно. Вѣдь недаромъ и апостолъ поставилъ слово „благовременнѣ“ прежде слова „безвременнѣ“ (см. Григорія Двоеслова „Правило пастырское“ 2 ч.).

Мы хотѣли бы глубже взглянуть на такое серьезное дѣло, какъ упадокъ современной церковной проповѣди.

Дѣло понятное: если проповѣдника не слушаютъ, не хотятъ слушать, если онъ не видитъ никакого толку отъ своихъ проповѣдей, то едва ли много найдется мужественныхъ и настойчивыхъ іереевъ, которые, несмотря на все это, станутъ все же продолжать свою дѣятельность проповѣдическую. Напротивъ, не больше ли окажется такихъ, у которыхъ руки опустятся при видѣ такого неуспѣха; которые сочтутъ неловкимъ для себя продолжать еще являться на церковной каедрѣ, когда ихъ проповѣдь не производитъ

надлежащаго впечатлѣнія на слушателей, не удерживаетъ ихъ отъ зла?!. Вотъ и хочется намъ доискаться причины, почему это проповѣдь современная *малодѣйственна*, почему „глаголы“ ея не „жгутъ сердца людей“.

Сила всякаго религіознаго дѣятеля, а тѣмъ болѣе— пастыря Церкви, находится въ зависимости отъ внутренняго приближенія его къ Богу. Пастырь Церкви для совершенія своего великаго дѣла пастырскаго пслучаетъ въ таинствѣ священства особую благодатную силу, которая дѣлается могущественною въ его душѣ только подъ условіемъ живого непрерывнаго общенія его съ Богомъ. Посылая учениковъ на проповѣдь, Христосъ тотчасъ же даетъ имъ обѣщаніе пребывать съ ними во вся дни до скончанія вѣка (Мѡ. 28, 19—20). И ученики, въ свою очередь, призываются пребывать въ Немъ. „Пребудьте во Мнѣ,—говоритъ имъ Господь,— и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ... ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего“ (Іоанн. 15, 4—5). Въ таинствѣ священства каждый священникъ вступаетъ въ самое тѣсное реальное общеніе со Христомъ— вѣчнымъ Архіереемъ и чрезъ это внутреннее единеніе съ Нимъ становится участникомъ священства Христова, дѣлается дѣйствительнымъ священникомъ. Это личное единеніе пастыря съ Пастыреначальникомъ Иисусомъ Христомъ и возвышаетъ его, и дѣлаетъ дѣйствительными всѣ его акты священническіе.

Въ самомъ дѣлѣ, если пастыри и учителя даны міру отъ Христа (Еф. 4, 11), то ясно, что они и могутъ быть сильны только о Христѣ (Филип. 4, 13). Потому-то они и должны быть въ такомъ тѣсномъ внутреннемъ общеніи со Христомъ чтобы каждый изъ нихъ могъ сказать о себѣ вмѣстѣ съ Павломъ: „уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ“ (Гал. 2, 20). Разумѣется, такой пастырь не себя будетъ проповѣдывать, но Христа Иисуса, Господа (2 Кор. 4, 5), и только слово такого именно пастыря будетъ живо и дѣйствительно, какъ слово Самого Христа (Евр. 4, 12). Благовѣ-

ствование такого пастыря можетъ оказаться закрытымъ только для погибающихъ, для невѣрующихъ, у которыхъ богъ вѣка сего ослѣпилъ умы, чтобы для нихъ не возсіялъ свѣтъ благовѣствованія о славѣ Христа (2 Кор. 4, 3—4).

Если же пастырь удаляется отъ источника благодатной силы, уходитъ сердцемъ своимъ отъ Христа, то хотя онъ и не перестаетъ быть законнымъ проводникомъ для своихъ пасомыхъ благодати Св. Духа, но является уже проводникомъ пассивнымъ, не получающимъ отъ Источника жизни ничего для своего собственного оживленія и подкрѣпленія (А. Борисъ. „Записки по П. Б.“. Вып. II, стр. 4). А когда я не со Христомъ, когда нѣтъ во мнѣ Христа, когда я не могу совѣсти сказать Ему: „Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя“, то если бы заговорилъ я тогда съ церковной кафедрой языками человѣческими и ангельскими, все равно я былъ бы лишь мѣдь звенящая или кимваль звучащій, и училъ бы я тогда моихъ пасомыхъ, какъ учили нѣкогда книжники и фарисеи, а не какъ Онъ училъ, власть имѣющій (Иоанн. 21, 15; 1 Кор. 13, 1; Мѡ. 7, 29).

Вотъ гдѣ, други мои сопастыри, главная причина безсилія нашей проповѣди! Причина эта въ томъ, что мы, по недостатку въ насъ сердечной дѣтски-простой и смиренной вѣры во Христа Иисуса, далеки отъ Него, не богопосцы, не христопосцы мы. А безъ Христа, безъ Его благодатной помощи, какой же можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ толкъ въ нашей проповѣди? „И корчемствуемъ словомъ истины, проповѣдуемъ больше для собственной забавы, для прославленія себя въ народѣ, витійствуемъ напоказъ, чтобы удивить толпу многорѣчиемъ“ (Григорія Богослова 3-е слово; блаж. Иеронима „De vita clericorum“). Это во-первыхъ.

Во-вторыхъ, проповѣдуя другимъ, сами-то мы остаемся недостойными (1 Кор. 9, 27). И если кому, то намъ—проповѣдникамъ слѣдуетъ сказать въ лице оное присловіе: „врачъ, исцѣли самого себя!“ (Лук. 4, 23). Verba docent, exempla trahunt. А развѣ поступки наши не опровергаютъ словъ нашихъ?

„Въ самомъ дѣлѣ,—ѣдко замѣчаетъ по нашему адресу бл. Иеронимъ,—это былъ бы прекрасный учитель, который, послѣ сытнаго обѣда, сталъ бы разсуждать о постѣ! Обличать любостыженіе можетъ и разбойникъ. У священника Христова и уста, и мысли, и руки должны быть въ согласіи между собою“ („De vita clericorum“). Онъ долженъ знать и твердо помнить, что, оскверняя себя грѣхомъ, онъ безчеститъ Христа, Который осыятилъ его чрезъ единеніе съ Собою и посвященіе Себя за каждаго пастыря (Іоанн. 17, 23. 19). Вѣдь Христосъ не служителъ грѣху (Гал. 2, 17). Вотъ почему оскверненный грѣхомъ пастырь-проповѣдникъ не только разрываетъ свой пастырскій союзъ со Христомъ, не только становится величайшею *мрезостью предъ Богомъ*, но и въ конецъ роняетъ свое учительское дѣло, потому что, если бы такой пастырь выступилъ съ проповѣдію о добродѣтели или съ обличеніемъ порока, то впалъ бы въ страшное лицемѣріе и подвергъ бы себя извѣстному осужденію Христа Спасителя: „по дѣламъ ихъ не поступайте, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ, связываютъ бремена тяжелыя и неудобноносимыя и возлагаютъ на плеча людямъ, а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ. По наружности они кажутся людямъ праведными, а внутри исполнены лицемѣрія и беззаконія“ (Іоанн. 6, 67; Притч. 15, 26. 9; Мѣ. 5, 19; Мѣ. 23, 3. 4. 28). Дѣло ясное, велика ли цѣна такихъ проповѣдниковъ, если только они рѣшаются выступать глашатаями правды и добра...

Въ-третьихъ, внутреннее реальное общеніе пастыря со Христомъ и достойная священнаго званія и призванія жизнь его являются предпосылками слѣдующаго весьма важнаго условія успѣшности пастырской проповѣди, а именно—*убѣжденности*, или, выражаясь языкомъ библейскимъ, *отры*, живой, сердечной *увѣренности*. Пастырь-проповѣдникъ, всегда и неизмѣнно живущій со Христомъ и во Христѣ, можетъ сказать о себѣ то же, что нѣкогда говорили святые апостолы-проповѣдники: „мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали“ (Дѣян. 4, 20). Такую увѣренность можетъ имѣть

и пастырь-проповѣдникъ, но въ Богѣ и чрезъ Христа, не потому, чтобы онъ самъ былъ способенъ помыслить что-либо отъ себя, какъ бы отъ себя, но способность убѣжденнаго пастыря именно отъ Бога (2 Кор. 3, 4—5). При такой увѣренности пастырь-проповѣдникъ ни въ чемъ посрамленъ не будетъ: вѣдь всякое дерзновенное слово его будетъ направлено лишь къ тому, чтобы и въ жизни и въ смерти убѣжденнаго пастыря-проповѣдника возвеличился Христосъ; вѣдь и живъ-то онъ только о Христѣ, и живетъ и умираетъ все для Христа (Филип. 1, 20—21; Рим. 14. 8). Проповѣдь такимъ образомъ убѣжденнаго пастыря-учителя не будетъ выкрикиваніемъ мало убѣдительныхъ разнаго рода патетическихъ общихъ мѣстъ и фразъ мудрости человѣческой,—нѣтъ, это будетъ проповѣдь вѣры, проповѣдь духа и силы Божіей (1 Кор. 2, 4—5). Такой проповѣди никакая мудрость человѣческая не можетъ противостоятъ. И что удивительнаго, если исполненный вѣры и силы проповѣдникъ увидитъ небо отверстое, увидитъ славу Божію и Самого Иисуса Христа (Дѣян. 6, 8. 10; 7, 55—56)! Думаете ли вы, что такого проповѣдника не стануть слушать?—Нѣтъ, онъ не только съ лукавыхъ душъ сумѣетъ сорвать покровы и громко обличить порокъ,—сумѣетъ онъ и дряхлому міру глаголь обновленія, любви и прощенья изречь. И будьте увѣрены, лишь загремитъ чудесное слово его, всѣ дѣти юдоли, земные скитальцы, будутъ жадно тому слову внимать,—и, быть можетъ, многіе страдальцы дерзнутъ тогда согбенное къ праху чело приподнять. Дивное слово убѣжденнаго пастыря-проповѣдника живѡю струей по ветхому міру помчится, и этотъ міръ озарится зарей упованья и въ небеса устремитъ свои взоры, а оттуда милость Господня, какъ солнце, согрѣетъ міръ грѣшный. Такой пастырь-проповѣдникъ, конечно, можетъ своимъ „глаголомъ жечь сердца людей“, пламенное слово его можетъ проникнуть до глуби сердець.

Епископъ Алексій.

Пастырскія визитаціи и ихъ значеніе въ современной церковно-приходской практикѣ.

Пользуясь своимъ званіемъ пастыря, каждый священникъ имѣеть право и возможность навѣщать пасомыхъ въ ихъ домахъ. Поводомъ для подобныхъ визитацій могутъ служить различныя обстоятельства обще-приходской жизни или же жизни частной каждаго изъ пасомыхъ, напр.: повальная болѣзнь, голодь, засуха, ссоры и неурядицы между членами извѣстной семьи, какое-либо семейное несчастье—покража, пожаръ и мн. т. п. Наконецъ, пастырь можетъ зайти къ прихожанину и безъ всякаго особеннаго повода, а единственно лишь съ цѣлью провѣдать его.

Такого рода посѣщенія, если ихъ разсматривать съ чисто теоретической стороны, въ идеѣ, должны бы имѣть громадное значеніе. Посѣщая пасомыхъ, пастырь можетъ близко и во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ изучить, прежде всего, быть крестьянъ, ихъ нравы, воззрѣнія, разнаго рода привычки и суевѣрія, преобладающіе пороки; затѣмъ—индивидуальныя особенности каждаго прихожанина и т. п. Легко понять, что знаніе всего этого имѣеть для пастыря чрезвычайно важное значеніе и прямо-таки необходимо въ пастырской практикѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чему будетъ пастырь учить своихъ прихожанъ, если онъ не знаетъ ни степени ихъ развѣтія, ни того, что имъ извѣстно, и что не извѣстно? какіе пороки обличать и за какія добродѣтели хвалить, если ни тѣ, ни другія ему совершенно не извѣстны? Равнымъ образомъ, не зная индивидуальныхъ особенностей прихожанина, можетъ ли пастырь наилучшимъ образомъ воспользоваться имѣющимися въ его распоряженіи средствами, даже если бы онъ звалъ тѣ или иные пороки или же добродѣтели своего пасомаго? Всякому извѣстно, что умѣнье приступить къ человѣку, войти въ его довѣріе имѣеть часто гораздо большее значеніе, чѣмъ самыя раціональныя средства „воздѣйствія“.

Въ виду всего этого, повторяемъ, визитаціи, по идеѣ, имѣють громадное значеніе въ качествѣ средства пастырскаго воздѣйствія на прихожанъ. По своему характеру, это средство, прежде всего, практическое, такъ какъ вліяніе здѣсь оказывается путемъ непосредственнаго общенія въ обыкновенныхъ бытовыхъ условіяхъ повседневной жизни; здѣсь необходима близость между пастыремъ и пасомыми, не доходящая, разумѣется, до полного тождества интересовъ, тѣмъ не менѣе требующая глубокаго и сердечнаго проникновенія какъ въ интересы, такъ и въ жизнь пасомыхъ. Въ нашей народной беллетристикѣ и произведеніяхъ публицистическаго характера перѣдко проскальзываетъ мысль, что „народъ цѣнитъ и уважаетъ, главнымъ образомъ, тѣхъ дѣятелей, которые изъ его же среды вышли, своихъ людей, связанныхъ съ нимъ не только физически, но и духовно, кровныхъ близкихъ, а на остальныхъ смотреть, какъ на наемниковъ“¹⁾. Это въ значительной степени вѣрно: народъ нашъ, дѣйствительно, предпочитаетъ и любитъ тѣхъ людей, берущихся быть его руководителями, которые, если не по внѣшности, то, по крайней мѣрѣ, душею близки къ нему, понимаютъ его жизнь, интересы и глубоко сочувствуютъ послѣднимъ. И наше духовенство, по своему историческому прошлому, принадлежитъ именно къ разряду такого рода руководителей, желательныхъ для народа. Оно воспитывало народъ въ далекомъ прошломъ, и само съ нимъ воспитывалось; переносило съ нимъ всѣ невзгоды, бѣдствія и только въ послѣднее время, послѣ 1861 года, нѣсколько отдалилось отъ народа. Значить, и съ этой стороны не можетъ быть особенной помѣхи для развитія и усиленія рассматриваемаго нами средства пастырскаго вліянія на ходъ церковно-приходской жизни. При своемъ практическомъ характерѣ, оно идетъ навстрѣчу потребностямъ и привычкамъ народа, и въ то же время какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ исторической миссіи нашего духовенства. Мало того, и въ

¹⁾ Златовратскій, „Устои“, т. II, стр. 255 - 256.

настоящее время въ положеніи духовенства есть много такого, что, кажется, невольно должно бы было толкать пастырей на путь общенія съ народомъ именно при посредствѣ визитацій, практически - бытовыхъ сношеній. Таковъ, напр., способъ матеріальнаго обезпеченія духовенства во всей почти Россіи и особенно въ губерніяхъ великорусскихъ. Пастырь получаетъ свое содержаніе, за исключеніемъ небольшого казеннаго жалованья, почти цѣликомъ отъ прихожанъ—либо въ видѣ добровольныхъ приношеній, либо въ видѣ опредѣленныхъ договоромъ періодическихъ взносовъ. Какъ бы тамъ ни говорили о неудобствахъ подобнаго рода обезпеченія, во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: оно сближаетъ пастыря съ пасомыми, заставляя ихъ войти въ такія или иныя сношенія и уже этимъ однимъ невольно заставляя пастыря посѣщать пасомыхъ. Церковныя земли, которыми владѣетъ духовенство, также способствуютъ объединенію интересовъ пастырей и пасомыхъ, поставляя ихъ въ одинаковыя условія труда и приближая пастыря къ тому, что составляетъ самое важное въ жизни крестьянина,—къ землѣ и земледѣльческому труду.

Однако, не все такъ бываетъ въ дѣйствительности, какъ кажется въ теоріи. Дѣйствительность говоритъ намъ, что въ современной пастырской практикѣ визитаціи въ собственномъ смыслѣ имѣютъ мѣсто чрезвычайно рѣдко. „Нужно пожалѣть,—говоритъ проф. Пѣвницкій,—что наши пастыри весьма рѣдко обращаются къ этому средству для распространенія церковнаго вліянія на народъ, довольствуясь въ этомъ случаѣ хожденіемъ по приходу въ большіе праздники“¹⁾. Причинъ такого явленія нужно, конечно, искать не въ самомъ средствѣ, не въ визитаціяхъ; какъ таковыя, онѣ не измѣнились, а измѣнились сами люди: измѣнились пастыри, измѣнились и пасомые, такъ что уже не расположены къ братскому общенію въ практическихъ сношеніяхъ, въ визитаціяхъ. Послѣднія

¹⁾ „Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ“.

требуютъ какъ со стороны пастырей, такъ и со стороны пасомыхъ нѣкотораго самоотреченія, отреченія отъ своего „я“ для того, чтобы отдать его на служеніе другому, или же—альтруистическихъ чувствъ. Между тѣмъ, современныя условія приходской жизни у насъ вовсе не благопріятствуютъ альтруизму. 1861 годъ, предоставившій каждому личную свободу, въ связи съ новыми экономическими условіями, созданными народною бѣдностью, значительно усилилъ въ нашей соціально-приходской жизни индивидуалистическія тенденціи. Тѣснимые экономически, крестьяне, въ борьбѣ за существованіе, теряютъ добрую патріархальную нравственность, усваивая постепенно „кулачьи“ принципы. Отсюда въ концѣ концовъ—сектантство (въ его штундистской формѣ), бунты послѣдняго времени, постоянныя жалобы, ослабленіе въ нашемъ простонародьи религіозно-нравственныхъ устоевъ, пьянство, развратъ, озвѣрѣніе и даже вырожденіе крестьянина¹⁾. Объ этомъ говорятъ и наши беллетристы-народники, особенно Г. И. Успенскій. Онъ прямо указываетъ на экономическую индивидуализацію, стремленіе къ наживѣ, какъ основное въ средѣ другихъ стремленій современнаго простонародья. „Какъ ни грустно это вымолвить,—говоритъ онъ,—а еще не одинъ десятокъ лѣтъ предстоитъ намъ присутствовать при все болѣе и болѣе имѣющемъ возрастать стремленіи къ наживѣ во что бы то ни стало,—стремленіи, которому едва ли не придется, на нѣкоторое время, дать дорогу, передъ которымъ надобно будетъ посторониться другимъ, не менѣе основательно вытекающимъ изъ условій русской жизни, стремленіямъ“²⁾.

Само собою понятно на основаніи сказаннаго, что современный русскій крестьянинъ далеко не всегда можетъ быть

¹⁾ Свящ. Смирягинъ; „Интеллигенція и народъ“ (въ книгѣ приведено множество корреспонденцій по указаннымъ вопросамъ изъ различныхъ журналовъ и газетъ).

²⁾ Полн. собр. соч., т. VII, стр. 95.

расположенъ идти навстрѣчу пастырю, даже если бы послѣдній, воодушевленный искреннею любовію къ прихожанамъ, обратился, съ цѣлью духовно-религіознаго воздѣйствія на нихъ, къ усиленнымъ визитаціямъ: въ лучшемъ случаѣ—крестьянинъ безучастно, а то и съ притворнымъ интересомъ, слушалъ бы „батюшку“, продолжая, однакоже, дѣлать то, что считаетъ для себя выгоднымъ; въ худшемъ же—даже насмѣялся бы еще надъ нимъ, прямо въ глаза, что нерѣдко и случается въ Южной Россіи. Изрѣдка, впрочемъ, встрѣчаются и счастливыя исключенія. Такъ, напр., изъ Уфимской епархіи пишутъ: „отношенія прихожанъ къ причтамъ въ большинствѣ случаевъ—самыя желательныя; священникъ пользуется общимъ уваженіемъ и довѣріемъ прихода; онъ всегда дорогой и желанный гость, и многіе въ присутствіи священника не посмѣютъ сѣсть“¹⁾. Но пусть эти же самые „уважаемые“ пастыри пойдутъ за „сборомъ“... картина внезапно измѣняется до полной неузнаваемости. Прихожанинъ становится рѣзкимъ и грубымъ..

Какъ ни печально это, а нужно сознаться, что нашъ современный крестьянинъ не особенно-то расположенъ къ пастырскимъ посѣщеніямъ, даже если священникъ прибѣгаетъ къ нимъ съ самыми безкорыстными и благими намѣреніями. Къ сожалѣнію, и наши пастыри очень рѣдко бываютъ расположены къ этому. Просматривая современные духовные журналы, не часто встрѣтишь примѣры ревностной пастырской дѣятельности, при чемъ на эти примѣры всегда указывается, какъ на нѣчто особенное, исключительное, что ясно показываетъ, каковы обыкновенные, такъ называемые средніе пастыри. Въ тонъ этому встрѣчаются частыя жалобы въ свѣтской печати на отсталость и обскурантизмъ духовенства, на его корыстолюбіе и проч. Наконецъ, и въ современной беллетристикѣ выводится достаточно пастырскихъ типовъ того же направленія. Здѣсь всѣ современные пастыри под-

¹⁾ Уф. еп. вѣд. 1901 г., стр. 577.

водятся подъ категорію „старыхъ“ и „новыхъ“, изъ которыхъ первые страдаютъ недостатками своихъ пасомыхъ (пьянствомъ, невѣжествомъ и пр.), а вторые представляютъ изъ себя чиновниковъ, занятыхъ исключительно своими личными интересами, а не *пасеніемъ* ввѣреннаго имъ стада ¹⁾). Послѣдній типъ является преобладающимъ.

Если ко всему сказанному прибавить еще далеко не доброжелательное отношеніе интеллигенціи къ духовенству, а также всей почти,—по крайней мѣрѣ, средней и низшей,—гражданской бюрократіи, каковое отношеніе стоитъ къ разсматриваемому нами вопросу въ довольно близкой связи (примѣръ и высказываемое нерѣдко вслухъ мнѣніе бюрократіи легко заражаютъ простонародье), то мы исчерпаемъ всѣ главнѣйшія причины, которыя въ наше время тормазятъ развитіе пастырскихъ визитацій.

Не трудно видѣть, что, при наличности этихъ причинъ, всѣ разсмотрѣнныя нами выше благопріятныя для визитацій условія мало имѣютъ значенія, а потому и самое это дѣло должно считать едва ли не погибшимъ, если, конечно, не случится какой-нибудь благопріятной перемѣны въ самихъ пастыряхъ и пасомыхъ.

Однакоже это не значитъ, что визитацій теперь совершенно нѣтъ. Онѣ-то есть, но совершенно въ иной формѣ,—онѣ замѣняются въ наше время частными приглашеніями пастырей по разнымъ экстреннымъ случаямъ (освященіе дома, крестины, молебствія и др.), а также посѣщеніями въ праздники Рождества Христова, Пасхи, когда собственно для пастырскаго воздѣйствія и изученія остается очень мало времени.

Въ случаяхъ перваго рода пасомые приглашаютъ пастыря скорѣе по установившемуся обычаю, офиціально, для исправленія требы и участія въ закускѣ. Въ визитаціяхъ же втораго рода уже самъ пастырь вынуждается сокращать свое

¹⁾ Вятск. еп. вѣд. 1903 г., № 22, стр. 1029.

посѣщеніе до 5 и даже до 3 минутъ, потому что ему нужно въ нѣсколько дней посѣтить всѣхъ пасомыхъ, а количество ихъ нерѣдко доходитъ до 400—500 и больше дворовъ.

Недавно въ одномъ изъ епархіальныхъ органовъ совѣтовалось, для устраненія этого неудобства, обходить пасомыхъ поочередно: въ праздникъ Рождества Христова одну половину прихода, въ праздникъ Пасхи—другую. Но съ этимъ едва ли можно согласиться. Быть можетъ, тотъ, кого пастырь посѣтитъ на Рождество, желалъ бы этого посѣщенія именно на Пасху- и наоборотъ. Кромѣ того, изъ приведеннаго нами выше отрывка изъ Уфимскихъ епархіальныхъ вѣдомостей видно, что при пастырскихъ визитаціяхъ большое значеніе имѣетъ то, съ какою цѣлью пастырь посѣщаетъ прихожанъ; а вѣдь на Рождество и на Пасху съ этими посѣщеніями неразрывно связано и вознагражденіе, вслѣдствіе чего праздничныя визитаціи, какъ и указанія раньше по разнымъ случаямъ, которыя имѣютъ мѣсто въ современной пастырской практикѣ, не могутъ быть названы визитаціями въ собственномъ смыслѣ, т. е. исключительно для религіозно-церковныхъ цѣлей. Таковыхъ, именно какъ общеизвѣстныхъ средствъ пастырской практики, въ наше время не существуетъ. Остаются онѣ лишь въ области возможности и частной инициативы, гдѣ найдется сильный духомъ и преданный своему дѣлу пастырь, который своимъ примѣромъ и вліаніемъ сумѣетъ заставить прихожанъ идти ему навстрѣчу въ этомъ дѣлѣ.

Л—скій.

Объ отношеніи русскаго народа къ войнѣ.

(Продолженіе ¹⁾).

Само собою разумѣется, что такой взглядъ нашего народа на войну не стѣснялъ въ немъ патріотическаго чувства, а давалъ полный просторъ его проявленію. Русскій народъ всегда дружно отзывался на царскій призывъ къ оружію, безропотно шелъ на поле брани и стойко перенесилъ всѣ невзгоды военнаго времени. Были въ нашей исторіи войны и особенно популярныя, когда народъ нашъ неудержимо рвался въ бой и упреждалъ своимъ голосомъ о началѣ войны царскій призывъ къ ней. Такова, напр., была послѣдняя русско-турецкая война, во время которой на защиту братьевъ нашихъ—славянъ являлись въ армію, въ качествѣ добровольцевъ, старики и люди, переступившіе границу зрѣлаго возраста и убѣленные сѣдинами. Чтѣ влекло ихъ на войну въ чужомъ краѣ?—Страданія единовѣрныхъ братьевъ, то вѣками воспитанное уваженіе къ православной вѣрѣ, которое не могло потерпѣть поруганія ея и въ другомъ народѣ, родственномъ ему по ней и по крови,—то состраданіе братьямъ въ несчастіи, которое такъ живо билось въ русской душѣ, потому что русскій народъ самъ много выстрадалъ на своемъ вѣку, и которое дѣлало страданія другихъ такъ понятными и близкими ему, что онъ не могъ смотрѣть на нихъ сложа руки... Не жажда крови, а отвращеніе къ пролитію единовѣрной крови толкало народъ на войну, въ которой онъ рѣшилъ „мечомъ побѣды“ положить предѣлъ турецкому изувѣрству. Словомъ, здѣсь воинственный подъемъ народа вытекалъ изъ самыхъ возвышенныхъ побужденій сострадательной любви. Однако, и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда раздавался царскій призывъ къ оружію, и когда необязанные военной службой бросали семьи, близкихъ, друзей, дѣла и шли въ армію,—

¹⁾ См. № 1-й за 1905 г.

это воинственное одушевление народа было не чѣмъ инымъ, какъ пробужденіемъ его глубокаго патриотизма:

Русь не шелохнется,
Русь, какъ убитая,
А загорѣлась въ ней искра сокрытая...

Та самая искра, которая заронена въ русскую душу патриотическимъ пламенемъ съ полей Куликовскаго и Бородинскаго и изъ стѣнъ сожженной Москвы... На знамени всѣхъ русскихъ войнъ для народа нашего начертаны были завѣты: за вѣру, царя и отечество. И кто дерзнулъ бы сказать, что это было не такъ, что русскій народъ преслѣдовалъ въ бою инныя цѣли, шелъ на войну не изъ этихъ, а изъ другихъ побужденій, напр., по любви къ самой войнѣ, по увлеченію ею, по страсти къ сильнымъ и грубымъ ощущеніямъ, изъ побужденій хищничества и пр. т. п.?

Нѣтъ, (его) одушевляло къ бою
Не чревобѣсіе меча,
Не звѣрство янычаръ ручное
И не покорность палача!
Другая мысль, другая вѣра
У русскихъ билася въ груди... (Ө. Тютчевъ).

Они выступали за честь и славу отечества, за его миръ, цѣлость и мощь. Зная по опыту, какъ опасно дать врагу усилиться, не оказавши во-время дружнаго отпора его притязаніямъ, они тѣмъ самымъ оберегали всенародное благополучіе, обезпечивая народнымъ силамъ безпрепятственное проявленіе и развитіе въ сложившемся направленіи. Почитая основою народнаго благополучія православную вѣру, они сражались и за нее съ тѣмъ, чтобы предохранить еѣ отъ всякаго внѣшняго стѣсненія и проложить ей путь къ большому и большому распространенію и торжеству въ людяхъ. Особенно примѣтно религиозный характеръ войны выступалъ, конечно, въ русскихъ войнахъ съ языческими народами—татарами, турками, а теперь выступаетъ въ войнѣ съ япон-

цами. Въ этихъ случаяхъ война была для Россіи какъ бы религіозной миссіей, религіознымъ подвигомъ, который она совершала въ увѣренности, что борется за правое дѣло, за торжество своей вѣры надъ невѣріемъ, св. креста надъ полумѣсяцемъ. Съ другой стороны, Русь всегда вѣрила, что царь ея стоитъ на стражѣ ея благополучія,—и разъ онъ зоветъ на брань, она откликалась на зовъ его единодушно, не медля и не колеблясь, какъ бы инстинктивно понимая, что въ этомъ единодушіи—залогъ народной крѣпости, а въ сомнѣніяхъ и разъединеніи—начало народнаго разстройства. Тотъ народъ не народъ и не имѣетъ будущности, который въ минуту опасности не обнаруживеатъ живого чувства этой опасности, а равнодушно раздумываетъ о величинѣ и серьезности ея и о томъ, стоитъ ли ему подниматься на отраженіе ея. Пока онъ такъ думаетъ, опасность, бывшая сначала, можетъ быть, и небольшой, тѣмъ временемъ можетъ увеличиться: врагъ соберется, усилится, нанесетъ противнику серьезный уронъ, внесетъ въ ряды его малодушіе, а самъ наберется мужества, съ которымъ считаться станетъ труднѣе. Богъ пока миловалъ нашъ народъ отъ такого пагубнаго разъединенія. Наученный опытомъ, ко всякой опасности, какова бы она—велика или мала—ни была, онъ относился съ живымъ и острымъ чувствомъ ея; тревога за отечество съ быстротою электрическаго тока передавалась отъ одного другому, сообщалась всѣмъ и каждому; народъ отзывался на отраженіе опасности дружно,—и въ этомъ сказывался глубокій патріотизмъ его, воспитанный вѣками, всегда спѣшившій „мечомъ побѣдъ“ пресѣчь войну и прекратить кровопролитіе. Слѣдовательно, живость патріотическаго чувства въ нашемъ народѣ не обозначала увлеченія кровопролитіемъ; не любовь къ войнѣ, какъ войнѣ, сказывалась въ народномъ одушевленіи, а стремленіе скорѣе возстановить желанный миръ. О чемъ же можетъ говорить замѣчаемая теперь въ нѣкоторой части нашего общества притупленность патріотическаго чувства? Что могутъ означать эти пока, слава Богу, разрознен-

ные голоса противъ войны, эта медлительность и нежеланіе, замѣчаемая у иныхъ, слѣдовать военному призыву?— Не хотимъ вѣрить, чтобы они сознательно желали своему отечеству униженія, а братьямъ своимъ, такъ мужественно защищающимъ честь русскую, погибели, оставивши ихъ безъ своей, такъ необходимой имъ, поддержки. Это не русское дѣло—быть равнодушнымъ къ пролитію родной крови; это—злое внушеніе, навѣянное какимъ-то недругомъ! Русской душѣ свойственно съ жаромъ отзываться на помощь своимъ братьямъ въ ратномъ дѣлѣ. Изъ глубины вѣковъ намъ слышится этотъ урокъ, завѣщанный св. братьями Борисомъ и Глѣбомъ, которые изъ того міра явились на помощь св. Александру Невскому въ борьбѣ его со шведами. Съ тѣхъ поръ завѣтъ этотъ всегда свято соблюдался нашимъ народомъ, и ужели, вправду, настало теперь время позабыть его или пренебречь имъ? Вѣдь если бы востали изъ своихъ могилъ прежніе богатыри-защитники нашей родины, сложившіе за нее свои кости, они не узнали бы въ этихъ малодушныхъ людяхъ нашего времени своихъ потомковъ... Но вѣрится, что это малодушіе—минутное самозабвѣтье; что въ людяхъ, подпавшихъ ему, проснется русская душа съ ея патріотизмомъ, съ ея готовностью постоять за честь родины и тѣмъ искупить въ нихъ грѣхъ минутнаго забвенія отцовскихъ завѣтовъ.

Въ воинственномъ одушевленіи русскаго народа всегда выступалъ, сказали мы, глубокой патріотизмъ его, чуждый инстинкта кровожадности, напротивъ—проникнутый стремленіемъ дружнымъ отпоромъ врага пресѣчь кровопролитіе. Такое направленіе патріотическаго чувства выражалось даже тамъ, гдѣ всего меньше можно ожидать этого,—на полѣ брани, въ тѣхъ обычаяхъ и правилахъ, которые покопъ вѣковъ наблюдаетъ нашъ народъ въ веденіи войны. Эти обычаи и правила проникнуты неподдѣльною гуманностью. Какъ ни много войнъ вела Россія, но, по справедливому слову поэта, обращенному къ ней, „въ звѣра“ она „не обратилась“ (К. Аксаковъ). Рус-

скій воинъ никогда не становился на войнѣ палачемъ. Это признають и иностранцы, свидѣтельствующіе, что нашъ воинъ не перевоплощается на полѣ брани въ такого оруженосца, въ которомъ нельзя было бы узнать добраго пахаря-земледѣльца. Если для кого, то въ особенности для нашего воина отнятіе человѣческой жизни не входитъ непременно въ его намѣренія, и не есть его настоящее дѣло; русскій народъ по преимуществу уважаетъ военную доблесть не за совершаемыя на войнѣ убійства, а *несмотря* на эти убійства. Ихъ можетъ и не оказаться, а доблесть и уваженіе къ ней останутся тѣ же. „Такъ, напр., морякъ, съ опасностью жизни выловившій торпеды, или солдатъ, заклепавшій ~~не~~непріятельскія орудія, хотя бы при этомъ не было убито ни одного человѣка, получаютъ такую же и еще большую военную славу, какъ и начальникъ пѣхотнаго отряда, отважно взявшій непріятеля въ штыки, или какъ капитанъ, взявшій непріятельское судно на абордажъ“ (Вл. Соловьевъ, „Три разговора о войнѣ“. Приложенія, стр. 208. СПБ. 1904 г.). Цѣль войны—безопасность, и русскій воинъ предпочитаетъ за лучшее достигать ея по возможности безъ грубаго насилія, безъ излишняго кровопролитія. Въ нашихъ легендарныхъ сказаніяхъ о славныхъ воинахъ-богатыряхъ прославляется ихъ удивительная стойкость или же ихъ отвага, удаля, рискующая своею жизнью, а не грубое насиліе, безощадно отнимающее жизнь у противника. Достоинно замѣчанія, что мы болѣе искусны, по общему сужденію, въ самооборонѣ, чѣмъ въ наступленіи, т. е. тамъ, гдѣ починая убіенія людей принадлежитъ не намъ. Какъ открывается отсюда, русскій народъ и на войнѣ отличаетъ убіеніе отъ убійства, остерегаясь обращать взятый имъ на себя подвигъ самопожертвованія *за други своя* и за идею въ *личное злодѣйство, невынужденное* насиліе, въ неправду. Убіеніе съ рискомъ самому быть убитымъ—и, слѣдовательно, вынужденное—не сопровождается въ воинахъ мучительными угрызеніями совѣсти, а даритъ ихъ сознаніемъ честно исполненнаго долга. У Вл. С. Соловьева въ „Трехъ разговорахъ о войнѣ“

генеральъ разсказываетъ, что онъ, послѣ кровопролитной стычки, въ которой сотня его не щадила жизни за други своя, переживалъ на душѣ „свѣтлый праздникъ“. „Тишина какая-то,—разсказывалъ генераль,—и легкость непостижимая, точно съ меня вся нечистота житейская смыта, и всѣ тяжести земныя сняты“... (стр. 33). Конечно, и съ нашими воинами бывають случаи болѣе или менѣе грубыхъ увлеченій боемъ; по лѣтописи нашихъ войскъ не знаютъ того грубаго насилія, которое выражалось бы, напр., въ убіеніи непріятеля, положившаго оружіе, или еще хуже—въ добиваніи врага, упавшаго отъ ранъ. Великодушіе русскаго солдата въ обращеніи его съ врагомъ безиримѣрно. Даже тамъ, гдѣ озлобленіе противъ него было бы такъ естественно и повятно, напр., при отраженіи непріятеля изъ родной земли, имъ безпощадно разграбленной и оскверненной,—и тамъ великодушіе къ плѣннику не измѣняло нашему воину. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько строкъ, доказывающихъ нашу мысль, изъ знаменитаго описанія Отечественной войны 12-го года. Дѣло было уже при изгнаніи французовъ изъ Россіи, во время Красненскаго сраженія, незадолго до переправы французовъ черезъ Березину. Былъ первый день трехдневнаго сраженія. Когда Кутузову допесли объ исходѣ боя и о взятіи въ плѣнъ 7 тысячъ голодныхъ, оборванныхъ, полураздѣтыхъ и полузамерзшихъ французовъ, онъ сказалъ, обращаясь къ своимъ солдатамъ и офицерамъ:

— Благодарю всѣхъ за трудную и вѣрную службу. Побѣда совершенная, и Россія не забудетъ васъ. Вамъ слава во вѣки!

Пока солдаты кричали—ура!—въ отвѣтъ на слова главнокомандующаго, онъ, „согнувшись на сѣдлѣ, склонилъ голову, и глазъ его ¹⁾ засвѣтился кроткимъ, какъ будто насмѣшливымъ блескомъ.

¹⁾ Кутузовъ, какъ извѣстно, былъ кривой.

— Вотъ что, братцы...—сказаль онъ, когда замолкли голоса.

И вдругъ голосъ и выраженіе лица его измѣнилось: пересталь говорить главнокомандующій, а заговорилъ простой, старій человѣкъ, очевидно, что-то самое нужное желавшій сообщить теперь своимъ товарищамъ.

Въ толпѣ офицеровъ и въ рядахъ солдатъ произошло движеніе, чтобы яснѣе слышать то, что онъ скажетъ теперь.

— Вотъ что, братцы. Я знаю, трудно вамъ, да что же дѣлать! Потерпите; недолго осталось. Выпроводишь гостей, отдохнемъ тогда. За службу вашу васъ царь не забудеть. Вамъ трудно, да всё же вы дома; а они—видите, до чего они дошли,—сказаль онъ, указывая на плѣнныхъ:—хуже нищихъ послѣднихъ. Пока они были сильны, мы себя не жалѣли, а теперь ихъ и пожалѣть можно. Тоже и они люди. Такъ, ребята?

Онъ смотрѣль вокругъ себя, и въ упорныхъ, почтительно недоумѣвающихъ, устремленныхъ на него взглядахъ онъ читаль сочувствіе своимъ словамъ: лицо его становилось всё свѣтлѣе и свѣтлѣе отъ старческой кроткой улыбки, звѣздами морщившейся въ углахъ губъ и глазъ“ (Война и миръ, т. IV, стр. 232—233). Затѣмъ на глазахъ Кутузова показались слезы; онъ, очевидно, находился въ сильномъ волненіи.

И такъ не одинъ Кутузовъ, а всё солдаты, всё русскіе люди относились къ плѣннымъ. Они кормили ихъ, отогревали, одѣвали и обували, окружали ихъ лаской. Такъ было всегда, во всякую войну. Для русскаго воина истиннымъ товарищемъ его является не только тотъ,

Кто первый въ бой летить,
но кто, въ то же время, и „слабость падшаго щадить“. Вотъ какъ изобразилъ съ этой стороны нашего воина, вообще русскаго человѣка поэтъ (Э. Щеглинскій):

Ты грозный левъ въ потокахъ крови,
Передъ тобой трепещеть врагъ;
Но бой лишь смолкъ—ты полнь любви,—

И плѣнникъ знаетъ твой очагъ...
 Въ твоёмъ шатрѣ его встрѣчаетъ
 Гостепрѣимство и покой,
 За дружной чашею съ тобой
 Онь плѣнь и раны забываетъ.
 И непреклонный врагъ Христа,
 Подъ сѣнью русскаго креста,
 Такъ безмятежно дни проводитъ,
 Какъ бы въ странѣ родной своей,
 И въ побѣдителяхъ друзей
 Онь съ удивленіемъ находитъ.

Послѣ боя врагъ для русскаго воина перестаетъ быть врагомъ; плѣнникъ дѣлается гостемъ, покоренный—своимъ человѣкомъ. Крымъ, Кавказъ, Восточная Россія, Сибирь, западныя окраины—всѣ покоренныя Россіей народы—нераздѣльно слились съ нею. Когда-то страшные и ненавидимые для насъ татары перевоплощаются въ русскихъ и даже между собою начинаютъ говорить по-русски. Русскій народъ обладаетъ огромной духовно подчиняющей и перевоспитывающей силой, и это свое вліяніе на врага онь начинаетъ съ великодушія, съ уваженія въ обращеніи съ нимъ на полѣ брани.

А. Волгинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Можно ли возводить въ священный санъ бывшаго въ военной службѣ и поражавшаго враговъ?

Подобный вопросъ предложенъ былъ (въ 1880 г.) преосв. Саввою, архіеп. Тверскимъ, преосв. еп. *Алексію* (Лаврову), извѣстному канонисту, при чемъ преосв. Алексій далъ слѣдующій отвѣтъ:

„1) Въ 83 правилѣ, свв. апостоль читаемъ: „Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, въ воинскомъ дѣлѣ упражняющійся и хотящій удержати обоє“, т. е. римское начальство и священническую должность, „да будетъ изверженъ изъ священнаго сана“. Слѣдовательно, хотящій удержати одно, т. е. священническую должность, не будетъ изверженъ, и, слѣдовательно, и оставившій воинское дѣло можетъ получить священническую должность.

2) Въ 7 правилѣ IV вселенскаго собора: „Вчипеннымъ единожды въ клиръ и монахамъ опредѣлили мы не вступати ни въ воинскую службу, ни въ мірскій чинъ, иначе дерзающихъ на сію и невозвращающихся съ разкаяніемъ къ тому, что прежде избрали для Бога, предавати анаѣмъ“. И отсюда выводится та же мысль. Въ толкованіяхъ Вальсамона, Зопары и Аристина на сказанныя правила представляется нѣсколько разъясненій, приводящихъ къ той же мысли.

3) Въ Пространномъ христіанскомъ катихизисѣ, въ ученіи о 6 заповѣди, второй вопросъ слѣдующій: „В. Всякое ли отнятіе жизни есть законопреступное убійство? О. Не есть незаконное убійство, когда отнимаютъ жизнь по должности, какъ-то: когда убиваютъ непріятели на войнѣ за государя и отечество“.

4) Примѣровъ допущенія людей военныхъ до священства и даже до архіерейства мнѣ извѣстно нѣсколько. Преосв. Леонидъ ¹⁾ былъ въ военной службѣ и могъ застрѣлить непріятели. Соловецкій архимандритъ Александръ ²⁾ въ 1854 г. и дѣйствительно стрѣлялъ въ англичанина и, можетъ быть, и дѣйствительно застрѣлилъ хотя одного человѣка, и однакоже

¹⁾ Красношѣвковъ. † архіеп. Ярославскимъ, до 1838 г. — поступленія въ Сиб. д. Академію — былъ лейтенантомъ флота.

Примѣч. издателя „Автобіографич. Записокъ“ архіеп. Саввы.

²⁾ Павловичъ, внослѣдствіи еп. Полтавскій. † на покоѣ 8 ноября 1874 г.

Примѣч. издателя „Автобіографич. Записокъ“ архіеп. Саввы.

получилъ архіерейство. Въ Лаврѣ¹⁾ былъ іеромонахъ Никонтъ Голохвастовъ, прежде бывшій полковникомъ и, можетъ быть, убивавшій непріятеля, напр., въ венгерскую кампанію... Настоящій Задонскій архимандритъ Димитрій также изъ офицеровъ.

Изъ сихъ основаній и примѣровъ вывожу заключеніе, что военные люди²⁾ могутъ получить священный санъ“.

Къ справкамъ преосв. Алексія архіеп. Савва добавляетъ отъ себя: „Въ мѣсяцесловѣ Вершинскаго, подь 12 ч. октября (стр. 163), о св. Мартинѣ епископѣ сказано, что онъ сначала воеводствовалъ и поражалъ враговъ, впоследствии облекся въ черныя ризы и былъ поставленъ епископомъ въ г. Константинь, въ Галилеѣ (ср. Прологъ подь тѣмъ же числомъ)“.

(Изъ „Автобіографическихъ Записокъ“ архіеп. Тверског³⁾ Саввы въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за ноябрь 1904 г., стр. 313—315).

В о з з в а н і е.

Христоролюбивые Благодѣтели!

Въ селѣ Дерновѣ строится каменный храмъ во имя Святителя и Чудотворца Николая. Денегъ въ храмъ нѣтъ. Откликнитесь, Благодѣтели, на мой зовъ, на мое всеусерднѣйшее прошеніе, помогите, кто чѣмъ можетъ. Святитель Николай, за Ваше усердіе не оставитъ Васъ своими молитвами предъ Престоломъ Бога Всевышняго. И мы, служащіе алтарю Господню, будемъ молить милосердіе Божіе оказать Вамъ милость на землѣ и на небѣ. Скажи, добрый братъ, свое имя, я буду молиться за тебя, а есть родной покойникъ, дорогой сердцу твоему, скажи и его имя, я помяну его на проскомидіи, и отрадно ему будетъ. И тебя, добрый Датель,

¹⁾ Московскоѣ Троице-Сергіевой.

Господь помянетъ въ день скорби твоея, въ часъ кончины твоей и за гробомъ. Будьте милосерды!

Села Дернова Священникъ Александръ Тихомировъ.

Адресъ: С.-В. ж. д. ст. Мятлево, Калужской губерніи, въ село Дерново, священнику *Александру Аванасьевичу Тихомирову*, предсѣдателю ц.-пр. попечительства.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 2-го января 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 3.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года января 16-го дня.

Содержаніе: О жалованьѣ духовенству и добротныхъ даяніяхъ.—Насто-
тельная нужда въ хорошихъ псаломщикахъ.—Объ отношеніи рус-
скаго народа къ войнѣ (окончаніе).

О жалованьѣ духовенству и добротныхъ да- яніяхъ.

Вопросъ о жалованьѣ духовенству нерѣдко поднимался и въ духовной и въ свѣтской печати. Были мнѣнія и за и противъ, при чемъ сторонниками жалованья обычно съ недостаточною ясностью освѣщается вопросъ о добротныхъ даяніяхъ въ качествѣ средствъ содержанія духовенства, т. е. о той роли, какую будутъ играть эти даянія при обезпеченіи духовенства приличнымъ жалованьемъ,—а они (даянія) могутъ остаться и при жалованьѣ. Не помѣшаютъ ли они достиженью главной цѣли, которая преслѣдуется назначеніемъ жалованья?—Цѣль эта состоитъ не въ томъ только, чтобы обезпечить духовенство отъ бѣдности, а въ томъ, главнымъ образомъ, чтобы избавить его отъ униженій, соединенныхъ

съ полученіемъ подаяній, парализующихъ высокую дѣятельность служителей Церкви. И что лучше—оставить ли добровольныя даянія, какъ дополнительныя средства содержанія духовенства при жалованьѣ, или совершенно исключить ихъ изъ средствъ его обезпеченія?

Нѣкоторые склоняются къ первому, т. е. къ мысли объ удержаніи духовенствомъ за собою права пользованія добротными даянiями, основываясь на существующемъ разграниченіи всѣхъ требоисправленій и службъ церковныхъ на два разряда: *обязательныя* и *необязательныя*. *Обязательныя*—это таинства, обрядъ погребенія и богослуженіе общественное въ храмѣ; *необязательныя* — прочія требъ, совершаемыя по просьбѣ и благочестивому желанію частныхъ лицъ. При этомъ разсуждаютъ такъ: если духовенство, съ назначеніемъ жалованья, будетъ исполнять оба рода требъ бесплатно, то оно будетъ завалено дѣломъ, такъ какъ число необязательныхъ требъ чрезмѣрно увеличится; а если каждый будетъ пользоваться бесплатными услугами духовенства, то необходимо оставить за послѣднимъ право на добровольное вознагражденіе за необязательныя труды.

Что сказать по поводу этого мнѣнія?—То, прежде всего, что несправедливо слишкомъ строго разграничивать труды духовенства на обязательныя и необязательныя. Правда, исполненіе необязательныхъ требъ зависитъ часто отъ количества вознагражденія, и духовенство тогда уклоняется отъ этого труда за недостаточностью платы; но это-то именно и не желательно, — для искорененія этого-то и нужно принимать мѣры, а отнюдь не создавать новыхъ препятствій къ единенію прихода съ пастыремъ. Желательно поставить дѣло такъ, чтобы пастырь приходилъ не только по просьбамъ своихъ чадъ въ ихъ домъ, но и самъ, слыша о духовныхъ ихъ нуждахъ, посѣщалъ ихъ для преподанія надлежащаго наставленія и утѣшенія въ молитвѣ. А если священникъ отказывается удовлетворить молитвенное чувство своихъ духовныхъ чадъ, не идетъ въ домъ даже по просьбѣ, такъ какъ не падѣтся

на достаточное вознагражденіе за трудъ, то при такихъ условіяхъ нечего и думать о единеніи его съ прихожанами; онъ—наемникъ, а не пастырь. Такую именно роль играютъ отдѣльныя добровольныя даянія: они невольно заставляютъ духовенство помышлять больше о себѣ, чѣмъ о пастырскомъ дѣлѣ и долгѣ. Что ни треба, то доходъ, и трудно воздержаться отъ мысли и соображенія о вознагражденіи, какое получишь за требу, даже среди молитвенныхъ вздоховъ. Отраднo, что встрѣчаются такіе священники, которые избѣгаютъ даже смотрѣть въ руку послѣ полученія вознагражденія,—прекрасное средство для побѣды духа надъ плотью; но всѣмъ ли, и притомъ легко ли достается эта побѣда духа надъ плотью?..

Нѣтъ, надо заботиться объ уничтоженіи этихъ добровольныхъ даяній; пусть ихъ при жалованьѣ совсѣмъ не будетъ, или пусть, по возможности, они сами собою выводятся изъ средствъ содержанія духовенства, не находя сторонниковъ резонности своего существованія. Они стѣсняють духовенство, не даютъ ему возможности развернуть во всей широтѣ силу нравственнаго вліянія въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго преусищанія общества, подавляютъ и принижаютъ его духъ. Добровольныя даянія (разумѣемъ даянія отдѣльныхъ лицъ) не заслужили бы осужденія только въ томъ случаѣ, если бы они получались духовенствомъ для него самого незамѣтно—въ кружку, напр.; но мы видимъ, что это не соблюдается на практикѣ иногда по затруднительности постоянно носить кружку (да не всегда и прилично это), а главнымъ образомъ потому, что духовенство боится чрезъ кружку потерять значительную долю дохода: въ кружку кладутъ меньше, и трудъ, такимъ образомъ, недостаточно оплачивается. Общепринятый теперь способъ—давать священнику въ руку за труды иногда прямо подрываетъ религіозное чувство молящихся, такъ какъ часто оказывается для нихъ непосильнымъ и почти, что вынужденнымъ. Вслѣдствіе того, что даянія служатъ, на самомъ дѣлѣ, наградой за труды духовенства, они и не могутъ быть всецѣло *добровольными*, и въ сущности

нельзя назвать ихъ даже *даяніями*, потому что даяніе, или даръ, дается безотносительно къ качеству и количеству труда, только какъ знакъ любви и расположенія къ извѣстному лицу, чего не видимъ въ „даяніяхъ“ духовенству. Послѣднія всегда пріурочиваются къ богослуженію и требамъ, въ награду за совершеніе которыхъ духовенство и получаетъ мзду, въ видѣ опредѣленной суммы денегъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ установлена опредѣленная плата: за погребеніе столько-то, за молебенъ въ домѣ столько-то и т. п. Мы знаемъ нѣсколько примѣровъ, когда священники отказывались посѣщать дома прихожанъ съ крестомъ и св. водой, если имъ въ одномъ, другомъ, третьемъ домѣ не давали положенной суммы. Это, разумѣется, было въ сельскихъ приходяхъ. Но и въ городскихъ дѣло обстоитъ не иначе: нѣкоторые іереи оставляютъ пяточки, подаваемые въ домахъ при „хожденіяхъ“, на столѣ, считая оскорбительнымъ для себя получать такую ничтожную мзду. И въ этомъ священника винить всецѣло нельзя. Семейныя условія, интеллигентность священника, заставляющая его искать кое-чего повыше пищи и одежды, а, съ другой стороны, невѣжество крестьянина, который больше судитъ по себѣ и не понимаетъ нужды пастыря,—эти причины не даютъ возможности духовенству довольствоваться добротными даяніями, а вынуждаютъ его обращаться къ болѣе надежному способу обезпеченія—полученію платы по опредѣленной таксѣ. Но здѣсь именно и заключается источникъ тѣхъ недоразумѣній, даже судьбищъ изъ-за „даяній“, которыя, въ концѣ концовъ, тяжело падаютъ на голову бѣднаго духовенства. Скоро ли наступитъ этому конецъ? скоро ли положено будетъ начало чистой, безкорыстной молитвѣ служителей св. алтаря?—Это желанное время наступитъ, думается, только съ назначеніемъ духовенству приличнаго жалованья взаменъ всѣхъ такъ называемыхъ добровольныхъ даяній. Но пусть даже эти даянія останутся,—только не дай Богъ, чтобы они попрежнему соединялись съ богослуженіемъ, получались послѣ требъ, какъ награда за труды. Въ этомъ вся наша бѣда.

Бояться, что духовенство, лишенное при жалованьи права получать добровольныя даванія, будетъ слишкомъ обременено дѣломъ, совершенно вѣтъ основаній. Это все равно, что бояться роста медицинской помощи, увеличенія народныхъ школъ, потому что врачамъ и учителямъ прибавится дѣла. Последняго мы не боимся, а свободы религіознаго чувства, которая непрѣмѣнно наступитъ, какъ великое благо, съ прекращеніемъ даваній духовенству,—этого мы почему то опасаемся. Мы такъ сроднились съ этимъ несовременнымъ средствомъ содержанія духовенства, что не можемъ представить себѣ молитвы священника безъ даванія, считаемъ служителя Церкви какимъ-то работникомъ-наемникомъ, не обязаннымъ даромъ трудиться. Священникъ, между тѣмъ, есть выразитель молитвенныхъ чувствъ народа, посредникъ-ангелъ между Богомъ и людьми, обязанный независимо отъ награды удовлетворять законнымъ религіознымъ желаніямъ своихъ пасомыхъ. Поставьте же его въ независимое положеніе, освободите его святые труды отъ тяжелыхъ нравственно даваній.—Но вы думаете, что съ назначеніемъ по всѣмъ приходамъ нынѣшняго, столь ограниченнаго, жалованья духовенство можетъ отказаться отъ платы за требы, предоставивъ свободной волѣ прихожанина вознаграждать или вѣтъ служебный трудъ священника?—Ни въ коемъ случаѣ, потому что тогда пришлось бы совсѣмъ остаться безъ всякаго вознагражденія за трудъ. Одинъ почтенный о. діаконъ написалъ по этому поводу въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“ за 1900-й годъ (№ 30-й, 960 стр.) прекрасную статью. Спасибо ему за доброе, правдивое слово. Онъ приводитъ въ примѣръ свой мѣстный причтъ, который „за 4 дня хожденія кругомъ полей подъ наляющимъ солнцемъ не получилъ отъ крестьянъ ни копейки“—и почему?—Потому, что батюшка „ни передъ служеніемъ молебновъ, ни послѣ ни слова не говорилъ прихожанамъ о вознагражденіи“. „А о частныхъ требахъ и говорить нечего: случая не было, чтобы крестьянинъ, воспользовавшійся нашими услугами, самъ безъ напоминанія съ нашей стороны принесъ бы свой *домъ*. И вотъ

теперь у насъ цѣлый реестръ такихъ должниковъ, обѣщавшихъ принести должное черезъ день, недѣлю, мѣсяць и т. д. и забывшихъ о своемъ обѣщаніи".—Вотъ послѣдствія нетребовательности, довольствованія духовенства *добровольными* даяніями! Сколько пользы было бы для прихожанъ и для самаго пастырскаго дѣла, если бы такъ обезпечить духовенство, чтобы ему не надо было прибѣгать къ тѣмъ, часто невольнымъ и неизбѣжнымъ, вымогательствамъ, за которыя всюду слышатся оскорбительныя нареканія на наше пастырство! Вотъ хотя бы богослуженіе. Всякій знаетъ, какъ страдаетъ наше богослуженіе отъ излишнихъ введеній въ его составъ прямо противоположныхъ частей, совершаемыхъ по прихотямъ прихожанъ и изъ-за дохода. Во многихъ церквахъ принято чтеніе поминаній на заупокойной ектеніи литургіи въ воскресные и праздничные дни. Это чтеніе явно нарушаетъ торжественность праздничнаго богослуженія: продолжаясь иногда болѣе получаса, оно утомляетъ присутствующихъ въ храмѣ и нарушаетъ ихъ молитвенное настроеніе, которое особенно возвышенно бываетъ въ праздничные дни. Есть храмы, гдѣ чтеніе поминаній бываетъ и въ дванадесятые праздники, а въ воскресные дни и нѣкоторые большіе праздники даже совершаются заупокойныя литургіи. Это прямо уже вопреки устава. Почему же все это дѣлается?—Очень понятно: доходность отъ такихъ требъ не позволяетъ причтамъ отказывать просителямъ въ исполненіи ихъ несвоевременныхъ просьбъ. Заупокойныя литургіи и чтенія поминаній служатъ однимъ изъ важныхъ источниковъ дохода священно-церковнослужителей особенно въ городскихъ приходахъ, гдѣ онѣ очень часто пріурочиваются именно къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Если бы внимательнѣе разсмотрѣть нашу службу, то, навѣрное, много можно было бы найти такого, что слѣдовало бы оставить въ виду пользы для дѣла и облегченія духовенства; но бѣдность наша мѣшаетъ этому. Возьмите еще, напр., совершаемыя на пути при выносѣ умершихъ многочисленныя

литіи, за которыя полагаются у насъ даянія¹⁾. И эти несвоевременныя даянія, и торопливость, и безпорядочность въ совершеніи литій (а не торопиться *нельзя въ виду* множества просителей на пути) совсѣмъ не вяжутся съ умиленностью и трогательностью погребальнаго богослуженія. Въмѣсто пятидесяти и болѣе литій, совершаемыхъ нынѣ у насъ небрежно, можно бы отслужить десять-пять истово и доставить тѣмъ не малое назиданіе народу. Но подите вотъ, сдѣлайте это при теперешнемъ обезпеченіи духовенства: вы и дохода лишитесь, и неприятностей кучу отъ своихъ же собратьевъ наживете. Всякая треба для насъ—прежде всего—средство существованія.

Не могу не упомянутьъ также о частыхъ хожденіяхъ по домамъ съ крестомъ и св. водой, которыя и духовенство сильно затрудняютъ, и во многихъ прихожанахъ возбуждаютъ ропотъ, осужденіе. Это нужно сказать особенно примѣнительно къ городскому духовенству, которое принуждено бываетъ ходить по домамъ до 15 разъ въ годъ, и притомъ даже по чужимъ (другой церкви) прихожанамъ.

Худого ничего нѣтъ, конечно, въ этомъ добромъ обычаѣ—посѣщеніи пастыремъ своихъ пасомыхъ; напротивъ, оно можетъ служить прекраснымъ средствомъ и для назиданія прихожанъ. Но даянія, сборы за труды связываютъ руки священнику, и вмѣсто *живого* дѣла получается механическое, въ большинствѣ случаевъ, отправленіе обязанностей. Къ сожалѣнію, и чувство обязанности и долга у многихъ пастырей страдаетъ подъ вліяніемъ всё той же мысли о доходности: священникъ часто грѣшитъ, проходя мимо мало доходныхъ домовъ, какъ будто послѣдніе не пужаются въ благодатномъ освященіи²⁾ или заслуживаютъ лишенія благодати за какія-либо вины. Прискорбно, но и духовенство всецѣло въ этомъ винить нельзя: священникъ, иногда жалѣя средствъ бѣдной вдовы, проходитъ съ крестомъ мимо ея дома, да она и сама

¹⁾ Авторъ имѣетъ въ виду обычаи сѣверной Россіи.

часто старается уклониться отъ этихъ посѣщеній: кажется, ей бы самой слѣдовало принять даяніе отъ священника, а не наоборотъ.

Надѣмся, что когда назначать настоящее жалованье духовенству, посѣщеніе духовенствомъ прихожанъ съ крестомъ и св. водой не будетъ связано съ полученіемъ даяній, а будетъ дѣломъ бесплатнымъ, входящимъ въ кругъ пастырскихъ обязанностей. Тогда, въ случаѣ скопленія работы у духовенства, можно будетъ для облегченія его трудовъ сократить число „хожденій“ безъ ущерба для матеріальныхъ средствъ, — и это можно будетъ сдѣлать по соглашенію причтовъ съ прихожанами. Нѣкоторые праздники съ хожденіями слѣдуютъ непрерывно одинъ за другимъ; въ теченіе мѣсяца въ нѣкоторыхъ приходяхъ ихъ бываетъ по 2 и по 3, притомъ праздниковъ не храмовыхъ, а только въ честь иконъ; изъ такихъ можно хотя бы по одному сокращать, т. е. въ одинъ праздникъ не ходить, ограничившись торжествомъ въ храмѣ. Одинъ (уже умершій) преосвященный не дозволилъ причту нѣкоей городской церкви хожденіе по приходу, когда причтъ и прихожане этой церкви просили его о дозволеніи установить новый праздникъ именно „съ хожденіемъ“. Этотъ преосвященный былъ мудрый администраторъ. Лишнее хожденіе по приходу онъ счелъ обремененіемъ для прихожанъ и дозволилъ совершать празднество только въ храмѣ... Не бремя ли для духовенства эти многочисленные молебны въ Пасху и въ другія праздники, которые (молебны) обычно совершаются торопливо, потому что нѣтъ возможности успѣть отслужить все во время? Такое множество этихъ молебновъ (въ сельскихъ приходяхъ) заказывается, напр., въ Пасху, что причты не успѣваютъ, даже и съ торопливостью, кончить ихъ на Святой; приходится откладывать на Ѳомину недѣлю. Неужели такъ важно это наше многоглаголаніе, что совершенно нельзя имъ поступиться?—Отвѣчаемъ: можно, но только при существованіи жалованья, когда духовенство будетъ трудиться не изъ-за куска хлѣба, какъ теперь. И какъ много важныхъ

опущеній бываетъ у насъ изъ-за этихъ неважныхъ, но обременительныхъ требъ! Всѣ желанія отдѣльныхъ лицъ мы исполняемъ, лишь бы не лишиться дохода, а *Уставъ церковный* обидно нарушаемъ въ храмѣ по прихотямъ тѣхъ же прихожанъ: опускаемъ назидательное чтеніе каноновъ, каѳизмъ, пренебрегаемъ живымъ проповѣдническимъ словомъ и пр. Нѣтъ, не надо добровольныхъ даяній; больше свободы, независимости матеріальной! Жалованье взамѣнъ всѣхъ даяній—вотъ что нужно духовенству для поднятія его престижа и для привлеченія къ святому дѣлу пастырства лучшихъ силъ общества. Собираніе копейками, унизительныя хожденія изъ дома въ домъ за хлѣбомъ тяготятъ духовенство и заставляютъ лучшихъ нашихъ юношей-семинаристовъ уходить отъ церкви *на страну далече*—въ университеты, на гражданскую и даже на частную службу.

Если назначеніе духовенству жалованья взамѣнъ всѣхъ даяній будетъ на первыхъ порахъ обременительно для правительства, то почему бы не привлечь къ этому дѣлу приходы, общества: вѣдь содержать же они и теперь духовенство отдѣльными даяніями, и нельзя сказать, чтобы этотъ способъ былъ для нихъ выгоднѣе. Черезъ даянія страдаетъ преимущественно низшій, бѣдный классъ населенія, которому приходится платить сплошь и рядомъ больше, чѣмъ богатымъ. Извѣстно, что въ сельскихъ приходахъ существуютъ за всѣяныя таксы; и состоятельный и несостоятельный прихожанинъ должны платить по этимъ таксамъ: за вѣнчаніе во многихъ приходахъ причты берутъ по 10, 12 и болѣе рублей и безразлично со всѣхъ—съ бѣдныхъ и богатыхъ. При существованіи жалованья вѣкоторые бѣдняки могутъ быть совсѣмъ освобождены отъ платы духовенству, а богатый классъ населенія будетъ вносить соразмѣрно своимъ средствамъ.

Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи преимущество оказывается на сторонѣ жалованья, если разумѣть въ данномъ случаѣ подъ нимъ сумму, вносимую приходомъ на содержаніе духовенства—черезъ посредство ли правительства,

или непосредственно самому духовенству—все равно. Во всякомъ случаѣ, для приличнаго жалованья казна на первыхъ порахъ не преминетъ воспользоваться средствами общества; если же дѣло устраивать одними государственными средствами, предварительно накопляя потребныя суммы, то, несомнѣнно, оно затянется на продолжительное время, что мы видимъ и теперь: сколько бѣдныхъ приходоѡвъ остается безъ жалованья уже болѣе десяти лѣтъ (разумѣемъ жалованье въ 300 р. священнику, выдаваемое теперь)! Прямой расчетъ: или установить налогъ въ пользу духовенства со всѣхъ платежеспособныхъ лицъ, или же поручить приходамъ уплачивать причтамъ известную сумму помѣсячно въ видѣ жалованья, какъ это установлено въ заграничныхъ приходоѡхъ. Послѣдній способъ лучше: онъ сближаетъ прихожанъ, заинтересовываетъ ихъ въ дѣлѣ устройства приходской жизни, такъ какъ матеріальные интересы служатъ всегда дѣятельнымъ въ этомъ случаѣ импульсомъ. Если я трачу деньги на добрыя дѣла, для меня не безразлично то, съ пользою ли, или безъ пользы расходуются эти деньги, и я въ правѣ принимать близкое участіе въ распоряженіи ими.

Казенные сборы не имѣютъ мѣстнаго значенія, а затѣмъ — ихъ принудительность, не всегда считающаяся съ условіями жизни въ разныхъ мѣстахъ, прямо-таки не соответствуетъ разсматриваемому нами дѣлу.

Если принять за нормальное жалованье для священника въ среднемъ приходѣ 1200 руб. въ годъ, то на весь причтъ (изъ трехъ членовъ) потребуется 2400 руб. Возьмемъ приходъ изъ 160 домохозяевъ. На долю cadaго среднимъ числомъ придется по 15 руб. въ годъ, чтобы получилось жалованье причту—2400 руб. Если же распределить 160 на 5 категорій по состоятельности, то получить можно такой итогъ:

1-я категория	20	человѣкъ	по 40 руб.	=	800 руб.	въ годъ
2-я	"	50	"	"	20	" " "
3-я	"	50	"	"	10	" " "

4-я	„	20	„	„	5	„	=	100	„	„	„
5-я	„	20	„	освободятся отъ платы по бѣдности							
160 чел.						2400 руб.					

Каждая изъ первыхъ четырехъ категорій, при теперешнемъ способѣ содержанія духовенства, переплатить причтѣ въ годъ гораздо больше. Я соображаю по своему приходу, въ которомъ, если считать временнопроживающихъ, но уже имѣющихъ осѣдлость, можно найти болѣе 160 лицъ домохозяевъ; конечно, тогда на долю каждаго платы надеть еще меньше. Сумму взноса отъ прихожанъ можно будетъ уменьшить, принимая во вниманіе полученіе многими причтами жалованья (въ размѣрѣ 400 р. безъ діакона и 550 съ діакономъ). Такъ, приходу изъ 100 плательщиковъ придется вносить на причтъ, получающій отъ казны 400 руб., только 1200 р. вмѣсто 1600 р., и на каждаго платы придется по 12 р. (я говорю о причтѣ безъ діакона) среднимъ числомъ.

При неравномѣрности приходовъ, несправедливо было бы назначать одинаковое жалованье; въ этомъ случаѣ надо будетъ примѣняться къ количеству населенія и состоятельности прихожанъ. Руководствомъ при распредѣленіи жалованья въ разныхъ приходахъ могутъ служить прежніе доходы причтовоу, записанные въ братскихъ книгахъ; соразмѣрно имъ и можно назначать жалованье или взносъ отъ прихожанъ причтамъ;— иначе многіе причты могутъ быть обижены, получая плату меньшую въ сравненіи съ прежней доходностью. Вообще, уравнивать въ этомъ отношеніи всѣ приходы, разумѣется, несправедливо: въ большемъ приходѣ, гдѣ и больше труда для духовенства, больше должна быть и плата за трудъ. Да было бы несправедливостью и то, что, при одинаковомъ жалованьи духовенству отъ прихода, каждому члену большого прихода придется платить гораздо меньше, чѣмъ члену небольшого прихода, состоящаго изъ небогатыхъ притомъ, можетъ быть, лицъ.

Минимальный размѣръ жалованья, указанный выше, т. е. въ 1200 р. священнику, вполне достаточенъ; даже жалованье въ 1000 р. было бы великимъ благодѣяніемъ для священниковъ, получающихъ теперь не болѣе 700—600 р. въ годъ

Можно положительно сказать, что, съ назначеніемъ жалованья въ указанномъ размѣрѣ и видѣ, большая часть приходовъ уравниется въ отношеніи обезпеченія причтовъ, такъ какъ богатыхъ приходовъ у насъ не много въ сравненіи съ средними и бѣдными: немногіе священники получаютъ болѣе 1500—2000 р. въ годъ, а большая часть довольствуется доходомъ отъ 700 до 1200 руб.; эти послѣдніе уравниются жалованьемъ въ размѣрѣ 1000 или 1200 руб. въ годъ. Причты богатыхъ приходовъ останутся на особомъ положеніи. но они, какъ я сказалъ, и будутъ получать болѣе вознагражденіе по своимъ трудамъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ приходахъ членами причта являются болѣе достойныя и заслуженныя лица изъ духовенства. Капиталы, проценты съ которыхъ теперь идутъ на содержаніе духовенства, а также и на вознагражденіе за трудъ поминовенія извѣстныхъ лицъ, должны оставаться какъ бы дополнительными средствами обезпеченія духовенства: изъ нихъ можно будетъ брать въ случаѣ недочета или недоплаты, по какимъ-либо причинамъ, жалованія съ тѣмъ, чтобы въ свое время возвратить обратно взятое.

Такую же роль могутъ имѣть и земельныя причтовые надѣлы, которые хорошо продать всѣ, за исключеніемъ необходимаго для хозяйства количества 5—10 десятинъ въ каждомъ приходѣ и вырученныя деньги обратить въ капиталы на содержаніе духовенства. Это легко устроить въ большинствѣ приходовъ центральныхъ губерній, гдѣ немногіе изъ причтовъ занимаются сами хозяйствомъ, а большинство сдаетъ земли въ аренду. Большое хозяйство отрываетъ духовенство отъ главнаго дѣла, озабочиваетъ житейскими попеченіями въ ущербъ святому пастырскому дѣлу...

Въ заключеніе, отъ лица многихъ собратій своихъ—иреевъ выражаю желаніе и надежду, чтобы устройство при-

ходской жизни, которымъ теперь такъ озабочено правитель-ство, началось именно съ главнаго—съ обезпеченія право-славнаго духовенства жалованьемъ взамятъ всѣхъ такъ на-зываемъ добротныхъ даній. Если не будетъ устроено это главное дѣло—возвышеніе матеріальнаго, а чрезъ него и об-разовательнаго, уровня духовенства, то трудно надѣяться на оживленіе и урегулированіе приходской жизни: она всегда будетъ тормазиться личными непріязненными отношеніями между духовенствомъ и прихожанами изъ-за отдѣльныхъ да-ній. Во избѣжаніе въ этомъ дѣлѣ принудительности, навяз-чивости и всякихъ недоразумѣній, конечно, необходимо обсу-дить этотъ взаимный вопросъ на мѣстахъ, въ собраніяхъ при-хожанъ и духовенства. Правительство пусть дастъ только тол-чекъ благому начинанію, къ которому, надѣемся, общество отнесется сочувственно, особенно крестьяне. Церковно-при-ходскія попечительства, устройство которыхъ желательно по-всемѣстно, могутъ сослужить въ новомъ дѣлѣ великую служ-бу, такъ какъ и теперь одной изъ задачъ ихъ служить за-бота объ обезпеченіи духовенства.

Свящ. *Николай Сокольскій.*

Настоятельная нужда въ хорошихъ псаломщикахъ.

Званіе псаломщика не считается въ обществѣ ни почет-нымъ, ни привлекательнымъ. Поэтому, въ псаломщики идутъ большею частію недоучившіеся юноши духовнаго званія, ко-торые, по своему образованію и связямъ, не надѣются найти лучшей должности. И это понятно. Псаломщикъ получаетъ дохода въ три раза менѣ священника. Въ деревнѣ денежный доходъ его въ среднемъ составитъ около 200 рублей, а часто и меньше. Общественное положеніе псаломщика неприглядно. На него принято смотрѣть полупрезрительно. Въ домахъ „господъ“ псаломщика не всегда приглашаютъ къ хозяйской трапезѣ, а часто угощаютъ вмѣстѣ съ прислугой. Крестьяне

обращаются съ нимъ за панибрата, при чемъ болѣе состоятельные не прочь и поломаться предъ нимъ. „Дьячокъ“ сначала долго не мирится съ своимъ печальнымъ положеніемъ, а затѣмъ, въ концѣ концовъ, волей-неволей всецѣло подчиняется ему; онъ обычно утрачиваетъ самоуваженіе, начинаетъ нерадиво относиться къ своему дѣлу и часто распивается. Это столь заурядное у насъ явленіе не можетъ не отзываться самыми пагубными послѣдствіями въ приходской жизни.

Ближайшее дѣло псаломщика—чтеніе и пѣніе въ церкви. При плохомъ подборѣ псаломщиковъ указанная сторона церковнаго богослуженія естественно должна оказаться въ забросѣ. Между тѣмъ, какую громадную пользу принесло бы приходу должное исполненіе псаломщикамъ своихъ церковныхъ обязанностей, и какъ скоро оно поставило бы самое служеніе псаломщическое на подобающую высоту во мнѣніи общества, если бы псаломщики прониклись сознаніемъ важности и отвѣтственности ихъ церковнаго служенія¹⁾. Для добраго христіанина церковное чтеніе и пѣніе—дѣло высокой важности. Богослуженіе есть поэзія и вдохновеніе, высшее выраженіе религіозной настроенности. Съ другой стороны, если путемъ практической дѣятельности христіане вносятъ духъ правды и святости въ мірскую грѣховную жизнь, то получаютъ благодатно этотъ духъ и проникаются имъ наиболѣе при богослуженіи. Тайнодѣйствія, конечно, принадлежать священнику; но уясненіе ихъ смысла и нравственная подготовка къ воспріятію благодати таинствъ не мало зависитъ отъ стоящаго на клиросѣ псаломщика. Въ составъ чина богослуженія входитъ весьма значительная часть Свящ. Писанія Ветхаго и Новаго Заветовъ. Отсюда псаломщикъ, предлагающій вниманію богомольцевъ чтеніе изъ книгъ Свящ. Пи-

¹⁾ Какое важное значеніе могъ бы имѣть въ церкви при богослуженіи псаломщикъ, превосходно выясняется въ брошюрѣ проф. Моск. унив. А. П. Лебедева: „Церковный чтець въ глубокой древности“ (Изъ исторіи „псаломщиковъ“). — См. Богосл. библиогр. Листокъ при нашемъ журналѣ за 1902 г., вып. 10—11, стр. 262.

санія, по справедливости можетъ быть названъ благовѣстителемъ Слова Божія. Далѣе, молитвословія и пѣснопѣнія, составляющія содержаніе нашихъ богослужебныхъ книгъ, принадлежатъ, какъ извѣстно, высокимъ духовною жизнью и лучшимъ членамъ Церкви, въ наибольшей полнотѣ усвоившимъ духъ вѣры христіанской и благочестія. Они создавали богослужебныя пѣсни, подъ вліяніемъ озаренія свыше, наитія благодатной силы Св. Духа. Все, что воспринято Церковью отъ Духа Святого въ теченіе всей протекшей жизни,—все это преподается чадамъ Церкви въ чтеніи и пѣніи псаломщика.

Мы привыкли думать, что духовный учитель прихожанъ—исключительно священникъ. Но надо признать, что учительство въ значительной степени принадлежитъ и псаломщику. Онъ научаетъ народъ молитвамъ, символу вѣры, евангельскимъ блаженствамъ, преподаетъ апостольское и пророческое ученіе, объясняетъ смыслъ христіанскихъ праздниковъ, знакомитъ съ священной исторіей и съ подвигами святыхъ. И всего этого онъ достигаетъ самымъ простымъ способомъ, читая въ церкви народу богослужебныя книги. Не надо забывать и того, что еще до сихъ поръ большинство нашихъ крестьянъ не прошло даже курса начальной школы. Для нихъ школой вѣры и святости жизни является только храмъ. Пусть возражаютъ намъ, что этотъ способъ наученія христіанству малодействителенъ, такъ какъ наши простолюдины съ истинами вѣры знакомы плохо, молитвъ знаютъ мало, и притомъ невозможно искажаютъ ихъ текстъ. Знаемъ все это и положительно увѣрены, что религіозное невѣжество нашего простонародья объясняется въ немалой степени плохой постановкой церковнаго чтенія и пѣнія въ нашихъ церквахъ. Мы хотимъ сказать даже больше, именно, что православное богослуженіе поучительно не для одной лишь необразованной толпы: и изучившіе священную исторію съ катихизисомъ въ школахъ найдутъ себѣ въ немъ такъ много назидательнаго, что школьное образованіе оказывается лишь простою подго-

товкою къ лучшему усвоенію содержанія богослуженія, не будучи въ состояніи замѣнить его собою. Это—огромное море, изъ котораго каждый почерпаетъ спасительныхъ познаній столько, сколько можетъ вмѣстить, далеко не исчерпывая его полноты.

Тяжело представить, съ какимъ невниманіемъ образованные люди часто относятся къ церковному чтенію. Тѣ части богослуженія, которыя состоятъ преимущественно изъ чтенія, обычно привлекаютъ мало молящихся или же вызываютъ временный отливъ ихъ изъ храма. Можно и должно винить въ этомъ и мірянъ, но много виновато и само духовенство, которое не принимаетъ настойчивыхъ мѣръ къ тому, чтобы поставить чтеніе въ храмахъ на подобающую высоту и вызвать интересъ къ нему со стороны молящихся. Едва ли можно оспаривать, что наши псаломщики въ большинствѣ случаевъ читаютъ въ церкви такъ, что у нихъ можно разбирать лишь извѣстныя молитвы и то больше по догадкѣ. Незвѣстное такъ и остается неизвѣстнымъ. Равнодушно, спѣша, плохо разбирая одни слова, совсѣмъ опуская другія, скользить глазами по строкамъ богослужебной книги наемникъ-чтець, заботясь только объ одномъ, чтобы поскорѣе прочитатъ положенное. Этотъ задавленный нуждою и житейскимъ гнетомъ человекъ, часто огрубѣвшій въ порокахъ и духовномъ нерадѣніи, совсѣмъ не сознаетъ, какое ужасное зло онъ творить. Онъ не понимаетъ, что собравшіеся въ церковь люди жаждутъ получить отъ него духовнаго хлѣба. Онъ не сознаетъ, что вмѣсто хлѣба даетъ имъ камень. А они вѣдь часто за нѣсколько верстъ, можетъ быть, по невозможной дорогѣ и при дурной погодѣ, идутъ въ Божій храмъ, чтобы услышать слово спасенія. И вотъ имъ вмѣсто того предлагаютъ какое-то возмутительное бормотанье. Они часто не имѣютъ иной возможности христіанскаго наученія, кромѣ той, которая представлялась бы имъ въ храмѣ,— и что же?—Цѣлые часы они принуждены тщетно напрягать свой слухъ, чтобы уловить хоть что-нибудь въ этомъ хаосѣ невнятныхъ звуковъ!..

Какъ это возможно? Почему такому вопіющему злу не положить конца хотя бы внѣшними мѣрами пресѣченія?!

Плохое чтеніе зависитъ, несомнѣнно, отъ неразумія и небрежности чтецовъ. Не читать имъ нельзя, потому что въ томъ состоитъ ихъ обязанность; а чтобы прочитать хорошо, на это не хватаетъ у нихъ ни усердія, ни пониманія важности своего дѣла. Не будемъ говорить о какихъ-нибудь *высшихъ* достоинствахъ церковнаго чтенія. Мы увѣрены, что просто хорошее чтеніе доступно положительно всякому пасомщику. Тотъ же самый человѣкъ, который въ церкви мямлитъ, бормочетъ, выкрикиваетъ, пропускаетъ цѣлыя строки, глотаетъ, какъ говорится, слова,—тотъ же самый человѣкъ дома, для семейныхъ, *внятно* читаетъ газету или книжку. Если бы онъ отнесся съ такимъ же вниманіемъ къ церковному чтенію, то результатъ получился бы благопріятный. Но, безъ сомнѣнія, церковныя книги требуютъ къ себѣ еще болѣе внимательнаго отношенія, чѣмъ чтеніе интересной свѣтской книги или газеты.

Настоятельная необходимость требовать скорѣйшаго улучшенія церковнаго чтенія вызывается еще слѣдующимъ соображеніемъ. Прочное положеніе и авторитетъ духовенства среди пасомыхъ зависятъ отъ добросовѣстнаго отношенія его къ своимъ обязанностямъ. Пока народная масса не развита и духовно груба, она не въ состояніи предъявить строгихъ законныхъ требованій къ нашему духовенству. Только поэтому часто вопіющія злоупотребленія и крайняя нерадивость духовенства не возбуждаютъ противъ себя открытыхъ протестовъ. Но времена мѣняются. Съ распространеніемъ образованія въ въ средѣ народа и съ развитіемъ его самосознанія теперешнее терпѣливое отношеніе народа къ порокамъ и недостаткамъ духовенства отойдетъ въ область преданій. Отъ священника и всего церковнаго клира потребуютъ подлежащаго исполненія своихъ обязанностей, такъ какъ захотятъ видѣть въ духовенствѣ ту *соль* земли и тотъ *свѣтъ* міра, какими ука-

заль ему быть Самъ Основоположитель нашей вѣры Христосъ Спаситель. Горе будетъ, если духовенство окажется не въ состояннн отвѣтить чаяннямъ и требованнямъ пасомыхъ! Уже и въ настоящее время наше духовенство не можетъ похвалиться тѣмъ, что оно чувствуетъ себя въ средѣ вѣрующнхъ на подобающемъ мѣстѣ и держитъ въ своихъ рукахъ духовное руководство ими. Интеллигенцн въ большей своей, и едва ли не лучшей, части живетъ обособленными отъ Церкви идеалами. Въ простомъ народѣ накопилось не мало недовольства противъ духовенства. Въ ладахъ съ духовенствомъ находятся развѣ среднее мѣщанство и купечество, живущее эксплуатацней народнаго труда. Съ каждымъ годомъ растутъ духовные запросы общества, и увеличивается его требовательность къ духовенству; но оно какъ будто не замѣчаетъ этого и не хочетъ видѣть, какъ теряетъ связь съ своими прихожанами и расходится съ ними все дальше и дальше. Нужно спѣшить, нужно наверстывать потерянное время, исправлять застарѣлыя ошибки, пока еще не поздно. Иначе интеллигентное общество, а за нимъ и народъ, найдутъ себѣ другихъ руководителей, хотя бы и не правыхъ, но за то искреннихъ, и повернуть тогда общество на старые пути будетъ во сто кратъ труднѣе, чѣмъ удержатъ на нихъ теперь.

Намъ скажутъ, что между этими опасеннями и такимъ скромнымъ дѣломъ, какъ церковное чтенне, нѣтъ никакого отношення, и что ставить въ связь церковное чтенне съ судьбою нашего духовенства не значить ли—изъ пушки стрѣлять по воробьямъ или за мухой гоняться съ обухомъ?.. О, если бы поменьше намъ суетнаго самоузннн да побольше скромности и здраваго смысла! Тогда мы, быть можетъ, разсудили бы по-иному. Вѣдь церковное чтенне—самый употребительный и самый надежный видъ проповѣди о спасеннн, которое дороже всего должно цѣниться нами. Какъ же послѣ этого не ставить высоко и самое церковное чтенне и связанное съ нимъ служенне псаломщика?! Если въ приходской церкви чтенне поставлено хорошо, то смѣло можно сказать, что духовенство

выполнило уже этимъ большую часть своего проповѣдническаго дѣла...

Мы постарались изложить тѣ побужденія, по которымъ крайне желательно, чтобы церковная власть обратила самое серьезное вниманіе на улучшеніе церковнаго чтенія. Возлагать надежду на личное усердіе псаломщиковъ, какъ говорятъ краснорѣчиво факты, недостаточно. Надо власть имущимъ *требовать* отъ псаломщиковъ хорошаго чтенія. Если отъ ремесленниковъ, военныхъ, чиновниковъ требуется знаніе своего дѣла и старательное его выполненіе, то отчего же подобныхъ требованій не предъявлять къ псаломщику, тѣмъ болѣе, что нельзя указать ни одной, сколько-нибудь заслуживающей серьезнаго вниманія, причины неизбѣжности дурнаго чтенія въ храмѣ. Большимъ облегченіемъ для псаломщика служить уже то, что многое ему приходится повторять. Все содержаніе Часослова и Псалтири, по этой причинѣ, должно быть хорошо знакомо псаломщику. Если вѣтъ у него крайняго нерадѣнія, то самый посредственный псаломщикъ долженъ внятно и отчетливо прочитать часы, вечерню, шестопсалміе, пропѣть символъ вѣры и т. д. Но какъ это ни странно, именно знакомое и особенно усвоенное на память читается съ наибольшою небрежностью. Нужно ли послѣ этого удивляться тому, что наши крестьяне знаютъ мало молитвъ, да и тѣ немногія знаютъ въ сильно искаженномъ видѣ. Читай и пой псаломщикъ медленно и внятно, и у насъ всѣ знали бы не только самыя употребительныя молитвы, но и весьма многое изъ Часослова, Октоиха, Тріоди и Минеи. Крестьяне, подпѣвающіе на клиросѣ, часто обладаютъ большими познаніями въ богослужебномъ текстѣ. Такія познанія могли бы стать общимъ достояніемъ, если бы псаломщикъ съ должнымъ вниманіемъ относился къ своему дѣлу.

Псаломщикъ долженъ свободно и отчетливо читать не одно знакомое, но и рѣшительно все, хотя бы это случалось прочесть ему разъ въ году. А для этого онъ обязанъ непременно *готовиться заранее* къ службѣ. Трудно сказать болѣе про-

стую истину, и однако немногія практическія истины такъ мало сознаются и прилагаются къ дѣлу, какъ эта. Всѣ хорошо знаютъ, что нельзя, напр., устроить народное чтеніе безъ подготовки къ нему. Но кто считаетъ такую подготовку безусловно необходимою для псаломщика? Мы привыкли слышать, что театральные артисты долгое время готовятъ свои роли, что эти роли десятки разъ репетируются предъ исполненіемъ на сценѣ. Но тщательная подготовка, требуемая во всякомъ родѣ дѣятельности, признается излишнею для храма. Хорошіи учителя старательно готовятся къ каждому уроку, хотя бы онъ занимался своимъ предметомъ не первый десятокъ лѣтъ. Но подготовка, необходимая, напр., для урока ариметики, почему-то не внушаетъ сознанія необходимости приготовляться къ урокамъ христіанскаго благочестія, которые преподаются вѣрующимъ при посредствѣ церковнаго чтенія. Псаломщикъ, если онъ не обращаетъ своего служенія въ кощунственное ремесло, пусть съ крайнимъ тщаніемъ готовится къ чтенію и пѣнію въ храмѣ. Пусть каждая служба будетъ у него старательно приготовленнымъ урокомъ. Прежде всего, богослужебный текстъ не долженъ для него представлять никакихъ вышнихъ преткновеній при чтеніи его. Этотъ текстъ долженъ быть нѣсколько разъ прочитанъ ранѣе, чѣмъ будетъ прочитанъ всенародно въ церкви. Необходимо достигнуть того, чтобы въ храмѣ чтеніе было совершенно свободнымъ и легкимъ, безъ заинокъ, чтобы на механизмъ чтенія не тратилось вниманія и сила. Вниманіе должно быть отдано *содержанію* читаемаго, смыслу его. Это содержаніе должно быть извѣстно чтецу заранѣе: въ томъ—необходимое условіе осмысленнаго чтенія. Только въ такомъ случаѣ чтець можетъ правильно раздѣлять предложенія, подчеркивать ихъ взаимную связь и отгѣнять общее и относительное значеніе мыслей и отдѣльныхъ словъ и выраженій. Выразительность чтенія должна быть доведена до возможнаго совершенства, не нарушая, разумѣется, той простоты и степенности, которыя приличествуютъ чтенію церковному. Нѣтъ сомнѣній, что славянскій

текстъ является мало понятнымъ, главнымъ образомъ, обыкновенно по небрежности чтецовъ. Хорошій псаломщикъ искуснымъ чтеніемъ не только можетъ способствовать пониманію молитвъ, но постепенно можетъ пріучить своихъ слушателей и вообще къ церковно-славянскому языку. Конечно, нечего и говорить о томъ, что отъ псаломщиковъ можно требовать хорошаго чтенія лишь тогда, когда сами священники оцѣнятъ всю его важность.

Однако, однѣ строгія мѣры къ цѣли не приведутъ. Было бы отъ кого требовать. Нужно принять мѣры къ тому, чтобы самое дѣло церковнаго чтенія было поручено надежнымъ людямъ, такъ какъ теперь замѣчаются ясныя признаки упадка класса псаломщиковъ. Ранѣе, когда въ широкихъ размѣрахъ практиковалась наслѣдственность церковныхъ должностей, сыновья псаломщиковъ замѣщали должности своихъ отцовъ. Молодое поколѣніе, приходившее на смѣну стараго, состояло изъ хорошихъ, посредственныхъ и плохихъ дѣятелей, какъ это обычно бываетъ. Теперь же лучшіе элементы изъ псаломщическихъ семей уходятъ или въ семинарію продолжать начатое въ духовномъ училищѣ образованіе, или стараются занять свѣтскія болѣе выгодныя должности, если средняя духовная школа, по недостатку средствъ или еще почему-либо, оказалась для нихъ недоступной. Въ псаломщики идутъ большею частью теперь отбросы духовнаго сословія, молодые люди, уволенные изъ духовнаго училища и первыхъ классовъ семинаріи за малоусиѣнность или за дурное поведеніе. Поэтому, какъ часто можно встрѣчать, въ псаломщики попадаютъ умственные и нравственные уроды, отъ которыхъ трудно ждать должнаго, честнаго служенія Церкви. Съ этимъ несомнѣннымъ зломъ нужно бороться путемъ облегченія доступа къ званію псаломщика лицамъ недуховнаго происхожденія и неполучившимъ образованіе только въ духовномъ училищѣ или въ первыхъ классахъ духовной семинаріи. Конечно, должность псаломщика пока такъ скудно вознаграждается и пользуется такою незавидной репутаціей, что надѣяться на привлеченіе

на нее вполне интеллигентныхъ силъ изъ недуховной среды преждевременно. Однако, очень полезной мѣрой, которую можно бы теперь же примѣнять въ широкихъ размѣрахъ, оказалось бы поставленіе въ псаломщики окончившихъ курсъ второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ¹⁾. Въ этихъ школахъ обученіе продолжается три года, послѣ предварительнаго трехлѣтняго курса начальной школы. За это продолжительное время образованія основательно проходятся священная исторія, катихизисъ, церковный уставъ, церковная исторія, и приобрѣтается хорошій навыкъ въ церковно-славянскомъ языкѣ. Окончившіе курсъ получаютъ право на званіе учителей школы грамоты. Но нельзя не признать, что, по своей подготовкѣ, а также и по своимъ нравственнымъ качествамъ, они вполне заслуживали бы и лучшаго мѣста, чѣмъ мѣсто учителя школы грамоты (оплачиваемое 6—10 р. въ мѣсяць на собственномъ столѣ). Такимъ болѣе привлекательнымъ мѣстомъ было бы для нихъ мѣсто псаломщика. Для крестьянскаго юноши мѣсто псаломщика привлекательно тѣмъ, что псаломщику полагается земля; слѣдовательно, ставши псаломщикомъ, крестьянскій юноша могъ бы завести у себя сельское хозяйство, къ которому привыкъ въ домѣ отца, и которое такъ полюбилъ, какъ умѣетъ любить русскій крестьянинъ, цѣлымъ рядомъ вѣковъ связанный съ землею. Коренныя симпатичныя черты народной души, возвышенныя и облагороженныя школьнымъ образованіемъ, какъ нельзя лучше могли бы сохраниться въ крестьянинѣ-псаломщикѣ, такъ какъ вся обстановка жизни способствовала бы тому. У него былъ бы и клочокъ земли, и утѣшало бы его, съ другой стороны, сознаніе, что онъ не наемникъ, а служитель Церкви, которую такъ чтитъ русскій человѣкъ.—По личнымъ широкимъ

¹⁾ Мысль автора не новая. Она высказана была еще незабвеннымъ С. А. Рачинскимъ, твердо вѣрившимъ, что обновленіе церковнаго клира силами изъ народа, принесетъ Церкви громадную пользу. Нашъ журналъ въ свое время отмѣтилъ взглядъ на это С. А. Рачинскаго. *Ред.*

наблюденіямъ, мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что въ большинствѣ случаевъ изъ второклассныхъ школъ выходятъ юноши съ неспорченною душой, съ цѣльнымъ міросозерцаніемъ, глубоко проникнутымъ церковными идеалами. Руководясь отзывами школьныхъ совѣтовъ или успѣхами учительской дѣятельности окончившихъ курсъ второклассныхъ школъ, изъ нихъ не трудно будетъ набрать хорошихъ псаломщиковъ, которые несомнѣнно оказались бы на высотѣ призванія и избавили бы духовную власть отъ постоянной борьбы съ многообразными проявленіями зла въ существующемъ штатѣ нашихъ недоучекъ-псаломщиковъ.

В. Кедровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Объ отношеніи русскаго народа къ войнѣ.

(Окончаніе 1).

Великодушіе и миролюбіе русскаго народа—до нѣкоторой степени, конечно, его врожденное свойство, свойство народа-пахаря, сообщенное ему землей-кормилицей его; но на развитіе и закрѣпленіе этого свойства, несомнѣнно, оказала свое вліяніе православная вѣра Христова, въ правилахъ которой русскій народъ воспитывается вотъ уже второе тысячелѣтіе. Несомнѣнно, вѣра православная просвѣтлила патріотическое чувство народа и оберегала воинственное одушевленіе его отъ грубыхъ проявленій. Она убивала въ немъ злого звѣря, который такъ легко можетъ проснуться въ чловѣкѣ на полѣ брани; она и войну обратила для него въ поприще нравственно-христіанскихъ отношеній не только къ своимъ, но и къ непріятелю, научивши его не только беззавѣтно полагать душу за други своя, но и *любить враговъ*, признавать въ

¹⁾ См. № 2 за 1905 г.

нихъ людей и равноправныхъ братьевъ. Она подняла его и до того истинно-христіанскаго взгляда на войну, который выражается въ пониманіи ея, какъ поры суда Божія, какъ грознаго призыва къ добру. Здѣсь мірская точка зрѣнія народа на войну, какъ на неотвратимую необходимость, подъ воздѣйствіемъ христіанской вѣры, просвѣтлѣется и указываетъ дѣйствительную причину войны въ грѣховности человѣка, въ несовершенствѣ человѣческихъ обществъ и взаимныхъ отношеній. Недаромъ русскій народъ встрѣчаетъ войну усиленной молитвой, въ которой прошеніе Бога о помощи соединяется съ исповѣданіемъ своего недостойнства, съ смиреннымъ сознаніемъ своей грѣховности и съ упованіемъ на милосердіе Отца Небеснаго, „долготерпѣливаго и многомилостиваго, творящаго милость въ тысячи“ (изъ благод. молитвы молебнаго пѣнія въ день Рожд. Христ.). Недаромъ нашъ воинъ на колѣ брани *смирненно* склоняетъ свою голову предъ иконой Богоматери, небесной Заступницы христіанъ предъ Своимъ Божественнымъ Сыномъ. Это дѣлалъ Кутузовъ предъ образомъ Смоленской Божіей Матери наканунѣ Бородинскаго боя; это дѣлали за нимъ всѣ солдаты, *жадно* впивавшіеся своимъ молитвеннымъ взоромъ на Ея икону („Война и миръ“, т. III, стр. 241—242). Такъ поступали русскіе воины всегда, какъ прежде, такъ и послѣ, во время всякой войны; такъ поступаютъ они и теперь. Недаромъ русскіе солдаты передъ боемъ надѣваютъ чистыя рубахи, чтобы приготовиться къ смерти (тамъ же, стр. 246): „нельзя: точно въ праздникъ идешь въ храмъ Божій“ (Гер. Михайль, „Письма о войнѣ“. Москва, 1904 г., стр. 11); недаромъ перестаютъ водку пить: „не такой день“ („Война и миръ“, тамъ же, стр. 257)—сознаютъ. Во всемъ этомъ видна одна мысль, одно чувство, что война, по пониманію нашего народа, есть судъ Божій и призывъ къ покаянію. Отсюда—общая усиленная молитва, трезвенность поведенія воиновъ, возвышенность, даже святость настроенія всего населенія, что наблюдалось у насъ во время войны особенно въ старину. Отсюда псвятнымъ ставится и то

пощадливое, великодушное обращеніе нашего воина съ врагомъ, которое всегда отличало его. Вѣдь нашъ воинъ идетъ на войну съ завѣтами Христа, которые напечатлѣны въ его душѣ материнскимъ благословеніемъ, быть можетъ, всего сильнѣе... Въ войнѣ видѣлъ русскій народъ громъ небесный, вызванный людскими грѣхами, грозное средство нравственнаго очищенія людей отъ нихъ. Его ли это по преимуществу грѣхи, или грѣхи его противника,—онъ не высчитывалъ этого; если же и сознавалъ свою относительную правоту, то не кичился ею, а смиренно допускалъ въ себѣ и неправды и уповалъ на милосердіе Божіе, умоляя его, дабы пощадилъ его этотъ громъ своими смертоносными стрѣлами.. Въ старину это религіозное отношеніе русскихъ людей къ войнѣ выражалось въ напряженно-святомъ настроеніи народа и таковомъ же направленіи его общественной жизни и дѣятельности. Во время нашествія поляковъ, предъ отраженіемъ ихъ изъ Москвы, въ русскомъ станѣ рѣшено было наложить трехдневный постъ на все войско, на женъ и дѣтей. Рѣшили поститься: „и скотомъ не даяху ясти, и дѣти многіе изомроша“. И по городамъ разослали грамоты: понедѣльникъ, вторникъ и среду не ѣсть. Въ этомъ фактѣ важны не подробности его, а самая сущность, идея; состоятъ же онѣ въ томъ, что русскіе люди хранили во время войны трезвенную святость, религіозно-серьезное отношеніе къ ней. При такомъ настроеніи въ народѣ нашемъ не могло быть и мысли о другихъ интересахъ, внѣ мысли о войнѣ, судѣ Божіемъ, и объ ея концѣ. Теперь уже, къ сожалѣнію, не то. Веселья и забавъ среди насъ во время настоящей войны убавилось не много, погони за личными интересами и впосимаго ею обособленія—тоже, а всякихъ пересудовъ и ссоръ, пожалуй, и прибавилось. Словомъ, гражданское наше поведеніе, въ большинствѣ случаевъ, осталось такимъ же, какимъ было и до войны, и только нѣкоторые города наши успѣли внести строгость въ распорядокъ и проявленія своей жизни. А вѣдь какъ бы, кажется, естественно было всѣмъ безъ изъятія вести себя строже и нрав-

ственно-трезвеннѣе, забывши личные интересы и принеся ихъ цѣликомъ въ жертву общему благу. Не позволительно пѣть и веселиться, когда въ домѣ покойникъ; веселье и танцы будутъ оскорбленіемъ плачущихъ... У насъ же теперь столько покойниковъ въ далекой окраинѣ, что пора бы намъ всѣмъ одѣться въ трауръ и всѣмъ безъ исключенія проникнуться общимъ служеніемъ родинѣ, кто чѣмъ можетъ, нескупо. Такъ бы и поступили наши предки. Но будемъ, впрочемъ, справедливы и въ отношеніи къ современнымъ потомкамъ ихъ. Есть многое, въ чемъ призывъ Божій къ добру, который всегда видѣла Россія въ войнѣ, не остался глухъ. Мы разумѣемъ ту помощь, какую оказываютъ защитникамъ родины русскіе люди, начиная отъ обитателей пышныхъ чертоговъ и кончая насельниками скромной деревенской хижины, своими избытками, отсылая имъ на ихъ нужды и деньги и разныя вещи, напр., книги и одежду, которая здѣсь, на ихъ родинѣ, шьется сердобольною рукою ихъ матерей, женъ и сестеръ. Слава Богу, еще не оскудѣло русское сердце добрыми чувствами; есть и теперь свѣтлыя примѣры, что малыя дѣти отказываются отъ удовольствій, назначая деньги, которыя пошли бы на устройство ихъ, къ отправкѣ въ армію на нужды или на гостинецъ своимъ страждущимъ отцамъ и братьямъ, а взрослые труженицы удѣляютъ свой досугъ на шитье одежды, которая на войнѣ такъ скоро изнашивается, и въ которой наши воины потому очень часто нуждаются. Такъ всегда поступали русскіе люди.

Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ ярче звѣзды.

Чѣмъ глубже скорбь, тѣмъ ближе Богъ!

Общественное бѣдствіе, какимъ является война, всегда пробуждало въ нашемъ народѣ чувство общности, которое выражалось самымъ трогательнымъ образомъ. Намъ вспоминается здѣсь распространенная у насъ картина извѣстнаго художника ¹⁾ „Косьма Мининъ въ Нижнемъ Новгородѣ“. На

¹⁾ Маковского.

этой картинѣ широкой кистью изображенъ порывъ патріотической благотворительности нашего народа въ годину смутнаго времени. Къ ногамъ доблестнаго нижегородскаго граждаина населеніе несло все, чѣмъ было богато: одежду, деньги, домашнюю утварь—убогую и дорогую... А вотъ мальчикъ—ничего не имѣлъ, чтобы отозваться на общее дѣло, такъ онъ принесъ пѣтуха... Здѣсь не видно расчета, что дѣнно, и что наиболѣе нужно будетъ ополченцамъ въ ихъ подвигѣ избавленія Россіи; здѣсь изображена беззавѣтная готовность русскаго народа жертвовать на ратное дѣло все до послѣдней полушки или рубашки. Какъ будто сознаетъ русскій народъ въ глубинѣ души своей, что главное въ этихъ жертвахъ, можетъ быть, не то, что онѣ удовлетворяютъ физическимъ потребностямъ воиновъ: прикрываютъ ихъ раны, обогрѣваютъ ихъ тѣло или утоляютъ ихъ физическій голодъ, а то, что вмѣстѣ съ этими жертвами и въ нихъ принесется на поле брани любовь, та Христова любовь, которая пробуждаетъ въ воинѣ радостное сознаніе, что онъ не забытъ на родинѣ, которая удваиваетъ его силы, исторгаетъ изъ глазъ благодарную слезу и душу его дѣлаетъ мягче, нѣжнѣе, крѣпче, т. е. способствуетъ смягченію нравовъ военнаго времени и уменьшенію военныхъ жестокостей, пробуждая въ сознаніи солдата мысль, что и у противника его есть тоже близкіе, любящіе и жальющіе его люди... И если вамъ случалось наблюдать или хотя бы только читать, съ какимъ трепетомъ душевнымъ, въ которомъ жалостливая, слезящаяся любовь къ носителю смертоноснаго оружія соединяется съ благословляющею его молитвою, выносить русскій народъ свои избытки на мѣста остановокъ проходящихъ и проѣзжающихъ въ армію воиновъ, вы признаете, что онъ дѣлаетъ это во имя Христа и его—это святое имя—напечатлѣваетъ въ сердцѣ воиновъ, дабы управляло оно ихъ настроеніемъ и поведеніемъ на полѣ брани... Но самымъ сильнымъ средствомъ для противодѣйствія ужасамъ войны русскій народъ признаетъ дѣятельное служеніе страдающимъ братьямъ на самомъ полѣ брани непосред-

ственно. Этой службѣ посвящаютъ себя наши священнослужители, врачи, наши братья и сестры милосердія. Самое видное мѣсто въ рядахъ этой мирной арміи принадлежитъ русской женщинѣ, русской сестрѣ милосердія. Ее Христосъ избралъ и послалъ туда апостоломъ Своей любви, дабы смягчить ея сердобольною рукою, теплымъ ея словомъ, ея нѣжнымъ уходомъ, всею ея самоотверженною службою страданія раненыхъ и умирающихъ, чрезъ нее врачуя язвы вражды дарами небесной, святой любви. По тому одушевленію, съ какимъ рвутся онѣ на поле брани и съ какимъ исполняютъ свой добровольный и тяжелый трудъ, видно, что онѣ сознаютъ необходимость, великость и важность своей миссіи. Онѣ доказываютъ это и своею дѣятельностью. Въ ней мы желали бы остановить свое вниманіе не на размѣрахъ ихъ самоотверженія, иногда уносящаго ихъ въ могилу раньше или вмѣсто тѣхъ воиновъ, которымъ онѣ служатъ и за которыми ухаживаютъ, а на томъ, къ чему сводится сущность ихъ служенія и какую любовь онѣ несутъ въ среду мученій, терзающихъ тѣло и душу раненыхъ и умирающихъ. Умереть подъ градомъ пуль или страдать вдали отъ родины, не имѣя вокругъ никого изъ дорогихъ и близкихъ сердцу людей, когда душа, быть можетъ, изнываетъ тоскою по нимъ, жаждетъ ласки ихъ, горитъ желаніемъ послать имъ хоть одно слово привѣта или прощанья, или когда она удручена уныніемъ, скорбью или ропотомъ на судьбу и проситъ высказаться, лишь бы нашелся человѣкъ, который бы выслушалъ ея признаніе,—какъ было бы тяжело страдать и умирать въ такой обстановкѣ, если бы не пришла на помощь страдальцамъ русская женщина съ ея „большимъ сердцемъ“ (Данченко)! Радостная и свѣтлая, она сѣетъ обильно свѣтъ любви среди этого мрака душевныхъ и тѣлесныхъ страданій. Одному она сказала ласковое слово, иному ласково, любовно улыбнулась, у этой постели нечаянно, съ виноватой улыбкой, уронила горячую слезу на щеку раненаго, отъ чего ему стало легче, *физически* легче; здѣсь выслушала послѣднюю волю умирающаго; тому напи-

сала письмо роднымъ его, а другого ободрила, разогнала его тоску, утишила его ропоть... Вотъ тотъ свѣтъ, который несетъ съ собою русская женщина на поле брани! Она является сюда не за тѣмъ только, чтобы перевязывать раны, а, послушная зову Христа, и для того, чтобы лѣчить раны души, облегчать послѣднія минуты умирающихъ, пѣть имъ родныя пѣсни, поддерживать угасающую надежду у раненыхъ и тѣмъ поддерживать въ нихъ жизнь или способствовать имъ переселиться въ тотъ мѣръ съ умироговоренной совѣстью, т. е. способствовать достиженію наивысшей цѣли, какую только можетъ поставить себѣ человѣкъ на землѣ. Недаромъ въ нашемъ народѣ такимъ высокимъ почтеніемъ и уваженіемъ пользуется самое званіе „сестры милосердія“. Въ служеніи сестеръ милосердія то духовное благо, какое онѣ приносятъ страдальцамъ-воинамъ, даже не подлежитъ и учету... Недаромъ солдаты въ войну 1877—1878 гг. „въ серьезъ“ называли „Христовымъ лѣкарствомъ“ ласковое прикосновеніе или ласковое слово „сестриць“, а ихъ самихъ называли и еще пѣжнѣе—„голубками“ (Гер. Михайль, „Письма о войнѣ“, стр. 9; Илинскій, „Русская женщина въ войну 1877—1878 г.“ СПб. 1879, стр. 52). Если къ этому сводится сущность служенія нашихъ сестеръ милосердія, то очевидно, что онѣ сами, а за ними и весь русскій народъ, такъ высоко чтущій ихъ и такъ любовно благословляющій ихъ на ихъ подвигъ, глубоко и живо чувствуютъ въ войнѣ призывъ Божій къ добру и раздаютъ это добро тѣмъ щедрѣе, чѣмъ сильнѣе ужасы войны, чѣмъ страшнѣе удары небеснаго грома, усматриваемаго народомъ въ ней. Подъ воздѣйствіемъ истинно-христіанскаго взгляда на войну, какъ на судъ Божій, она сдѣлалась для нашего народа поприщемъ не звѣрствъ, не грубаго насилія, а прекрасныхъ правственныхъ подвиговъ, которыми, быть можетъ, уравновѣшивается неизбѣжно творимое тамъ зло.

Такъ мудро и трезво русскій народъ смотритъ ¹⁾ на войну и относится къ ней. Онъ встрѣчаетъ ее, какъ неотвращаемую.

¹⁾ Въ прошломъ всецѣло, а въ настоящемъ—за нѣкоторыми печальными исключеніями.

тимую необходимость, возлагающую на него долгъ охраны интересовъ отечества и предотвращенія отъ него бѣдствій, и, по свойственному ему глубокому патриотизму, дружно отзывается на царскій призывъ къ оружію; но онъ понимаетъ эту необходимость взять въ руки оружіе, какъ порожденіе человѣческой грѣховности, усматриваетъ въ войнѣ судъ Божій, и потому ведетъ ее честно, сообразно съ достоинствомъ христіанскаго народа, усматриваетъ въ ней Божій призывъ къ добру, которое и проявляетъ въ возможно широкихъ размѣрахъ, дабы противопоставить эту силу добра силѣ зла, причиняемаго войною, а, если Богу угодно, то и побѣдить ею это зло. Войну, какъ несовершенное средство для обезпеченія своему отечеству блага и для предотвращенія отъ него зла, онъ стремится по возможности смягчить въ размѣрахъ и силѣ ея бѣдственности. Результатомъ такого трезвеннаго и религіозно-серьезнаго отношенія нашего народа къ войнѣ было то, что частыя войны Россіи не вносили въ народъ нравственнаго огрубѣнія. Напротивъ, Россія выходила изъ борьбы всегда нравственно просвѣтленной и обновленной чувствомъ общности и братства, проникаясь взаимнымъ довѣріемъ и уваженіемъ къ силамъ народа, къ этому духовному сокровищу, которое таитъ въ себѣ народная душа, и которое такъ богато раскрываетъ на полѣ брани въ мужествѣ, стойкости, великодушіи, самоотверженіи, любви и другихъ высокихъ качествахъ вооруженныхъ и невооруженныхъ воплотителей и выразителей ея. При нравственно-трезвенномъ отношеніи къ войнѣ, для Россіи не были пагубны и войны съ печальнымъ исходомъ. Ея не ослѣпляли побѣды, но и пораженія не повергали въ уныніе и не приводили въ разстройство. Она умѣла извлекать нравственно-бодрящіе уроки и изъ неудачныхъ войнъ и какъ бы такъ размышляла сама съ собой:

Смиримся же, други; въ паденіи своемъ
Повинны мы все безъ изъятія.

Прощенье другъ другу—и честно пойдѣмъ
 Путѣмъ покаянія, братья!
 Возстань же Россія! родная, возстань
 На трудъ трисвятой обновленья,
 На честную битву, на славную брань:
 Настала пора пробужденья.
 Кто-бъ ни былъ ты—воинъ, купецъ, селянинъ,
 Художникъ, судья, воевода,—
 Въ комъ русское сердце, кто родинѣ—сынъ,
 Кому дорога честь народа!
 Возстанемте дружно, забывъ о себѣ,
 На общую требу спасенья;
 Всѣмъ дѣло найдется въ суровой борьбѣ,
 Въ работѣ святой возрожденья!...

(М. Розенгеймъ).

Такъ, всегда война открывала у насъ дверь къ новымъ настроеніямъ и отношеніямъ, къ жизни общей, объединенной, безъ внутренняго разъединенія, погребеннаго на войнѣ въ самоотверженномъ братствѣ по оружію. Отъ меча Русь всегда возвращалась съ удесятеренной энергіей къ работѣ надъ своимъ благоустройствомъ, и эта работа, прерванная, но и возрождаемая войной, была и есть ея настоящая цѣль и любимое, дорогое ея дѣло, которому всѣ искренно были рады, а радѣтели родины напутствовали его самыми теплыми благожеланіями.

Иди!—они говорили (А. Хомяковъ) ей:—иди! Тебя
 зовутъ народы.

И, совершивъ свой бранный миръ,
 Даруй имъ даръ святой свободы,
 Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!

Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ—громъ,
Гроза прекрасна—ангелъ Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

А. Волгинъ.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 9-го января 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 4.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905 года, января 23-го.

Содержаніе: Подъ впечатлѣніемъ жизни и книги.—Настоятельная пужда въ хорошихъ псаломщикахъ (окончаніе).—Практическій совѣтъ по адресу кандидатовъ священства.

Подъ впечатлѣніемъ жизни и книги.

Аккорды жизни. Знаменательныя черемъны. Наука; свѣтское общество и богословы. „Новый Путь“ и духовные журналы. Приемы ихъ „подемии“. *Pium desiderium*. Новыя задачи пастырства. Подготовлено ли оно къ ихъ выполненію? Что дѣлать?

Многознаменательное мы переживаемъ время. Разверните газетный листъ, раскройте духовный или свѣтскій журналъ,—рѣдко вы не подслушаете при описаніи современной жизни и ея проявленій ноты недовольства, какой-то тоски, томленія, неудовлетворенности. То же вы услышите и въ разговорахъ съ людьми разнаго возраста, положенія, состоянія, различныхъ убѣжденій. Въ жизни,—скажутъ часто вамъ,—потеряны устои. Религія съ ея обрядностью не удовлетворяетъ многихъ, требуется ея преобразование... Идеалы нрав-

ственности утрачены... Общественная жизнь полна недуговъ. Семья не прочна, потому что шатки ея основанія. Воспитаніе юношества стоитъ на ложной почвѣ, и молодежь—будущее поколѣніе — вырастаетъ безъ вѣры, безъ убѣжденій, безъ принциповъ, безъ всего святого... Что-то давить, гнететь и человѣчество и человѣка—личность. Человѣкъ чааетъ какого-то облегченія въ жизни, отъ неправды жизни, отъ ея томящей пустоты и неустроенности... Сколько грусти, порой досады, порой отчаянія въ отзвукахъ жизни! сколько минорныхъ тоновъ слышится во всякомъ ея описаніи и оцѣнкѣ! Читаешь, слушаешь,—и грусть невольно подсказываетъ: сколько горя, страданій, дурного и печальнаго!

Но вотъ другія строки, другія рѣчи. Прислушайтесь: звучатъ иные тоны. Въ минорные звуки врываются мажорные, положительные, увѣренные... А вотъ и разрѣшеніе тѣхъ и другихъ въ полный аккордъ жизни: и тѣ и другіе—рядомъ, какъ всегда, какъ вездѣ, гдѣ жизнь бьетъ ключомъ... И думается: сколько недоразумѣній, сколько напрасныхъ стенаній, безвольнаго подчиненія общему „плачущему“ настроенію! Посмотрите. У каждаго явленія двѣ стороны: взгляните на обратную сторону медали. Мало ли добраго, хорошаго, святого въ этомъ мірѣ? мало ли въ жизни розовыхъ тѣней? Самое недовольство многихъ настоящимъ только ли плохо? Не порождаетъ ли неудовлетворенность стремленія къ лучшимъ, высшимъ идеаламъ, къ ихъ болѣе прочному и полному осуществленію въ жизни? Не значить ли это, что многіе сознали свою далекость отъ идеала, великость этого идеала, что у нихъ явилось стремленіе къ нему, почувствовалась потребность приблизиться къ нему въ жизни? А это не лучше ли, чѣмъ обычное житейски-равнодушное прозябаніе? Это—горѣніе сердца, а не теплохладность...

Какое знаменательное время! Прежде такъ называемая положительная наука являлась непримиримымъ врагомъ религіи. Истины науки опытной и вѣроучительныя истины религіи были чѣмъ-то несоединимымъ. Признавая только то, что постигается вѣшнимъ опытомъ и можетъ быть имъ про-

вѣрено, наука отрицала и духовный опытъ и вѣру. И теперь общее направленіе науки таково; но замѣчается и другое теченіе. Истины Библии уже не кажутся ученымъ достойными одного презрѣнія. Ученые представители положительныхъ знаній начинаютъ часто приходиться къ выводамъ, согласнымъ съ библейскими воззрѣніями на міровые вопросы. Прежде на эти воззрѣнія смотрѣли, какъ на пережитокъ старыхъ воззрѣній, которыя тормазятъ истинно-научное развитіе человѣчества. Теперь часто сознаются, что научныя истины являются неточными, нетвердыми; начинаютъ приходиться къ убѣжденію въ истинности тѣхъ положеній, которыя прежде были отвергнуты и осмѣяны, какъ покоящіяся будто бы на предразсудкахъ вѣры. Еще болѣе знаменательно, что сознаютъ недостаточность науки для удовлетворенія всѣхъ запросовъ жизни человѣческой. Въмѣсто презрѣнія къ религіи у представителей „чистой опытной истины“ просыпается сознаніе, что религіозная истина и вѣра—великое дѣло, къ которому нельзя относиться легкомысленно; что ихъ значеніе и вліяніе слишкомъ велики и обширны; что безъ религіозной вѣры человѣкъ не найдетъ удовлетворенія естественнымъ запросамъ своей души. Брютеньеръ еще писалъ о „банкротствѣ науки“...

И въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ просыпаются интересъ и стремленіе къ религіознымъ познаніямъ. Это инстинктивная неудовлетворенность однимъ внѣшне-опытнымъ знаніемъ, борьба за возможность жизни не ума только, но и сердца, война за право вѣры и надеждъ невѣдомаго будущаго. Въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ (1903 г., авг.), въ глубоко-прочувствованной статьѣ, архимандритъ Андрей рисуется наше свѣтское интеллигентное общество со стороны его религіозныхъ вѣрваній. Ихъ у него нѣтъ, религіозными знаніями оно совершенно не интересуется и съ ними не знакомо. „Духовенству это надлежитъ вѣдать, а намъ зачѣмъ?“—это обычная если не фраза, то мысль представителя свѣтской интеллигенціи. По отношенію къ своей религіи христіанской они часто держатся даже смѣшныхъ, а иногда и оскорбительныхъ воззрѣ-

ній... Да, это такъ. Но, съ другой стороны, въ послѣднее время начинаетъ уже пробуждаться интересъ къ религіи, хотя, можетъ быть, и очень у немногихъ „свѣтскихъ“ людей. Потерявъ у нихъ путеводный маякъ жизни, и въ исканіи его наше „свѣтское“ общество приближается къ Церкви. „Свѣтскіе“ внушили юношеству, что естественныя науки—единственно истинны и безпристрастны, а религія—это формальность, что-то устарѣвшее, связующее свободу мыслей и дѣйствій человѣка. Даже на духовное юношество повліяло это общее направленіе, настроеніе общественное, міровое... Но что дали юношеству начала „положительныхъ“ знаній, какъ основа жизни?—Они не воспитали его. Недаромъ жалуются, что юношество вырастаетъ безъ принциповъ и убѣжденій; недаромъ сознаютъ, что въ школахъ большой пробѣлъ: нѣтъ воспитанія. Въ настоящее время вопросы воспитанія и обученія часто обсуждаются и въ печати и въ обществѣ. Это и понятно: вопросы воспитанія и обученія—вопросы общественной важности. Воспитаніе и обученіе должны идти рука объ руку. Съ развитіемъ ума должно соединяться и развитіе воли и чувства. Тамъ, гдѣ этого нѣтъ, получается ненормальность, обнаруживаются печальные результаты. Критическое отношеніе ко всему и скептицизмъ современной науки проникли и въ начала жизни молодежи. Это сказывается въ отрицаніи авторитетовъ—Божественнаго, родительскаго и всякаго вообще по праву старшинства, опытности, образованія или власти. „Въ особенности горько наблюдать проявленія гордости въ молодомъ поколѣніи, которое, не потрудившись надъ собою, дерзко стремится къ преобразованію существующаго строя, чѣмъ вноситъ смуту въ общество, мѣшаетъ правильному теченію жизни и губить многихъ“ („Прав.-Русское Слово“ 1903 г., № 16). Школа стоитъ на рубежѣ полного своего обновленія, и съ нетерпѣніемъ ждутъ этого обновленія всѣ, кому близки и дороги интересы и судьбы нашей школы и юнаго поколѣнія. Сознаніе, что такое наша молодежь съ ея знаніями, воззрѣніями и нравственными усто-

ями, тяготить многихъ. Хотятъ воспитать въ молодежи нравственные устои, подготовить людей для разныхъ поприщъ, государственной и общественной дѣятельности, людей стойкихъ, приспособленныхъ къ жизни, съ вѣрою въ себя, въ окружающее, съ жизнью сердца, съ надеждой на достиженіе начертаннаго идеала. Но гдѣ начало, на которомъ оснуется молодежь? гдѣ звѣзда, за которой пойдетъ юношество, чтобы оправдать надежды общества,—за которой само общество поведетъ своихъ дѣтей?—Эта звѣзда зажглась въ Виелеемскую ночь. За этой звѣздой должно идти. Но старшіе сами часто не видятъ этой звѣзды, не знаютъ, куда идти и младшихъ вести. Вотъ почему дорого стремленіе свѣтскихъ людей къ религиознымъ знаніямъ, стремленіе удовлетворить запросы вѣры; вотъ почему его нельзя не привѣтствовать съ радостнымъ чувствомъ.

Не можетъ не привѣтствовать—и привѣтствуетъ—такое явленіе и богословская наука. И для богослововъ наступило знаменательное время. Богослововъ слушаютъ, отъ богослововъ требуютъ слова и дѣла, богословскіе вопросы волнуютъ теперь общество на ряду съ вопросами научными, общественными и проч. Богослововъ упрекаютъ въ томъ, что они съ своей наукой мало идутъ навстрѣчу обществу и его запросамъ, что ихъ наука мало жизненна. Это—правда; но здѣсь вина не однихъ богослововъ,—въ этомъ виновато и само общество, которое не иначе встрѣчало слово религіи, какъ съ игнорированіемъ и скептицизмомъ, если не съ презрѣніемъ и издѣвательствомъ. Лучшими богословами сознается, что наука религіи должна получить другое направленіе, или точнѣе—центръ ея тяжести долженъ быть перемѣщенъ къ отвѣтамъ на запросы общества. Но при этомъ богословы прежде всего и главнѣе всего должны держаться своего упованія, своихъ авторитетовъ, не приспособляться къ ходячимъ мнѣніямъ, какъ это часто бываетъ изъ-за популярности, изъ-за „славы человѣческой“. Имъ должно только стараться, чтобы ихъ поняли „свѣтскіе“, словами и языкомъ общества говорить съ нимъ,—

„ожививъ въ своемъ сознаніи завѣты *золотоу вѣка* христіанскаго просвѣщенія, возможно внимательнѣе относиться не только къ содержанію общаго просвѣщенія и такъ называемой *свѣтской* литературы, но и къ самымъ ея литературнымъ приѣмамъ, къ ея формѣ, чтобы бороться съ предразсудками общества его же оружіемъ и пользоваться для положительнаго раскрытія христіанской истины его же собственными приѣмами и соображеніями, досказывая и доразвивая; возводи до полной истины частичные намеки на нее, чаянія и предвосхищенія, которыми, часто въ трудно узнаваемой формѣ, полна и естественная мысль, особенно въ ея лучшемъ отраженіи — въ современной наукѣ, искусствѣ и литературѣ“ („Богосл. Вѣстникъ“ 1903 г., окт., стр. 246—247). Отъ богослововъ требуютъ живого слова, раскрытія для жизни правды Христовой, — настоячиво требуютъ, и *право* имѣютъ. Богословы, и особенно пастыри Церкви, *должны* идти навстрѣчу этимъ запросамъ, постараться удовлетворить ихъ, вложить новую, живую душу въ жизнь общества въ твердой вѣрѣ и надеждѣ, что во Христѣ и болѣе живомъ проведеніи въ жизнь заповѣданныхъ Имъ началъ *всѣ* найдутъ путеводную звѣзду, цѣль жизни, тотъ путь, которымъ пойдутъ увѣренной и твердой стопою.

Разъ въ свѣтскомъ обществѣ пробуждаются интересъ къ религіознымъ вопросамъ и исканіе отвѣта на запросы чувства религіознаго, этотъ интересъ надо поддержать, а запросы постараться удовлетворить. Всякое стремленіе къ этому цѣнно. Цѣнно оно, если является и со стороны свѣтскихъ людей, которыхъ скорѣе и съ большей довѣрчивостью прочтетъ свѣтскій человекъ, у котораго не пробудилось еще религіозное чувство. Нельзя съ этой точки зрѣнія не привѣтствовать попытку „Новаго Пути“ и бывшихъ въ Петербургѣ такъ называемыхъ „Религіозно-философскихъ“ собраній представителей свѣтскаго и духовнаго общества — идти навстрѣчу религіознымъ запросамъ общества. Нельзя не согласиться, что и „Новый Путь“ и „Религіозно-философскія собранія“ имѣютъ зна-

ченіе, „поскольку они способствуют распространенію религиозныхъ интересовъ и содѣйствуютъ ихъ усиленію“ (А. И. Бриллиантовъ въ XVIII собр. Протоколы засѣданій въ „Н. Пути“. Ср. „Русское Слово“ 1904 г., № 17. Гарри Хартъ: „Ремонтированный путь“).

Но „Новый Путь“ вступилъ на ложный путь—и не только на ложный, но и на вредный по существу проводимыхъ имъ идей, по отношенію къ истинѣ православія. Это не разъ, а много уже разъ указывалось и духовными и свѣтскими писателями. Мы хотимъ обратить вниманіе на то, что насъ особенно поражаетъ въ краткой сравнительно жизни органа „новопутейцевъ“,—это—полная противоположность и несоответствіе симпатичной цѣли съ тѣми несимпатичными приемами, какими пытаются ее достигнуть. „Новый Путь“ идетъ къ исканію религиозныхъ идеаловъ, и въ названныхъ собраніяхъ стремятся рѣшить религиозные вопросы (представители свѣтскаго общества на собраніяхъ въ большинствѣ тѣ же „новопутейцы“). Представители свѣтскаго общества даютъ руку союза и общаго труда богословамъ... Не достойно ли это—вниманія, уваженія, сочувствія и подражанія?—Да, несомнѣнно. Но надо дружно идти къ тому, чтобы исканіе разрѣшилось. Дружное только дѣйствіе исцѣлитъ недуги, которыми болѣетъ общество, человекъ, душа христіанская. Будущее пролетъ свѣтъ, бальзамомъ уврачуеъ душу. Общество излѣчится вѣрою и стремленіемъ къ нравственному идеалу, въ стремленіи къ его осуществленію найдутъ удовлетвореніе. Оно, среди разнообразныхъ вѣяній и вліяній, какъ птица въ сѣтяхъ, бѣется; но выпустятъ птицу на волю, и она быстро—быстро несется къ знакомой полевой полоскѣ, къ родному гнѣзду.. Душа, по природѣ христіанка, но мятущаяся въ исканіи идеала,—обрѣтетъ его. Надо только дружно идти къ идеалу. Здѣсь, думалось бы, не мѣсто спору несерьезному, обидчиво-задорному; не мѣсто, казалось бы, водителямъ по „новому пути“, ищущимъ истины, но еще не нашедшимъ ея, думать, что они только могутъ найти ее. На собраніяхъ ре-

лигіозно-філософських въ рѣчахъ „новопутейцевъ“ слышится не мучительное исканіе истины, а самодовольная увѣренность, что они только этою истиною владѣють, что у нихъ надо поучиться. Здѣсь—уже нежеланіе или неспособность взаимнаго пониманія. „Врачу, исцѣлися самъ“. Этого упрека должно опасаться „новопутейцамъ“: они сами говорятъ, что „непогрѣшимыхъ въ сужденіяхъ людей Православная Церковь не знаетъ“... Но къ прошлому, чѣмъ Церковь жила столѣтія, относятся, какъ непогрѣшимые судьи, съ отрицаніемъ. В. В. Розановъ, напр., отвергаетъ ученіе отцевъ Церкви; онъ идетъ по опасному пути и часто—непонятно куда (даже для Мережковскаго). Розановъ съ нетерпимостью относится къ вѣроученію „велерѣчивой“ догматики, сдаетъ въ архивъ всѣ богословскія науки; но онъ считаетъ свои велерѣчивыя (не менѣе, чѣмъ догматика?) проповѣдыванія за истину. Онъ и его единомышленники приходятъ со стороны, „невѣдущіе“, какъ они говорятъ, „босяки“ вѣроученія, они требуютъ вѣры, религіозныхъ знаній, но въ то же время говорятъ о разрушеніи всего, чѣмъ жило человѣчество 19 вѣковъ, замѣны христіанства—если не всего, то въ частностяхъ—язычествомъ, требуютъ организаціи новаго ученія на новыхъ началахъ по ихъ рецепту (XVIII собр.). Отрицаніе и отрицаніе.... по это—старый путь. Отрицаніе еще не даетъ чего-либо положительнаго, а положительное *не можетъ и не должно* быть сразу безъ провѣрки принимаемо. Этого требуетъ разумность, величіе дѣла и важность для души разрѣшенія ея запросовъ. Здѣсь не мѣсто спорнымъ считамъ, мелко-самолюбивому желанію защитить свое... „Новый Путь“ выкинулъ флагъ: „журналъ держится принципа полной терпимости ко всякому серьезному убѣжденію“. Терпимость—вещь похвальная, но... на дѣлѣ. И не для фанфаронства же, конечно, выкинуть флагъ „терпимости“? Съ какимъ пріятнымъ чувствомъ это читалось и думалось... Но что же оказалось?—Желаніе отрицать, стремленіе доказать свое, а если нѣтъ доказательствъ—осмѣять, острить для укола самолюбія противника и проч. и проч.—все это не рѣдко и въ журналѣ и въ

рѣчахъ „новопутейцевъ“. Прощаютъ всѣхъ и все въ Церкви, хвалятъ не тѣхъ, кто убѣжденно и доказательно говорить, а только тѣхъ, у кого находятъ съ собою хотя малое единомысліе... О. Ковальницкаго въ свой „семейный списокъ“ внесли (ноябрь, 1903 г.). Не почетная ли награда?.. Всѣ тѣ, часто мелкіе и колкіе упреки, что „новопутейцы“ и ихъ союзники шлють другимъ, могутъ быть направлены по ихъ адресу, безъ всякаго озлобленія, а только по снесенію съ обѣщанной терпимостью... Кому-то „Новый Путь“ послалъ довольно грубый упрекъ „въ готовности зайти въ чужой дворъ, безчинствовать и вступить въ рукопашную“. Не спорю;— можетъ быть, это справедливый упрекъ... Но не могутъ ли и „новопутейцамъ“ сдѣлать упрекъ: „безчинствуютъ во дворѣ Церкви“?

Но довольно о „безчинствахъ...“ Достаточно и довольно откровенно высказаннаго „новопутейцами“ презрѣнія къ „присяжнымъ“ богословамъ. Посмотримъ, къ чему оно можетъ повести?—Наука съ ея „опытнымъ“ знаніемъ и религія съ ея вѣрою долго шли разными, слишкомъ разными путями; люди свѣтскіе жили, долго жили иными запросами души, чѣмъ люди Церкви... Надо терпѣніе и умѣніе согласить ихъ. Недовѣріе давно таится съ обѣихъ сторонъ. Богословы иногда слишкомъ подозрительно относятся къ научнымъ изслѣдованіямъ, а многіе представители науки склонны пренебрегать религіознымъ ученіемъ. „Новый Путь“ ставитъ своею цѣлью примирить еще непримиренное, девизомъ—„полную терпимость ко всякимъ серьезнымъ убѣжденіямъ“. Но свсимъ отношеніемъ къ истинамъ и убѣжденіямъ Церкви и богословской наукѣ не поддерживаетъ ли онъ того, недовѣрія и отрицательнаго взгляда, что посѣяны скептицизмомъ, матеріализмомъ, наукой, о какой уже шла рѣчь? Проповѣдь „Новаго Пути“, отрицательная по отношенію къ „присяжному“ богословію, съ сочувствіемъ встрѣчается людьми отрицательнаго направленія... Но при стрицаніи, и безъ паруса и руля „ищущіе“, „босыяки“, „незнающіе“—куда приведутъ читателей? Можетъ быть, туда, куда и сами не желаютъ ихъ вести?..

Но даже и при убѣжденности въ своей правотѣ, надо съ уваженіемъ относиться къ убѣжденіямъ другихъ. Надо относиться съ терпимостью, и надо *много терпѣть*. „Полная терпимость ко всякому серьезному убѣжденію“. Въ религіозныхъ вопросахъ нѣтъ несерьезнаго, есть невѣрные только—постановка вопросовъ и отвѣты на нихъ. Интересъ религіозный—интересъ серьезный, и къ нему надо подходить серьезно. Переработка такихъ дорогихъ человѣку убѣжденій, какъ религіозныя, болѣзненна. Надо съ осторожностью приступать къ этой операціи. Надо трудиться, надо ждать и терпѣть. Интересъ къ религіи у свѣтскихъ людей пробудился. Нельзя не радоваться. Свѣтскіе люди и богословы протягиваютъ другъ другу руку чрезъ раздѣляющую ихъ пропасть различія убѣжденій, хотятъ проложить путь, мостъ чрезъ пропасть къ единенію. Пропасть прошедшей жизни велика, велико, трудно и долговременно будетъ и построеніе моста чрезъ нее. Терпѣніемъ и любовью стяжите единеніе. Надо помнить строителямъ, что только при уваженіи другъ къ другу, къ убѣжденіямъ другъ друга, особенно религіознымъ, какъ къ чему-то святому для каждого, свѣтскіе люди и богословы придутъ къ единству, а не къ раздробленію, обособленію и враждѣ. Не взаимныя пререканія, которыя могутъ обратиться въ озлобленіе и взаимныя проклятія, а уваженіе къ мнѣнію другого, сознаніе важности идеала и любовь общаго стремленія къ единому должны связывать. Это побѣдитъ консерватизмъ однихъ и либерализмъ другихъ, т. е. только при этомъ возможно примиреніе. Уже и теперь не мало этихъ пререканій, споровъ—не серьезныхъ, а колкихъ, рѣзкихъ, порой даже неделикатныхъ выходокъ и недостойной серьезнаго дѣла перебранки. Раздаются такіе голоса и со страницъ духовныхъ журналовъ. И это—глубоко-печальное явленіе! Въ этомъ видно, такъ сказать, несознаваніе, что рѣзкость—не доказательство, что глубокая убѣжденность всегда говоритъ серьезно и покойно; непониманіе, что одна рѣзкость вызываетъ другую, что такіе приемы „терпимости“ ведутъ не къ соглашенію, а

къ разобщенію на почвѣ недовѣрія, обиды, пыла литературной озлобленности... И духовнымъ журналамъ и „Новому Пути“ одинаково можно сдѣлать этотъ упрекъ. Но нельзя не признать, что въ первое время богословская наука большинствомъ голосовъ встрѣтила сочувственно начинанія „Новаго Пути“, и „Новый Путь“ приемами литературства и критики въ духѣ Антона Крайняго первый выступилъ на поприще задорной полемики. Послѣдній упрекъ тѣмъ болѣе, думается, непристрастенъ, что „Новый Путь“ самъ заявилъ о „терпимости къ убѣжденіямъ“; онъ долженъ былъ провести ее самъ и внушить ее другимъ. Чтеніе недостаточно серьезной для дѣла полемики пробуждаетъ грустное чувство, даже при сочувствіи тому, что написано,—въ „Новомъ ли Пути“, или въ духовныхъ журналахъ,—въ душѣ отъ приемовъ „писанія“ остается непріятный осадокъ...

Редакція „Новаго Пути“ обновилась. Ожидаютъ обновленія и въ направленіяхъ и стремленіи журнала... Можетъ быть, *ремонтъ* „Пути“ коснется и той стороны его, какую имѣли въ виду мы. При терпѣливомъ, серьезномъ отношеніи къ поставленнымъ задачамъ, при соблюденіи объявленной терпимости, „Новый Путь“ можетъ съ большимъ успѣхомъ содѣйствовать единенію свѣтскаго общества и Церкви, будетъ будить больше вниманія къ вопросамъ философско-религіознаго характера, разрѣшать ихъ или вызывать на обмѣнъ мыслей богослововъ,—т. е. скорѣе достигнетъ своей цѣли и выполнитъ свою задачу, будѣтъ имѣть большее право на серьезное и уважительное къ нему отношеніе. Но и духовнымъ журналамъ, и особенно богословамъ, пастырямъ Церкви, въ ихъ полемическихъ статьяхъ не лишнее *ремонтировать* свои приемы. Людямъ христіанской религіи всегда, а богословамъ и пастырямъ наипаче, должно памятовать заповѣдь ап. Петра: „будьте *всегда готовы всякому*, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи, дать отвѣтъ съ *кротостію* и *благоговѣніемъ*; имѣйте добрую совѣсть, дабы тѣмъ, за что злословятъ васъ,

какъ злодѣевъ, были постыжены порицающіе ваше доброе житіе во Христѣ“ (1 Петр. 3, 15—16).

Послѣднія слова апостола приложимы къ пастырямъ Церкви особенно при ихъ служеніи общественному дѣлу. И на нихъ, какъ пастырей Церкви, новыя вѣянія налагаютъ новыя обязанности, призываютъ къ болѣе живой дѣятельности. Задачи пастырства становятся шире, потому что шире и разностороннѣе становятся запросы. И въ шумныхъ городахъ и въ глухихъ селахъ печатное слово будитъ вопросы религіознаго характера, на которые пастырь долженъ быть всегда готовъ дать твердый, убѣжденный отвѣтъ съ кротостью и благоговѣніемъ. На немъ лежитъ обязанность—оградить приходъ отъ многочисленныхъ лжеучителей, „новыхъ христіанъ“, прикрывающихся флагомъ христіанства при возрѣніяхъ, имѣющихъ мало общаго съ христіанствомъ („Церк. Вѣстникъ“, № 43 за 1904 г.), вразумить заблудшихъ, уклонившихся отъ чистоты православной вѣры, пользуясь вѣяніями времени, поддержать въ прихожанахъ интересъ къ Церкви и вѣрѣ, провести въ жизнь прихода начала христіанской нравственности, сблизить народъ съ Церковью и заставить жить ея жизнью. Когда же возможно выполнение этихъ широкихъ задачъ труднаго пастырскаго служенія?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ „Церковный Вѣстникъ“: „нельзя скрывать того прискорбнаго факта, что рознь между духовенствомъ и народомъ, особенно образованными классами, дошла до угрожающихъ размѣровъ, и этой розни нельзя устранить никакими другими средствами, какъ только поднявъ образованіе духовенства до уровня современнаго развитія общества; только стоя на одинаковомъ съ нимъ научномъ уровнѣ, и отнюдь не низшемъ, духовенство сумѣетъ быть для него полезнымъ и способно будетъ внести въ его жизнь начала христіанской вѣры и нравственности“. Готово ли къ этому духовенство—и сельское и городское?—Нѣтъ. Едва ли кто не признаетъ значительную долю правды въ тѣхъ упрекахъ, которые раздаются въ обществѣ и въ печати по адресу нашего духовен-

ства,—упрековъ въ его невѣжествѣ, равнодушїи къ вопросамъ жизненно-религіознымъ, въ его невнимательности къ развивающейся приходской жизни, въ отсутствїи корпоративной солидарности духовенства, въ его замкнутости въ формальное исполненіе своихъ обязанностей... Что дѣлаетъ духовенство въ цѣляхъ развитїя своихъ религіозныхъ познанїй и приложенїя ихъ въ жизни? Чѣмъ оно по окончанїи курса въ духовно-учебныхъ заведенїяхъ питаетъ и развиваетъ и какъ приспособляетъ къ жизни свои познанїя, полученныя въ школахъ? Чѣмъ оно възгрѣваетъ въ себѣ духъ вѣры?—Въ послѣднее только время слышимъ мы, что въ средѣ столичнаго духовенства образуются кружки, обсуждающїе вопросы пастырской практики—не той „практики“, когда рѣчь идетъ о рѣшенїи различныхъ „недоумѣнныхъ вопросовъ“ требника и устава, а жизненныхъ вопросовъ минуты—о невѣрїи общества, сближенїи его съ Церковью, привлеченїи къ жизни прихода, воспитанїи въ духѣ христіанскомъ. Лучшія силы духовенства сознаютъ нужду въ единенїи между собою, горячо ратуютъ „за кружки“ духовенства „для самообразованїя“, „для воздѣйствїя на прихожанъ“, рекомендуютъ способы образованїя такихъ „кружковъ“. „Подобные кружки“, сознаютъ они, „могутъ очень оживить насъ, возбудить въ насъ духъ общенїя, интересъ къ умственному обогащенїю и въ то же время оживятъ энергію. Послѣ этого въ средѣ нашей не можетъ быть того глубокаго промалчиванїя, которое приходится намъ иной разъ переживать въ бесѣдахъ съ болѣе или менѣе интеллигентными людьми или даже съ приготовившимися научно сектантами. Мы всегда будемъ въ курсѣ теченїя общественной мысли и жизни“... („Вѣра и Разумъ“ 1904, № 18, стр. 888. Свящ. Люминарскїй). Добрая слова! Они отъ души, и къ сердцу надо принять ихъ нашему духовенству. Собираясь случайно или неслучайно другъ у друга, наши іереи (и городскїе, а тѣмъ болѣе сельскїе) много ли бесѣдуютъ о вопросахъ вѣры, знанїя, съ горячимъ ли интересомъ, съ душею ли?—Очень и очень рѣдко. Въ кружкахъ городскихъ іереевъ и протоіереевъ идетъ

обыкновенно рѣчь объ архіереѣ, рассказы о немъ, его келейникѣ, секретарѣ, консисторіи, доходности приходоѡ, законоучительствѣ въ учебныхъ заведеніяхъ и проч.; но рѣдко услышите вы бесѣды о вопросахъ книжныхъ, философски-и научно-богословскихъ. Въ селѣ—тѣ же разговоры, и еще мельче интересы: бесѣдуютъ о благочинномъ, доходахъ, хозяйствѣ... Конечно, все это „жизненные“ разговоры. Но почему не жизненны для духовенства другіе вопросы? Гдѣ потерявъ интересъ къ нимъ, и какъ его найти?—Бываютъ сѣзды духовенства, ихъ депутатовъ, благочинныхъ. Рѣшаются вопросы обще-духовнаго епархіальнаго хозяйства, о мѣрахъ дисциплинарныхъ по отношенію къ духовенству,—горячо и много вопросовъ обсуждается; но среди нихъ рѣдки вопросы другого характера (о поднятіи уровня знаній въ духовенствѣ, способахъ къ этому, объ оживленіи приходской жизни и т. п.), да если и поднимаютъ подобные вопросы люди, болѣющіе душою за дѣло духовенства, то вопросы эти часто не возбуждаютъ интереса и не находятъ поддержки въ большинствѣ членовъ сѣзда. Потерявъ именно интересъ къ живому дѣлу пастырства... Обыкновенно, и духовенство и свѣтскіе люди обвиняютъ исключительно семинаріи въ томъ, что онѣ даютъ кандидатамъ священства мало познаній общеобразовательнаго характера, не поселяютъ въ нихъ интереса къ богословскому вѣдѣнію, любви къ духовной книгѣ, слишкомъ догматично и схоластично преподаютъ имъ знанія вѣры, безъ приложенія ихъ къ запросамъ времени. Въ этомъ большая доля правды, а большая часть вины—въ программахъ семинарскихъ предметовъ и въ общемъ направленіи образованія и воспитанія воспитанниковъ. Объ этомъ много говорено, не мало писано, это давно сознано, и необходимость реформы духовно-учебныхъ заведеній рѣдко кѣмъ не признается своевременной и насущной. Науки „общаго развитія“ преподаются въ очень сокращенномъ видѣ, богословіе—по курсамъ, не затрогивающимъ вопросовъ, выдвигаемыхъ послѣднимъ временемъ. Людямъ, имѣющимъ въ будущемъ служить міру, не даютъ свѣдѣній объ этомъ мірѣ, его пред-

ставленіяхъ, жизни, запросахъ и интересахъ. Не только не знакомятъ, но и не позволяютъ читать свѣтскихъ журналовъ, изданій, да и къ духовному чтенію и книгѣ не развиваютъ вкуса. Гдѣ могутъ видѣть *всю* духовные журналы воспитанники семинаріи, если при семинаріи обычно нѣтъ соответствующей читальни? Въ такой читальнѣ юноша привыкъ бы къ богословской книгѣ, ознакомился бы съ обсуждаемыми въ духовной литературѣ вопросами, наука для него оживала бы и приобрѣтала, какъ живая, интересъ. Надо только пожалѣть объ отсутствіи при большинствѣ семинарій ¹⁾ такихъ читальнь и ихъ правильной и широкой организаціи. Въ такой читальнѣ мѣсто и свѣтскимъ журналамъ... Интересъ къ богословскому вѣдѣнію и любовь къ книжкѣ духовнаго журнала остались бы и послѣ семинаріи... Но нельзя обвинять однѣ семинаріи, говоря о низкомъ уровнѣ развитія нашего духовенства, и этимъ успокаивать себя. Никакая школа не можетъ дать того, что даетъ жизнь. Каждый день жизни приноситъ новые запросы, при различныхъ обстоятельствахъ очень различные. Школа должна дать основныя знанія, любовь къ знанію; но неужели священникъ можетъ довольствоваться тѣмъ, что дала ему школа? Не долженъ ли онъ всегда и послѣ курса ученія трудиться и трудиться для утвержденія въ „упованіи своемъ“?— Несомнѣнно. Ни одно знаніе не можетъ жить безъ его поддержки, развитія, совершенствованія. Ни одна семинарія не сдѣлаетъ изъ человѣка священника, на *всю* жизнь *готоваго* отвѣчать *всякому* объ упованіи своемъ... Но трудятся ли надъ своимъ самообразованіемъ и развитіемъ наши священники? Нѣтъ ли такихъ, которые даже въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ и мѣстныхъ епархіальныхъ извѣстіяхъ (тѣ и другія обязательны для выписки) не прочитываютъ многого, за исключеніемъ офиціального отдѣла (распоряженія, назначенія, перемѣщенія, награды и выговоры и т. д.)? Какая часть свя-

¹⁾ „Церк. Вѣстникъ“ (1904, № 43) сообщаетъ, какъ о рѣдкомъ явленіи, объ открытіи такой читальни при Могилевской духовной семинаріи.

ценниковъ, особенно сельскихъ, читаетъ нѣсколько духовныхъ журналовъ, знаетъ ихъ характеръ, а въ свѣтскихъ, если и читаетъ ихъ, то что-либо, кромѣ легкой беллетристики?.. Пусть читатель отвѣтитъ по совѣсти.

Скажутъ: духовенство, особенно сельское, не имѣетъ средствъ выписывать духовные и свѣтскіе журналы, а тѣмъ болѣе отдѣльныя книги и изданія. Да. Но здѣсь-то и должно придти на помощь единичнымъ лицамъ все духовенство. Имъ должны быть выработаны способы, и изысканы средства этой помощи. Это, несомнѣнно, возможно. Такъ, въ нѣкоторыхъ городахъ есть епархіальные книжные склады (магазины), и при нихъ выписываются журналы духовные и свѣтскіе, газеты, разныя изданія духовнаго и свѣтскаго характера. Почему бы не быть здѣсь читальнѣ? Такіе склады бывають обычно въ губернскихъ городахъ: здѣсь читальня особенно полезна. Я зналъ въ прошломъ одну такую читальню; ея посѣтителями были и духовныя лица, и воспитанники семинаріи, и лица свѣтскія. Почему бы не быть такимъ читальнямъ и при другихъ учрежденіяхъ духовенства? Въ селахъ духовенство можетъ брать книги изъ благочиннической библіотеки. Это мы указываемъ для примѣра. Мѣры къ снабженію духовенства книгами—это дѣло мѣстное. Главное: надо поднять интересъ къ чтенію, къ книгѣ, къ самообразованію духовенства... Священникъ Люминарскій („Вѣра и Разумъ“ 1904 г., № 18) рекомендуетъ „пастырскіе кружки“. „Произойдутъ“, пишетъ онъ, „общія собранія... Произойдетъ обмѣнъ мыслей, возбуждятся интересъ..., споры... Появится, такимъ образомъ, интеллигентная жизнь“.

Пора духовенству взяться за это дѣло. Пора. Время не ждетъ. Намъ приходилось слышать: „гдѣ намъ, бѣднымъ сельскимъ священникамъ, еще читать, разсуждать. Всѣхъ дѣлъ не передѣлаешь и безъ того, да и горя много“. Лѣтомъ, правда, можетъ совершенно не быть свободнаго времени у сельскаго священника, занятаго полевыми работами, но зимою, при желаніи, у него всегда будетъ часъ—и не одинъ часъ—за-

няться книгою. Всякій, знающій жизнь сельскаго духовенства, знаетъ и это. А что касается „горя“, то не въ духовной ли работѣ, не въ бесѣдѣ ли съ книгою-другомъ священникъ можетъ найти забвеніе отъ „горя“, отвлеченіе отъ нерѣдкой „горькой“ чаши? Въ работѣ надъ своими пастырскими знаніями священникъ найдетъ успокоеніе, удовлетвореніе, отдыхъ. Сплотившись тѣсно для общей работы, духовенство должно заботиться о поддержаніи каждаго своего члена на высотѣ его званія, должно дать ему возможность и поддержать стремленіе къ той духовной работѣ саморазвитія и самообразованія, которая разовьетъ самосознаніе духовенства и вознесетъ его въ Церкви Православной на должную высоту... Тогда смѣло и свѣтло можно будетъ смотрѣть въ будущее пастырскаго дѣла.

Общему дѣлу пастырства должны придти на помощь всѣ, кому дорого дѣло пастырства и единеніе на Руси Церкви съ интеллигенціей и народомъ. Должны придти на помощь власть имѣющіе въ Церкви, не только давая пастырямъ возможность самообразованія, но и вызывая, поддерживая и поощряя въ нихъ такое стремленіе. Должна придти на помощь пастырямъ и интеллигенція. „Дайте содержательное богослуженіе, вдохните идею въ обряды... Интеллигенція сама поможетъ облагодѣлать наши храмы, если будетъ надежда, что внѣшнее благообразіе будетъ соотвѣтствовать и внутреннему“—такъ говорятъ отъ лица интеллигенціи свѣтскіе люди („С.-Петербург. Вѣд.“ Ср. „Руков. для сельск. Пастырей“ 1904 г., № 43, стр. 188). Пусть же она не общается только и не киваетъ по адресу православнаго духовенства укоризненно; пусть на дѣлѣ улучшитъ условія для самообразованія и всесторонняго развитія духовенства (а отсюда—и возможности „внутренняго благообразія“ во всемъ); пусть придетъ ему на помощь. Единеніе въ лонѣ Церкви—общее дѣло. Это должно всегда помнить и глубоко чувствовать. Здѣсь мѣсто *только* дружной и общей работѣ всѣхъ въ стремленіи къ единой великой цѣли.

В. Я—іи.

Настоятельная нужда въ хорошихъ псаломщикахъ.

(Окончаніе ¹).

II.

О церковномъ пѣніи должно повторить все то, что сказано уже о чтеніи, съ нѣкоторыми, впрочемъ, дополнительными указаніями. Если съ чтеніемъ псаломщикъ сравнительно легко справится одинъ, то не такъ легко разрѣшить вопросъ о хорошей постановкѣ храмоваго пѣнія. Одинъ пѣвецъ для храма недостаточенъ. Одинокій голосъ будетъ раздаваться подъ сводами храма слишкомъ жидко, блѣдно, навѣвая мысль о какомъ-то убожествѣ, пригнетенности и уныніи. Хвала Богу должна быть общая, радостная и сильная, должна возсылаться не только *единымъ сердцемъ*, но и *едиными устамъ*. Для нашего времени, при упадкѣ приходской жизни и слишкомъ ощутительномъ недостаткѣ просвѣщенія въ народной массѣ, надлежащимъ образомъ поставленное общее пѣніе пока представляется дѣломъ трудно достижимымъ. Однако, къ этой цѣли необходимо итти и теперь же принимать соответствующія мѣры.

Первою мѣрою должна быть организація церковнаго хора, который составляли бы не одни школьники, но и болѣе опытные въ пѣніи взрослые. Надъ развитіемъ церковно-хорового пѣнія много поработалъ Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ, который веденіе церковнаго пѣнія поставляетъ важною обязанностью учителей церковно-приходскихъ школъ. Однако до сихъ поръ при огромномъ большинствѣ приходо-правильныхъ хоровъ нѣтъ. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда учитель завѣдуетъ хоромъ, псаломщику остается оказывать посильную помощь въ этомъ дѣлѣ. Участіе псаломщика можетъ состоять въ томъ, что во время отсутствія учителя онъ

¹) См. № 3-й за 1905 г.

управляетъ хоромъ. Въ виду краткости учебнаго времени (6—8 мѣсяцевъ), псаломщику ежегодно придется въ теченіе 4—6 мѣсяцевъ завѣдывать хоровымъ пѣніемъ.—Кромѣ того, весьма желательно, чтобы псаломщикъ устроилъ и собственный хоръ, пѣвцовъ для котораго въ приходѣ, разумѣется, не такъ трудно собрать. Этотъ хоръ можетъ быть *мѣстнымъ* при валичности *праваго*; его важно имѣть и на тотъ случай, если учитель не согласится поручать свой хоръ псаломщику на время своего отсутствія. Если имѣть въ виду, что учителя у насъ смѣняются очень часто, и что, поэтому, школьный хоръ не можетъ считаться прочно поставленнымъ, то нужда въ собственномъ хорѣ для псаломщика станетъ еще яснѣй. Но вѣдь часто школьнаго хора совсѣмъ не бываетъ, тогда и желательно и обязательно, чтобы устройствомъ его занялся псаломщикъ. Обычно псаломщикъ подолгу, часто всю жизнь остается при одной церкви; это весьма благопріятствуетъ организаціи хорошаго и надежнаго хора.

При богослуженіи хоровое пѣніе должно чередоваться съ общимъ. Хоръ пусть исполняетъ болѣе сложныя и трудныя пѣснопѣнія, остальное же пусть поютъ всѣ присутствующіе, какъ это было въ древней Церкви и практикуется въ современныхъ восточныхъ церквахъ. Завести общее пѣніе—дѣло, конечно, довольно трудное, какъ трудно все, что приходится устраивать вновь. Но трудъ этотъ, во всякомъ случаѣ, сильный для псаломщика. Наша церковно-приходская жизнь такъ запущена, что ее можно уподобить сибирскимъ лѣсамъ или пустынѣ, гдѣ культурную жизнь приходится заводить съ самаго начала, съ первыхъ ступеней и приемовъ. Хоръ долженъ подготовить почву для общаго пѣнія. Мало-по-малу хоръ будетъ приучать всѣхъ прихожанъ къ пѣнію, и чѣмъ хоръ будетъ лучше, тѣмъ скорѣе и легче будетъ достигнута цѣль. Вѣдь самое важное здѣсь заключается въ томъ, чтобы привлечь вниманіе и вызвать у народа охоту пѣть. За хоромъ черезъ нѣкоторое время станутъ подпѣвать молящіеся. Потомъ необходимо перейти къ общимъ спѣвкамъ, для которыхъ очень

удобнымъ временемъ будетъ промежутокъ между утреней и обѣдной. Безъ спѣвокъ обойтись нельзя. Нужно ихъ производить сколько возможно чаще, съ повтореніями пѣснопѣній и съ исправленіемъ недостатковъ, какъ при спѣвкахъ съ хоромъ. На первыхъ порахъ достаточно слѣдить за правильнымъ произношеніемъ словъ (для этого молитву нужно громко прочитать не одинъ разъ и потомъ замѣчать искаженія) и устранять очень грубые недостатки въ пѣніи, напр.: пѣніе не въ тонъ, дикія выкрикиванія и т. п. Впослѣдствіи необходимо обращать вниманіе все болѣе и болѣе на усовершенствованіе художественной, такъ сказать, стороны, совершенствоваться въ пѣніи. Кто хочетъ ограничиться самымъ элементарнымъ и удовольствуется тѣмъ, если молящіеся въ храмѣ *кое-какъ протянутъ* простую молитву, тотъ навѣрное погубитъ все дѣло. Пѣніе, какъ и всякое дѣло, можетъ заинтересовать лишь подъ условіемъ хорошаго выполненія его, притомъ постепенно улучшающагося; иначе оно скоро захирѣетъ отъ общаго равнодушія.—Что нужно начать съ простаго и переходить къ болѣе трудному, и что разученному надо давать практическое примѣненіе, это знаетъ всякій. Повторяемъ: ядромъ общаго пѣнія долженъ быть хоръ, общее пѣніе нужно ставить серьезно, не жалѣя трудовъ.

III.

Отъ прямыхъ обязанностей псаломщика перейдемъ теперь къ побочнымъ, которыя онъ можетъ принять на себя добровольно.

Нашъ народъ выходитъ изъ состоянія родового полусознательнаго быта. Успѣхи школьнаго образованія и особенно глубокія перемѣны въ экономическомъ и социальномъ строѣ общества все болѣе и болѣе вводятъ народъ въ область сознательной жизни, которая опирается не на традицію, а на разсудочныя начала. Это процессъ стихійный и неотвратимый. Никакія человѣческія силы его задержать не могутъ. Да и христіанское настроеніе не должно бояться этого процесса, совершающагося въ духовной жизни народа. Однако, всякое

развитіе можетъ быть нормальнымъ и ненормальнымъ. Въ этомъ случаѣ громадное значеніе имѣеть то, какую пищу найдетъ себѣ растущій организмъ. Если народные умъ и воля въ Церкви не найдутъ полного удовлетворенія своимъ духовнымъ запросамъ, то они станутъ питаться тѣмъ, что имъ предложить плотской міръ. Въ этомъ случаѣ духовная жизнь народа приметъ чуждое христіанству направленіе. Такое явленіе, печальное само по себѣ, опасно еще тѣмъ, что истоощаетъ стихійныя силы народа, и когда Церковь выйдетъ, наконецъ, на ниву народную, чтобы сѣять сѣмена Божіи, то можетъ встрѣтить каменистую, или поросшую терніями, или же совсѣмъ бесплодную почву. Нужно спѣшить. Нужно всѣмъ членамъ клира, не исключая и псаломщика, усиленно, до поту трудиться надъ воздѣлываніемъ Божьей нивы.

Главнымъ орудіемъ просвѣщенія въ наше время служить книга. Этимъ орудіемъ и Церковь должна разносторонне пользоваться. Можно указать два главныхъ способа книжнаго церковнаго просвѣщенія, это—чтенія и библіотека. Конечно, здѣсь псаломщикъ можетъ явиться не самостоятельнымъ дѣятелемъ, а лишь въ роли помощника священника и исполнителя его указаній. Но это ничего не значитъ. Для него и этого достаточно. Онъ можетъ выступать лекторомъ предъ народомъ во время внѣбогослужебныхъ собесѣдованій—и довольно часто, потому что, въ общемъ, онъ менѣе священника занятъ. Это дѣло, къ тому же, вполне посильно для него. Между утреней и обѣдней, если нѣтъ общей спѣвки, очень благовременно предложить чтеніе, а зимой найдутся слушатели каждый день по вечерамъ.

Равнымъ образомъ, завѣдываніе библіотекой, т. е. храненіе ея, выдачу и запись книгъ удобно возложить также на псаломщика.—Говорить подробно о церковныхъ библіотекахъ здѣсь не мѣсто. Но представляется крайне печальнымъ и ненормальнымъ явленіемъ почти полное отсутствіе библіотекъ по нашимъ церквамъ. Правда, въ каждомъ храмѣ непре-

мѣнно пайдется нѣсколько книгъ—преимущественно старыхъ. Но онѣ подобраны безъ системы, такъ какъ попали въ церковь болѣе или менѣе случайно, да и тѣ или совсѣмъ не выдаются, или выдаются безъ должнаго порядка и растериваются.

Есть еще важная отрасль просвѣтительной дѣятельности, къ сожалѣнію, не пользующаяся вниманіемъ духовенства. Мы разумѣемъ школы для взрослыхъ. У насъ и дѣти далеко не всѣ грамотны, среди же взрослыхъ процентъ грамотныхъ прямо ничтожный. Если бы духовенство взяло въ свои руки дѣло первоначальнаго образованія взрослыхъ, оно великую услугу оказало бы Церкви. Школы для взрослыхъ подъ именемъ *воскресныхъ* существуютъ по многимъ городамъ. А въ деревняхъ зимою можно было бы устраивать ежедневныя вечернія занятія, какъ они и устраиваются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Умѣстно было бы вечерніе классы соединять съ чтеніемъ: сначала позаниматься часа 1½—2, а потомъ почитать въ слухъ всѣхъ интересную и назидательную книжку. Такую школу могъ бы вести псаломщикъ.

Мы изложили свои соображенія о желательной дѣятельности хорошаго псаломщика. Иные скажутъ: легко нагромоздить горы всякихъ проектовъ, но какъ ихъ выполнить, и кто ихъ будетъ выполнять?—Но, во-первыхъ, не надо забывать, что рѣчь идетъ о насущнѣйшихъ нуждахъ церковной жизни,—нужно же ихъ во что бы то ни стало удовлетворить. Притомъ, всѣ указанные виды дѣятельности совершенно по силамъ хорошему псаломщику; а власти церковныя должны позаботиться о томъ, чтобы современемъ у насъ всѣ псаломщики были хорошими. Самое же главное—работа производить способныхъ къ ней людей. Какъ война создаетъ хорошихъ солдатъ, полководцевъ, какъ фабрики и заводы воспитываютъ мирныя арміи мастеровъ и рабочихъ,—такъ и труды на пивѣ духовнаго просвѣщенія возрастятъ усердныхъ и опытныхъ Божьихъ работниковъ. Молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ духовномъ училищѣ или во второклассной школѣ, занимаясь въ званіи псаломщика веденіемъ хора и

школы, постепенно может дорасти до уровня умственныхъ и нравственныхъ качествъ, достойныхъ и священнаго сана. Работа дастъ ему опытность и энергію, а необходимыя знанія будутъ приобрѣтены посредствомъ чтенія и самообразованія.

Въ заключеніе предлагаемъ маленькій проектъ для *частичнаго* примѣненія.—Почему бы иногда не соединять вмѣстѣ обязанностей псаломщика и учителя? Если согласится на это хорошій учитель, то отчего бы не поставить его вмѣстѣ и псаломщикомъ? И если хорошій псаломщикъ пожелаетъ быть и учителемъ, то почему отказывать ему въ этомъ желаніи?—Скажутъ, что и учитель обремененъ своимъ прямымъ дѣломъ, и псаломщикъ не въ силахъ совмѣстить двухъ должностей. Однако, такъ ли это?—Учитель полгода занятъ въ школѣ, а полгода обреченъ на бездѣтельность, а у псаломщика постоянно занята лишь половина дня въ недѣлю. Конечно, иногда,—пусть даже часто,—обязанности учителя и псаломщика будутъ сталкиваться между собою. Но это затрудненіе легко устранить. Если учитель-псаломщикъ хорошо ведетъ свое дѣло, то изъ его же собственныхъ бывшихъ учениковъ не мало найдется способныхъ замѣнить его при отправленіи требы. Наконецъ, можетъ быть у него и постоянный помощникъ. Разумѣется, этотъ трудъ долженъ оплачиваться.—Полезность предлагаемой мѣры ясна. Псаломщикъ, занимаясь въ школѣ, не былъ бы обреченъ на невольное бездѣлье, которое служить главной причиной развитія въ немъ порочныхъ наклонностей. Съ другой стороны, учитель, ставши псаломщикомъ, приобрѣлъ бы осѣдность и не бѣгалъ бы съ мѣста на мѣсто, какъ это бываетъ теперь. Въ качествѣ *частной* и *временной* мѣры это совмѣщеніе обязанностей учителя и псаломщика оказалось бы полезнымъ особенно для тѣхъ учителей,—напр., изъ окончившихъ курсъ церковно-учительской школы,—которые педагогическому дѣлу отдають всю свою жизнь. Такіе учителя—псаломщики, думаемъ, оказались бы

вполнѣ надежными помощниками священниковъ въ трудномъ и сложномъ дѣлѣ духовнаго просвѣщенія русскаго народа.

В. Кедровъ.

Практическій совѣтъ по адресу кандидатовъ священства.

Вникая въ жизнь нашего приходскаго духовенства, можно замѣтить въ ней не мало отступленій и шероховатостей, которыя въ духовномъ сословіи, преимущественно предъ другими, выступаютъ болѣе рельефно и имѣютъ болѣе рѣзкія послѣдствія. Къ числу такихъ отступленій относится, наприм., замѣчаемое въ послѣднее время стремленіе молодыхъ кандидатовъ священства жениться на дѣвушкахъ изъ свѣтской среды. На первый взглядъ, повидимому, было бы странно заводить объ этомъ рѣчь, потому что такое дѣло, какъ выборъ подруги жизни, принадлежитъ свободному рѣшенію сердца и не можетъ подчиняться никакимъ регламентаціямъ. Но если спросить: какое преимущество имѣетъ свѣтская дѣвушка предъ дѣвушкой изъ духовнаго званія, то нельзя будетъ указать ни одного. По образованію послѣдняя не уступаетъ окончившей курсъ гимназій, потому что наши женскія духовныя училища, въ особенности съ открытіемъ при нѣкоторыхъ изъ нихъ *седьмого—педагогическаго* класса, въ научномъ отношеніи сравнялись вполнѣ съ женскими гимназіями. Такъ же, какъ и гимназистки, воспитанницы женскихъ духовныхъ училищъ знаютъ литературу, исторію и проч.; сочиненія и рефераты, представляемые ими, нисколько не меньше по объему и не ниже по внутреннимъ достоинствамъ сочиненій и рефератовъ гимназистокъ. Педагогическое дѣло окончившая курсъ женскаго духовнаго училища знаетъ даже лучше окончившей курсъ гимназій, потому что въ женскихъ духовныхъ училищахъ практическія занятія въ школѣ поставлены самымъ серьезнымъ образомъ. Для нѣкоторыхъ, правда,

гимназистка покажется образованнѣе и развитѣе, потому что она свободнѣе держитъ себя въ обществѣ, смѣлѣе говорить; „епархіалки“ же обыкновенно бываютъ довольно застѣнчивы, онѣ даже часто неохотно говорятъ о томъ, что прекрасно знаютъ,—это характерная ихъ черта.

Если же мы сопоставимъ тѣхъ и другихъ, какъ возможныхъ будущихъ женъ священниковъ, то увидимъ, что свѣтскія дѣвушки во многомъ уступаютъ „епархіалкамъ“.

Никто, безъ сомнѣнія, не станетъ возражать, что отъ жены священника требуется *ничто другое*, чѣмъ отъ жены пристава, акцизнаго чиновника, офицера и т. д. Если назначеніе жены—быть помощницей мужу—остается во всей силѣ въ приложеніи къ прочимъ званіямъ и положеніямъ, что въ приложеніи къ званію священнослужителей оно получаетъ особый смыслъ и особое значеніе. Въ послѣднемъ случаѣ помощь жены является шире, глубже и важнѣе по своимъ результатамъ. Для жены священника открывается почтенное поприще—раздѣлять съ мужемъ его пастырскіе труды въ приходѣ, его учительство народа. И такое сотрудничество для священника на первыхъ порахъ его служенія—неоцѣнимо. Молодой и неопытный, онъ почти не будетъ знать, какъ приступить къ ему, чтобы поближе узнать религіозную жизнь своихъ прихожанъ, ихъ нужды и запросы. Тутъ ему существенную помощь и окажетъ его жена. Ей лучше знакома женская природа, и она, какъ получившая именно въ духовной школѣ образованіе, болѣе или менѣе близкое и сродное съ образованіемъ мужа, можетъ успѣшно дѣйствовать въ роли его помощницы.

Въ цѣляхъ воздѣйствія на религіозно-нравственную жизнь прихода едва ли не самое важное значеніе имѣетъ примѣръ священника и его жены. Гдѣ священникъ свято соблюдаетъ церковные обряды, благочестивые народные обычаи, тамъ и прихожане являются болѣе усердными къ храму Божію, болѣе нравственными и сдержанными. Поэтому, и въ данномъ случаѣ священникъ всего лучше можетъ найти поддержку въ своей женѣ, выросшей въ духовной семьѣ, съ дѣтства испол-

нявшей церковные уставы и добрыя традиціи и привыкшей ко всему укладу народной жизни. Жена священника съ свѣтскимъ воспитаніемъ, съ свѣтскими взглядами и понятіями не въ состояніи будетъ даже понять, что значить, если она не приметъ участія въ извѣстномъ народномъ празднествѣ, если она не будетъ въ соблюденіи добрыхъ обычаевъ идти рядомъ съ народомъ. Она не пойметъ всей силы почтенія и уваженія, которыя питаетъ народъ къ своимъ „батюшкѣ“ и „матушкѣ“, и которое требуетъ полнаго единодушія съ нимъ со стороны послѣднихъ. Во многихъ случаяхъ жена священника изъ свѣтскихъ оказывается помѣхой въ его пастырской дѣятельности. Мы знаемъ не мало примѣровъ, когда священники; подъ вліяніемъ, такихъ женъ, не христосовались съ прихожанами на пасхальной заутренѣ, не ходили съ молитвой по домамъ въ Рождественскій и Великій посты и т. д.

Въ домашней жизни, не входящей въ сферу чисто пастырскаго служенія, священникъ долженъ служить образцомъ для прихожанъ. Живя среди простаго народа, онъ долженъ быть простъ въ своемъ обращеніи съ нимъ. Народъ нашъ любитъ, когда батюшка его не чуждается, когда при всякой возможности участливо спрашиваетъ его о его житьѣ-бытьѣ и говорить его простою рѣчью. Тутъ устанавливается полное единеніе священника съ его прихожанами. Но оно явится еще полнѣе, если отъ священника не будетъ отставать въ этомъ отношеніи и его жена, если и она во всемъ будетъ внимательна къ прихожанамъ. Такими „батюшкой“ и „матушкой“ прихожане обыкновенно не нахвалятся, сильно къ нимъ привязываются, со слезами провожаютъ ихъ при переездѣ въ другой приходъ и долгое время о нихъ вспоминаютъ. Если же жена священника свысока смотритъ на прихожанъ, при встрѣчѣ съ ними выказываетъ непонятую брезгливость и разговоръ свой съ ними ограничиваетъ только лишь тѣмъ, что нужно лично для нея (напр., при наймѣ прислуги); то это бросаетъ тѣнь и на священника и какъ-то невольно умаляетъ его вліяніе на прихожанъ. Отсюда видно, какъ важно

для священника имѣть жену, которая была бы близко знакома съ нравами и понятіями народными, которая не считала бы для себя унижительнымъ при случаѣ пойти на-домъ къ прихожанамъ, раздѣлить ихъ простую трапезу и по-дружески поговорить съ ними. Въ полной мѣрѣ этимъ качествомъ обладаетъ только лишь дѣвушка изъ духовнаго званія, выросшая среди простого народа, знающая его бытъ, его душу; свѣтскія же дѣвушки, живущія въ городѣ, знающія народъ и деревню только лишь изъ романовъ, не могутъ успѣшно дѣйствовать въ этомъ случаѣ на народъ, даже при всемъ ихъ желаніи.

Немаловажнымъ, наконецъ, средствомъ для привлеченія симпатіи народа является внѣшній видъ „батюшки“ и „матушки“ и ихъ домашняя обстановка. Романъ Потапенко: „Новый“ служитъ прекрасной иллюстраціей этого. Въ этомъ романѣ представленъ типъ молодого священника, свѣтскаго по своимъ взглядамъ, манерамъ, платью и т. д. Тѣмъ же отличается и его жена: она по модѣ одѣвается, въ домѣ завела изысканную обстановку, а въ довершеніе ко всему этому—въ постѣ распѣваетъ съ супругомъ романсы и играетъ на рояли. Народъ сразу отшатнулся отъ этой четы. Онъ не понимаетъ излишней роскоши священника, слишкомъ уже рѣзко отгѣняющей его убожество, часто граничащее съ ницетюю; онъ не любитъ „батюшки“ и „матушки“, являющихся разодѣтыми въ его общество,—ему больше по сердцу „батюшка“, одѣтый въ поношенную, выцвѣтшую рясу, въ старой шляпѣ, а не въ блестящемъ цилиндрѣ. Точно также онъ не любитъ, если видитъ предъ собой не скромно одѣтую „матушку“, а свѣтскую барыню. Такіе „батюшка“ и „матушка“ никогда не пользуются среди него любовью и уваженіемъ: они совершенно чужды ему.

Мы уже не говоримъ о томъ, что жена священника изъ свѣтскихъ, поселившись въ деревнѣ, не знаетъ, какъ вести хозяйство. Это соображеніе—чисто практическаго характера и по значенію своему является, конечно, второстепеннымъ.

Такимъ образомъ, кандидатамъ священства лучше и естественнѣе всего выбирать себѣ будущихъ подругъ жизни изъ своей же духовной среды. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы не было благочестивыхъ свѣтскихъ семействъ, — они, безъ сомнѣнія, есть. Но рѣдко бываетъ, чтобы счастливый случай натолкнулъ кандидата священства именно на такое семейство при выборѣ себѣ подруги жизни.

Н. Я—ій.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17-го января 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 5.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года января 30-го дня.

Содержаніе: Православный пастырь и русская интеллигенція (къ вопросу о причинахъ отчужденія интеллигенціи отъ пастыря).— Взглядъ св. Іоанна Златоуста на церковно-благотворительную дѣятельность пастыря.— Къ вопросу о борьбѣ со штундой.

Православный пастырь и русская интеллигенція.

(Къ вопросу о причинахъ отчужденія интеллигенціи отъ пастыря).

Пастырь Церкви и интеллигенція въ Россіи въ наше время.

Не входяй дверми во дворъ овчій, но прелазя иуду, той татъ есть и разбойникъ; а входяй дверми, пастырь есть овцамъ. Сему дверникъ от-верзаетъ, и овцы гласъ его слышатъ, и своя овцы гласають по имени, и изюкиятъ ихъ. И егда своя овцы изжденеть, предъ ними ходитъ: и овцы по немъ идуть, яко вѣдять гласъ его. По чуждему же не идуть, но бѣжатъ отъ него, яко не знаютъ чуждаго гласа (Іоанн. 10, 1—5).

... И овцы по немъ идуть... по чуждему же не идуть...

Грустно и тяжело становится, когда отъ этого идеала взаимныхъ отношеній пастыря и паствы, — отношеній, обусловленныхъ единствомъ стремленій, единствомъ вѣры, надежды

и любви,—мысль обращается къ окружающей дѣйствительности, пытаюсь опредѣлить современныя отношенія интеллигенціи къ православному пастырю.

Вотъ нѣкоторыя данныя для характеристики этихъ отношеній.

24 февраля 1901 года обнаруживается посланіе Св. Синода объ отлученіи гр. Л. Н. Толстого отъ Церкви. Сонмъ архипастырей русскихъ, „къ утвержденію правостоящихъ и къ вразумленію заблуждающихся“, объявляетъ, что „Церковь не считаетъ его (Л. Толстого) своимъ членомъ, и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею“. Чтò отсюда должно слѣдовать, несомнѣнно должно быть извѣстно всякому члену Церкви. *Аще Церковь преслушаетъ, буди тебѣ якоже язычникъ и мытарь* (Мѡ. 18, 17). Что же видимъ?—Св. Синодъ отлучаетъ Л. Толстого отъ Церкви, а интеллигенція пользуется этимъ событіемъ, какъ предлогомъ для выраженія своихъ къ нему симпатій. Союзъ русскихъ писателей, изъ которыхъ, нужно сказать, ни одинъ не раздѣляетъ религіозныхъ воззрѣній Толстого шлетъ ему телеграмму. Учащаяся молодежь присылаетъ въ Св. Синодъ демонстративныя просьбы, покрытыя сотнями подписей, объ отлученіи и ихъ отъ Церкви и т. д. ¹⁾ Уважаемому всѣмъ народомъ русскимъ, едва ли не почитаемому святымъ, о. Іоанну Кронштадтскому, за его отказъ отъ званія члена Юрьевскаго университета въ виду того, что въ число членовъ былъ избранъ и гр. Л. Толстой, представители интеллигенціи шлютъ—конечно, въ насмѣшку—кину газетъ съ описаніемъ великихъ заслугъ Толстого, отлученнаго архипастырями отъ Церкви. Наконецъ, на религіозно-философскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ интеллигенція принципиально высказывается противъ отлученія Толстого;—да и на однихъ ли этихъ собраніяхъ? Многіе, очень многіе изъ интеллигенціи отнеслись

¹⁾ Страшицкѣ, 1901 г., Декабрь.

къ факту отлученія гр. Л. Толстого съ нескрываемымъ недовольствомъ ¹⁾... А казалось бы, что разногласій здѣсь-то именно и не могло быть: ужъ слишкомъ вѣдь ясно различіе между ученіемъ Церкви и ученіемъ гр. Л. Толстого.

Вотъ другой фактъ изъ недавняго прошлаго, также характеризующій отношенія интеллигенціи къ пастырю, но уже въ другой области. Тверское уѣздное земство рѣшило передать свои школы въ Духовное Вѣдомство,—и вотъ какія филиппики направила противъ него бѣльшая часть нашей прессы, какія насмѣшки посылались по его адресу! Это—„уродъ въ земской семьѣ“, это—„притча во языцѣхъ“, оно „въ помраченіи“ хочеть „похоронить школьное дѣло“ и пр. А вѣдь извѣстно, что Духовное Вѣдомство ведетъ школьное дѣло не хуже земства.—Или, напр., недавняя статья въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 200 1903 года), направленная противъ высказаннаго „Журналомъ Мин. Нар. Просвѣщенія“ желанія „въ цѣляхъ установленія взаимодѣйствія между дѣятелями церковной и свѣтской народной школы усиленія власти и компетенціи дѣятелей церковной школы въ школѣ свѣтской“. Тайной цѣли этихъ и подобныхъ статей нельзя не замѣтить: это—подорвать авторитетъ духовенства въ дѣлѣ народно-школьнаго просвѣщенія и чрезъ то мало-по-малу устранить его отъ всякаго участія въ веденіи школьнаго дѣла ²⁾. И это несмотря на Высочайшую волю, которая призываетъ пастырей къ активному участію въ общественной жизни въ качествѣ учителей и руководителей народной школы!

Не особенно желательно для нашей интеллигенціи пастырское вліяніе и вообще въ школахъ, не только народныхъ. „Не будетъ преувеличеніемъ, если замѣтимъ“, пишетъ проф. В. О. Пьоникій, „что, пожалуй, цѣлая половина нашего цивилизованнаго общества была бы довольна и рада, если бы

¹⁾ *Свящ. К. Анеевъ*. По поводу толковъ въ совр. образ. обществѣ, возбужденн. посланіемъ Св. Синода о гр. Л. Толстомъ.

²⁾ Церк. Вѣст., 1904 г., № 33. „Школа и духовенство“.

Законъ Божій былъ совершенно вычеркнутъ изъ предметовъ школьнаго обученія, и если бы въ нашихъ школахъ никогда не видно было священника... Взгляды эти проникаютъ и въ служебно-учебный міръ, и здѣсь многіе очень часто терпятъ существованіе Закона Божія въ ряду предметовъ преподаванія, какъ необходимость, налагаемую закономъ, и немногіе серьезно и отъ искренняго убѣжденія расположены содѣйствовать усиленію религіознаго вліянія на среду учащагося юношества“¹⁾.

Но вотъ мрачный горизонтъ какъ будто проясняется; часть русской интеллигенціи, по ея собственному признанію, „изъ сумерекъ всеобщаго безбожія или безразличія хочеть вернуться въ свѣтъ мистическаго познанія“, и идетъ, по ея словамъ, къ Церкви, „обращена къ Церкви не спиною, а лицомъ“. Она обращается къ пастырю съ просьбою научить ее, раскрыть ей глаза, если она заблуждается въ своемъ пониманіи христіанства, преподавать христіанское ученіе во всей его широтѣ и глубинѣ, „съ ученіемъ о Церкви, о таинствахъ, о крестѣ“²⁾.

Но стоитъ ближе подойти къ этой части интеллигенціи, внимательнѣе всмотрѣться въ ея фізіономію, и... тучи по-прежнему заволакиваютъ горизонтъ, и послѣ минутнаго проясненія становятся еще тяжелѣе и, пожалуй, тревожнѣе... Всегда ли это—овцы, ищущія пастыря, который повелъ бы ихъ за собой въ землю обѣтованную? не чаще ли—„сово-просники вѣка сего“, обращающіеся къ пастырямъ съ вызовомъ: „пріидите, истяжимся?“ Они требуютъ „религіозной реформаціи въ лонѣ Православной Церкви“³⁾. Да и какъ

¹⁾ Сборн. статей по вопр. христ. вѣры и жизни, в. I, 1901 г., стр. 221.

²⁾ Минскій. О своб. религ. совѣсти, „Нов. П.“, 1903 г., № 1, стр. 25.—*Д. Мережковскій*. Толстой и Достоевскій, т. II, изд. 2-е, стр. XX—XXI. *Тернавицовъ*, „Русск. Церк. предъ великой задачей“, „Нов. Путь“, 1903 г., № 1, стр. 20.

³⁾ „Нов. Путь“, № 1, стр. 27. *Минскій*. „О своб. религ. совѣсти“; сравн. *Мережковскій*. „Т. и Д.“, т. II, стр. 252.

они могутъ учиться у пастырей, когда эти послѣдніе, по ихъ мнѣнію, „наставлены въ вѣрѣ въ большинствѣ односторонне, часто ложно воодушевлены, мало знаютъ и еще меньше понимаютъ всю значительность мистической и пророческой стороны христіанства“¹⁾.—Такъ относится къ православному пастырю та часть интеллигенціи, которая стала извѣстна въ послѣднее время подъ именемъ „новопутейцевъ“.

Да и вся вообще интеллигенція, если возникаютъ у нея какія-нибудь недоумѣнія по религіознымъ вопросамъ, обращается не къ пастырямъ Церкви, а къ своимъ же *религіознымъ мыслителямъ*. „Здѣсь недоувѣріе въ нашей компетентности въ рѣшеніи тревожныхъ вопросовъ совѣсти,—пишетъ одинъ изъ пастырей,—замѣчается еще чаще и рѣзче (чѣмъ со стороны простыхъ прихожанъ): интеллигентъ-прихожанинъ рѣдко-рѣдко обратится съ ними къ своему приходскому священнику. Такихъ избранниковъ-пастырей, которые пользовались бы полнымъ довѣріемъ и авторитетомъ среди просвѣщенныхъ своихъ духовныхъ чадъ, у насъ—наперечетъ. Въ этомъ отношеніи приложимо къ намъ изреченіе апостола: „аще и мнози гѣстуны имате о Христѣ, но не мнози отцы“²⁾... Хомяковъ, Соловьевъ В., гр. Л. Толстой, Розановъ и др.—вотъ къ кому скорѣе устремляютъ свои взоры интеллигенція за разрѣшеніемъ тревожныхъ вопросовъ нравственно-религіозной области; впрочемъ, въ исключительныхъ случаяхъ, она обращается и къ такимъ подвижникамъ вѣры, какъ почившій оптинскій старецъ о. Амвросій.

Приходскій пастырь стоитъ въ сторонѣ отъ жизни интеллигенціи. Она течетъ здѣсь, около него, но онъ въ нее не входитъ. „Развѣ вы видите священника въ настоящее время

¹⁾ „Нов. П.“, № 1, „Записки рел.-фил. собр.“, стр. 8.

²⁾ *Свящ. А. Веселіцкій*. „Въ чемъ наша слабость“, „Пр.-рус. Слово“, 1904 г., № 9, стр. 809.

желаннымъ, дорогимъ гостемъ въ свѣтскихъ семьяхъ?—пишетъ одинъ изъ нашихъ современныхъ пастырей:—здѣсь онъ бываетъ большею частью только по необходимости. И какая пропасть отдѣляетъ его отъ своихъ духовныхъ дѣтей! У него нѣтъ ничего общаго съ ними. Разговоръ обыкновенно не клеится. Батюшку всегда стараются какъ-нибудь *занять*. Расспрашиваютъ о томъ, гдѣ онъ кончилъ курсъ, объ епархіальномъ архіереѣ. Если это не помогаетъ, прибѣгаютъ къ послѣднему средству—заговорятъ объ отлученіи Толстого отъ Церкви. Видно, что вопросы рождаются съ великими муками и потугами. Эта фальшь чувствуется и понимается сразу той и другой стороной. И вотъ та и другая сторона не знаютъ, какъ скорѣе отдѣлаться другъ отъ друга. Когда причтъ оставляетъ семью, то всѣ обыкновенно вздыхаютъ съ радостью, и жизнь начинаетъ быстро укладываться въ прежнее русло. Всѣмъ становится весело. Всѣ находятъ, о чемъ говорить“¹⁾..

Но довольно. И изъ сказаннаго, кажется, ясно, что отношенія между пастыремъ и интеллигенціей далеки, слишкомъ далеки отъ идеала. Современная русская интеллигенція отчуждена отъ пастыря²⁾; это—фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Разница только въ томъ, что у однихъ отчужденіе отъ пастыря сопровождается и отчужденіемъ отъ Церкви; другіе же, хотя признаютъ пастыря, какъ священнослужителя-требоисправителя, но отвергаютъ значеніе его, какъ духовнаго руководителя.

¹⁾ „Богосл. Вѣстн., 1903 г., Октябрь, стр. 342.

²⁾ Считаю нужнымъ высказать здѣсь нѣсколько замѣчаній касательно значенія слова „интеллигенція“. Очень часто и въ разговорной и въ литературной рѣчи оно расширяется до обозначенія собой всего нашего образованнаго общества. Едва ли можно поставить между „образованнымъ обществомъ“ въ обычномъ его пониманіи и „интеллигенціей“ знакъ равенства (въ понятіи „интеллигента“ мыслится, какъ отличительный признакъ, самостоятельность и свобода убѣжденій; вотъ почему „интеллигенцію“ противопоставляютъ, напр., бюрократіи, которая, однако, несомнѣнно входитъ—и имѣетъ полное право входить—въ понятіе „обра-

Констатируя это печальное, особенно для пастырской совѣсти, явленіе въ современной церковно-религіозной жизни русскаго общества, нельзя въ то же время обойти молчаніемъ и того, что это взаимное отчужденіе тяготитъ сознание не только пастыря, но начинаетъ тяготитъ и сознание интеллигенціи. Послѣ „Толстовской эпопеи“, когда такъ ярко обнаружались отношенія интеллигенціи къ Церкви и пастырямъ, въ нашей духовной литературѣ съ особенной силой подымается вопросъ о „миссіи среди интеллигенціи“. Съ другой стороны, и интеллигенція, переживъ острый порывъ увлеченія, начинаетъ какъ бы одумываться, сознавать неестественность своего отношенія къ представителямъ Церкви и обнаруживаетъ возникшее въ ней стремленіе уничтожить печальную разобщенность между духовенствомъ и свѣтскими людьми ¹⁾. Моментъ,

зованнаго общества“). „Интеллигенцію“ мы понимаемъ гораздо уже—какъ особую социальную группу, которая трудится на поприщѣ развитія и процвѣтанія духовной стороны культуры (въ противоположность матеріальной ея сторонѣ). Какъ таковая, интеллигенція имѣетъ свою собственную исторію, свои идеалы и традиціи, являясь, такимъ образомъ, единымъ цѣлымъ. Не мѣсто здѣсь обосновывать подобное пониманіе. Укажемъ только, что такъ понимаетъ „интеллигенцію“ г. *Тернавцевъ* въ извѣстномъ своемъ рефератѣ: „Русская Церковь предъ великой задачей“. Такого пониманія держится и *Н. Михайловскій*. „Мы можемъ съ чистой совѣстью сказать,—говоритъ онъ,—мы—интеллигенція потому, что мы многое знаемъ, о многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой; слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ“ („Отеч. Зап.“, т. ССLIX, стр. 201). Объ отчужденіи „интеллигенціи“, какъ социальной группы, мы и говоримъ въ своей статьѣ. Говоритъ объ отчужденіи всего образованнаго общества отъ пастыря и Церкви—едва ли можно: для этого, къ счастью, нѣтъ пока достаточныхъ данныхъ.—Равнымъ образомъ, и подъ словомъ „пастырь“ прежде всего мы разумѣемъ, конечно, православную церковную іерархію, но не единственно. Пастырскія обязанности (кромѣ священнодѣйствія) у насъ раздѣляютъ и несутъ и лица, не имѣющія іерархическаго достоинства. Вслѣдствіе этого, нами по необходимости оно будетъ иногда расширяться до понятія „учащей Церкви“.

¹⁾ Ср. „Нов. П.“ 1903 г., № 1, „Засѣд. рел.-фил. собр.“ стр. 2.

переживаемый теперь, повидимому, благопріятенъ. Нужно имъ воспользоваться. Всякая попытка указать путь и средства къ взаимному согласію и единенію пастыря и интеллигенціи имѣеть безусловно жизненное значеніе.

Но вѣдь нельзя лѣчить болѣзнь, не поставивъ точно ея діагноза. Равнымъ образомъ, нельзя предлагать или принимать мѣры для устраненія разлада между интеллигенціей и духовенствомъ, не выяснивъ прежде, чѣмъ вызванъ онъ и какими причинами обусловленъ въ своемъ существованіи,— какъ мы дошли до такого положенія дѣлъ? Почему русская интеллигенція не признаеть въ голосѣ православнаго пастыря голоса пастыря *своего*? Почему она, повторимъ вопросъ *Мережковскаго*, „принимаетъ любовь за ненависть, молитву за проклятіе“¹⁾, какъ то случилось при отлученіи Л. Толстого? Почему современное релігіозное движеніе идетъ мимо пастырей Церкви, мало того—готовится стать даже прямо антицерковнымъ? Есть ли современное отчужденіе интеллигенціи отъ пастыря явленіе случайное въ отношеніяхъ русской интеллигенціи къ пастырю, вызванное какимъ-нибудь моднымъ вѣяніемъ, въ родѣ того, какъ это было, напр., въ эпоху господства въ русскомъ обществѣ „вольтеріанства“, или же причина его кроется глубже— въ противоположности или, по крайней мѣрѣ, въ различіи воззрѣній и стремленій интеллигенціи и пастыря, въ томъ, что предъ нами „пропасть, углубленная вѣками, исторіей“? 2).

Нельзя сказать, чтобы текущая литература не давала отвѣта на вопросъ о причинахъ отчужденія интеллигенціи отъ духовенства и Церкви. Не только духовные, но и свѣтскіе писатели заинтересованы имъ, но отвѣчаютъ на него они не одинаково. Такъ, *г. Мережковскій* причину видитъ въ томъ, что пастырь русскій не является самостоятельнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, а служитъ орудіемъ власти правитель-

¹⁾ „Толстой и Достоевскій“, т. II, изд. 1-е, Предисловіе, стр. 54.

²⁾ „Мисс. Об.“ 1901 г., т. II, стр. 902.

ственной. По поводу „Толстовской эпопеи“ онъ говоритъ: „кажется, русское культурное общество—сознательно ли это, или несознательно—въ дѣйствительности борется не съ христіанствомъ, не съ Церковью, до Церкви ему въ сущности и дѣла нѣтъ, а съ тѣмъ, что за Церковью.“

Съ Петра Великаго за Церковью—государство, за жезломъ духовнымъ—мечъ гражданскій, по незабвенному слову Духовнаго Регламента, „дѣлать сіе должна коллегія не безъ Нашего соизволенія“. Надо же быть исторически справедливымъ, мало того—исторически снисходительнымъ и къ русскому образованному обществу. Нельзя обвинять его за этотъ слишкомъ естественный вопросъ, который шевелится въ умѣ, въ данномъ случаѣ, относительно гр. Л. Толстого, „у котораго бунтъ противъ Церкви такъ неразрывно связанъ съ бунтомъ противъ государства—насколько и само дѣйствіе Церкви независимо отъ внушеній государственныхъ?“¹⁾

Другіе идутъ еще дальше. Одинъ „окончившій Сиб. Университетъ“ видитъ причины отчужденія отъ пастыря „въ привычныхъ, многолѣтнихъ и, увы!—столь обоснованныхъ мысляхъ о лицахъ духовныхъ, какъ носителяхъ религіи неподвижной, навсегда въ одномъ положеніи замерзшей“²⁾. Подобныя же мысли высказываетъ и *г. Милуковъ* въ своихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“: „Православіе, по самому характеру своему,—говоритъ онъ,—не даетъ работы для человѣческой мысли. Періодъ духовнаго творчества для него давно закончился. Дѣятельному отношенію къ дѣламъ вѣры ставятся очень узкіе предѣлы. Для Православной Церкви не можетъ быть такихъ вопросовъ, которые не предусмотрены или недостаточно развиты въ писаніяхъ отцовъ Церкви и въ рѣшеніяхъ вселенскихъ соборовъ“. Въ силу этого, интелли-

¹⁾ „Толстой и Достоевскій“, т. II, изд. 1-е, Пред., стр. 54—55; см. то же въ „Нов. П.“ 1903 г., № 2.

²⁾ „Мисс. Об.“ 1901 г., т. II, стр. 902.

генціи русской, чтобы не отречься совсѣмъ отъ своей само-дѣятельности, поневолѣ оставалось пойти на отчужденіе отъ Церкви и ея пастырей. И дѣйствительно, „большинство интересовавшихся живой работой религіозной мысли ушло совсѣмъ изъ церковной ограды. Изъ оставшихся не всѣ, конечно, были равнодушны къ духовнымъ запросамъ, но религія въ числѣ этихъ запросовъ уже не занимала у нихъ перваго мѣста“¹⁾).

Наша духовная литература указываетъ причины отчужденія интеллигенціи отъ пастыря въ томъ уклоненіи интеллигенціи отъ православно-русскихъ воззрѣній и идеаловъ, какое обнаружилось въ жизни русскаго образованнаго общества со времени Петра Великаго, и въ рабскомъ преклоненіи ея предъ идеалами запада, чуждыми христіанству и православію²⁾. Указываютъ также и на то, что пастырь русской не всегда ревностно относится къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, не всегда въ-время даетъ отвѣты на запросы дня, не всегда съ должнымъ вниманіемъ сумѣеть отнестись къ сомнѣніямъ и колебаніямъ мятущейся души интеллигента³⁾ и проч.

Что сказать обо всемъ этомъ?

Пока—съ несомнѣнностью то, что предъ нами—явленіе очень сложное, не вчера возникшее. Надо признать, что справедливъ тотъ писатель, который видитъ между пастыремъ и интеллигенціей „пропасть, *углубленную отъками, исторіей*“. Чтобы ориентироваться въ такомъ сложномъ явленіи, необхо-

¹⁾ Ср. ч. II, 2-е изд., 1899 г., стр. 148—149; 366—370.

²⁾ *Архіеп. Амѣросій* Харьковскій. „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“ (Четыре публичн. чтенія. Харьковъ. 1900 г.); *В. Θ. Пивницкій*. „Объ отношеніи къ Церкви нашего образованнаго общества“. Кіевъ. 1902; *Арх. Серій*. „Подъ впечатлѣніями жизни“. Спб. 1902 г.

³⁾ См., напр., статью *свят. Фуделя*: „Миссія среди интеллигенціи“—„Мисс. Об.“ 1901 г., т. II, ноябрь и мн. др.

димо прослѣдить, какъ постепенно складывались отношенія русской интеллигенціи къ пастырю, какъ возникло и подвліяніемъ чего развивалось то отчужденіе интеллигенціи отъ пастыря, которое въ наше время выразилось въ такихъ рѣзкихъ формахъ. Только тогда мы можемъ найти дѣйствительныя причины разсматриваемаго явленія и, съ другой стороны, судить, справедливы-ли и въ какой степени—вышесприведенныя и подобныя имъ объясненія, высказываемыя иногда далеко не въ хладнокровномъ тонѣ и не безъ субъективной окраски.

Посильное осуществленіе этой задачи въ предѣлахъ возможности мы и предполагаемъ дать въ послѣдующихъ статьяхъ.

Примѣчаніе.—Нѣсколько словъ еще о томъ, съ какого времени начинать историческій обзоръ?—Интеллигенція, какъ соціальная группа, впервые заявляетъ себя въ исторіи общественной жизни Россіи въ началѣ XIX столѣтія. Но отношенія интеллигенціи этого времени къ пастырю, говорятъ, въ значительной степени являются слѣдствіемъ общаго направленія жизни высшихъ культурныхъ слоевъ нашего общества (изъ рядовъ котораго и вышла первая интеллигенція) 18 вѣка и того положенія русскаго пастыря, въ которое поставили его церковно-общественныя реформы Петра Великаго. Необходимо, слѣдовательно, заглянуть и въ XVIII вѣкъ.

В Андріевскій.

Взглядъ св. Іоанна Златоуста на церковно-благотворительную дѣятельность пастыря.

Дѣятельность пастыря Церкви, какъ организатора церковной благотворительности, состоитъ: 1) въ изысканіи матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для благотворенія; 2) въ завѣдываніи этими средствами; 3) въ самомъ процессѣ благотворенія, т. е. въ распредѣленіи этихъ средствъ между лицами, живущими на счетъ церковной благотворительности.

Во времена св. Златоуста источникомъ *церковной казны* служили, съ одной стороны, разнообразныя недвижимыя и движимыя имущества, напр.: правильно устроенныя сельскія хозяйства, виноградники, уголья, капиталы денежные и т. п.; а съ другой—доброхотныя приношенія мірянъ (прихожанъ), состоявшія изъ разныхъ продуктовъ, вещей и денегъ ¹⁾. Доброхотныя приношенія мірянъ (прихожанъ) не составляли главнаго источника церковной казны, и не на нихъ Церковь того времени совершала свою благотворительность. Св. Златоустъ горько жаловался, что у его современниковъ оскудѣло расположеніе къ пожертвованіямъ на церковныя нужды; что церковь, поэтому, принуждена сама изыскивать матеріальныя средства для своей благотворительности; что эта обязанность наноситъ существенный вредъ духовному пастырству. Онъ со слезами просилъ своихъ слушателей избавить пастырей Церкви отъ подобныхъ чисто мірскихъ занятій и взять на себя заботу по изысканію необходимыхъ для благотворенія средствъ. Онъ желалъ, чтобы „точиломъ и гумномъ“ церковной благотворительности было усердіе вѣрующахъ, а не церковныя имущества. Не говоря уже о томъ, что подобный способъ пріобрѣтенія церковной казны значительно сокращаетъ пастырскіе труды по вопросамъ церковной благотворительности и даетъ пастырю возможность посвящать больше времени заботамъ о душахъ своихъ пасомыхъ,—онъ имѣетъ еще и большое воспитательное значеніе для самихъ жертвователей, потому что всякая копейка, опущенная въ церковную кружку самимъ жертвователемъ, напоминаетъ ему о христіанской любви къ тѣмъ несчастнымъ, для которыхъ стоитъ церковная кружка, лишь бы человекъ подавалъ отъ чистаго сердца. А чѣмъ больше такихъ минутъ будетъ испытывать человекъ, тѣмъ мягче будетъ его сердце, а современемъ въ немъ можетъ вос-

¹⁾ Бес. на Ев. Мѡ., б. 85, стр. 459—461, ч. Ш, М. 1864 г., изд. 5 е; ер. Бес. на кн. Дѣян., б. 45, стр. 274; Бес. на 1 Кор., б. 21 въ концѣ.

питаться прямо *привычка* больше и чаще жертвовать на дѣла благотворенія церковнаго. Всегдашняя же забота о горькой участи меньшей братіи и желаніе помочь ей есть одно изъ вѣрныхъ средствъ воспитанія истинной христіанской любви, основы всей христіанской нравственности. Когда же Церковь извлекаетъ средства для благотворительности, помимо усердія своихъ пасомыхъ, изъ различныхъ хозяйственныхъ операций, то ближе всего стоятъ къ бѣдному люду пастыри, богатый же классъ мірянъ отдалается и, какъ ни въ чемъ не нуждающійся, становится сперва глухимъ къ страданіямъ бѣдныхъ, а потомъ глухимъ и вообще къ добру. Тутъ вся тяжесть благотворительности лежитъ на плечахъ духовенства, міряне же, собственно говоря, чужды ей и заняты исключительно своими личными дѣлами, чего, по мысли св. Златоуста, не должно быть. Вотъ почему св. отецъ всегда обращалъ вниманіе своихъ богатыхъ слушателей на бѣдный классъ и побуждалъ ихъ стать къ нему въ самыя близкія отношенія, каковыя въ особенности возможны при широкой мірской благотворительности, когда каждый жертвователь самъ подаетъ нищему, и самъ заботится объ участи его, не обращаясь къ посредничеству Церкви и ея служителей.

На все это были только благія пожеланія св. отца, а жизнь представляла иное, и Церковь совершала свою благотворительность, главнымъ образомъ, на средства, получаемыя отъ церковныхъ имуществъ и хозяйственныхъ операций, которыя во времена св. Златоуста имѣли довольно сложный характеръ и превращали пастырей Церкви иногда въ хозяевъ (сельскихъ) и торговцевъ. Какъ ни грустно было такое явленіе, однако необходимость требовала отъ пастырей Церкви заботы объ участи обездоленныхъ пасомыхъ, и самъ св. Златоустъ, объясняяшій происхожденіе церковной благотворительности жестокосердіемъ христіанъ, вмѣнялъ пастырямъ въ непремѣнную обязанность заботиться о меньшей нуждающейся братіи. Съ этой точки зрѣнія церковныя имущества, существовавшія находиться въ завѣдываніи пасомыхъ, имѣли вполне

законное право на существованіе, которое оправдывалось самымъ порядкомъ общественной жизни христіанъ. Церковь не могла быть равнодушной къ горькой участи обездоленнаго класса, но должна была заботиться о немъ; а такъ какъ для этого, кромѣ ревности, нужны были матеріальныя средства, которыхъ міряне давали не много, то Церковь, естественно, приобрѣтала собственныя имущества, чтобы, такимъ образомъ, дать своей благотворительности устойчивый характеръ и изъять её отъ всякихъ случайностей, возможныхъ при неопредѣленности матеріальныхъ средствъ.

Итакъ, въ силу необходимости, пастырь долженъ заботиться о денежныхъ средствахъ, потребныхъ для благотворительности. Лучше будетъ, если онъ станетъ совершать церковную благотворительность на добротныя приношенія своихъ пасомыхъ, но если этихъ приношеній очень мало, ему самому надлежитъ озаботиться изысканіемъ другихъ источниковъ, каковыми могутъ быть церковныя имущества, приобрѣтенныя церковію или путемъ дара, или путемъ покупки. Это тѣмъ необходимо, что для наилучшихъ успѣховъ благотворительности св. отецъ считаетъ нужнымъ имѣть матеріальныя средства всегда въ достаточномъ количествѣ; ему хотѣлось, чтобы эти средства всегда истекали какъ бы изъ какого источника и никогда бы не оскудѣвали ¹⁾. А при холодности жертвователей такими обильными и неоскудѣвающими источниками и могутъ быть только церковныя имущества, управляемая опытною рукою.

Такова основная точка зрѣнія св. Златоуста на источники церковной казны, потребной для церковной благотворительности.

Что касается путей и способовъ, какими подобаетъ пастырю Церкви изыскать источники церковной казны, то дать точныя правила, которыми можно было бы руководствоваться

¹⁾ Слова о свящ. въ пер. прот. Колоколова. Сиб. 1836, стр. 97.

въ этомъ сложномъ и трудномъ дѣлѣ, не возможно по причинамъ, полагаемъ, весьма понятнымъ, и св. Златоустъ предоставилъ самимъ пастырямъ изыскивать эти пути и способы. Но онъ далъ одно весьма важное и полезное наставленіе, относящееся къ этому вопросу и пригодное для всякаго пастыря и во всякое время. Св. отецъ, вѣроятно, по опыту зналъ, что стремленіе пастырей къ возможно большому увеличенію церковной казны могло поставить ихъ на ложный путь,—могло, напр., наиболее ревностныхъ изъ нихъ расположить въ пользу не вполне безукоризненныхъ средствъ и способовъ ея пріобрѣтенія. Желая предупредить подобныя явленія, св. отецъ говоритъ: „попечитель обязанъ пріобрѣтать стяжанія съ кротостію и мудростію, поступая такъ, чтобы жертвователи дѣлали свои пожертвованія съ усердіемъ, непринужденно“¹⁾. Значить, здѣсь не можетъ быть и рѣчи не только о какомъ бы то ни было вымогательствѣ, но даже и объ излишнемъ вліяніи пастырскаго авторитета и власти; пастырю позволительно и прилично давать своимъ пасомымъ только истинно-пастырскіе, полныя искренности, безкорыстія и благоразумія, совѣты, какъ лучше распорядиться имуществомъ, да и то въ томъ только случаѣ, если будетъ предложенъ объ этомъ вопросъ со стороны лица, намѣревающагося пожертвовать изъ своего имѣнія на благотворительныя дѣла. Однимъ словомъ, св. отецъ желаетъ, чтобы пожертвованія совершались по доброй волѣ пасомыхъ, помимо всякаго давленія со стороны пастырей, потому что только свободное и искреннее пожертвованіе имѣетъ нравственную цѣну; съ другой стороны, всякое давленіе со стороны пастыря въ данномъ отношеніи кладетъ пятно на священный санъ и на самую благотворительность. Оставляя въ сторонѣ всякія практическія наставленія для пастыря въ качествѣ руководителя при изысканіи источниковъ церковной казны, св. Златоустъ обращаетъ вниманіе его на нравственную сторону этой своей дѣятельности и хочетъ, чтобы обилія

¹⁾ Слова о свящ., стр. 101.

въ средствахъ пастырь достигалъ самыми приличными и благородными путями, и чтобы никто не могъ бросить на него даже и тѣни сомнѣнія въ его безкорыстїи и добросовѣстности. Больше ему ничего не нужно. А какъ сдѣлать, чтобы эти изысканія были нравственны и совершенно чужды подозрѣній, это уже дѣло самого пастыря, его житейской опытности и практической смѣлливости. Руководствомъ ему въ этомъ отношенїи можетъ служить личный примѣръ св. Златоуста, который располагалъ къ пожертвованїямъ силою своего краснорѣчїя и своимъ нравственнымъ авторитетомъ. Въ какой степени то и другое, особенно послѣднее, оказывало могъ чье влїяніе на его современниковъ, можно судить по тому, что св. Златоусту, когда онъ былъ въ ссылкѣ въ отдаленномъ пустынномъ Кукузѣ, константинопольскїе христіане пересылали очень большія суммы денегъ ¹⁾. Пусть же и всякій пастырь Церкви располагаетъ своихъ пасомыхъ къ пожертвованїямъ въ церковную казну силою слова,—и онъ можетъ быть увѣреннымъ въ успѣхѣ своихъ убѣжденїй, коль скоро будетъ пользоваться у пасомыхъ высокимъ нравственнымъ авторитетомъ: къ нему, безъ сомнѣнія, потекутъ обильныя пожертвованія.

Для сбора добротныхъ пожертвованїй денежныхъ существовала во времена св. Златоуста при церкви кружка, или, какъ выражается св. отецъ, сокровищница ²⁾. Но желающіе отдавали свои пожертвованія и прямо въ руки клира, особенно въ тѣхъ случаяхъ, если пожертвованія были въ видѣ какихъ-либо продуктовъ и вещей.

¹⁾ „Письма къ разнымъ лицамъ“. Спб. 1866 г.—Правда, эти деньги предназначались на личныя потребности св. отца, но для насъ важенъ самый фактъ такого рода пожертвованїй, и нѣтъ основанїй сомнѣваться, что большія пожертвованія шли чрезъ руки святителя и на благотворительность, но крайней мѣрѣ, относительно Олимпиады и др. жень извѣстно, что ихъ капиталы были открыты для церковной благотворительности, и св. Златоустъ пользовался ими для этой цѣли въ довольно широкихъ размѣрахъ.

²⁾ Бес. на Ев. Мат., б. 32, стр. 68. Ч. II. М. 1864 г.

Тому, кто заботится объ увеличені церковной казны, естественнѣе всего и распорядиться ею, потому что никому не можетъ быть такъ дорога каждая церковная копейка, какъ пастырю, положившему не мало труда на ея приобрѣтеніе; а съ другой стороны, пастырь Церкви, обращающійся съ прихожанами съ момента ихъ рожденія и до смертнаго часа, можетъ хорошо знать положеніе ихъ и, слѣдовательно, можетъ наиболѣе цѣлесообразно помогать нуждающимся изъ нихъ. Во времена св. Златоуста, дѣйствительно, церковною казною завѣдывали священники; по крайней мѣрѣ, св. отецъ въ своихъ проповѣдяхъ не разъ защищалъ церковно-благотворительную дѣятельность священниковъ отъ нареканій со стороны мірянъ. Впрочемъ, завѣдываніе церковною казною не было исключительною принадлежностію священниковъ,—этимъ дѣломъ могли заниматься—и дѣйствительно занимались—еще и діаконы. Но, кажется, не было не только обычая, а и примѣра, чтобы церковною благотворительностію занимались люди свѣтскіе, не принадлежаціе къ церковной іерархіи. Облеченіе въ какую-либо іерархическую степень всякаго завѣдывавшаго церковной благотворительностію было обычнымъ явленіемъ въ практикѣ Церкви временъ св. Златоуста. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что назначеніе завѣдующихъ церковною благотворительностію св. Златоустъ желалъ поставить въ исключительную зависимость отъ епископа и отъ клира,—можетъ быть, на практикѣ и было такъ, о чемъ можно догадываться на основаніи словъ самого же св. Златоуста, но только симпатіи св. отца были на сторонѣ апостольскаго порядка назначенія на эту должность. Говоря объ избраніи семи діаконѣвъ для служенія вдовцамъ и вообще для занятій хозяйственными дѣлами перво-христіанской общины, св. Златоустъ замѣчаетъ: „такъ и теперь подлежало бы поступать“¹⁾, а именно такимъ образомъ: вѣрующіе пусть

¹⁾ Бес. на кн. Дѣян., б. 14, стр. 253. Ч. I. Сиб. 1856.

сами избираютъ годнаго для этой должности человѣка и представляютъ его епископу, а онъ уже возлагаетъ на него руку, т. е. облакаетъ полномочіями на эту должность. Тогда такой порядокъ могъ быть удобнымъ потому особенно, что вообще лицъ на церковныя должности избиралъ самъ народъ. Но каковъ бы ни былъ порядокъ избранія завѣдующихъ церковною благотворительностію, и каковы бы ни были симпатіи св. Златоуста въ этомъ отношеніи, несомнѣнно одно: этими завѣдующими могли быть во времена св. Златоуста только лица, облеченныя священнымъ саномъ, и св. Златоустъ церковную благотворительность желалъ видѣть именно въ рукахъ клира, при чемъ высшій надзоръ за нею долженъ принадлежать епископу. Св. отецъ желалъ, чтобы въ этихъ дѣлахъ епископъ не полагался „на чужія руки“, и побольше самъ доходилъ до всего, что относится до церковной благотворительности. Подчиняя церковно-благотворительную дѣятельность клира надзору епископа, какъ его высшаго начальника, св. Златоустъ считаетъ не излишнимъ доводить до свѣдѣнія мірянъ отчетъ о церковной благотворительности. Такая огласка не сопряжена ни съ какими затрудненіями, а между тѣмъ выгоды отъ нея для дѣла могутъ быть весьма существенныя. Не говоря уже о томъ, что этимъ способомъ пастырь ограждаетъ себя отъ разныхъ подозрѣній, столь свойственныхъ въ дѣлахъ денежныхъ, такимъ своимъ вниманіемъ къ прихожанамъ онъ возбуждаетъ въ нихъ къ себѣ самому расположеніе и довѣріе, а къ дѣлу благотворительности—сочувствіе, которое, конечно, не замедлитъ проявиться осязательно. Пасомые, обыкновенно, охотнѣе жертвуютъ на такое дѣло, отъ котораго видятъ пользу, и тогда, когда имъ даютъ понять, что они кое-что значатъ въ уснѣхѣхъ даннаго дѣла, и что для пастыря дороги не однѣ ихъ деньги, а и они сами. Правда, въ этомъ, можетъ быть, сказывается нѣкоторая доля человѣческаго самолюбія, но самолюбія, такъ сказать, безгрѣшнаго и невиннаго, вполне естественнаго и достойнаго удовлетворенія. Это проявленіе человѣческой души не слѣдуетъ, пожалуй, даже

и называть самолюбіемъ, потому что оно въ дѣйствительности есть естественное сознаніе человѣкомъ собственнаго достоинства и вытекаетъ изъ желанія видѣть признаніе этого достоинства и ближними. Тутъ сказывается въ человѣкѣ скорѣе боязнь быть затертымъ невниманіемъ высшихъ по общественному положенію людей, чѣмъ желаніе польстить своему самолюбію. Можетъ быть, это—слабость человѣческая, но слабость, повторяемъ, естественная и безобидная, не удовлетворять которую гораздо хуже во многихъ отношеніяхъ, чѣмъ удовлетворяютъ.

Но, рекомендуя объявленіе отчетовъ о церковной благотворительности, св. отецъ былъ противъ суда мірянъ надъ пастырями даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе оказывались не на высотѣ своего призванія. Въ такомъ судѣ пастыря св. отецъ ничего не видитъ, кромѣ вреда для самихъ мірянъ, а потому всегда убѣждалъ послѣднихъ воздерживаться отъ подобныхъ притязаній, тѣмъ болѣе, что въ этихъ случаяхъ возможны очень частыя ошибки. Судить такихъ пастырей можетъ (и долженъ) только епископъ, а потомъ—они дадутъ строгій отчетъ Самому Богу; мірянамъ же совсѣмъ нѣтъ нужды восхищать тотъ и другой судъ и возлагать на себя лишнее бремя грѣховъ, которыхъ и безъ того у нихъ достаточно. Но св. отецъ ничего не имѣлъ противъ участія мірянъ въ благотворительности и содѣйствія ихъ священнослужителямъ,—наоборотъ, онъ желалъ, чтобы міряне какъ можно больше помогали клиру въ дѣлахъ церковной благотворительности, давалъ даже совѣты относительно этой помощи и, наконецъ, высказывалъ мысль о томъ, чтобы это дѣло всецѣло было взято въ руки мірянъ, чтобы пастыри Церкви только молились Богу за своихъ пасомыхъ, и самая благотворительность была не церковною, а общественной, или приходской (мірской) и непремѣнно хорошо организованной¹⁾. Св.

¹⁾ Бес. на кн. Дѣян., б. 45, стр. 273 и дал. ч. II, ср. бес. на Мѡ., б. 83, стр. 460 и дал., ч. III.

Златоустъ былъ сторонникъ широкаго развитія самодѣтельности пасомыхъ и старался всѣми силами и способами привлечь мирянъ къ участию въ пастырскихъ трудахъ.

Итакъ, завѣдывать церковной благотворительностію должны пастырь Церкви или лицо, принадлежащее къ клиру и облеченное священнымъ саномъ; высшій надзоръ за этой дѣятельностію долженъ принадлежать епископу; но не только не худо, а даже вмѣстѣ цѣлесообразно отчетъ объ этой дѣятельности доводить до свѣдѣнія мирянъ и такимъ путемъ привлекать ихъ къ ревностному участию въ дѣлахъ церковнаго благотворенія—впрочемъ, безъ права контроля и суда надъ пастыремъ. Пасомые могутъ оказывать большую помощь своему пастрю въ дѣлахъ церковной благотворительности и деньгами и личнымъ участіемъ; это для св. Златоуста весьма желательно, но разъ благотворительная дѣятельность сосредоточена въ рукахъ клира, хозяевами ея пасомые быть не могутъ, подобно тому, какъ они не могутъ быть учителями съ церковной каѳедры, хотя къ частному учительству и вообще къ заботамъ о спасеніи ближнихъ, къ раздѣленію обязанностей пастырской душепопечительности св. Златоустъ всегда призывалъ своихъ слушателей ¹⁾).

Что касается расходованія церковныхъ суммъ, то и здѣсь, какъ и при увеличеніи ихъ, пастырь долженъ проявлять большую осмотрительность и благоразуміе, памятуя, что эти средства даны для бѣдныхъ, и тратить ихъ безъ всякаго разбора и по своей волѣ онъ не можетъ ²⁾. Нечего и говорить о злоупотребленіи этими средствами со стороны пастыря, каковое можетъ явиться, если послѣдній будетъ смотрѣть на церковно-приходскую кассу, какъ на источникъ собственныхъ доходовъ. Этого не должно быть ни подъ какимъ видомъ—по причинамъ, полагаемъ, весьма понятнымъ ³⁾. Нѣтъ, пастырю надлежитъ быть

¹⁾ См. нашу статью: „Взглядъ св. Златоуста на пастыря Церкви, какъ руководителя и душепопечителя своихъ пасомыхъ“ въ „Рук. для с. пастырей“ за 1904 годъ.

²⁾ Вес. на Мѣ., б. 77, стр. 328. Ч. III.

³⁾ Слов. о свящ., стр. 97.

экономнымъ въ распредѣленіи добродѣтельныхъ даяній и между самими нуждающимися, такъ чтобы „жизненные припасы никогда не оскудѣвали, а изливались обильно, какъ бы изъ источниковъ“¹⁾: вынужденная бѣдность какъ-то ненасытна, взыскательна и неблагодарна. Надо имѣть много благоразумія, прилагать много старанія, чтобы бѣднымъ такого рода заграждать уста и отнимать у нихъ всякій поводъ къ жалобамъ. Вотъ почему, при избраніи пастыря, по мнѣнію св. Златоуста, необходимо, между прочимъ, обращать вниманіе и на хозяйственныя способности кандидата священства; въ противномъ случаѣ, вмѣсто попечителя, онъ можетъ оказаться расточителемъ церковнаго имущества. О честности и говорить нечего.

К. Б—въ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ вопросу о борьбѣ со штундой.

Однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ пропаганды штундизма въ православной части русскаго народа являются молитвенныя собранія сектантовъ. Бываютъ случаи, что православные, посѣтивши разъ-другой сектантскія собранія изъ одного любопытства, начинаютъ затѣмъ посѣщать ихъ чаще, и въ концѣ концовъ сами дѣлаются штундистами. Моленія штундистовъ все болѣе приобрѣтаютъ ритуальный характеръ: общее пѣніе, иногда хорошо организованное, преломленіе хлѣба, симулирующее собою таинство евхаристіи, чтеніе Свящ. Писанія и проповѣдь—все-это для простеца можетъ показаться похожимъ на православное богослуженіе и мало чѣмъ ему уступающимъ. Такъ какъ народъ нашъ воспитанъ въ правилахъ правительственной опеки и смотритъ на многое съ точки зрѣнія дозволенности со стороны гражданской власти, то съ

¹⁾ Тамъ же.

этой точки зрѣнія онъ смотритъ и на сектантскія собранія. Разъ на глазахъ начальства существуютъ молитвенныя собранія, то, значитъ, начальство не считаетъ ихъ предосудительными, значитъ, и новая вѣра не хуже православной.—Такъ склонны думать иѣкоторые. И сами штундисты не упускаютъ случая подогрѣть эту мысль указаніемъ на то, „что-де ихъ посѣщаютъ многіе господа“ и втайнѣ исповѣдуютъ ихъ вѣру. Къ этому нужно прибавить, что мѣста молитвенныхъ собраній являются средоточными пунктами всей сектантской организаціи; здѣсь они рѣшаютъ разные вопросы религіознаго и практическаго характера, выдаютъ книжки, матеріальную помощь нуждающимся.

О мѣрахъ борьбы съ сектантствомъ писалось уже не мало, но намъ нигдѣ не приходилось встрѣчать указанія на одну, такъ сказать, профилактическую мѣру въ борьбѣ съ сектантствомъ и вліяніемъ молитвенныхъ собраній сектантовъ. По нашему крайнему разумѣнію, прежде чѣмъ полемизировать съ сектантами, крайне необходимо выяснять православной части населенія весь вредъ посѣщенія сектантскихъ собраній.

Въ общемъ въ настоящее время церковная дисциплина сильно упала. Православное населеніе совсѣмъ или мало сознаетъ, что посѣщеніе иновѣрныхъ церквей, а особенно сектантскихъ собраній, есть дѣло далеко не невинное, но запрещенное православному христіанину какъ прямымъ указаніемъ Слова Божія, такъ и соборными правилами; послѣднія за такія посѣщенія налагаютъ на виновнаго епитимію. „Что же тутъ нехорошаго,—заявила намъ какъ-то барынька изъ доброй православной семьи,—если я побываю разъ-другой у штундистовъ? Это такъ интересно, да и плохого они ничего не дѣлаютъ, все больше читаютъ Слово Божіе“. Это мнѣніе, можно сказать, большинства интеллигентныхъ людей. Между тѣмъ, рѣдко кто изъ православныхъ знаетъ, что еретика, послѣ перваго и втораго вразумленія, нужно отвращаться (Тит. 3, 10); что его нельзя принимать въ домъ и привѣт-

ствовать (2 Иоанн. 1, 10); что православный христіанинъ долженъ удалиться отъ всякаго брата, поступающаго *не по преданію* (2 Тессал. 3, 6).

Въ отвѣтъ на то, что-де „сектанты въ своихъ собраніяхъ ничего плохого не дѣлаютъ—читаютъ Слово Божіе“, необходимо разъяснить, что и Свящ. Писаніе можетъ послужить въ осужденіе человѣку, если онъ самочинно и произвольно его толкуетъ; такъ случилось съ многими еретиками первыхъ вѣковъ христіанства. Словомъ Божиимъ можетъ пользоваться даже врагъ нашего спасенія—дѣволъ, какъ это было во время искушенія Господа въ пустынѣ дѣволомъ. *И млагола Ему (Христу): аще сынъ еси Божій, верзися низу: писано бо есть, яко Ангеломъ Своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранить Тя, и на рукахъ возмутъ Тя, да не когда преткнеши о камень ногу Твою* (Мѡ. 4, 6). Здѣсь дѣволъ для убѣдительности пользуется словами Псалмопѣвца (см. Пс. 90, 12).

Сектанты очень довольны, если къ нимъ даже явится священникъ, особенно посторонній; сейчасъ же его зачислятъ въ разрядъ „сочувствующихъ“ или, по крайней мѣрѣ, „интересующихся“. Въ такой разрядъ попалъ, напр., сѣдовласый, предпочтенный благочинный, поинтересовавшійся знать, что дѣлается въ его благочиніи, и побывавшій въ приходѣ подчиненнаго ему священника на моленіи сектантовъ. Необходимо, по нашему мнѣнію, чтобы священникъ непремѣнно нѣсколько разъ въ году говорилъ въ храмѣ проповѣдь о томъ, что посѣщеніе сектантскихъ собраній есть дѣло грѣховное, православному христіанину запрещенное и для вѣры опасное. Особенно это необходимо въ городахъ и пунктахъ, густо населенныхъ, такъ какъ здѣсь священнику довольно трудно, а часто и не возможно, услѣдить и знать, гдѣ бывають и кого посѣщаютъ его прихожане.

Это мѣра—частная, но тѣмъ не менѣе весьма важная, и ея не слѣдуетъ упускать изъ виду пастырямъ.

Возможны тутъ, разумѣется, и церковно-дисциплинарныя мѣры, но употребленіе ихъ зависитъ отъ опыта и усмотрѣнія каждаго священника въ отдѣльности; общихъ указаній не достаточно; личный опытъ подскажетъ священнику, какъ ему поступить съ тѣмъ или другимъ православнымъ, который, выражаясь по-малорусски — „повадывся до штундівъ“.

Свящ. В. П.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 21-го января 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гросс*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. П. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 6.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905 года, февраля 6-го.

Содержаніе: О мѣрахъ къ увеличенію числа говѣющихъ (къ наступающему Великому посту).—Русское общество и православный пастырь въ XVIII вѣкѣ.—Взглядъ св. Іоанна Златоуста на церковно-благотворительную дѣятельность пастыря (продолженіе).

О мѣрахъ къ увеличенію числа говѣющихъ.

(Къ наступающему Великому посту).

Весьма печальнымъ явленіемъ современнаго религіозно-правственнаго настроенія не только въ образованномъ обществѣ, но и въ простомъ народѣ является нерѣдко наблюдаемое уклоненіе нѣкоторыхъ лицъ отъ исполненія святѣйшаго христіанскаго долга—причащенія св. Таинъ. То, что является для христіанина величайшимъ даромъ отъ Бога и милостію, источникомъ жизни и безсмертія, у многихъ, именующихъ себя православными христіанами, находится въ наше время въ пренебреженіи, и къ чашѣ жизни, къ которой какъ можно чаще долженъ бы прибѣгать каждый истинный христіанинъ, теперь священнику, ревнующему о спасеніи душъ, приходится располагать пасомыхъ, при-

влекать, убѣждать, какъ будто онъ имѣеть дѣло не съ рожденными и воспитанными въ православіи людьми, а съ *несмысленными язычниками*, недавно только принявшими крещеніе. Грустно это и крайне печально! Въ деревнѣ, слава Богу, такое явленіе,—пока еще сравнительно рѣдкое, но въ городѣ—довольно частое; городскіе священники объ этомъ многое могли бы рассказать. Гдѣ же причина указываемаго печальнаго явленія?

Первой и коренной причины надо искать въ настроеніи общества, въ индифферентизмѣ нѣкоторой части образованнаго общества къ вопросамъ вѣры и совѣсти. Это—не невѣры и не сектанты, а просто равнодушные люди, для которыхъ всѣ цѣли жизни сведены къ одному—къ удовольствіямъ и наслажденіямъ. Жить пріятно, *so bequem*—вотъ чего ищутъ такіа лица; а если иногда явится мысль о Богѣ, о душѣ, то ее скорѣе гонять, какъ докучную и мѣшающую такъ жить. Матеріализація жизни и всѣхъ идеаловъ—это господствующее теперь настроеніе. Такъ называемыя идеи и идеалы общественные, научные, личныя—все это у насъ, разумѣется, есть, но за всѣмъ этимъ часто скрывается поразительное духовное убожество и самый низкій эгоизмъ. На равнодушіе нашего общества къ Церкви и св. таинству причащенія оказалъ значительное вліяніе кумиръ нашего времени—столь популярный писатель гр. Л. Толстой. Ни одинъ изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ еретиковъ и кощунниковъ не издѣвался такъ ужасно надъ таинствомъ причащенія, какъ „великій писатель земли Русской“. „Образованное“ общество наше, такъ падкое до всего оскорбительнаго для Церкви, съ азартомъ накинулось на сочиненія гр. Л. Толстого, и ядъ его отрицательнаго ученія широкою волною разливается по Руси. Интеллигентное общество наше, не привыкшее критически относиться къ тѣмъ взглядамъ, какіе преподносятъ ему разные патентованные мудрецы, и на таинство причащенія усваиваетъ толстовскій взглядъ, хотя видимо и не отдѣляется отъ Церкви, какъ это сдѣлалъ самъ гр. Л. Толстой. Пренебреженіе къ храму и таинствамъ интеллигентныхъ родителей

естественно переносится и къ дѣтямъ, подростающему поволѣнію, которое въ этомъ случаѣ идетъ за отцами. Законоучителямъ городскихъ учебныхъ заведеній нерѣдко приходится выслушивать жалобы родителей на то, что обязательное посѣщеніе богослуженія, особенно частое въ Великій постъ, во время говѣнія, дѣло—обременительное для ихъ дѣтей (другое дѣло—6—8 часовъ съ вечера до ранняго утра провести за танцами, напр., — это легко и пріятно!), и въ настоящее время слышатся голоса о томъ, нельзя ли посѣщеніе богослуженія и говѣніе сдѣлать совершенно свободнымъ и не обязательнымъ?

О до-школьной религіозной подготовкѣ и воспитаніи интеллигентныхъ дѣтей мало можно сказать хорошаго. Одинъ законоучитель привилегированнаго училища рассказывалъ намъ, что на вступительныхъ экзаменахъ вовсе не рѣдкость встрѣтить мальчика изъ *барской* семьи, 10—12 лѣтъ, который *ниразу* не былъ въ церкви, не имѣетъ никакого представленія о томъ, что такое исповѣдь и причащеніе и т. п.

Условія внѣшней современной жизни также мало содѣйствуютъ выполненію православными христіанами ихъ христіанскихъ обязанностей. Развитіе фабричнаго и промышленнаго труда получило у насъ на Руси грандіозные размѣры. Успѣшный ходъ этого труда требуетъ безостановочной работы, а это требованіе не можетъ не отражаться на людяхъ, обслуживающихъ разныя предпріятія. Предприниматель за свою плату старается отъ рабочихъ выжать максимум ихъ времени, силъ и энергіи, оставляя возможно меньшій минимумъ времени на удовлетвореніе ихъ самыхъ необходимыхъ потребностей—сна и ѣды. Для религіи, для посѣщенія богослуженія остается въ распоряженіи рабочихъ весьма мало времени. Теперь развелось очень много такихъ занятій, которыя почти не оставляютъ человѣку днемъ ни минуты покоя; такова служба на почтѣ, на желѣзной дорогѣ; кондуктора, машинисты на послѣдней имѣютъ отдыхъ только черезъ день. Гдѣ же тутъ думать о богослуженіи, когда человѣкъ, вернув-

пись со службы, какъ подкошенный, валится на постель отъ усталости? Постепенно такая служба отучаетъ отъ храма, отъ церковной жизни, и не удивительно, что желѣзнодорожные служащіе даютъ значительный процентъ штундистовъ. Такихъ, самую службу отрѣзанныхъ отъ храма, лицъ у насъ, особенно въ городахъ, теперь миллионы; достаточно сказать, что на однѣхъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ служащихъ свыше 150 тысячъ человѣкъ.

Наконецъ, въ данномъ вопросѣ невинно виновато отчасти и духовенство, такъ какъ въ нѣкоторыхъ приходсахъ оно фактически лишено возможности наблюдать за тѣмъ, насколько исполняютъ святой долгъ исповѣди и причащенія прихожане. Здѣсь мы разумѣемъ приходы съ бродячимъ, подвижнымъ населеніемъ—приходы городскіе. Масса городскихъ жителей говѣтъ по монастырямъ при чемъ въ монастыряхъ не ведется совершенно никакой записи говѣющимъ. Не рѣдки, наирямѣрь, такіе случаи. Является человѣкъ къ приходскому священнику и проситъ выдать записъ о бытіи у исповѣди. Роеся псаломщикъ по исповѣдной росписи, но даннаго лица не находитъ.—„Да вы не говѣли совсѣмъ въ этомъ году!“—„Какъ не говѣлъ? Говѣлъ Великимъ постомъ въ N монастырѣ“, возражаетъ онъ. И часто бываетъ такъ, что, сколько ни толкуй, подобный проситель никакъ не можетъ понять, почему ему не даютъ желаемаго свидѣтельства.—Странно, говѣтъ человѣкъ можетъ, гдѣ угодно, а *бумажку съ печатью* можетъ дать только приходскій батюшка!.. Такъ называемыя *исповѣдныя росписи* во многихъ городскихъ приходсахъ совсѣмъ утратили свое подлинное значеніе и весьма далеки отъ истины. Священнику часто приходится слышать отвѣтъ отъ прихожанина, что послѣдній говѣлъ въ такой-то (чужеприходной) церкви или монастырѣ. Многие, разумѣется, говорятъ правду, но нѣкоторые прикрываютъ этимъ свою лѣнь и нерадѣніе къ христіанскому долгу. Тутъ и разбирайся, какъ хочешь!

Во всякомъ случаѣ, бороться съ этимъ печальнымъ явленіемъ возможно. А для этого пастырямъ какъ можно чаще

слѣдуетъ разяснить смыслъ таинствъ покаянія и причащенія и ихъ спасительное значеніе для христіанина. Удобнымъ временемъ для такихъ собесѣдованій являются недѣли подготовительныя къ Великому посту и самый Великій постъ. Проповѣдническая литература по этому вопросу весьма богата. Не говоря о томъ, что въ любомъ проповѣдническомъ сборникѣ можно найти одну-двѣ хорошихъ проповѣди о таинствахъ покаянія и причащенія, есть много сборниковъ, общедоступныхъ по изложенію и недорогихъ по цѣнѣ, посвященныхъ исключительно этимъ таинствамъ ¹⁾.

Для того, чтобы пастырское вліяніе собесѣдованій и церковныхъ поученій о значеніи таинствъ покаянія и причащенія проникало въ семью, необходимо, чтобы содержаніе ихъ

¹⁾ Назовемъ нѣкоторые изъ нихъ: 1) „Общедоступное чтеніе во время говѣнія“. Выбранныя мѣста изъ поученій: св. Тихона Задонскаго, Евсевія, архіеп. Могилевскаго, Иннокентія, архіеп. Херсонскаго и др. Составила *Ярославская*; цѣна 15 коп.; 2) „Причастникъ св. Христовыхъ Таинъ“. Размышленія, взятые изъ сочиненій: св. Димитрія Ростовскаго, Иннокентія Херсонскаго, Теофана Владимірскаго, прот. Родіона Путятина и др.; цѣна 20 коп.; 3) „Кающійся грѣшникъ“. Тоже выборки изъ лучшихъ проповѣдниковъ о тѣхъ же таинствахъ; цѣна 20 коп.; 4) „Приготовленіе къ таинству исповѣди и святого причастія“. Изъ сочиненій епископа Игнатія Брянчанинова; цѣна 30 к.—Кромѣ этихъ сборниковъ компилятивнаго характера, есть нѣсколько сборниковъ, принадлежащихъ одному автору и посвященныхъ тому же предмету, каковы, напримѣръ, книжки прот. *Г. Дебольскаго*; 5) „О говѣніи, по уставу Православной Церкви; ц. 50 коп.; 6) „Седмица говѣнія, исповѣди и причащенія“; ц. 20 коп.; 7) прот. *Влоццеттова*—„Приготовленіе къ исповѣди и св. причащенію св. Христовыхъ Таинъ“; цѣна 20 коп.; 8) „О святомъ причащеніи“. Домашнія наставленія пастыря готовящимся ко святому причащенію, съ приложеніемъ молитвенныхъ возношеній къ Богу во дни причастныя. Прот. *Евгенія Попова*; цѣна 50 коп.—Всѣ означенныя книжки можно выписывать изъ книжныхъ магазиновъ Тузова. По личному опыту смѣло утверждаемъ, что приведенная нами библиотечка, стоящая съ пересылкой около *трехъ* рублей, будетъ весьма полезной для священника; она дастъ весьма богатый матеріалъ для бесѣдъ и поученій въ великопостные дни. Въ остальное время года книжки эти, одобренныя Министерствомъ для народныхъ школъ, могутъ ходить по рѣкамъ у прихожанъ; особенно желательно, чтобы ихъ почаще читали школьники.

доходило до семействъ; а этому можетъ помочь книга, особенно теперь, когда грамотность у насъ развивается все болѣе и болѣе. Къ прискорбію, и церковныя и личныя средства священниковъ въ громадномъ большинствѣ приходоу настолько не велики, что для раздачи народу болѣе или менѣе цѣнныхъ книжекъ (даже въ 5 коп. цѣной) нѣтъ возможности, а потому желательное распространеніе дешевыхъ *листочковъ* на указанную тему. Вопросъ о принятіи мѣръ къ увеличенію сравнительно недостаточнаго числа говѣющихъ обсуждался, между прочимъ, въ прошломъ году на сѣздѣ духовенства Цермской епархіи. Какъ на желательную для этого мѣру, сѣздъ указалъ на усиленіе *пастырскаго воздѣйствія* на прихожанъ и призналъ необходимымъ вывѣщиваніе на видныхъ мѣстахъ поученій о пользѣ говѣнія, для чего призналъ весьма желательнымъ отпечатать такія поученія и воззванія въ большомъ количествѣ для бесплатной раздачи народу¹⁾.

Помимо вліянія въ храмѣ, священникъ можетъ во время посѣщенія своихъ прихожанъ съ молитвой и крестомъ располагать къ говѣнію; особенно удобно для этого посѣщеніе „съ молитвою въ началѣ поста святаго Четырдесятницы, еже священникъ своимъ парохіаномъ чтеть“. Нѣкоторые болѣе благочестивые и ревностные прихожане Великимъ постомъ говѣютъ 2 раза—на первой и на Страстной седмицахъ, большинство же говѣетъ на первой недѣлѣ; съ молитвою священникъ ходитъ на слѣдующихъ недѣляхъ; зная, кто отговѣлся на первой недѣлѣ, священникъ во время посѣщеній съ молитвою и можетъ побесѣдовать съ лѣнливыми и нерадивыми о необходимости для христіанина говѣнія.

Желательна, затѣмъ, еще и слѣдующая мѣра (ее, впрочемъ, можно достигнуть только общими усиліями православнаго духовенства, авторитетнымъ ходатайствомъ нашихъ архипастырей, помощью правительственной власти). Новый законъ о праздникахъ значительно сократилъ число праздни-

¹⁾ См. объ этомъ „Церковн. Вѣд.“ 1904 г., № 48, стр. 1963.

ныхъ дней для рабочихъ. Какъ бы взаимнѣ ихъ, желательно; чтобы рабочіе на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ получали, по крайней мѣрѣ, 3 дня на говѣніе; для этого возможно было бы или же отпускать рабочихъ небольшими партіями для говѣнія въ теченіе всего поста, или же совсѣмъ прекращать работы на Страстной недѣлѣ. Последнее—лучше, такъ какъ вмѣстѣ съ говѣніемъ эта мѣра дала бы рабочимъ возможность присутствовать на великихъ трогательно-торжественныхъ службахъ Страстной недѣли¹⁾).

Относительно монастырей и домовыхъ городскихъ церквей можно высказать слѣдующее пожеланіе. Пусть, прежде всего, духовники говѣющимъ у нихъ лицамъ внушаютъ сознаніе необходимости говѣть въ своихъ приходскихъ храмахъ. Затѣмъ, такъ какъ въ монастыряхъ есть всегда свободныя лица, то имъ возможно поручить и веденіе исповѣдныхъ записей,—есть же тамъ записчики поминовеній, въ нѣкоторыхъ большихъ монастыряхъ по нѣсколько даже. Что это дѣло не лишнее, доказываетъ слѣдующій случай изъ личной нашей практики. Требуется консисторія справку о штундистѣ NN; по справкѣ въ исповѣдныхъ росписяхъ, его записаннымъ тамъ не оказалось. Приглашаемъ NN къ себѣ на бесѣду. NN категорически заявляетъ, что онъ—православный, каждый годъ говѣеть въ такомъ-то монастырѣ. Если бы въ монастырѣ велись исповѣдныя росписи, сейчасъ можно было бы взять выпись о говѣніи NN, и дѣло стало бы яснымъ. Пришлось повѣрить на слово, а между тѣмъ выяснилось впоследствии, что NN дѣйствительно былъ штундистъ и, ведя бродячій образъ жизни, замѣченъ былъ гдѣ-то даже въ совращеніи другихъ въ секту.

Со стороны нѣкоторыхъ педагоговъ и родителей слышатся голоса о томъ, чтобы говѣніе сдѣлать не обязатель-

¹⁾ О томъ, насколько не благопріятно положеніе рабочихъ и фабричныхъ относительно говѣнія, мы имѣли случай уже говорить на стр. „Руководства для с. Пастырей“ (см. ст.: „Православное духовенство и фабрика“ 1904 г. II, 405 стр.).

нымъ для школьникова: это-де очень утомляетъ „бѣдныхъ дѣтей“. Духовенство должно употребить всѣ усилія къ тому, чтобы эти домогательства, чего добраго, не осуществились, такъ какъ приучать дѣтей къ храму и богослуженію надо именно съ ранняго возраста, а не тогда, когда они уже отобьются отъ Церкви. Слѣдуетъ, наконецъ, совершенно уничтожить практику нѣкоторыхъ священниковъ исповѣдывать дѣтей по нѣскольку человѣкъ сразу, такъ какъ при этомъ исповѣдь не можетъ быть полной и искренней, и, кромѣ того, такой порядокъ съ раннихъ лѣтъ приучаетъ ихъ относиться къ святому дѣлу исповѣди кое-какъ, небрежно и невнимательно.

Свящ. В. Пестраковъ.

Русское общество и православный пастырь въ XVIII вѣкѣ.

1.

Если бы мы дали себѣ трудъ сравнить жизнь высшихъ слоевъ нашего общества до Петра I и послѣ него, то увидѣли бы между ними громадное различіе. Различіе это заключается не въ томъ только, что до Петра съ опасеніемъ относились ко всякимъ реформамъ, особенно въ духѣ Запада, а послѣ Петра уже не боялись новизны, напротивъ—стремились къ ней; и не въ томъ, что до Петра жизнь складывалась по Домострою а послѣ—по образцу Запада; и не въ томъ, наконецъ, только, что до Петра въ воспитаніи дѣтей на первомъ планѣ стояло религіозное ихъ обученіе, и родители сами старались объ этомъ прежде всего, тогда какъ имп. Елизаветѣ пришлось уже издать нарочитый указъ о религіозномъ воспитаніи (1743 г.), а Гедeonъ Криновскій жаловался, что родители „къ познанію Бога истиннаго и къ достойному Того-жъ почтенію надлежащаго искусства завести въ нихъ отнюдь не стараются, но еще противное сему вкореняютъ, какъ не Евангеліе Христово,

не Законъ Божій, но амурныя ивкія книжицы въ руки ихъ съ самаго младенчества втирають“ ¹⁾ и проч. Нѣтъ, дѣло гораздо серьезнѣе и глубже: самая жизнь съ извѣстнаго момента въ основѣ своей получила новое направленіе; были поставлены для нея новые идеалы, которые, быть можетъ, долго еще не сознавались ясно, но присутствіе ихъ сказывалось положительно во всемъ. Эти новые идеалы, новое направленіе жизни русскому обществу и было дано могучимъ геніемъ Петра I.

Въ до-Петровскую эпоху жизнь русскаго общества складывалась по идеалу религіозному. „Жить по-Божьему“ — вотъ что было желаніемъ и стремленіемъ всѣхъ. Были, конечно, и исключенія, но важно общее направленіе жизни. Идеаль религіозный стоялъ высоко, и имъ опредѣлялась жизнь во всѣхъ ея многосложныхъ проявленіяхъ. Но возможенъ и другой идеаль жизни общественной, это — когда религія является удовлетвореніемъ лишь одной изъ многихъ другихъ сторонъ жизнедѣятельности человѣка, когда религіи отводится мѣсто только въ храмѣ въ тѣ немногіе часы, которые проводятся за богослуженіемъ и молитвой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слагается идеаль *утилитарный*, расширяемый до идеала *общаго* земного благополучія.

Такой идеаль и былъ поставленъ предъ лицомъ русскаго общества жизнью и дѣятельностью Петра Великаго. „Петръ весьма ясно, хотя на первыхъ порахъ, можетъ быть, и безсознательно, установилъ принципъ, что у человѣка, кромѣ религіозныхъ, есть еще потребности, такъ сказать, свѣтскія, гражданскія, столь же резонныя и законныя и исполнѣ самостоятельныя, въ область которыхъ религія не можетъ и не должна проникать (въ этомъ, кстати, обнаружился удивительный параллелизмъ развитому въ протестантствѣ, въ част-

¹⁾ Цит. по „Ист. русск. педагогикѣ“ М. Демкова, ч. II. Спб. 1897 г., стр. 227—228.

ности—у Меланхтона, ученію о двойственной нравственности: духовной и гражданской). Церковь при такомъ пониманіи перестаетъ быть совѣстью государства, все въ немъ проникающей и освѣщающей; ея область все сокращается, ограничившись только извѣстной стороною или отраслью жизни. Еще шагъ—и создается вполнѣ законченная система: во главу всего становится государство, какъ организмъ, захватывающій въ себя всю безъ остатка полноту человѣческой жизни. Организмъ этотъ имѣетъ свое собственное призваніе и законы и никому, кромѣ Бога, отчета не даетъ“ ¹⁾. Отсюда понятна вся преобразовательная дѣятельность Петра Великаго. Русь до-Петровская была слишкомъ слабо организованнымъ государствомъ; необходимо было организовать его прочно. Но какъ?—Петръ I видѣлъ сильныя, могучія государства на Западѣ; устроить Русь по образцу ихъ—и составило цѣль всѣхъ его стремленій. Но при достиженіи намѣченной задачи ему необходимо пришлось считаться съ пастырями Церкви, которые принимали тогда большое участіе въ „строеніи земли“.

Пастыри Церкви до - Петровской эпохи пользовались широкимъ вліяніемъ въ государственной и общественной жизни. Были они совѣтниками государей, великихъ князей, присутствовали въ земскихъ соборахъ, были третейскими судьями, усмиряли бунтовщиковъ, печаловались предъ властями за народъ и опальныхъ бояръ, закрывали храмы въ наказаніе ослушниковъ, писали и утверждали вмѣстѣ съ свѣтской властью законы. Свѣтскія и духовныя лица работали вмѣстѣ на одномъ поприщѣ, не противопоставляя себя другъ другу и не считая себя двумя совершенно противоположными силами. Конечно, характеръ дѣятельности ихъ былъ различенъ. Священникъ вездѣ являлся, какъ пастырь, какъ нравственный руководитель своего стада безъ прямого вмѣшательства въ мірскія дѣла ¹⁾. Такія широкія границы пастыр-

¹⁾ „Церк. Вѣстн.“ 1903 г., № 20, „Юбилей Петербурга“.

²⁾ Ср. „Русск. патріархъ въ ежедневной придворной жизни и въ высшемъ государственномъ управленіи“. „Странникъ“ 1885 г., т. III.

ской дѣятельности естественно вытекали изъ того религіознаго идеала, которымъ жилъ русскій народъ. Пастырь—благодатный посредникъ между Богомъ и людьми. Онъ училъ народъ евангельской истинѣ,—той истинѣ, которую надлежало воплотить въ жизни, и это-то открывало предъ нимъ широкую область контроля надъ всѣми проявленіями жизни не только личной, но и государственной. Онъ ни передъ чѣмъ не оставался въ дѣлѣ защиты идеаловъ Церкви. „Не узнаю цари въ такой одеждѣ,—говорилъ митр. Филиппъ Іоанну Грозному, когда въ Успенскомъ соборѣ царь съ опричниками подошелъ къ нему въ полушутовскомъ костюмѣ,—не узнаю его и въ дѣлахъ царства. Убойся суда Божія. Мы здѣсь приносимъ Богу безкровную жертву, а за алтаремъ льется кровь невинная!“ Царь грозитъ святителю. Но не умолю его голосъ: „Я пришлецъ на землѣ и готовъ пострадать за истину. Гдѣ же вѣра моя, если умолю?“

Идеаль такого пастыря предносился и сознанію паствы. „Какой онъ патріархъ?—говорили про патріарха Адріана:—бережетъ мантии и клобука бѣлаго, за то и не обличаетъ.“—Авторитетъ пастыря стоялъ высоко среди паствы. Она видѣла въ немъ лицо священное, стоящее внѣ зависимости и вліянія мірской власти. Онъ могъ судить и верховную власть, какъ учитель и руководитель Богомъ вѣренной ему паствы; одному Богу только пастырь и отдаетъ отчетъ.

Петръ I мало вникалъ въ духъ и сущность церковно-религіозной жизни. „Въ фактѣ Церкви,—говоритъ Самаринъ,—Петръ видѣлъ нѣсколько различныхъ явленій, никакъ *не неразрывныхъ* между собой: доктрину, къ которой онъ былъ довольно равнодушенъ, и духовенство, которое онъ понималъ, какъ особый классъ государственныхъ чиновниковъ, которымъ государство поручило нравственное воспитаніе народа“¹⁾. Плохо воспитанный въ православіи, находившійся подъ силь-

¹⁾ Цит. по соч. Милокова: „Очерки по исторіи русск. культуры“, т. II., стр. 147.

нымъ вліаніемъ протестантскаго Запада и часто подписывавшій всѣ свои рѣшенія именемъ Запада, Петръ I западническія тенденціи свои приносилъ и въ область, гдѣ онѣ менѣе всего могли быть умѣстны. Интересны для характеристики взглядовъ Петра I на духовенство слова его по адресу Лютера, сказанныя предъ статуей послѣдняго въ Виттенбергѣ въ 1712 г.: „Сей мужъ подлинно заслужилъ это; онъ и на палу и на все его воинство столь мужественно наступалъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣе прочихъ“¹⁾. Ревностный поборникъ матеріальнаго прогресса, Петръ I и въ религіозно-церковные вопросы вносилъ слишкомъ ужъ утилитарные взгляды. Въ епископахъ и священникахъ Петру I хотѣлось видѣть неприязнательныхъ, трудолюбивыхъ работниковъ, „труждающихся“ для народа „въ словѣ и ученіи“, а въ монахахъ и монахиняхъ—людей, посвятившихъ себя всецѣло труду и особенно—на пользу другихъ, какъ, напр., уходу за престарѣлыми и больными, воспитанію сиротъ и незаконнорожденныхъ дѣтей. Религіозное значеніе пастыря для него было непонятно. „А что, говорятъ, (нынѣшніе монахи) молятся, то и всѣ молятся. Что же *прибыль* обществу отъ сего?“—²⁾ писалъ Теофанъ Прокоповичъ, выражая взгляды великаго преобразователя Россіи.

Съ другой стороны, Петръ I въ своемъ стремленіи къ проведенію идеи государственной централизаціи и созданія государства подъ единымъ главенствомъ самодержавшаго монарха не могъ примириться съ возможностью явленія такихъ личностей, какъ, напр., патр. Никонъ. Никонъ съ своимъ широкимъ взглядомъ на патріаршую власть постоянно стоялъ предъ его глазами, давилъ его, не давалъ ему успокоиться, побуждая еще строже и еще подозрительнѣе относиться къ

¹⁾ *Доброклонскій*. „Руков. по ист. Русск. Цевкви“, в. 4, М. 1893 г., стр. 193.

²⁾ *Н. Соколовъ*. „Идеи и идеалы русской интеллигенціи“. Спб. 1904 г., стр. 271.

окужавшимъ его представителямъ духовенства. Во всякомъ вѣшателствѣ ихъ въ мірскія дѣла, включая сюда и издавна принадлежавшее пастырю русскому *право* печалованія, онъ склоненъ былъ видѣть посягательство на права самодержавной власти, стремленіе захватить свѣтскую власть въ свои руки подобно папамъ. Надо признать, что много обостряло характеръ отношеній Петра I къ духовенству невѣжество и необразованность послѣдняго и его оппозиція, хотя бы даже молчаливая, по отношенію ко всѣмъ „нововведеніямъ“ царя. И вотъ, преобразовательная дѣятельность Петра I коснулась и духовенства. Съ потребностями тогдашняго русскаго общества Петръ не считалъ нужнымъ справиться. Рѣшительно и неуклонно, какъ всегда, шелъ онъ къ достиженію поставленной цѣли. Ему пужны были въ священникахъ учителя народа,— онъ заботится о возвышеніи образованія духовенства, о заведеніи духовныхъ школъ, но въ то же время сократилъ сферу вѣшняго вліянія пастыря и принялъ мѣры къ уменьшенію его авторитета. Когда патріархъ Адріанъ, вспомнивъ старинную обязанность святителя печаловаться за опальныхъ, пришелъ, въ эпоху стрѣлецкихъ казней, въ застѣнокъ съ иконою Богоматери и молилъ царя о пощадѣ преступниковъ, Петръ нашелъ присутствіе патріарха въ застѣнѣ неумѣстнымъ. „Зачѣмъ ты здѣсь?—вскричалъ онъ:—равнѣ тебя зоветъ сюда твоя обязанность? Скорѣе уходи и поставь икону на свое мѣсто;—знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой долгъ и истинное благочестіе обязываетъ меня заботиться о народѣ и карать злодѣянія, ведущія къ общей гибели“.—„Я думаю,—добавилъ затѣмъ царь,—что для Бога нѣтъ болѣе пріятной жертвы, какъ кровь беззаконниковъ“. И предъ грозной, рѣшительной волей царя патріархъ смолкаетъ. Послѣ смерти п. Адріана Петръ сначала вовсе не назначаетъ ему преемника, а затѣмъ вмѣсто патріаршества учреждаетъ Св. Синодъ. Главнѣйшіе мотивы, какими руководился Петръ I при этой крупной реформѣ, вполне откровенно высказаны имъ въ Духовномъ Регламентѣ. „Отъ

соборнаго правленія можно не опасаться отечеству мятежей и смущенія, каковыя происходят отъ единаго собственнаго правителя духовнаго. Ибо простой народъ не вѣдаетъ, какъ разнится власть духовная отъ самодержавной, но удивляемый великою честію и славою высочайшаго пастыря, помышляетъ, что таковой правитель есть второй государь, самодержцу равносильный или большій, и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство. И если народъ уже самъ собою привыкъ такъ думать, то что же будетъ, когда разговоры властолюбивыхъ духовныхъ подложатъ какъ бы хвороста въ огонь? Простыя сердца такъ развращаются этимъ мнѣніемъ, что не столько смотрятъ на самодержца, сколько на верховнаго пастыря. И когда случится между ними распря, всѣ сочувствуютъ больше духовному правителю, чѣмъ мірскому, за него дерзаютъ бороться и бунтовать, и лъстятъ себя тѣмъ, что борются за Самого Бога и рукъ не оскверняютъ, но освящаютъ, хотя бы шли и на пролитіе крови. Подобными мнѣніями народа пользуются люди, враждующіе противъ государя, и побуждаютъ народъ къ беззаконію подъ видомъ церковной ревности. А что, если и самъ пастырь, возгордившись такимъ о себѣ мнѣніемъ, не будетъ дремать? И Регламентъ припоминаетъ историческіе примѣры того, къ чему это приводило и въ другихъ государствахъ и въ Россіи. „Когда же народъ увидитъ, что соборное правительство установлено монаршимъ указомъ и сенатскимъ приговоромъ, то пребудетъ въ кротости и потеряетъ надежду на помощь духовнаго чина въ бунтахъ“...

Одновременно съ этимъ, и даже нѣсколько раньше, Петръ I постепенно замѣщаетъ пустѣющіе ряды убѣжденных защитниковъ стараго церковнаго порядка новыми людьми, у которыхъ не было ничего общаго съ прежними русскими іерархами, „ни старыхъ церковныхъ традицій, ни мечтаній о всемірно-исторической роли, предназначенной русскому православію“ ¹⁾. Нашлись архіереи, которые не надоѣдали Петру

¹⁾ Миллюковъ. „Очерки рус. культуры“, т. II, стр. 146.

печалованіемъ за обиженныхъ и опальныхъ, каковы были напр., патр. Іоакимъ и св. Митрофанъ Воронежскій, никого „напрасно“ не проклинали, въ мірскія дѣла вмѣшивались съ тактомъ, когда ихъ услуга была нужна, или когда они имѣли на это дозволеніе. Это были архіереи, главнымъ образомъ, изъ малороссовъ. Петръ I покровительствовалъ имъ и этимъ не только устранилъ возможность противодѣйствія своимъ мѣропріятіямъ со стороны духовенства, но еще получалъ сильную подмогу въ осуществленіи своихъ намѣреній, какъ, напр., въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича.

Представимъ себѣ теперь положеніе тогдашняго высшаго культурнаго общества, непосредственнаго свидѣтеля всѣхъ реформъ, нововведеній и даже... затѣй Петра I. Предъ духовнымъ взоромъ русскаго общества, еще не умѣвшимъ отличать ясно въ религіозныхъ вопросахъ „правой руки отъ лѣвой“, требовавшимъ, по состоянію своей вѣры, скорѣе „млека“, чѣмъ „твердой пищи“,—предъ нимъ проходятъ такіе факты.

Патр. Адріанъ осуждаетъ и проклинаетъ брадобритіе, какъ смертный грѣхъ, ведущій къ отлученію отъ Церкви, лишенію св. Таинъ и христіанскаго погребенія,—а Петръ I, вернувшись изъ за-граничнаго путешествія, самъ собственно ручно остригаетъ бороды боярамъ. Патр. Іоакимъ въ своемъ завѣщаніи умоляетъ правительство не допускать православныхъ до дружбы съ еретиками, не позволять иноземцамъ строить въ Россіи свои кирхи; святитель Митрофанъ въ своемъ завѣщаніи тоже проситъ царя не оказывать благосклонности иновѣрцамъ,—а царь, между тѣмъ, „почалъ“, по выраженію стрѣльцовъ, *вѣрвать* въ нѣмцевъ“. Иноземцы и иностранцы стали его учителями и начали пользоваться его уваженіемъ больше, чѣмъ свои, православные. Прежде патріаршій санъ пользовался высокимъ уваженіемъ даже со стороны царей, почитался, какъ санъ священный,—теперь устраивается „всешутѣйшій соборъ“, пародія на патріарха и его клиръ; князь-кесарь Ромодановскій является князь-папой, а иногда превращается въ яузскаго и кокуйскаго патріарха.—Дѣло пошло

еще дальше: Петръ I, уставши держать вѣнецъ въ качествѣ шафера надъ женихомъ (на свадьбѣ племянницы Анны Іоанновны), приказываетъ прекратить вѣнчальный обрядъ ¹⁾; не стѣсняется разводить своихъ приближенныхъ (Ягужинскаго) съ женами и женить на другихъ, а самъ въ подобномъ случаѣ долго обходится и вовсе безъ вѣнчанія ²⁾.

Подъ впечатлѣніемъ этого, въ недоумѣніи обращаетъ свой взоръ русскій человѣкъ къ пастырямъ Церкви,—но видитъ однихъ—занятыми болѣе мірскими дѣлами въ качествѣ помощниковъ и сотрудниковъ по исполненію преобразовательныхъ плановъ царя, чѣмъ заботящимися о духовныхъ нуждахъ паствы; въ угрюмомъ безмолвіи другихъ чувствуетъ молчаливое осужденіе новыхъ порядковъ и обычаевъ;—видитъ взамѣнъ патріарха „духовную коллегію“—Св. Синодъ, учрежденію котораго не сочувствуетъ само духовенство ³⁾, и который дѣйствительно еще ничѣмъ въ то время не заявилъ себя, чтобы въ немъ можно было видѣть высшую авторитетную церковную инстанцію, руководствующую религіозной жизнью Русскаго государства. Привыкшія важное значеніе придавать обрядамъ церковнымъ, русскій человѣкъ съ недоумѣніемъ слушаетъ увѣщаніе Св. Синода, что „въ богатыхъ ризахъ на иконы, въ дорогихъ подсвѣчникахъ и лампадахъ—славѣ Божіей и благочестію приплода нѣтъ; гораздо лучше давать деньги на содержаніе богоугодныхъ заведеній“ ⁴⁾. Что долженъ былъ чувствовать переживавшій на своихъ глазахъ всѣ эти и подобныя событія древне-русскій человѣкъ? Не легко было разобраться среди этого хаоса самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній ему, усвоившему вѣру въ неизмѣримое значеніе православія, но еще не умѣвшему, повторяемъ, различать въ

¹⁾ Милюковъ. „Очерки по ист. русск. культуры“, ч. III, в. I, стр. 166.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тихомировъ. „Канонич. достоинство реформы Петра В. по церк. управленію“. „Бог. Вѣсти.“ 1904 г., № 1, стр. 82—84; ср. стр. 88—89.

⁴⁾ Соколовъ. „Идеи и идеалы интеллигенціи“. 1904 г., стр. 312.

немъ догмата отъ обрядовой стороны и распространявшему религиозное значеніе даже на такіе предметы, какъ борода и одежда, измѣненіе которыхъ равнялось въ его представленіи чуть ли не мѣнѣ самой вѣры. Духовенство оказалось не въ силахъ освѣтить новыя явленія жизни съ христіанской точки зрѣнія. Да притомъ реформами Петра I оно было даже и отодвинуто отъ руководства общественной мыслью. „Когда Петръ издалъ указъ, запрещающій монаху держать у себя въ келліи перо и чернила; когда тотъ же государь указомъ повелѣлъ, чтобы духовный отецъ открывалъ уголовному слѣдователю грѣхи, сказанные на исповѣди: духовенство должно было почувствовать, что отселѣ государственная власть становится между нимъ и народомъ, что она беретъ на себя исключительное руководство народною мыслью и старается разрушить ту связь духовныхъ отношеній, то взаимное довѣріе, какое было между паствою и пастырями. Духовенство поняло и то, что дѣйствовать своимъ вліяніемъ для него отселѣ не безопасно“¹⁾. И оно отстранилось отъ жизни. Сыгравъ громадную роль въ исторіи, оно начинаетъ отходить на задній планъ, а пасомые привыкаютъ обходиться безъ него. Между тѣмъ, вліяніе запада усиливалось. Оно распространялось и чрезъ иностранцевъ и чрезъ Петра I, который нерѣдко прибѣгалъ и къ насильственнымъ мѣрамъ для его укорененія. И вотъ, мало-по-малу, остригши сначала бороду и перерядившись въ нѣмецкое платье, наше культурное общество уже дальше смѣло пошло по тому пути, по которому Петръ I хотѣлъ направить не только его, но и весь народъ русскій, по пути усвоенія западной культуры и цивилизаціи. Однако къ серьезному усвоенію началъ западной жизни наше общество не было способно. Поэтому, вѣтъ ничего удивительнаго, если оно на первыхъ порахъ, переняло то, что хотя съ вѣншей стороны приближало его къ европеизму, чѣмъ, послѣ

¹⁾ „Судьба русск. народнаго образованія“ проф. Гильрова-Платонова. „Прав. Обзор.“ 1862 г., № 6, стр. 34.

одежды, было легкое отношеніе къ обрядамъ Церкви и правиламъ нравственности.

Хотя реформы Петра Великаго оказали дѣйствіе главнымъ образомъ на внѣшнюю сторону жизни русскаго чело-вѣка, „нельзя, однакоже, черезчуръ низко цѣнить значеніе той чисто внѣшней прививки новыхъ культурныхъ элемен-товъ,—совершенно справедливо замѣчаетъ *Милуковъ*,—кото-рою, по необходимости, ограничилась реформа Петра. Эти формы, пока еще не наполнены содержаніемъ, были одна-коже, ассоцірованы съ извѣстнымъ, вполне опредѣленнымъ содержаніемъ, отрицавшимъ соотвѣтственное содержаніе рус-ской старины. Внѣшность, т. е. одежда, пища, жилище,—все это—части нѣмого языка культуры, который говоритъ тѣмъ краснорѣчивѣе, чѣмъ рѣзче противорѣчитъ окружающей внѣш-ности. Завоевать право на такое открытое противорѣчіе—зна-читъ очистить путь новой идеѣ, новому соціальному факту, преодолѣть важное препятствіе для его вступленія въ жизнь“¹⁾. Какое же, слѣдовательно, значеніе въ послѣдующей церковно-религіозной жизни русскаго общества, придававшего до тѣхъ поръ столь высокое значеніе обрядамъ, должно было имѣть это начавшееся со временъ Петра I *религіозно-обрядовое лег-комысліе*?—Имъ пролагался путь для грубаго атеизма „воль-теріанцевъ“.

В. Андріевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Взглядъ св. Іоанна Златоуста на церковно-благотворительную дѣятельность пастыря.

(Продолженіе ¹⁾).

Какъ должна совершаться церковная благотворительность, и на Кого она должна простираться?

Благотворить нуждающимся въ томъ и другомъ отношеніи Церковь можетъ слѣдующимъ образомъ. *Во-первыхъ*, Церковь можетъ раздавать милостыню деньгами или продуктами и вещами, при чемъ за этой милостыней могутъ обращаться или сами нуждающіеся, если это будетъ для нихъ возможно, или же еѣ могутъ имъ доставлять клирики; послѣднее требуется тогда, когда нуждающійся самъ не можетъ явиться за милостынею. Такой родъ благотворенія можетъ быть организованъ довольно правильно, въ широкихъ размѣрахъ и совершаться систематически. *Во-вторыхъ*, Церковь можетъ устраивать зданія, обставляя ихъ всѣмъ необходимымъ для существованія человѣка и помѣщать здѣсь нуждающихся въ церковной благотворительности. Эти зданія могутъ быть или богадѣльнями, или страннопріимными домами, или, наконецъ, госпиталями, смотря по тому, для какого класса людей они предназначены. Описанія того, какъ были устроены эти церковно-благотворительныя зданія, мы не нашли у св. Златоуста. Впрочемъ, догадываться объ обстановкѣ этихъ помѣщеній можно по аналогіи съ тою обстановкою, которую св. отецъ совѣтовалъ своимъ слушателямъ устроить въ своихъ домахъ для странниковъ. Онъ говоритъ состоятельнымъ изъ своихъ слушателей: „пусть (каждый изъ васъ) устроитъ страннопріимницу (*ξενοδοχεῖον*) у себя въ домѣ, пусть поставитъ тамъ ложе, трапезу и свѣщу“—и далѣе упоминаетъ о войнахъ, которымъ обыватели доставляли все нужное для существова-

¹⁾ См. № 5 за 1905 г.

нія и отводили особыя помѣщенія. Если такую обстановку св. отецъ желалъ видѣть въ частномъ домѣ, то почему не предположить, что онъ рисовалъ ее съ существующей обстановки церковныхъ помѣщеній? Разъ онъ считалъ такую обстановку достаточною, то почему не предполагать, что свое мнѣніе объ этомъ онъ основывалъ на практикѣ церковной?— Такое предположеніе естественно, а потому мы и останавливаемся на немъ¹⁾. Во времена св. Златоуста церковная благотворительность совершалась въ обоихъ указанныхъ видахъ. Такъ, св. отецъ говоритъ, что Церковь содержала заключенныхъ въ темницѣ, узниковъ, калѣкъ, сидящихъ при храмѣ для нищи и одежды и другихъ, просто приходящихъ ежедневно²⁾. Церковная благотворительность второго вида, кажется, имѣла болѣе широкіе размѣры, чѣмъ первая. По крайней мѣрѣ, св. Златоустъ упоминаетъ и о страннопріимныхъ домахъ, въ которыхъ находили себѣ пріютъ чужестранцы и вообще паломники, и о гостиницахъ или госпиталяхъ, въ которыхъ помѣщались не только пришельцы, но и вообще не имѣвшіе крова, нуждавшіеся въ медицинской помощи или просто жившіе на церковномъ иждивеніи³⁾. Въ Константинополѣ св. Златоустъ къ прежде бывшимъ гостиницамъ, госпиталямъ и т. п. зданіямъ прибавилъ еще нѣсколько церковныхъ зданій, въ которыхъ существовавшіе на средства церковной благотворительности проживали или постоянно, или только временно. Строгаго различія между гостиницами и госпиталями, а равно и страннопріимными домами тогда не было, такъ какъ чужестранецъ иногда нуждался въ медицинской помощи, и потому отправлялся въ госпиталь, а иногда онъ жилъ въ гостиницѣ и пользовался уходомъ клириковъ и т. д. Да это для насъ, впрочемъ, и не важно; важно то, что

¹⁾ Бес. на Дѣян., б. 45, стр. 274. Ч. II, Спб. 1857 г.

²⁾ Бес. на Мѡ., б. 66, стр. 139—140. Ч. III, Москва 1864 г., 5-е изд.

³⁾ Бес. на I Кор., б. 21, стр. 392. Ч. I—II. Спб. 1858 г., ср. Бес. на Мѡ., б. 66, стр. 139. Ч. III; Бес. на Дѣян., б. 45, стр. 273—274. Ч. II.

во времена св. Златоуста церковная благотворительность совершалась въ широкихъ размѣрахъ и разнообразными способами и была приспособлена къ людямъ самаго различнаго положенія и состоянія. Отсюда, и пользоваться ею могли не одни какія-либо избранныя лица, напр., вдовы или дѣвы, больные или увѣчные, а всѣ, нуждающіеся въ посторонней помощи, былъ ли то здоровый или больной, чужестранецъ или единоплеменникъ, имѣющій собственный кровъ или нѣтъ... При такой широкой постановкѣ, церковная благотворительность могла быть, дѣйствительно, хорошимъ лѣкарствомъ противъ общественныхъ недуговъ, могла значительно уменьшать страданія обездоленныхъ въ томъ или другомъ отношеніи людей, чувствовавшихъ себя одинокими среди общества. И несомнѣнно, что, кромѣ матеріальной пользы, такая церковная благотворительность доставляла своимъ кліентамъ пользу нравственную и, быть можетъ, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ первую. Въ послѣднемъ можно быть вполне увѣреннымъ, если обратить вниманіе на тотъ характеръ, какой, по словамъ св. Златоуста, должна имѣть церковная благотворительность, и на ту, въ особенности, сердечность, которою она должна быть запечатлѣна. Но объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

На вопросъ: кому можно и должно благотворить изъ церковной казны?—у св. отца находится такой отвѣтъ: „мы,—говоритъ онъ,—не кормимъ людей, живущихъ въ праздности и потому страдающихъ отъ голода, но убѣждаемъ ихъ трудами доставлять содержаніе и себѣ и другимъ; тѣмъ, которые увѣчны тѣломъ, мы позволяемъ пользоваться только необходимою пищею отъ людей достаточныхъ“¹⁾. Такова, можно сказать, основная точка зрѣнія св. отца по данному вопросу. Правда, здѣсь говорится о пользованіи содержаніемъ не церковнымъ исключительно, а скорѣе частныхъ лицъ; но приведенныя слова могутъ имѣть отношеніе и къ занимающему насъ

¹⁾ Сл. и бес. на разн. случ., стр. 160, т. I, Сиб. 1864 г.

вопросу. Въ нихъ можно усматривать общій взглядъ св. Златоуста на благотвореніе нуждающимся, а въ отношеніи къ данному вопросу нужно только усилить строгость Златоустова разсужденія. Мы хотимъ сказать, что если св. отецъ былъ такъ строгъ въ указаніи лицъ, желавшихъ пользоваться частной благотворительностію, то мы въ правѣ ожидать отъ него еще большей строгости при опредѣленіи лицъ, имѣющихъ право пользоваться благотворительностію церковною, потому что церковную казну онъ считалъ въ нѣкоторомъ родѣ *святымъ достояніемъ*, расходовать которое нужно съ особенною осторожностію и разборчивостію. Такъ въ дѣйствительности и было. У св. отца есть прямая указанія на тѣхъ, кто достоинъ церковной благотворительности. Да и помимо такого высокаго возрѣнія на церковно-благотворительную казну, подобная строгость въ опредѣленіи лицъ, нуждающихся въ церковной благотворительности, вполне естественна, понятна и необходима. Не говоря уже о томъ, что неразборчивое оказаніе церковной помощи неразумно съ экономической точки зрѣнія и можетъ вести къ истощенію церковной казны,—а слѣдовательно и къ подрыву самаго благотворительнаго дѣла,—такая благотворительность можетъ быть вредна и въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ, съ одной стороны, можетъ способствовать (и способствуетъ) развитію тунеядства, къ которому очень часто и во многихъ людяхъ замѣчается склонность („Отчего же и не попользоваться даровщиной?“—говорятъ такіе люди), а съ другой—можетъ ронять въ глазахъ общества самый клиръ, завѣдующій церковною благотворительностію, и вообще унижать достоинство священства. Между тѣмъ, ни первое, ни—въ особенности—второе, ни третье не только не желательно въ церковно-общественной жизни, а прямо-таки не терпимо и предосудительно.—Итакъ, среди содержимыхъ на средства церковной благотворительности не можетъ быть мѣста не только завѣдомымъ лѣтямъ, собственными трудами способнымъ зарабатывать себѣ пропитаніе, но и лицамъ, только кажущимся неспособными жить

своимъ трудомъ. На счетъ церковной казны могутъ жить, по словамъ св. Златоуста, только дѣйствительно нуждающіеся и немущіе ¹⁾. И если обратиться къ временамъ св. Златоуста, то окажется, что тогда церковною благотворительностію пользовались люди, дѣйствительно нуждающіеся, сами по уважительнымъ причинамъ не могшіе зарабатывать себѣ пропитаніе ²⁾. О калѣкахъ, а также вообще о людяхъ увѣчныхъ, больныхъ и т. п. и говорить нечего: они—первые кандидаты на вниманіе церковныхъ благотворителей. Самый вѣшній видъ ихъ таковъ, что вызываетъ особенную къ нимъ сострада-тельность. Тѣмъ болѣе послѣднюю должны оказывать пастыри Церкви, что чаще всего увѣчные люди являются какъ бы выброшенными на улицу, оставленными всѣми, какъ бы лишними на этомъ свѣтѣ и никому не нужными. Существованіе для такихъ людей становится вдвойнѣ тяжелымъ, часто невыносимымъ, и если отъ нихъ отвернется и пастырь, то у кого же имъ искать помощи и участія?

Помимо калѣкъ, увѣчныхъ, больныхъ и т. п., церковная благотворительность время св. Златоуста съ большимъ вниманіемъ простиралась на узниковъ, или заключенныхъ въ темницѣ. Повидимому, заботиться объ этихъ людяхъ не только не нужно, но и предосудительно: вѣдь узники—люди преступные, отверженные, осужденные законами благоустроеннаго общества: благотворить имъ не значить ли—потворствовать ихъ злой волѣ, не значить ли—поощрять ихъ на дурныя дѣла снова по выходѣ изъ тюрьмы?—Такъ, дѣйствительно, и думали нѣкоторые изъ современниковъ св. Златоуста, но св. отецъ держался иного возрѣнія на этотъ классъ отверженныхъ людей и заповѣдалъ къ нимъ сердечное, участливое отношеніе не только со стороны церковныхъ благотворителей, но и вообще со стороны всякаго христіанина. И въ этомъ

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 96.

²⁾ Бес. на 1 Кор., б. 21, стр. 392. Ч. I; ср. Бес. на Мо., б. 66, стр. 139. Ч. III.

сказалась его замѣчательная любовь къ человѣку. Въ узникѣ онъ видѣлъ не преступника, человѣка отверженнаго и погибшаго, а брата, купленнаго цѣною пречистой Крови великаго Страдальца и Праведника, Котораго, однако, люди „со беззаконными вмѣнили“ и „посреди разбойниковъ распяли“. Св. отецъ хотѣлъ, чтобы и общество смотрѣло на узниковъ подобными же глазами, тѣмъ болѣе, что онъ мало вѣрилъ въ справедливость современныхъ ему судовъ ¹⁾ и предполагалъ присутствіе среди узниковъ такихъ невинныхъ страдальцевъ, какъ Іосифъ. Вотъ почему онъ очень часто наставлялъ на мысли, что не должно строго судить такъ называемыхъ преступниковъ потому только, что они въ темницѣ, особенно когда доподлинно извѣстна масса людей преступныхъ, но живущихъ на свободѣ по причинѣ умѣнія скрывать свои преступныя дѣянія ²⁾. Присоедините къ этому еще жестокое обращеніе, которое было обычно въ тюрьмахъ того времени и нерѣдко практиковалось изъ чисто корыстныхъ побужденій, и вы поймете заботливость и сердечность, съ которыми св. Златоустъ относится къ этому классу несчастныхъ людей.

Церковная благотворительность въ отношеніи къ узникамъ не ограничивалась простымъ подаваніемъ милостыни, но простиралась гораздо далѣе и была, поэтому, цѣннѣе современной милостыни, состоящей изъ посылки богатыми людьми въ остроги разнаго рода съѣстныхъ припасовъ. Церковные благотворители того времени брали на себя заботу дѣйствовать на тюремныхъ стражей и располагали ихъ къ челоуѣколюбивому обращенію съ узниками ³⁾. Да и самихъ узниковъ они питали не одною тѣлесною пищею, а шли къ нимъ еще и со словомъ утѣшенія и наставленія и тюрьму

¹⁾ Бес. на 1 Кор., б. 16, стр. 290—291. Ч. I.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ смотри въ бес. на Ев. Іоанн., б. 60, стр. 333—337. Ч. II, СПб., изд. 1855 г. и 1862 г., въ бес. на посл. къ Тит., б. 4, стр. 55—56 и дал. СПб. 1859 г.

³⁾ Бес. на Ев. Іоанн., б. 60, стр. 333 и дал. Ч. II.

превращали въ духовную лечебницу. Нравственная помощь для узниковъ даже необходимѣе первой, и мы думаемъ, что св. Златоустъ, особенно цѣнявшій душу человѣка и чистоту его совѣсти, желалъ видѣть въ благотворительности, направленной на узниковъ, не столько улучшение ихъ внѣшняго положенія, сколько обновленіе внутренняго существа ихъ, нравственное ихъ перерожденіе. И нѣтъ сомнѣнія, подобный характеръ благотворительности можетъ внести лучъ свѣта и въ такую темную область человѣческой жизни, какою является жизнь тюремная, лишь бы этимъ дѣломъ занимались люди, знающіе душу преступника и проникнутые къ нему не официальнымъ только вниманіемъ, а искреннимъ участіемъ отца къ блудному сыну. Тогда можно надѣяться на жатву и на этомъ, повидимому, запущенномъ и заросшемъ сорными травами полѣ.

Третьимъ классомъ, на который простиралась церковная благотворительность временъ св. Златоуста, были странники, чужестранцы, вообще пришлый людъ въ родѣ нашихъ богомольцевъ. Современники св. Златоуста и къ этому классу людей относились довольно несочувственно, пожалуй—даже враждебно, видѣли въ нихъ проходимцевъ, достойныхъ не гостепріимства, а скорѣе изгнанія. Но св. отецъ и въ этихъ людяхъ находилъ достойное человѣческаго милосердія и даже называлъ ихъ именемъ Христа ¹⁾. Это было главнымъ побужденіемъ для благотворенія странникамъ. Но и помимо указаннаго основанія, будетъ вполне понятнымъ, почему нужно простирать церковную благотворительность на странниковъ, если обратить вниманіе на положеніе странствующаго человѣка, не имѣющаго собственнаго крова и чувствующаго себя всегда чужимъ среди населенія, съ которымъ онъ соприкасается. Нужно быть въ положеніи такого человѣка, чтобы понять и почувствовать всю пріятность любезнаго гостепрі-

¹⁾ Бес. на. кн. Дѣян., б. 45, стр. 275. Ч. II.

имства на чужой сторонѣ послѣ утомительнаго пути и разнаго рода лишеній. Если намъ пріятно бываетъ переступить порогъ чужого дома во время застигнувшей насъ непогоды, то во сколько разъ отрадиѣе вступить подъ любезный кровъ страннику, прошедшему сотни верстъ! Чаша студеной воды, поданная съ любезною предупредительностію, кажется страннику великимъ даромъ, и онъ не знаетъ, какъ отблагодарить оказавшаго ему такую услугу. А если такъ важень и необходимъ для странниковъ уютный и гостепріимный кровъ, то, понятно, Церковь не можетъ отказать имъ въ этомъ, когда она и существуетъ-то для того, чтобы быть матерью, нѣжно любящей своихъ дѣтей; когда обществу, погрузившемуся въ мірскую суету, почти нѣтъ никакого дѣла до странниковъ, и оно готово даже видѣть въ нихъ по меньшей мѣрѣ празднoлюбцевъ. И вотъ, Церковь, видя такое жестокосердіе общества, съ любовію растворяетъ двери своихъ страннопріимницъ ¹⁾.

Но съ особеннымъ вниманіемъ церковная попечительность сосредоточивалась на вдовицахъ и дѣвственницахъ—на первыхъ потому, что положеніе ихъ въ обществѣ во времена св. Златоуста было болѣе, чѣмъ незавидное ²⁾, а на вторыхъ потому, что онѣ представляли собою „стяженіе... драгоценно и сословіе благородно“ ³⁾. Какъ велико было число вдовицъ и дѣвственницъ, содержавшихся Церковью временъ св. Златоуста, можно видѣть на примѣрѣ церкви антиохійской, которая призрѣвала тѣхъ и другихъ до *трехъ тысячъ* ⁴⁾. Но какъ ни предпочтительно должно быть отношеніе къ вдовицамъ, однако св. Златоустъ предупреждаетъ, что принятіе вдовицъ на содержаніе Церкви должно совершаться съ большою осторожностію. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ не

¹⁾ Бес. на кн. Дѣян., б. 45, стр. 273. Ч. II.

²⁾ Бес. на 1 Кор., б. 30, стр. 155 и дал.

³⁾ Сл. о свящ., стр. 102.

⁴⁾ Бес. на Ев. Мѡ., б. 66, стр. 139. Ч. III.

даетъ новыхъ сравнительно съ ап. Павломъ наставленій, и только разясняетъ ихъ въ приложеніи къ своему времени, вслѣдствіе чего мы не будемъ на этомъ останавливаться ¹⁾; замѣтимъ, впрочемъ, что вдовицы, содержавшіяся во времена св. Златоуста на церковныя средства, отправляли при храмахъ многія обязанности и вообще несли при нихъ большіе труды. Такъ, св. отецъ говоритъ, напр., что онѣ день и ночь прислуживали въ храмѣ и пѣли ²⁾. Это были, вѣроятно, діако-ниссы. Кромѣ того, на обязанности вдовицъ лежали заботы о больныхъ и странникахъ, помѣщавшихся въ церковныхъ домахъ. Такъ, извѣстно, что св. Златоустъ *Домихъ братьевъ*, пришедшихъ искать у него защиты отъ насилій Теофила Александрійскаго, помѣстилъ въ зданіи около церкви св. Анастасіи и поручилъ ихъ попеченію діако-ниссъ, главнымъ образомъ—Олимпіады ³⁾. Такимъ образомъ, почетное положеніе вдовицъ покупалось послѣдними цѣною постоянныхъ и даже нелегкихъ трудовъ. О покоѣ имъ нечего было и думать; онѣ существовали исключительно для служенія Церкви и ближнимъ, и лучшія изъ вдовицъ временъ св. Златоуста стяжали себѣ неувядаемую славу.

Въ чемъ же собственно состояла благотворительность Церкви въ отношеніи къ вдовицамъ?—Она состояла не столько въ устроеніи ихъ внѣшняго благополучія, сколько въ развитіи у нихъ чувства христіанскаго милосердія путемъ направленія ихъ вниманія и силъ на такого рода дѣла, которыхъ требуетъ заповѣдь о самоотверженной христіанской любви. Жизнь вдовицъ при храмѣ была для нихъ школою наивысшаго религіозно-нравственнаго воспитанія. Здѣсь, подъ покровомъ Церкви, изытатія изъ оковъ міра, вдовицы, какъ и дѣвственницы,

¹⁾ Бес. на пос. 1 Тимѣ., б. 15, стр. 215—220, ч. 1—2, СПб. 1859 г., ср. Бес. на посл. къ Титу, б. 6, стр. 77.

²⁾ Бес. на 1 Кор., б. 30, стр. 155.

³⁾ Тьерри, „Златоустъ и Евдоксія“, русск. пер., издан. Л. Подинова, Москва, 1884 г., стр. 115.

могли свободно посвящать себя на служеніе ближнимъ, имѣя въ виду нравственнаго удовлетвореніе и блаженную жизнь за гробомъ. Вотъ то главное благо, которое онѣ получали отъ церковной благотворительности. Но, кромѣ этого, Церковь брала ихъ и вообще подъ свою защиту отъ притѣсненій и разнаго рода обидъ.

К. Б—въ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 26-го января 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 7.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевокой духов-
ной Семинаріи.

1905-го года февраля 13-го дня.

Содержаніе: Притча о блудномъ сынѣ и современное человѣчество.—Рус-
ское общество и православный пастырь въ XVIII вѣкѣ (продолже-
ніе).—Молитвы о побѣдѣ (историческій очеркъ).

Притча о блудномъ сынѣ и современное чело- вѣчество.

Когда слышишь гордыя рѣчи современнаго человѣка, въ
родѣ, напр.: „я не хочу быть привязаннымъ къ тачкѣ, хотя
бы она называлась идеаломъ“¹⁾, то невольно припоминаешь
при этомъ евангельскаго блуднаго сына, и хочется сказать:
„вотъ вѣчный типъ!“ Если бы нынѣ философъ-историкъ за-
хотѣлъ изобразить теченіе міровой жизни параболически, или
если бы онъ искалъ эпиграфъ къ своему изслѣдованію, то, думается,
въ обоихъ случаяхъ должны были бы послужить ему первые

¹⁾ Изъ рѣчи Минскаго: „Нравственная проблема нашихъ дней“, произнесенной въ ноябрѣ 1904 г. въ Киевскомъ литературно-артистическомъ обществѣ.

стихи притчи о блудномъ сынѣ. Въ притчѣ выведены три лица: подъ отцомъ всѣ толкователи Свящ. Писанія разумѣютъ Бога, а подъ сыновьями—человѣчество. Такимъ образомъ опредѣляется точка зрѣнія, является планъ, цѣлая перспектива... Личное невѣріе историка не имѣетъ въ данномъ случаѣ значенія, такъ какъ еще Гёте сказалъ, что „главнѣйшая тема нашего времени—борьба вѣры съ невѣріемъ“; и разъ это такъ, то притча о блудномъ сынѣ должна быть разсматриваема, какъ краткое, сжатое изображеніе жизни современнаго человѣчества, хотя бы самъ историкъ лично былъ индифферентенъ къ религіи. Со времени Гёте дѣло не измѣнилось: наше время—время борьбы вѣры съ атеизмомъ, идеализма съ марксизмомъ и матеріалистическимъ практицизмомъ. Чтобы не ходить далеко за оправданьями, скажемъ, что самая война наша съ Японіей и въ русской ¹⁾ и въ иностранной ²⁾ печати трактуется, именно какъ борьба христіанства съ язычествомъ.

Въ коротенькой притчѣ содержится такая грандіозная, неисчерпаемо жизненная картина, что объять её сколько-нибудь полно нѣтъ никакой возможности. Здѣсь важна психологія лицъ, такъ какъ она—психологія ширѣшняго человѣчества. До того дня, въ который младшій сынъ обратился къ отцу съ просьбою дать ему „достойную часть имѣнія“, этотъ мирный семейный кружокъ жилъ общими мыслями, общими интересами. И, можетъ быть, любящій дѣтей своихъ отецъ далъ имъ лучшее по тому времени образованіе; можетъ быть, младшій сынъ, оказавшись воспримчивымъ къ ученію, сталъ, какъ это свойственно юношѣ, задумываться о своемъ назначеніи, о цѣли своей жизни. И вотъ, когда онъ говоритъ отцу: „дай мнѣ достойную часть имѣнія“, и затѣмъ уходитъ отъ него, мы видимъ уже сложившійся идеаль жизни, рѣшеніе вопроса о ней. Между отцомъ и сыномъ не произошло ссоры, послѣ которой удаленіе сына было бы слѣдствіемъ скоропре-

¹⁾ См., напр., „Русскія Вѣдомости“ 1904, № 353, стр. 2.

²⁾ См., напр., „Russian Orthodox American Messenger“ 1904, p. 321.

ходящаго аффекта и не сопровождалось бы, навѣрное, такими бѣдствіями для бѣглеца. Если же онъ уходитъ, то объясненіе этому мы находимъ лишь въ психологіи молодости.

Никогда съ такою силою не пылаетъ честолюбіе, никогда не бываетъ такъ требовательна жажда *великихъ подвиговъ*, никогда не томитъ такъ человѣка судьба совершать въ тишинѣ *маленькое дѣло*, какъ въ молодости. Въ отчетѣ домъ стало тѣсно и скучно увлекающемуся юношѣ; захотѣлось широкой, славной дѣятельности. Очевидно, онъ почувствовалъ въ себѣ какую-то стремящую силу, которой не замѣчалъ прежде. Это было слѣдствіемъ развившагося, проявившагося самосознанія. Что же созналъ онъ?—Существеннѣйшимъ признакомъ возмужалости является *сознаніе обязанностей къ себѣ*. Душа, дотолѣ прилежно изучавшая внѣшній міръ и не оглядывавшаяся на себя, теперь обращается къ себѣ и тревожно спрашиваетъ: что же такое сама я? чтѣ надо дѣлать, какъ жить?—Въ это время вырабатывается міросозерцаніе. Прежде юноша былъ царнымъ мальчикомъ и не проявлялъ противодействія чужимъ мнѣніямъ; онъ охотно вѣрилъ имъ. Теперь въ немъ пробудился духъ критики въ самой крайней мѣрѣ: вмѣсто того, чтобы провѣрять чужія мысли и согласовать ихъ съ своими, онъ совершенно отказывается отъ нихъ, хочетъ жить независимо, своимъ лишь разумомъ, безъ чужого, даже отчаго, руководства; ему надоѣла прежняя жизнь, онъ бѣжитъ отъ нея въ дальнюю сторону. Его влечетъ даль, чужбина: зажить по-новому на старомъ мѣстѣ трудно,—много къ этому препятствій; а чужбина рисуется въ воображеніи, какъ мѣсто, какъ разъ предуготовленное для него. Обращаясь къ отцу, юноша становится на чисто формальную, юридическую почву: онъ проситъ „достойную“ часть имѣнія. Холодомъ вѣтъ отъ этой просьбы; сознаніе обязанностей *къ себѣ* подавило въ немъ сыновнюю нѣжность, сдѣлало его даже прямо рѣзкимъ,—онъ получаетъ имущество безъ благодарности и уходитъ отъ отца безъ слезъ, безъ вздоховъ сожалѣнія, онъ „преодолѣлъ въ себѣ человѣческое, слишкомъ человѣче-

ское". Говоря о причинѣ этого состоянія опять-таки современнымъ языкомъ, мы усматриваемъ, что юноша живетъ своимъ разумомъ, онъ заглушилъ голосъ сердца своего; это—твердый, послѣдовательный рационалистъ. Не сердце его обратилось къ отцу, а холодный разумъ,—онъ потребовалъ юридически „должнаго“. Съ другой стороны, здѣсь видна такая вѣра въ непогрѣшимость своего разума, создавшего эту новую перспективу жизни, что невольно напрашиваются при этомъ на сопоставленіе нѣкоторые философы явно рационалистическаго направленія. Говорятъ, что умъ—эгоистъ,—и это вѣрно. Потому и надо замѣтить, что если воля юноши оказалась столь твердой, то на нее вліяли чувства личной свободы, надежды исполнить то, къ чему звалъ свой собственный разумъ: этими чувствами жило его сердце. Короче, онъ заключился въ собственномъ маленькомъ міркѣ, эгоистически прилѣпился къ нему и отстранилъ отъ себя все остальное человѣчество, начиная съ родного отца, всю вселенную. Это былъ субъективистъ, и если бы евангельскій блудный сынъ (да будетъ дозволена эта догадка) занялся философіей, то изъ него не вышло бы философа-эмпирика, онъ могъ бы быть психологомъ; а если бы онъ обладалъ поэтическимъ талантомъ, то, подъ видомъ всевозможныхъ дѣйствующихъ въ его произведеніяхъ лицъ, выставялъ бы только себя.—Всѣ эти черты крайне важны въ блудномъ сынѣ,—онѣ—черты современныхъ людей. Гдѣ много удобствъ, гдѣ мало приходится трудиться надъ внѣшнимъ міромъ (все равно—будь то въ культурной странѣ, или въ обезпеченной семьѣ), тамъ душа уходитъ въ себя, начинаетъ всецѣло заниматься собою до забвенія обо всемъ человѣчествѣ... Блудный сынъ, увлекаемый своими мыслями, шель впередъ, и чѣмъ дальше шель, тѣмъ больше сохло, умирало его сердце, и, къ его ужасу, тѣмъ очевиднѣе становилась несостоятельность ума, какъ руководителя жизнью. Онъ впалъ, наконецъ, въ развратъ,—и это не было увлеченіемъ сердца, это былъ развратъ, основывавшійся на теоритическомъ убѣжденіи; онъ, привыкшій сознательно,

критически относиться къ своей жизни и къ окружающей дѣйствительности, очевидно, думалъ и надъ этимъ, и его развратъ былъ утонченнымъ развратомъ; онъ дошелъ до идеи „святой плоти“, которой надо служить, такъ какъ она, плоть, имѣетъ свои потребности, свои права. Уважая права „святой плоти“, онъ и расточилъ все имѣніе свое, „живый блудно“. Онъ обманулся самымъ жестокимъ образомъ: то имѣніе, которое онъ получилъ отъ отца, какъ свободная, полноправная личность, пошло не для удовлетворенія запросовъ личности, а для угожденія плоти. Онъ точно упалъ въ бездну, точно нечаянно потерялъ свою душу, личность, и отождествилъ ее съ тѣломъ. Думая сохранить, возвысить душу, онъ уподобился скотамъ немсленнымъ, „онъ самъ себя обокралъ“, какъ писалъ Эпиктетъ ученику своему, вернувшемуся къ распутной жизни. И всякій, желающій жить только разумомъ, начинается въ концѣ концовъ томиться голодомъ, какъ это случилось съ блуднымъ сыномъ. Вспоминается чудный рассказъ Гаршина: „Ночь“. Тамъ мы встрѣчаемъ человѣка, замкнувшася въ своемъ лишь міркѣ, привыкшаго анализировать, засушившаго свое сердце. И этотъ узкій мірокъ „измучилъ его и довелъ до самоубійства“. Въ роковую „ночь“, когда онъ рѣшилъ покончить съ собою, звуки колокола напомнили ему, что есть, кромѣ этого бѣднаго личнаго мірка, еще великій міръ другихъ личностей, и горе тому, кто запрется лишь въ своемъ міркѣ! И бѣдный человѣкъ почувствовалъ глубокую скорбь о прошедшемъ заблужденіи... но для него нельзя уже было вернуться къ истинной жизни. Блудный же сынъ нашель еще довольно силы вернуться къ ней.

Теперь посмотримъ, что представляетъ изъ себя старшій сынъ. Бываютъ натуры, — и ихъ не мало даже въ нашъ вѣкъ, — которыя не плѣняются далекимъ, которыя любятъ окружающую ихъ обстановку и безъ шума, безъ страсти къ блеску совершаютъ здѣсь свое маленькое дѣло. Чуждыя тщеславія, славолюбія, онѣ способны къ терпѣливой беззавѣтной преданности. Ихъ называютъ недалекими, узкими, флегматиками, а

на самомъ дѣлѣ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ природною уравновѣшенностью силъ и стремленій, или интеллекта и чувствъ. Старшій сынъ близко подходитъ къ этому типу людей. Но при опредѣленіи его характера важно рѣшить, чѣмъ обусловливалось его довольство, почему онъ не покинулъ отца? Или это было слѣдствіемъ неглубокомыслія, неразвитости критическаго духа; или здѣсь была неспособность подниматься къ высотамъ отвлеченныхъ идеаловъ, неподвижность воли, — словомъ, то же, чтò у Горькаго отличаетъ и умаляетъ „ужа“ въ сравненіи съ „соколомъ“ („Пѣснь о соколѣ“)? Или любовь къ отцу задержала его? и потомъ, какая любовь — горячая, эмоціональная или привычная? — Онъ остался у отца потому, что былъ привязанъ къ нему; это было чувство привязанности, или обыденная, привычная любовь. Если бы это была горячая, пылкая любовь, то она не позволила бы старшему сыну просить у отца вниманія къ себѣ въ день прибытія блуднаго сына, потому что любовь „всѣ покрываетъ, всѣ терпитъ“. Съ другой стороны, этотъ сынъ не могъ подняться до пониманія отчаго сердца, отчихъ чувствъ; онъ сталъ состязаться съ нимъ, сталъ высказывать свое пренебреженіе къ младшему брату и упрекалъ отца за его отношеніе къ послѣднему; сильная, пламенная любовь всегда живетъ вмѣстѣ съ великодушіемъ; она заглядываетъ въ глубину чужого сердца и тамъ стремится всё примирить, сгладить противорѣчія, все понять. Но, можетъ быть, его состязаніе съ отцомъ было плодомъ минутной вспышки страсти? — Какъ бы то ни было, и онъ обнаружилъ человѣческую слабость. Они оба съ братомъ были „слабые люди“ и не могли освободиться отъ „человѣческаго“, т. е. были подвержены возможности заблужденія.

Все современное человѣчество можно раздѣлить на *два* категоріи, на *два* половины, при чемъ олицетвореніемъ одной явится блудный сынъ, а представителемъ другой — старшій братъ его. А въ центрѣ стоитъ Богъ или воплотившійся Сынъ Божій, противъ Котораго идетъ упорная борьба.

И вотъ, среди противной Христу рати, выдѣляется ницшеанство — характерное явленіе современной мысли и жизни.

Исходнымъ пунктомъ ученія Ницше послужило недовольство современной культурой, современнымъ обществомъ и современными человѣческими отношеніями (здѣсь мы уже прямо видимъ сходство съ блуднымъ сыномъ). Ницше говоритъ, что современный человѣкъ сталъ „чахлымъ, добροхотнымъ, изнервничавшимся животнымъ“. Парализованная воля, слабое сердце, умъ, скованный, запуганный разными призраками, — вотъ атрибуты человѣка. „Что представляетъ для нынѣшняго человѣка обезьяна?—Стыдъ и карикатуру. Такъ знайте же, что этотъ самый человѣкъ въ глазахъ грядущихъ поколѣній будетъ стыдомъ и карикатурой!“ А между тѣмъ,—продолжаетъ Ницше,—раньше, на зарѣ исторіи, были сильные, могучіе люди, гиганты, сверхъ-человѣки: они были свободны и независимы, храбры и... обаятельны. Но потомъ, чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ ужаснѣе вырождается человѣчество, тѣмъ дальше уходитъ идеаль человѣка—сверхъ-человѣкъ. Мужчина сталъ похожимъ на женщину, его сила, неустрашимость, энергія стали такими качествами, которыхъ нынѣ надо искать по способу Діогена. Гдѣ же причины вырожденія?—Ницше думаетъ, что таковою причиною является то, что человѣчество, въ силу своей стадности, подчинилось мало-по-малу принципамъ рабской морали. А эти принципы таковы, что служатъ къ обезпеченію жизни и благосостоянію обиженныхъ судьбой—калѣкъ, нищихъ, рабовъ. Отсюда, съ точки зрѣнія этой морали, добродѣтелями будутъ: милосердіе, неосужденіе, снисходительность, послушаніе, самоотверженіе и т. д. Подъ вліяніемъ этой же морали возвышается и слабая половина рода человѣческаго—женщина. Никогда она не окружалась такимъ уваженіемъ, какъ нынѣ. Рабу ненавистенъ свободный, нищему—богачъ, слабому—сильный, больному—здоровый; потому и рабская мораль всячески стремится ограничить силу, богатство, вѣнность, хотеть умалить все это, хотеть всѣхъ сравнять;

она — мораль равенства. Она-то и взяла перевѣсъ надъ моралью господъ, которая могла бы предохранить міръ отъ безчисленныхъ бѣдъ. Впервые особая сила рабской морали проявилась при Моисеѣ и вообще у евреевъ: будучи народомъ рабскимъ, они стали проповѣдывать, что земное господство не важно и ничтожно, все величіе, всё счастье человѣка заключается не во внѣшнихъ преимуществахъ, а въ духовномъ величій, въ укрощеніи страстей. Сократъ, будучи тоже плебеемъ, поддерживалъ тенденцію евреевъ и самымъ внѣшнимъ видомъ свидѣтельствовавъ свое презрѣніе къ внѣшнимъ благамъ. Потомъ явились стоицизмъ и христіанство, а вмѣстѣ съ ними — окончательное подчиненіе міра рабской морали, т. е. произошла, по убѣжденію Ницше, величайшая ошибка исторіи, вопіющее міровое зло. Христіанство потребовало, чтобы человѣкъ всю любовь свою перенесъ съ себя на окружающее его общество, чтобы, напротивъ, онъ отрекся отъ своей воли, возненавидѣлъ бы себя. Оно связало и умъ человѣческой, создавъ извѣстный кодексъ догматическихъ истинъ, и волю его, объявивъ ея порывы грѣховными, не имѣющими права, на существованіе. Христіанство, — продолжаетъ Ницше, — возвысило лишь слабого, негоднаго для жизни, труда и подвиговъ, — того, кого сама природа предназначила къ гибели — калѣку, нищаго, больного. Объ обязанностяхъ къ нимъ говоритъ христіанство всего болѣе, они называются братьями Христа. А богатымъ, сытымъ, здоровымъ, храбрымъ христіанство объявило „горе“. Словомъ, „крестъ есть символъ противъ красоты, богатства, молодости, здоровья и даже противъ самой жизни“. Христіанство работало неустанно въ теченіе почти *двадцати* столѣтій надъ „ухудшеніемъ человѣческой расы“ („По ту сторону добра и зла“). Оно хотѣло уничтожить страданіе. Этимъ оно усилило боязнь къ послѣднему: нынѣшній человѣкъ не только самъ боится страданія, а даже не выноситъ вида его въ другихъ; онъ сталъ слабымъ, сострадательнымъ. А между тѣмъ, все великое явилось, какъ продуктъ борьбы съ страданіемъ; не будь страданія, человѣкъ не отошелъ бы и половины

того разстоянія, которое лежитъ между нимъ и животнымъ теперь. И если христіанство хочетъ уничтожить страданіе, то оно стремится уничтожить и геній человѣческій, и силу его, и способности его. Гдѣ же спасеніе?—Человѣкъ долженъ попристальнѣе взглянуть на себя, долженъ вспомнить, что у него есть великія обязанности по отношенію къ себѣ. Донынѣ ему говорили лишь объ обязанностяхъ къ Богу и ближнимъ, — пусть же теперь сознаніе обязанностей къ себѣ будетъ и регуляторомъ его поступковъ, и компасомъ жизненнаго пути его. Человѣкъ—личность. Онъ рожденъ для славной, блестящей жизни, онъ долженъ быть совершенно свободенъ: всѣ „призраки“, въ родѣ стыда, совѣсти, чувства долга, должны исчезнуть. Личность сама для себя должна и создавать заповѣди и цѣнности, сама и судить себя, себѣ и поклоняться.

„Если существуетъ Богъ, то какъ могу допустить я, что это—не я“? („Такъ говорилъ Заратустра“). „Преодоляйте въ себѣ человѣческое!“—заповѣдуетъ Заратустра. Изгоняйте изъ сердца остатки любви, состраданія, милосердія; будьте жестоки, какъ звѣри, терзайте слабыхъ безъ всякихъ угрызений совѣсти—вотъ гдѣ ваше спасеніе,—думаетъ Ницше. Человѣкъ не долженъ и ногой прикасаться къ могиламъ прежнихъ учителей, а не только головою, сердцемъ своимъ. Онъ всячески долженъ утвердить въ себѣ сознаніе высочайшей духовной свободы. Для такого человѣка вовсе нѣтъ дѣла до того, что другіе считаютъ добромъ, что зломъ. Добро и зло—то, что онъ считаетъ таковымъ. Стадные люди считаютъ добромъ любовь, послушаніе, состраданіе; они съ ужасомъ, какъ на нравственныхъ чудовищъ, смотрятъ на Ирода, Нерона, Чингисхана. А сверхъ-человѣкъ, наоборотъ, указанныя качества считаетъ величайшимъ зломъ, а указаннымъ лицамъ старается подражать. Человѣкъ долженъ прежде всего и даже исключительно заботиться о себѣ, и въ заботахъ этихъ онъ не долженъ стѣсняться въ средствахъ: по трупамъ погибшихъ отъ него онъ будетъ подниматься выше и выше. Пусть тогда возникнетъ „*bellum omnium contra omnes*“,—въ ней закалится

крѣпкій, и погибнетъ негодный, очистится и атмосфера и мѣсто для достойныхъ жизни. Эти достойные, избранные— „сверхъ-человѣки“ (Übermensch)—идеаль для всѣхъ, хотящихъ счастья. Сверхъ-человѣку все позволено: убить, утопить, оклеветать, изнасиловать,—онъ преодолевъ въ себѣ „человѣческое, слишкомъ человѣческое“.

Таково ученіе Ницше.

Мы видимъ, что „сознаніе обязанностей къ себѣ“, какъ свободной личности, ведетъ въ ницшеанствѣ къ разрушенію личнаго и общественнаго благополучія. Впрочемъ, объ общественномъ благополучіи не можетъ быть здѣсь и рѣчи: здѣсь отрицается самое общество. Личнаго же благополучія не можетъ быть потому, что человѣкъ долженъ вести вѣчную борьбу съ подобными себѣ, потому что онъ одержимъ, какъ выражается Ницше, „жаждой власти“. Потому-то въ концѣ своего сочиненія: „Человѣческое, слишкомъ человѣческое“ Ницше и заповѣдуетъ ученику своему терпѣніе въ вѣчномъ страданіи его... И здѣсь человѣкъ, отрипнувъ прежнихъ руководителей, исполнившись чрезмѣрно горделиваго сознанія своихъ обязанностей къ себѣ, начинаетъ томиться сердечнымъ голодомъ, впадаетъ въ утонченный развратъ, удаляется отъ общества живыхъ людей, какъ въ евангельской притчѣ о блудномъ сынѣ. А если мы вспомнимъ, что ученіе „геніальнаго безумца“, какъ часто называютъ Ницше, находитъ себѣ всюду сочувствующихъ, и если допустимъ взглядъ знаменитаго американскаго мыслителя Эмерсона, что сочувствующіе великому человѣку представляютъ сами изъ себя этого человѣка, хотя и въ миниатюрѣ, то должны будемъ сознаться, какъ современъ, какъ близокъ намъ образъ блуднаго сына!

Обращаясь къ русской жизни, мы наблюдаемъ и здѣсь слѣды вліянія ницшеанской философіи. Всѣ эти разглагольствія о „святой плоти“ возникаютъ подъ воздѣйствіемъ мыслей Ницше. Слышится восхищеніе „красивымъ цинизмомъ“, „прекраснымъ порокомъ“, зломъ, выступающимъ смѣло и открыто. Есть у насъ писатели, влагающіе въ уста своихъ героевъ

разсужденія (хотя, впрочемъ, и не свойственныя имъ) о рабочей морали и о морали господъ, сопоставляющіе прежнія цѣнности съ новыми. Мы говоримъ о Максимѣ Горькомъ, который завоевалъ себѣ всеобщія симпатіи,—а это доказываетъ, что и общество не настолько расходится съ нимъ во взглядахъ, чтобы чувствовать его героевъ совершенно чуждыми, непонятными. Но герои Горькаго—Варенька Олесова, Сатинъ („На днѣ“) и др. говорятъ прямо почти словами Ницше. Сатинъ, напр., говоритъ о „религіи рабовъ“, о „Богѣ свободныхъ“. А вотъ примѣръ сопоставленія прежнихъ цѣнностей съ новыми. Предъ нами рассказъ: „На плотяхъ“. Не желая быть придиричивыми, мы все же легко видимъ идею его. Выводится Силанъ, мужикъ-богатырь по тѣлу и ничтожество по нравственной стороны. Онъ живетъ въ незаконной связи съ женой своего сына Мити, человѣка кроткаго, болѣзненнаго. Митя съ его кротостью осужденъ на муки и терзанія; Силанъ же торжествуетъ. Когда Митя рѣшается сказать отцу, чтобы онъ оставилъ грѣхъ, отецъ заявляетъ: „Сынъ мой милый, отойди прочь, коли живъ быть хочешь! Разорву въ куски, какъ трясину гнилую! Ничего отъ твоей добродѣтели не останется“... Онъ говоритъ, какъ свирѣпый ветхозавѣтный Ламехъ, а мы читаемъ здѣсь идею такого рода: старая мораль кротости, олицетвореніемъ которой является Митя, не состоятельна, не способна къ борьбѣ; она лишь приводитъ къ безхарактерности, къ вырожденію (кстати, Силанъ, между прочимъ, добавляетъ: „на муку себѣ родилъ я тебя-выродка“); она должна замѣниться новой, отъ прежней добродѣтели не должно остаться ничего. Въ рассказѣ: „Дружки“, въ романѣ: „Трое“ опять съ настойчивостью проводится та же самая идея. И вообще, всюду почти въ сочиненіяхъ Горькаго раздается кроповѣдъ противъ старой морали; и то, что раньше считалось безусловно дурнымъ, Горькій выставляетъ въ прекрасномъ свѣтѣ, и все это давить собою кротость, состраданіе, попираетъ нравственныя принципы потому, что „совѣсть—это сила, непобѣдимая лишь для слабыхъ духомъ“

(„Ома Гордѣвъ“).—Такимъ образомъ, у Горькаго явственно просвѣчивается ницшеанскій идеаль.

Другая часть общества живетъ безъ всякихъ опредѣленныхъ идеаловъ. Подъ вліяніемъ сомнѣній, прежнія вѣрованія рушились, а новыхъ еще нѣтъ; старое же, то, что доставляло нищу духовную неисчислимымъ предшествующимъ поколѣніямъ,—это старое кажется невыносимымъ. И вообще, людямъ этой группы противна окружающая ихъ обстановка, близкіе люди; они—глубоко разочарованы и печальны. Здѣсь встаетъ предъ нами необозримая галерея героевъ Чехова. Всѣ они въ унисонъ повторяютъ: „скучно, скучно жить на свѣтѣ! Куда бы уйти отъ этой обыденной, надѣвшей до от-
вращенія жизни? О, если бы начать новую жизнь—прекрасную, свѣтлую!“ Для нихъ нѣтъ путеводной звѣзды, они не имѣютъ выхода изъ своего удрученнаго состоянія, они подобны путнику, заблудившемуся въ степи, или тѣмъ „слѣпымъ“, которыхъ изобразилъ Метерлянкъ. Значить, и они имѣютъ много чертъ, сближающихъ ихъ съ блуднымъ сыномъ.

Есть и еще часть интеллигентнаго общества, которая не отрицается отъ Христа, но зато отрицается отъ Церкви, образуя разнообразныя секты. Среди еретиковъ и сектантовъ нашего времени Л. Н. Толстой занимаетъ очень видное, если не центральное, мѣсто. Но и здѣсь отдѣленіе отъ Церкви свидѣтельствуетъ объ обоготвореніи собственнаго разума, о полнѣйшей самоувѣренности и богоотступничествѣ. Особенно же надо это сказать, если обратимъ вниманіе на то, что, отрекшись отъ Церкви, они начинаютъ хулить её, обличать въ неистинности,—словомъ, свидѣтельствуютъ, что преклоняются лишь предъ своимъ разумомъ и хотятъ возвести его на пьедесталь глашатая общечеловѣческихъ обязанностей..

Можно думать, что, когда евангельскій блудный сынъ покинулъ отчій домъ, старшій братъ грустилъ въ своемъ одиночествѣ. Такою же грустью проникается и нынѣ пре-

данный Христовъ работникъ, когда видитъ этотъ „пожаръ“, это бѣгство отъ Христа многихъ прежнихъ друзей Его. Но блудный сынъ обманулся, потому сталъ страдать, задыхаться отъ раскаянія. Такъ и всякій, удаляющійся отъ Христа, неизбежно становится рабомъ страстей своихъ, теряетъ идеалы и вѣру въ себя, прокликаетъ жизнь. Лишь въ нашъ вѣкъ мы видимъ полное, рѣшительное, юридически-обоснованное отречение отъ Бога. Это—въ философіи Ницше. Протекшія доселѣ столѣтія не дали ничего равнаго. Лишь нашему времени образъ блуднаго сына близокъ особенно. Ученіе Ницше есть бунтъ противъ Бога, состязаніе съ Нимъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Всѣ прежнія попытки рационалистовъ отрицать Бога—ничто въ сравненіи съ ницшеанствомъ; онѣ—лишь мимолетныя дерзости старшаго сына, не покинувшаго все же отца. Самъ Ницше признается въ этомъ: онъ самодовольно называетъ себя антихристомъ, разрушителемъ вѣры въ Бога и,—страшно сказать!—убійцей Бога!...

Мы не можемъ до конца продолжить параллели, такъ какъ „не у явился“, чѣмъ будетъ. Еще недолго существуетъ на землѣ, „сверхъ-человѣкъ“, еще не заглушилъ голосъ души человѣческой, но природѣ христіанки, этого ужаснаго призрака, еще не очнулось человѣчество отъ кошмара, какъ и блудный сынъ не сразу вернулся въ родительскій домъ. Но можно думать, что вернуться безчисленные дѣти-скитальцы къ Христову очагу, и снова грянетъ могучимъ аккордомъ пѣснь мира, любви, сожалѣнія. И она достигнетъ небесъ. И начнется опять жизнь во Христвъ... Образъ сверхъ-человѣка въ теченіе всей жизни тревожилъ великаго нашего писателя Достоевскаго, и онъ въ типахъ Раскольниковъ и Ивана Карамазова изложилъ всю философію сверхъ-человѣка. Но Достоевскій пережилъ, превозмогъ это состояніе, и во Христвъ увидѣлъ всю сущность добра, правды, истины и верховной красоты. Кто знаетъ, можетъ быть, и Ницше, если бы не его недугъ и ранняя смерть, обратился бы ко Христу. Отрицая любовь и вѣру, онъ съ грустью вспоминаетъ свое младенче-

ство, когда жилось такъ хорошо, потому что тогдашнюю жизнь золотила именно эта вѣра и любовь. „О вы, милые образы и видѣнія моей юности! О мгновенія любви, божественныя мгновенія! Какъ скоро вы умерли для меня! Я вспоминаю о васъ, какъ уже объ умершихъ для меня... Отъ васъ, самыхъ дорогихъ для меня изъ всѣхъ умершихъ, исходитъ на меня сладкое благоуханіе, облегчающее сердце мое слезами. Я все еще наследникъ любви вашей, расцвѣтшей, въ память о васъ, нестрыми, дикими добродѣтелями, вы, самые дорогіе изъ умершихъ!“—Эти слова могильной пѣсни Заратустры говорятъ за то, что Нищие могъ обратиться!

„Nebicula est, transibit—это облачко! Оно пройдетъ!“—сказалъ великій пастырь Христовой Церкви Аѳанасій Александрійскій объ императорѣ Юліанѣ Отступникѣ. Такъ и нынѣ пастырь долженъ относиться къ витаніямъ философской мысли. Пусть отпадшіе хулятъ еще неотпадшихъ, пусть упрекаютъ ихъ въ невѣжествѣ, въ рутинности, въ поверхностности, въ стадности, въ лицемѣрїи, въ трусливости. Вѣрующій Христову слову долженъ быть спокоенъ, такъ какъ все это несомнѣнно пройдетъ!..

И. Триодина.

Русское общество и православный пастырь въ XVIII вѣкѣ 1).

II.

Царствованіе непосредственныхъ преемниковъ Петра I не было благопрїятнымъ для духовенства въ смыслѣ расширенія области его пастырскаго вліянія и возвышенія его религіознаго авторитета въ глазахъ насты. Основная идея по-

1) См. № 6 журнала за 1906 г.

литики Петра I въ отношеніи въ Церкви—подчиненіе церковной власти государству—нашла себѣ и въ преемникахъ его твердыхъ себѣ поборниковъ. Даже имп. Елизавета, при всемъ ея русскомъ благочестіи, не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія. А нѣкоторые (Петръ III) хотѣли довести идею подчиненія Церкви государству до крайнихъ размѣровъ. Впрочемъ, нужно сказать—здѣсь было больше случайности и прихоти, чѣмъ ясно сознаваемыхъ и твердо проводимыхъ принциповъ.

Западническое направленіе въ жизни интеллигентнаго общества сохранилось и послѣ Петра I, несмотря на усилія и старанія реакціонной партіи, клонившіяся къ его подавленію и уничтоженію. Правда, „формы“, созданныя Петромъ I, слабо наполнялись содержаніемъ, которое само по себѣ еще не созрѣло настолько, чтобы стать на путь самостоятельнаго развитія. Правительство же, къ которому со времени Петра Великаго естественно перешло главное руководство духовною жизнью русскаго общества (но отнюдь не всего русскаго народа; простой народъ попрежнему остался подъ нравственнымъ руководствомъ духовенства),—правительство, слѣдовавшее за Петромъ I, не сильно было своей духовной мощью. Тѣмъ вліятельнѣе должно было сказаться на обществѣ царствованіе имп. Екатерины II и явившейся въ ея вѣкъ у насъ французской философіи.

Имп. Екатерина II въ своей государственной дѣятельности была прямой послѣдовательницей принциповъ и взглядовъ Петра I. То же тяготѣніе къ западу, то же преклоненіе предъ его культурой, то же стремленіе проводить идею строгой государственной централизаціи, не оставляющей мѣста вмѣшательству сторовней бюрократизму силы, съ стремленіемъ захватить эту силу въ свои руки и обратить ее на служеніе себѣ. Въ намѣреніи связать жизнь высшаго русскаго общества съ жизнью запада Екатерина II достигла болшихъ успѣховъ, такъ какъ почва къ тому была достаточно подготовлена Петромъ I. Французское вліяніе, которое внесла съ

собой въ русскую жизнь Екатерина II, пустило еще при ней глубокіе корни—одинаково и благотворныя и зловредныя,—разумѣемъ въ послѣднемъ отношеніи вліяніе французской натурфилософіи на религіозную жизнь русскаго интеллигентнаго общества.

Тогда, впрочемъ, такое вліяніе не находили зловреднымъ. Энциклопедисты и Вольтеръ были въ полномъ смыслѣ *властителями думъ* того времени. Екатерина II, особенно въ началѣ своего царствованія, преклонялась передъ ними. Если о Петрѣ Великомъ говорилось, что онъ началъ вѣровать въ нѣмцевъ, то относительно Екатерины II можно сказать, что она начала вѣровать во французовъ. Настроеніе императрицы, конечно, не замедлило отразиться и на обществѣ. И вотъ, какъ нѣкогда изъ древней Руси тянулся рядъ паломниковъ на Аѳонъ или въ Іерусалимъ ко Гробу Господню, такъ теперь потянулась цѣлая вереница русскихъ путешественниковъ къ Фернейскому замку. Каждый изъ приближенныхъ императрицы считалъ за великую честь для себя знакомство съ Вольтеромъ и вмѣнялъ себѣ въ обязанность сдѣлать визитъ ему при посѣщеніи Парижа. Конечно, дѣло не ограничилось однимъ внѣшнимъ увлеченіемъ; стали изучать и философію энциклопедистовъ. Стремленіемъ освободить человѣка отъ всѣхъ предрасудковъ и традицій и поисками новыхъ началъ жизни она уже и сама по себѣ привлекала вниманіе русскаго общества, только-что порвавшаго связи съ своей стариной. Разумѣется, ему, какъ и всякому молодому обществу, въ которомъ взяло верхъ одно желаніе повизны, пришлось больше всего по вкусу отрицательныя стороны французской философіи, именно то, что у нашихъ предковъ получило названіе „вольтеріанства“. „Вольтеріанствомъ“ опредѣлялся и взглядъ на религію и духовенство. Извѣстно, что философамъ XVIII вѣка духовное лицо представлялось не иначе, какъ олицетвореніемъ крайняго невѣжества, представителемъ фанатизма и суевѣрій, сознательно удерживающимъ народъ въ заблужденіяхъ и невѣдѣніи философской истины, чтобы лучше господ-

ствовать надъ нимъ. Вслѣдъ за энциклопедистами, и у насъ заговорили о суевѣрїи, часто разумѣя подъ нимъ всякое искреннее проявленіе религіознаго чувства,—о фанатизмъ, называя такъ, по почину самой имп. Екатерины II, даже искреннее проявленіе пастырской ревности въ духовенствѣ¹⁾. Рядомъ съ этимъ сталъ раздаваться у насъ—и прежде всего изъ устъ самой императрицы—призывъ къ добродѣтели во имя... европейскаго гуманизма. О христіанствѣ и Церкви какъ будто совсѣмъ забыли въ высшихъ слояхъ общества.

При такомъ настроенїи правительства и общества, конечно, нечего было ожидать усиленїя пастырскаго вліянія, а равно возвышенїя пастырскаго авторитета.

„Какъ можно терпѣть въ одномъ домѣ двухъ господъ—домовладѣлку и домагяго учителя, который получаетъ жалованье отъ перваго?“—говоритъ Вольтеръ, такъ разрѣшая, волновавшій тогда Европу вопросъ о взаимоотношенїи двухъ властей въ государствѣ—свѣтской и духовной. „Если бы не было религїи, то её нужно бы было выдумать“, говорилъ тотъ же философъ, желая указать на ея важное значеніе въ соціальной жизни. Эти двѣ мысли Вольтера опредѣляютъ вполнѣ политику имп. Екатерины II въ отношенїи къ духовенству. Стремленїя правительства Екатерининской эпохи были направлены къ тому „чтобы сдѣлать—говоритъ Знаменскій—духовную власть пособницею и послушнымъ орудїемъ въ достиженїи полицейскихъ цѣлей и общественныхъ выгодъ, хотя бы эти цѣли и выгоды политическія противорѣчили правиламъ Церкви и интересамъ духовенства... Во всю первую половину 18 вѣка цѣль эта не сознавалась такъ ясно и не прилагалась въ такихъ широкихъ размѣрахъ къ дѣлу, какъ она сознава и приложена была въ царствованїе Екатерины II въ отношенїяхъ между свѣтской и духовной властью“²⁾.

¹⁾ И Знаменскій. „Положеніе духовенства въ царствованїе Екатерины II и Павла I“. 1880 г., стр. 92.

²⁾ Цит. соч., стр. 59.

Не безъ усилій пришлось достигать этого имп. Екатерины II. Превжнія церковныя традиціи были еще сильны и въ духовенствѣ и въ народѣ. Протестъ Арсенія Мацѣвича по поводу отобранія церковныхъ имѣній, его голосъ о томъ, что отношеніе свѣтской власти къ Церкви и ея служителямъ носить на себѣ нехристіанскій характеръ, заключали мысли и настроеніе не его одного, а почти всего тогдашняго духовенства. Недаромъ и послѣ осужденія Арсенія Синодомъ общественное мнѣніе и, главнымъ образомъ, симпатіи духовенства и монашества были на сторонѣ Арсенія, какъ гонимаго за правду святителя. Екатерина II однако достигала своего тихо и незамѣтно. Она воспользовалась нѣкоторыми несогласіями среди духовенства. Со времени Петра I всѣ высшія іерархическія должности занимались малороссами. Правительство покровительствовало имъ. Но послѣ Теофана Прокоповича, котораго такъ любилъ и возвышалъ Петръ I, малороссы не выставили изъ своей среды ни одного такого же ревнителя государственныхъ интересовъ и пособника мірской власти; напротивъ, въ 40-хъ годахъ XVIII ст. устами Арсенія Мацѣвича и Авросія Юшкевича высказали свои церковно-государственныя воззрѣнія въ такомъ направленіи, которое разсердило даже благочестивую имп. Елизавету¹⁾. Въ силу своихъ клерикальныхъ стремленій, іерархи-малороссы зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не выпускать власти изъ своихъ рукъ и не дозволить великороссамъ занимать видныя іерархическія каѳедры; послѣднихъ это не могло не волновать. Екатерина II и воспользовалась этимъ. Она стала покровительствовать архіереямъ-великороссамъ и, постепенно отодвигая на задній планъ малороссовъ, начала предоставлять высшія іерархическія мѣста великороссамъ, и эти послѣдніе, обязанные возвышеніемъ единственно свѣтской власти, естественно должны были крѣпко держаться за эту власть, безпрекословно подчиняться ея волѣ, ревностно исполнять ея предписанія.

¹⁾ „Прав. Соб.“ 1875 г., т. I, стр. 101.

Въ результатъ тонкой политики Екатерины II получилось то, что, напр., Димитрій Сѣченовъ, при Петрѣ III едва не лишившійся кафедры за противодѣйствіе секуляризаціи церковныхъ имѣній, при Екатеринѣ II является главнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ отобранія земель у церквей и главнымъ судьей надъ Арсеніемъ Мацѣвичемъ. Еще ярче вліяніе свѣтской власти сказалось въ столкновеніи Синода и правительства изъ-за вѣскога Анатолія Мелеса ¹⁾, когда Св. Синодъ даже въ той области, гдѣ и Регламентъ призналъ его единственнымъ компетентнымъ судьей, вынужденъ былъ дѣйствовать по приказу свыше. А Екатерина II съ полнымъ сознаніемъ правоты своихъ требованій пишетъ въ недоумѣннѣ оберъ-прокурору Синода Чебышеву: „удивляетъ меня поступокъ Синода, тѣмъ паче, что чрезъ васъ имъ сказано, что сей человекъ службѣ моей нуженъ“. Нѣкоторые историки передаютъ, что Вильгельмъ Оранскій (въ Голландіи) совѣтовалъ Петру I самому сдѣлаться „главою религіи“, чтобы быть полнымъ господиномъ въ государствѣ. Если Петръ I не достигъ этого, то Екатерина II, въ перепискѣ съ Вольтеромъ, прямо называла себя „главой Греческой Церкви“, и—не въ шутливомъ тонѣ. Она дѣйствительно считала себя главою Церкви ²⁾, требовала безусловнаго повновенія отъ духовной власти, представители которой, по ея воззрѣнію, были не болѣе, какъ чиновники, которыхъ она или приближала къ себѣ, или лишала своего благоволенія, смотря по тому, насколько усердно они исполняли ея волю. Секуляризація церковныхъ имѣній лишала духовенство послѣдней доли самостоятельности въ отношеніи къ государству—въ смыслѣ матеріальной независимости. Съ отобраніемъ имѣній въ казну и съ назначеніемъ

¹⁾ Ср. И. Знаменскій „Полож. духов. въ царств. Екатерины II и Павла I“, стр. 50—58.

²⁾ Тамъ же, стр. 56, 57.

³⁾ Въ „Актѣ о престонаслѣдіи“ 1797 г. императоръ прямо именуется „главою Церкви“. Доброклонскій. „Русская церк. исторія“, в. 4, стр. 189; сравн. „Бог. В.“ 1904 г., февраль, стр. 245.

взамѣнъ этого жалованья, зависимость духовенства отъ правительства скрѣплялась еще новыми связями. Нужно замѣтить, впрочемъ, что великорусскіе архіереи, являясь поборниками стремлений и мѣропріятій правительства, дѣйствовали такъ, находясь подъ сильными впечатлѣніемъ щедро изливаемыхъ на нихъ милостей императрицы. Впослѣдствіи они глубоко раскаивались въ своей ошибкѣ. Печать глубокой грусти и сожалѣнія о подчиненіи интересовъ Церкви видамъ и цѣлямъ свѣтской власти лежитъ, напр., на письмахъ митрополита Платона къ Амвросію Подобѣдову, писанныхъ имъ уже послѣ удаленія отъ дѣлъ въ Св. Синодѣ. „Пишете о жалкомъ положеніи духовенства; и у насъ не иначе: та же надутость,—говорить въ одномъ изъ писемъ святитель:—и не удивляюсь, зная, что привнесены свѣтскія начала, отъ чего пронстекаетъ все зло, именно имъ ввѣрена вся власть; насъ ставятъ ни во что и не только хотятъ подчинить насъ себѣ, но и почитаютъ своими подчиненными... Особенно тяжело, что наше-то начальство не только не идетъ противъ нихъ, но даже содѣйствуетъ имъ и бѣжитъ съ ними въ перегонку“¹⁾. „Боже благій! Сколь тяжкій гнѣвъ Твой привлекли мы на себя!“—восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ по поводу отказа въ деньгахъ на поправку церковныхъ зданій²⁾.—Такъ скорбѣли прежніе поборники свѣтской власти въ дѣлахъ Церкви, сознавши свою ошибку—но, къ сожалѣнію, сознавши её слишкомъ поздно, когда не было уже возможности ее исправить.

В. Андріевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Знаменскій. Цит. соч., стр. 48—49.

²⁾ Тамъ же, стр. 49.

Молитвы о побѣдѣ.

(Историческій очеркъ).

Святая наша Церковь всегда стояла во главѣ всѣхъ добрыхъ начинаній русскаго народа и своимъ участіемъ и благословеніемъ урядочивала ихъ и придавала имъ цѣльныя и законченныя формы. Точно такъ же и желаніе все-народное молиться о побѣдѣ она взяла подъ свое руководство, влила его въ опредѣленныя молитвы и установила для выраженія этого желанія опредѣленныя богослужебныя дѣйствія. Плодомъ церковныхъ заботъ въ этой области явились въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ особыя молитвы за царя и воинство, о побѣдѣ надъ супостатами и даже цѣлыя богослужебныя чины по тому же поводу, извѣстныя подъ названіемъ „Послѣдованіе“ молебнаго чина „противо супостатовъ“, „во время брани“, „въ нашествіе иноплемennыхъ“, „за царя и за люди“.

Въ XVII столѣтіи, въ вѣкъ процвѣтанія на Руси богослужебныхъ чинѡвъ и въ вѣкъ развитія въ Москвѣ книгопечатанія, молитвы и чины о побѣдѣ уже печатались въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ: *Служебникъ*, *Требникъ* и *Канонникъ*.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что интересующіе насъ чины и молитвы вовсе не русскаго происхожденія и вовсе не представляютъ собою плода богослужебнаго творчества со стороны нашихъ русскихъ святителей или мірянъ. Всѣ они переведены съ греческаго языка, употреблялись первоначально въ богослужебномъ быту Византіи и были составлены греческими же святителями, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и надписанія ихъ, въ которыхъ они приписываются Филовею, патріарху Царяграда, Макарію Филадельфійскому, Каллисту патріарху.

Первспачальнымъ явленіемъ своимъ въ печатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ молитвы и чины о побѣдѣ обязаны западнымъ типографіямъ, въ которыхъ первоначально былъ издавъ и самый *Требникъ*. Тамъ не менѣе, чинъ мо-

лебнаго пѣнія о побѣдѣ, безъ сомнѣнія, и раньше былъ извѣстенъ во всей православной Россіи и прежде всего въ самой Москвѣ. О существованіи и извѣстности этого чина въ Москвѣ свидѣтельствуемъ указаніе евангельскихъ и апостольскихъ чтеній на разныя потребности, находимое въ первоначальныхъ же московскихъ изданіяхъ. Между разными потребностями указано читать „въ нашествіе иноплеменникъ ратныхъ“ апостоль къ Ефесеянамъ зачало 220 и евангеліе Марка начало 51.

Въ первый разъ молитва и чинъ молебнаго пѣнія о побѣдѣ въ печатномъ видѣ находится въ изданіи *Требника* 1606 года, напечатаннаго въ Стрятинѣ, въ типографіи Феодора Юрьевича Балабана по благословенію и при непосредственномъ участіи преосвященнаго Гедеопа Балабана, епископа Галицкаго, Львовскаго и Каменецкаго. Въ этомъ *Требникѣ* напечатаны два чина, имѣющіе непосредственное отношеніе къ интересующему насъ предмету. Прежде всего въ Стрятинскомъ изданіи *Требника* напечатанъ чинъ молебнаго пѣнія на всякую потребу, такъ сказать, общаго молебна, который годился для совершенія при каждомъ несчастіи, при посѣщеніи человѣка любымъ бѣдствіемъ, въ томъ числѣ и войной.

На этотъ общій характеръ молебна указывало самое заглавіе его, въ которомъ совершеніе его предписывалось „въ общенуждіе“, то есть „въ бездождіе, и неблагоораствореніе времени, и въ противленіе вѣтромъ, и въ нашествіе варварское“. Лишь молитвы, напечатанныя вслѣдъ за этимъ общимъ молебномъ, были приурочены особо для каждаго случая. Среди этихъ особыхъ молитвъ одна, кърѣ Филооюея, была и „о нашествіи ратникъ и плѣннѣныхъ избавленіи“.

Кромѣ этого общаго молебна, въ Стрятинскомъ *Требникѣ* напечатанъ чинъ и особаго молебнаго пѣнія на случай войны, названнаго „Вослѣдованіемъ въ нашествіе варваръ и нахождение ізыкъ“. Этотъ чинъ не былъ молебномъ въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ его теперь, т. е. онъ не совершался отдѣльно и независимо отъ другихъ богослуженій церковнаго дня. Нѣтъ, онъ предполагалъ совершеніе по случаю войны всего круга дневныхъ богослуженій, какъ-то: вечерня, утрени и обѣдни. Онъ входилъ по частямъ въ составъ каждаго изъ этихъ богослуженій, и потому самъ распадался на три части: 1) апостоль, евангеліе и причастный стихъ, 2) канонъ и 3) молитвы.

Особенно развита была эта послѣдняя часть—молитвы. Всѣхъ молитвъ было восемь, изъ нихъ *два* надписывались именемъ Макарія Филадельфійскаго и *шесть* именемъ свя-

тѣйшаго патріарха Каллиста. Послѣдняя изъ нихъ, повидимому, назначалась для домашнихъ молитвъ мірянамъ.

Этотъ чинъ молебнаго пѣнія о побѣдѣ изъ Стратинскаго *Требника* перепечатывался впоследствии, безъ всякихъ измѣненій, лишь съ опущеніемъ нѣкоторыхъ молитвъ, и въ *требникахъ*, издававшихся въ Вильнѣ и Москвѣ, гдѣ онъ впервые появился въ *Требникъ*, напечатанномъ въ 1658 году при святѣйшемъ патріархѣ Никонѣ.

Въ Москвѣ, въ богослужебныхъ книгахъ, издававшихся въ первой половинѣ XVII столѣтія, печатались моленія о побѣдѣ совсѣмъ особая, отличная отъ всѣхъ однородныхъ службъ, когда-либо печатавшихся въ прочихъ православныхъ типографіяхъ Вильны, Кіева и др. Въ *Потребникахъ* Московскихъ, начиная съ Филаретовскаго, печаталась, вслѣдъ за общимъ молебномъ „за всяко прошеніе“, особая молитва „на рать идущимъ“, а потомъ и особый канонъ „за царя и за люди“ съ тропаремъ *Спаси, Господи* и *тремя* молитвами. Въ Московскомъ *Канонникъ* 1636 года напечатанъ уже цѣлый молебенъ о побѣдѣ, близкій по составу и по совершенію къ современнымъ, но отличный по содержанію и болѣе сложный и болѣе обширный. Въ тропаряхъ и стихирахъ его призывались всѣ святые въ помощь, а святые войны даже поименно: Георгій, Димитрій, оба Феодора, Прокопій, Несторъ, Меркурій, Евстаѣій, Артемій, Борисъ и Глѣбъ. Къ числу особенностей этого молебна относилось и пѣніе „со умиленіемъ“ пѣсни Исаи пророка—*Со нами Богъ*, если походъ сопровождался скорымъ успѣхомъ, и пѣніе нѣкоторыхъ стиховъ 17 псалма съ припѣвомъ: *Помози намъ, Господи, имене Твоего ради*.

Наши нынѣшніе молебны о побѣдѣ оба ведутъ свое происхожденіе изъ Кіева, изъ Кіевского *Требника* митрополита Петра Могилы, напечатаннаго въ 1646 году. Въ этомъ Кіевскомъ *Требникъ* напечатаны два молебна о побѣдѣ, совсѣмъ отличные отъ всѣхъ печатавшихся раньше. Въ нихъ во всѣхъ подробностяхъ приведены всѣ части такихъ священнослуженій, и положены обширныя ектеніи и молитвы.

Оба эти молебна, со всѣми своими подробностями, черезъ полстолѣтіе перешли въ богослужебныя книги, издававшіяся въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Впервые оны были напечатаны въ особомъ изданіи *Книги молебныхъ пѣній*, вышедшемъ въ Москвѣ въ 1708 году, при царѣ Петрѣ, „благословеніемъ же преосвященныхъ архіереевъ между патріаршествомъ“. Были, разумѣется, нѣкоторыя отличія въ Московскомъ изданіи, но они не существенны. Болѣе существенныя измѣненія этихъ молебноуъ начались, однако, вскорѣ послѣ

перваго изданія ихъ въ Москвѣ и касались какъ сокращенія ихъ, такъ и вставокъ и передѣлокъ ихъ.

Первое сокращеніе молебновъ о побѣдѣ произведено было по указу императора Петра I, который, повидимому, былъ смущенъ ихъ опредѣленнымъ содержаніемъ, не допускавшимъ по отношенію ко врагу ни пощады, ни милости. 16 января 1723 года Петръ I приказалъ: „сочиненные о побѣдѣ на сопротивныхъ ектеніи и молитвы, въ церковныхъ служеніяхъ употребляемыя, исправить въ Синодѣ такимъ образомъ, дабы онѣ были сочинены смиреннымъ прошеніемъ и, сочинивъ, предложить для апробаціи Его Величеству“. Послѣ этого были опущены наиболѣе выразительныя прошенія, въ которыхъ содержались усиленныя моленія о пораженіи врага и объ отмщеніи ему.

Въ наши дни измѣненія въ этомъ же паправленіи и сокращенія, очевидно, пошли еще далѣе, и, повидимому, о нынѣшнемъ молебнѣ о побѣдѣ можно сказать, что онъ сочиненъ „смиренымъ прошеніемъ“.

Позволительно, однако, выразить, на случай дальнѣйшихъ, послѣдующихъ, изданій молебновъ о побѣдѣ, пожеланія большаго вниманія къ нимъ, хотя бы въ корректурномъ отношеніи. Для примѣра можно указать на молитву, нынѣ читаемую на литургии и на молебнѣ. Она образовалась путемъ сокращеній, вставокъ и передѣлокъ, изъ соединенія *двухъ* молитвъ, печатаемыхъ въ *Книгѣ молебныхъ пѣній*. Въ концѣ этой молитвы съ очень недавняго времени печатается вставка о положившихъ свою жизнь на полѣ брани съ такимъ дополненіемъ: „за Вѣру, Царя и Отечество“. Между тѣмъ какъ въ провозглашаемой вслѣдъ за молитвой *святой памяти* это дополненіе уже читается иначе: „за Вѣру и Отечество“.—Въ этой же молитвѣ въ *Книгѣ молебныхъ пѣній* доселѣ печатается такое выраженіе въ приложеніи къ помощи Божіей воинамъ: „спутешествуя имъ во всемъ“. Между тѣмъ, объ этомъ выраженіи приснопамятный Московскій митрополитъ Филаретъ писалъ архимандриту Антонію еще въ 1853 году слѣдующее: „Въ молитвѣ о помощи Божіей во брани слово: *спутешествуя* есть опечатка. Надобно читать: *споспѣшествуя имъ во всемъ*. Исправьте во всѣхъ книгахъ, употребляемыхъ по вѣдомству“ („Моск. В.“ 1905, № 11).

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 2-го февраля 1905 года.

Цензоръ священникъ Николай Гроссу.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 8.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905 года, февраля 20-го.

Содержаніе: Не довольно ли самооправданій?—Русское общество и право-
славный пастырь въ XVIII вѣкѣ (окончаніе).—О приобщеніи мирянъ.—
Хорошее дѣло.

Не довольно ли самооправданій?

На тайной вечери, послѣ даннаго Спасителемъ неизмѣ-
римо великаго образца для подражанія, самымъ трогатель-
нымъ, самымъ умилительнымъ было то, какъ ученики Его,
услышавъ изъ устъ Божественнаго Учителя, что одинъ изъ
нихъ предастъ Его, съ печалью въ сердцѣ „начали говорить
Ему, каждый изъ нихъ: „не я ли, Господи?“ Сколько въ
этихъ чрезвычайно простыхъ и краткихъ словахъ заклю-
чается глубочайшаго смиренія, благоговѣйнѣйшаго трепета!
Дѣйствительно, кто изъ живыхъ будетъ утверждать, что не-
лицепріятная правда Божія не найдетъ въ немъ ничего
стропотнаго? Кто настолько самоуверенъ, чтобы говорить
о своей полной невинности во временной безуспѣшности дѣла
Божія на землѣ, въ замедленіи прихода царства Господня

и все приписывать нерадивости, лѣности и порочности *другихъ*?. Все, что сколько-нибудь способно въ поведеніи учениковъ Христовыхъ на тайной вечери (споры изъ-за мѣсть— Лк. 22, 24; непониманіе прощальныхъ словъ Спасителя) навести нѣкоторое облако печали,—все это разсѣвается, какъ мгла отъ лица солнца, благодаря невыразимо прекраснымъ словамъ: „не я ли, Господи?“. Дѣйствительно, ученики Господа „были чисты“, и ихъ мелкія прегрѣшенія имѣли свой корень не въ глубинѣ ихъ сердца, а были какъ бы наружными осадками отъ той атмосферы, среди которой они жили, и достаточно было слова Спасителя (ср. Іоанн. 15, 3), чтобы и этотъ осадокъ исчезъ,—подобно тому, какъ достаточно было имъ омыть лишь ноги, чтобы быть совершенно чистыми.

Отъ этихъ умилительныхъ самообвиненій перенесемъ къ сомнительнымъ самооправданіямъ. Посмотримъ, раздражаемъ ли мы достохвальному примѣру апостоловъ Христовыхъ?

Извѣстно, что въ послѣднее время обострилась—не скажемъ вражда, хотя нѣкоторые употребляютъ и это слово, но—рознь, раздѣленіе между духовенствомъ и такъ называемой интеллигенціей, съ одной стороны, и народомъ и духовенствомъ съ другой. Много пишется по поводу этого раздѣленія и еще больше говорится. Самымъ яркимъ изображеніемъ указанной розни нужно считать въ послѣднее время статью г. Благовѣщенскаго: „И будетъ едино стадо“ (въ залогъ примиренія) („Спб. Вѣдомости“ 1904, № 249), подробное изложеніе которой сдѣлано было на страницахъ нашего журнала (1904, № 43). Въ существующемъ раздѣленіи между духовенствомъ, интеллигенціей и народомъ г. Благовѣщенскій обвиняетъ всецѣло духовенство. Вины, возводимыя имъ на духовенство, тяжки и многочисленны, до политической неблагонадежности (конечно, не прямой, активной, а безсознательной, какъ бы пассивной) включительно. Статья г. Благовѣщенскаго произвела впечатлѣніе. Ждали отвѣтовъ, разъясненій,—и они послѣдовали. Въ однихъ „С.-Петербург-

скихъ Вѣдомостяхъ“ было помѣщено *два-три* отвѣта (см. №№ 264, 333). Но интересно было выслушать отвѣдъ г. Благовѣщенскому со стороны духовныхъ журналовъ. И вотъ, въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ за 1904, № 47 появилась статья свящ. М. Березина: „Тяжкія думы“ (отвѣтъ на статью: „И будетъ едино стадо“). Авторъ, прежде всего, опровергаетъ возводимое на духовенство обвиненіе въ расшатываніи государственныхъ основъ, при чемъ указываетъ на подвиги русскихъ священниковъ на Дальнемъ Востокѣ. Потомъ о. Березинъ разбираетъ обвиненіе духовенства въ кастовомъ направленіи и, на основаніи устройства Русской Церкви, ея отношенія къ государству и на основаніи историческихъ справокъ, приходитъ къ выводу, что кастовымъ духомъ наше духовенство не отличалось и не можетъ отличаться. О. Березинъ не отрицаетъ факта существованія у насъ сословныхъ духовныхъ школъ, но видитъ въ этихъ школахъ не столько выраженіе желанія самого духовенства, сколько волю правительства и общества. Въ заключеніе авторъ оправдываетъ наши духовные журналы въ возводимомъ на нихъ обвиненіи въ кастовомъ направленіи. О. Березинъ не беретъ подъ свою защиту только „Миссіонерское Обзорѣніе“—отчасти потому, что ему самому, повидимому, не все нравится въ этомъ журналѣ, а главное, безъ сомнѣнія, потому, что спеціальнѣйшій миссіонерскій журналъ и самъ постоитъ за себя. Впрочемъ, къ слову сказать, пока этотъ журналъ, если мы случайно не проглядѣли, ничего не писалъ по поводу статьи г. Благовѣщенскаго: онъ ея „не замѣтилъ“, хотя въ его огорождъ было брошено указанной статьею достаточно камешковъ—и довольно крупныхъ. Изъ статьи о. Березина получается слѣдующій выводъ: „напрасно г. Благовѣщенскій бьетъ тревогу; все обстоитъ благополучно; духовенство такъ хорошо (особенно на Дальнемъ Востокѣ), что лучшаго и желать грѣхъ; причина обвиненій, возводимыхъ г. Благовѣщенскимъ на духовенство, кроется въ личномъ чувствѣ автора, въ его нерасположеніи къ духовенству, здѣсь—ключъ къ уразумѣнію“...

Но едва ли даже люди и простые, не умѣющіе разобратъся въ своихъ впечатлѣніяхъ, но искренно расположенные къ духовенству, прочитавъ статью свящ. М. Березина, вздохнуть облегченною грудью и скажутъ: „Ну, и слава Тебѣ, Господи! А мы-то боялись!.. Оказывается, все это напали на духовенство злые люди; а на самомъ дѣлѣ оно чисто, какъ кристалль.“—Есть *два* правды: правда внѣшняя, формальная, и правда внутренняя, нравственная. Первой правды достигнуть легко. Но правды Божіей не могутъ замѣнить никакія сильныя слова; она больше чувствуется, чѣмъ поддается формально-логическимъ доказательствамъ и опроверженіямъ. И этой-то правды, думается, и нѣтъ въ словахъ о. Березина,—той правды, которая столь привлекательна въ св. апостолахъ Христовыхъ и во всѣхъ истинно-христіанскихъ смиренныхъ сердцахъ,—той правды, которая учитъ, что самообвиненіе выше самооправданія. Предъ авторомъ стоялъ фактъ неизмѣримо великой, хотя и печальной, важности—раздѣленія въ Церкви,—и вдругъ онъ все дѣло свелъ на личное дурное чувство одного человѣка!.. Допустимъ, впрочемъ, что г. Благовѣщенскій не любитъ духовенства (при этомъ остается еще вопросъ: за что?), а потому и клевететь на него. Но вѣдь онъ не одинокъ. Съ намъ солидарны г. Стаховичъ, Іеронимъ Преображенскій, писавшій письма къ покойному высокопреосв. Амвросію, г. Меньшиковъ, Бѣлявскій, новопутейцы... Здѣсь уже, очевидно, теорія автора о личной неприязни къ духовенству теряетъ свою силу. Но допустимъ, наконецъ, что всѣ эти лица не расположены къ духовенству по какимъ-либо личнымъ чувствамъ, счетамъ или впечатлѣніямъ. Ну, а народъ, въ особенности въ лицѣ уклоняющихся отъ Церкви? а раскольники, указывающіе на отчужденіе у насъ духовенства отъ общества, въ частности отъ народа?—Если все это—личные враги духовенства, то, во всякомъ случаѣ, вражда ихъ столь тревожна, что должно явиться желаніе какъ можно скорѣе узнать о причинахъ ея и устранить эти причины.—Здѣсь-то и остается

проникнуться духомъ апостольскаго смиренія и искренно и чистосердечно спросить себя: „не мы ли, Господи? Не мы ли, пастыри, хотя отчасти виноваты въ возникшей и все болѣе и болѣе усиливающейся розни между пасомыми и нами?“

И нѣкоторые архипастыри и пастыри Церкви отвѣчаютъ на поставленный вопросъ положительно. Да,—говорятъ они,—отчасти дѣйствительно виноваты мы. Такъ говорить преосв. Антоній Волинскій въ своихъ извѣстныхъ *посланіяхъ*. Въ этомъ старается убѣдить свящ. Гр. С. Петровъ, въ особенности въ своемъ послѣднемъ очеркѣ: „*Затѣйникъ*“, гдѣ онъ рельефно показываетъ, сколько *трудно преодолимыхъ препятствій*—*недоброжелательства, ненависти, даже открытой вражды* встрѣчаетъ въ своей дѣятельности живой пастырь въ селѣ (II ч.) и въ городѣ (III ч.). Справедливость дѣлаемыхъ упрековъ духовенству отчасти сознаетъ и свящ. М. П. Чельцовъ („Спб. Вѣд.“ 1904 г., № 333) и свящ. С—ій („Спб. Вѣд.“ 1904, № 264). Мы рѣшительно не можемъ понять, какимъ образомъ свящ. М. Березинъ увидѣлъ въ послѣднемъ своего единомышленника. Нѣтъ,—быть можетъ, никто еще въ такихъ мягкихъ, вѣжливыхъ выраженіяхъ, но въ формѣ злой ироніи, не признавалъ справедливости дѣлаемыхъ духовенству упрековъ, какъ свящ. С—ій. Онъ, вопреки о. Березину, но согласно съ г. Благовѣщенскимъ, какъ бы говорить: „да, вопіющихъ недочетовъ въ жизни и дѣятельности духовенства очень много, такъ что необходимо кричать, неизбежно бить тревогу; но только нужно удары наносить не по оглоблѣ, а бить по коню“. Но здѣсь уже затрогивается вопросъ о причинахъ неурядицы среди духовенства, о чемъ будетъ рѣчь ниже.

Итакъ, разберемся *sine ira et studio*, въ чемъ обвиняють духовенство интеллигенція, а отчасти и народъ, съ чѣмъ, какъ мы видѣли, согласны и нѣкоторые изъ среды самого духовенства.

Духовенство обвиняють въ непониманіи величія своего сана, въ приниженіи его, даже прямо обвиняють въ рас-

пущенности. „Служить всевышнему престолу Господа, Царя царей, во святомъ храмѣ Его; быть облеченнымъ въ апостольское призваніе, отдать себя благороднѣйшей потребности народной — стремленію къ Божеству... возможенъ ли трудъ болѣе высокій? возможно ли положеніе болѣе почетное? Сколько тутъ поэзіи безграничной! Посвященіе во священники напоминаетъ царственный обрядъ помазанія. При возложеніи рукъ епископомъ передается преемственно...—сказать страшно (если бы вѣровали) благодать Духа Святого, прерогатива апостольская, огромная власть *вязать и рѣзать*, не предоставленная даже царямъ. Въ служеніи своемъ диаконъ изображаетъ не какого-либо чиновника особыхъ порученій, а бессмертнаго духа, ангела, священникъ же представляетъ Второе Лице Святой Троицы, Сына Божія. На какую безмѣрную высоту возносится здѣсь душа человѣческая, *если только искренно вървать во все это!* Сколько торжественной красоты и какой пафосъ мысли! Избранная знать вмѣсто того, чтобы отдавать дѣтей въ пажы и правовѣды, должна бы отдавать ихъ въ семинаріи, считая роль священника самою ослѣпительною карьерою изъ всѣхъ возможныхъ... Генералу, служащему по кавалеріи, кажется теперь, конечно, смѣшнымъ сравнивать свою карьеру съ батюшкиной; даже подпоручикъ не идетъ въ *попы*, или это такая крайняя рѣдкость. Даже онъ считаетъ себя выше попа, *благороднѣе* его...; *попы* въ презрѣніи... *попы* по званію уравнины съ лавочниками, ремесленниками, почтальонами... или развѣ на іоту выше... *Что, если бы подъ золотыми ризами мы все видѣли нѣчто дѣйствительно святоносное, духъ Христовъ?* Одинъ проблескъ надежды на это—и уже вся Россія покорена отцу Ивану, и десять тысячъ отцовъ Ивановъ заслонены однимъ ¹⁾“.

„Все наше общество,—пишетъ г. Бѣлявскій,—заняло по отношенію къ христіанству, на молокъ котораго воспитались его лучшія гуманныя стремленія, какое-то странное положе-

¹⁾ „Недѣля“ 1900, 44, „Отклики“, М. О. Меньшикова.

ніе. Въ нашей малоустроенной семейной жизни часто приходится наблюдать, какъ впечатлительный ребенокъ покидаетъ родной кровъ и добраго отца, убѣгая отъ суровой мачехи. Нѣчто подобное случилось и здѣсь. *Недовольство* на политическій индифферентизмъ и *нѣкоторую культурную отсталость* нашего духовенства побуждаетъ наше общество забывать религію и религіозную мораль въ частности; слабость и вялость церковной жизни этого давно уже заброшеннаго у насъ сословія мы сочли за идейную слабость того источника, охранять который они поставлены; мы забыли, что *дурной привратникъ* можетъ легко оказаться у хорошаго хозяина“¹⁾.

„Я уже старикъ,—писалъ покойному архіепископу Харьковскому Амвросію нѣкто Іеронимъ Преображенскій:—мнѣ подѣ 60 лѣтъ; на своемъ вѣку мнѣ не мало приходилось наблюдать уклоненій отъ исполненія церковныхъ обязанностей и по совѣсти скажу, что во всѣхъ случаяхъ причиною тому было наше духовенство. А за *послѣднія событія* такъ приходится даже усердно благодарить наше духовенство—оно открываетъ глаза многимъ... Масса людская теперь уже начинаетъ понимать, гдѣ ложь и гдѣ правда, и видитъ, что духовенство наше говоритъ одно, а дѣлаетъ другое, да и въ словахъ своихъ частенько себѣ же противорѣчить“²⁾.—Въ особенности много осужденій сыщется на нравственную жизнь духовенства.

„Интеллигенція,—говоритъ г. Благовѣщенскій,—требуешь, желаетъ, чтобы церковное было безукоризненно: и батюшка въ ея представленіи долженъ быть безукоризненной жизни—батюшку-картежника или велосипедиста (я видалъ такого) интеллигенція прямо презираетъ!“³⁾. „Зачѣмъ закрывать глаза,—пишетъ М. О. Меньшиковъ,—на явленіе глубоко-горестное, на то, что нѣкоторая часть духовенства у насъ заражена алкоголизмомъ? Я выросъ въ деревнѣ, я собственными глазами видѣлъ ужасы неописуемые, происходящіе всенародно,

¹⁾ „Слово“ 1904, 13 дек. Фельетонъ г. Бѣлавскаго: „На распутьи“.

²⁾ „Вѣра и Разумъ“ 1901, 8, стр. 458—459.

³⁾ „Спб. Вѣдомости“ 1904, № 249.

и до такой степени, что народъ уже почти не чувствуетъ этого... Народъ вѣдь и самъ тянетъ горькую... Пьяный священникъ—тяжелое зрѣлище. Но трезвый священникъ! Уже и въ трезвомъ часто видишь начало страшнаго процесса“¹⁾...

Можно было бы и далѣе продолжить подобныя выписки. Но довольно,—и приведенныя тяжело и обидно слушать. Всѣ эти обвиненія мы выслушали со стороны интеллигенціи. Что же касается народа, то его протестовъ нельзя встрѣтить въ печати, а можно лишь видѣть или слышать въ жизни. Но что недовольство духовенствомъ живетъ и здѣсь и возрастаетъ, и оно очень сильно, свидѣтельствуетъ успѣхъ сектантства и обвиненія, возводимыя сектантами на православныхъ пастырей. Какъ-то разъ въ простомъ разговорѣ одинъ священникъ, какъ примѣръ огрубѣнія народа и „дикаго разсужденія“, привелъ такія слова своего прихожанина. „Вотъ вы, батюшка, какъ наступаетъ вечеръ, идете или къ судѣ, или къ слѣдователю, или къ акцизному... А мнѣ бы казалось, вамъ скорѣе нужно было бы пойти ко мнѣ, или къ сапожнику Петру, или къ бочару Андрею“. Конечно, если священникъ ходилъ къ судѣ, къ приставу, къ доктору, чтобы вести серьезныя бесѣды о церковныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, тогда это разсужденіе на половину теряетъ въ своей основательности. Но, очевидно, здѣсь не такія посѣщенія имѣлись въ виду.—Приведенныя слова прихожанина весьма характерны. Они свидѣтельствуютъ о томъ, что среди прихожанъ уже начинается чувствоваться нужда въ пастырскихъ визитаціяхъ, или, какъ говорятъ нѣмцы, въ *пастырскомъ душепопечительствѣ* (Seelsorge).

Если справедлива хоть сотая часть изъ того, въ чемъ обвиняютъ духовенство интеллигенты, и что имѣетъ противъ нихъ народъ, то и тогда положеніе дѣла является крайне печальнымъ. Здѣсь какая-то злая иронія. Призванные уловлять въ царство Божіе являются вдругъ тормазомъ на пути

¹⁾ „Недѣля“ 1900, № 44.

къ нему, „дурными привратниками“ у хорошаго хозяина, „мачехою“ въ домѣ любящаго Отца. Духовенство, прежде всего, обвиняютъ въ малокультурности, умственной отсталости и слѣпой рутинѣ. Если дѣйствительно такой недостатокъ должно поставить на счетъ духовенству, то онъ долженъ быть названъ кардинальнымъ, изъ котораго выясняются почти всѣ остальные. Отсюда вытекаетъ неблагоговѣйное отношеніе къ священному сану, вслѣдствіе недостаточнаго пониманія его высоты, вслѣдствіе нѣкотораго легкомыслія, поверхностности и отсутствія надлежащей нравственной чуткости. Отсюда вытекаютъ и недостатки нравственной жизни. Человѣкъ, у котораго слабо развиты умственные запросы, при извѣстной матеріальной обеспеченности, всегда будетъ тратить досугъ на карты, на велосипеды (если это справедливо) или даже прямо будетъ „тянуть горькую“, въ лучшемъ же случаѣ—ничего не будетъ дѣлать. Какъ ни тяжело, а должно сознаться, что на приходахъ рѣдко можно встрѣтить священниковъ, даже юшески молодыхъ (отъ 22—25 лѣтъ), которые увлекались бы серьезнымъ чтеніемъ. Если собрать статистическія данныя о благочинническихъ библіотекахъ, то выводъ получится довольно печальный. Не получившіе должнаго навыка къ чтенію въ семинаріяхъ и не развившіе въ себѣ серьезныхъ умственныхъ запросовъ, многіе пастыри Церкви уже не идутъ выше той точки развитія, которой достигли въ семинаріи; многіе же и на ней не удерживаются, а спускаются ниже, сводя всю свою пастырскую дѣятельность на требоисправление, а въ свободное время занимаясь перелистываніемъ „Церковныхъ“ и епархіальныхъ вѣдомостей, чтеніемъ газеты „Свѣтъ“, рѣже—журнала „Нива“. А между тѣмъ, нужно ли доказывать, что соответственное чтеніе и вообще самообразование имѣло бы громадное значеніе въ дѣлѣ пастырскаго служенія? Одна и та же истина, въ одной формѣ она является мало понятной, сухой, во всякомъ случаѣ не увлекательной, а въ другой—очень понятной, разумной и интересной. Извѣстно, напр., какъ остроумно А. С. Хомяковъ выяснилъ барамъ, иронизи-

ровавшимъ надъ его религіозностью, исполненіемъ всѣхъ церковныхъ предписаній, значеніе обрядовъ церковныхъ и необходимость соблюденія ихъ. Онъ говорилъ, что сохраненіе обрядовъ требуется любовью, уваженіемъ къ Церкви. Подобно тому, какъ нельзя явиться на балъ въ черномъ галстукѣ и безъ перчатокъ,—это было бы неуваженіемъ, оскорбленіемъ собранія, положившаго извѣстныя правила приличія: точно такъ же было бы оскорбленіемъ матери-Церкви нарушеніе ея уставовъ, которые, конечно, стоятъ несравненно выше свѣтскихъ правилъ приличія.—И такое объясненіе *ad hominem* достигало своей цѣли. Или другой примѣръ. Извѣстно, что многіе изъ интеллигентовъ смущаются исповѣдью предъ священникомъ, не понимаютъ ея смысла и необходимости, разъ можно раскрыть свое сердце предъ вседѣствующимъ Богомъ. Священникъ мало начитанный едва ли что-нибудь скажетъ убѣдительно для такого интеллигента. А между тѣмъ, подобные вопросы—не рѣдкость. И вотъ, о. Петровъ въ своемъ послѣднемъ очеркѣ: „Затѣйникъ“ какъ разъ и представляетъ (въ III части) такого интеллигента, обратившагося къ священнику съ вопросомъ о томъ, для чего нужна исповѣдь именно предъ священникомъ. Но, къ счастью, священникъ (или самъ авторъ) оказался на высотѣ своего положенія и такъ ясно показалъ *Никодиму* значеніе исповѣди предъ священникомъ, что тотъ вполне удовлетворился и убѣдился въ необходимости этого св. таинства. Но могло быть и совершенно наоборотъ... Да мало ли существуетъ вопросовъ, бываетъ случаевъ въ пастырской жизни и практикѣ, гдѣ образованность священника, его начитанность можетъ спасти колеблющихся въ истинѣ или привести къ Церкви отпавшихъ отъ нея?—Но мы отнюдь не выдвигаемъ умственнаго фактора предъ нравственнымъ, предъ святостью жизни священника. Одно съ другимъ очень тѣсно связано. Глубоко образованный священникъ, понимающій высоту своего служенія и значеніе своего положенія, не дозволитъ себѣ грубыхъ развлеченій, въ родѣ пьянства или даже другихъ—безразличныхъ, въ родѣ

танцевъ, картъ, велосипеда, табакокуренья и т. п. Но если такъ, то въ такомъ случаѣ—скажетъ кто-либо—священникъ долженъ быть подвижникомъ?—Да, если хотите—именно подвижникомъ. *Что пастырство есть великій подвигъ, и что только имѣющіе призваніе должны принимать священный санъ—это отнынѣ должно перейти изъ разряда красивыхъ фразъ въ самую жизнь.*

Общество настойчиво требуетъ отъ духовенства идейнаго служенія вѣрѣ Христовой и Церкви, и мы не должны спокойно проходить мимо тревожныхъ вылазокъ противъ духовенства, какъ „дурного привратника“ у хорошаго хозяина, вмѣсто охраненія якобы загрязняющаго святой источникъ жизни. Хорошо, конечно, если эти грозные возгласы, грубые окрики представляютъ изъ себя дѣйствительно низкое личное чувство недовольства отдѣльныхъ лицъ, ни на чемъ не основаннаго. Хорошо, если духовенство чувствуетъ себя въ силахъ дать разумный отчетъ въ своей дѣятельности предъ судомъ общественнымъ. Но гораздо лучше напередъ приготовиться, взяться за дѣло, за самую кипучую энергичную работу. И это тѣмъ болѣе уместно, даже необходимо въ такое исключительно-несчастное время, какое мы переживаемъ. „Государственный корабль вступилъ въ полосу урагановъ и подводныхъ скалъ. Если на военномъ кораблѣ по сигналу: *Дробь - тревога!* всѣ мгновенно бросаются на свси заранѣе намѣченныя мѣста, то и на кораблѣ государственномъ въ такія, какъ теперь, тяжкія времена не всѣ ли должны стремиться занять каждый свой постъ? Не отъ всѣхъ ли требуется вниманіе, во сто разъ повышенное, и готовность исполнить долгъ свой?“¹⁾

Правда, иногда условія жизни и служенія бываютъ такъ тяжелы и стѣснительны, что нѣтъ возможности дѣлать любимое дѣло; не остается мѣста никакой самостоятельности, никакому творчеству. Но если дѣйствительно пастырское дѣло

¹⁾ „Новое Время“.

значительно обезпложивается тяжелыми условиями существования духовенства, то отчего оно само, въ особенности провинціальное, захолустное, почти совсѣмъ не заявляетъ объ этомъ, а, въ родѣ священника М. Березина, говоритъ только: беспокоиться не стоитъ, все обстоитъ благополучно?... Въ прошломъ 1904 г. на страницахъ „Церковнаго Вѣстника“ встрѣчались весьма хорошія статьи о необходимости реорганизаціи нашихъ духовныхъ школъ, какъ преслѣдуемыхъ *два* различныхъ цѣли: подготовить пастырей Церкви и дать образование дѣтямъ духовенства. Но было бы вдвое пріятнѣе, если бы такія статьи появились на страницахъ епархіальныхъ вѣдомостей, изъ глубины сознанія *рядового* провинціального духовенства. „Церковный Вѣстникъ“ далѣе, напр., пишетъ (1904, № 47) „о взаимообщеніи духовенства“, важности его. Но опять несравненно было бы пріятнѣе выслушать объ этомъ рѣчь, составленную не на основаніи апріорныхъ соображеній, а выхваченную изъ живой жизни¹⁾. Да мало ли такихъ захватывающихъ духъ вопросовъ въ пастырской жизни?.. Вотъ тогда бы оживились „пасынки печатнаго слова“, т. е. епархіальныя вѣдомости (выраженіе „Церковнаго Вѣстника“— 1904, № 40).

—

Прошлымъ лѣтомъ въ деревнѣ намъ какъ-то пришлось долго бесѣдовать съ священникомъ, пастыремъ многолюднаго прихода, отличающимся ревностью въ исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей. Можетъ быть, предчувствуя скорый упадокъ силъ или уже переживая его, убѣленный сѣдинами пастырь сердечно и убѣжденно говорилъ: „Для священника первое дѣло—здоровье, здоровье и здоровье“. Будемъ

¹⁾ Статьи указываемаго авторомъ характера въ послѣднее время все чаще и чаще начинаютъ появляться на страницахъ различныхъ епархіальныхъ вѣдомостей; особенно это нужно сказать о вѣдомостяхъ Орловскихъ, Подольскихъ, Томскихъ, Екатеринославскихъ и нѣк. др. *Ред.*

надѣяться, что скоро настанетъ время,—и уже настаетъ оно,—когда такъ же органически почувствуютъ и искренно скажутъ, что для пастыря Церкви первое дѣло—призваніе, призваніе и призваніе да подвигъ самообразованія и самовоспитанія. Иначе *спасительныя* идти въ чиновники, ремесленники, даже чернорабочіе, чѣмъ оставаться у престола Божія.

М. П—въ.

Русское общество и православный пастырь въ XVIII вѣкѣ.

(Окончаніе ¹).

III.

Бросая общій взглядъ на религіозное состояніе русскаго общества къ началу XIX вѣка,—того общества, изъ рядовъ котораго вышла наша первая интеллигенція (какъ особая социальная группа), и на положеніе въ немъ русскаго пастыря, мы должны притти къ заключенію, что условій, благопріятствующихъ единенію интеллигенціи съ пастыремъ XVIII вѣка не завѣщаль *девятнадцатому*. Не было ничего утѣшительнаго въ этомъ отношеніи ни въ тогдашнемъ настроеніи общества, ни во внѣшнемъ положеніи самого пастыря, ни въ правительственной, наконецъ, политикѣ въ отношеніи къ Православной Церкви.

Въ общество „проникло то рационалистическое, неживое пониманіе вѣры, гдѣ она искусственно разорвана отъ жизни;

¹) См. № 7 за 1905 г.

внесено то построение христіанства, чуждое православію, при которомъ ученіе Церкви усваивается не жизненнымъ подвигомъ въ *единствѣ человѣческихъ душъ*, а можетъ быть заучено по катихизису: при которомъ Богъ разорванъ на параграфы схоластическаго учебника, тогда какъ мѣсто Ему *въ ограниченіяхъ церковной жизни*"¹⁾),—это у одной части общества. Другая, бѣльшая, была заражена идеями французскаго раціонализма. Насколько глубоко „вольтеріанство“ пустило свои корни въ русскую жизнь, лучше всего можно судить на основаніи постановки воспитанія того времени. Дѣло воспитанія находилось тогда всецѣло въ рукахъ французовъ, которые при Екатеринѣ II массами эмигрировали изъ Франціи (вслѣдствіе поднявшейся тамъ революціи) въ Россію, находя здѣсь и покровительство императрицы, и радушный пріемъ у высшихъ классовъ общества, и, наконецъ, готовую славу *лучшихъ воспитателей*. Состоятельныя фамиліи наперерывъ приглашали ихъ къ себѣ и поручали имъ своихъ дѣтей. Что могли дать эти воспитатели, и какъ могло сказаться ихъ вліяніе въ религіозномъ отношеніи?... Сами безъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, безъ всякихъ правилъ христіанской нравственности, они на все обращали вниманіе, кромѣ того, что могло способствовать развитію національнаго самосознанія и религіознаго чувства. Преподавая всѣ науки, они тщательно умалчивали о томъ, что называется религіей, закономъ Божіимъ; не упоминалось даже имени Іисуса Христа и Бога, никогда не говорилось о Евангеліи и книгахъ Свящ. Писанія. И это были лучшіе педагоги въ этой худшей системѣ воспитанія²⁾. И хорошо, если только умалчивали,—иногда же и прямо смѣялись надъ религіей и церковными обрядами...

Вѣншее положеніе пастыря далеко не соотвѣтствовало его идеѣ. Сферѣ его дѣятельности были поставлены очень

¹⁾ „Прав.-русск. слово“ 1904 г., № 8, стр. 703.

²⁾ Морожкинъ. „Іезуиты въ Россіи“, т. I, стр. 286.

узкіе предѣлы. Область пастырскаго воздѣйствія поневолю́ должна была ограничиться одной только богослужебной стороною. Отъ изначала принадлежавшаго ему руководства духовной жизнью образованнаго общества пастырь русскій долженъ былъ отказаться. У него была предупреждена всякая возможность свободы и независимости въ словѣ и дѣйствіи. Это, конечно, не замедлило отразиться приниженіемъ пастырскаго идеала въ воззрѣніяхъ тогдашняго русскаго пастыря. Не стало прежнихъ печальниковъ за опальныхъ, не слышался мужественный голосъ новаго Филиппа. Свободный и сильный, ничѣмъ земнымъ не связанный голосъ древне-русскаго святителя, считавшаго себя отвѣтственнымъ передъ Богомъ за поправіе какъ народомъ, такъ и сильными міра сего божественной, христіанской истины,—этотъ голосъ былъ удаленъ изъ государства. Надъ всѣмъ царилъ государственный абсолютизмъ съ его земными идеалами... Не касаясь вопроса, могъ ли Св. Синодъ при томъ устройствѣ, которое дано было ему Петромъ I, быть выразителемъ высшей пастырской власти въ Церкви, отмѣтимъ, что слишкомъ свѣтскій характеръ, какой по временамъ принимало новое церковное управленіе, не дѣлалъ его авторитетнымъ въ глазахъ общества¹⁾. Къ тому же, Св. Синоду въ началѣ своего существованія не удалось занять надлежащаго мѣста среди другихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій. „Сенатъ первый не понялъ, или вѣрнѣе—намѣренно не хотѣлъ понять всѣхъ правъ и всего высокаго значенія новоучрежденной власти церковной. Подъ разными предлогами онъ или отказывался отъ исполненія указовъ и распоряженій Св. Синода, или просто отмалчивался. Самыя законныя его требованія оставались безъ исполненія, самыя важныя мѣры его встрѣчали противодѣйствіе¹⁾. Не всегда Св. Синодъ имѣлъ силу съ успѣхомъ отстаивать и чисто религіозные интересы. Извѣстно, напр., что Петръ I

¹⁾ „Церковн. Вѣстн.“ 1903 г., № 20 („Юбилей Петербурга“).

запретилъ печатать „Камень вѣры“ Стефана Лворскаго, написанный въ обличеніе протестантства, и т. п.

Наконецъ, XVIII вѣкъ положилъ начало попыткѣ сдѣлать Церковь, ея мысль и слово силой служебной государству. Въ дальнѣйшей исторіи это особенно повліяло на складъ отношеній интеллигенціи къ паствѣ. Гибельныя послѣдствія для вѣры политики подчиненія ея внѣшнимъ цѣлямъ узкаго, официальнаго консерватизма прекрасно изображаетъ Самаринъ въ своемъ „Предисловіи“ къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова. „Когда пускается въ оборотъ мысль,—говоритъ онъ,—подъ явнымъ клеймомъ невѣрія, она возбуждаетъ въ совѣсти если не противодѣйствіе, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую къ себѣ недовѣрчивость, какъ выраженіе нескрываемой вражды. Но когда официальный консерватизмъ, подъ предлогомъ охраненія вѣры, благоволенія къ ней и благочестивой заботливости о ея нуждахъ, мнѣтъ и душитъ её въ своихъ безцеремонныхъ объятіяхъ, давая чувствовать всѣмъ и каждому, что онъ дорожитъ ею ради той службы, которую она несетъ на него: тогда, очень естественно, въ обществѣ зарождается мнѣніе, что такъ тому и слѣдуетъ быть, что много отъ вѣры и ожидать нельзя, и что дѣйствительно таково ея назначеніе. Это убиваетъ всякое уваженіе къ вѣрѣ.. Когда существующій порядокъ вещей, весь цѣликомъ, ставится подъ непосредственную охрану вѣры; когда ей, такъ сказать, навязывается одобреніе, благословеніе и освященіе всего, что есть въ данную минуту, но чего не было вчера, и чего не можетъ быть завтра: тогда, естественно, всѣ самыя разумныя потребности, не удовлетворяемыя настоящимъ, всѣ самыя мирныя и скромныя надежды на лучшее, наконецъ—самая вѣра въ народную будущность,—все это пріучается смотрѣть на вѣру, какъ на преграду, черезъ которую рано или поздно нужно будетъ перешагнуть, и, мало-по-малу, склоняется къ невѣрію. Вѣра, по

¹⁾ Знаменскій, Цит. соч. Ср. „Бог. В.“ 1904 г., № 2, стр. 238—9.

существо своему, не сговорчива, и въ сдѣлки съ нею входить нельзя. Нельзя признавать ее условно, въ той мѣрѣ, въ какой она намъ нужна для нашихъ цѣлей, хотя бы и законныхъ... Вѣра не палка, и въ рукахъ того, кто держитъ ее, какъ палку, чтобъ защищать себя и пугать другихъ, она разбивается въ щепы... Требованіе отъ вѣры какой бы то ни было полицейской службы есть не что иное, какъ своего рода проповѣдь невѣрія, можетъ быть, опаснѣйшая изъ всѣхъ, по ея общепонятности“¹⁾).

Не можемъ не указать еще на одно явленіе въ русской церковной жизни XVIII вѣка, которое также подготовляло будущее отчужденіе интеллигенціи отъ пастыря, -- это сословность духовенства, вслѣдствіе которой не было даже внѣшней связи у духовенства съ другими классами общества. Практиковавшійся прежде обычай *выбора* духовенства давалъ возможность вступить въ ряды его лицамъ разныхъ сословій. Теперь, въ XVIII вѣкѣ, духовенство уже совершенно замыкается въ касту. XVIII вѣкъ былъ вообще „временемъ усиленнаго развитія правительственной регламентаціи и опекой надъ народною жизнью всякихъ начальствъ; повсюду общественные выборы замѣнялись административными назначеніями“²⁾. Правда, законодательство и литература Петровскаго времени еще высказывали мысль, что церковныя должности должны быть доступны для всѣхъ достойныхъ, независимо отъ ихъ происхожденія. Но то же правительство, какъ извѣстно, обособивъ общественныя сословія, обставило и выходъ изъ нихъ въ духовное званіе очень стѣснительными ограниченіями, напр., -- изъ дворянъ дозволило вступать въ него только младшимъ дѣтямъ, и притомъ лишь по достиженіи 40-ка лѣтъ. -- Дѣти духовенства являлись, такимъ образомъ, первыми и чуть

¹⁾ Полн. собр. соч. Хомякова, т. II. М. 1900 г. Изд. 4, предисл., стр. V—VI.

²⁾ „Прих. дух. въ Россіи со врем. реф. Петра Великаго“. „Прав. Соб.“ 1871 г., III, 174—175.

ли не единственными замѣстителями на должности родителей. Прииженное и матеріально необезпеченное положеніе духовенства и само по себѣ не могло привлекать къ вступленію въ его ряды высшихъ классовъ общества, тѣхъ классовъ, изъ которыхъ преимущественно вышла наша интеллигенція. Духовныя школы все болѣе развивали въ себѣ сословную замкнутость. Этому благопріятствовало умноженіе свѣтскихъ школъ и особенно открытіе Московскаго университета (1755 г.), который сразу отвлекъ вниманіе свѣтскаго общества отъ духовныхъ семинарій и академій. Къ концу XVIII столѣтія духовное сословіе успѣло совершенно замкнуться въ себя; церковныя должности сдѣлались исключительнымъ достояніемъ лицъ духовнаго сословія, такъ что лицамъ другихъ сословій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было весьма трудно попасть даже въ церковныя сторожа ¹⁾).

Вотъ что несъ съ собою XVIII вѣкъ въ наслѣдіе вѣку *девятнадцатому*. *В. Андріевскій.*

О пріобщеніи мірянъ.

Многихъ пастырей интересуесть вопросъ: можно ли употребить для пріобщенія мірянъ, кромѣ извѣстныхъ частицъ св. Агнца, еще и доли отъ тѣхъ, которыя назначаются въ потиръ и на пріобщеніе священнослужителей,—употребить въ томъ исключительномъ случаѣ, когда стекается такое множество причастниковъ, что нѣтъ возможности ограничиться одними „мірскими“ частицами св. Агнца? ²⁾).

¹⁾ Доброволонскій. „Руководство къ исторіи Русск. Церкви“, в. 4, стр. 166.

²⁾ Съ такимъ вопросомъ обратился въ редакцію одинъ изъ подписчиковъ нашего журнала, священникъ Самарской епархіи о. В. К—въ. На этотъ вопросъ былъ уже данъ положительный отвѣтъ на страницахъ журнала за 1885 г., № 6. Настоящими историко-археологическими справками постараемся обосновать высказанныя тамъ соображенія.

По существу своему, этот вопрос долженъ быть рѣшенъ, разумѣется, утвердительно. Тѣми же свойствами Тѣла Христова, предлагаемаго членамъ земной Церкви, только—разныхъ іерархическихъ достоинствъ, обладаютъ части Агнца ІС и ХС, какъ и НІ и КА. Точнѣе говоря, всѣ онѣ въ совокупности, а равно и каждая порознь, составляютъ истинное Тѣло Христово, и, слѣдовательно, каждая изъ нихъ можетъ быть употреблена, какъ дѣйствительно и употребляется, въ приобщеніе. Только *практикою* церковною установилось, что первыя двѣ частицы потребляются въ приобщеніи священнослужителями, а вторыя назначаются для мірянъ.

Хотя нѣтъ данныхъ считать эту современную практику во всей ея полнотѣ достояніемъ первыхъ вѣковъ христіанства, но необходимо отмѣтить, какъ вполне достовѣрный и естественный фактъ, что съ самыхъ древнихъ временъ священнослужители, въ ряду готовившихся къ причащенію, приобщались *первыми* отъ частицъ раздробляемаго Агнца. Не извѣстно, существовалъ ли съ древнѣйшихъ временъ обычай располагать частицы Агнца на дискосѣ въ томъ образѣ *креста* въ каковомъ онѣ полагаются нынѣ. Между тѣмъ, только при условіи крестообразнаго расположенія частицъ Агнца становится необходимымъ то, что священнослужители приобщаются всегда одною и тою же частью св. Агнца, именно *второю*, которая полагается въ нижнемъ концѣ перпендикулярной линіи креста, а міряне—частицами НІ и КА на концахъ поперечной линіи креста. Въ сочиненіи псевдо-Діонисія Ареопагита: „О церковной іерархіи“ (отъ IV—V в.) можно найти указаніе только на тотъ порядокъ приобщенія, по которому прежде другихъ приобщается св. Даровъ самъ совершитель таинства—іерархъ, а за нимъ другіе въ порядкѣ іерархической постепенности. „Причащеніе его самого“ (т. е. іерарха),—читаемъ здѣсь въ гл. III („О томъ, что совершается въ собраніи“ вѣрующихъ на литургіи),—„предваряетъ преподаваніе даровъ другимъ, и принятіе таинствъ имъ самимъ совершается прежде таинственного раздѣленія народу: потому что таковъ вселенскій

чинъ и порядокъ, чтобы прежде священноначальствующій приобщался и преисполнялся даровъ, которые чрезъ него должны быть благолѣпно преподаны другимъ, а потомъ уже и преподавалъ другимъ“ (Посл. св. отцовъ и учит. Ц., относящ. къ истолк. прав. богослуженія. Т. I. Спб. 1855, стр. 90). Вообще, о порядкѣ іерархической постепенности при приобщеніи св. Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ сохранились ясныя свидѣтельства древности, а изъ многочисленности ихъ видно, что такой порядокъ строго наблюдался въ первенствующей Церкви. Въ литургіи, напр., изъ VIII книги „Апостольскихъ Поста новленій“ (не позднѣе III в.) находимъ объ этомъ слѣдующее постановленіе: „Послѣ сего“, т. е. послѣ освященія Даровъ, „пусть причащается—епископъ, потомъ прѣсвитеры и діаконы, иподіаконы, чтецы, пѣвцы, аскеты и изъ женщинъ—діакониссы, дѣвственницы, вдовицы; затѣмъ дѣти и, наконецъ, весь народъ по порядку, съ скромностью и благоговѣніемъ, безъ шума“ („Собраніе древнихъ литургій восточныхъ и западныхъ въ переводѣ на русскій языкъ“. Спб. 1874 г. Вып. I, стр. 133). На порядокъ постепенности при принятіи евхаристіи, практиковавшейся въ XV в., указываетъ блаж. Симеонъ Солунскій въ книгѣ своего „Толкованія“ на богослуженіе. Но у него есть уже и свидѣтельство о томъ, что раздробленные части Агнца полагались на дискосѣ въ формѣ креста, и что *верхняя* частица (т. е. соотвѣтствующая нашей ІС) опускалась іерархомъ въ потиръ для *соединенія* съ св. Кровію. Хотя изъ объясненій Симеона Солунскаго прямо не видно, что для приобщенія себя іерархъ бралъ *вторую*, внизу у креста лежащую, частицу, но такъ какъ сначала онъ самъ приобщался, а затѣмъ раздроблялъ оставшіяся части Агнца, то, значитъ, самъ онъ потреблялъ именно ту, которая отмѣчается теперь печатью ХС (Пис. св. отц. и учит. Ц. т. III. Спб. 1857, стр. 50—53). Крестообразное расположеніе частей раздробленнаго Агнца извѣстно, впрочемъ, и по болѣе раннимъ, чѣмъ „Толкованіе“ блаж. Симеона Солунскаго, памятникамъ. Славянскіе, напр., слу-

жебники XII—XIV вѣка ясно удостовѣряютъ этотъ обычай. „И идетъ діаконь въ алтарь“ [(послѣ „святая святымъ“) и речеть“, читаемъ въ служебникѣ XII в. Слб. дух. Академіи за № 518, л. 35: „многа лѣта, отче. Въ святую, чистую и честную молитву даруй намъ многа лѣта, честный отче. И попь речеть: купно съ животомъ вашимъ. А се глаголетъ попь ломя хлѣбъ: познаста ученика Господа въ преломленіи хлѣба; и намъ, Господи, даждь грѣшникомъ познати Тя въ животѣ вѣчномъ. И преломивъ, положить *крестомъ*; и речеть діаконь: исполни, владыко. И попь речеть: исполненіе Святаго Духа, смѣшеніе Тѣла и Крови честныя Господа нашего Иисуса Христа“ ¹⁾. Въ рукописномъ служебникѣ XIII в. той же бібліотеки за № 524, л. 27. говорится, что послѣ „святая стятымъ“ Агнецъ преломляется на *четыре части* съ словами: „познаста ученика Господа“ и, пр., какъ выше въ № 518. То же въ рукописномъ служебникѣ XIV в. указанной бібліотеки за № 523, л. 43 (выписки изъ древнихъ славянскихъ рукописей можно найти въ брошюрѣ С. Д. Муретова: „Послѣдованія проскомидіи, великаго входа и причащенія въ славяно-русскихъ служебникахъ XII—XIV вѣка“. М. 1897, с. 36 и дал.).

Такимъ образомъ, данныя древней богослужебной практики приводятъ къ заключенію, что въ Церкви существовалъ опредѣленный *порядокъ*, по которому каждая часть раздробленнаго Агнца получала свое назначеніе. Первая—влагалась въ *потирь*, вторая—опредѣлялась для причащенія священно-

¹⁾ Первая часть приводимаго священнодѣйствія подробнѣе и вразумительнѣе изложена въ служебникахъ преи. Варлаама Хутынского и преи. Антонія Римлянина отъ XII в., хранящихся теперь въ Московской Синодальной бібліотекѣ (№№ 343 и 342). Священники и діаконы приступаютъ къ престолу и говорятъ старшему священнику: „многа лѣта, отче; Богъ святую и чистую и честную твою молитву даруетъ намъ на многа лѣта, честный отче“. На это привѣтствіе старѣйшій священникъ отвѣчаетъ: „купно съ животомъ вашимъ“ (см. „Описанія славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки, отдѣлъ *третій*“. М. 1869, с. 3 и 5).

служителей, а остальные—для причащенія мірянъ. Такой порядокъ удержался въ церковной практикѣ и до настоящаго времени. Конечно, порядокъ долженъ быть всегда строго соблюдаемъ во всемъ: это основное правило человѣческой жизни и залогъ ея преуспѣянія. Церковною практикою выработался извѣстный *образъ дѣйствій* съ св. Агицемъ, и надо ему слѣдовать... Но, утвердивъ себя въ этой мысли, пастырѣ никогда не долженъ опускать изъ вниманія и того, что въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, прочно установившійся и признанный распорядокъ не имѣетъ, однако, каждаго-либо догматическаго значенія и не обреченъ на вѣчную неизмѣнность. Ученіе апостола ясно: всѣ мы,—говоритъ онъ,—отъ *единого хлѣба причащаемся* (1 Кор. 10, 17). Это—божественное, а то, въ какомъ порядкѣ преподается пріобщеніе, есть созданіе человѣческое. Бываютъ случаи, когда, при всей предусмотрительности ¹⁾, священникъ не можетъ не отступить отъ принятой практики, и, не нарушая существа дѣла, внести въ него необходимыя виѣшнія измѣненія.—Это несомнѣнное право священника, и за такія свои дѣйствія онъ не подлежитъ ни суду Божию, ни суду человѣческому.

Н. П—въ.

¹⁾ Если священникъ *предвидитъ* большое число причастниковъ, то ему совѣтуется озаботиться приготовленіемъ на проскомидіи св. Агица изъ *большой* просфоры, равно и вина влить въ чашу сообразно съ количествомъ причастниковъ („Рук. д. с. п.“ 1885 г., № 6).

Хорошее дѣло.

Комитеты попечительствъ о народной трезвости въ послѣднее время обратили большое вниманіе на устройство хоровыхъ, или пѣвческихъ обществъ при своихъ учрежденіяхъ.

Цѣлью учрежденія хоровыхъ обществъ *примѣрный уставъ*, находящійся сейчасъ у насъ подъ руками, поставляетъ:

а) Обученіе церковному пѣнію, чтобы члены хорового общества могли участвовать въ пѣніи при церковномъ богослуженіи;

б) Собраніе, сохраненіе и возвращеніе въ народное обращеніе памятниковъ народнаго творчества;

в) Ознакомленіе съ лучшими произведеніями церковной и свѣтской музыкальной литературы и съ народной пѣсней въ художественной обработкѣ.

Средства хора собираются отъ единовременныхъ и ежемѣсячныхъ взносовъ его участниковъ и отъ субсидій изъ суммъ попечительства о народной трезвости, при чемъ хоръ, получающій субсидію, обизывается бесплатно пѣть при богослуженіи не менѣе опредѣленнаго подлежащимъ комитетомъ числа разъ и участвовать при народныхъ чтеніяхъ. Въ организаціи и содѣйствіи пѣвческимъ обществамъ могутъ принимать участіе не только сами пѣвцы, но и лица стороннія, сочувствующія цѣлямъ хоровыхъ обществъ. Взносы въ пользу общества отъ членовъ назначены самые скромные: при вступленіи въ общество—20 коп. и ежемѣсячно—10 коп.

Несомнѣнно, что хоровымъ обществамъ, на дѣятельность и развитіе которыхъ вниманіе обратилъ самъ Государь, предстоитъ большое будущее, если за ихъ организацію возьмутся люди, любящіе дѣло и безъ всякихъ стороннихъ, кромѣ музыкальныхъ цѣлей, соображеній.

Для духовенства, въ сочувствіи котораго пѣвческимъ обществамъ едва ли можно сомнѣваться, пѣвческія общества

могутъ быть желательны по двумъ мотивамъ: а) они могутъ развить и улучшить церковное пѣніе и приблизить его къ желательному идеалу—общехоровому пѣнію; в) могутъ вытѣснить изъ житейскаго обихода цвѣты фабричной поэзіи—безсодержательныя, а иногда и безнравственныя пѣсни, какія часто приходится слышать въ народѣ.

Дай Богъ, чтобы все это было такъ!

Свящ. В. Пестряковъ.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 9-го февраля 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ, Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаро.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 9.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года февраля 27-го дня.

Содержаніе: О выборѣ членовъ причта прихожанами въ связи съ вопро-
сомъ о возрожденіи прихода.—Новооткрытая „духовная филосо-
фія“ и „нарочитое“ изученіе ея въ нашихъ духовныхъ школахъ.—
Можно ли приобщать мірянъ за преждеосвященной литургіей?

**О выборѣ членовъ причта прихожанами, въ связи
съ вопросомъ о возрожденіи прихода.**

I.

Вопросъ о выборѣ членовъ причта прихожанами является
однимъ изъ существеннѣйшихъ въ общемъ вопросовъ о возро-
жденіи современнаго прихода, какъ первичной ячейки цер-
ковно-общественной организаціи. По взгляду г. Папкова, со-
временный приходъ поражаетъ наблюдателя отсутствіемъ жи-
вой, органической связи между составляющими его членами и
прежде всего между духовенствомъ и прихожанами. Сове-
ренный священникъ, по мнѣнію г. Папкова, представляетъ
собою не пастыря въ строгомъ смыслѣ этого слова, не ру-

ководителя и воспитателя своихъ прихожанъ, а скорѣе только официальнаго совершителя требъ, чиновника, присланнаго начальствомъ для отправленія извѣстной службы. Въ этихъ служебно-официальныхъ отношеній между духовенствомъ и прихожанами установился полный разрывъ. Не менѣе рельефно выступаетъ въ жизни современнаго прихода и другая характеристическая его черта, именно—отсутствіе дѣятельнаго участія прихожанъ въ жизни церковной и разрывъ тѣсныхъ взаимоотношеній. Причинами, содѣйствовавшими упадку церковно-приходской жизни, по взгляду Папкова, были: централизація государственной власти со времени Петра I, бюрократизмъ, охватившій всѣ стороны общественной жизни, закрѣпощеніе крестьянъ и сословная замкнутость духовенства. Последняя собственно и имѣетъ непосредственное отношеніе къ поставленному нами вопросу. Понятно, что эта сословная замкнутость духовенства, составляющая одну изъ коренныхъ причинъ упадка современнаго русскаго прихода, и должна быть уничтожена для оживленія приходской жизни новымъ духомъ. Съ этою цѣлію проектируется избраніе членовъ духовенства самими прихожанами изъ излюбленныхъ ими достойныхъ лицъ, какъ это было, до сформированія духовнаго сословія, въ первенствующей Православной Церкви и въ исторіи древней Руси, до закрѣпощенія русскихъ крестьянъ въ концѣ XVI вѣкѣ.

Но вопросъ объ уничтоженіи цѣлаго духовнаго сословія слишкомъ серьезенъ для того, чтобы рѣшить его однимъ взмахомъ пера. Въдѣ духовенство у насъ не исключительно безженное, какъ у католиковъ, имѣетъ многочисленныя живыя связи съ другими сословіями Русскаго государства, составляетъ живой органъ въ цѣломъ организмѣ русскаго народа и государства, и потому нужно опасаться, чтобы ампутація этого живого органа не искалѣчила и самый организмъ. Съ другой стороны, и самые идеалы, во имя которыхъ требуется эта ампутація, намъ представляются не настолько ясными, опредѣленными и бесспорными, чтобы изъ-за нихъ

можно было рѣшиться въ настоящее время на такую тяжелую операцію.

Представители проектируемаго возрожденія русскаго прихода исходятъ изъ той мысли, что въ древней христіанской Церкви все основано было на живомъ взаимодействіи всѣхъ членовъ, что здѣсь не было рѣзкаго раздѣленія между управляющими и управляемыми, при чемъ послѣдніе принимали активное участіе въ дѣлахъ Церкви. Въ Россіи приходъ созданъ на почвѣ исконныхъ общинныхъ началъ русской жизни, подъ вліяніемъ христіанскихъ преобразующихъ идей. Слабый зародышъ нашего прихода нужно будто бы искать въ языческой древности русскаго народа. Уже въ то время русскіе славяне-язычники достаточно ясно проявили свойственныя имъ характеру наклонности къ общей дѣятельности, къ взаимному общенію въ своихъ религіозныхъ обрядахъ и обычаяхъ, въ устройствѣ праздничныхъ церемоній. Языческіе храмы тамъ, гдѣ они существовали, являлись центрами всей религіозно-общественной жизни народа: здѣсь совершалось богослуженіе, устраивались народныя празднества и пиршества; сюда стекались частныя и общественныя пожертвованія и вклады; здѣсь находили себѣ пріютъ и пропитаніе сироты и всѣ бѣдныя, а также престарѣлыя и больныя; здѣсь же, въ особыхъ пристройкахъ, происходили общія совѣщанія, и рѣшались важнѣйшіе вопросы общественной жизни. Христіанство, проникнувъ въ Россію, не разрушило, а только утвердило, преобразовало и значительно расширило практическое осуществленіе тѣхъ элементовъ, которые возникли въ языческое время и представляли зародышъ будущаго прихода. Христіанскій храмъ, бывшій прежде домомъ общей молитвы, привлекъ къ себѣ всѣ общественныя силы, создалъ церковный приходъ, сдѣлавшійся центромъ всей религіозно-общественной жизни и дѣятельности новопросвѣщеннаго русскаго народа. Устраивая церкви и обезпечивая ихъ содержаніе собственными средствами, древне-русскіе христіане всѣ безъ различія классовъ и званій пользовались правомъ выбора священника и

другихъ членовъ причта къ своей приходской церкви и совершали съ избранными такъ называемыя „порядныя записи“, что было санкціонировано и укрѣплено за прихожанами Стоглавымъ соборомъ. Приходская община принимала на себя обязательство заботиться о содержаніи избраннаго ею церковнаго причта, при чемъ это содержаніе, кромѣ платы за требы, назначалось, главнымъ образомъ, изъ доходовъ отъ церковнаго имущества, которымъ распоряжалась всецѣло сама же приходская община. Доходы съ церковныхъ имуществъ употреблялись далеко не на одно только содержаніе церкви и причта: значительная часть ихъ шла на дѣла благотворительныя. На погостахъ около церкви, вмѣстѣ съ поповскими и причетническими дворами, существовали и дворы богадѣленные подъ названіемъ „келлій для нищихъ“. Почти въ каждомъ древне-русскомъ приходѣ при церкви на общій счетъ содержался особый „мастеръ“, т. е. учитель, который избирался изъ членовъ приходскаго причта или же изъ лицъ свѣтскаго званія, и который, по соглашенію съ родителями, собиралъ къ себѣ дѣтей для обученія грамотѣ. Наиболее яркимъ выраженіемъ взаимоотношеній прихожанъ были такъ называемыя „братчины“, представляющія изъ себя какъ бы прототипъ послѣдующихъ южно-русскихъ церковныхъ братствъ. Эти братчины владѣли правомъ не только надзора за благочиніемъ и тишиною на братскихъ собраніяхъ, но и правомъ суда надъ лицами, совершившими во время братскихъ празднествъ разные преступленія.

Въ такомъ видѣ и съ такимъ значеніемъ, по взгляду г. Паикова, древне-русскій приходъ оставался приблизительно до конца XVI вѣка. Первый и сильный ударъ ему нанесенъ введеніемъ у насъ крѣпостнаго права, которое лишило крестьянъ права приходскаго самоуправленія. Но мѣрѣ того, какъ прогрессировало у насъ крѣпостное право, замирала жизнь и въ древне-русскомъ приходѣ. Обнародованіе манифеста императора Петра III отъ 18 февраля 1762 года и жалованной грамоты императрицы Екатерины II дворянству отъ 21 апрѣля

1785 года, которыми крестьяне окончательно обращались въ частную собственность помѣщиковъ, было равносильно совершенному упадку приходоѡ, населенныхъ крѣпостными крестьянами.

Вотъ въ общихъ, основныхъ чертахъ взглядъ г. Панкова на прошлое нашего прихода, который онъ проектируетъ воссоздать въ его чистомъ, первоначальномъ видѣ. Нельзя не отмѣтить въ немъ крайней идеализаціи древняго прихода, далеко не оправдываемой дѣйствительными фактами.

1) Начнемъ съ приходскаго устройства древней христіанской Церкви. Дѣйствительно, въ первенствующей христіанской Церкви, при сильномъ подъемѣ религіозныхъ чувствъ и обиліи благодатныхъ даровъ, изливавшихся на вѣрующихъ, у всѣхъ ихъ было едино сердце, и пастыри Церкви избирались общиною изъ достойнѣйшихъ. Но со времени распространенія христіанской Церкви и вѣшняго торжества ея врагъ-человѣкъ посѣялъ на нивѣ Христовой и плевелы, вслѣдствіе чего открылась необходимость, чтобы на епископство и пресвитерство избирали уже не міряне, а епископы и пресвитеры. Это и установлено было Лаодикійскимъ помѣстнымъ и седьмымъ вселенскимъ соборами. Слѣдовательно, древняя Русь приняла христіанство уже въ ту пору, когда свободное избраніе членовъ причта прихожанами было отмѣнено или ограничено каноническими постановленіями вселенской Церкви и не могло имѣть примѣненія въ практикѣ Русской Церкви.

2) Не возможно согласиться и съ тѣмъ, будто бы въ Россіи приходъ созданъ на почвѣ исконныхъ общинныхъ началъ русской жизни и имѣеть зародышъ еще въ языческой древности русскаго народа, окружавшаго будто бы свои языческіе храмы различными общественными и благотворительными учрежденіями, въ родѣ христіанскихъ благотворительныхъ учрежденій. По обычному представленію, языческой культъ нашихъ предковъ-славянъ еще не былъ развитъ до той степени, чтобы имѣть особые языческіе храмы, и при языческихъ идолахъ скорѣе совершались кровавыя языческія жертвы,

какъ, напр., о томъ свидѣтельствуется мученическая кончина варяговъ Θεодора и Іоанна въ Кіевѣ при Владимірѣ, а не дѣла человѣческія и взаимной помощи. Домысли о благотворительныхъ учрежденіяхъ при языческихъ храмахъ обязаны исключительно славянофильской идеализаціи древне-русской общины и слабое подтвержденіе для себя могутъ находить развѣ въ христіанизованныхъ источникахъ позднѣйшаго происхождения.

3) Значительною долею такой же идеализаціи отзывается и картина русской приходской жизни, нарисованная г. Палковымъ. Здѣсь авторъ уже прочтѣе стоитъ на почвѣ реальныхъ фактовъ, но при этомъ или дѣлаетъ изъ нихъ очень широкія обобщенія, или же даетъ имъ ненадлежащее освѣщеніе. Несомнѣнно симпатичными представляются такіа древне-русскія церковно-приходскія учрежденія, какъ, напр., келліи для нищихъ, церковно-приходскія школы, братчины и т. п.; но эти учрежденія были рѣдки и представляли собою только исключеніе изъ общаго правила. Притомъ же, инныя изъ этихъ учрежденій представляли собою примитивную, низшую стадію развитія церковно-общественной и гражданско-политической жизни русскаго народа и съ теченіемъ времени должны были уступить мѣсто болѣе высокимъ формамъ общественной жизни, какъ, напр., суды „братчинъ“. При этомъ первичномъ устройствѣ русскаго прихода дѣйствительно сами прихожане избирали изъ своей среды священниковъ для себя, рядились съ ними и давали имъ извѣстное матеріальное обезпеченіе. Но эта свобода выбора членовъ причта обуславливалась единственно отсутствіемъ специально-образованныхъ кандидатовъ на священство и общею неграмотностію или малограмотностію прихожанъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ грамота Новгородскаго архіепископа Геннадія конца XV вѣка, постановленія Стоглаваго собора XVI вѣка и др. Избирали изъ среды себя кандидатовъ на священство потому, что больше некого было выбирать.

4) Свобода выбора прихожанами членовъ причта существовала въ Малороссіи и послѣ XVI вѣка и продолжалась приблизительно до половины XVIII вѣка; но послѣдствіи этой свободы выборовъ духовенства не были благопріятны для поднятія умственного и нравственного его развитія. Такъ какъ малорусскимъ духовенствомъ вообще мало занимались наши ученые и публицисты, то мы считаемъ не излишнимъ остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе.

Проф. Н. Петровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новооткрытая „духовная философія“ и „нарочитое“ изученіе ея въ нашихъ духовныхъ школахъ.

Крайности и преувеличенія—явленіе, обычное для общественнаго мнѣнія и печати; въ нихъ упрекаютъ и консервативное и прогрессивное направленіе. Не избѣжалъ этой участи и недавно поднятый въ свѣтской печати вопросъ о преподаваніи философіи въ духовной школѣ и о преподавателяхъ этой науки въ гимназіяхъ ¹⁾.

Послѣдній является предметомъ современной общественной мысли съ добраго почина составителей примѣрнаго устава гимназій. Во 2-мъ примѣчаніи къ § 35-му этого устава говорится: „преподаваніе по философіи можетъ быть поручаемо по вольному найму *лицамъ, успѣшно окончившимъ курсъ въ православныхъ духовныхъ академіяхъ*“ ²⁾.

¹⁾ Впрочемъ, и представители духовной печати обсуждаютъ вопросъ о преподаваніи философіи въ гимназіяхъ, но только съ принципиальной точки зрѣнія, какъ наиболее состоятельной. Мы имѣемъ въ виду небольшую, но прекрасную статью А. Чемоданова въ журн. „Вѣра и Разумъ“ (октябрь, кн. 2-я, № 20): „О значеніи философіи въ процессѣ выработки мировоззрѣнія“. У автора этой статьи не мѣшало бы представителямъ свѣтской печати поучиться безирристрацію.

²⁾ Цит. по „Кіевлянину“, № 345 г.

Профессоръ университета св. Владиміра Ю. Кулаковскій такъ комментируетъ это примѣчаніе: „введеніе преподаванія философіи въ гимназіи дѣло весьма трудное, и польза этого нововведенія будетъ зависѣть отъ качествъ тѣхъ лицъ, которые возьмутся за это дѣло. Составители проекта чувствовали затрудненіе насчетъ того, откуда взять преподавателей, и указали выходъ“, предположивши приглашать лицъ, „усиѣнно окончившихъ курсъ въ православныхъ духовныхъ академіяхъ“¹⁾. „Конечно,—говоритъ далѣе проф. Кулаковскій,—философіи изучается въ духовныхъ академіяхъ, но, вѣдь, она входитъ также въ кругъ предметовъ историко-филологическихъ факультетовъ и можетъ получить именно въ университетѣ видъ спеціальности, по которой приобрѣтаются ученые степени магистра и доктора, тогда какъ въ духовныхъ академіяхъ она является только учебнымъ предметомъ, по которому нельзя приобрѣсти ученой степени. Въ виду этого, не совсѣмъ понятно предпочтеніе, оказываемое проектомъ духовной академіи“... Профессору *вѣроятно* положенія философіи въ академіяхъ оказывается вполне достаточнымъ для того, чтобы вычеркнуть изъ числа кандидатовъ на преподаваніе философіи въ гимназіяхъ загнанныхъ всѣми „интеллигентами“ студентовъ „православныхъ духовныхъ академій“. Если „съ вышней стороны“ постановка философіи въ университетахъ лучше, а въ академіяхъ хуже, то одно это еще не доказываетъ превосходства философскаго образованія университетской молодежи предъ академической. Профессоръ самъ затрудняется подыскать кандидатовъ для преподаванія философіи въ гимназіяхъ изъ среды университетской молодежи и для поднятія „интенсивныхъ“, по его словамъ, „интересовъ“ послѣдней къ этой наукѣ рекомендуетъ учрежденіе *четвертаго* отдѣла историко-филологическаго факультета—*философскаго*. Думаемъ, что предпочтеніе, оказываемое проектомъ гимназій духовнымъ академіямъ, *вполнѣ* понятно хорошо знакомому съ „интен-

¹⁾ „Кіевлянинъ“, № 345.

сивными интересами“ къ философіи въ средѣ университетской молодежи проф. Кулаковскому. Последняя требуетъ, по его мнѣнію, сложнаго ухода и внѣшнихъ мѣръ *при существующихъ уже хорошихъ условіяхъ спеціализаціи*; а молодежь *академическая и безъ этого* готова, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей (которыхъ, встати скажемъ, достаточно), къ дѣльному преподаванію философскихъ наукъ¹⁾.

По поводу того же предположенія составителей новаго гимназическаго устава поручить преподаваніе философіи въ гимназіяхъ „лицамъ, успѣшно окончившимъ курсъ въ православныхъ духовныхъ академіяхъ“, профессоромъ университета св. Владиміра А. Гиляровымъ напечатана была „боевая“ передовая статья въ № 331-мъ газеты „Кіевлянинъ“. Высказывая скептическій взглядъ на преподаваніе философіи въ гимназіяхъ вообще, проф. Гиляровъ язвительно и по меньшей мѣрѣ недостойно профессиональнаго ученаго осмѣиваетъ изученіе философіи въ духовной школѣ, о чемъ, надо полагать, почтенный профессоръ не имѣетъ даже смутнаго представленія. Философія, изучаемая въ духовной школѣ, получаетъ у проф. Гилярова особое названіе „духовной философіи“, въ противоположность какой-то „свѣтской“. Эту измышленную имъ „духовную философію“ онъ называетъ нездоровымъ „суррогатомъ“ мыслей. Отъ его разсужденій о „духовной философіи“ получается такое тяжелое впечатлѣніе, что не хочется вѣрить, чтобы разсужденія эти принадлежали ученому профессору, а не построчному газетному репортеру, для котораго, въ погонѣ за хлесткой фразой, „море по колено“.

Вообще нужно сказать, что мнѣнія указанныхъ представителей свѣтской школы по затронутому вопросу крайне односторонни. Для проф. Гилярова достаточно одного „офи-

¹⁾ О философской работоспособности студентовъ университета хорошо сказано въ цитированной выше статьѣ г. Чемоданова. Но мы воздерживаемся приводить здѣсь его наблюденія надъ университетской молодежью, предоставляя говорить представителямъ свѣтской печати самимъ за себя, чтобы не заподозрили насъ въ тенденціозности.

ціального духа“ свѣтской, а тѣмъ болѣе духовной, школы, чтобы свободное преподаваніе философіи въ гимназіяхъ сведено было къ нулю. Если администрація свѣтской школы часто сдерживаетъ мысль преподавателя философскаго предмета, то что нужно сказать относительно администраціи духовной школы? Здѣсь, по мнѣнію названнаго профессора, царитъ полная подавленность свободного полета философствующей мысли, даже полное отсутствіе послѣдней: программы и плохіе учебники, издаваемые съ благословенія Св. Синода, ставятъ рѣшительное veto на всякое движеніе мысли, потому что даютъ не жизненные предметы послѣдней, а какой-то нездоровый „суррогатъ“. Естественно, что при такомъ состояніи философіи въ духовной школѣ послѣдняя можетъ дать хорошихъ проводниковъ именно этого суррогата мыслей въ свѣтское юношество. Тогда,—скептически заключаетъ проф. Гиляровъ,—уже заодно слѣдуетъ постановить, чтобы учебники по философскимъ предметамъ гимназическаго курса издавались съ благословенія Св. Синода!...

Намъ хочется разсужденія проф. Гилярова дополнить еще мыслями и замѣтками *сроднаго* ему по способу мышленія сотрудника журнала „Образованіе“ г. Яблоновскаго ¹⁾. Тогда читателямъ станетъ вполнѣ яснымъ то представленіе о „духовной философіи“ нашего „такъ называемаго“ либеральнаго общества, какимъ оно обыкновенно колетъ глаза людей, совершенно для него незнакомыхъ.

Признавая общезвѣстнымъ фактомъ, что „въ духовныхъ семинаріяхъ немалое вниманіе удѣляется различнымъ философскимъ системамъ“, г. Яблоновскій въ то же время съ чисто репортерскою развязностью заявляетъ, что „знакомство воспитанниковъ съ развитіемъ философской мысли носить нѣсколько *спеціальныи* характеръ“, и въ поясненіе приводитъ слѣдующую яко-бы „сценку съ натуры“.

„Вызываютъ къ доскѣ замухрышку-семинариста...

¹⁾ Ноябрь 1904, отд. „Родныя картины“.

— Что задано?—спрашиваетъ учитель.

— Лжеученіе германскаго философа Эммануила Канта.

— Ну, разбивай Канта!

— Безбожный германскій философъ Эммануиль Кантъ... мня-мня-мня... Такъ, онъ не вѣровалъ въ Бога... мня-мня-мня...

— Ну, что мнешься—стѣсняешься что ли, что ты семинаристъ, а онъ философъ? Разбивай, тебѣ говорятъ, какъ слѣдуетъ!

Семинаристъ спѣшитъ оправиться, ловить жаднымъ ухомъ подсказыванія товарищей и, уловивъ, начинаетъ смѣло, безъ запинки и передышки, „жарить“, точно изъ пулемета.

— Безбожный германскій философъ Эммануиль Кантъ въ своемъ постыдномъ ученіи развиваетъ нижеслѣдующія тлетворныя и явно богопротивныя мысли...

И пошелъ и пошелъ, такъ что въ классѣ словно трескъ стоитъ!.. Черезъ двѣ минуты отъ бѣдняги Канта, какъ говорится, и хвоста не остается. А еще черезъ двѣ минуты учитель спрашиваетъ:

— Ну, чего сталь?

— Уже разбилъ, г. учитель!

— Уже? Ну, теперь Дарвина разбей!

— Безбожный британскій философъ и лже-натуралистъ Чарльзъ Дарвинъ въ своемъ постыдномъ ученіи развиваетъ нижеслѣдующія запрещенныя мысли...

И опять въ классѣ точно трескъ пулемета стоитъ! А черезъ пять минутъ и Дарвина, разумѣется, постигаетъ та же участь, что и Канта“.

„Какъ видите, — заключаетъ г. Яблоновскій, — семинарская философія носить нѣсколько *нарочитый* характеръ“...

Гдѣ и въ какомъ столѣтіи видѣлъ подобныя семинаріи г. Яблоновскій? На какой планетѣ наблюдалъ онъ подобныя „сценки съ натуры“?—Признаемся, при чтеніи этого *злостнаго извѣта* на наши духовныя семинаріи, очень и очень густая краска стыда за человѣка вообще и за печатное слово въ

частности залила лицо наше. Въмѣсто того, чтобы говорить о степени философскаго образованія питомцевъ семинарій, гг. Яблоновскіе и К^о выдвигаютъ ихъ неприглядное внѣшнее положеніе или же—что еще хуже—измышляютъ нелѣпыя „факты“, которые въ глазахъ легковѣрной (по отношенію къ нимъ) „интеллигенціи“ получаютъ значеніе непреложной истины. Вслѣдствіе подобнаго рода насквилей, въ средѣ „интеллигенціи“ создается совершенно уродливое представленіе о нашей духовно-академической молодежи, которое заставляетъ студента академіи чувствовать себя какимъ-то изгоемъ. не имѣющимъ права на обыкновенное человѣческое уваженіе.

Необходимо, поэтому, безпристрастно посмотрѣть, что представляютъ изъ себя студенты духовныхъ академій по своему философскому образованію.

Студенты академій, за немногими исключеніями,—по выраженію одного изъ представителей русскаго духовенства,— „цвѣтъ русскаго духовнаго юношества“¹⁾. Какъ извѣстно, въ академію могутъ поступить только „студенты семинарій“, и притомъ лишь тѣ изъ нихъ, которые успѣшно выдержатъ *конкурсный* пріемный экзаменъ; остальные же предпочитаютъ *болѣе легкое* поступленіе въ университетъ. Въ число *трехъ* сочиненій на пріемномъ экзаменѣ при академіи поступающіе должны представить сочиненіе философскаго характера. Темъ для такихъ сочиненій требуютъ отъ поступающихъ достаточнаго и основательнаго (въ смыслѣ хотя бы простой начитанности) знакомства съ философіей, съ способами философскаго развитія мыслей. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ темъ за послѣдніе годы: „Значеніе внутренняго опыта въ рѣшеніи философскихъ проблемъ о внѣшнемъ мірѣ“; „Есть ли какая-либо связь между логическими и нравственными требованіями?“ „Разборъ положенія Гегеля: все дѣйствительное разумно, и все разумное дѣйствительно“; „Совѣсть и сознаніе собствен-

¹⁾ „Русскій Паломникъ“ 1903 г., № 42, отдѣлъ „Смѣсь“: „О. Іоаннъ Кривинатскій въ Киевской академіи“.

наго достоинства“; „Если философія есть исканіе истины, тогда какъ христіанинъ обладаетъ истиною, то можетъ ли философія имѣть какое-либо значеніе для христіанина“?—и т. п. Характеръ этихъ и имъ подобныхъ темъ показываетъ, что мысль семинаристовъ, поступающихъ въ академію, вовсе не уродуется такими *идіотскими* „парочитыми“ приемами преподаванія философіи, въ какихъ старается завѣрить читателей „Образованія“ г. Яблоновскій. Мы должны даже особенно отмѣтить тотъ фактъ, что представители философской и богословской мысли современныхъ духовныхъ школъ вовсе не склонны думать, будто *philosophia—ancilla theologiae*. И питомцы семинаріи въ лучшемъ случаѣ выносятся изъ нея основательное знакомство съ философіей, а въ худшемъ—выходятъ достаточно сформированными мыслящими людьми, способными къ развитію логическаго мышленія и методической выработкѣ серьезнаго критицизма, о чемъ часто заявляютъ академическія испытательныя комиссіи профессоровъ.

Такое состояніе философской подготовки поступающихъ въ академію обуславливается тѣмъ, что философскіе предметы семинарскаго курса—логика, психологія, исторія философіи, а затѣмъ отчасти введеніе въ кругъ богословскихъ наукъ и педагогика—въ теченіе почти *четыре*хъ лѣтъ составляютъ одно изъ главнѣйшихъ занятій семинаристовъ. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о томъ жалкомъ состояніи логики, въ какомъ она находится въ гимназіи. Учебниками по логикѣ (проходится въ *третьемъ* классѣ) служатъ курсы Струве и—главнымъ образомъ—Свѣтилина (которые дополняютъ другъ друга), при чемъ преподаватели даютъ *подробныя объясненія* (которыя *непрерывно записываются*) и назначаютъ соотвѣтственныя письменныя упражненія. Затѣмъ, въ теченіе года пишется не менѣе *три*хъ сочиненій. Вотъ образцы извѣстныхъ намъ лично темъ по логикѣ: „Что такое творчество мышленія?“ „Почему мы мыслимъ больше представленіями, чѣмъ понятіями?“ „Нормативный характеръ закона достаточнаго основанія“ и т. п. По психологіи учебникомъ служитъ по пре-

имууществу трудъ Гобчанскаго, составленный по даннымъ новейшей психологической литературы. Кроме того, по психологii семинаристы пишутъ не менѣе *двухъ* сочиненій въ теченіе года. Темами, въ наше время служили слѣдующія: „Сравнительное значеніе источниковъ психологii“; „Чѣмъ характеризуется слабая воля, и какими средствами можно ее укрѣпить?“ „Языкъ, какъ орудіе мыслительной дѣятельности“; „Почему не возможно одно разсудочное познаніе безъ чувственнаго?“—Исторія философіи изучается въ строго объективномъ духѣ, о чемъ свидѣлствуютъ учебники по этому предмету (Страхова, Назарьева и др.); строго объективный духъ поддерживается *солидными объясненіями* преподавателей, изъ которыхъ многіе съ успѣхомъ могли бы занимать кафедры въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. По исторіи философіи также пишется не менѣе *двухъ* сочиненій на такіа, папримѣръ, темы: „Ученіе Локка о душѣ (*tabula rasa*)“; „Современный пессимизмъ и условія его“; „Слабыя стороны космологическаго доказательства бытія Божія“.—Въ pendant къ исторіи философіи въ семинаріи проходится „Систематическая философія“, или „Начальныя основанія философіи“. Эту науку могутъ имѣть въ виду свѣтскіе „критики“ семинарской постановки изученія философіи, такъ какъ она, дѣйствительно, не стоитъ на высотѣ своей задачи—систематизировать (критическимъ путемъ) подъ однимъ возрѣніемъ многовѣковые труды философской мысли. Но это уже обусловливается самою трудностью выполненія этой задачи: только гениальному уму Платона доступна была возможность объединенія всего того, что создала до него греческая мысль. И семинарскій учебникъ „Начальныхъ основаній“ Кудрявцева-Платонова, дѣйствительно, представляетъ неудачный опытъ системы философіи какъ въ отношеніи своего критическаго элемента, такъ и въ отношеніи основнаго принципа, который съ особенною рельефностію выступаетъ въ ученіи объ Абсолютномъ (принципъ односторонней интуитивной философіи). Затѣмъ, можно было бы доказательства бытія Божія исключить въ пользу

другой науки— „Введенія въ кругъ богословскихъ наукъ“, гдѣ имъ было бы болѣе приличное мѣсто. Однимъ словомъ, все дѣло—въ *качествахъ учебника*, недостатки котораго *восполняются объясненіями преподавателей*.—Необходимыми пособиями по философскимъ предметамъ являются въ семинаріяхъ: Логики—Минто, Снегирева, Владиславлева; Психологіи—Снегирева, Фонсегрива; Исторія философіи—Куно-Фишера, Виндельбанда. Составленіе сочиненій требуетъ другихъ пособій: Паульсена, Джемса Сѣлли, Колтерэ, Гефдинга, Вундта, Ушинскаго, Рибо, Фулье, Ульрици, Летурно и т. ц.

Вотъ, въ общемъ, картина обычнаго преподаванія философскихъ предметовъ въ семинаріи. Характеръ пособій и письменныхъ работъ по этимъ предметамъ ясно говоритъ всякому безпристрастному человѣку, что изученіе философіи въ семинаріяхъ нельзя назвать „нарочитымъ“; нельзя сказать, что въ „духовной философіи“ дается какой-то „нездоровый суррогатъ“. Оказывается, что „духовной философіи“ *вовсе нѣтъ*, какъ нѣтъ и кавихъ бы то ни было „суррогатовъ“.

Естественно, что въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ лучшая часть семинарской молодежи получаетъ довольно основательное философское образованіе, благодаря которому въ академіяхъ и на историко-филологическомъ факультетѣ (а отчасти и на юридическомъ) университетовъ они оказываются не прозелитами, трудно усвояющими философскія дисциплины, а вполне сознательными слушателями и самостоятельными работниками.

Не мѣшаетъ нисколько глубинѣ и основательности философскаго образованія студентовъ академіи и положеніе философіи, какъ *учебнаго* предмета, на что указываетъ проф. Кулаковскій. Хорошій студентъ академіи любитъ и цѣнитъ прежде всего *философію*. Лекціи по философскимъ предметамъ—любимыя у всѣхъ студентовъ. Въ каждой академіи есть или психологическій (Петербургская), или философскій кружокъ (Московская, Казанская, Кіевская). Не слѣдуетъ думать, что академическая философія преподается съ своеобразной *окра-*

ской. Печатные труды (далеко не всѣ) академическихъ профессоръ-философовъ по теистической философiи представляютъ естественную для теолога попытку разрѣшить вѣковой философскій вопросъ объ отношенiи между вѣрою и знанiемъ, или же объединить данныя философiи и богословія¹⁾. Съ академическихъ же кафедръ профессора даютъ философскую науку такую, какова она въ современномъ ученomъ мiрѣ. Отсюда разнообразіе направленiй—англійскаго эмпиризма и нѣмецкаго раціонализма: въ академіяхъ находятъ прiютъ и современная экспериментальная психологія (въ лицѣ П. Солокова и отчасти Серебrenикова), и англійская эмпирическая теорiя познанiя (Милославскій, Снегиревъ, Несмѣловъ), и раціонализмъ-кантіанство въ исправленномъ видѣ (Линицкій). Лекціи профессоровъ не исчерпываютъ занятій студентовъ академіи философiей: онѣ даютъ только точку отправленiя для самостоятельнаго изученiя философiи. При этомъ мы съ удовольствiемъ можемъ отмѣтить отзывчивость студентовъ на современныя или недавнія философскія теченiя, разнообразіе ихъ личныхъ склонностей или къ современному эмпиризму, или же къ прежнимъ разумнымъ началамъ раціонализма. Новѣйшіе философскіе труды и журналы даютъ академической молодежи лучшее средство стоять въ курсѣ современной философской мысли. Не забыты ею и эмпириокритицизмъ и реалистическое мировоззрѣніе послѣдняго времени: съ тѣмъ и другимъ студенты академіи хорошо знакомы по статьямъ свѣтскихъ журналовъ и отдѣльнымъ монографіямъ. Всему оказывается должное вниманіе, безъ всякихъ предвзятыхъ намѣреній, а только по побужденiямъ чистаго интереса къ философской мысли. Знакомство съ литературой по философiи,

¹⁾ Къ такимъ „попыткамъ“ должны быть отнесены нѣкоторыя части сочиненій В. Д. Кудрявцева-Платонова (напр., I томъ, выш. III-й), „Вѣра въ Бога“... Введенскаго. „Метафизика жизни“ и „Наука о челоуѣкѣ“, Несмѣлова, сочиненiя Владимiра Соловьева, „Пособіе къ изученiю вопросовъ философiи“ и „къ апологетическому богословію“ Линицкаго, „Обоснованіе теизма“ Котовича, „О Богѣ, какъ личномъ Существовѣ“ Четверикова и др.

вромѣ чистаго интереса, возбуждается еще необходимостью писать *семестровыя* сочиненія, изъ которыхъ философскія требуютъ особеннаго вниманія, такъ какъ служатъ однимъ изъ главныхъ критеріевъ для оцѣнки философской работоспособности студента.

Выраженіемъ сильно работающей мысли академической молодежи, правда, не служатъ степени доктора и магистра философіи, какъ того хотѣлось бы проф. Кулаковскому. Но это вовсе не свидѣтельствуетъ о неспособности „успѣшно оканчивающихъ курсъ въ православныхъ духовныхъ академіяхъ“ быть хорошими преподавателями философіи. Напротивъ, они представляютъ изъ себя прекрасную мыслящую силу, нисколько не одностороннюю. По любви къ философіи, многіе изъ студентовъ академіи стараются по возможности поставить свои кандидатскія диссертациі въ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ философіи. Вотъ почему не рѣдки темы, посвященныя разбору (съ христіанской точки зрѣнія) Спенсера, Милля, Вундта, Спинозы, представителей древней философіи, современной-публицистической, Соловьева, протестантовъ-философовъ, политико-экономическихъ теорій, Достоевскаго и т. п. Люди предубѣжденные по отношенію къ мнѣческой „духовной философіи“ *христіанскую точку зрѣнія* въ такихъ трудахъ выставляютъ главнымъ основаніемъ для упрековъ этой *новооткрытой* „философіи“ въ традиціонности. Но примѣненіе христіанской точки зрѣнія къ философскимъ теоріямъ носить вполне научный характеръ: цѣлью всякаго изслѣдованія въ такомъ духѣ является *установка принциповъ* философской системы и *параллель* между послѣдней и христіанствомъ. А для этого, очевидно, требуется не одна только компиляція различныхъ пунктовъ ученія того или другого философа, чтó составляетъ обычное явленіе въ изслѣдованіяхъ даже выдающихся кандидатовъ историко-филологическихъ факультетовъ, а нѣчто несравненно большее. По крайней мѣрѣ, здѣсь есть стремленіе къ тому, чего не могъ достигнуть вполне даже такой сильный умъ, какимъ былъ Вл. Соловьевъ.

Изложеніе же ученія о пространствѣ Канта, Спенсера, Шуберта-Зольдерна и тому подобныя компилятивныя работы въ предѣлахъ одной-двухъ философскихъ системъ, отмѣчаемы въ университетахъ особеннымъ вниманіемъ¹⁾, для студента академіи—трудъ слишкомъ легкій, къ которому онъ привыкъ еще въ семинаріи, и которому, поэтому, онъ придаетъ слишкомъ мало цѣны. Вообще нужно сказать, что студентъ академіи, какъ компиляторъ, не замѣнимъ. Дайте ему матеріаль изъ какой угодно научной области, и онъ, послѣ очень краткаго сравнительно изученія, представитъ его въ строго-методической и обработанной формѣ. Но, какъ человекъ скромный, онъ подобныя работы не цѣнитъ, такъ какъ уважаетъ только творческую мысль, а не *формирующую уже готовый матеріалъ*; и работы эти составляютъ достояніе письменнаго ящика его стола, не видя обыкновенно никогда печати, а тѣмъ болѣе какой-либо награды въ видѣ золотой или серебряной медали, какъ это бываетъ въ университетахъ.

Обслѣдовать какое-либо философское ученіе, представитъ его сжато и въ строгой системѣ—на это способенъ прежде всего именно студентъ академіи. А такимъ долженъ быть идеальный преподаватель философіи, какъ умѣлый передатчикъ того, что есть хорошаго и новаго въ философской литературѣ. Эту формальную способность любого студента академіи отмѣтилъ одинъ извѣстный въ Киевѣ профессоръ, предъ которымъ прошли цѣлыя поколѣнія университетской и академической молодежи. „Студентъ академіи, — говоритъ почтенный профессоръ, — обладаетъ хорошей способностью смотрѣть *въ корень науки*. Поэтому, на что его ни посади, онъ всему можетъ дать хорошую постановку“. Это нужно сказать въ особенности по отношенію къ тѣмъ изъ студентовъ академіи, которые „съ успѣхомъ“ оканчиваютъ курсъ академіи. Когда

¹⁾ См. „Университетскія Извѣстія“ университета св. Владиміра, изрѣдка печатающія (наприм., въ 1904 г.) философскія компиляціи нѣкоторыхъ студентовъ.

внимательно присмотришься къ нимъ, то невольно становится жаль той производительной ихъ философской силы, которая не находитъ прямого и непосредственнаго приложенія. Принужденный отслуживать казенную стипендію, „окончившій съ успѣхомъ“ ѣдетъ туда, куда назначать, при чемъ часто вмѣсто философіи или какого-либо другаго жизненнаго предмета получаетъ назначеніе на латинскій языкъ или что-либо въ этомъ родѣ, да къ тому же—въ уѣздномъ городѣ, гдѣ нѣтъ никакой библіотеки. И работа останавливается, а что сдѣлано было въ кандидатской диссертациіи, поступаетъ въ академическій архивъ и осуждается, такимъ образомъ, на смерть. Такъ погибаютъ въ разныхъ глухихъ углахъ Россіи Гогоцкіе, Троицкіе, Юркевичи, Владимірскіе, Сикорскіе, Голубевы и другія даровитыя натуры, которымъ не нашлось мѣста въ академіи, а поступить въ университетъ помѣшала матеріальная необезпеченность...

Виноваты ли послѣ этого студенты академіи, если условія ихъ жизни не даютъ имъ возможности выказать свою философскую состоятельность? Виноваты ли они въ томъ, въ чемъ обвиняютъ ихъ „газетные писатели“, совершенно не знающіе этой студенческой среды? Предположеніе новаго устава гимназій, дающее „успѣшно окончившимъ курсъ въ православныхъ духовныхъ академіяхъ“ больше простора для полезной дѣятельности, вызвало среди нихъ живой обмѣнъ мнѣній и свѣтлыя надежды. Но, видно, не сбыться этимъ надеждамъ! Гг. Гиляровы и подобные имъ представители университетской науки порождаютъ и поддерживаютъ въ обществѣ роковое заблужденіе, какимъ питается антагонизмъ „интеллигенціи“ по отношенію къ „лицамъ, успѣшно окончившимъ курсъ въ православныхъ духовныхъ академіяхъ“. Послѣднимъ невыразимо больно читать незаслуженный смертный приговоръ своимъ лучшимъ стремленіямъ, общимъ для всѣхъ истинныхъ интеллигентныхъ людей.

Г. Поповъ.

Можно ли приобщать мірянъ за преждеосвященной литургіей?

По дѣйствующему въ нашей Церкви Типикону, преждеосвященные литургіи совершаются по средамъ и пяткамъ шести седмиць Великаго поста и въ первые три дня седмицы Страстной. Только въ нѣкоторыхъ монастырскихъ обителяхъ, слѣдуя древнимъ порядкамъ, служатъ преждеосвященные литургіи еще и въ прочіе *постные* дни Четырдесятницы, за исключеніемъ понедѣльника первой недѣли. Такъ бываетъ, напр., въ Кіево-Печерской Лаврѣ. На указанную монастырскую практику обыкновенно смотрятъ, какъ на исключительную; ей не придаютъ значенія общеобязательности и не ставятъ ея въ примѣръ для мірскихъ церквей, гдѣ всѣ привыкли слушать преждеосвященную литургію въ извѣстные лишь дни поста. Служеніе преждеосвященныхъ литургій обставлено у насъ большою торжественностью, и въ самомъ ихъ богослужебномъ чинѣ много знаменательныхъ обрядовъ, сильно воздѣйствующихъ на чувства богомольца, всегда благоговѣбно настроеннаго въ эти дни общаго говѣнія.

Изъ сказаннаго отчасти становится понятнымъ, что у народа создалась привычка относиться къ преждеосвященной литургіи съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ, едва ли не большимъ, чѣмъ къ полной литургіи Златоуста или Василия Великаго, и возникло убѣжденіе, что св. Дары преждеосвященной литургіи назначены только для священнослужителей, а отнюдь не для мірянъ, потому что міряне ихъ, будто бы, не достойны...

Но въ древней церковной практикѣ мы не только не встрѣчаемъ слѣдовъ запрещенія мірянамъ приобщаться на преждеосвященныхъ литургіяхъ, а, напротивъ, видимъ ясныя указанія, что за преждеосвященной литургіей вѣрующіе приобщались совершенно такъ же, безъ какихъ-либо ограниченій, какъ и за полной литургіей. Древніе христіане имѣли обыкно-

веніе весьма часто, если не ежедневно, принимать св. Тайны, и Церковь не лишала ихъ этой благодати въ дни поста, требуя только вмѣстѣ съ принятіемъ св. Тайнъ соблюдать и предписанія церковныя относительно поста. Учрежденіе чина преждеосвященной литургіи и вызвано было, съ одной стороны, тогдашнимъ обычаемъ частаго и даже ежедневнаго принятія св. Тайнъ вѣрующими, а съ другой—строкою дисциплиною поста, разрѣшаемаго лишь вечеромъ, когда позволялось вкушать соотвѣтствующую постному времени пищу. Получая разрѣшеніе на вкушеніе пищи, древніе христіане прежде всего пользовались имъ при причастіи св. Дарами, которые хранились въ храмѣ, будучи освящены на полной литургіи субботы или воскресенья, и теперь, послѣ вечерняго богослуженія, преподавались вѣрующимъ. Сохранившіеся до нашихъ дней *литургическіе* памятники могутъ представить неоспоримое доказательство обычая древнихъ христіанъ приобщаться за преждеосвященными литургіями. По ехнологію, напр., X-го вѣка Синайской библи. № 958, молитва, которая нынѣ читается священникомъ тайно по приобщеніи преждеосвященными Дарами: „Благодаримъ Тя Спаса всѣхъ Бога“, читалась вслухъ, для всѣхъ причастниковъ; ей предшествуетъ замѣчаніе: „и послѣ приобщенія *встѣхъ* священникъ возноситъ (молитву): „Благодаримъ Тя“...— см. „Описаніе литургич. ркп., хранящ. въ библи. прав. Востока“ А. А. Дмитриевскаго, т. II, стр. 20). А въ діаконскомъ чинѣ преждеосвященной литургіи *св. ап. Іакова* по ркп. XII в. той же библиотеки № 1040 находятся особая прошенія о причастившихся св. Тайнъ—чтобы приобщеніе Тайнъ Христовыхъ служило имъ въ предохраненіе отъ злыхъ дѣлъ, въ напутствіе вѣчной жизни, въ общеніе и даръ Святого Духа (тамъ же, стр. 132). Обычай древней Церкви разрѣшать постъ *подъ вечеръ* и въ это время причащаться св. Даровъ существовалъ даже въ XV вѣкѣ, при блаж. Симеонѣ Солунскомъ, который говоритъ о немъ, какъ о завѣщанномъ *отцами*, древнемъ обычаѣ, и находитъ его полезнымъ какъ для мірянъ, такъ и для монаховъ. Цѣль у

отцевъ,—разсуждаетъ блаж. Симеонъ,—„самая благая и чело-
вѣколюбивая. Заповѣдую воздержаніе и постъ, они хотятъ
монахамъ и мірянамъ пользы и облегченія, и не дѣлаютъ
тѣмъ насилія; приводятъ насъ къ памятованію о Богѣ, къ
размышленію о нашихъ грѣхахъ, о смерти и воздаяніи, такъ
же къ осторожности и внимательности въ благочестіи и къ
доброму навыку въ небольшомъ трудѣ: такъ какъ при этихъ
малыхъ съ нашей стороны подвигахъ, даже безъ нашего вѣ-
дома, по милости Божіей, совершается наше спасеніе. Для
мірянъ, которые, исключая весьма немногихъ дней въ году,
имѣютъ разрѣшеніе *на вся*, кратковременный постъ не соста-
вляетъ труда, а для монаховъ воздержаніе и постъ есть по-
стоянная обязанность, какъ то они исповѣдали и предъ
Богомъ“ („Писанія св. отцевъ и учителей Церкви, относя-
щіяся къ истолк. прав. богослуж.“, т. III, стр. 179 и 185).
Слѣды нѣкогда существовавшаго въ Церкви обычая всѣмъ
вообще вѣрующимъ причащаться на преждеосвященной ли-
тургіи замѣтны и въ современномъ чинѣ ея. „Со страхомъ
Божіимъ и вѣрою *приступите*“, слышимъ мы, когда выно-
сятся изъ алтаря къ народу св. Дары. „Хлѣбъ небесный и
чашу жизни *вкусите* и видите, яко благъ Господь“, поетъ
ликъ въ отвѣтъ на возгласъ діакона. При перенесеніи св.
Даровъ къ жертвеннику поется: „Да исполнятся уста наша
хваленія Твоего, Господи... яко сподобилъ еси насъ *прича-
ститься* святымъ Твоимъ, Божественнымъ, безсмертнымъ и
животворящимъ Тайнамъ“... Діаконъ возглашаетъ въ заключи-
тельной ектеніи: „Прости, *примиши* Божественныхъ... страш-
ныхъ Христовыхъ Тайнъ, достойно благодаримъ Господа“.

Такимъ образомъ, фактъ приобщенія мірянъ за прежде-
освященными литургіями въ практикѣ древней Церкви слѣ-
дуетъ считать вполнѣ установленнымъ. Но почему же, одна-
ко, этотъ древній обычай теперь не только не пользуется
повсемѣстною распространенностью, а даже, видимо, не на-
ходитъ сочувствія въ современной церковной практикѣ? Ка-
кая причина могла вызвать со стороны пастырей необходи-

мость удерживать прихожанъ отъ причастія св. Таинъ за преждеосвященными литургіями въ дни поста Четыредесятницы и Страстной седмицы въ частности?—Намъ кажется, что дѣйствительною причиною въ этомъ случаѣ была забота создать въ возможно бѣльшей степени серьезное отношеніе у пасомыхъ къ періоду говѣнія и прочно утвердить въ нихъ сознаніе необходимости именно не краткаго, а *продолжительнаго* срока его, такъ какъ при этомъ послѣднемъ условіи открывається для говѣющаго полная возможность внимательнѣе отнестись къ своему духовному состоянію и углубиться въ себя. Нормою говѣнія считается *пять* первыхъ дней каждой недѣли поста; въ субботу, по правиламъ Церкви, постъ разрѣшается: въ этотъ день говѣющіе и приобщаются нынѣ св. Таинъ ¹⁾. Сокращеніе нормальнаго срока говѣнія, безъ уважительныхъ причинъ къ тому, вызываетъ опасеніе, какъ бы христіанскій долгъ говѣнія, исповѣди и самаго причастія не превратился для многихъ въ простую формальность и не потерялъ своего спасительнаго значенія. Это-то и служитъ для пастырей побужденіемъ съ настойчивостью требовать отъ пасомыхъ окончанія говѣнія именно къ послѣднему дню седмицы, къ субботѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбранять приобщеніе ранѣе субботняго дня ²⁾, въ среду и пятокъ *шести* недѣль Великаго поста и первые *три* дня Страстной седмицы за преждеосвященными литургіями.

Но, конечно, повторимъ, основанное на заботливомъ отношеніи къ надлежащему исполненію говѣющими ихъ христіанскаго долга запрещеніе нѣкоторыми пастырями приступать къ св. причастію за преждеосвященными литургіями не служитъ причиною считать приобщеніе преждеосвященными Дарами совершенно недозволеннымъ для мірянъ. Приобщеніе ихъ возможно, и современная практика кіевской церкви, гдѣ можно наблюдать приобщеніе мірянъ за преждеосвященными

¹⁾ Предисловія Типикона о періодѣ говѣнія см. въ гл. 32.

²⁾ На Страстной недѣлѣ—ранѣе Великаго четверга.

литургіями, служитъ живымъ и очевиднымъ доказательствомъ того; но каждый пастырь, прежде чѣмъ разрѣшитъ говѣющимъ сокращеніе положеннаго для всѣхъ срока говѣнія и дозволить приобщеніе св. Таинъ ранѣе положеннаго для всѣхъ времени, долженъ принять во вниманіе нравственную подготовку говѣющихъ къ причастію, равно какъ и особія обстоятельства, заставляющія ихъ уклоняться отъ общаго порядка въ исполненіи христіанскаго долга, а затѣмъ уже поступить такъ, какъ найдетъ онъ лучшимъ.

Н. Паммовъ.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 10-го февраля 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

Руководство для

Сельскихъ пастырей

Выходить еженедѣльно.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
пять руб., съ пересылкою шесть
рублей.

№ 10.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года марта 6-го дня.

Содержаніе: Въ области церковно-приходской жизни (наблюденія и замѣтки). I. По поводу новаго закона о праздничныхъ дняхъ.—О выборѣ членовъ причта прихожанами въ связи съ вопросомъ о возрожденіи прихода (продолженіе).—Порядокъ чтенія стихиръ „мученичныхъ“ и „покойныхъ“ въ субботу.

Въ области церковно-приходской жизни.

Наблюденія и замѣтки.

Прими собранье пестрыхъ главъ,
. плодъ
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Пушкинъ.

Что бы ни говорили о современномъ состояніи церковной жизни у насъ, на Руси, и о средствахъ ея усовершенствованія, что бы ни дѣлали въ означенномъ направленіи, рѣчи останутся напрасными, а дѣла безплодными, если онѣ не направлены къ одной главной цѣли—оживленію приходской жизни, потому что приходъ—подлинная ячейка такого слож-

наго организма, какъ наша Православно-Русская Церковь. Особенно это нужно сказать о сельскомъ приходѣ. Если въ городахъ, гдѣ составъ приходоѡ не отличается устойчивостью, религиозно-нравственная жизнь можетъ находить другіе центры притяженія и точки опоры, помимо приходскаго храма, таковы: соборные храмы, монастыри, церковно-просвѣтительныя общества съ ихъ храмами для богослуженія и хорами для просвѣтительныхъ чтеній; то по селамъ естественнымъ центромъ религиозно-нравственной жизни является приходскій храмъ, главнымъ руководителемъ ея—приходскій пастырь, ея истинной, хотя и недостаточно организованной, формой—приходская община. Думаемъ, впрочемъ, что и въ городахъ централизирующая дѣятельность такихъ учреждений, какъ епархіальныя братства или церковно-просвѣтительныя общества, никоимъ образомъ не должна развиваться на счетъ оскудѣнія приходской жизни: это было бы слишкомъ дорогой цѣной...

Итакъ, заботы тѣхъ лицъ, которымъ дорога наша родная Церковь, и мѣропріятія тѣхъ учреждений, которыя призваны къ регулированію ея отправленій, должны быть направлены, главнымъ образомъ, къ оживленію приходской жизни. Это, конечно, не значитъ, чтобы центральныя (будь то для уѣзда, епархіи или для всей Православно-Русской Церкви) учреждения воспитательнаго (напр., духовныя семинаріи или церковно-учительскія школы), просвѣтительнаго (напр., епархіальныя братства) и административнаго (напр., консисторіи) характера имѣли мало значенія,—нѣтъ, они имѣютъ громадное значеніе, но самымъ надежнымъ показателемъ ихъ жизненнаго значенія служить отраженіе ихъ дѣятельности въ приходѣ: такъ врачъ, по біенію пульса, узнаетъ состояніе центральнаго органа кровообращенія. Естественно, что и перо публициста, заинтересованнаго церковно-общественными вопросами, бѣжитъ въ томъ направленіи, какое диктуется значеніемъ прихода въ общемъ развитіи церковной жизни.

Пишущій эти строки выросъ въ домѣ сельскаго священника, въ родной ему атмосферѣ приходской жизни, и хотя

обстоятельства сложились такъ, что ему не суждено принимать непосредственнаго участія въ организаціи церковно-приходской жизни, тѣмъ не менѣ судьбы прихода навсегда остались для него близкими: вѣдь онъ—плоть отъ плоти и кость отъ костей православно-русскаго прихода. Естественно, что его сердце не можетъ не отзываться на тѣ или другія явленія приходской жизни, его мысль не можетъ не задумываться надъ судьбами прихода, и да проститъ читатель, если пишущій эти строки беретъ на себя смѣлость подѣлиться съ нимъ своими наблюденіями, замѣтками и размышленіями по вопросамъ церковно-приходской жизни: быть можетъ, онѣ кое о чемъ напомнятъ, а кое-что и освѣтятъ въ сознаніи православно-русскаго пастыря. Если бы, наконецъ, онѣ послужили лишь толчкомъ для работы его собственной мысли и совѣсти, и тогда наша цѣль была бы достигнута.

Итакъ, читатель, „прими собранье пестрыхъ главъ“, внѣшне разрозненныхъ, но связанныхъ единствомъ основныхъ идей и общаго настроенія,—„плодъ ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ“, порою и отрадныхъ, „замѣтъ“.

I.

По поводу новаго закона о праздничныхъ дняхъ.

Какъ извѣстно, 10 мая минувшаго 1904-го года получило силу закона мнѣніе Государственнаго Совѣта, которымъ (мнѣніемъ) „добровольное занятіе работою въ воскресные, праздничные и торжественные дни церковные и гражданскіе предоставляется усмотрѣнію cadaго“, такъ что „никакая власть не должна чинить трудящимся какихъ-либо въ семь препятствій“. Выѣстъ съ Высочайшимъ утвержденіемъ приведеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отмѣняются прежде дѣйствовавшія узаконенія относительно проважденія воскресныхъ и праздничныхъ дней, недостаточно ясная формулировка которыхъ могла давать (и на дѣлѣ давала) поводъ истолковывать ихъ въ томъ смыслѣ, что ими запрещается

работать въ праздничные дни, тогда какъ запрещеніе касалось лишь производства работъ казенныхъ и публичныхъ, и то за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ, когда допускаются и такія работы. Отнынѣ и это послѣднее ограниченіе теряетъ свою силу.

Обнародованіе приведеннаго закона сопровождалось тою важною, дотолѣ не практиковавшеюся, особенностью, что вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта обнародованы и тѣ соображенія, которыми онъ руководился въ своемъ постановленіи. Отклоняя отъ себя „всякую мысль о колебаніи высокаго значенія праздничныхъ и торжественныхъ дней“, Государственный Совѣтъ положительно высказывается въ томъ смыслѣ, что „освященное вѣрою и благоговѣйнымъ въ теченіе вѣковъ почитаніемъ христіанъ начало праздничнаго отдыха должно и впредь оставаться неизблемымъ“, но только проведеніе въ жизнь этого начала Государственный Совѣтъ, очевидно, не относитъ къ обязанностямъ государства, потому что праздничное „отдохновеніе—въ чемъ заключается его цѣна—ни для кого не можетъ быть принудительнымъ“, между тѣмъ законы, издаваемые государственною властью, какъ имѣющіе юридическую санкцію, имѣютъ принудительную силу. На комъ же, въ такомъ случаѣ, лежитъ обязанность разъясненія и проведенія въ жизнь „начала праздничнаго отдыха?—Если не на государствѣ, то, очевидно, на Церкви, которая—въ противоположность государству—дѣйствуетъ мѣрами убѣжденія, а не принужденія. Такъ именно взглянулъ на дѣло Св. Синодъ, своимъ опредѣленіемъ отъ 23—30 іюня 1904 года призывающій и благословляющій пастырей разъяснять пасомымъ смыслъ и характеръ истинно-христіанскаго празднованія и—въ виду того, что „новый законъ устраняетъ мѣстную гражданскую власть отъ обязанности наблюдать за храненіемъ праздничнаго покоя“—„съ удвоенною ревностью возжигать въ народѣ готовность къ добровольному служенію Богу“.

Не трудно видѣть, что соображенія, высказанныя какъ Государственнымъ Совѣтомъ, такъ и Св. Синодомъ по частному поводу, имѣють *принципіальное* значеніе: ими со всею ясностью устанавливается то положеніе, что государство и Церковь представляютъ собою два учрежденія, различныя по своей природѣ, тѣмъ, впрочемъ, не исключается для нихъ возможность дѣйствовать въ согласіи другъ съ другомъ (примѣръ такого согласнаго дѣйствованія у насъ на лицо въ данномъ случаѣ): государство не мыслимо безъ принужденія, въ Церкви нѣтъ мѣста принужденію; государственные законы имѣють юридическую санкцію, церковныя—правственную. Руководясь этой идеей, Государственный Совѣтъ не нашелъ возможнымъ сообщить юридическую санкцію предписанію Церкви—*святить день седмой*, а Св. Синодъ разъяснилъ, что „не будетъ полезнымъ для души и угоднымъ Богу принудительное празднованіе дней праздничныхъ“. Не трудно, однако, видѣть и то, что принципъ, положенный въ основу соображеній Государственнаго Совѣта и Св. Синода, не проходитъ послѣдовательно черезъ все наше законодательство—церковное и гражданское. Достаточно указать на то, что, признавая необходимымъ условіемъ юридической законности брака между лицами, числящимися въ Православной Церкви, церковное вѣнчаніе, гражданская власть тѣмъ самымъ дѣлаетъ этотъ религіозный актъ юридически обязательнымъ. Если бы Государственный Совѣтъ захотѣлъ быть послѣдовательнымъ, то онъ, „не колебля высокаго значенія“ церковнаго вѣнчанія, долженъ бы предложить это дѣло доброй волѣ брачующихся, что неминуемо повлекло бы за собой установленіе гражданского брака. У насъ нѣтъ фактическихъ данныхъ для того, чтобы въ недалекомъ или даже далекомъ будущемъ ожидать рѣшенія брачнаго вопроса въ указанномъ смыслѣ; но принципіально такое рѣшеніе не только не исключается, а прямо предполагается точкою зрѣнія, на которой стоятъ въ своихъ соображеніяхъ Государственный Совѣтъ и Св. Синодъ въ разъясненіи новаго закона о праздникахъ. Будущее должно показать, насколько

данная точка зрѣнія окажется примѣвнимою къ условіямъ русской дѣйствительности; разсуждая же принципиально, надо еѣ признать соотвѣтствующей истинному характеру такого учрежденія, какъ Православная Церковь: ея Основатель не удерживалъ при Себѣ Своихъ учениковъ противъ ихъ воли, и если римско-католическая церковь въ дѣлѣ устройства царства Божія прибѣгала къ помощи огня и меча, то это было тяжелой и опасной измѣнной духу Христову. Печальные результаты этой поистинѣ роковой измѣны у насъ предъ глазами: это—замѣна средневѣковой идеи царства Божія новой идеей—царства человеческого, провозглашенной и формулированной Фр. Бэкономъ; это—далѣе—отпаденіе многихъ и многихъ на западѣ не только отъ Церкви, но и отъ христіанства (Вольтеръ или Ницше—лишь рѣзкіе и послѣдовательные выразители западноевропейскаго антихристіанства). У насъ—слава Богу!—Церковь не обнаруживала стремленія преобразоваться въ государство, но бывало, что она въ проведеніи въ жизнь своихъ завѣтовъ иной разъ больше полагалась на поддержку государства, чѣмъ на свои собственныя силы. Такое положеніе дѣла можно оправдать историческими условіями, но нельзя признать соотвѣтствующимъ „самой идеѣ Церкви, какъ нравственно-религіознаго союза, опирающагося не на внѣшнюю, принудительную силу, а на внутреннія, свободныя отношенія человѣка къ Богу“ (Чичеринъ); а потому, нельзя не радоваться тому, что и въ своемъ фактическомъ обнаруженіи эта идея освобождается отъ несоотвѣтствующихъ ея существу историческихъ наслоеній, неизбѣжныхъ въ условіяхъ *человѣческой* существованія. Чѣмъ полнѣе воплощается идея Церкви въ жизни той или другой помѣстной церкви, связанной съ опредѣленными пространственно-временными условіями и неизбѣжно отражающей въ своей жизни ихъ вліяніе не только положительное, но и отрицательное, тѣмъ крѣпче внутренняя сила Церкви, и тѣмъ глубже ея воздѣйствіе на жизнь—личную, общественную и государственную. Возможно, конечно, что вмѣстѣ съ отмѣной государственной санкціи того или

другого предписанія Церкви уменьшится число лицъ, исполняющихъ это предписаніе. Но [развѣ Церковь что либо теряетъ отъ этого? зачѣмъ ей такіе члены, которые лишь числятся въ Церкви, фактически не принадлежа къ ней?—Конечно, Церковь не можетъ оставить и этихъ „овецъ“ безъ своего материнскаго присмотра и попеченія; но едва ли она нуждается въ помощи государства, чтобы проложить дорогу къ совѣсти такихъ лицъ. Для этого въ рукахъ пастырей находятся, по авторитетному разъясненію Св. Синода, иныя средства: это—„истовое богослуженіе, непрестанное проповѣданіе Слова Божія, въ особенности же истинно-пастырская жизнь“.

И нужно надѣяться, что православно-русскіе пастыри, понимающіе задачи своего служенія, равно какъ значеніе переживаемаго нами историческаго момента, горячо отзовутся на авторитетный призывъ Св. Синода и „съ удвоенною ревностью“ будутъ продолжать великое дѣло проведенія въ жизнь тѣхъ религіозно-нравственныхъ началъ, которыя намъ завѣщаны Христомъ. Впрочемъ, мы были бы несправедливы въ своихъ требованіяхъ и близоруки въ своихъ ожиданіяхъ, если бы это дѣло, равно какъ отвѣтственность за него, возложили исключительно на выносливыя плечи нашего духовенства. Нѣтъ, „оглянемся на себя! Вспомнимъ хоть на мгновеніе, что мы“, православные міряне, „не католики“, что въ церковныхъ вопросахъ мы не имѣемъ права отдѣлять себя въ качествѣ безсильныхъ, ни за что не отвѣтственныхъ, мірянъ отъ непогрѣшимаго, всѣмъ управляющаго клира. Вѣдь Церковь—это также мы“ (С. А. Рачинскій), а потому и на насъ, мірянахъ, лежитъ отвѣтственная забота о созиданіи стѣнъ іерусалимскихъ. Между тѣмъ, охотно и много толкуя о недостаткахъ и ошибкахъ нашего духовенства, много ли мы думаемъ о лежащихъ на насъ церковно-христіанскихъ обязанностяхъ? Довольно одного проетого примѣра: многіе изъ нихъ готовы посмѣяться надъ спѣшностью и невразумительностью нашего церковнаго чтенія,—и это, будемъ искренни!—не безъ основанія (см. статью о церковномъ чтеніи въ № 39 „Церковнаго

Вѣстника“ за 1904 годъ). Но многіе ли изъ насъ готовы стать на клиросъ, чтобы принять активное участіе въ церковномъ чтеніи?—Нѣтъ, это—не наше дѣло... Давно бы пора оставить подобные счеты и расчеты въ такомъ святомъ дѣлѣ, какъ благоустроеніе церковно-приходской жизни. Особенно они неумѣстны въ переживаемый нами моментъ: чѣмъ больше предоставляется намъ свободы въ дѣлахъ вѣры (а мы такъ жаждемъ этой свободы!), тѣмъ значительнѣе наша отвѣтственность въ этой области. По мѣрѣ того, какъ *государство* слагаетъ съ себя часть опеки надъ исполненіемъ его членами требованій Церкви, расширяется дѣятельность христіанскаго общества въ этомъ направленіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и его отвѣтственность предъ Богомъ и совѣстью за наши религіозно-нравственные недуги. Если гдѣ, то здѣсь въ особенности приложимо знаменитое изреченіе Достоевскаго: „всѣ за всѣхъ виноваты“. Да, церковная жизнь созидается совокупною дѣятельностью всѣхъ элементовъ, составляющихъ Церковь; а потому, никто изъ насъ, искренне преданный Церкви, не можетъ считать себя свободнымъ отъ участія въ созиданіи церковной жизни и отъ отвѣтственности за ея нестроенія. И если для пастырей новый законъ о праздникахъ явился внушительнымъ призывомъ къ усугубленію пастырской ревности, то вѣдь и мы, міряне, не въ правѣ уклоняться отъ этого призыва. Теперь больше, чѣмъ когда-либо, необходимо тѣсное общеніе между пастыремъ и пасомыми въ устроеніи церковной жизни. И какъ было бы хорошо, если бы снова ожила находящаяся при послѣднемъ издыханіи форма церковно-приходской жизни, завѣщанная намъ многострадальной исторіей юго-западной Руси: разумѣемъ церковно-приходскія братства, которыя болѣе соотвѣтствуютъ духу христіанства, нежели церковно-приходскія попечительства, при чемъ мы залогъ ихъ успѣха видимъ въ сохраненіи ими своего церковно-нравственнаго, истинно братскаго характера и въ огражденіи ихъ отъ превышенія въ нихъ элементовъ граждан-

ски-административныхъ. Приходъ—не волость, а братство—не волостное правленіе...

—

Доселѣ—о той сторонѣ новаго закона о праздникахъ, которая касается принципіальнаго вопроса объ отношеніи Церкви къ государству; а какъ вопросъ о праздникахъ имѣетъ не только религіозно-нравственную сторону, подлежащую вѣдѣнію Церкви, но и социально-экономическую, подлежащую вѣдѣнію государства, то и вопросъ о проведеніи воскресныхъ и праздничныхъ дней можно обсуждать съ *двухъ* точекъ зрѣнія. Собственно *вторая* сторона вопроса, социально-экономическая, и подлежала обсужденію Государственнаго Совѣта, который, очевидно, лишь по связи рѣчи высказался по вопросу о томъ, слѣдуетъ ли считать работающаго въ праздничный день „ослушникомъ Церкви“ (рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ, разумѣется, Церкви). Разсматривая соображенія Государственнаго Совѣта съ социально-экономической точки зрѣнія, не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ недоумѣній, вызываемыхъ ими. И прежде всего, такъ ли охотно и часто освобождаютъ себя крестьяне отъ сельско-хозяйственныхъ работъ въ воскресные и праздничные дни, какъ это предполагается мнѣніемъ Государственнаго Совѣта?—Не имѣя данныхъ для сужденія о томъ, какъ стоитъ это дѣло въ разныхъ концахъ Русской земли, о крестьянахъ средней полосы Россіи можемъ сказать съ увѣренностью, что они, вообще говоря, не считаютъ за грѣхъ исполнять сельско-хозяйственныя работы въ воскресные и праздничные дни, даже такіе, какъ „Второй Спасъ“ или Успенье; исключеніе составляетъ Ильинъ день, когда никто не выѣзжаетъ въ поле работать. Въ виду такого положенія дѣла, сельскимъ священникамъ средней полосы Россіи приходилось не столько выяснять своимъ прихожанамъ то, что исполненіемъ неотложныхъ работъ они не нарушаютъ церковныхъ постановленій о проведеніи воскрес-

ныхъ и праздничныхъ дней, сколько убѣждать хотъ утро великихъ праздниковъ посвящать церковной молитвѣ. Конечно, порою слово замирало на языкѣ въ сознаниіи того, что многихъ отвлекаетъ отъ церкви не лѣность и равнодушіе, а тяжкая нужда, заставляющая работать не только днемъ, но и ночью...

Только неполнотою данныхъ, какими располагалъ Государственный Совѣтъ, можно, намъ думается, объяснить то обстоятельство, что имъ совершенно не принята во вниманіе мысль о социальномъ-экономическомъ значеніи воскреснаго отдыха: зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, ограждать воскресный отдыхъ специальными узаконеніями, когда мы, русскіе люди, и безъ того слишкомъ много отдыхаемъ?! Охотно соглашаясь съ тѣмъ, что предписывать исполненіе церковныхъ требованій, слѣдить за ихъ исполненіемъ и карать за неисполненіе не относится къ обязанностямъ государственной власти, мы все-таки не можемъ считать её свободной отъ обязанности такъ регулировать трудъ населенія, чтобы онъ не былъ для послѣдняго непосильнымъ бременемъ. И вотъ, рассматривая новый законъ съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ признать его формулировку настолько точной и опредѣленной, чтобы она ограждала рабочій классъ отъ эксплуатаціи капиталистовъ, которые могутъ, пожалуй, пользоваться „добровольнымъ“ трудомъ того или другого лица „на законномъ основаніи“. Впрочемъ, объ этой сторонѣ новаго закона было столько—и притомъ дѣльно—написано, что намъ остается отослать читателей къ соображеніямъ упредившихъ насъ публицистовъ (см., напр., хотя бы статью А. Троицкаго въ №№ 41 и 42-мъ „Рук. для сельск. пастырей“ за 1904 годъ). Мы же, съ своей стороны, позволимъ присоединить къ сказанному еще одно недоумѣніе: не можетъ ли первая статья новаго закона („никакая власть“—стало быть, и церковная?—„не должна чинить трудящимся какихъ-либо“—стало быть, и нравственныхъ?—„препятствій въ семъ дѣлѣ“, т. е. въ добровольномъ занятіи работою въ воскресные, праздничные и торжественные дни),

при ея „распространительномъ“ толкованіи, послужить, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, поводомъ къ запрещенію священнику проповѣдывать объ освященіи воскресныхъ и праздничныхъ дней?...

И. Кудрявцевъ.

О выборѣ членовъ притча прихожанами въ связи съ вопросомъ о возрожденіи прихода.

(Продолженіе ¹⁾).

II.

Южная Русь очень рано оторвана была отъ общаго русскаго корня и надолго связала свою судьбу съ сосѣдними иновѣрными государствами—Литвой и Польшей. Въ этомъ состояло ея историческое несчастіе, которое, однако же, сопровождалось и нѣкоторыми положительными выгодами. Отстаивая свою народность и вѣру отъ посягательствъ иноплеменниковъ и иновѣрцевъ, Южная Русь развила значительную энергію, выразившуюся въ учрежденіи братствъ и школъ, изданіи книгъ, вообще—въ подъемѣ церковно-общественной дѣятельности какъ пастырей, такъ и пасомыхъ. Ослабѣвши въ неравной борьбѣ съ поляками, Южная Русь отдалась въ подданство Московскому государству, но съ сохраненіемъ за собою тѣхъ правъ и преимуществъ, какими она пользовалась или—лучше—какія отстаивала предъ польскимъ правительствомъ. Къ числу этихъ правъ и привилегій относятся: свобода отъ крѣпостного права и свобода выбора членовъ притча самими прихожанами, существовавшія, съ нѣкоторыми ограниченіями, до царствованія имп. Екатерины II. Эти-то права и преимущества, давно уже утраченныя Сѣверною, Московскою Русью, и даютъ намъ возможность опредѣлить нѣкоторыя арханческія черты въ устройствѣ и положеніи южно-рус-

¹⁾ См. № 9 за 1905 г.

скаго прихода, а вмѣстѣ съ тѣмъ указать и нѣкоторые недостатки этого строя, повлекшіе за собою ограниченіе права выбора членовъ причта прихожанами.

Изъ документовъ первой половины XVIII вѣка мы узнаемъ, кто такіе были въ это время въ Южной Россіи кандидаты на священство, съ какимъ они были образовательнымъ цензомъ, какъ и кѣмъ выбирались и при какихъ условіяхъ, и какъ, наконецъ, они исполняли свои пастырскія обязанности. Изъ циркуляра Кіевскаго архіепископа Варлаама Ванатовича отъ 23 ноября 1723 года мы видимъ, что кандидатами на священство весьма часто приглашались люди полуграмотные, не обученные надлежащимъ образомъ даже книжному чтенію, и притомъ не достигшіе надлежащаго возраста. „Хотя уже не поеднократно вамъ протопопамъ чрезъ указы наши архіерейскіе пастырско повелѣвали,—писалъ Варлаамъ Ванатовичъ,—чтобъ вы неизучившихся добрѣ наизусть десятословія, блаженствъ, седми сакраментовъ (таинствъ) и прочіега катехизическаго ученія, до іерейскаго наипаче чина надлежащаго, аколѣтовъ и ставлениковъ къ намъ не присылали, однакъ видимъ, что тѣи указы у васъ ничто же успѣваютъ, понеже не только неумѣющихъ вышреченнаго ученія, но и книжнаго чтенія весьма необученныхъ, самихъ рекше нечитайловъ на священство промуете и присылаете, зпать, не коея ради иныя вины, токмо ради лихоиманія и подсуль, вамъ подсуляемыхъ, о чемъ намъ уже дается вѣдѣти“¹⁾. Слѣдовательно, южно-русскіе ставленники первой четверти XVIII вѣка недалеко ушли отъ тѣхъ новгородскихъ ставленниковъ XV вѣка, которыхъ описываетъ въ своей пастырской грамотѣ Новгородскій архіепископъ Геннадій. Правда, Варлаамъ Ванатовичъ винить протопоповъ въ неразборчивости въ выборѣ и рекомендаціи кандидатовъ на священство; но, вѣдь, и протопопы, въ свою очередь, могли оправдываться передъ своимъ архіепископомъ

¹⁾ „Акты и документы, относящіеся къ исторіи Кіевской Академіи, отдѣленіе II, т. I, ч. I, Кіевъ, 1904 г., стр. 69.

тѣмъ, что „земля, господине, такова“, что лучшихъ кандидатовъ они и не могли представлять своему архіепископу, по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Кандидатовъ на священство избирали сами прихожане или казацкая старшина, часто руководствуясь при этомъ сторонними соображеніями и побужденіями. Прежде всего, прихожане требовали отъ кандидата на священство или предлагали ему извѣстныя условія, на которыхъ онъ соглашался быть у нихъ священникомъ. Слѣдовательно, при выборѣ себѣ священника прихожане главнымъ образомъ руководились экономическимъ расчетомъ: чѣмъ дешевле и выгоднѣе обходился имъ священникъ, тѣмъ онъ и лучше. Да и при этихъ условіяхъ кандидаты на священство должны были задобривать своихъ избирателей разными незаконными способами. Кіевскій архіепископъ Рафаиль Заборовскій въ циркулярномъ указѣ своемъ отъ 24 ноября 1731 года писалъ о ставленникахъ, что „иные немалымъ искупомъ какъ денежнымъ, такъ и другимъ даткомъ, и чрезъ напоеніе парохіянъ получаютъ рекомендаціи письменныя на священство“¹⁾. Казацкая старшина и владѣльцы, являвшіеся покровителями извѣстныхъ приходскихъ церквей, тоже старались не объ умственномъ и нравственномъ достоинствѣ своихъ будущихъ священниковъ, а о томъ, чтобы они были покорными исполнителями желаній своихъ патронновъ. Въ 1735 году они жаловались императрицѣ, что „въ Малой Россіи архіереи въ своихъ епархіяхъ по своей волѣ и соизволенію, подъ образомъ учительныхъ людей въ города и села владѣльческія безъ согласія старшинъ и владѣльцовъ и прихожанъ насильно поповъ и діаконновъ опредѣляютъ, и тако тѣ попы и діаконы, презирая въ городахъ старшину, а въ селахъ владѣльцовъ, и не исправляя надлежащаго духовнаго дѣла, вступаютъ въ ссоры не только съ прихожанами, но и съ самими старшинами и владѣльцами“ и проч. Вслѣдствіе этой жалобы и послѣдовалъ высочайшій

указъ малорусскимъ архіереямъ о томъ, чтобы „они, по силѣ Духовнаго Регламента, въ города и села, безъ согласія прихожанъ, поповъ и діаконовъ насильно не насылали“¹⁾. Указъ этотъ, судя по его мотивамъ, прямо направленъ былъ къ ограниченію правъ учительныхъ людей на занятіе приходовъ. Послѣдствіемъ такихъ порядковъ было то, что даже въ 1745 году, Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій въ циркулярномъ указѣ своему епархіальному духовенству жаловался, что „изъ разныхъ протопопій ежечасно присылаются ставленники непорядочно и читать добрѣ не умѣющіе, инии же хотя показываются бѣгло будто читають, но читають неправильно и съ помилками (ошибками) и съ упущеніемъ слоговъ“²⁾. Иногда выбирали въ кандидаты на священство малолѣтнихъ, не имѣющихъ каноническаго возраста, что, по всей вѣроятности, имѣло мѣсто при предоставленіи прихода за дѣтьми умершаго священника. Въ такихъ случаяхъ, эти малолѣтки-священники, исполняя всѣ священническія обязанности и требы, не имѣли права, до достиженія зрѣлаго возраста, исповѣдывать своихъ прихожанъ³⁾. Вообще нужно замѣтить, что прихожане избирали кандидатами на священство людей по своему вкусу или „по образу и подобию своему“ и нерѣдко предпочитали неучительныхъ людей людямъ учительнымъ. Вслѣдствіе этого, приходскіе священники, по своему умственному развитію, нравственнымъ качествамъ и обычаямъ, весьма близко стояли къ своимъ пасомымъ-прихожанамъ и почти ничѣмъ не отличались отъ нихъ. Въ 1731 году Кіевскій архіепископъ Рафаилъ Заборовскій, указывая въ своемъ циркулярномъ указѣ на разные нравственные недостатки въ жизни тогдашняго приходскаго духовенства, между прочимъ, писалъ, что „такимъ священницы неистовствомъ, да и самыя протопопы осуетишася, что сами старостами или друзьями

¹⁾ Тамъ же, стр. 82.

²⁾ Тамъ же, стр. 93.

³⁾ Тамъ же, стр. 71.

на брадѣхъ бываютъ, ручниками препоясуются и плясати съ женскимъ поломъ дерзаютъ“¹⁾).

Въ такомъ положеніи застаеть южнорусскую приходскую жизнь въ 1721 году Духовный Регламентъ, который предписалъ епископамъ учреждать при своихъ домахъ архіерейскія школы для приготовленія кандидатовъ на священство и проектировалъ новый типъ духовныхъ академій и семинарій. Первоначальныя требованія, предъявляемыя Духовнымъ Регламентомъ кандидатамъ на священство, были самыя скромныя: „учитель въ архіерейскихъ школахъ“ училъ бы дѣтей не только чисто, ясно и точно по книгамъ честь (что хотя нужное, обаче еще недовольное дѣло), но училъ бы честь и разумѣть; и если можно, и наизусть читать двѣ книжицы, одну о догматахъ вѣры, а другую въ должностяхъ всякихъ чиновъ, когда таковыя книжицы изданы будутъ“²⁾. Ученики этихъ архіерейскихъ школъ и должны были избираться въ священники и на разныя духовныя должности, хотя Духовнымъ Регламентомъ не отнималось у крестьянъ и помѣщиковъ право выбора своихъ приходскихъ священниковъ.

Эти скромныя требованія Духовнаго Регламента относительно кандидатовъ на священство, несмотря на особыя права и привилегіи Малороссіи, стали постепенно примѣняться и къ южнорусскимъ епархіямъ—частію по инициативѣ самихъ преосвященныхъ, частію вслѣдствіе требованій синодалныхъ указовъ. Въ 1723 году, какъ мы видѣли, Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ предписывалъ своимъ протопопамъ, чтобы „неизучившихся добрѣ наизусть десятословія, блаженствъ, седми таинствъ и прочаго катахизическаго ученія, до іерейскаго паче чина надлежащаго, аколѣтовъ и ставленниковъ къ нему не присылали“. Но такъ какъ эти архіерейскія требованія относительно подготовки къ священству не могли быть обязательны для другихъ сословій, то вмѣстѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 72.

²⁾ Тамъ же, стр. 1.

Болѣ рѣшительный синодальный указъ по этому предмету послѣдовалъ въ 1745 году, вслѣдствіе ходатайства Кіевскаго митрополита Рафаила Заборовскаго. Этимъ указомъ разрѣшалось: 1) „производить“ на священно-служительскія должности казаковъ, „кои будутъ имѣть увольнительные отъ службы отпуски, и посполитаго званія людей по презентамъ старшины“, владѣльцевъ и прихожанъ, но только подъ тѣмъ условіемъ, если къ этимъ мѣстамъ не окажется кандидатовъ изъ достойныхъ лицъ, учившихся въ школахъ, и 2) „производить въ священный чинъ“ учившихся въ школахъ преимущественно предъ неученными „и безъ презентовъ“ отъ старшины, владѣльцевъ и прихожанъ, по академическимъ аттестатамъ объ ихъ состояніи.

Но тѣмъ же указомъ ограничивались и права дѣтей духовенства на священно-служительскія должности, если они не учились или не доучились въ духовныхъ школахъ. Такія лица могли быть производимы въ духовный санъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ кандидатовъ изъ учительныхъ людей, и притомъ требовались отъ такихъ лицъ не только одобренія отъ протопоповъ и намѣстниковъ, но и ходатайства за нихъ отъ старшины, владѣльцевъ и прихожанъ¹⁾. Въ 1754 году Кіевскій митрополитъ Тимофей Щербацкій указомъ предписалъ по своей епархіи, чтобы дѣти духовенства учились въ Кіевской академіи до окончанія полного курса, и чтобы священники, предоставляющіе свои мѣста за дочерьми, выдавали ихъ замужъ за учительныхъ людей, подъ угрозою лишенія ихъ права на священство²⁾. Это подтверждено было и указомъ Кіевскаго митрополита Арсенія Могиланскаго отъ 30 апрѣля 1761 года³⁾. Сама Кіевская академія постепенно теряетъ свой прежній всесловный характеръ и мало-по-малу

¹⁾ Тамъ же, стр. 94—97.

²⁾ Указыя книги Кіево-Подольскій Рождество-Предтечевской церкви за 1754 годъ.

³⁾ Рукопись Кіево-Софійскаго Собора. № 430, л. 145.

становится сословнымъ духовно-учебнымъ заведеніемъ. Въ Кіевскую академію теперь введены нѣкоторые предметы, спеціально подготовлявшіе дѣтей духовенства къ духовному званію, напр., составленіе проповѣдей и изученіе еврейскаго языка, которые оставались необязательными для иносословныхъ студентовъ, не желавшихъ принимать священнаго сана ¹⁾).

Еще яснѣе выразился сословный характеръ южно-русскихъ духовно-учебныхъ заведеній въ матеріальныхъ средствахъ для ихъ содержанія. Кіевская академія, коллегіумы, или семинаріи Черниговская и Переяславская, хотя первоначально были и общесословными учрежденіями, но въ XVIII вѣкѣ содержались почти исключительно на епархіальныя средства, или спеціально назначенными для того монастырями, каковъ, напр., Кіево-Братскій, или же на счетъ архіерейской казны. На эти же средства содержались и бѣдные воспитанники духовнаго происхожденія, тогда какъ дѣти казацкой старшины и разночинцевъ содержались обыкновенно на свой счетъ. Секуляризація архіерейскихъ и монастырскихъ имуществъ при имп. Екатеринѣ II подорвала въ корнѣ этотъ источникъ содержанія духовно-учебныхъ заведеній, такъ какъ значительная часть этихъ имуществъ была употреблена на цѣли, совершенно чуждыя тѣмъ, съ какими правительство предпринимало сначала эту крупную реформу (т. е. на благоустройство храмовъ, благотвореніе бѣднымъ и больнымъ, содержаніе школъ и т. п.), и только небольшія крохи изъ этихъ богатыхъ средствъ пошли на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній по вновь учрежденнымъ для нихъ штатамъ. Болѣе справедливую компенсацію за отнятое у духовенства получили духовно-учебныя заведенія уже при имп. Александрѣ Благословенномъ, когда на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній назначена была церковно-свѣчная моно-

¹⁾ См. рукопись Церковно-археологическаго музея при Кіевскоѣ дух. академіи, муз. № 725, дѣло 1760 г., № 3.

полія, и донинѣ составляющая главный источникъ для ихъ содержанія.

Такъ сложился сословный строй духовнаго образованія въ Россіи.

Проф. Н. Петровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Порядокъ иѣнія стихирь „мученичныхъ“ и „покойныхъ“ въ субботу.

Покойный профессоръ Московской духовной академіи И. Д. Малсветовъ, говоря объ исправленіи нашихъ богослужбныхъ книгъ¹⁾, указалъ на несогласованность между Типикономъ и другими книгами, существующую въ нихъ доселѣ. Но нигдѣ, кажется, этотъ недостатокъ не достигаетъ такой степени, какъ при изложеніи устава субботней службы въ Типиконѣ и распредѣленіи текста ея въ Октоихѣ.

Порядокъ субботней службы въ будній день, какъ извѣстно, зависитъ отъ того, поется ли на утренѣ „Богъ Господь“, или „аллилуія“. Октоихъ, распредѣляя текстъ субботнихъ службъ, во всѣхъ восьми гласахъ имѣетъ въ виду послѣдній случай. Въ 13-ой главѣ Типикона относительно его имѣются, между прочими, слѣдующія указанія: на „Господи воззвахъ“, послѣ *трехъ* стихирь минейныхъ, „Октоиха мученичны три, 2-й, 3-й, 4-й, а первый оставляется; на стиховнѣ мучениченъ 1-й, и мертвена два киръ Іоанна Дамаскина; на хвалитехъ стихирь мученичны 4, Слава—покойны; на стиховнѣ стихирь подобны, покойны киръ Теофана“. Если мы обратимся теперь къ Октоиху, то увидимъ, что онъ относится къ приведеннымъ указаніямъ Типикона, которыя перепечатываетъ на своихъ же страницахъ, очень своеобразно. Разсмотримъ

¹⁾ Въ статьяхъ объ этомъ въ „Прибавл. къ изданію Твореній свв. отцевъ“.

эти отношенія, начиная съ стихирь *мученичныхъ*, положенныхъ на „Господи воззвахъ“, и, прежде всего, выяснимъ, что нужно разумѣть подь *первымъ, вторымъ, третьимъ и четвертымъ мученичными* ¹⁾.

Послѣ Богоматери, убажасмой св. Церковью ежедневно, почему Ей и не посвящено особаго дня въ седмицѣ ²⁾, всякій день, исключая воскресенья, прославляются святые мученики. Устроители православнаго богослуженія глубоко сознавали, что на святой крови мучениковъ создана Церковь ³⁾: она украсилась ею, какъ багряницею и виссономъ ⁴⁾. Поэтому-то, въ ежедневномъ богослуженіи они ввели въ честь ихъ слѣдующія пѣснопѣнія: на вечернѣ, начиная съ воскресенья, *третья* стихира на стиховнѣ есть *мучениченъ*; такихъ *мученичновъ* въ каждомъ гласѣ *четыре*, такъ какъ въ четвергъ на вечернѣ поется тотъ же *мучениченъ*, который пѣлся на вечернѣ въ воскресенье. На утренѣ по *второй* каѳизмѣ мы находимъ сѣдаленъ *мучениченъ* съ припѣвомъ: „Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, Богъ Израилевъ“; *сѣдалновъ* въ каждомъ гласѣ также *четыре* и по той же причинѣ: въ пятницу повторяется сѣдаленъ понедѣльника. Въ понедѣльникъ и вторникъ въ канонѣ *умилительномъ*, въ среду и пятницу въ канонѣ *честному кресту* по *два мученична*. Въ числѣ стиховныхъ стихирь *третья* есть *мучениченъ*; ихъ, какъ и вечернихъ *мученичновъ, четыре* ⁵⁾, такъ какъ въ пятницу поется тотъ же, что

¹⁾ Протоіерей К. Т. Никольскій въ своемъ „Пособіи къ изученію уст. богослуж. Правосл. Церкви“, говоря о пѣніи стихирь въ субботу, не касается возникающихъ при этомъ недоумѣній. См. въ 5-мъ изд. (Сиб. 1894) стр. 205. 325 и 332.

²⁾ Тамъ же, стр. 109, примѣч. 1; 489—490.

³⁾ Поэтому, въ каждой пѣсни канона, кромѣ *пятой*, на освященіе храма одинъ тропарь есть *мучениченъ*.

⁴⁾ Троп. въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ.

⁵⁾ Въ 3-емъ гласѣ въ среду и четвергъ на утренѣ напечатанъ въ Октоихѣ одинъ и тотъ же *мучениченъ*: „Яко свѣтила въ мірѣ“, такъ что всѣхъ утреннихъ *мученичновъ* 3-го гласа оплучается *три*; но это недо-смотрѣ. Въ субботу на „хвалите“ мы находимъ *четвертый мучениченъ*:

на утренѣ въ понедѣльникъ. На литургіи въ *блаженнахъ* на „Радуйтесь и веселитесь“ ежедневно, начиная съ понедѣльника, *мучениченъ*. Суббота есть день чествованія святыхъ мучениковъ по преимуществу: 1) они ублажаются въ первой изъ трехъ стихирь на „Господи воззвахъ“ и въ канонѣ вмѣстѣ съ іерархами и преподобными; 2) въ этотъ день повторяются пѣсноиѣнія въ честь ихъ, которыя пѣлись въ минувшіе дни седмицы: изъ *четырехъ мученичновъ* вечернихъ три поются на „Господи воззвахъ“ и *одинъ* на „стиховнѣ“, *четыре сѣдальна*—по два послѣ каждой каѳизмы, *четыре мученична* утреннихъ на „хвалите“¹⁾. Отсюда ясно, что *первый мучениченъ* есть *мучениченъ* вечерни воскресенья, *второй*—вечерни понедѣльника, *третій*—вечерни вторника и *четвертый*—вечерни среды. Слѣдовательно, когда поется „аллилуія“, на „Господи воззвахъ“ должны пѣться *мученичны* понедѣльника, вторника и среды, а на „стиховнѣ“ *мучениченъ* воскресенья.

Правильность такого пониманія вполнѣ подтверждается греческимъ Параклитикомъ. Въ этомъ послѣднемъ субботняя служба первыхъ четырехъ гласовъ изложена на вечернѣ примѣнительно къ пѣнію „Богъ Господь“, а остальныхъ четырехъ—примѣнительно къ пѣнію „аллилуія“. Типиконъ относительно стихирь на вечернѣ при пѣніи „Богъ Господь“ въ 12-ой главѣ предписываетъ: на „Господи воззвахъ“ стихиры рядовому святому на 6; „на стиховнѣ стихиры во Октоихѣ *мученичны три* гласа“. Какія именно *три* стихиры, не говорится; но нѣтъ сомнѣнія, что тѣ самыя, которыя назначены для

„Силы святыхъ ангелъ удивившася“. По справкѣ съ греческимъ Параклитикомъ, „съ Богомъ святымъ обдержавшимъ подобающее ему 8 гласовъ послѣдованіе“, мы видимъ, что въ четвергъ на утренѣ положенъ именно *мучениченъ*: „Силы святыхъ ангелъ удивившася“, а не „Яко свѣтила въ мірѣ“. Въ соотвѣтствіе съ этимъ долженъ быть приведенъ и нашъ Октоихъ.

¹⁾ При пѣніи „Богъ Господь“, какъ увидимъ ниже, *первый* вечерній и *четвертый* утренній *мученичны* опускаются.

пѣнія на „Господи воззвахъ“ при „аллилуіа“. Окончательно убѣждаетъ этомъ греческій Параклитикъ. Напечатавъ текстъ *трехъ мученичнѣвъ* на стиховнѣ, онъ замѣчаетъ: „мученичны, когда бываетъ *аллилуіа*, поются на *Господи воззвахъ*; на стиховнѣ же произносимъ первый *мучениченъ* и два *покойна*“. Итакъ, при „Богъ Господь“ на стиховнѣ положены тѣ же *второй, третій и четвертый мученичны*, которые при „аллилуіа“ поются на „Господи воззвахъ“. Обращаясь къ тексту напечатанныхъ въ греческомъ Параклитикѣ *трехъ мученичнѣвъ* на „стиховнѣ“, мы видимъ, что это — *мученичны* по недѣльника, вторника и среды; въ первомъ гласѣ, напримѣръ: „Еже на судици“ — *мучениченъ* вечерни въ по недѣльникъ, „О добрыя ваша купли“ — во вторникъ, „Прехвальніи мученицы“ — въ среду. Въ послѣднихъ четырехъ гласахъ, въ которыхъ, какъ замѣчено выше, субботняя служба на вечернѣ изложена примѣнительно къ пѣнію „аллилуіа“, мы находимъ на „стиховнѣ“ текстъ первыхъ *мученичнѣвъ*, оказывающихся именно *мученичнами* съ вечерни въ воскресенье; въ пятомъ гласѣ, напримѣръ: „О земныхъ всѣхъ небрегше“, въ седьмомъ: „Слава Тебѣ, Христе Боже“¹⁾. Основываясь на этихъ данныхъ, укажемъ теперь допускаемая Октоихомъ въ размѣщеніи вечернихъ *мученичнѣвъ* въ субботнихъ службахъ отступленія отъ Типикона и дадимъ имъ согласное съ послѣднимъ распределеніе.

Въ первомъ, второмъ и третьемъ гласахъ *три мученична* на „Господи воззвахъ“ поставлены въ томъ поряд-

¹⁾ Въ концѣ Октоиха есть „указъ о службѣ субботній“. Составитель его, излагая службу при пѣвнѣ „Богъ Господь“, подъ первымъ *мученичнѣвъ* разумѣетъ первую стихирѣ изъ трехъ стихирѣ „святимъ мученикомъ, и святителемъ, и преподобнымъ“, положенныхъ на „Господи воззвахъ“. Насколько вѣрно такое пониманіе, видно изъ сказаннаго уже. Здѣсь замѣтимъ еще слѣдующее. Если *первый мучениченъ* есть указанный авторомъ „указа“, то чѣмъ же объяснить, что при пѣвнѣ „аллилуіа“, когда на „стиховнѣ“ полагается *мучениченъ первый*, мы ни въ одной изъ *восьми* субботнихъ службъ не находимъ его?—Надо полагать, составитель „указа“, въ греческомъ Параклитикѣ отсутствующаго, не выяснилъ себѣ дѣла и допустилъ неправильное толкованіе.

къ, въ какомъ они пѣлись въ продолженіе седмицы, т. е. вечерни воскресенья, понедѣльника и вторника; *четвертый мучениченъ*, среды, поставленъ на „стиховнѣ“. Но такъ какъ на стиховнѣ *мучениченъ* долженъ быть съ вечерни воскресенья, то порядокъ *мученичновъ*, требуемый Типикономъ и согласный съ греческимъ Параклитикомъ, будетъ слѣдующій:

Гл. 1-й. „Еже на судищи ваше исповѣданіе“ (понедѣл.).

„О добрыя ваша купля“ (вторн.).

„Прехвальніи мученицы“ (сред.).

На „стиховнѣ“: „Молитвами, Господи, всѣхъ свѣтыхъ“ (воскр.).

Гл. 2-й. „Святымъ мученикомъ“ (понедѣл.).

„Лицы мученичестіи“ (вторн.).

„Велія слава“ (сред.).

На „стиховнѣ“: „Иже земныя сласти не возлюбивше“ (воскр.).

Гл. 3-й. „Велія мученикъ Твоихъ“ (понедѣл.).

„Пророцы и апостоли“ (вторн.).

„Мученицы Твои, Господи“ (сред.).

На „стиховнѣ“: „Велія креста Твоего“ (воскр.).

Въ четвертомъ гласѣ *мученичкы* расположены такъ: „Жертвы одушевленныя“—*мучениченъ* среды, „Честна смерть свѣтыхъ“—утрени четверга и „Имуще дерзновение“—*мучениченъ* вторника. Не говоря уже о несоблюденіи порядка послѣдовательности въ расположеніи *мученичновъ*,— сначала *мучениченъ* среды, потомъ вторника,— мы находимъ здѣсь *мучениченъ* съ утрени четверга. Въ этомъ же гласѣ мы встрѣчаемся съ явленіемъ, которое имѣетъ мѣсто также въ пятомъ и шестомъ гласахъ: одинъ изъ *трехъ мученичновъ*, положенныхъ на „Господи возвахъ“, является въ качествѣ *второй* стихиры на „стиховнѣ“, вопреки ясно выраженному предписанію Типикова и греческому Параклиту. Въ данномъ случаѣ, поставивъ вопліи правильно на „стиховнѣ“ *первый* мучениченъ, Октоихъ, вслѣдъ за нимъ, помѣстилъ еще *второй* мучени-

*ченъ*¹⁾, а мѣсто послѣдняго на „Господи воззвахъ“ заполнилъ *мученичнѣмъ* съ утрени четверга. Должно быть:

„Иже святыхъ мученикъ“ (понедѣл.).

„Имуще дерзновеніе“ (вторн.).

„Жертвы одушевленныя“ (сред.).

На „стиховнѣ“: „Прославляйся въ памятехъ“ (воскр.).

Въ пятомъ гласѣ *мученичны* расположены такъ: „Щитомъ вѣры оболкшеса“—*мучениченъ* понедѣльника, дважды, и „О земныхъ всѣхъ небрегше“—*мучениченъ* воскресенья. Здѣсь мы видимъ ту же непоследовательность въ порядкѣ, что и въ четвертомъ гласѣ; затѣмъ *мучениченъ* „Щитомъ вѣры оболкшеса“ повторенъ дважды, такъ какъ на „стиховнѣ“ помѣщено два *мученична*, вслѣдствіе чего для „Господи воззвахъ“ одного не достало; наконецъ, *первый мучениченъ*, мѣсто котораго на стиховнѣ, помѣщенъ на „Господи воззвахъ“. Должно быть:

„Щитомъ вѣры оболкшеса“ (понедѣл.).

„Молите за ны, святіи мученицы“ (вторн.).

„Несытною любовію души“ (сред.).

На „стиховнѣ“: „О земныхъ всѣхъ небрегше“ (воскр.).

Въ шестомъ гласѣ указаны *мученичны*: воскресенья— „Мученицы Твои, Господи“, дважды, и понедѣльника— „Страстотерпцы мученицы“. *Первому мученичнѣ* надлежитъ быть на стиховнѣ, а не на „Господи воззвахъ“; кромѣ того, онъ повторенъ дважды по той же причинѣ, что и въ пятомъ гласѣ. Должно быть:

„Страстотерпцы мученицы“ (понедѣл.).

„Страдавшіи Тебе ради, Христе“ (вторн.).

„Крестъ Твой, Господи“ (сред.).

На „стиховнѣ“: „Мученицы Твои, Господи“ (воскр.).

¹⁾ Спрашивается: если бы на „стиховнѣ“ полагалось два *мученична* и *мертвенъ*, то съ какими же припѣвами пѣть ихъ?—Ни обычные, ни заукобойныя не подходятъ.

Въ седьмомъ гласѣ мы находимъ слѣдующее. На „стиховнѣ“, на ряду съ двумя *мертвенными*, снова, вопреки Типикону и греческому Параклитуку, *два мученична*. Но изъ двухъ другихъ *мученичновъ*, оставшихся для „Господи воззвахъ“, ни одинъ не повторяется, какъ это было въ пятомъ и шестомъ гласахъ; свободное мѣсто заполнено, какъ въ четвертомъ гласѣ, пѣснопѣніемъ, которое, однако, не имѣетъ никакого отношенія къ *мученичнамъ*. Первая стихира: „Спасе, не постыди“ — не *мучениченъ*, а *умилителенъ*; вторая: „Слава Тебѣ, Христе Боже“ есть *мучениченъ первый*, мѣсто котораго на стиховнѣ. Должно быть:

„Святія мученицы“ (понедѣл.).

„Нерадивше о всѣхъ“ (вторн.).

„Всехвальніи мученицы“ (сред.).

На „стиховнѣ“: „Слава Тебѣ, Христе Боже“ (воскр.).

Въ восьмомъ гласѣ вторая и третья стихирь указаны правильно, но на мѣсто первой: „Мученицы Господни, всяко мѣсто“, которая, какъ *первый мучениченъ*, должна быть на стиховнѣ, слѣдуетъ переставить оттуда *мучениченъ* понедѣльника: „Мученицы Господни, молитесь“.

На „стиховнѣ“, какъ было указано, за *мученичномъ* слѣдуютъ *два покойна* Іоанна Дамаскина съ припѣвомъ: „Блажени, яже избралъ и пріялъ еси, Господи“, „Души ихъ во благихъ водворятся“. Въ первомъ, второмъ, третьемъ, седьмомъ и восьмомъ гласахъ мы находимъ по двѣ *покойныхъ* стихирь; но въ первомъ гласѣ вторая изъ нихъ — „Никтоже безгрѣшенъ“ не принадлежитъ Іоанну Дамаскину. Это одна изъ стихиръ Теофана, занимавшая, какъ видно изъ акростиха¹⁾, въ ряду ихъ второе мѣсто. Какъ таковая, она должна находиться въ числѣ стихиръ „стиховныхъ“ на утренѣ, гдѣ она, дѣйствительно, и помѣщена въ Октоихѣ и греческомъ Параклитикѣ; на вечернѣ же ея мѣсто долженъ занять по-

¹⁾ См. ниже.

покойнъ Дамаскина: „Дѣломъ, Спасе мой, показуеши“, положенный также на утренѣ на „хвалите“¹⁾. Въ четвертомъ, пятомъ и шестомъ гласахъ вслѣдствіе того, что помѣщено по два *мученична*, мы находимъ по одному *покойну*; согласно указанію Типикона, взамѣнъ *второго мученична*, должны быть поставлены *покойны* Дамаскина, положенные также на утренѣ на „хвалите“: въ 4-мъ гласѣ—„Гдѣ есть мірское при- страстіе²⁾); въ 5-мъ—„Ты создавый мя“ и въ 6-мъ—„Болѣзнь Адаму бысть“³⁾.

На утренѣ на „хвалите“, какъ мы знаемъ, при пѣніи „аллилуія“ повторяются *четыре* утреннихъ *мученична*, употреблявшіеся въ продолженіе седмицы, а на „Славу“ положенъ *покойнъ*. Порядокъ, въ какомъ должны слѣдовать одинъ за другимъ *мученичны*, виденъ изъ слѣдующихъ указаній Типикона относительно субботней утрени, если поется „Богъ Господь“: „на *хвалитехъ* стихиры не поемъ Октоиха, но поемъ ихъ на стиховнѣ; на стиховнѣ стихиры поемъ Октоиха хвалитныя, *мученичны три*, 1-й, 2-й, 3-й, съ припѣвы обычными, единъ же оставляемъ, 4-й *покойнъ* отъ Дамаскиновыхъ; „Слава“—святаго *самогласенъ*, аще имать“⁴⁾. Такимъ образомъ, *мученичны* на субботней утренѣ поются въ той же послѣдовательности, какъ они пѣлись въ продолженіе седмицы; при „Богъ Господь“ *мучениченъ* четверга оставляется, а *покойнъ* поется⁵⁾ не на „Славу“, а непосредственно за *мученич-*

¹⁾ На „хвалите“ всѣ *покойны* принадлежатъ св. Іоанну Дамаскину;—см. 12-ую главу Типикона. Относительно принадлежности ему *покойна* „Дѣломъ, Спасе мой, показуеши“ см. еще въ Требникѣ „послѣд. жертв. пахъ сконч. священникомъ“.

²⁾ См. предыдущее примѣчаніе; въ Требникѣ тамъ же.

³⁾ Въ греческомъ Параклитикѣ, гдѣ въ 5-мъ и 6-мъ гласахъ вечерня на субботу изложена примѣнительно къ пѣнію „аллилуія“, эти *покойны* напечатаны полностію на „стиховнѣ“.

⁴⁾ Глава 12-ая.

⁵⁾ Въ упомянутомъ въ 8-мъ примѣчаніи „указъ о службѣ субботней“ говорится, что поются только 3 *мученична*, „а 4-й *покойнъ* оставляемъ“. „Указъ“ противорѣчитъ Типикону, гдѣ рѣчь идетъ объ оставленіи

нами¹⁾. Въ первомъ, четвертомъ, пятомъ и шестомъ гласахъ *мученичны* расположены въ Октоихъ совершенно правильно. Во второмъ гласѣ они размѣщены не въ должной послѣдовательности: *мучениченъ* среды поставленъ прежде *мученична* вторника; *мучениченъ* четверга опущенъ. Должно быть:

„По Христѣ пострадавшие“ (понедѣл.).

„Крестъ Христовъ взявшие“ (вторн.).

„Всякъ градъ и страна“ (сред.).

„Святыхъ Твоихъ множество“ (четв.).

Въ третьемъ гласѣ *мученичны* „Силы святыхъ ангель удивившася“—четверга²⁾ и „Яко свѣтила въ мѣрѣ“—среды должны быть переставлены одинъ на мѣсто другого. Въ седьмомъ гласѣ недостаетъ *мученична* среды: „Свѣтила явившася вселеннѣй“, а въ восьмомъ *мученична* понедѣльника: „Что васъ наречемъ“. Въ обоихъ случаяхъ, какъ и во второмъ гласѣ, мѣсто четвертаго *мученична*, опускаемаго безъ всякаго опредѣленнаго приема (то 4-й, то 3-й, то 1-й), занимаетъ *покойнъ*; но изъ 13-ой главы Типикона ясно, что *покойнъ*, послѣ четырехъ *мученичновъ*, поется на „Славу“³⁾.

мученична, а не *покойна*. При „аллилуя“ поется четыре *мученична*, при „Богъ Господь“ три, а одинъ оставляется; въ этомъ случаѣ четвертое мѣсто („4-й“ въ смыслѣ творит. надежа: „четвертымъ“) занимаетъ *покойнъ*. Выраженіе „4-й *покойнъ* оставляемъ“ несостоятельно и само по себѣ. *Покойнъ* никонмъ сбразомъ не можетъ быть 4-мъ, такъ какъ, слѣдуя за *четырьмя мученичнами*, является не *четвертымъ*, а *пятымъ* пѣснопѣніемъ. Составитель „указа“ былъ введенъ въ заблужденіе, вѣроятно, службами 2-го, 7-го и 8-го гласовъ, гдѣ опущено по одному *мученичну*, мѣсто которыхъ занимаютъ *покойны*.

¹⁾ Какой припѣвъ долженъ быть здѣсь, не указано. Въ греческомъ Параклитикѣ при „Богъ Господь“ послѣ *трехъ мученичновъ* на стиховнѣ на вечернѣ полагается *мертвенъ* съ припѣвомъ: „Блаженіи, яже избралъ и пріялъ еси, Господи“. Этотъ же припѣвъ долженъ быть и въ данномъ случаѣ.

²⁾ См. примѣчаніе 6-ое.

³⁾ За исключеніемъ 4-го гласа, гдѣ *покойнъ* „Гдѣ есть мѣрское припастиѣ“ напечатанъ на „Славу“, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ *покойны* печатаются почему-то непосредственно за *мученичнами*, а на „Славу, и выпѣ“ богородичны.

Въ четвертомъ гласѣ послѣ *четырехъ мучениковъ*, предъ поставленнымъ на „Славу“ *покойнымъ* „Гдѣ есть мірское пристрастіе“, помѣщенъ еще *покойнъ*: „Въ покойщи Твоемъ“. Излишне говорить, что онъ долженъ быть опущенъ.

Стихирь Теофана, положенныхъ въ субботнія утрени, когда поется „аллилуія“, на „стиховнѣ“, вмѣстѣ съ богородичными 36; всѣ 36 пѣснопѣній написаны по акростику ¹⁾, сообразно съ которымъ и размѣщены въ греческомъ Параклитикѣ. Въ нашемъ Октоихѣ въ четвертомъ гласѣ недостаетъ четвертой стихиры, въ общемъ счетѣ 18-ой; во второмъ гласѣ *богородиченъ* иной; въ первомъ гласѣ стихиры должны, послѣ первой, слѣдовать такъ: „Никтоже безгрѣшенъ“, „Наче видимыхъ“, „О крестѣ Твоемъ“; наконецъ, въ восьмомъ гласѣ предъ четвертой стихирой опущенъ припѣвъ: „И память ихъ въ родъ и родъ“.

Послѣ всего сказаннаго нельзя не задаться вопросомъ: чѣмъ объясняется такое разногласіе Октоиха въ изложеніи субботнихъ службъ съ Типикономъ?—Отвѣта нужно искать въ исторіи перевода и дальнѣйшаго существованія въ нашей Церкви книги, называемой Октоихомъ.

Оканчивая настоящую замѣтку, считаемъ не бесполезнымъ сказать о текстѣ *мучениковъ* и *покойныхъ*. Нуждался въ провѣркѣ по подлиннику и въ снабженіи правильно разставленными знаками препинанія, подобно тексту другихъ богослужебныхъ книгъ, *мученичны* и *покойны*, кромѣ того, требуютъ приведенія къ однообразію. Сравнивая одно и то же пѣснопѣніе въ службахъ двухъ или трехъ дней седмицы, мы наблюдаемъ: перестановку словъ; различное образованіе формъ: *Христови—Христу, мучителей—мучители*; замѣну одной формы другою: *забысте—забыше, приясте—прияли есте*; замѣну однихъ словъ другими, однозначными: *небес-*

¹⁾ Въ нашемъ Октоихѣ акростики не переведены; во въ уніатскихъ изданіяхъ, напримѣръ, Почаевской печати 1774 года, онъ есть. „Красграсіе: Твоихъ, Христе, рабовъ пашши въ князѣ животныхъ“.

ныя — небеса, веселитесь — радуйтесь; замѣну однихъ словъ другими, вовсе не тождественными: *непрестанно молитесь — Христу молитесь*; вставки и опущенія такихъ словъ, какъ союзъ „и“, мѣстоименіе „иже“. Вотъ для примѣра *мученичъ* 1-го гласа въ понедѣльникъ на утренѣ (въ скобкахъ варианты его на утренѣ въ субботу): „Страстотерпцы Христови прїидите, людіе вси, почтимъ пѣньми и пѣсньми духовными, свѣтильники (просвѣщники) міра и проповѣдники вѣры, источникъ приснотекущій, изъ него же источаютъ (источники приснотекущія, отъ нихже истекаютъ) вѣрнымъ исцѣленія: тѣхъ молитвами, Христе Боже нашъ, миръ даруй міру Твоему (міру Твоему даруй) и душамъ нашимъ велию милость“. Въ пятницу на утренѣ мы имѣемъ третью редакцію этого мученична.

К. Рахманозъ.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 22-го февраля 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. П. Т. Корчакъ-Новицкаго.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
публей.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ціи журкала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905 года, марта 13-го.

Содержаніе: Что намъ теперь дѣлать?—О выборѣ членовъ причта прихо-
жанами въ связи съ вопросомъ о возрожденіи прихода (продолже-
ніе).—Мать семейства.

Что намъ теперь дѣлать?

Служеніе пастырское, всегда высокое и отвѣтственное, требуетъ отъ посвятившихъ себя ему широкаго, серьезнаго образованія, непоколебимой преданности заповѣдямъ Христа, любви къ ближнему, яснаго пониманія совершающихся во-
кругъ него событій и насущныхъ интересовъ пасомыхъ. Бе-
рущій на себя это иго Христово ни на одну минуту не дол-
женъ, не можетъ забывать, что онъ является пастыремъ душъ
человѣческихъ, что отъ него зависитъ не только благо земное,
но и вѣчное спасеніе ввѣряемыхъ ему, по благодати Божіей,
чадь. Всмотритесь въ жизнь и спросите себя, къ кому на-
правляются тысячи, миллионы людей за утѣшеніемъ въ скор-
бяхъ, за освященіемъ радостей земныхъ?—И старый и малый,
и нищій и богатый, и больной и цвѣтущій здоровьемъ, и знат-

ный и простецъ—всѣ, отъ колыбели и до гробовой доски, идутъ къ пастырю Церкви и несутъ ему свои явныя дѣла, тайныя помыслы, свои сомнѣнія, свои воздыханія,—несутъ *вся сокровенная* отъ другихъ и просятъ исцѣленія душъ своихъ отъ язвъ грѣховныхъ, наученія истиннаго въ путяхъ жизни, оправданія въ помыслахъ и дѣлахъ.

Есть ли въ мірѣ другое какое-либо служеніе, подобное служенію пастыря Церкви?—*Вы есте свѣтъ міра..., вы есте соль земли* (Матѳ. 5, 14. 13), говоритъ Спаситель всѣмъ, принявшимъ на себя пастырское служеніе. И можетъ быть таковымъ только тотъ, кто къ пастырскому служенію готовится съ усердіемъ, въ ясномъ пониманіи высоты этого служенія и тяжелой отвѣтственности предъ Богомъ и людьми за жизнь вѣрныхъ ему чадъ Божіихъ. *Иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человекъ, мнѣ наречется въ царствѣи небесныхъ* (Мѳ. 5, 19). Это сознаніе отвѣтственности искренно преданнаго своему высокому дѣлу пастыря, предостерегая отъ увлеченія временными и скоропреходящими благами земными, предостерегая отъ небреженія дѣломъ своей жизни, всегда способно воодушевить на подвигъ высокій, всегда даетъ необходимыя силы для нелицемѣрнаго служенія Христову стаду.

Но трудное и высокое всегда, налагающее на воспринимающихъ его весьма отвѣтственныя обязанности, пастырское служеніе въ ниня времена человѣческой жизни является особенно труднымъ и особенно важнымъ и отвѣтственнымъ. Вѣдь жизнь человѣческая—что море великое и глубокое. И въ ней по временамъ вздымаются громадныя волны, приобретающія верѣдко силу неимовѣрнаго разрушенія. Подъ ихъ разъяренными ударами падаютъ цѣлыя государства, ниспровергается все то, надъ чѣмъ человечество или отдѣльный народъ цѣлыя иногда вѣка трудились, что создавали въ потѣ своего лица и за что приносили безмѣрныя жертвы. Это—волны страстей людскихъ, это—волны необузданныхъ мыслей, это—волны лжепривлекательныхъ иллюзій. Въ своемъ

вѣчномъ исканіи правды и истины люди нерѣдко увлекаются кажущимися правдою и истиною до самозабвенія, въ своей погонѣ за счастіемъ часто принимаютъ за послѣднее простой, но красивый миражъ. Въ эти минуты все забывается: забывается то, во что еще недавно вѣрили, что любили, чѣмъ наслаждались, какъ благомъ. Но чаще всего въ такія времена опьянѣнія несбыточными мечтами забываются тѣ незыблемыя, вѣчныя истины и правда, то несомнѣнное счастье, которыя указаны человѣку въ богооткровенномъ ученіи, которыя одиѣ необходимы для человѣка, но къ которымъ подойти можно только постепеннымъ, никогда неослабѣвающимъ нравственнымъ самосовершенствованіемъ. Просвѣщенное западно-европейское человѣчество уже пережило не одно такое увлеченіе. Поля Франціи, Германіи и другихъ западно-европейскихъ государствъ обильно политы человѣческой кровію, еще обильнѣе смочены человѣческими слезами, а воздухъ неоднократно оглашался потрясающими криками торжествующей дикой, разъяренной толпы и проклятіями и столами побѣжденныхъ и избиваемыхъ. И всѣ эти ужасы переживались только для того, чтобы еще лишній разъ убѣдиться въ несбыточности мечтаній, въ торжествѣ человѣческаго эгоизма, произвола...

Вотъ въ такія-то времена особенно необходимы для массъ народныхъ просвѣщеніе, глубокопреданные истинѣ Христовой, преисполненные истинной любви къ ближнему пастыри Церкви. Среди разъяренной толпы голосъ пастыря, преисполненный глубокаго убѣжденія, твердой вѣры, — пастыря, близкаго по своей жизни къ этой толпѣ, нерѣдко имѣлъ рѣшающее значеніе, нерѣдко останавливалъ готовящееся кровопролитіе и водворялъ миръ тамъ, гдѣ его никто уже не ожидалъ. Но еще больше силы и значенія такой голосъ имѣеть въ тотъ подготовительный періодъ, въ который, обыкновенно, собирается весь необходимый матеріалъ для надвигающагося пожара, когда только-что начинается броженіе мысли, возбужденіе страстей; когда ослѣпленные мечтатели или сознательные обманщики приучаютъ толпу вѣрить тому, что они

говорять, вѣрить въ то, что они несутъ своими ученіями и дѣяніями несомнѣнное счастье людямъ, водворяютъ несомнѣнную правду въ человѣческія отношенія. Въ это-то время для истиннаго пастыря Церкви, а не наемника, скрывающагося при видѣ нападающаго волка, и должно быть особенно много заботъ, труда. Къ нему,—именно къ нему первому, а не къ кому другому,—придутъ соблазненные за разъясненіями и совѣтами; отъ него перваго надѣются—и должны—услышать всѣ входящіе и не хотящіе прійти самыя энергичныя и въ то же время преисполненныя любви предостереженія. И великъ въ своемъ дѣлѣ будетъ тотъ пастырь, который во-время предупредить, и котораго чада въ наступившую непогоду и безвременье окажутся надлежаще подготовленными для оцѣнки совершающихся событій! Напротивъ, горе тому изъ нихъ, который, оберегая свой покой, уподобится наемнику: возбужденная пришельцами-учителями „отъ иного двора“, паства его въ своемъ ослѣпленіи и темнотѣ почтетъ его первымъ виновникомъ всѣхъ своихъ мнимыхъ и дѣйствительныхъ бѣдъ, и страстный гнѣвъ ея скорѣе всего падетъ на голову такого нерадиваго пастыря-наемника.

Мы переживаемъ тяжелыя времена. Изъ далекой окраины русской несутся къ намъ громы пушекъ и стоны раненыхъ и умирающихъ нашихъ братій, жизнь свою полагающихъ за честь и интересы великаго нашего отечества. Вынужденная къ войнѣ тяжелой, необыкновенно кровопролитной, наша святая Русь шлетъ на Дальній Востокъ волну за волной свои храбрыя, доблестныя войска. Когда положенъ будетъ предѣлъ этой войнѣ, одному Богу извѣстно. Но не страшны намъ войны съ врагами виѣшними,—не одинъ уже такой врагъ испытывалъ на себѣ мощь русскаго народа. Болѣе опасны для насъ враги внутренніе, принявшіе на себя, къ тому же, личину друзей, благодѣтелей народа и вообще меньшаго русскаго брата. У всѣхъ еще слишкомъ свѣжи въ памяти недавнія печальныя извѣстія изъ столицы и разныхъ городовъ о нарушеніяхъ порядка и мирной жизни, о кровавыхъ столк-

новеніяхъ, о злодѣйствахъ начавшей было буйствовать толпы. Откуда все это? что означаетъ? чего слѣдуетъ въ недалекомъ будущемъ ожидать?—одинъ за другимъ возникаютъ вопросы и глубокою скорбію наполняютъ наши сердца.—Очевидно, и къ намъ стучатся непрощенные мнимые цѣлители народныхъ бѣдъ, безумные благоустроители народныхъ судебъ, фанатики ножа и крови, какъ единственныхъ цѣлесообразныхъ, по ихъ мнѣнію, средствъ для благоустроенія жизни людской. Уже жертвы на алтарь ихъ кровавый принесены; уже пролилась кровь русская за давно міру извѣстные свободу, братство и равенство. Уже возрадовались всѣ враги Россіи—и внутренніе и внѣшніе—грозно надвигающемуся горю русскому. Ликуютъ живущіе изъ нихъ среди насъ, видя въ современныхъ событіяхъ начало „новой эры“, но не видя,—или, лучше, не желая изъ-за своихъ узкихъ эгоистическихъ интересовъ видѣть,—что эта „новая эра“ жизни какъ будто не-во-время думаетъ наступить. Радуются наши любители новшества наступленію „весны“ въ русской жизни,—радуются и нисколько не думаютъ, что весна всегда несетъ съ собою прежде всего много-много грязи, а для неразумныхъ, непредусмотрительныхъ и неприготовленныхъ жителей и ихъ полей много-много разрушенія и даже полнѣйшаго разоренія, нисколько не возстаиваемаго ни вновь народившеюся зеленью, ни слѣдующимъ за весною лѣтомъ. Ликуютъ наши заграничные враги, не безъ основанія надѣясь, что русская „весна“ для нихъ будетъ особенно полезна, потому что Россія, какъ они надѣются, разорится, политически обезсилѣетъ и будетъ охвачена вся смутами и междоусобіями. Но напрасны, быть можетъ, и преждевременны ликованія и надежды враговъ Россіи. Недавно совершившееся въ столицѣ и другихъ городахъ вѣдь создано на почвѣ обмана, подмѣна явныхъ цѣлей тайными. И милость Божія, надѣмся, не оставитъ насъ нынѣ, какъ она не оставляла и раньше, во времена другихъ жестокихъ испытаній. И все, что теперь наполняетъ наши сердца великою горестью, —все это исчезнетъ само собою при мудромъ и люб-

необильномъ направленіи нашей общественно-политической жизни съ высоты царскаго трона.

Но, къ сожалѣнію, горе Русской земли заключается не въ одной только происшедшей вспышкѣ народныхъ страстей. Горе великое заключается въ томъ, что врагами нашего мирнаго, основаннаго на нашихъ историческихъ началахъ, развитія давно уже сѣется смута въ умахъ молодежи, возбуждаются подъ тѣми или другими прикрытіями распри между различными пародностями, входящими въ составъ Русской державы, сѣется челоувѣконенавистничество, и воспитывается въ обществѣ служеніе однимъ только эгоистическимъ наклонностямъ и матеріальнымъ потребностямъ жизни. Вслушайтесь повнимательнѣе въ то, чему учить современная намъ наша русская литература. Здѣсь мы встрѣтимъ и проповѣдь рѣшительнаго атеизма и нравственной разнузданности, и насмѣшку надъ всѣмъ святымъ, и отреченіе отъ науки и искусства,—встрѣтимъ, наконецъ, беззащѣчивое описаніе и идеализированіе порока. Плоды такого направленія литературы уже есть, и—что особенно печально—они чаще всего сказываются на жизни нашей молодежи, замѣтно теряющей постепенно всю прелесть душевной свѣжести, все возвышенное, чистое, благородное и постепенно нисходящей на ступень самаго удобнаго, по своему легковѣрїю и безпривципной податливости, матеріала для всякаго рода ловкихъ дѣльцовъ, научившихся уже давно изъ-за спины другихъ производить разнаго рода политическіе опыты.

Не дрогнула рука, не заговорила совѣсть въ нашихъ проповѣдникахъ „новой эры“, въ нашихъ созидателяхъ „русской весны“, когда они свои мутныя, тлетворныя ученія вздумали направить въ массу народную. Всѣмъ въ настоящее время извѣстно, что непрошенные радѣтели народнаго блага, даже нерѣдко совершенно чуждые народу по происхожденію, за послѣднія десятилѣтія дѣлаютъ все, чтобы, какъ они выражаются, „пріобщить и простой народъ“,—конечно, въ качествѣ такого же удобнаго матеріала, какъ и молодежь образованныхъ классовъ,—къ дѣлу обновленія и устроенія русской

политической и общественной жизни на началахъ западно-европейскихъ, якобы наиболѣе и единственно справедливыхъ. Развѣ наши села, деревни, фабрики, заводы не переполнены грубыми, циническими, чаще всего безграмотными „воззваніями“? Развѣ не было и нѣтъ усилій и народную школу—*народную начальную школу* сдѣлать среди простыхъ людей такимъ же очагомъ разнообразной противоправительственной и противообщественной пропаганды, какими сдѣлались наши высшія и отчасти среднія учебныя заведенія? Развѣ не извѣстно, что устроители нашего возрожденія усердно—и, къ сожалѣнію, далеко не безуспѣшно—пользовались и пользуются всякими религіозными движеніями въ народѣ, недомысливъ его, чтобы только, съ одной стороны, поколебать важнѣйшіе устои нашей исторической жизни, и съ другой—вмѣсто нихъ подставить новые, нерѣдко измышляемые людьми въ періодъ ихъ сладостнаго покоя на лаврахъ общепризнаннаго великаго человѣка и такого же моралиста?

Вотъ гдѣ главнѣйшее горе нашей жизни. Все остальное—отпрыскъ этого зла, созданіе его. Но гдѣ силы, способныя противодѣйствовать развивающемуся среди насъ злу?—Мы не обинуясь должны сказать, что эти силы—въ нашемъ православнои пастырствѣ. Мало этого,—борьба съ распространяющимся зломъ—главнѣйшая обязанность современнаго русскаго пастырства. Вѣдь сущность зла, какія бы формы оно въ своемъ развитіи ни принимало, заключается въ отверженіи ученія Христова, въ открытой и тайной борьбѣ съ Православною Церковію и ея ученіемъ. Вѣдь проповѣдь современныхъ, имѣющихъ будто бы осчастливить народъ русскій, ученій направлена на возбужденіе страстей народныхъ, на колебаніе нравственныхъ устоевъ истинно-христіанской жизни. Сколько бы наши радѣтели „весны“ ни твердили намъ о томъ, что вся ихъ работа и всѣ ихъ пожеланія направлены въ сторону дѣйствительныхъ усовершенствованій нашей жизни, что они стремятся удовлетворить неотвратимому закону жизни—закону совершенствованія, провозглашенному для людей всѣхъ

время и национальностей Спасителемъ міра,—сколько бы они насъ ни убѣждали въ этомъ разнаго рода хитросплетенными доводами, мы не можемъ забыть дѣйствительнаго ученія Христова, требующаго отъ человѣка и человѣчества совершенствованія внутренняго, свободнаго, на началахъ любви къ Богу и ближнимъ, указывающаго при этомъ, что царствіе Божіе—внутри самого человѣка, что поднявшіе мечъ отъ меча и погибнуть. Сколько бы насъ ни убѣждали наши непризванные „усовершенители“ въ томъ, что въ совершающемся у насъ теперь на Руси, въ той явной, а больше тайной работѣ для обновленія Россіи, которая готовитъ намъ „весну“, скаывается общій, неизбѣжный законъ историческаго развитія народовъ,—сколько бы ни убѣждали насъ въ этомъ, предъ нами неотступно и необыкновенно ярко вырисовываются кровавые призраки тѣхъ знаменъ, на которыхъ было дерзновенной рукой и гордымъ умомъ начертано: „свобода, братство и равенство“, но которыя привели только къ тому, что какъ создательница этихъ знаменъ, Франція, такъ и вся Европа покрылась милліонами труновъ человѣческихъ, знамена эти взаимно неисчислимыхъ жертвъ человѣческихъ рѣшительно ничего не дали дѣйствительно улучшающаго жизнь человѣческую, приближающаго человѣка къ истинному счастью Мы не можемъ обольщаться красивыми рѣчами объ успѣхахъ жизни на западѣ, о томъ правовомъ порядкѣ, которымъ наслаждаются народы вообще и каждый человѣкъ въ отдѣльности,—не можемъ, прежде всего, потому, что, если и существуютъ лучшія формы жизни на западѣ, то источникъ ихъ—вовсе не въ устроившихся различными народами время отъ времени самоизбѣненіяхъ, а въ томъ внутреннемъ спокойномъ развитіи жизни и дѣятельности человѣческаго духа, которое медленно и безъ грома, но вѣрно въ концѣ концовъ ведетъ человѣка къ высшему и лучшему; а затѣмъ и потому, что не видимъ особенно прочныхъ основъ восхваляемыхъ нашими раболѣпствующими поклонниками запада матеріальныхъ успѣховъ и правовыхъ началъ въ жизни западно-европейскихъ народовъ, такъ какъ, отвергшіе въ большинствѣ случаевъ

ученіе Христово, какъ основу своей жизни, они поставили себя въ такое же положеніе, въ какомъ находился древній языческій міръ. Если же провозвѣстники нашей „весны“ и вся ихъ работа надъ населеніемъ неизбѣжно ведутъ къ потрясенію основъ нашей духовной и политической жизни, ведутъ къ тому, о чемъ возвѣстили уже первые ласточки нашей „весны“ въ столицѣ и другихъ городахъ, то не священная ли обязанность всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ ближе всего къ народу, предохранять народъ всѣми мѣрами, въ особенности же наставленіемъ, вразумленіемъ, отъ тлеворныхъ ученій?

Но кто же ближе всѣхъ стоитъ къ нашему народу, какъ не наши православные пастыри? Вѣдь они всю свою историческую жизнь провели въ самой тѣсной, неразрывной связи съ народомъ: съ нимъ горе горевали и радости жизни дѣлили; съ нимъ, нашимъ народомъ, они и монгольское иго пережили; съ нимъ они созидали Русскую землю и Москву укрѣпляли, съ нимъ великую смуту на Руси пережили; съ нимъ же въ теченіе вѣковъ отбивались отъ польщизны и латинства; вмѣстѣ они съ народомъ остались и тогда, когда сильною рукою Петра оторвалась отъ общаго корня русскаго небольшая кучка людей, скоро и исключительно обратившая свои взоры на западъ, забывшая про свой корень и даже гордо мечтавшая, не спрашивая народа, не разъ различными путями облагодѣтельствовать его. Да, все у православнаго пастыря и православнаго русскаго народа до самыхъ послѣднихъ временъ было и есть общее. Вотъ почему они такъ хорошо и такъ легко понимали и понимаютъ еще, слава Богу, другъ друга. Вотъ почему во всѣ времена голосу пастыря насомые всегда внимали не только съ довѣріемъ, но и съ умиленіемъ, и не разъ Русская земля выходила изъ самыхъ тяжкихъ бѣдъ, только благодаря живому, всецѣло основанному на Христовомъ ученіи, участію православнаго пастырства въ жизни народной и энергичному руководствованію этою жизнію.

Современныя намъ событія тяжелы во всѣхъ отношеніяхъ. Грядущее пока мало обѣщаетъ лучшаго. Намъ приходится

переживать смуты во всѣхъ областяхъ нашей жизни, особенно же смуты въ умахъ. Пусть же наше православное пастырство, уяснивши возможно всесторонне сущность, смыслъ совершающагося, направитъ свои могучія средства на предохраненіе народа отъ все болѣе и болѣе развивающейся заразы лжеученіями, которая разнообразными путями проникаетъ въ жизнь народную.

М. Гильшевъ.

О выборѣ членовъ причта прихожанами, въ связи съ вопросомъ о возрожденіи прихода.

(Продолженіе ¹⁾).

III.

Изъ хода учрежденія и развитія сословныхъ духовно-учебныхъ заведеній нельзя не видѣть, что въ основѣ ихъ лежитъ идея подготовленія кандидатовъ на священство сначала путемъ общаго, а потомъ и спеціальнаго духовнаго образованія. Но эта идея въ существѣ дѣла и до сихъ поръ не потеряла своего значенія. И въ настоящее время въ Россіи насчитывается еще свыше 60% неграмотныхъ людей, тогда какъ въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, напр.—въ Швеціи и Норвегіи, этотъ процентъ доходитъ только до 2-хъ. Слѣдовательно, и въ настоящее время рискованно было бы предоставить громадному большинству неграмотныхъ прихожанъ выборъ приходскихъ своихъ священниковъ, такъ какъ избиратели стали бы выбирать себѣ въ священники такихъ же невѣждъ, какихъ они выбирали и въ старину. А извѣстно, что если слѣпецъ слѣпца поведетъ, то оба упадутъ въ яму. Положимъ, такой выборъ священника прихожанами обусловленъ будетъ требованіями извѣстнаго образовательнаго ценза отъ избираемаго.

¹⁾ См. № 10-й за 1905 г.

Но этотъ цензъ долженъ быть не только общеобразовательнымъ, а и спеціально богословскимъ, потому что въ настоящее время, время броженія различныхъ противорелигіозныхъ и противогосударственныхъ вѣяній и теченій, священникъ приходскій долженъ быть самымъ надежнымъ оплотомъ противъ нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ дать надлежащій отвѣтъ „всякому вопрошающему о своемъ спасеніи“; а этого онъ не въ состояніи будетъ сдѣлать безъ спеціальной богословской подготовки.

Говорятъ, что духовное образованіе въ теперешнемъ его видѣ не въ состояніи удовлетворить современнымъ запросамъ русской религіозной жизни, и что будто бы оно, вслѣдствіе своей отчужденности отъ жизни, является главною, хотя и отдаленною, причиною появленія въ Россіи новыхъ сектантскихъ движеній, въ родѣ штунды.

На это замѣтимъ, что 1) весьма часто вооружаются противъ духовенства такіе люди, которые вообще не признають духовнаго, религіознаго элемента въ человѣческой жизни, и, слѣдовательно, голосъ ихъ не можетъ имѣть для насъ никакого значенія; 2) напрасно ставятъ у насъ въ связь съ неудовлетворительностію духовнаго образованія и духовнаго сословія появленіе новѣйшихъ сектъ, въ родѣ штундизма. Секты эти являются послѣдствіемъ другихъ, болѣе общихъ причинъ, которыя, независимо отъ вліяній примѣра инославныхъ христіанъ, коренятся въ постепенно развивающемся индивидуализированіи религіозныхъ возрѣвій нашихъ интеллигентныхъ и полунинтеллигентныхъ классовъ общества. Едва ли не больше всего развита индивидуализація религіозныхъ возрѣвій въ самыхъ просвѣщенныхъ западно-европейскихъ государствахъ—Германіи и Англіи съ Америкой; но наше русское религіозное разномысліе выражается болѣе грубо въ разныхъ сектахъ и расколахъ, болѣе или менѣе чувственно понимающихъ дѣла вѣры и Церкви.

Впрочемъ, мы и не думаемъ совершенно обѣлить духовное сословіе, какъ сословіе. При всѣхъ своихъ достоин-

ствахъ, оно тоже имѣетъ свои сословные недостатки, наравнѣ съ недостатками другихъ сословій Русскаго государства. Духовное сословіе въ этомъ отношеніи имѣетъ особенно близкую параллель съ военнымъ вѣдомствомъ, или сословіемъ, которое имѣетъ тоже свои спеціальныя капиталы, свои спеціальныя учебныя заведенія и является для многихъ какъ бы наслѣдственнымъ сословнымъ званіемъ (вѣдь въ кадетскіе корпуса и въ разныя спеціальныя военныя училища трудно попасть дѣтямъ невоенныхъ и недворянскихъ лицъ). Духовенство отличается у насъ наибольшою патриархальностью и чистотою нравовъ, и дѣти духовенства, какъ „измлада Священное Писаніе умѣющія“, являются естественными наслѣдниками отцовскаго званія и наиболѣе подготовленными кандидатами на священныя должности. Но такъ какъ, по пословицѣ, „въ семьѣ не безъ урода“, то понятно, что и дѣти духовенства далеко не всѣ и не въ одинаковой мѣрѣ могутъ быть способны къ прохожденію священнослужительскихъ должностей. Съ этою цѣлію еще со временъ Петра I и по царствованію Николая I дѣлались періодическіе разборы духовенства, съ отдачею излишнихъ и наименѣе полезныхъ членовъ его въ военную службу. Съ освобожденіемъ же крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и наше духовное сословіе мало-по-малу теряетъ свою сословную замкнутость, а вмѣстѣ съ нею и свои сословные недостатки. Съ одной стороны, дѣти духовенства имѣютъ теперь больше, чѣмъ прежде, путей къ свободному, почетному выходу въ другія сословія; а съ другой—духовное сословіе растворяется и освѣжается притокомъ новыхъ силъ изъ другихъ сословій.

Опыты бѣгства духовныхъ воспитанниковъ изъ духовнаго въ другія привилегированныя сословія весьма часто встрѣчаются еще въ XVIII вѣкѣ, особенно на югѣ Россіи. Дѣти южно-русскихъ священниковъ путемъ образованія часто достигали старшинскихъ должностей въ малороссійскомъ войскѣ, а также поступали, по вызову, въ медико-хирургическую науку, въ канцелярскіе чиновники, въ офицеры и впослѣд-

ствѣи достигали извѣстныхъ степеней въ чиновной іерархіи. Но съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ царствованіе Царя-Освободителя, открытъ былъ, въ принципѣ, широкій выходъ дѣтямъ духовенства изъ духовнаго сословія, въ которомъ числятся теперь собственно только священно-и церковнослужители, тогда какъ ихъ дѣтямъ предоставлены званія и права другихъ привилегированныхъ слоевъ общества—дворянъ, почетныхъ и личныхъ гражданъ. Въ сущности, это былъ тотъ же разборъ духовенства, но только въ болѣе деликатной формѣ—и не единовременный или періодическій, а постоянный, сдѣлавшійся общимъ правиломъ. Этимъ положеніемъ духовное сословіе упразднилось, какъ сословіе, и становилось только званіемъ для лицъ, занимающихъ священно-и церковнослужительскія должности. Но въ дѣйствительности массоваго, реальнаго выхода дѣтей духовенства изъ духовнаго званія въ другія сословія не послѣдовало, потому что ихъ удерживали въ своемъ вѣдомствѣ традиціи, духовно-сословныя учебныя заведенія и спеціальныя средства духовнаго вѣдомства, напр.—церковно-свѣчная монополія, епархіальныя попечительства, а впоследствии эмеритальныя кассы, общества взаимнаго страхованія отъ пожаровъ и т. п. Духовно-учебныя заведенія, и доселѣ имѣющія своимъ главнымъ назначеніемъ воспитаніе дѣтей духовенства, все-таки доставляли и доставляютъ бѣднѣйшимъ дѣтямъ духовенства дешевый и почти единственный способъ для ихъ образованія и достиженія извѣстной скромной карьеры. Изъ духовно-учебныхъ заведеній они нерѣдко переходятъ въ свѣтскія учебныя заведенія, напр., въ университеты, хотя большею частію и съ немалымъ трудомъ. Болѣе состоятельные священники въ настоящее время обыкновенно отдають своихъ дѣтей прямо въ свѣтскія учебныя заведенія и только развѣ менѣе способныхъ изъ нихъ продолжаютъ отдавать въ духовно-учебныя заведенія, чтобы приготовить изъ нихъ кандидатонъ на священство. Во всякомъ случаѣ, интересъ къ духовно-учебнымъ заведеніямъ все болѣе и болѣе падаетъ въ самомъ духовенствѣ. Свя-

щенникъ, отдающій наиболѣе способныхъ своихъ дѣтей въ свѣтскія учебныя заведенія, уже не будетъ со всею готовностью и искренностью заботиться на епархіальныхъ съѣздахъ о мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и въ крайнемъ случаѣ будетъ смотрѣть на нихъ, какъ на низшія учебныя заведенія для дѣтей бѣдныхъ, низшихъ членовъ причта и для менѣе способныхъ дѣтей состоятельнаго духовенства.

Взамѣнъ выбывающихъ изъ духовнаго сословія дѣтей духовенства при императорѣ же Александрѣ II повелѣно было принимать въ духовно-учебныя заведенія и возводить въ духовный санъ и иносословныхъ лицъ, хотя и въ опредѣленномъ процентномъ отношеніи къ дѣтямъ духовенства. По официальнымъ даннымъ за 1902—3 учебный годъ, во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ общее число учащихъ простиралось до 45,934 человекъ, изъ которыхъ 8,002 воспитанника были изъ иносословныхъ и иностранцевъ; что составляетъ свыше 20% общаго числа учащихъ¹⁾. Кроме того, по отчету Кіевской дух. академіи за 1903—4 годъ, въ этой академіи всего было 196 студентовъ, изъ коихъ 15 было иностранцевъ и 34 иносословныхъ; число послѣднихъ составляетъ свыше 20% общаго числа студентовъ. Затѣмъ, въ духовныхъ семинаріяхъ бывають такъ называемые „начетчики“, а въ духовныхъ академіяхъ—вольнотрушатели изъ иносословныхъ, принимаемые въ эти заведенія по усмотрѣнію епархіальныхъ архіереевъ. Число тѣхъ и другихъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, особенно духовныхъ училищъ и семинарій, могло бы быть значительно увеличено, если бы тому не препятствовалъ сословный характеръ этихъ духовно-учебныхъ заведеній, содержимыхъ отчасти на средства мѣстнаго духовенства или, точнѣе, на счетъ мѣстныхъ церквей епархіи. Духовенство все-таки считаетъ эти духовно-учебныя заведенія своими сословными, епархіальными учрежденіями и допускаетъ въ нихъ только извѣстный процентъ иносословныхъ воспитанниковъ, справедливо видя въ этихъ воспитанникахъ опасныхъ конкурентовъ своимъ дѣтямъ.

¹⁾ См. 49 № „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1904 годъ.

Насколько эти инословныя воспитанники вносятъ и могутъ внести оживленія въ нашу церковно-общественную жизнь, это—другой вопросъ, пока еще достаточно не выясненный. Инословныя воспитанники, напр. изъ мѣщанъ и крестьянъ, поступаютъ или отдаются своими родителями въ духовно-учебныя заведенія, особенно пизшія, главнымъ образомъ, въ расчетахъ на дешевизну обученія въ этихъ школахъ и на сравнительно лучшую карьеру. Втянувшись въ обычную жизнь духовно-учебныхъ заведеній, инословныя воспитанники почти ничѣмъ не отличаются отъ воспитанниковъ духовнаго происхожденія и, паравнѣ съ послѣдними, тоже иногда ищутъ выхода изъ духовнаго въ другія привилегированныя сословія. Но въ общей массѣ инословныхъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній предполагается, а иногда и прямо замѣчается, искреннее расположеніе къ духовному сану и вообще къ духовному сословію.

Такимъ образомъ, ослабленіе сословнаго характера духовенства и оживленіе его притокомъ новыхъ силъ совершаются не въ отдѣльныхъ приходахъ, гдѣ они пока не возможны и не мыслимы, а въ самыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, и притомъ совершаются осторожно, постепенно и медленно. Руководящая роль тутъ не принадлежитъ самому приходскому духовенству; но оно можетъ содѣйствовать тому или иному направленію этого дѣла на своихъ епархіальныхъ съѣздахъ. А это направленіе, во всякомъ случаѣ, должно вести къ уничтоженію сословныхъ преградъ, къ свободному выходу изъ духовнаго званія людей, не чувствующихъ призванія къ нему, и къ свободному поступленію въ него инословныхъ лицъ, чувствующихъ призваніе къ духовному сану. Въ этомъ отношеніи намъ лично представляется весьма симпатичною офіціальная записка, подъ заглавіемъ: „Соображенія о преобразованіи епархіальныхъ учебныхъ заведеній“, напечатанная въ 1867 году¹⁾.

Проф. Н. Петровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ „Трудахъ Кіевской дух. академіи“ за мѣръ [1867 г.

Мать семейства.

„Хорошіе учителя образуютъ хорошихъ учениковъ, но только матери образуютъ людей“. *Мартенъ.*

Еще классическій міръ Греціи и Рима нагляднымъ образомъ показалъ, какую громадную роль можетъ играть женщина, какъ мать и воспитательница семьи. Лучшія качества афинянина, спартанца и римлянина того времени—благородство, честность, любовь къ отечеству, отвага, храбрость, непобѣдимость въ бояхъ, презрѣніе къ смерти на полѣ брани—были усвоены ими отъ матерей, восприняты съ молокомъ матери. Какъ гречанки, такъ и римлянки того времени ясно понимали свои высокія задачи матерей семейства и гражданокъ и свято выполняли возлагавшіяся на нихъ государствомъ обязанности по отношенію къ воспитанію дѣтей. Мать Гракховъ Корнелія почтена была послѣ смерти римлянами, поставившими въ Римѣ ея статую съ лаконической надписью: „Корнелія, мать Гракховъ“.

Эти обязанности, лежавшія на женщинахъ классическаго міра, но затерявшіяся въ среднихъ и новыхъ вѣкахъ, не только не представляются излишними теперь, но должны быть признаны даже существенно необходимыми. Вслѣдствіе поступательнаго движенія общества, усилій цивилизаціи, обязанности эти не только не уменьшились, но еще болѣе расширились и усложнились. Государство, охраняя посредствомъ законовъ жизнь, имущество и права личности отдѣльныхъ семействъ и предоставляя имъ различныя удобства и преимущества въ частной и общественной жизни, въ свою очередь въ правѣ потребовать, въ силу нравственнаго долга, чтобы семья давала государству здоровыхъ какъ физически, такъ и морально членовъ, съ твердыми нравственными устоями. И эти требованія, предъявляемыя государствомъ къ семьѣ, прежде всего относятся къ личности матери.

Ничто столько не трогаетъ душу человѣка, ничто столько не возвышаетъ ея, сколько картина семейнаго быта, въ которомъ соблюдаются разумныя начала жизни. Средоточіемъ его является женщина; здѣсь все озаряется ея прелестію и могуществомъ; безъ нея мужчина, какъ ни велики будутъ его добродѣтели, не можетъ достигнуть счастья. У домашняго очага, этого святилища, гдѣ женщина совершаетъ свое служеніе человѣчеству, она, по силѣ своего внутренняго достоинства, не должна терпѣть ничего нечистаго, лживаго и низкаго. Первой заботой ея, какъ существа въ высшей степени гармоническаго, будетъ проявленіе этой гармоніи во всемъ ея окружающемъ. Довольство и спокойствіе въ домѣ—первыя условія семейнаго счастья. Мужъ и дѣти должны быть проникнуты убѣжденіемъ, что нигдѣ не можетъ быть имъ пріятнѣе, нигдѣ лучше, какъ у себя дома. По большей части женщина сама виновата, если мужъ ищетъ удовольствій внѣ семейства. Любезной и умной женщиной легко очаровать мужчину и привязать его къ семьѣ.

Въ то же время, она, помогая мужу въ его занятіяхъ, воспитывая дѣтей и возбуждая сочувствіе ко всему высокому въ обществѣ близкихъ друзей, достигаетъ значенія, которое, конечно выше всѣхъ приманокъ честолюбія и тщеславія. Для этого не нужно и большихъ средствъ; достаточны самыя скромныя условія. Истинной красотѣ не нужно ни богатства, ни блеска, она сама всему сообщаетъ изящество. Притомъ, неоспоримо, что истинное образованіе всего болѣе любитъ простоту. Оставимъ тѣмъ, которые бѣдны духомъ и сердцемъ, ихъ блестящую внѣшность, ихъ прекрасныя платья, богато убранныя комнаты, изысканныя обѣды. Неужели этой роскоши, которая болѣею частью не отличается и особеннымъ вкусомъ, станетъ завидовать человѣкъ съ возвышеннымъ умомъ, имѣющій безъ того такъ много чистыхъ, духовныхъ наслажденій!

Благоразумная мать должна всего болѣе стараться возбуждать въ дѣтяхъ любовь къ простотѣ и скромности, пріучать ихъ отличать внѣшность отъ внутренняго достоинства,

не пренебрегая ни тѣмъ, ни другимъ. Даже врожденное человеку влеченіе къ наслажденію можетъ она облагородить, научая ребенка находить удовольствіе въ домашнихъ радостяхъ и въ ласковой предупредительности къ роднымъ и знакомымъ. Кто съ дѣтства привыкъ наслаждаться счастьемъ въ кругу семьи, тотъ рѣдко съ легкомысліемъ будетъ гоняться за чувственными удовольствіями ¹⁾, которыя губятъ такъ многихъ. А зародыши этого гибельнаго направленія кроются непременно въ первоначальномъ воспитаніи, такъ какъ семья— великая сила въ дѣлѣ воспитанія подростающаго поколѣнія, и все зло въ томъ, что не всѣ правильно понимаютъ и принимаютъ эту аксіому. Мать должна свято соблюдать семейные праздники: они-то особенно пробуждаютъ въ ребенкѣ сочувствіе къ мирнымъ радостямъ. Рѣдко обстоятельства бывають стѣснительными дотогу, что семья должна отказывать себѣ въ этихъ удовольствіяхъ, не требующихъ и особыхъ расходовъ. Нѣсколько цвѣтовъ, маленькое рукодѣлье, какое-нибудь сладкое пирожное—и довольно, чтобы порадовать дѣтей. Этимъ они побуждаются дѣлать удовольствіе другимъ, вести себя такъ, чтобы не нарушать общей радости; непрерывный рядъ невинныхъ наслажденій доступенъ тому счастливому дѣтству, которое расцвѣтаетъ подъ обаяніемъ заботливой, неутомимой матери, сочувствующей всему прекрасному. Заботясь о возбужденіи и направленіи дѣтской чувствительности, она тѣмъ самымъ воспитываетъ въ дѣтяхъ единомысліе, которое впоследствии соединяетъ тѣсными узами цѣлое поколѣніе юношей.

Женщина тщеславная и жадная до удовольствій, конечно, не имѣетъ времени жить съ дѣтьми. Какъ многія изъ

¹⁾ „Трудно выразить въ словахъ,—говоритъ К. Д. Ушинскій,—то особенно свѣтлое нѣчто, что раздается въ душѣ вашей, когда мы воспоминаемъ теплоту семейнаго гнѣзда. До глубокой старости остаются въ насъ какія-то задушевные связи съ той семьей, изъ которой мы вышли. Намъ какъ-то трудно представить себѣ, что эти связи разорваны навсегда, и это глубокое семейное чувство пробуждается у насъ по временамъ, несмотря на толпу воспоминаній, проникнутыхъ горечью и желчью“.

матерей едва заслуживаютъ это имя!—это-то и есть самое постыдное униженіе женщины. Всѣ склонности къ добру укрѣпляются въ молодой душѣ привязанностью къ дому и родителямъ; равнодушіе же къ семейной жизни убиваетъ ихъ. Дѣтямъ нужно *родимое сердце*, его нельзя купить никакой цѣной. Не лучше можетъ воспитывать и та вялая, неспособная женщина, которая не знаетъ, съ чего начать, не имѣетъ истиннаго понятія о своей святой обязанности. Даже будь она отъ природы самую доброю, разумною—этого недостаточно; ей нужно еще отчетливое сознаніе того, что она должна дѣлать для блага дѣтей.—Наконецъ, встрѣчаются матери, которыя живутъ только своими дѣтьми и отъ всей души желаютъ сдѣлать изъ нихъ полезныхъ членовъ общества; но много ли такихъ, которыя въ умственномъ отношеніи могутъ имѣть на нихъ вліяніе не только въ дѣтствѣ, а и позже?

Невыразимо свято и велико призваніе матери, вполнѣ достойной этого имени. Вся будущность дитяти находится въ ея рукахъ. Она можетъ унижить или нравственно обновить цѣлое поколѣніе. Тяжкій упрекъ образованнымъ женщинамъ—сознаніе, что только немногія изъ нихъ понимаютъ вполнѣ свое назначеніе; близорукія, онѣ только жалуются на тѣсный кругъ дѣятельности и въ теперешнее время, когда мы стоимъ на рубежѣ новаго порядка вещей, проводятъ жизнь въ лѣни, въ вихрѣ удовольствій или въ мелочныхъ дрызгахъ домашняго хозяйства, тогда какъ имъ слѣдовало бы посвятить себя благороднѣйшимъ стремленіямъ. Единственно возможная, разумная эмансипація женщины достигается ею чрезъ умственную дѣятельность, въ предѣлахъ, указанныхъ ея природѣ.

Воспитывая, образуя, направляя дѣтей, приноситъ она несравненно болѣе пользы, чѣмъ если бы участвовала въ общественной дѣятельности. Она имѣетъ вліяніе на судьбы цѣлыхъ націй, приготавливая сыновей для службы государству и обществу. До юношескаго возраста сынъ неотъемлемо принадлежитъ матери, и она обязана внушить ему потребность къ жизни бодрой и дѣятельной.

Подобно древней спартанкѣ, которая лучше желала видѣть сына мертвымъ, чѣмъ опозореннымъ, современная мать должна поселить въ дѣтяхъ глубокое отвращеніе ко всему дурному и низкому, должна внушить имъ любовь къ отечеству и дѣйствовать на нихъ силою убѣжденія въ такой мѣрѣ, чтобы сынъ готовъ былъ подвергнуться скорѣе всевозможнымъ гоненіямъ, чѣмъ презрѣнію и порицанію матери. У великихъ людей всѣхъ временъ почти безъ исключенія были необыкновенныя матери. Но и во всякомъ женскомъ сердцѣ всегда довольно истиннаго чувства и приверженности ко всему доброму; къ несчастію, эти прекрасныя зародыши или совершенно гложутъ, или не достигаютъ развитія, по недостатку достойныхъ, возвышенныхъ цѣлей. Облагороживая самоѣ себя, женщина тѣмъ самымъ будетъ способствовать нравственному возвышенію всего общества. Одно появленіе женщины дѣйствуетъ благотворно на всѣхъ окружающихъ, а потому и должна она быть достойною такого вліянія. Мать семейства, у которой всегда предъ глазами идеаль ея обязанностей, будетъ дѣйствовать постоянно, не изнемогая отъ мелочныхъ ежедневныхъ трудовъ, такъ какъ она знаетъ, что изъ этой утомительной мозаики выйдетъ прекрасная картина. И какая для нея награда, когда она можетъ, наконецъ, ввести въ дѣйствительную жизнь сыновей правдивыхъ и честныхъ, безстрашныхъ и вѣрныхъ долгу! Но для этого ей самой нужно болѣе всего любить правду и не учить дѣтей ползать предъ порокомъ, изъ выгоды и подобоострастія. Давайте обществу какъ можно болѣе юношей, свободныхъ отъ предрасудковъ и готовыхъ ревностно слѣдовать призванію. Тогда бѣдность найдетъ вѣрныхъ защитниковъ, трудъ—истинныхъ друзей, а правосудіе—сильнѣйшую опору. Черезъ вліяніе на собственныхъ дѣтей, вы будете истинными владычицами міра и побѣдите его не насиліемъ, какъ амазонки, а неотразимымъ мечемъ женской силы и красоты, какъ истинные гении человечества.

Вліяніе матери еще сильнѣе на дочь, чѣмъ на сына; дочери она должна служить лучшимъ примѣромъ въ теченіе всей жизни.—Будеть ли дѣвушка смотрѣть съ презрѣніемъ на домашнія обязанности, если ея нѣжная, образованная мать исполняетъ ихъ съ такой заботливостію, съ такимъ постоянствомъ? Не смолкнетъ ли предъ строгою простотою любимой матери всякій ропотъ гордости, страсти къ нарядамъ и кокетства? Какое несчастіе, поэтому, для молодой дѣвушки, если у нея—пустая и тщеславная мать, которая едва можетъ дожидаться времени, когда ей придется вывезить дочь въ свѣтъ! Мать, лишенная чувства собственнаго достоинства, не можетъ возбудить его и въ дочери,—а послѣ этого вполне понятна обидная снисходительность мужчинъ къ женщинамъ.

Материнское чувство должно бы спасти отъ легковѣрія и кокетства тѣхъ женщинъ, которыя почему-либо стоятъ на краю пропасти. Многія женщины думаютъ, что будетъ время переѣниться, когда подрастутъ ихъ дочери. Но увы!—тогда уже будетъ поздно! Дитя, подобно растенію, развивается соотвѣтственно той атмосферѣ, которою дышитъ. Никакая строгость впоследствии не исправитъ того, что было испорчено раннимъ знакомствомъ съ пустыми и негодными людьми. При воспитаніи важнѣе всего—особенно для дѣвочки—примѣръ. Ея нѣжная природа принимаетъ хорошія и дурныя впечатлѣнія съ удивительной быстротою, и впечатлѣнія эти дѣйствуютъ на нее несравненно сильнѣе, чѣмъ на мальчика. Какъ часто бросаемъ мы камнемъ въ легкомысленную женщину, а если спросить о ея матери и обстоятельствахъ ея молодости, то нерѣдко негодование наше смѣнится чувствомъ глубокаго сожалѣнія.

Впрочемъ, нужно ли даже говорить объ этомъ. Несомнѣнно, что женщина имѣетъ полную возможность избавить себя и свое похолѣніе отъ всего недостойнаго; несомнѣнно и то, что настало время дѣйствовать ея дремлющимъ силамъ.

Какъ измѣнилась бы наша общественная жизнь подъ вліяніемъ женщинъ, если бы онѣ имѣли довольно рѣшимости все устроить сообразно своимъ средствамъ и безъ нарушенія духовныхъ нашихъ потребностей! Потому именно, что истинное гостепріимство все болѣе и болѣе исчезаетъ, среди насъ все болѣе и болѣе распространяется то общество, которое находитъ удовольствіе только въ чванствѣ и роскоши. Если мать и сестры проводятъ вечера въ пустыхъ визитахъ, то гдѣ же, послѣ этого, искать мужей и сыновей, какъ не въ гостиницѣ? Если и бывають въ настоящее время вмѣстѣ мужчины и женщины, то развѣ на блестящихъ балахъ и пышныхъ обѣдахъ; а спросите: много ли удовольствія въ этомъ прихотливомъ блескѣ?—и вамъ отвѣтятъ, зѣвая и пожимая плечами. А между тѣмъ, непринужденное обращеніе молодыхъ людей въ домашнемъ кругу могло бы много способствовать и къ заключенію счастливыхъ браковъ. На балахъ и собраніяхъ молодые люди видятъ другъ друга только въ нарядѣ, и тамъ нельзя узнать людей. Напротивъ, молодой человѣкъ долженъ бы изучать женщинъ дома, среди условій семейной жизни, гдѣ, въ свою очередь, и онъ можетъ показать и доказать, что не только умѣетъ хорошо танцовать, но вести разговоръ и поуміе того, какой слышится въ нашихъ пышныхъ собраніяхъ.

Отъ свѣтскихъ людей рѣшительно нечего и ждать болѣе. Но загляните въ скромное семейство, гдѣ всегда можно встрѣтить ласковый пріемъ, услышать пріятный, дѣльный разговоръ и найти радушное угощеніе. Мы имѣемъ полное право сожалѣть о доброй старинѣ, когда гораздо чаще встрѣчалось гостепріимство, и когда простота нравовъ дѣлала его возможнымъ для людей даже съ самыми ограниченными средствами. А въ настоящее время, кромѣ богатыхъ домовъ, только въ извѣстные дни открытыхъ для пріема, много ли найдете семействъ, куда можно прійти безъ приглашенія въ увѣренности провести нѣсколько пріятныхъ часовъ? Причина этому не въ недостатокъ сочувствія къ общежитію, которое,

напротивъ, слишкомъ распространено, а въ томъ, что совѣстятся открывать свой бытъ безъ особыхъ приготовленій. И тамъ, гдѣ состояніе позволяетъ принимать гостей, требуется, чтобы часъ визита былъ заранѣе извѣстенъ: тогда только все готово, все на своемъ мѣстѣ. Расходы на выѣзды такъ значительны, что, по необходимости, приходится очень скромно жить дома, и самая благородная обязанность гостепріимства становится въ тягость. Стоило бы хотя нѣсколькимъ женщинамъ рѣшиться свое хозяйство и свой туалетъ устроить сообразно состоянію. Тогда онѣ могли бы несравненно чаще доставлять себѣ удовольствіе принимать друзей. Хорошая хозяйка легко замѣняетъ аттестованнаго кондитера: все, что приготовлено ею со вкусомъ и ловкостію, еще приправляется пріятнымъ, просвѣщеннымъ разговоромъ,—а это, право, стоитъ самыхъ роскошныхъ, жеманныхъ вечеровъ. Зачѣмъ намъ посѣтители, которые приходятъ не для насъ, а только чтобы похвастать красивымъ платьемъ или поѣсть дорогихъ лакомствъ?—Каждый долженъ жить, какъ можетъ, являться въ общество, какъ позволяютъ ему средства. Тогда не будетъ принужденія въ обращеніи и съ болѣе богатыми и знатными.

Приличная, изящная простота нисколько не ниже богатства; а бессмысленное хвастовство и стремленіе перецеголять другъ друга въ роскоши всегда доводитъ до раззоренія.

Образованная женщина сумѣетъ провести въ этомъ разумную границу и дать высшій нравственный характеръ свѣтской жизни. Тогда она увидитъ въ своемъ скромномъ домѣ и тѣхъ умныхъ и ученыхъ мужей, которые бѣгутъ нынѣ отъ современнаго общества; здѣсь же съ удовольствіемъ будутъ обмѣниваться мыслями и воодушевляться къ дѣятельности.

Въ такомъ свѣтѣ представляется намъ истинно-самостоятельная женщина; подобно изваянію Пигмаліона, она одушевляется внутренней своей красотой и стремится, вмѣсто прежняго бездѣйствія, къ дѣятельности, умственному образованію и нравственному могуществу.

Заклучимъ свою краткую замѣтку словами незабвеннаго Н. И. Пирогова: „пусть женщины поймутъ свое высокое назначеніе въ вертоградѣ человѣческой жизни. Пусть поймутъ, что онѣ, ухаживая за колыбелью человѣка, учреждая игры его дѣтства, научая его уста лепетать и первыя слова и первую молитву, дѣлаются главными зодчими общества. Краеугольный камень кладется ихъ руками. Христіанство открыло женщинамъ ея назначеніе. Оно поставило въ образецъ человечеству существо, только-что отнятое отъ ея груди. И Марѳа и Марія сдѣлались причастницами словъ и бесѣдъ Искупителя“.

Ив. Самойловичъ.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 28-го февраля 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 12.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года марта 20-го дня.

Содержаніе: Живое благочестіе.—О выборѣ членовъ причта прихожанами въ связи съ вопросомъ о возрожденіи прихода (окончаніе).—Почему на преждеосвященной литургіи при великомъ входѣ полагается преклоненіе долу?—Взглядъ св. Іоанна Златоуста на церковно-благотворительную дѣятельность пастыря (окончаніе).—Благотворное значеніе всенощныхъ бдѣній, совершаемыхъ въ церковныхъ школахъ.

Живое благочестіе.

„Духа не угашайте (1 Фесс. 5, 19“).

Въ „Миссіонерскомъ Обзорѣніи“ (1904 г., № 17) г. Теодуломъ напечатано нѣсколько документовъ, которые, по своему глубоко-трагическому для всѣхъ вѣрующихъ содержанию, должны остановить на себѣ вниманіе пастырей Церкви.—Приведемъ здѣсь эти документы цѣликомъ.

№ 1. „Протоколъ. Вслѣдствіе съ нѣкотораго времени ненормальнаго поведенія городского 2-го участка Димитрія И—ва, околоточный надзиратель С., по порученію господина исправляющаго должность пристава, штабсъ-капитана Ю., произвелъ дознаніе, при чемъ оказалось: И—въ 27 лѣтъ отъ роду, православнаго вѣроисповѣданія, запасный старшій

унтеръ-офицеръ 148-го К-го пѣхотнаго полка, изъ крестьянъ П—ской губерніи, Оп—скаго уѣзда, С—кой волости, деревни К—ва, образованія не получилъ, научился читать и писать въ деревнѣ, поступилъ въ полицію на службу 9-го сентября 190* года, до службы военной занимался хлѣбопашествомъ. По объясненію его товарищей-городовыхъ, проживающихъ съ нимъ въ общемъ казарменномъ помѣщеніи, И—въ съ іюля мѣсяца сего года въ свободное время отъ службы началъ увлекаться чтеніемъ книгъ Свящ. Писанія—Евангелія, Псалтири и т. п., началъ покупать образа, развѣшивая ихъ по стѣнамъ въ казармѣ, сталъ усерднѣе и чаще молиться, затѣмъ отказался отъ артельнаго продовольствія изъ общаго котла, чтобы не употреблять скоромной пищи, отдался посту, питаясь лишь хлѣбомъ съ водой и солью, солеными огурцами, иногда варить себѣ картофель и ѣсть съ масломъ въ сухомятку, мяса вовсе не ѣсть, постной пищи горячей лишень вслѣдствіе неимѣнія возможности приготовить такую, почему съ означеннаго времени много исхудалъ тѣломъ. Съ товарищами не общится, говоритъ лишь о религіозномъ, старается во всемъ выказать доброту души, даже тамъ, гдѣ, по требованіямъ полицейской службы, дѣлаетъ упущенія тѣмъ. Вообще, увлекся духовнымъ, о чемъ и составленъ сей протоколъ. Околоточный надзиратель С.

И—въ водки не пьетъ и съ женщинами сношеній не имѣетъ. Ок. надз. С.“

№ 2: „Настоящій протоколъ имѣю честь препроводить господину частному врачу на заключеніе. 2-го участка исп. д. пристава шт.-капитанъ Ю.“

№ 3. „Возвращая настоящую переписку г. приставу 2-го участка, имѣю честь увѣдомить, что означенный въ семъ протоколѣ городской вѣреннаго вамъ участка Д И—въ, по освидѣтельствованіи мною, оказался одержимымъ религіознымъ сумасшествіемъ въ вступительномъ періодѣ и подлежитъ отправленію въ больницу N для спеціального лѣченія. Помощникъ частнаго врача Д.“

№ 4. „Скорбный листъ. Запись дежурнаго врача. Больной доставленъ при протоколѣ полиціи и препроводительной запискѣ частнаго врача К. части. Средняго роста, удовлетворительнаго сложенія, худощавъ, зрачки равномерны, реагируетъ на свѣтъ; колѣнные рефлексы слегка повышены, во внутреннихъ органахъ патологическихъ измѣненій не обнаруживается. Больной спокоенъ, сознателенъ, ориентированъ относительно мѣста и времени, даетъ точные отвѣты на вопросы статистическаго листка, память и сообразительность удовлетворительны; относительно себя больной сообщилъ, что онъ съ дѣтства любилъ чтеніе, самъ научился читать, предпочиталъ книги духовнаго содержанія; во время отдыха уединялся отъ своихъ товарищей-городовыхъ, не вступалъ съ ними въ разговоръ, а занимался чтеніемъ; при чтеніи книгъ онъ иногда замѣчалъ, что не можетъ сосредоточить вниманія на прочитанномъ,—часто не понимаетъ, что читаетъ,—появлялись иногда мысли совсѣмъ другія; происходило это отъ врага рода человѣческаго, который старается сбить съ толку всякаго человѣка, желающаго жить по-Божьему, читающаго духовныя книги, посѣщающаго церковь, кому *Богъ открывается*; на эту тему больной охотно говоритъ, высказываетъ свои толкованія Св. Писанія, напр.: *главная добродѣтель—разсужденіе*; ранѣе онъ при исполненіи своихъ обязанностей поступалъ безъ разсужденія и изъ всякаго пустяка отпирывалъ въ участокъ лицъ, нарушающихъ порядокъ, а теперь этого не дѣлаетъ; обязанности же свои исполняетъ точно, но съ разсужденіемъ. Больной утомленъ: ночь провелъ на посту. Помѣщенъ на 2-е отдѣленіе. *Diagnos paranoia simplex (suscubata?)*“).

№ 5. „Запись палатнаго ординатора. 1—5 XI. Вяль, малоподвиженъ, жалуется, что ему скучно въ больницѣ, просится на выписку, считая себя вполне здоровымъ; увѣряетъ, что онъ помѣщеніемъ своимъ въ больницу обязанъ навѣстамъ своихъ сослуживцевъ, которые увѣрили пристава, что онъ боленъ; послѣдній и отпирывалъ его въ больницу. Высказыв-

ваетъ прежнія мысли, что, если человѣкъ хочетъ жить честнымъ образомъ, то врагъ рода человѣческаго начинаетъ мѣшкать; какимъ образомъ онъ *мѣшаетъ*, онъ не въ состояніи объяснить, но совѣтуетъ обратиться за совѣтомъ къ священнику. Также врагъ человѣческой *путаль его мысли*, когда онъ занимался чтеніемъ божественныхъ книгъ или думалъ о религіозномъ предметѣ. 6—12. Безъ перемѣны. 15-го взять братомъ безъ поправки“.

Драма въ *пяти* дѣйствіяхъ окончена. За ней слѣдуетъ эпилогъ. Мы не знаемъ его, но глубоко вѣримъ, что, если несчастный герой этой драмы, взятый братомъ своимъ изъ больницы, встрѣтится съ духовнымъ врачомъ, пастыремъ Церкви, эпилогъ будетъ представлять не смерть духовную героя, а его воскресеніе—благодатную жизнь подъ сѣнью Церкви.

Наше мнѣніе такое. Пастырь Церкви не можетъ ипаче смотрѣть на И—ва, какъ на брата возлюбленнаго, какъ на чадо Божіе. Признаки душевнаго его разстройства,—справедливо замѣчаетъ г. Θεодуль,—указанные въ официальныхъ документахъ, суть признаки истинно-христіанскаго пути жизни по воззрѣніямъ величайшихъ представителей и выразителей христіанства. Читать Свящ. Писаніе, вѣшать на стѣнахъ иконы для поклоненія, усердно и часто молиться, поститься, не вести лишнихъ разговоровъ, а говорить лишь о духовномъ, стараться явить доброту души, не пить водки, не имѣть преступныхъ сношеній съ женщинами, замѣчать въ себѣ расцѣпаніе мыслей при чтеніи духовныхъ книгъ, остерегаться врага рода человѣческаго, смущающаго насъ помыслами, уединяться отъ соблазновъ міра сего, считать главной добродѣтелью (путемъ къ добродѣтели) разсужденіе, въ недомыслии вопросахъ духовной жизни обращаться къ священнику—не черты ли это идеальнаго христіанскаго благочестія?—Увы, приходится сознаться, что и нынѣ хотящіе *благочестно жити* гонимы будутъ...

Какъ ни трагиченъ этотъ случай, мы прошли бы мимо него, если бы онъ былъ единственнымъ, если бы онъ не вы-

ражалъ цѣлаго настроенія мірскихъ классовъ общества, не характеризовалъ цѣлой эпохи.

Кому изъ пастырей Церкви не приходится считаться съ этимъ настроеніемъ? Мы не говоримъ объ индифферентныхъ къ вѣрѣ, невѣрующимъ... Мы, къ сожалѣнію, должны то же сказать и о вѣрующихъ и преданныхъ Церкви. Эти самые околоточный и врачъ сами считаютъ себя—и другіе ихъ считаютъ—православными, сынами Церкви; они, быть можетъ, молятся, стремятся въ душѣ къ Богу, уповаютъ на вѣчную жизнь... Но стоитъ кому-либо явно и открыто увлечься духовнымъ, т. е. обнаружить то, что у многихъ скрытно таится въ душѣ, какъ сейчасъ тѣ же околоточный и врачъ, а за ними и все современное христіанское общество, поставятъ такого человѣка въ подозрѣніе. Если въ этомъ случаѣ обращаются иногда къ священнику, то, по большей части, лишь въ тѣхъ же психіатрическихъ цѣляхъ. „Батюшка,—говорятъ часто священнику лучшіе изъ прихожанъ:—сынокъ что-то у меня задумываться сталъ, товарищей чуждается, въ театръ ходитъ пересталъ, все книжки духовныя читаетъ. Ужъ мы съ женой и то и се,—ничего не помогаетъ. Поговорите съ нимъ, батюшка!“ *Поговорите*, т. е. убѣдите перестать „имѣть разсужденіе“, убѣдите слушать скабрзные разговоры товарищей, изучать въ театрѣ жизнь „дна“ или „меблированныхъ комнатъ“... Сколько этихъ и подобныхъ случаевъ?!

Мы должны признать, что въ „вѣкѣ семь“ ничто не ставится такъ въ подозрѣніе, какъ искреннее, живое благочестіе, если оно выходитъ изъ рамокъ обычной нашей жизни. Это опять не значитъ, что народъ нашъ, и даже интеллигенція, совершенно безрелигіозны. Отнюдь нѣтъ. Многие въ нашей жизни говорятъ, что въ Бога мы вѣримъ и любимъ Его. Мы только вправили свою религіозную жизнь въ слишкомъ тѣсныя рамки. „Правило“ мы смѣшали съ православіемъ, регуляторъ силы—съ самою силою. Всякое движеніе живого чувства мы считаемъ непорядкомъ. Это въ лучшемъ случаѣ. А бываетъ и такъ, что этотъ „непорядокъ“ одни счи-

тають безуміємъ, другіе—юродствомъ, третьи—ересью, сектантствомъ. Мы многое въ религіозной жизни нашего народа поняли бы, многому бы дали силы развиться и многое бы побѣдили, если бы ясно себѣ представили все значеніе апостольскаго завѣта: „духа не угашайте“. „Правило“—великое дѣло для урегулированія духовной жизни нашей, но оно не должно имѣть подавляющаго значенія...

А „духъ“ живой вѣры въ нашемъ народѣ никогда не изсякалъ и то выдвигаетъ отдѣльныхъ лицъ, какъ свѣтильниковъ вѣры и благочестія, то создаетъ настроеніе, охватывающее цѣлыя массы людей. И не много нужно ума и сердечной чуткости, чтобы пастырь Церкви далъ истинно-церковную жизнь этой вѣрѣ и этимъ настроеніямъ. Въ противномъ случаѣ подвижникамъ благочестія дѣйствительно грозитъ истинное, уже настоящее, безуміе или отпаденіе отъ Церкви, такъ какъ есть отъ чего сойти съ ума или уклониться въ сектантство, если встрѣтишь, сохрани Богъ, и со стороны пастыря Церкви отношеніе, подобное полицейскому протоколу или діагностическому методу врачей. Я знаю изъ личной своей миссіонерской практики нѣсколько замѣчательныхъ въ этомъ отношеніи случаевъ. Одинъ произошелъ лѣтъ пять тому назадъ въ В—скомъ уѣздѣ. Въ нѣсколькихъ сосѣднихъ между собою селахъ началось религіозное движеніе. Часть крестьянъ стала усиленно посѣщать храмъ, бросила пить, ѣсть скоромную пищу, стала ходить въ самые лютые морозы босикомъ. Въ народѣ заговорили объ этихъ новыхъ подвижникахъ, какъ о штундѣ. Пошли издѣвательства и насмѣшки, самыя безмысленныя и беспощадныя, на какія только способенъ нашъ простой народъ. „Босяки“,—такъ ихъ стали звать въ окрестности,—почувствовали себя паріями, стали уединяться и скрываться. Но нашелся одинъ добрый и благоразумный священникъ. Священникъ этотъ сталъ ихъ собирать вокругъ себя, открылъ имъ храмъ свой для учащенныхъ божественныхъ службъ, къ чему они стремились, и свою церковно-приходскую школу—для вѣбогослужебныхъ собраній,

на которыхъ они пѣли духовныя псалмы изъ Богогласника, читали каѳизмы и т. п. Оказалось, что все это движеніе возникло подъ вліяніемъ чтенія Печерскаго Патерика, который принесли и стали читать имъ одинъ крестьянинъ, ходившій по монастырямъ и подвизавшійся на Аѳонѣ. „Босячество“ въ лютые морозы оказалось подражаніемъ древнимъ подвижникамъ и средствомъ борьбы съ тѣлесными страстями. Благодаря доброму вліянію пастыря, это благочестивое подвижничество скоро вступило на путь служенія храму и ближнимъ; но нѣсколько человекъ, на которыхъ указанное вліяніе не простиралось, дѣйствительно ушли въ секту, а при чемъ два изъ нихъ, въ фанатической борьбѣ съ тѣлесными страстями, даже оскопились.

Другой случай произошелъ въ Т—скомъ уѣздѣ. Нѣсколько крестьянъ одного мѣстечка, прослышавъ, что въ далекомъ, версть за сто отъ нихъ, приходѣ учреждено общество трезвости, отправились туда, вступили въ члены его, давъ клятву предъ св. Евангеліемъ не пить водки, и получили отъ тамошняго священника икону въ благословеніе и нѣсколько религіозно-нравственныхъ книжекъ и брошюръ для чтенія. Съ одной стороны, изъ религіознаго чувства къ полученной благословенной иконѣ, съ другой—чтобы заполнить праздничное время, оставшееся свободнымъ за прекращеніемъ пьянаго разгула, трезвенники стали собираться поочередно по хатамъ членовъ, ставить на покрытомъ скатертью столѣ св. икону и читать предъ ней акаѳистъ. Затѣмъ обыкновенно прочитывали данныя имъ книжки и пѣли духовныя пѣсни сочиненія священника Саковича—изд. Почаевской лавры... Опять—штунда!.. Слухи о появленіи штунды стали настолько упорны и угрожающи, что вызвали пріѣздъ миссіонера. Трезвенники переполошились и нашли выходъ, столько же наивный, сколько и глубоко-печальный, чтобы доказать свое православіе. Ахъ, я помню это доказательство, и вотъ уже шесть лѣтъ у меня болѣзненно сжимается сердце, когда припоминаю его!..

На другой день послѣ своего прїѣзда въ этотъ приходъ я шель по мѣстечку, направляясь въ тотъ „кутокъ“, гдѣ по преимуществу обитали трезвенники. Возлѣ плотины меня остановилъ крестьянинъ. Молодой, рослый, съ красивымъ симпатичнымъ лицомъ, онъ сталъ бормотать что-то несвязное. Онъ былъ пьянъ и сильно волновался, плача пьяными, но горькими слезами. Оказалось, что это—одинъ изъ трезвенниковъ. Ему успѣли объявить, что прїѣхалъ миссіонеръ обличать „штунду“. И вотъ онъ былъ уполномоченъ своими братьями выпить, чтобы этимъ доказать напередъ миссіонеру, что они—„якоже и прочіи человѣци“, и такимъ образомъ разсѣять всѣ подозрѣнія въ ихъ неправославіи..

Пусть народъ ошибается въ своихъ сужденіяхъ объ истинномъ благочестіи. Пастыри не должны дѣлать этихъ ошибокъ, если бы даже явленія духовной жизни, о которыхъ приходится судить, не были обычны, казались „новыми“ и не укладывались сразу въ традиціонное наше міровоззрѣніе. Всякое рабство предъ воззрѣніями „вѣка сего“, всякое потакательство мірскому направленію должны считаться пастырями Церкви измѣной своему призванію, самымъ постыднѣйшимъ дѣломъ. Пастырю Церкви простятъ его личные недостатки, снисходительно отнесутся къ его слабостямъ и порокамъ, но никогда не примирятся съ его словами, когда онъ, говоря, какъ пастырь и учитель Церкви, говоритъ противное ученію и духу Церкви. Въ этой психологіи, быть можетъ, разгадка того непостижимаго для многихъ факта, что самые ужасяющіе подчасъ пороки и недостатки клира церковнаго не волновали такъ всю Церковь, какъ еретическія, *неправильныя* мысли лично благочестивыхъ христіанъ... Въ этой психологіи, быть можетъ, объясненіе замѣчательныхъ словъ Господа о фарисеяхъ. „*Все, что они велятъ вамъ соблюдать, соблюдайте и делайте*, по дѣламъ же ихъ не поступайте: ибо они говорятъ, и не дѣлаютъ (Мѡ. 23, 3)“: измѣну своему призванію—быть учителями Закона Божія—Господь не допускалъ даже у этихъ постоянныхъ враговъ Своихъ. И недаромъ покойный

Лѣсковъ, выдающійся выразитель и обличитель господствовавшихъ настроеній, когда въ послѣдніе годы своей жизни измѣнилъ Православной Церкви и рѣшился оболгать самаго уважаемаго пастыря ея, ничего худшаго не могъ придумать, какъ вложить въ его уста слова непониманія и отрицанія нѣжныхъ, чистыхъ и истинно-благочестивыхъ движеній чело-вѣческаго сердца.

Всякое явленіе духовной жизни пастырь Церкви долженъ судить только съ точки зрѣнія правды, гдѣ бы и какъ бы оно ни проявилось: у христіанина—или у еврея и язычника, у православнаго—или у еретика и сектанта. Для пастыря Церкви добро должно быть добромъ, а зло зломъ—и ничѣмъ другимъ. Священникъ-миссіонеръ *С. Потъхинъ*.

О выборѣ членовъ притча прихожанами въ связи съ вопросомъ о возрожденіи прихода.

(Продолженіе ¹).

IV.

Въ составъ Комитета, Высочайше утвержденнаго для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній, въ 1866 году были вызваны ректоръ Кіевской дух. академіи архимандритъ Филаретъ (Филаретовъ) и инспекторъ Московской дух. академіи архимандритъ Михаилъ (Лузинъ). Они вошли въ Комитетъ съ особыми „соображеніями о преобразованіи епархіальныхъ учебныхъ заведеній“, которыя, однако, въ свое время не были приняты Комитетомъ и, по преданію, вызвали даже глѣвъ тогдашняго Оберъ-Прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого.

Авторы „соображеній“, имѣя въ виду облегченіе выхода дѣтей духовенства изъ духовнаго званія и доступа въ него

¹) См. № 11 за 1905 г.

дѣтей инословныхъ, проектировали три вида учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства: 1) 7-лѣтнія гимназїи, преобразуемыя изъ духовныхъ училищъ, съ общеобразовательными науками, параллельныя свѣтскимъ средне-учебнымъ заведенїямъ; 2) 3-лѣтнія семинаріи со спеціальными богословскими науками, для приготовленїя къ священству, и 3) нынѣшнія духовныя академіи, какъ высшія духовно-учебныя заведенїя. Изъ нихъ духовныя училища, или 7-лѣтнія гимназїи, имѣющія преимущественно частное, благотворительное для дѣтей духовенства назначеніе, содержатся на счетъ спеціальныхъ средствъ духовнаго вѣдомства, съ присовокупленїемъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ на содержаніе учащихся, дѣтей бѣдныхъ родителей и сиротъ, а семинаріи и академіи, какъ имѣющія значеніе общественное, на счетъ суммы, по Высочайшему повелѣнію ассигнуемой изъ Государственнаго Казначейства, но съ опредѣленнымъ штатомъ учащихся, соотвѣтствующимъ потребностямъ епархїи и духовнаго вѣдомства.

Проектъ этотъ имѣетъ ту нравственную выгоду, что имъ совершенно устраняется фатальная необходимость для дѣтей духовенства приготовляться непременно къ духовному званію и поступать въ него, нерѣдко вопреки собственному расположенію и призванію. Прошедши курсъ своей сословной духовной гимназїи, духовный воспитанникъ можетъ поступить и въ духовную семинарію и въ академію, но можетъ также, если не чувствуетъ расположенїя къ духовному званію, избрать другой путь для своей общественной дѣятельности, или же поступить въ высшія свѣтскїя учебныя заведенїя, напр., въ университетъ, подъ тѣмъ, конечно, непремѣннымъ условїемъ, что эта разновидность гимназїй духовнаго вѣдомства признана будетъ равносильною и равноправною съ соотвѣтствующими учебными заведенїями другихъ вѣдомствъ. Разновидность такихъ гимназїй была бы полезна для гимназїй и другихъ вѣдомствъ, сдерживая хоть сколько-нибудь ту безпощадную ломку гимназическаго курса, какую мы видимъ въ послѣдніе годы въ гимназїяхъ другихъ вѣдомствъ.

Опасенія, высказывавшіяся составителями „соображеній“, что епархіальныя духовныя училища, или семинаріи могутъ остаться безъ потребнаго числа воспитанниковъ, а епархіи— безъ потребнаго числа кандидатовъ на священнослужительскія мѣста, въ настоящее время едва ли могутъ имѣть мѣсто, въ виду довольно высокаго процента инословныхъ воспитанниковъ, поступающихъ нынѣ въ духовно-учебныя заведенія, несмотря на ограничительныя по отношенію къ нимъ мѣры. Эти инословные воспитанники могутъ поступать, на извѣстныхъ условіяхъ, и въ духовныя училища, или сословно-духовныя гимназіи, или же непосредственно въ богословскія училища, или семинаріи изъ свѣтскихъ гимназій и другихъ средне-учебныхъ заведеній.

При такихъ условіяхъ, поступленіе въ духовное званіе сдѣлается доступнымъ одинаково для всѣхъ лицъ духовнаго и недуховнаго происхожденія, и избраніе этого званія можетъ быть болѣе сознательное и свободное, въ томъ возрастѣ, когда полученное общее образованіе даетъ права, открывающія путь къ разнымъ общественнымъ служеніямъ.

Впослѣдствіи, при упроченіи проектируемаго порядка, расширеніи круга и поднятіи уровня народнаго образованія, будетъ возможно, по нашему мнѣнію, и отдѣльнымъ сельскимъ приходамъ намѣчать изъ своей среды благонравныхъ юношей, расположенныхъ къ принятію духовнаго сана, и направлять ихъ, для надлежащей подготовки къ этому сану, въ сословно-духовныя гимназіи и непременно—въ духовныя семинаріи. Это будетъ едва ли не единственный разумный способъ участія прихода въ выборѣ излюбленнаго прихожанами приходскаго пастыря, точнѣе—кандидата на пастырство.

Но если бы, по этому проекту, и поступали въ духовныя школы, для приготовленія къ священству, люди, чувствующіе призваніе или расположеніе къ этому званію, однако и такіе люди не должны быть безповоротно закрѣплены за церковію. Уже и по принятіи духовнаго сана, многія духовныя лица, особенно вдовцы, поставляются въ такія тяжелыя жи-

тейскія условія, что духовный санъ становится для нихъ непосильнымъ бременемъ. Такія лица иногда и желали бы снять съ себя духовный санъ и поступить на службу въ другое вѣдомство, но встрѣчаютъ важныя препятствія къ тому въ существовавшихъ и отчасти существующихъ условіяхъ снятія ими съ себя духовнаго сана и поступленія на другую службу, такъ какъ и доселѣ снятіе духовнаго сана сопровождается для снимающаго его ограниченіемъ правъ, полученныхъ путемъ образованія. Поэтому, желательно было бы, чтобы духовныя лица православнаго исповѣданія, желающія, по основательнымъ причинамъ, снять съ себя духовный санъ, не были лишаемы тѣхъ правъ, какими пользуются въ Россіи католическіе ксендзы, снимающіе съ себя духовный санъ, т. е. правъ по образованію.

Если бы въ духовно-учебныя заведенія и въ духовное званіе поступали люди изъ всѣхъ сословій по расположенію и призванію, и если бы данъ былъ свободный выходъ изъ духовнаго званія священнослужителямъ, почувствовавшимъ почему-либо неудобнымъ оставаться въ этомъ званіи, то въ такомъ случаѣ могла бы, съ теченіемъ времени, образоваться особая, такъ сказать, порода священнослужителей, наиболѣе приближающаяся къ высокому идеалу пастырскаго служенія. Даже и въ настоящее время положеніе православнаго духовенства не такъ уже безпросвѣтно и безотраднo, какимъ рисуютъ его современные ревнители обновленія русскаго прихода. И въ настоящее время не только возможны, но и на самомъ дѣлѣ отчасти осуществляются тѣ идеальныя требованія, какія предъявляются свѣтскими и другими лицами къ нашимъ священнослужителямъ.

Проф Н. Петровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Почему на преждеосвященной литургіи при великомъ входѣ полагается преклоненіе долу?

На преждеосвященной литургіи при великомъ входѣ священнослужителями переносится на престоль истинное Тѣло и истинная Кровь Христовы: „Жертва тайная, совершенная доносится“. Предъ этою-то *совершенною* Жертвою, на которую не смѣютъ взирать открыто даже *чии ангелстїи*, и потому закрываютъ въ священномъ ужасѣ свои лица, въ смиреніи и благоговѣніи преклоняется долу, скрывая лицо свое, и смертный человекъ. „Пусть“ при этомъ,—поучаетъ блаж. Симеонъ Солунскій,—„каждый вѣрный молится и за себя, и за своихъ, и за всѣхъ вѣрныхъ... потому что является Самъ Христосъ, и въ чашѣ находится Его всесвятое Тѣло и Божественнѣйшая Кровь; о чемъ бы кто ни молился въ это время съ вѣрою, получить просимое во святое имя Его, какъ Самъ Онъ сказалъ“ (Пис. свв. отц. и учит. Ц., относящ. къ истолк. правосл. богослуженія. Т. III. Спб. 1857 г., стр. 53—54). Преклоненіе долу при явленіи св. Даровъ не составляетъ, по церковному уставу, особенности одной лишь преждеосвященной литургіи. Подобное молитвенное положеніе полагается принимать вѣрующимъ и на полной—Златоустовой и Васильевой—литургіи при явленіи народу св. Даровъ. Только на послѣдней преклоненіе не отличается такою продолжительностью, какъ на преждеосвященной литургіи, когда св. Дары переносятся по солеѣ отъ жертвенника къ престолу, чтò занимаетъ сравнительно значительный промежутокъ времени. Преклонившіеся долу „людіе и пѣвцы“ (по выраженію Тимокона; см. уставъ среды первой седмицы Вел. поста) поднимаются отъ земли не раньше, чѣмъ священнослужители вступятъ въ алтарь и возложатъ на престоль св. Дары. За полной литургіей молящіеся ограничиваются земнымъ поклономъ въ моментъ явленія св. Даровъ и затѣмъ встаютъ, не оставаясь долго въ преклоненномъ положеніи. Впрочемъ, надо замѣтить, по древней практикѣ, преклоненіе молящихся до

земли предъ св. Дарами даже и на *полной* литургіи было довольно продолжительно, такъ что едва ли особенно рѣзко отличалось въ этомъ отношеніи отъ великопостнаго преклоненія. Въ „Каноническихъ отвѣтахъ“ митрополита Ефесскаго Іоасафа († около 1440 г.), изданныхъ въ 1903 г. въ Одессѣ проф. А. И. Алмазовымъ, читаемъ слѣдующее правило (9): „Когда священникъ произноситъ: *Со страхомъ Божиимъ и вѣрою и любовію приступите*, тогда должны всѣ пасть и поклониться до земли, съ великимъ страхомъ и трепетомъ, ибо это и есть совершенныя—честное Тѣло и Кровь Господа,—и должно лежать (лицъ) всѣмъ, пока священникъ произнесетъ: *Спаси, Боже, народъ Твой и благослови достояніе Твое*“ (См. отд. брош., стр. 19). Н. II—въ.

Взглядъ св. Іоанна Златоуста на церковно-благотворительную дѣятельность пастыря.

(Окончаніе ¹⁾).

Особый классъ людей, требующій, по словамъ св. Златоуста, преимущественныхъ заботъ со стороны церковныхъ благотворителей, это дѣвственницы. Св. отецъ говоритъ о дѣвственницахъ, „обрекшихъ себя на высшій подвигъ, ревнующихъ о мудрости небесной и давшихъ обѣщаніе вести на землѣ жизнь ангелоподобную, стремиться къ тому, чтобы добродѣтелями своими еще въ сей плоти уподобиться безплотнымъ силамъ“ ²⁾. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ о дѣвственницахъ, удалившихся отъ міра и посвятившихъ себя жизни уединенной. Въ наше время этимъ дѣвственницамъ соотвѣтствуютъ ближайшимъ образомъ монахини и женщины, живущія въ монастыряхъ въ качествѣ послушницъ, приготовляющихся къ монашескому званію. Хотя монахини и послушницы находятся

¹⁾ См. № 6-й за 1905 г.

²⁾ Слова о священствѣ, стр. 102.

подъ непосредственнымъ ближайшимъ надзоромъ игуменій, однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы пастырь Церкви не могъ имѣть къ женскимъ монастырямъ своего пастырскаго отношенія, — нѣтъ, онъ — и въ особенности епископъ — долженъ и сюда простирать свое благотворное вліяніе и здѣсь устраивать жизнь надлежащимъ порядкомъ, сообразно съ цѣлію монашества. Здѣсь ему „предстоитъ даже больше страха и попеченія, потому что стяжаніе драгоцѣннѣе, и сословіе благороднѣе другихъ“ (напр., сословія вдовицъ) ¹⁾. Въ чемъ же именно должно состоять пастырское попеченіе объ этомъ *сословіи* женъ? — „Если плотской отецъ, — говоритъ св. Златоустъ, — много заботится о томъ, чтобы дочь его или не была безплодна, или не вышла изъ цвѣтущаго возраста, или чтобы не пришла въ ненависть и не была отвергнута, то тѣмъ болѣе долженъ пещись о дѣвственницахъ пастырь“ (духовный отецъ), чтобы сохранить ихъ чистыми, непорочными и достойными Христовыми невѣстами, такъ какъ „здѣсь (въ случаѣ оплошности пастыря въ попеченіи о дѣвственницахъ) отвергаетъ не супругъ, а Самъ Христосъ; неплодство (духовное) угрожаетъ не поношеніемъ, но погибелью души: *всяко древо, не творящее плода добра, постыжается и во огнь вметается* (Лук. 3, 9), и пришедшей въ немилость жениха не довольно взять разводное письмо и отойти, но гнѣвъ Его сопровождается вѣчнымъ для нея мученіемъ“. Итакъ, пастырь долженъ воспитывать дѣвственницъ, какъ невѣсты Христовыхъ. Но здѣсь ему предстоитъ много трудностей. И прежде всего, трудность такого воспитанія обуславливается тѣмъ, что у дѣвственницъ много враговъ: во-первыхъ, общій врагъ рода человѣческаго, „врагъ святости сильно и непрестанно вооружается противъ нихъ и осаждаетъ ихъ своими коварствами“; во вторыхъ, „имъ разставляютъ сѣти многіе злонамѣренные люди“, и, въ-третьихъ, наконецъ, „вмѣстѣ съ симъ враждуетъ на нихъ и своевольная человѣческая природа“ ²⁾. Съ другой

¹⁾ Слова освященствѣ, стр. 102.

²⁾ Слова о свещ., стр. 102 и 103

стороны, эта трудность увеличивается еще и тѣмъ (главнымъ образомъ), что пастырь не можетъ жить въ одномъ съ ними помѣщеніи, а вслѣдствіе этого у него „нѣтъ способа наблюдать за движеніями души—безпорядочныя обуздывать, а правильныя и благородныя улучшать и болѣе облагораживать“. Кромѣ того, „пастырю не удобно вникать въ причины отлучекъ дѣвственницъ, такъ какъ онѣ сами заботятся о своемъ пропитаніи“,—а въ этомъ опять лежитъ масса поводовъ для ихъ искушенія и паденія. Самое лучшее, по мнѣнію св. Златоуста, что можетъ сдѣлать пастырь, это—удалить, насколько возможно, все, что такъ или иначе можетъ соблазнять дѣвственницъ и отвлекать ихъ отъ ангельской жизни, для чего необходимо обезпечить ихъ матеріально и держать какъ можно дальше отъ соблазновъ міра¹⁾. Матеріальное обезпеченіе сдѣлаетъ то, что отлучки дѣвственницъ изъ своихъ уединенныхъ жилищъ окажутся излишними и ненужными; это послѣднее будетъ для дѣвственницъ гарантіей отъ соблазновъ и паденій, благотворное же вліяніе Церкви и пастыря выйдеть въ душу ихъ сѣмена христіанской добродѣтели.

Говоря о церковной благотворительности, нельзя не коснуться самаго характера поведенія благотворителей, или тѣхъ качествъ, которыя благотворители должны проявлять въ обращеніи съ людьми, пользующимися церковнымъ содержаніемъ, потому что отъ такого или иного характера благотворителей, отъ такого или иного обращенія ихъ съ людьми нуждающимися зависитъ цѣна и значеніе церковной благотворительности, какъ дѣла христіанской любви. Уже изъ предыдущаго можно видѣть, что церковная благотворительность должна быть чужда офиціального, канцелярскаго характера; благотворители, по самому своему положенію, не могутъ быть чиновниками и относиться къ этому дѣлу по-казенному,—они, естественно, должны вносить сюда духъ живой дѣятельности и въ самое дѣло влагать всю свою душу. Только при такомъ отношеніи

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 101—106.

къ церковной благотворительности можно отъ послѣдней ожидать плодотворныхъ послѣдствій, въ противномъ случаѣ это дѣло застынетъ въ своихъ канцелярскихъ формахъ и окажется не только бесполезнымъ, а, пожалуй, даже и не безвреднымъ учрежденіемъ; по крайней мѣрѣ, на живого и энергичнаго человѣка оно будетъ производить тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Вотъ почему св. Златоустъ требоваль отъ пастырей самаго сердечнаго, живого отношенія къ дѣлу церковнаго благотворенія, побуждалъ и убѣждалъ ихъ видѣть въ нуждающемся не простой №, занесенный на бумагу, а живого человѣка, способнаго чувствовать и понимать. И такое требованіе вполне понятно. Какъ бы ни была широке поставлена церковная благотворительность въ смыслѣ количественномъ, но если она совершается безъ чувства христіанской любви, она не будетъ дѣломъ милосердія. Можно подать милостыню, можно оказать помощь ближнему, — и однако отъ этого не произойдетъ существенной и осязательной пользы въ нравственномъ отношеніи. Пусть милостыня будетъ обильна, пусть она удовлетворитъ потребности бѣднаго человѣка, но если она подается холодно, безъ участія къ положенію бѣднаго и страдающаго человѣка, то, утоливъ голодъ и жажду тѣлесныя, она не въ силахъ будетъ ослабить тяготу душевную, удовлетворитъ голодъ и жажду духовныя, которыми страдаютъ особенно люди бѣдные, питающіеся отъ щедротъ своихъ благотворителей. А между тѣмъ, необходимо удовлетворять и духовныя потребности и даже съ большею заботливостію, чѣмъ потребности тѣлесныя. Поэтому, пастырь, протягивая руку съ милостыней, долженъ обращать къ просителю и свое лицо, долженъ растворять свое подаяніе теплымъ и сердечнымъ участіемъ къ бѣдному человѣку, привѣтствуя его или ласковымъ словомъ, или такимъ же взглядомъ ¹⁾). И такое подаяніе, если даже оно будетъ и не слишкомъ обильно,

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 99.

будеть дѣйствительно милостынею и окажется во сто кратъ пріятнѣе и цѣннѣе для бѣдняка, чѣмъ богатая жертва, поданная съ горделивымъ молчаніемъ, и, конечно, повлечетъ за собою духовное и тѣлесное удовлетвореніе. „Тотъ, съ кѣмъ обходится сурово, — говоритъ св. Златоустъ, — и при богатомъ содержаніи не чувствуетъ всей цѣны онаго, потому что для него ощутительнѣе рана оскорбленія; напротивъ, кто слышитъ привѣтливое слово и принимаетъ милостыню съ утѣшеніемъ, тотъ сугубо веселится и радуется, и самый даръ кажется ему вдвое большимъ по причинѣ такого образа даванія“¹⁾. Да, участіе въ печали другого, сочувствіе состраданію доставляютъ и сильно страждущему человѣку великую отраду и большое облегченіе: его страданія, какъ бы раздѣляясь между двумя существами, ослабляются и дѣлаются, поэтому, менѣе чувствительными. — Какое удивительно тонкое пониманіе души человѣческой, какое знаніе сердца человѣческаго обнаруживаетъ св. отецъ въ данномъ случаѣ! Поистинѣ, онъ былъ поразительно глубокой психологъ!..

Послѣ этого само собою понятно, что пастырю не должно быть свойственно какое-либо грубое и рѣзкое обращеніе съ нуждающимися въ церковной благотворительности, тѣмъ болѣе онъ не долженъ допускать какого либо „попрека“ или даже намека на даровое содержаніе при раздачѣ вспомоствованія. Если даже просьба со стороны нуждающихся, напр., вдовицъ, будетъ обращена къ пастырю „съ какою-то (скажемъ словами св. Златоуста) излишнею дерзостію“, свойственною этому сословію, то и въ такомъ случаѣ пастырю „слѣдуетъ не раздражаться, а переносить это великодушно“, слѣдуетъ „щадить, а не оскорблять сіе сословіе женъ (т. е. вдовицъ) изъ состраданія къ ихъ несчастіямъ. Издѣваться надъ ихъ бѣдственнымъ состояніемъ и такимъ образомъ въ скорби бѣдности прибавлять еще обиду было бы крайне жестоко“²⁾. Да и вообще въ обращеніи съ людьми, питающи-

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 100.

²⁾ Слова о священствѣ, стр. 97—98.

мися на счетъ церковной благотворительности, надлежитъ быть крайне осторожнымъ и деликатнымъ, потому что они слишкомъ чувствительны и подозрительны къ самымъ, повидимому, безобиднымъ словамъ и поступкамъ; чтобы не дать имъ повода къ огорченію и не поступить „погрѣшительно“, пастырю слѣдуетъ, по мнѣнію св. отца, всегда помнить наставленіе премудраго сына Сирахова, который говорить: *преклони ухо твое къ нищему и отъѣдай ему мирная въ кротости* (Сирах. 4, 8)¹⁾. Но особенно кротко, терпѣливо и осторожно надлежитъ обращаться пастырю съ больными, немощными и всякаго рода людьми увѣчными, потому что все такія лица бываютъ большею частію угрюмы, и угодить имъ очень трудно. И если не прилагать о нихъ постоянной попечительности и особенной заботливости, довольно и одного малѣйшаго опущенія, чтобы привести ихъ въ весьма сильную досаду²⁾. Въ отношеніи къ странникамъ нужно, по словамъ св. Златоуста, проявлять усердіе, радушіе, щедрость, потому что душа странника совѣстится и стыдится; и если не окажутъ ему полного радушія, то онъ уходитъ какъ бы отверженный, — и такой пріемъ бываетъ гораздо хуже, чѣмъ прямой отказъ. Желая дать наглядный примѣръ обращенія съ странниками, св. Златоустъ указываетъ Авраама, такъ радушно принявшаго трехъ странниковъ³⁾.

При такой постановкѣ, церковная благотворительность въ рукахъ опытнаго пастыря можетъ быть могучимъ средствомъ его воздѣйствія на пасомыхъ. Это потому, что, во-первыхъ, эта дѣятельность пастыря захватываетъ собою всего человѣка, со всеми его физическими и духовными потребностями и совершаетъ ихъ удовлетвореніе подъ покровомъ и въ духѣ христіанской Церкви; во-вторыхъ, эта дѣятельность

¹⁾ Слова о священствѣ, стр. 98.

²⁾ Тамъ же, стр. 101.

³⁾ Бес. на кннг. Дѣян., б. 45, стр. 273.

пастыря служить нагляднымъ выраженіемъ той христіанской любви, проповѣдникомъ которой пастырь является по преимуществу; наконецъ, въ-третьихъ, обращаясь съ разнаго рода нуждающимися, больными, странниками и т. п. людьми, пастырь, несомнѣнно, будетъ имѣть дѣло съ разнообразнѣйшими личностями, и притомъ въ такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ ихъ жизни, когда человѣкъ особенно расположенъ къ откровенности. Такая церковно-благотворительная дѣятельность пастыря не можетъ идти въ сравненіе съ благотворительностію филантроповъ, какъ бы она ни бросалась въ глаза своею внѣшностію. Послѣдняя чужда религіозно-нравственнаго характера и имѣетъ задачею дать своимъ кліентамъ возможность пользоваться благами такъ называемой культуры; тогда какъ церковная благотворительность, удовлетворяя насущныя потребности человѣка, своею главною задачею и цѣлію имѣетъ обновленіе нравственнаго облика человѣка. Благотворительность филантроповъ, такимъ образомъ, имѣетъ въ виду физическое удовлетвореніе своихъ кліентовъ, а церковная благотворительность—главнымъ образомъ нравственное удовлетвореніе ихъ. Филантропъ, собственно говоря, не видитъ въ благотворимомъ человѣкѣ равной себѣ личности, а лишь подобное себѣ существо, и если заботится о немъ, то хочетъ доставить себѣ удовольствіе, чтобы быть спокойнымъ; до душевнаго міра бѣдняка ему нѣтъ дѣла,—эта область-де соборенная и для посторонняго вниманія, по его мнѣнію, должна быть закрытою. Между тѣмъ, пастырь прежде всего видитъ въ благотворимомъ человѣкѣ равную себѣ личность, своего брата и заботится о его внутреннемъ, духовномъ мірѣ, старается привести, такъ сказать, въ порядокъ его совѣсть. Такъ поступать необходимо потому, что, не обращая вниманія на внутренній міръ человѣка, не возможно обновить его нравственное состояніе,—а безъ этого и при хорошемъ питаніи онъ не будетъ счастливъ. Но, съ другой стороны, такъ какъ нельзя ограничиться однимъ внутреннимъ міромъ человѣка, особенно когда онъ дрожитъ отъ голода и холода

и далекъ отъ мыслей высокихъ; то нужно его еще накормить, проявить на дѣлѣ любовь и успокоить его страдающее тѣло, а потомъ онъ уже и самъ откроетъ свою душу. Одно безъ другого быть не можетъ и не должно; нужно обнимать любовью всего человѣка—и тѣло его и душу, и тогда только можно надѣяться на успѣхъ благотворительности.—Итакъ, филантропія по существу своему односторонняя, между тѣмъ церковная благотворительность свободна отъ этого недостатка ¹⁾.

Не будетъ съ нашей стороны погрѣшностію сказать, что церковно-благотворительная дѣятельность пастыря есть не столько палліативъ противъ социальнo-экономической болѣзни общества,—хотя и такого значенія за ней отрицать нельзя,—сколько одно изъ средствъ такъ называемой пастырской душепечечительности. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрѣль на нее св. Златоустъ, признававшій вѣчное значеніе только за духовно-нравственной жизнью человѣка и допускавшій нормальное удовлетвореніе его физическихъ потребностей постольку, поскольку это было необходимо для подражанія жизни, которая, по его мнѣнію, есть благо и драгоценный даръ Божій ²⁾. Признавая за церковною благотворительностію громадное нравственное значеніе, св. Златоустъ, поэтому, и заповѣдывалъ пастырямъ относиться къ ней самымъ серьезнымъ образомъ. Правда, она сопряжена съ большими трудами,—и св. отецъ по опыту хорошо это зналъ,—но зато

¹⁾ Въ послѣднее время все болѣе и болѣе приходятъ къ мысли о томъ, что благотворительная дѣятельность, если она желаетъ принести дѣйствительную помощь страдающему человечеству, должна носить именно религіозный характеръ. Эту идею уже нѣсколько лѣтъ пытаются осуществлять извѣстный генералъ „арміи спасенія“ г. В. Бутсъ.

²⁾ Насколько высоко св. Златоустъ цѣнилъ физическое здоровье, можно видѣть изъ того, что въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ онъ постоянно освѣдомляется о здоровьи своихъ корреспондентовъ, совѣтуетъ имъ въ случаѣ болѣзни, обращаться къ врачамъ, въ каждомъ письмѣ желаетъ здоровья и, кромѣ того, самъ прибѣгалъ къ медицинской помощи. Замѣчательно все это потому, что св. Златоустъ былъ строгій аскетъ, буквально морилъ себя голодомъ и, вообще, вель суровую не по организаціи (онъ былъ слабого тѣлосложенія) жизнь.

велики могутъ быть и плоды отъ нея какъ для пасомыхъ, такъ и для пастыря. Для послѣдняго эта дѣятельность въ особенности можетъ быть плодотворною, потому что на этой почвѣ отношенія между пастыремъ и пасомыми могутъ быть самыми задушевными, и пастырь можетъ снискать себѣ со стороны пасомыхъ самую искреннюю и сердечную признательность. Невыгода же этой дѣятельности для пастыря заключалась во времена св. Златоуста въ томъ, что она представляла много соблазновъ, и пастырь легко могъ превратиться въ совершенно „мірскаго человѣка“, о чемъ такъ сильно беспокоилась святая душа Златоуста. *К. Б—въ.*

Благотворное значеніе всенощныхъ бдѣній, совершаемыхъ въ церковныхъ школахъ.

Каждая школа должна имѣть задачею своею христіанское воспитаніе и религіозное развитіе дѣтей. Приставники же школьнаго дѣла должны стремиться къ осуществленію сей цѣли.

Судя по опыту, нельзя не признать, что всенощныя бдѣнія, совершаемыя въ церковныхъ школахъ для учениковъ, служатъ неоспоримо-важнымъ средствомъ для развитія въ учащихъ дѣтяхъ религіозно-воспитательныхъ началъ въ духѣ Церкви Православной.

Въ краткой замѣткѣ сей мы обрисуемъ, съ какимъ непреодолимымъ желаніемъ ждуть ученики кануна праздничныхъ дней, какими чувствами наполняются ихъ дѣтскія души, когда они становятся на службу Божію, и какія добрыя послѣдствія сказываются въ нихъ.

Наступленія дней, предназначаемыхъ для отправленія всенощныхъ бдѣній въ церковныхъ школахъ, всегда ожидаютъ ученики съ нетерпѣніемъ и съ замѣтнымъ радостнымъ настроеніемъ.

Еще за день-два маленькіе богомольцы (ученики) заботливо стараются вымыть и очистить внутри все зданіе и при-

вести въшнюю сторону своей школы въ возможно лучшей видѣ. Особенное вниманіе обращается учениками на благоуукрашеніе иконы, находящейся въ классной комнатѣ, предъ которою, большею частію, возжигается елей, покупаемый учащимися на свой счетъ.

Предъ началомъ службы, ученики сами, вмѣстѣ со сторожемъ, благовѣстятъ, сами приносятъ изъ церкви подсвѣчники, возжигаютъ свѣчи предъ иконой въ классѣ, ставятъ аналой съ богослужбными книгами и отыскиваютъ въ нихъ службу и все то, что нужно читать и пѣть. Встрѣчаютъ священника, равно какъ и провожаютъ его, по окончаніи службы, всегда съ почтительнымъ низкимъ поклономъ. При начальныхъ словахъ: „Слава Святѣй“ всѣ они набожно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ, и классная комната превращается въ домъ молитвы. Чрезъ всю службу никто изъ учениковъ не чувствуетъ ни малѣйшей усталости, никто изъ нихъ не выйдетъ вонъ, и всѣ молятся прилежно.

Участіе въ церковномъ клиросномъ чтеніи за сею службою доставляетъ ученикамъ неописанное удовольствіе; каждый изъ чтецовъ ожидаетъ своей очереди съ трепетно-благоговѣйными чувствами и старается исполнить свое дѣло умиленно. Пѣніе исполняется ученическимъ хоромъ съ полнымъ вниманіемъ и производитъ благое дѣйствіе. Особенно сильно ощущается это дѣйствіе тогда, когда ученики запоютъ всѣ своими голосами „великое славословіе“. Велегласное пѣніе сіе потрясаетъ собою тогда всю храмину школы и проникаетъ глубоко въ душу, наполняя ее святыми божественными чувствами.

По окончаніи службы въ школахъ не слышно бываетъ ни дѣтскихъ рѣзвостей, ни словоохотливости безполезной: ученики, подъ дѣйствіемъ спасительныхъ чувствъ, истинно съ христіанскою сдержанностью проводятъ остальные вечерніе часы, пока не наступитъ время для отхода ко сну; пробудившись же на утро, послѣ утренней молитвы они пребываютъ снова въ молитвенномъ благоговѣйномъ настроеніи, въ ожиданіи божественной литургіи.

Вообще, благотворное дѣйствіе всенощныхъ бдѣній, совершаемыхъ въ школахъ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, проникаетъ внутрь учащихся дѣтей и оказываетъ самыя отрадныя послѣдствія.

При помощи всенощныхъ бдѣній, отправляемыхъ въ зданіяхъ школьныхъ, ученики скорѣе и легче ознакомливаются съ порядкомъ и содержаніемъ сихъ службъ; у нихъ развивается крѣпко усердіе и любовь къ церковнымъ службамъ, и молитвенная потребность духа дѣлается сущностію ихъ жизни.

Любятъ бывать въ школахъ на сихъ службахъ и взрослые крестьяне, чтобы послушать съ утѣшеніемъ чтеніе и пѣніе своихъ дѣтей и помолиться вмѣстѣ съ ними Богу.

Проявленіе сіе— въ высшей степени отрадное и симпатичное. Нельзя не пожелать, чтобы оно все болѣе и болѣе развивалось и способствовало какъ поддержанію церковно-религіознаго духа въ народѣ, такъ и подъему нравственно-религіозной стороны жизни его ¹⁾.

¹⁾ Астр. еп. в., 1904 г., № 6.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 6-го марта 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Авц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Годъ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 13.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905 года, марта 27-го.

Содержаніе: Подъ впечатлѣніемъ очерка свящ. Гр. Петрова: „Затѣйникъ“.—
Въ области церковно-приходской жизни. II. Два слова о церков-
номъ чтеніи.—Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ (къ вопросу о миссіо-
нерскомъ служеніи).

Подъ впечатлѣніемъ очерка священника Гр. Пе- трова: „Затѣйникъ“.

Недавно вышелъ изъ печати *третій* и заключительный
выпускъ одного изъ наиболѣе крупныхъ произведеній извѣст-
наго священника Гр. Петрова—подъ заглавіемъ: „Затѣйникъ“.
Въ немъ авторъ видимо хочетъ представить идеальный образъ
пастыря. Вотъ суть содержанія „Затѣйника“.

Молодой человекъ—семинаристъ И. Постниковъ, еще на-
ходясь на школьной скамьѣ, глубоко задумывается надъ во-
просами духовнаго совершенствованія—какъ личнаго, такъ и
общественнаго. Подъ вліяніемъ горячихъ, убѣдительныхъ рѣ-
чей своего старшаго брата—бывшаго семинариста, а потомъ
студента университета, а также подъ впечатлѣніемъ живо

чувствуемыхъ имъ отрицательныхъ сторонъ окружающей среды, онъ проникается критическимъ отношеніемъ и къ духовной школѣ, не выполняющей прямого своего назначенія, и къ бездушной, полной, по его мнѣнію, простого формализма, дѣятельности духовенства. Постниковъ живетъ исключительно работой мысли, самоанализомъ, и плодомъ напряженной внутренней работы у него является безповоротная рѣшимость сдѣлаться непременно священникомъ. Своей исключительностью Постниковъ рѣзко выдѣляется изъ среды товарищей, которые дали ему прозвище „затѣйника“, такъ и оставшееся за нимъ на всю жизнь. Несмотря на заманчивую для семинариста перспективу—быть посланнымъ въ качествѣ лучшаго ученика въ академію, Постниковъ все же не измѣняетъ своего рѣшенія. Академія, какъ полагаетъ онъ, не внушаетъ своимъ питомцамъ убѣжденнаго желанія служить духовнымъ интересамъ народа въ пастырскомъ званіи; она выпускаетъ множество чиновниковъ на всевозможныя поприща свѣтской службы, но или совсѣмъ не даетъ, или даетъ очень мало истинныхъ пастырей. Женившись на бѣдной дѣвушкѣ-безприданницѣ, Постниковъ получилъ приходъ. Тяжело было жить на первыхъ порахъ молодой бѣдной четвѣ. Къ счастью, въ ихъ судьбѣ принялъ близкое участіе епархіальный архіерей, который ободрилъ, обласкалъ ихъ и даже снабдилъ необходимой для перваго обзаведенія суммой денегъ. Денежный подарокъ получили они также и отъ расположеннаго къ нимъ инспектора семинаріи—іеромонаха Алексѣя. Пріѣхавши на приходъ, молодой священникъ начинаетъ свое служеніе съ одушевленной проповѣди народу. И въ послѣдующее время проповѣдничество и всякаго рода религіозно-нравственныя бесѣды съ прихожанами продолжаютъ занимать самое видное мѣсто въ дѣятельности молодого пастыря. О. Иванъ, не удовлетворяясь проповѣдью съ церковной кафедры, ищетъ вездѣ и всегда удобнаго случая побесѣдовать съ своими духовными дѣтьми, преподавать имъ пастырскія наставленія. Онъ зорко всматривается въ крестьянскую жизнь, миритъ враждующихъ,

утѣшаетъ больныхъ и несчастныхъ, для каждаго находя теплое слово участія и назиданія. Молодая его подруга также оказывается не совсѣмъ похожей на обыкновенныхъ матушекъ; и она, слѣдуя примѣру мужа, отдается заботамъ о приходѣ въ области, доступной ея компетенціи.

Много добра, много свѣта внесло въ темную деревню кратковременное пребываніе въ ней о. Постникова; но, подъ давленіемъ различнаго рода непріятностей, ему пришлось перемѣнить деревню на городъ. Здѣсь окончательно развернулись во весь свой ростъ завѣтныя мечты и энтузіазмъ молодого пастыря, нашедши для себя многостороннее и разнообразное примѣненіе. Предметомъ его пастырскаго воздѣйствія на новомъ мѣстѣ службы становится, главнымъ образомъ, интеллигенція. Занявъ мѣсто больничнаго священника, о. Постниковъ прежде всего сближается съ врачебнымъ персоналомъ больницы, а затѣмъ, въ скоромъ времени, и вообще дѣлается самымъ виднымъ, самымъ популярнымъ священникомъ города. Образованные граждане очень охотно слушаютъ его убѣжденное, исходящее отъ сердца, слово и ищутъ его умныхъ совѣтовъ и бесѣдъ; а онъ, въ свою очередь, всегда оказывается вполнѣ готовымъ къ интимному или публичному обсужденію насущныхъ вопросовъ о Богѣ, вѣрѣ, Церкви, о правдѣ и неправдахъ жизни; къ тѣмъ же, которые почему-либо сторонятся его, какъ священника, — будетъ-ли то скептикъ-интеллигентъ, потерявшій вѣру въ Бога и Церковь, или же несчастные, погибшіе люди со дна жизни, — онъ идетъ самъ и дружеской бесѣдой старается расположить ихъ къ искренности, согрѣть охладѣвшее въ духовномъ одиночествѣ ихъ сердце, разбудить въ ихъ душѣ дремлющую тоску по Богѣ и новой, лучшей жизни. Онъ заявляетъ также себя инициаторомъ пастырскихъ собраній въ цѣляхъ болѣе тѣснаго сближенія между собою пастырей, различнаго рода благотворительныхъ организацій, религіозно-нравственныхъ чтеній для интеллигенціи и т. п. Словомъ, въ городѣ онъ оказался еще болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ деревнѣ. Однако, чѣмъ энергичнѣе

дѣйствовали молодой священникъ, тѣмъ больше наживалъ онъ себѣ враговъ и завистниковъ изъ среды, главнымъ образомъ, своихъ же собратьевъ. Еще находясь въ селѣ, онъ возбудилъ своими новшествами неудовольствіе со стороны сослуживца-священника и непосредственнаго начальника-благочиннаго; съ переходомъ же въ городъ на него посыпались доносы къ архіерею, и столкновенія его съ недоброжелателями сдѣлались еще болѣе частыми. Тѣмъ не менѣе, не интриги и злоба людскія свели въ преждевременную могилу о. Постникова: онъ палъ жертвой собственнаго самоотреченія ради ближнихъ, заразившись во время тифозной эпидеміи, когда, твердо стоя на своемъ пастырскомъ посту, самоотверженно служилъ меньшей братіи.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ фабула „Затѣйника“.

Уже по *первому* выпуску „Затѣйника“ можно было съ достаточной вѣроятностію предугадать, что послѣдуетъ въ его продолженіи, и какой характеръ должна будетъ, согласно ранѣе намѣченной авторомъ цѣли, носить пастырская дѣятельность о. Постникова. Ближайшее знакомство съ содержаніемъ очерка показываетъ, что авторъ часто весьма далеко отъ истины въ оцѣнкѣ дѣйствительности; что его сужденія, вполнѣ благонамѣренныя по цѣли, сплошь и рядомъ продиетованы не жизнію въ ея реальныхъ фактахъ, а тенденціознымъ желаніемъ во что бы то ни стало оправдать свои излюбленныя мечты, облечь свои желанія и надежды, такъ сказать, въ плоть и кровь дѣйствительности.

О. Постниковъ—незаурядный, необыкновенный пастырь. „Затѣйникомъ“ онъ слылъ среди товарищей по семинаріи и такимъ же „затѣйникомъ“ является и въ приходской своей дѣятельности, въ своихъ рѣчахъ и разсужденіяхъ, въ своемъ стремленіи вдохнуть живую душу въ застывшій, неподвижно-рутинный укладъ жизни, сообщить ей, въ сферѣ ввѣренной ему области дѣятельности, совершенно иную, духовную фizioномію. Его должно отнести къ разряду тѣхъ людей, которыхъ принято называть „идеалистами“. Но съ понятіемъ

идеалиста у насъ всегда соединяется представленіе какъ о благородныхъ порывахъ, такъ и о многочисленныхъ неудачахъ, разочарованіяхъ, сознательномъ или просто пассивномъ сопротивленіи окружающей среды, какія неизбѣжно приходится испытывать всякому, кто пожелалъ бы взять на себя тяжелую роль новатора въ той или другой области жизни. Того, кто на цѣлую голову поднимается выше другихъ, сплошь и рядомъ или ненавидятъ изъ зависти, или боятся по причинѣ инертнаго отношенія ко всякимъ новымъ порядкамъ, ко всякому безпокойному движенію впередъ съ насиженнаго спокойнаго мѣста унаслѣдованныхъ традицій и порядковъ жизни. Такъ всегда было и будетъ. И чѣмъ больше противодѣйствій встрѣчаетъ такой человѣкъ со стороны окружающихъ, тѣмъ болѣшую симпатію возбуждаетъ онъ въ насъ своей непоколебимой рѣшимостью идти противъ подавляющаго большинства. Если же путь его дѣятельности оказывается усѣяннымъ больше розами, чѣмъ терніемъ, то онъ невольно спускается въ нашихъ глазахъ съ высокаго пьедестала героя-идеалиста въ разрядъ просто счастливцевъ, удачниковъ судьбы, часто расточающей свои дары слѣпо, безъ достаточныхъ основаній, и людямъ, ихъ недостойнымъ.

О. Петровъ въ лицѣ о. Постникова нарисовалъ типъ священника-идеалиста, идущаго совершенно новыми путями къ цѣли нравственнаго оздоровленія общества. Но нельзя не замѣтить, что съ самыхъ первыхъ шаговъ и въ продолженіе всей короткой жизни на долю молодого пастыря выпадаютъ, въ большинствѣ случаевъ, успѣхъ и удачи. Начать хотя бы съ того, что рѣшеніе о. Постникова принять священство находитъ полное сочувствіе себѣ даже среди людей, совершенно чужихъ ему. Возникаютъ затѣмъ, уже на приходѣ, непріятности у него съ сослуживцами, ближайшимъ и высшимъ начальствомъ; но ни одна изъ нихъ не приводитъ къ какимъ-либо роковымъ для о. Постникова послѣдствіямъ, напротивъ, всѣ онѣ въ концѣ концовъ благополучно улаживаются, еще болѣе поднимая его репутацію. Тяжелое матеріальное поло-

женіе сельскаго священника не возбуждаетъ въ о. Постниковѣ ни малѣйшихъ тревожныхъ опасеній за будущее; оно постепенно затѣмъ улучшается, благодаря добродѣтельнымъ дѣяніямъ зажиточныхъ и благожелательно настроенныхъ къ о. Ивану прихожанъ.

Что касается собственно пастырской дѣятельности о. Постникова, то она быстро и всюду вѣнчается успѣхомъ. Обращается ли онъ съ увѣщаніями къ старикамъ-крестьянамъ, говоритъ ли съ деревенскою молодежью о послушаніи старшимъ, является ли совѣтникомъ и судьей въ семейныхъ дѣлахъ, призываетъ ли къ корпоративному единенію своихъ собратьевъ-священниковъ, пытается ли направить на путь истинный совершенно, повидимому, неисправимаго босяка, склоняетъ ли къ вѣрѣ закоренѣлаго скептика-интеллигента,— всегда почти о. Постниковъ добивается успѣха и всюду является желаннымъ человѣкомъ, а его дѣйственное слово вездѣ находитъ для себя благодарную почву. Впрочемъ, въ интересахъ жизненной правды, авторъ старался создать „затѣйнику“ и злоключенія, изображеніями которыхъ заполнены многія страницы особенно послѣдняго выпуска. Но все это, какъ замѣтно, о. Петрову надо было выставить только для того, чтобы хотя до нѣкоторой степени замаскировать неправдоподобіе рисуемыхъ картинъ жизни, чтобы сгладить впечатлѣніе фальши и искусственности въ изображеніи исключительной по успѣхамъ и благополучію дѣятельности о. Постникова. Несмотря на всѣ противодѣйствія при проведеніи въ жизнь своихъ убѣжденій, о. Постниковъ твердо и неуклонно идетъ къ поставленной цѣли и достигаетъ ея: выводъ отсюда такой: было бы терпѣніе, были бы настойчивость и призваніе—и никакія препятствія не страшны „идейному“ человѣку. Но надо ли распространяться о томъ, что суровая дѣйствительность своимъ трезвымъ языкомъ сплошь и рядомъ охлаждаетъ пламенные мечты и упованія, и что ея аргументы куда убѣдительнѣе книжныхъ?—О. Петровъ со свойственнымъ ему талантомъ живописанія подчасъ рисуетъ удивительныя

по красотѣ художественнаго изложенія картины нравственнаго перерожденія и замѣны старыхъ устоевъ жизни новыми. Залюбуешься его мастерскими метафорами, въ которыхъ онъ обыкновенно выражаетъ свои излюбленныя мысли, и невольно какъ бы согласишься съ нимъ; но это—только на одну минуту. Въ сознаниіи, какъ бы загнипнотизированномъ на время художественной красотой произведенія, скоро начинаетъ всплывать настойчивая, неотвязная мысль, что красивыя, продуманныя фразы и ихъ реализація въ живыхъ фактахъ дѣйствительности—двѣ совершенно разныя вещи.

Стоитъ только заглянуть „въ корень вещей“, отдаться „живому дѣлу“, начать жить „по-новому, по-иному“—вотъ все, что нужно, по мысли о. Петрова и о. Постникова, для того, чтобы осмыслить жизнь, поднять энергію къ работѣ, къ водворенію на землѣ желаннаго царства Божія.—Не правда ли, какъ все это просто, легко, но и мудрено и трудно въ одно и то же время? Вообще слѣдуетъ замѣтить, что когда о. Петровъ—отъ себя ли лично, или устами выведенныхъ въ его очеркахъ лицъ—говоритъ на темы общаго содержанія, или когда въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ обнажаетъ большія мѣста и темныя захолустья современной жизни, то у него есть чему поучиться, есть что послушать; но когда онъ беретъ за указаніе положительныхъ мѣръ къ устраненію какихъ-либо отрицательныхъ явленій жизни или за проведеніе своихъ идей въ живую дѣйствительность, что дѣлаетъ не онъ собственно, а герои его произведеній (см., напр., „По стопамъ Христа“, или тотъ же „Затѣйникъ“), то тонъ рѣчей о. Петрова нерѣдко отзывается риторизмомъ, и его картинныя повѣствованія сбиваются на сказку,—правда, занимательную и красивую, но все же сказку съ торжествующимъ добромъ и посрамленнымъ порокомъ, рассказанную въ цѣляхъ болѣе нагляднаго назиданія. Нѣтъ словъ, цѣль похвальная: и хорошая сказка, искусно построенная, можетъ, какъ говорится, сослужить свою службу; но все же ея нельзя брать въ программу для дѣятельности, такъ какъ кто же виновать, что

хочется вѣрить ея правдѣ, но и при желаніи никакъ не можешь ей повѣрить? Какъ бы хотѣлось вѣрить, напр., тому, о чемъ рассказываетъ о. Петровъ въ своемъ „Затѣйникѣ“! Но, перелистывая страницы очерка и видя, что каждая новая глава неизмѣнно несетъ торжество и успѣхъ о. Постникову, какъ-то невольно начинаешь сомнѣваться въ правдивости рассказаннаго. Задумываешься также и относительно конца „Затѣйника“. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, достойно замѣчанія то обстоятельство, что „затѣйникъ“ сходитъ со сцены жизни и дѣятельности не по кознямъ своихъ враговъ и недоброжелателей, не подъ вліяніемъ лжи, предразсудковъ, зависти, косности и невѣжества, съ которыми онъ такъ беззавѣтно боролся, а въ силу простой случайности, которая могла быть и не быть, и отъ которой не застрахованы ни самый восторженный идеалистъ, ни самый посредственный человѣкъ рутины и неподвижной обыденщины. Ужь не затѣмъ ли,—невольно спрашиваешь себя,—авторъ придумалъ для своего „затѣйника“ такой трагическій конецъ, чтобы сильнѣе подчеркнуть важную для него лично мысль, что человѣкъ безсиленъ только предъ смертію,—помимо же ея онъ неодолимъ рѣшительно никѣмъ и ничѣмъ въ своемъ прямолинейномъ стремленіи къ добру и свѣту?—Сентенція, повторяемъ, поучительная, но вовсе не носитъ характера какой-либо житейской аксіомы. И помимо смерти отъ какого-либо несчастнаго случая—хотя бы отъ того же зараженія тифомъ—горячая дѣятельность идеально настроенныхъ пастырей еще чаще пресѣкается способами, менѣе крайними, но очень дѣйствительными; подобными тѣмъ, о которыхъ говорится, напр., въ бытовыхъ очеркахъ Гусева-Оренбургскаго: „Пастырь добрый“, или „Идеалистъ“.

„Затѣйникъ“ очень многимъ напоминаетъ самого о. Петрова, но многимъ и отличается отъ него. То, что приписано ему по сходству съ самимъ авторомъ, еще можетъ претендовать на нѣкотораго рода вѣроятность, какъ результатъ дѣйствительнаго опыта; но то, что отличаетъ его отъ автора, носитъ на себѣ печать чисто априорныхъ предположеній и

суждений. Отсюда, произведения о. Петрова нередко свидетельствуют о томъ, насколько рискованны бываютъ подчасъ его „мысленныя экскурсіи“ въ области, мало доступныя его непосредственному наблюденію. Столичному священнику необходимо самому пережить и на себѣ почувствовать всю разницу изображаемыхъ имъ положеній, самому поработать въ той маленькой и въ то же время весьма трудной роли, которую онъ выполняетъ только теоретически—черезъ другого. Только тогда его слово будетъ не просто красивымъ и жалкимъ словомъ, хотя бы и вполне искренно преслѣдующимъ добрую цѣль, но вмѣстѣ и неотразимымъ выводомъ изъ самой жизни. Вѣдь одно настроеніе испытываешь тогда, когда наслаждаешься, напр., симфоніями Чайковскаго, любишься произведеніями Дрезденской галлерей, путешествуешь по чуднымъ горамъ благодатнаго Крыма или величественнаго Кавказа,—и другое—когда въ какомъ-либо затерянномъ захолустьѣ то и дѣло слышишь печальные мотивы нужды да горя, наталкиваешься на каждомъ шагу на тяжелыя сцены безпросвѣтнаго невѣжества. Говоримъ это не въ качествѣ упрека кому-либо и тѣмъ болѣе самому о. Петрову, а просто въ интересахъ трезвой правды. Впрочемъ, о. Петровъ, кажется, и самъ чувствуетъ иногда, что деревенская глушь—область не его вѣдѣнія; вотъ почему онъ такъ скоро переводитъ о. Постникова изъ деревни въ городъ, т. е. въ ту сферу жизни и дѣятельности, которая болѣе всего знакома автору, и относительно которой онъ всегда найдетъ, чѣмъ поговорить устами своего героя.

Но изображеніе и городской жизни, поскольку она отражается на пастырской дѣятельности „затѣйника“, не всегда оказывается подъ перомъ о. Петрова вѣрнымъ дѣйствительности. Если судить по исключительному примѣру самого о. Петрова, послужившаго прототипомъ для „затѣйника“, то, конечно, можно согласиться съ тѣмъ, что, обладая извѣстными талантами, легко даже въ короткій срокъ времени добиться популярности, сосредоточить на себѣ все-

общій интересъ и вниманіе. О. Петровъ и о. Постниковъ—люди весьма энергичные, убѣжденные и талантливые,—пусть такъ; но вѣдь и крупные таланты, энергичныя натуры нерѣдко наталкиваются на такого рода препятствія, предъ которыми безусловно опускаются руки. Едва ли о. Петровъ убѣдитъ насъ въ томъ, напр., что интеллигенція слишкомъ податлива, слишкомъ воспримчива къ пастырскому слову; что стоитъ будто бы только заговорить съ ней живымъ, а не книжнымъ языкомъ учебниковъ, и успѣхъ нравственнаго воздѣйствія на нее будетъ непремѣнно обезпеченъ. Не оспариваемъ значительной доли справедливости такого мнѣнія; вѣримъ и тому, что интеллигенція болѣе охотно, чѣмъ кого-либо другого, будетъ слушать пастырей, подобныхъ о. Петрову и его „затѣйнику“; но вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждены, что всегда найдется много и такихъ, которые не послушаютъ даже и ихъ сильнаго и дѣйствительнаго слова, или же, выслушавъ, не пойдутъ дальше этого. И неужели самъ о. Петровъ изъ собственнаго опыта не знаетъ примѣровъ косности и неискоренимой вражды интеллигентовъ къ религіи, Церкви и духовенству? А если знаетъ, что несомнѣнно, то почему же, осторожно обходя ихъ молчаніемъ, рельефно выдвигаетъ на первый планъ примѣры обратнаго характера? Обычная манера отношенія „затѣйника“ къ пасомымъ, не исключая и интеллигентныхъ, по изображенію автора, такая. Обращается ли къ нему, напр., съ коварнымъ вопросомъ одинъ изъ представителей зеленой молодежи изъ „мыслящихъ“, или вполне солидный образованный интеллигентъ ищетъ у него разрѣшенія сложныхъ вопросовъ религіи и морали,—о. Постниковъ, обыкновенно, всегда начинаетъ рѣчь издалека, нарисуетъ какую-либо замысловатую картинку метафорическаго характера, долженствующую убѣдить въ истинѣ своей якобы неотразимой „наглядностью“, и уже торжествуетъ побѣду надъ совопросниками: тѣ или смущаются, стыдятся обнаруженнаго невѣжества въ богословскихъ познаніяхъ и извиняются предъ молодымъ пастыремъ за неудавшееся „искупеніе“, или же

благодарятъ за правоученіе, и отходятъ съ умротою совѣстью... И будто это правда?..

Не можемъ обойти молчаніемъ одного характернаго разсужденія о. Постникова, высказаннаго имъ еще въ бытность его семинаристомъ, касательно академическаго образованія. „Кто поручится,—спрашиваетъ онъ,—что у меня академія не отобьетъ охоту къ служенію Церкви?—Слишкомъ большой рискъ за удовольствіе нацѣпить на себя академическій значокъ. А учиться я не перестану и на приходѣ“.—Чѣмъ же рискованно академическое образованіе, по мысли молодого человѣка?—Да тѣмъ, что оно можетъ расхолодить лелѣемую имъ мечту о священствѣ. Но разъ такое предположеніе уже закралось въ душу молодого кандидата священства, то это—ясный признакъ, что его убѣжденія относительно священства еще не тверды и не зрѣлы; а если это такъ, то зачѣмъ же тогда подвергать себя риску еще бѣльшему, т. е. рѣшиться идти, да притомъ въ качествѣ руководителя, въ неизвѣданное море жизни, которое во всякомъ случаѣ изобилуетъ всякаго рода соблазнами въ большей несравненно степени, чѣмъ академія?—Это—съ одной стороны. Съ другой—чѣмъ можетъ быть оправдано авторитетное заявленіе „затѣйника“, и въ глаза не выдавашаго академіи, что большинство ея питомцевъ уклоняется отъ священства по мотивамъ лишь отрицательнаго свойства, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ „нацѣпленію“ академическаго значка и избранію болѣе заманчивой карьеры?

Вѣдь и самъ о. Петровъ, такъ не расположенный къ академіямъ въ ихъ, по крайней мѣрѣ, настоящемъ видѣ, можетъ быть, и не былъ бы тѣмъ „священникомъ Петровымъ“, многочисленныя брошюры котораго красуются теперь въ витринахъ чуть не каждаго книжнаго магазина, и котораго такъ жадно слушаютъ и въ обширныхъ народныхъ аудиторіяхъ и въ аристократическихъ салонахъ, если бы онъ не воспитывался въ атмосферѣ той же непріятной ему академіи; и мы, вѣроятно, не читали бы тогда про „затѣи“ его

„затѣйника“. Наконецъ, литература даетъ намъ типъ и такого идеалиста священника, которому блестящее окончаніе академическаго курса съ званіемъ даже „баккалавара“ вислолько не помѣшало сдѣлаться простымъ сельскимъ пастыремъ,—типъ, правда, съ бытовой стороны тоже мало отвѣчающій дѣйствительности, но въ художественномъ отношеніи очерченный, безспорно, сильнѣе и талантливѣе. Мы разумѣемъ личность о. Кирилла изъ извѣстной повѣсти Потапенко: „На дѣйствительной службѣ“.

Что же касается похвальнаго намѣренія молодого пастыря—продолжать учиться и на приходѣ, то оно, въ большинствѣ случаевъ, и по зависящимъ и по независимымъ обстоятельствамъ, такъ и остается только „благимъ намѣреніемъ“, дальше котораго идутъ не многіе.

Кстати сказать, подъ конецъ своего очерка о. Петровъ, кажется, забываетъ о томъ, что героемъ его произведенія является не онъ самъ—извѣстный столичный проповѣдникъ и публицистъ, а скромный священникъ изъ семинаристовъ, начавшій свою службу въ деревнѣ и только затѣмъ уже предусмотрительно переведенный авторомъ въ городъ; по крайней мѣрѣ, намъ что-то не приходилось встрѣчаться съ такими провинціальными пастырями, которые въ своихъ рѣчахъ были бы способны краснорѣчиво разсуждать объ общественныхъ теченіяхъ на западѣ, о вліяніи байронизма на русскую литературу, свободно цитировать, для вящшей убѣдительности, произведенія Ибсена, Мопассана и т. д.. Положимъ, на то о. Постниковъ и „затѣйникъ“, чтобы не походить на ординарныхъ пастырей; но, по пословицѣ, пересоль хуже недосола.

Мы кончили изложеніе частныхъ своихъ впечатлѣній отъ „Затѣйника“. Что же сказать вообще по поводу этого произведенія о. Петрова?—Несомнѣнно, выведенный въ немъ типъ *примѣрнаго* пастыря и весьма привлекателенъ и достоинъ подражанія, хотя, повторяемъ, не совсѣмъ правдоподобенъ. Самоотверженное служеніе „затѣйника“ дѣлу пастырства, его стремленіе стать въ уровень съ современными об-

щественными запросами и ближе вообще къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, подлежащихъ вліянію пастыря, заслуживаютъ лишь самаго глубокаго сочувствія. Все взятое цѣликомъ произведеніе о. Петрова, со множествомъ разбросанныхъ на его страницахъ свѣтлыхъ мыслей, правдивыхъ разоблаченій и дѣльныхъ указаній, способно, на нашъ взглядъ, сослужить службу нагляднаго практическаго руководства въ области, по крайней мѣрѣ, пастырскаго учительства и проповѣдничества. Написанное въ беллетристической формѣ большого разсказа, съ живыми дѣйствующими лицами и живописными, набросанными умѣлой рукой, картинами, оно, конечно, съ бѣльшимъ интересомъ, чѣмъ какой-либо сухой учебникъ, прочтется каждымъ пастыремъ. Но, при всемъ расположеніи къ симпатичной личности и полной высокаго самоотверженія дѣятельности „затѣйника“, каждому, вѣроятно, придетъ на мысль, что куда легче работать на такой почвѣ, которая съ избыткомъ вознаграждаетъ дѣятеля за потраченные на нее труды и поть! А онъ трудился надъ такой именно благодарной почвой.

Мы уже пытались показать, что о. Петровъ внесъ въ изображеніе жизни слишкомъ много оптимизма, такъ что, при свѣтѣ этого послѣдняго, не извѣстно, куда разбѣгаются и исчезаютъ вдругъ многія тѣневныя стороны жизни, да и пастырское служеніе — одно изъ труднѣйшихъ и самыхъ отвѣтственныхъ общественныхъ служеній—у него представляется не такимъ, какимъ слѣдовало бы его представлять по наличнымъ условіямъ его выполненія. Намъ кажется, что та система воздѣйствій на духовное юношество въ цѣляхъ привлеченія его къ пастырству, которая старается внушить слишкомъ много вѣры въ собственныя силы, которая—намѣренно или ненамѣренно—переплетаетъ грезы съ дѣйствительностью и пророчить успѣхи и побѣды въ борьбѣ съ ней,—система ненадежная, рискованная и во всякомъ случаѣ односторонняя. Наэлектризовать молодую, воспримчивую душу идеализмомъ, энтузіазмомъ—дѣло, сравнительно, не трудное.

Но одна восторженность представляет изъ себя еще слишкомъ легковѣсный духовный багажъ, чтобы съ нимъ безъ большого риска можно было пуститься въ далекое жизненное странствованіе. Извѣстная пословица: „плохой солдатъ, который не надѣется бить генераломъ“ въ моральной области не примѣнима, или, если и примѣнима, то совершенно въ обратномъ смыслѣ, именно: не высокъ нравственно тотъ, кто, не считаясь съ своими силами и способностями, все же мѣтитъ въ первые ряды окружающей его массы. Есть люди—идеалисты какъ бы по природѣ; ихъ такъ и зовутъ „неисправимыми“—одни въ ироническомъ, другіе въ лестномъ для нихъ смыслѣ. Такіе люди не теряются ни при какихъ обстоятельствахъ жизни, твердо вѣруя въ силу добра и какъ бы не замѣчая многого такого, предъ чѣмъ другіе беспомощно опускаютъ руки,—и послѣднихъ—большинство; въ свѣтлую пору весны своей жизни, когда еще не такъ рѣзко и грубо бывають очерчены заповѣдныя границы между „моимъ“ и „твоимъ“, между мечтой и дѣйствительностью, безъ сомнѣнія, многіе и изъ нихъ довѣрчивыми, незатуманенными очами смотрѣли въ лицо будущему. Но... прошли годы; жизнь захватила ихъ своей стихійной силой, закружила въ своемъ могучемъ водоворотѣ и повесла туда, куда захотѣла... Исчезли очаровательныя иллюзіи, внутреннее тепло одушевленія остыло подъ вліяніемъ окружающей среды,—и въ результатѣ—не волшебныя воздушныя замки, а, какъ говорится въ сказкѣ, ветхое „разбитое корыто“... И тогда-то въ душѣ мыслящаго чловѣка пачинаеть свою работу неумолимая рефлексія, которая у однихъ переходитъ въ тупое равнодушіе ко всякаго рода „вопросамъ“ и „запросамъ“ помимо „мирнаго житія“, а другихъ, болѣе послѣдовательныхъ и глубокихъ, нерѣдко приводитъ въ мучительному, гнетущему разочарованію, къ потерѣ вѣры въ идеалы. Тотъ и другой исходъ одинаково, разумѣется, не желателенъ для пастыря, но тотъ и другой возможенъ для него, быть можетъ, болѣе, чѣмъ для кого-либо другого. Въдъ путь священства—безповоротный путь. Жребій брошенъ; жиз-

ценный Рубиконъ перейденъ, возврата нѣтъ и быть не можетъ; нельзя здѣсь только попытать, помѣрять свои силы и, убѣдившись въ ихъ недостаточности, замѣнить тяжелое, непосильное бремя болѣе легкимъ. Правда, въ своемъ высокомъ служеніи пастырь не одинокъ—съ нимъ постоянно вспомоществующая ему благодать священства; но были же великіе подвижники, которые, конечно, глубоко вѣрили въ силу благодати—и, однако, священства принимать не дерзали.

Повидимому, наши разсужденія очень замѣтно клонятся въ сторону вывода, что не располагать, а удерживать слѣдуетъ молодыхъ людей отъ принятія священства, столь великаго и не для всѣхъ посильнаго, столь грознаго печальными послѣдствіями. Но нѣтъ,—рѣчь вовсе не о томъ. Не надо также пылкому воображенію юношей, полныхъ еще неразбитыхъ надеждъ на будущее, рисовать одну грязь, одну пошлость жизни, картины одна другой мрачнѣй, людей одинъ другого порочнѣе и безобразнѣе. У каждаго возраста есть своя точка зрѣнія на жизнь, свои завѣтные думы и мечты. И было бы не естественно каждый благородный порывъ юноши въ направленіи добрыхъ начинаній замораживать холоднымъ анализомъ дѣйствительной жизни и стараться сдѣлать изъ него преждевременнаго старика съ минорными причитаніями о суетѣ суетъ. Благоразуміе и частность, однакоже, требуютъ, чтобы молодымъ кандидатамъ священства внушалось болѣе сознательное, болѣе продуманное отношеніе къ пастырству, чтобы они ясно представляли себѣ, куда и на что идутъ, чѣмъ рискуютъ, за что отвѣчаютъ. Тогда, думается, рѣже будутъ встрѣчаться печальныя примѣры изъ среды пастырей, когда священническая ряса скрываетъ подъ собой тяжелую психологическую драму...

Какъ и чѣмъ духовная семья и духовная школа,—обѣ преисполненны искреннихъ и естественныхъ желаній видѣть въ дѣтяхъ и питомцахъ достойныхъ продолжателей пастырскаго дѣланія,—могутъ и должны лучше располагать и под-

готовлять молодыхъ людей къ ожидающей ихъ жизнедѣятельности, судить о томъ мы не беремся; искали мы совѣтовъ и указаній по этому вопросу въ очеркѣ о. Петрова, но и здѣсь не нашли ихъ. Настроеніе и наклонъ симпатій „затѣйника“ въ сторону пастырскаго служенія образовались подъ впечатлѣніемъ не положительныхъ, а отрицательныхъ сторонъ какъ въ духовномъ быту, такъ и въ духовной школѣ. Онъ росъ духовно *самъ изъ себя*, будучи предрасположенъ, по изображенію автора, съ самыхъ раннихъ дней юности къ мысли—посвятить всего себя пастырству; своею исключительностью онъ, такимъ образомъ, не отвѣчаетъ на вопросъ, при помощи какихъ же положительныхъ мѣръ можно было бы воспитать хорошо настроенныхъ и одушевленныхъ пастырей?—Пусть отвѣтятъ на него люди, болѣе насъ умудренные опытомъ. Извѣстный витія—преосв. Никаноръ, архіеп. Херсонскій и Одесскій, говорилъ нѣкогда, обращаясь къ духовнымъ питомцамъ: „вы—народная жертва Богу..., вы—свѣчка, которую русскій человѣкъ зажегъ святымъ свѣтомъ, и молится на нее, и кланяется, и во время священнодѣйствія глядитъ на нее и, глядя, радуется, или плачетъ и умиляется!“

Но какъ же создать людей съ такимъ запасомъ духовной энергіи, духовнаго огня, чтобы они могли ярко свѣтить на темную дорогу жизни и согрѣвать теплотою вѣрующаго духа довѣрчивое человѣческое сердце?.. *И. Щеловъ.*

Въ области церковно-приходской жизни ¹⁾.

II.

Два слова о церковномъ чтеніи.

Едва ли нужно говорить о значеніи церковнаго чтенія: оно занимаетъ такое видное мѣсто въ составѣ нашего богослуженія, особенно великопостнаго, что при невразумитель-

¹⁾ См. № 10-й за 1905 г.

номъ чтенія богослуженіе по крайней мѣрѣ на половину пропадаетъ для молящихся. Казалось бы, церковное чтеніе— дѣло не настолько трудное, чтобы его поставить на надлежащую высоту, а между тѣмъ не только въ сельскихъ, но и въ городскихъ храмахъ дѣло по этой части обстоитъ далеко не благополучно: рѣдко-рѣдко гдѣ услышишь хорошее чтеніе; въ большинствѣ случаевъ читаютъ спѣшно, монотонно, бездушно, очень часто слишкомъ тихо. Заботы о томъ, чтобы церковное чтеніе носило пресловутый *псалмодическій* характеръ, въ большинствѣ случаевъ приводятъ къ вящей монотонности и невразумительности чтенія, потому что у насъ мало лицъ, которыя умѣютъ псалмодичность соединять съ выразительностью. Чаще всего, при псалмодическомъ характерѣ чтенія, вы слышите утомляющія васъ своимъ однообразіемъ модуляціи голоса, представляющія въ своей совокупности хорошее усыпительное средство для однихъ, превосходный фонъ для работы празднаго (*homines sumus!*) воображенія у другихъ: вмѣсто того, чтобы связывать вниманіе, сосредоточивая его на смыслѣ читаемаго, оно его освобождаетъ, становясь такимъ образомъ причиной разсѣянности. Да не подумаетъ читатель, что мы *въ принципѣ* противъ псалмодическаго характера церковнаго чтенія,— нѣтъ, мы лишь констатируемъ, во-первыхъ, *фактическія* особенности церковнаго чтенія вообще, псалмодическаго—въ частности; а во-вторыхъ—нашу личную неспособность понять, почему нѣкоторыя лица затрачиваютъ массу энергіи на то, чтобы подогнать церковное чтеніе подъ одну мѣрку, опредѣляемую псалмодическимъ чтеніемъ, какъ будто другого рода чтеніе не можетъ носить благоговѣнно-назидательнаго характера! Духъ—одинъ, дары—различны; а потому, не лучше ли сосредоточить заботы на възгрѣваніи духа, чѣмъ на охраненіи псалмодическаго характера чтенія? Затрачивать слишкомъ много энергіи на охраненіе псалмодическаго характера церковнаго чтенія, квадратной ноты (имѣемъ въ виду *оптншее* начертаніе нотъ), цер-

ковно славянскаго шрифта въ поминаніяхъ, прямого пробора въ прическѣ іереевъ и т. п. — не значитъ ли расходовать энергію по мелочамъ и вгонять отправленія церковно-приходской жизни въ такіе тиски, въ которыхъ она не можетъ свободно и плодотворно развиваться? Мы хорошо знаемъ положеніе одного мыслителя, что „истина—въ оттѣнкахъ“, вслѣдствіе чего не слѣдуетъ пренебрегать оттѣнками, мелочами, какъ художественнымъ воплощеніемъ истины; но мы хорошо знаемъ также и то, что „оттѣнки“ получаютъ характеръ художественнаго воплощенія истины только тогда, когда они создаются внутреннею силою самой истины, а не навязываются отвнѣ. Лишь бы истина не теряла своей внутренней силы! *Аще соль обуюетъ, чимъ осолитъся?!.*

Какъ бы то ни было, а церковное чтеніе стоитъ у насъ плохо, и это—уже не мелочь. Что же дѣлать?—Казалось бы, единственное средство къ надлежащему уиорядоченію этого дѣла—удвоить, а если потребуется, то и утроить, учетверить усилія, прилагаемыя къ тому, чтобы церковное чтеніе стояло на надлежащей высотѣ въ учебныхъ заведеніяхъ, приготовляющихъ церковныхъ чтецовъ, каковы: духовныя училища и семинаріи, псаломщическія, церковно-учительскія и второклассныя школы. Можетъ быть, цѣль достигалась бы еще вѣрнѣе, если бы у насъ было больше спеціально псаломщическихъ школъ. Безъ сомнѣнія, все это имѣетъ большое значеніе: разъ храмъ имѣетъ плохого чтеца въ лицѣ псаломщика, то этимъ сильно затрудняется правильная постановка церковнаго чтенія; а если—къ тому же—и священникъ въ этомъ отношеніи не стоитъ на должной высотѣ, тогда положеніе дѣла надо признать весьма печальнымъ. И тѣмъ не менѣе мы не рѣшаемся возложить не легкое—даже очень не легкое—дѣло церковнаго чтенія исключительно на плечи причта. Вѣдь большинство нашихъ церквей имѣетъ въ составѣ своего причта лишь одного псаломщика. Хватитъ ли у него голосовыхъ средствъ на то, чтобы при каждомъ богослуженіи (а вѣдь Великимъ постомъ богослуженіе совершается ежедневно!)

читать громко и внятно? хватитъ ли у него духовной энергiи на то, чтобы при каждомъ богослуженiи поддерживать известное напряженiе вниманiя, которое необходимо для того, чтобы чтенiе имѣло благоговѣйный и осмысленный характеръ?— На нашъ взглядъ, обыкновенныхъ человѣческихъ силъ для этого недостаточно, а рассчитывать на то, чтобы кадръ нашихъ псаломщиковъ пополнялся людьми съ необычнымъ объемомъ духовныхъ и физическихъ силъ, мы не имѣемъ основанiй. Въ виду этого, необходимо употребить всѣ усилiя къ тому, чтобы церковное чтенiе лежало на обязанности не одного только псаломщика, но и прихожанъ, способныхъ—при дѣятельномъ и умѣломъ руководствѣ псаломщика—раздѣлится съ нимъ трудъ церковнаго чтенiя. Къ сожалѣнiю, псаломщикъ далеко не всегда встрѣчаетъ дѣятельную помощь со стороны прихожанъ, въ исполненiи церковнаго чтенiя,—и это не только въ силу ихъ неподготовленности, хотя и неподготовленность должна быть признана безспорнымъ и широко распространеннымъ фактомъ. Помимо равнодушiя къ внутренней жизни своего прихода, тутъ имѣетъ значенiе отсутствiе среди прихожанъ того сознаниа, что церковное чтенiе есть дѣло общеприходское, которое должно быть близко и дорого—не на словахъ только, а на дѣлѣ—всякому прихожанину, считающему приходскую церковь своею духовною матерью, и что, слѣдовательно, отвѣтственность за неудовлетворительную постановку церковнаго чтенiя лежитъ не на одномъ причтѣ, а тѣмъ болѣе не на одномъ псаломщикѣ, но на всѣхъ прихожанахъ. То же самое нужно сказать—замѣтимъ кстати—и о церковномъ пѣнiи. Въ этомъ дѣлѣ никто изъ дѣйствительныхъ, а не номинальныхъ, прихожанъ известнаго храма не можетъ сослаться на то, что-де „моя хата съ краю—ничего не знаю“. Между тѣмъ, мы охотно поговоримъ о недостаткахъ церковнаго чтенiя или пѣнiя, порою возвысимся даже до негодованiя, съ привычнымъ удовольствiемъ побранимъ членовъ своего приходскаго причта,—а о томъ, что въ этомъ дѣлѣ „всѣ за всѣхъ виноваты“, мы и не подумаемъ: эта мысль слишкомъ далека отъ нашего сознаниа! А

чтобы самимъ стать на церковный клиросъ, объ этомъ и говорить нечего: „на то есть дьячки“...

Итакъ, для улучшенія церковнаго чтенія въ нашихъ церквахъ необходимо, во-первыхъ, прилагать побольше усилій къ тому, чтобы готовить хорошихъ псаломщиковъ (это—дѣло церковной власти); во-вторыхъ, распространеніе среди православнаго населенія умѣнья читать по-церковно-славянски (это—дѣло церковно-приходской школы, а также законоучителей другихъ школъ, не только низшихъ, но и среднихъ); въ-третьихъ, воспитаніе въ православномъ населеніи, дорожащемъ своею связью съ церковію, того сознанія, что дѣло церковнаго чтенія (какъ и пѣнія) лежитъ на отвѣтственности не причта только, а цѣлаго прихода, взятаго въ совокупности всѣхъ своихъ элементовъ. Однако, воспитаніе такого сознанія настолько трудно, что возлагать это дѣло на одного священника было бы не только несправедливо, но и не расчетливо: надо же сообразоваться съ мѣркою его человѣческихъ силъ; а потому, необходимо сгруппировать около священника прихожанъ, наиболѣе опытныхъ, вліятельныхъ и преданныхъ Церкви, для совмѣстнаго съ священникомъ труда въ дѣлѣ устроенія церковно-приходской жизни. Этой цѣли могли бы отвѣчать—при жизненной постановкѣ—церковно-приходскія попечительства или, еще лучше, церковно-приходскія братства.—Такъ съ разныхъ сторонъ мы приходимъ къ одной и той же мысли—къ необходимости возрожденія церковно-приходскихъ братствъ въ обновленной, соотвѣтствующей современнымъ условіямъ, формѣ... Необходимо—далѣе—чтобы въ воспитаніи среди прихожанъ отвѣтственности за то или другое состояніе церковно-приходской жизни пришли на помощь приходскому пастырю отцы законоучители, а также епархіальные архіереи. О знаменитомъ Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ рассказываютъ, какъ онъ, въ отвѣтъ на личную жалобу одного генерала на то, что въ какой-то приходской церкви Московской епархіи плохо стоитъ церковное пѣніе, предложилъ просителю пропѣть „Господи возвахъ“

на 8-й гласъ, что поставило почтеннаго генерала въ крайнее недоумѣніе и безысходное для него затрудненіе: генераль не зналъ церковнаго пѣнія уже по тому одному, что не считалъ для себя нужнымъ его знать. Возможно, что анекдотъ вымышленъ, однако лежащая въ его основѣ мысль, что дѣло церковнаго пѣнія (какъ и чтенія) лежитъ на обязанности не только псаломщика, по-тогдашнему *дьячка*, но и прихожанъ, хотя бы и въ генеральскомъ чинѣ, достойна мудраго святи-теля. Архіереи оказали бы существенную поддержку приходскимъ пастырямъ, если бы при посѣщеніи приходоу внушали пасомымъ эту мысль.

П. Кудрявецъ.

Изъ бесѣдъ съ о. Алексѣемъ.

(Къ вопросу о миссіонерскомъ служеніи).

Одинъ изъ нашего кружка, собиравшагося у о. Алексѣя Семеновича, получилъ назначеніе безприходнаго противораскольническаго миссіонера въ мѣстность, сильно зараженную расколомъ. О. Арсенію,—такъ звали нашего собрата, получившаго лестное назначеніе,—предстояло обслуживать своимъ миссіонерскимъ трудомъ половину одного обширнаго уѣзда нашей епархіи.

Всѣ мы, съ одной стороны, по-братски радовались за счастливую службу о. Арсенія (шутка ли: *тысяча двести* рублей годовыхъ сверхъ прогонныхъ—и никакихъ приходскихъ заботъ и зависимости отъ мѣстной духовной власти!), съ другой стороны—жалъ было разставаться съ хорошимъ, сердечнымъ товарищемъ и собесѣдникомъ.

Въ послѣдній разъ пришелъ о. Арсеній къ нашему общему духовному другу-руководителю о. Алексею Семеновичу, и весь кружокъ нашъ, зная объ отъѣздѣ собрата, былъ въ сборѣ.

О. Арсеній рассказывалъ намъ о тѣхъ мелочныхъ перипетіяхъ, которыя сопровождали его назначеніе.

— Когда владыка предложилъ мнѣ это миссіонерское мѣсто, я, несмотря на знакомство свое съ расколомъ и на практическую опытность въ миссіонерствѣ,—у меня же, вѣдь, въ приходѣ душъ двѣсти раскольниковъ,—не рѣшился дать сразу полное согласіе и попросилъ нѣсколько часовъ на размышленіе. Пошелъ къ знакомому члену консисторіи за совѣтомъ...—„Да что вы, батюшка,—говоритъ онъ мнѣ,—отъ своего счастья ужели откажетесь? Подумайте: нынѣ безприходнымъ оо. миссіонерамъ только и жить. Жалованье хорошее, заботъ—никакихъ, трудись по совѣсти, независимъ почти совсѣмъ отъ мѣстнаго начальства;—притомъ же—вниманіе и почетъ у епархіальной власти. А потомъ, не знаете еще вы, что васъ ожидаетъ тамъ, куда вы предназначаетесь. У о. Н., на чье мѣсто вы поступите, полное хозяйство, домъ—настоящая барская вилла, вокругъ—усадебка; и все это вы наследуете. Миссіонерскій пунктъ останется тутъ же, гдѣ служилъ о. Н. всю жизнь—сначала приходскимъ священникомъ, а потомъ, по новому положенію, безприходнымъ миссіонеромъ. Теперь онъ ѣдетъ къ сыну на покой и уступить вамъ все хозяйство и домъ очень сходно... Поѣзжайте, поѣзжайте безъ колебаній!..“ Что было дѣлать? Положимъ, матеріальная сторона не могла имѣть тутъ такого уже важнаго значенія, но личная миссіонерская жилка рѣшила дѣло, и вотъ я расстаюсь теперь съ вами, дорогіе друзья, отправляюсь на новое мѣсто служенія...

— Миссіонерство—великій и святой подвигъ,—сказалъ о. Алексѣй Семеновичъ,—и Самъ Богъ благословитъ васъ, о. Арсеній, на этотъ трудъ. Вы же любите его, есть у васъ влеченіе къ миссіонерству, и потому—можете принести своимъ служеніемъ несомнѣнную пользу. Но... есть ли у насъ хоть одно общественное дѣло, служба, призваніе,—будь оно самое высокое, идеальное,—гдѣ бы не могло встрѣтиться на пути опасныхъ преткновеній, сблазновъ? И не часто ли свя-

тое и великое дѣло, вслѣдствіе податливости нашей на эти соблазны и преткновенія, парализуется, не приноситъ желанныхъ плодовъ? Боюсь, друзья мои, что съ учрежденіемъ у насъ статута безприходныхъ, хорошо съ матеріальной стороны обеспеченныхъ и малозависимыхъ отъ мѣстной духовной власти, миссіонеровъ, соблазны и преткновенія сдѣлаются особенно возможными. И дай Богъ, чтобы наши оо. миссіонеры, несмотря на новое, привилегированное положеніе, устояли на высотѣ призванія и не утратили апостольскаго смиренія и простоты. А поводы къ тому могутъ представляться не рѣдко. Только стоять оо. миссіонерамъ, пользующимся дарованнымъ имъ привилегированнымъ положеніемъ, ослабить нѣсколько бдительность надъ свойственнымъ человѣку чувствомъ превозношенія и тщеславія, и тогда легко можетъ выработаться изъ нихъ типъ „дѣятелей“, свысока, презрительно смотрящихъ на заурядныхъ тружениковъ на нивѣ Господней—приходскихъ священниковъ и считающихъ только себя „солью земли“. Правда, пока въ общемъ этого еще не замѣтно; но кто служилъ приходскимъ священникомъ и входилъ въ близкія отношенія съ новыми, самостоятельными дѣятелями на поприщѣ миссіонерства, тотъ едва ли не испыталъ на себѣ, хотя въ малой степени, этого зарождающагося зла... Но не будемъ, друзья, мрачными пророками... Мелкое самолюбіе и суетное тщеславіе всегда найдутъ мѣсто среди мелкихъ и ничтожныхъ людей. Если возможно меньше будетъ ихъ въ числѣ оо. миссіонеровъ, нарочито призванныхъ къ апостольскому дѣлу и для того освобожденныхъ отъ тяготы житейской, тогда сохранить нерушимо вновь образующійся у насъ институтъ миссіонеровъ апостольское смиреніе и кротость. Тогда каждый приходскій пастырь будетъ встрѣчать посѣщающаго его миссіонера, какъ ангела Божія, добраго руководителя, безъ страха и затаенныхъ опасеній доноса и тайныхъ жалобъ съ его стороны... За васъ, о. Арсеній, намъ опасаться нечего: ваша простота, беззавѣтная преданность пастырскому дѣлу помогутъ вамъ съ пользой послужить на

новомъ мѣстѣ и новому для васъ великому дѣлу. Думаю, не прервется и теперь наше общеніе; будете писать намъ и радовать своими миссіонерскими успѣхами. Добрыхъ, хорошихъ вѣстей станемъ ожидать отъ васъ!..

Сердечно, задушевно было наше разставаніе съ дорогимъ товарищемъ и милымъ, искреннимъ, сердечнымъ человѣкомъ. Во главѣ съ хозяиномъ о. Алексѣемъ Семеновичемъ, сочли мы необходимымъ исправить въ сосѣдней церкви напутственное молебствіе...

— Съ миромъ и апостольскимъ терпѣніемъ иди, другъ нашъ, по новому миссіонерскому пути, который можетъ оказаться и путемъ тернистымъ, если вѣрнѣе пребудешь завѣтамъ апостольскимъ!—такъ думалъ каждый изъ насъ, провожая о. Алексія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ мы слагали въ сердцѣ своемъ рѣчи о. Алексія Семеновича, слышанныя нами въ тотъ памятный день.

Свящ. А. В—ій.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 7-го марта 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 14.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года апрѣля 3-го дня.

Содержаніе: Къ вопросу о желательныхъ перемѣнахъ въ полемикѣ съ сектантствомъ.—О выборѣ членовъ причта прихожанами въ связи съ вопросомъ о возрожденіи прихода (окончаніе).—Практическая замѣтка о раздачѣ вербы въ недѣлю Вайи.—Народныя уличныя бібліотечки.—Въ предохраненіе отъ обманщиковъ и кощунниковъ.

Къ вопросу о желательныхъ перемѣнахъ въ полемикѣ съ сектантствомъ.

Послѣдній отчетъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отмѣчаетъ, что „никогда наша Русская Православная Церковь не имѣла такого опаснаго врага, какого она имѣетъ теперь въ лицѣ новѣйшаго рационалистическаго сектантства, въ особенности штуды и телстовства“. И далѣе: „въ современномъ штундизмѣ рѣзко выражены социальныя тенденціи... Лжеученіе начинаетъ уже становиться достояніемъ народной массы и грозитъ Православной Церкви и государству нарожденіемъ въ православной Россіи атеизма и нигилизма, т. е. страшнаго типа людей безъ вѣры въ Бога и безъ любви къ своему отечеству“¹⁾.

¹⁾ Цит. по „Кіевской Газетѣ“ 1904 г., № 340.

Этотъ офіціальныи діагнози болѣзни нашей сельской религіозно-бытовой жизни ясно сознается всякимъ, кому приходится сталкиваться съ послѣдней. И ужъ кому лучше знать о грядущемъ теченіи, которое разлагаетъ прежнія формы религіозно-бытовой жизни нашего простолюдина и даетъ ей новое направленіе, вырабатывающее людей „безъ вѣры въ Бога и безъ любви къ своему отечеству“,—кому, говоримъ, лучше знать объ этомъ, какъ не нашимъ сельскимъ пастырямъ? Въ ихъ рукахъ находится весьма цѣнный матеріалъ для разработки животрепещущихъ вопросовъ о сектантствѣ, его сущности и средствахъ борьбы съ нимъ. Печатная литература наша о сектантствѣ представляетъ, по большей части, апріорныя сужденія, не имѣющія почти реального соотвѣтствія. О сектантствѣ говорятъ съ такой точки зрѣнія, какая дается убѣжденіемъ въ превосходствѣ православно-церковной истины предъ заблужденіями сектантскаго религіознаго индивидуализма. А жизнь показываетъ, что такая—въ сущности правильная, но односторонняя—точка зрѣнія на сектантство, при всей несостоятельности послѣдняго, не приводитъ, однако, къ цѣли, какую ставить себѣ наша миссія среди простонароднаго сектантства. Являясь апріорной, она не знаетъ психологіи послѣдняго, а потому и миссія, вмѣсто воздѣйствія на душу заблуждающагося, даетъ въ результатъ отрицательное отношеніе своихъ представителей къ наболѣвшимъ вопросамъ сектанта. Миссіонеръ имѣетъ своей исходной точкой истину и чистоту православія съ его догматами и обрядовыми особенностями; сектантъ же, отрицая послѣднія и урѣзывая весьма многое изъ первыхъ, не желаетъ установить органической связи церковныхъ постановленій съ евангельскимъ закономъ любви и духовной чистоты и считаетъ возможнымъ привести всю свою жизнь къ святымъ началамъ Евангелія внѣ водительства и благодатной помощи Церкви. Первый, какъ защитникъ коллективно-сознанной и строго установленной церковной истины, рѣшительно отказывается снизойти къ тому, что выработала индивидуальная мысль послѣдняго, стать и войти въ положеніе заблужда-

ющейся одинокой души, понять и прочувствовать то состояніе непоколебимой убѣжденности, какое является результатомъ живой, а не школьно-сухой творческой дѣятельности религиозной мысли сектанта. Отсюда—начало раздѣленію миссіи и заблуждающихся на два лагеря; а это столь заурядное явленіе говорить о томъ, что цѣль полемики съ сектантствомъ не только не достигается, напротивъ — отодвигается въ болѣе или менѣе отдаленное будущее, когда взглядъ на сектантство будетъ устанавливаться путемъ тщательныхъ наблюденій надъ его религиозно-бытовой жизнью, когда въ зависимости отъ этого измѣнится и самый методъ полемики съ нимъ.

И надо сказать, что этотъ новый путь полемики, который ставитъ послѣднюю на почву психологіи заблуждающагося, уже сознается нѣкоторыми наиболѣе проникательными представителями нашей противосектантской миссіи ¹⁾. Теперь начинаютъ сознавать всю неумѣстность противоположенія истины православія заблужденіямъ сектантства, что особенно подчеркивается нашими миссіонерами предъ началомъ бесѣдъ. Справедливо указываютъ, что такой пріемъ, являющійся результатомъ общаго направленія нашей противосектантской литературы и устной полемики, ведетъ къ раздѣленію собесѣдниковъ, которое въ концѣ концовъ „достигаетъ степени настоящаго полемическаго экстаза“. Правда, въ этомъ чаще всего виновны сектанты, которые своими ожесточенными преніями съ миссіонерами доводятъ тонъ бесѣды до такого *plus ultra*, за которымъ слѣдуютъ нежелательныя для успѣховъ миссіи послѣдствія—въ видѣ озлобленія православныхъ къ сектантамъ и наоборотъ. Но вѣдь инициатива бесѣды ис-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду цѣнную замѣтку по вопросу „о желательной перемѣнѣ въ практикѣ собесѣдованій съ сектантами“, помѣщенную въ Самарскихъ еп. вѣд. за 1904 г., № 14. Хорошая мысль автора замѣтки не укрылась на страницахъ скромнаго епархіальнаго изданія отъ внимательныхъ людей и была перепечатана во многихъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ—и въ нашемъ журналѣ (см. № 36 за 1904 г.).

ходить отъ миссіонера, онъ же, по большей части, указываетъ тому, ему же, наконецъ, принадлежитъ право раскрывать „разногласія“ собравшихся сторонъ. Почему же нужно ему начивать именно съ пунктовъ „разногласія“, а не „согласія“?—Сектантство не есть сплошное заблужденіе и невѣжество; оно проводить, но только съ крайностями, высокія мысли о духовности христіанства, перенося центръ тяжести религіозной жизни извнѣ, отъ обрядо-вѣрнаго христіанства, внутрь души, къ христіанству духовному, которое на языкѣ Евангелія называется „царствомъ Божиимъ, лежащимъ внутри насъ“. Почему не взять исходнымъ началомъ это жизненное основаніе сектантства и, ограничивши его крайности, не указать, что и православіе не чуждо тому, что сектанты считаютъ своимъ откровеніемъ? Почему не вникнуть въ душу заблуждающагося и не постараться понять, что онъ въ своемъ отдѣленіи отъ православія проявляетъ доброе, хотя и своевольное, желаніе самостоятельно воплотить въ жизни высокіе завѣты Христа? Вѣдь и у сектанта не все—ложь, заблужденіе. Признавъ за нимъ хотя долю истины, мы этимъ спасемъ его отъ дальнѣйшихъ заблужденій. Да и заблужденія достаточно ли уничтожать и „рубить съ плеча“, взявши за исходную точку зрѣнія чистоту православнаго ученія?—Намъ думается—нѣтъ. Припоминаемъ мы здѣсь одинъ хорошій и психологически вѣрный совѣтъ, хотя его очень часто не исполняютъ: „когда ты видишь, что человекъ заблуждается, не гнѣвайся на него: пойми, что нельзя нарочно заблуждаться. Никто не можетъ хотѣть, чтобы разумокъ его затемнялся. Значить, кто заблуждается, тотъ искренно принимаетъ ложь за истину“. И психологія сектантскаго заблужденія такова, что ее нельзя ослабить и вывѣтрить изъ души однимъ воздѣйствіемъ на разумокъ заблуждающагося.

Вотъ почему намъ кажется недостаточнымъ для успѣховъ миссіи то средство, какое рекомендуется преосв. Антоніемъ Волинскимъ. Исходя изъ положенія, что стремленіе миссіонеровъ опровергнуть мысль протестантствующихъ сектъ

о достаточности для спасенія заповѣди любви и спасительности вѣры приводить къ убѣжденію въ несовершенствѣ христіанской религіи, не свободной отъ чисто-формальныхъ требованій, вовсе не связанныхъ съ заповѣдью любви, преосв. Антоній Волинскій требуетъ, чтобы миссіонеры доказывали не столько древность и правильность догматовъ и постановленій Церкви, сколько ихъ нравственно-возрождающую и воспитывающую силу. Но для этого необходимо изученіе святоотеческихъ твореній, которыя даютъ матеріаль для рѣшенія затрудненій въ дѣлахъ вѣры, и примѣненіе ихъ къ современнымъ задачамъ и потребностямъ церковной миссіи ¹⁾. Не споримъ, что святоотеческое пониманіе христіанской жизни со всѣми ея затрудненіями—наисовершеннѣйшее пониманіе, считаться съ которымъ необходимо. Но это изученіе святоотеческаго пониманія Евангелія и христіанской жизни важно для установки *принципа* послѣдней. И намъ кажется, что пониманіе христіанской жизни въ смыслѣ принципиальномъ если не практически, то теоретически свойственно сознанію современнаго миссіонера, какъ вообще и всякому болѣе или менѣе мыслящему христіанину. Въ дѣлѣ миссіи,—кромѣ принципа христіанства, который, конечно, необходимо уяснять указаннымъ путемъ,—имѣетъ значеніе претвореніе, превращеніе его въ жизнь, что обусловливается уже особенностями послѣдней. Необходимо, кромѣ установки теоретическаго начала христіанской вѣры, опредѣлять и практическія условія ея приложенія. Только тогда и будетъ ясно для всѣхъ установлена органическая связь церковныхъ постановленій съ евангельскимъ закономъ любви и чистоты духовной; только тогда ослабится доброе, но своевольное стремленіе дѣтски вѣрующаго простолудина согласить свою жизнь съ началами Евангелія путемъ уклоненія отъ руководства Церкви. А пока мы будемъ игнорировать „практическое христіанство“, пока мы не будемъ обращать никакого вниманія на психологію вѣ-

¹⁾ Сочиненія, т. II, стр. 384—390.

рующего, на тѣ субъективныя побужденія его, по которымъ онъ отворачивается отъ предлагаемой ему духовной пищи,— до тѣхъ поръ ни наше паство, ни наша миссія не достигнуть своихъ цѣлей. Нужно знать психику и быть сектантства для того, чтобы воздѣйствовать съ пользою на заживленіе этой раны нашей церковно-религіозной жизни.

Вотъ этого-то знанія быта и психики нашего сектантства мы и не нашли при изученіи печатной литературы. Мы встрѣтили довольно подробное изложеніе вѣроученія различныхъ сектантскихъ фракцій, но оно не дало намъ представленія о томъ психологическомъ корнѣ, на которомъ держатся и которымъ питаются различные сектантскія заблужденія. Сектантство—живая рѣка религіозной жизни, которая „бьетъ ключемъ“ часто даже сильнѣе спокойнаго образа жизни православной массы. „Вѣроученіе“—внѣшнія формы, берега этой религіозной „рѣки“ чувствъ, стремленій и надеждъ являются уже послѣ возникновенія этой своеобразной текучей массы— и то подъ вліяніями внѣшними по отношенію къ сектантству. Вотъ почему въ сектантствѣ нѣтъ строгой регламентаціи пунктовъ вѣры, а если она и дѣлается, то отдѣльными лицами; масса же живетъ и питается общимъ принципомъ, который подвергается разнообразнымъ превращеніямъ подъ условіями религіозной индивидуальной жизни. Даже раціоналистическое сектантство, при всей строгости его критическаго отношенія къ различнымъ неяснымъ проявленіямъ религіознаго чувства, не устанавливаетъ ни строгой вѣроучительной системы, ни даже принциповъ своей критики того, что служитъ предметомъ послушной вѣры. Поэтому, наша полемика, имѣющая въ своемъ основаніи „изложеніе вѣроученія“ сектантовъ, не можетъ привести къ желаемой цѣли, такъ какъ, имѣя дѣло съ „системой“, она попадаетъ только „въ голову“, но не въ главный органъ жизни религіозно-настроеннаго сектанта—*сердце*. Необходимо знакомство съ психологическими предпосылками того, что вырабатываетъ умъ сектанта. Этимъ предшествующимъ даннымъ психологіи сектанта нужно посвящать

вниманія даже болѣе, чѣмъ тонкостямъ „изложенія вѣроученія“. Послѣ этого страннымъ становится пріемъ нашихъ экспертовъ на судѣ, для которыхъ данныя „вѣроученія“ служатъ чуть не единственнымъ источникомъ свѣдѣній о подсудимыхъ. Намъ припоминается разсказъ одного священника объ экспертизѣ преподавателя N-ской семинаріи. Судили штундистовъ... Преподаватель мастерски обрисовалъ вѣрованія подсудимыхъ... Дальше шло засѣданіе о молоканахъ. И здѣсь экспертъ далъ ясное изложеніе вѣроученія сектантовъ... „Миѣ,—говорилъ священникъ,—очень понравились рѣчи эксперта. Но въ глубинѣ души чувствовалась какая-то неудовлетворенность... я былъ увѣренъ, что данныя эксперта имѣютъ самое отдаленное отношеніе къ душѣ подсудимаго... Прихожу домой и, желая лично возобновить въ памяти данныя учебника Ивановскаго, беру послѣдній и... нахожу тамъ то, что говорилъ на судѣ экспертъ, даже подлинныя выраженія и цѣлыя фразы послѣдняго“... Ясно, такимъ образомъ, что судебная экспертиза при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя создаются несовершенными знаніями психики сектантства, не можетъ содѣйствовать усиленному пресѣченію религіозныхъ заблужденій. Наши учебники,—старый Ивановскаго и новый (второе изданіе) Маргаритова,—давая то, что взяли ихъ авторы изъ старой и современной литературы, естественно, не говорятъ о „психологіи сектантства“.

Впрочемъ, мы должны повторить то, что выше сказали о поворотѣ нѣкоторыхъ представителей миссіи въ сторону психологіи заблужденія сектанта. Нѣкоторыя статьи въ спеціальныхъ и вообще въ духовныхъ журналахъ представляютъ собою болѣе или менѣе серьезные опыты изученія внутренней жизни сектантства ¹⁾. Мы должны сказать, что даже иностранцы

¹⁾ Для примѣра можно указать на журнальныя статьи: „О психологическихъ причинахъ возникновенія и распространенія русскаго сектантства“ („Вѣра и Церк.“ 1900 г., кн. 6-я); „Къ характеристикѣ нашего сектантства: о происхожденіи и сущности русскаго сектантства и отношеніи къ нему“ („Православн. Путев.“ 1904 г., т. I, кн. 1—2) и нѣк. др.

интересуются нашимъ расколо-сектантствомъ и посвящаютъ ему болѣе или менѣе солидныя изслѣдованія ¹⁾). И намъ давно бы пора предпринять коллективную работу надъ изученіемъ психологіи сектантства. Но до тѣхъ поръ, пока дѣло будутъ вести одни кабинетные люди, эта своего рода „ученая бюрократія“, изученіе сектантства не подвинется впередъ. Необходимо, чтобы сельскіе пастыри по крупицамъ собирали свои наблюденія надъ бытомъ сектантства и сообщали ихъ въ печати, не смущаясь ни количествомъ, ни даже качествомъ матеріала, но сообщая наблюденія, основательно проверенныя. Пріятно упомянуть, что эту необходимость въ пастырскихъ наблюденіяхъ надъ сектантствомъ начинаютъ уже, наконецъ, вполне ясно сознавать представители духовной власти. По Грузинскому экзархату, напр., разослана „программа для собиранія свѣдѣній о расколо-сектантствѣ въ Грузинской епархіи“. Помимо чисто внѣшнихъ данныхъ, которыя требуются „программой“,—о характерѣ сеетъ въ извѣстной мѣстности, числѣ сектантовъ, книгахъ и рукописяхъ сектантовъ, объ отношеніи послѣднихъ къ православнымъ, о мѣрахъ по отношенію къ сектантству,—„программа“ намѣчаетъ и такіе весьма существенные вопросы: о сношеніяхъ сектантовъ мѣстныхъ съ сектантами другихъ мѣстностей, о пропагандѣ сектантства и ея средствахъ, о причинахъ развитія и укорененія сектантства, о вѣро- и правоученіи сектантовъ, объ ихъ внутренней жизни и т. п. ²⁾). Конечно, одни сухіе отвѣты на каждый изъ этихъ пунктовъ дадутъ такой матеріалъ, который ничѣмъ не разнится по существу отъ того, что уже

¹⁾ По словамъ Пругавина, читавшаго въ Географическомъ Обществѣ докладъ о расколо-сектантствѣ, есть труды о русскомъ сектантствѣ на французскомъ языкѣ; и мы знаемъ даже нѣмецкій солидный трудъ Геринга: „Расколъ и секты Русской Церкви“. Герингъ, кромѣ того, читаетъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ по русскому расколо-сектантству. Хорошій урокъ и намъ и нашей свѣтской интеллигенціи, которая совершенно не знакома съ русскимъ расколо-сектантствомъ!

²⁾ См. „Прав. Путев.“ 1904 г., № 3.

извѣство о сектантствѣ: самая „программа“, какъ видно, составлена на основаніи уже извѣстнаго о сектантахъ. Но *живое* отношеніе къ дѣлу сообщить отвѣтамъ на пункты „программы“ много цѣнныхъ данныхъ, такъ какъ при этомъ отвѣчающимъ необходимо будетъ близко познакомиться съ психикой и бытомъ сектантства. При канцелярскомъ же отношеніи къ „программѣ“, какъ и при небрежной общности отвѣтовъ на ея вопросы, ожидать хорошаго чего-либо нельзя. Но съ этимъ считается все-таки приходится, такъ какъ не всякій сельскій пастырь цѣнитъ всѣ удобства своего наблюдательнаго пункта. Намъ по этому поводу припоминается одинъ разсказъ противосектантскаго миссіонера Д—ской епархіи. Поступивши на мѣсто чуть не съ академической скамьи, молодой миссіонеръ принужденъ былъ, какъ говорится, „съ азовъ“ изучать мѣстное сектантство. Конечно, единственно-удобнымъ способомъ являются въ этомъ случаѣ разъѣзды по епархіи, наблюденія личныя, знакомство съ наблюденіями другихъ пастырей... Вотъ пріѣзжаетъ миссіонеръ къ одному изъ нихъ...—„Ну, батюшка, выкладывайте свои познанія, научите меня, какъ подойти къ сектантамъ, какъ говорить съ ними“... А батюшка наивно отвѣчаетъ: „А мы думаемъ, что вы насъ научите тому, о чемъ спрашиваете“... Понятно, что при такихъ условіяхъ пастырскаго содѣйствія миссіонеру работать очень трудно. Вотъ почему мы и говоримъ, что распоряженіе духовнаго начальства Грузинской епархіи будетъ имѣть благіе результаты только при условіи *живого* отношенія сельскихъ пастырей къ сектантству.

Конечно, не легко дать цѣлую систему свѣдѣній о мѣстномъ сектантствѣ, какъ требуетъ „программа“, объявленная по Грузинской епархіи. Часто наблюденія сельскаго пастыря носятъ отрывочный характеръ, чтò обусловливается невозможностью услѣдить за всѣми проявленіями жизни сектантовъ, а также положеніемъ священника, какъ представителя господствующаго исповѣданія. Но хорошо было бы, если бы и эти отрывочныя, частичныя наблюденія заносились на страницы

журналовъ и газетъ. Изъ отдѣльныхъ крупицъ пастырскаго опыта наука можетъ создать правдивую и психологически вѣрную картину сектантства; а отсюда явилась бы возможность и видоизмѣненія тѣхъ мѣръ, какими сдерживается это религіозное явленіе нашей жизни въ должныхъ границахъ вѣротерпимости. Академическая наука въ настоящее время проявляетъ особый интересъ ко всѣмъ движеніямъ въ русскомъ сектанствѣ. Намъ приходилось слышать съ академической кафедръ такое мнѣніе, что въ настоящее время главное вниманіе нужно обращать не на расколъ въ формѣ австрійщины и бѣглопоповства, а на сектантство и вырождающееся въ раціоналистическое сектантство безпоповство. Фактическимъ подтвержденіемъ сознанія этой необходимости служить недавнее опредѣленіе совѣта Московской духовной Академіи. Владыка-митрополитъ Московскій предложилъ совѣту позаботиться объ учрежденіи при Академіи кафедръ по обличенію сектантства. „Совѣтъ сочувственно принялъ это предложеніе и въ своемъ собраніи 18 ноября 1901 года обсуждалъ вопросъ объ открытіи при Академіи противосектантской кафедръ“¹⁾.

Правда, замѣтки сельскихъ священниковъ, помѣщаемыя большою частію на страницахъ епархіальныхъ органовъ, не всегда могутъ имѣть движеніе въ круговоротѣ современной духовной литературы. Это соображеніе, дѣйствительно, можетъ объяснять то молчаніе о религіозно-бытовой жизни простолюдина, какимъ вообще отличаются сельскіе пастыри. Но въ настоящее время можно быть увѣреннымъ, что даже самая мелкая замѣтка въ неизвѣстномъ большинствѣ изданій дойдетъ до кабинета ученаго и будетъ имъ съ благодарностью использована. Мы имѣемъ въ виду начавшій съ 1904 г. выходить въ свѣтъ библиографическій журналъ „Новости богословской литературы“, издаваемый бібліотекаремъ Московской духовной Академіи К. Поповымъ. Одной изъ своихъ главныхъ

¹⁾ „Церковный Вѣсти.“ 1901, № 48, стр. 1524.

цѣлей этотъ журналъ ставить „наводить пользующихся на такія работы, которыя иначе для нихъ остались бы неизвѣстными, сохранять отъ забвенія и смерти многое, что способно будить мысль и дать жизнь новымъ научнымъ работамъ и изслѣдованіямъ“. И если раньше, дѣйствительно, было обидно за напрасно потерянные для науки книги и статьи лишь потому, что объявленія о книгахъ не дошли по своему назначенію, а статьи явились въ малодоступныхъ и малонизвѣстныхъ изданіяхъ, то теперь, при существованіи обстоятельнаго библиографическаго указателя, этого не можетъ быть ¹⁾. Весьма симпатичное изданіе г. Попова даетъ возможность знакомиться со *восьми* статьями по сектантству, которыя появились за послѣднее время въ духовныхъ и свѣтскихъ журналахъ и въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ ²⁾. И мы съ удовольствіемъ воспользовались указаніями новаго библиографическаго журнала, а въ статьяхъ нашли цѣнныя указанія по вопросу о психикѣ и бытѣ сектантства. И всякій другой въ нашемъ положеніи былъ бы благодаренъ сельскимъ пастырямъ за каждую замѣтку о томъ явленіи, наблюденіе и изученіе котораго доступно только имъ. При совокупной работѣ всѣхъ представителей богословской мысли только и возможны тѣ благіе результаты, въ какихъ стремится наша противосектантская миссія.

И такъ, tutti laboremus!

Г. Поповъ.

¹⁾ См. предисловіе къ 1—2 выпускамъ журнала, стр. VI.

²⁾ См. V-й отдѣлъ по сравнительному богословію и, въ частности, по расколо-сектантству (стр. 13—21).

О выборѣ членовъ причта прихожанами въ связи съ вопросомъ о возрожденіи прихода.

(Окончаніе¹⁾).

V.

О современномъ православномъ русскомъ духовенствѣ въ настоящее время установилось, въ извѣстныхъ кругахъ, мнѣніе, что духовное сословіе—отсталое, инертное, не способное удовлетворять духовнымъ нуждамъ своихъ пасомыхъ и порочное въ значительномъ большинствѣ своихъ членовъ. Такое мнѣніе установилось вслѣдствіе исключительныхъ отрицательныхъ явленій въ жизни современнаго православнаго русскаго духовенства.—На это скажемъ, что въ судебныхъ отдѣленіяхъ духовныхъ консисторій еще больше бываетъ дѣлъ объ отрицательныхъ сторонахъ жизни нашего духовенства; но зато нѣтъ здѣсь почти никакихъ дѣлъ о священнослужителяхъ, скромно исполняющихъ свои прямыя пастырскія обязанности. Рассказываютъ о покойномъ Тульскомъ преосв. Никандрѣ, пробывшемъ на этой епархіи нѣсколько десятилѣтій, что въ одинъ изъ своихъ приемовъ онъ увидѣлъ благообразнаго старца, сельскаго священника, который явился къ владыкѣ по дѣламъ своей церкви. Владыка въ первый разъ въ теченіе многолѣтняго управленія Тульской епархіей, увидѣлъ этого священника и повелъ съ нимъ такую бесѣду:— „Я о тебѣ доселѣ не слыхалъ ничего. Значить, ты—хорошій человекъ!“—Священникъ дѣйствительно былъ хорошимъ человекомъ и пастыремъ. Прямой выводъ отсюда тотъ, что мѣстный архіерей больше знаетъ о безповойныхъ или порочныхъ священникахъ, подпадающихъ подъ судъ консисторіи и архіерея, чѣмъ о скромныхъ священникахъ, въ тишинѣ исполняющихъ свои прямыя пастырскія обязанности. Отсюда слѣ-

¹⁾ См. № 13 за 1905 г.

дуетъ также и то, что по одиночнымъ порочнымъ членамъ духовенства нельзя судить объ общемъ нравственномъ состояніи его.

Мы скажемъ еще больше, а именно, что въ настоящее время, когда русское православное духовенство подвергается всяческимъ нападкамъ, и когда предъявляются къ нему высокія идеальныя требованія, это самое духовенство не только исполняетъ въ сельской тиши свои прямыя пастырскія обязанности, но весьма часто удовлетворяетъ и тѣмъ многосложнымъ требованіямъ, какія предъявляются къ нему со стороны общества, свѣтскихъ и даже нѣкоторыхъ духовныхъ инстанцій и писателей.

Если мы присмотримся къ тѣмъ официальнымъ и неофициальнымъ требованіямъ, какія предъявляются теперь къ русскому православному приходскому пастырю, то эти требованія окажутся рѣшительно невыполнимыми для лицъ другихъ сословій. Мы не говоримъ уже о томъ, что, по требованіямъ разныхъ учреждений и вѣдомствъ и по резолюціямъ мѣстныхъ архіереевъ, духовенство обязывается доставлять, куда слѣдуетъ, вовсе не относящіяся къ его прямой обязанности свѣдѣнія—историко-археологическія, статистическія, этнографическія, экономическія, метеорологическія и проч. и проч.—на томъ только основаніи, что священникъ въ приходѣ нерѣдко представляетъ изъ себя единственную интеллигентную личность. Прямые же предписанія духовнаго начальства относительно исполненія пастырскихъ обязанностей приходскаго священника еще болѣе разнообразны и многосложны. Независимо отъ совершенія богослуженія, исполненія требъ и отчетности по приходу, приходскому священнику рекомендуются и даже требуются отъ него: проповѣдь Слова Божія въ храмѣ и внѣбогослужебныя собесѣдованія, собесѣдованія съ раскольниками и сектантами, гдѣ они есть, учрежденіе церковно-приходскихъ школъ, завѣдываніе ими и преподаваніе въ нихъ Закона Божія. По почину приходскихъ священниковъ и во всякомъ случаѣ не безъ ихъ прямого участія, нынѣ учреждаются церковно-приходскія

попечительства и братства, общества трезвости, чайныя и дешевыя столовыя, богадѣльни, дѣтскіе пріюты, ясли для временнаго призрѣнія безпризорныхъ дѣтей и проч.

Послѣдняго рода церковно-просвѣтительная и церковно-благотворительная приходская дѣятельность представляется г. Папкову невозможною для современнаго приходскаго священника, и потому возлагается имъ на весь приходъ, на приходскую общину. Но намъ кажется, что народная масса инертна, живетъ старыми, унаслѣдованными отъ отцовъ и дѣдовъ обычаями и сама по себѣ не можетъ заботиться объ улучшеніи церковно-приходской жизни, безъ воздѣйствія и руководства какого-либо умнаго, образованнаго, энергичнаго и любвеобильнаго инициатора. А такимъ инициаторомъ, естественно, и долженъ быть приходскій священникъ, который долженъ во всѣхъ отношеніяхъ стоять выше народной массы.

Но пусть не смущается приходскій священникъ многосложностію лежащихъ на немъ нравственныхъ церковно-общественныхъ обязанностей и особенно трудовъ по церковно-приходской благотворительности. Были бы лишь со стороны приходскаго священника искреннее доброе желаніе помочь приходу и хорошій починъ въ этомъ дѣлѣ, а помощники ему и матеріальныя средства всегда найдутся въ самомъ приходѣ, независимо отъ церковныхъ суммъ. Послѣднія имѣютъ различныя спеціальныя назначенія и частію употребляются на мѣстныя нужды церкви, а частію идутъ въ центральное духовное управленіе,—и прихожане не привыкли учитывать священника и причтъ въ израсходованіи этихъ средствъ, какъ разъ навсегда отданныхъ ими Богу и церкви; но они всегда окажутъ посильную помощь своему приходскому священнику въ его добрыхъ начинаніяхъ и новыми матеріальными средствами, и личнымъ трудомъ на пользу своего прихода. Мы не будемъ здѣсь указывать на исключительный почти примѣръ извѣстнаго Кронштадтскаго протоіерея Іоанна Сергіева, который сумѣлъ расположить своихъ почитателей къ крупнымъ пожертвованіямъ на дѣла хри-

стіанской благотворительности. Но въ настоящее время мы можемъ указать и такихъ приходскихъ священниковъ, которые въ тѣсныхъ предѣлахъ своего прихода сумѣли осуществить почти всю ту программу церковно-просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій, какая предначертана г. Папковымъ для проектируемаго имъ *обновленнаго* прихода. Въ одномъ изъ Кіевскихъ городскихъ приходовъ, имѣющемъ около 22 дворовъ прихожанъ, на нашихъ глазахъ совершается что-то необычайное. Въ этомъ сравнительно бѣдномъ приходѣ, при нынѣшнемъ священникѣ, выстроено каменное зданіе въ 3½ этажа для церковно-приходской школы, дѣтскаго сада, или пріюта и воскресной школы для взрослыхъ; расширена и украшена церковь, считающаяся теперь одною изъ лучшихъ приходскихъ церквей г. Кіева, и учреждены рабочій домъ, народная чайная и дешевая столовая для бѣднаго люда. Питательными органами для этихъ учрежденій являются: церковно-приходское братство, женскій комитетъ для завѣдыванія дѣтскимъ пріютомъ, общество трезвенниковъ и благотворители изъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, жертвующихъ на эти учрежденія или матеріальнымъ пособіемъ, или же личнымъ трудомъ по преподаванію въ церковно-приходской и воскресной школахъ и по дежурству въ дѣтскомъ пріютѣ. Кромѣ того, въ церкви этого прихода постоянно ведутся богослужебныя проповѣди и внѣбогослужебныя собесѣдованія, а въ школьномъ помѣщеніи—противопшундистскія собесѣдованія и популярныя чтенія съ туманными картинами. Но и эти собесѣдованія и чтенія ведутся не однимъ приходскимъ священникомъ, а и другими священниками и лицами, только подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ.

Правда, въ сельскихъ приходахъ священникъ, при всѣхъ своихъ добрыхъ желаніяхъ и намѣреніяхъ, не можетъ рассчитывать на помощь своихъ собратій—священниковъ и на сколько-нибудь значительное число интеллигентныхъ и состоятельныхъ сотрудниковъ и помощниковъ; но, вѣдь, въ сельскихъ приходахъ и жизнь прихожанъ болѣе примитивна, патріархальна

и проста, чѣмъ въ городахъ, не обилуетъ ужасающею нищетою и безнравственностію, и дефекты этой жизни легче устранить скромными приходскими средствами, въ родѣ небольшихъ денежныхъ взносовъ, пожертвованій сельскими продуктами и личнымъ трудомъ прихожанъ. Особенное вниманіе сельскихъ приходскихъ священниковъ должно быть обращено на церковно-приходскія школы и на церковно-приходскія братства. Первые должны образовать новую породу сельскихъ прихожанъ, воспитанную въ духѣ Православной Церкви и гуманности, а вторыя должны послужить зерномъ для будущаго развитія широкой попечительности о благѣ Церкви, прихода и отдѣльныхъ прихожанъ.

Въ заключеніе считаемъ не излишнимъ замѣтить, что какъ бы широко въ послѣдствіи ни развита была церковно-просвѣтительная, церковно-общественная и благотворительная дѣятельность сельскихъ приходовъ, но церковный приходъ, по нашему мнѣнію, никогда не можетъ слиться и отождествиться съ мірскою общиною, какъ земскою единицею. Церковный приходъ есть совокупность православныхъ христіанъ, приписанныхъ къ известной церкви. Но въ иныхъ селахъ и мѣстечкахъ есть нѣсколько приходскихъ церквей и приходовъ, а на территоріи многихъ приходовъ живутъ иновѣрцы (евреи, татары и др.), инославные (католики, протестанты), раскольники и сектанты, которые или уже пользуются равноправіемъ съ православными, или только добиваются этого равноправія. Состоя членами сельскихъ и городскихъ обществъ, эти иновѣрцы, инославные, раскольники и сектанты—понятно—никоимъ образомъ не могутъ быть членами православнаго прихода.

Проф. Н. Петровъ.

Практическая замѣтка

о раздачѣ вербы въ недѣлю Вайй.

По церковному уставу, на утрени въ недѣлю Цѣтоносную послѣ евангелія и 50-го псалма читается особая молитва: „Господи Боже нашъ, сѣдай на херувимѣхъ“—на благословеніе вайй, при чемъ въ нѣкоторыхъ храмахъ, кромѣ молитвы, верба освящается еще св. водою. „Егда же цѣлуютъ братія евангеліе, раздаваетъ игумень вайя“.

Къ сказанному слѣдуетъ добавить, что русскій православный народъ чрезвычайно дорожитъ освященною вербою: ею онъ выгоняетъ скотъ первый разъ въ поле, ее же употребляетъ въ болѣзняхъ и примѣшиваетъ къ дровамъ для печенія пасхи. Само собою теперь станетъ понятнымъ, почему находящіеся въ храмѣ такъ толпятся и торопятся, боясь, что имъ не хватитъ, пожалуй, вербы; происходящія при этомъ шумъ, гамъ и крикъ часто совершенно заглушаютъ отправляемое богослуженіе. Нѣтъ никакихъ средствъ успокоить взволнованную толпу, въ особенности въ сельскомъ храмѣ, гдѣ одному настоятелю приходится и вербу раздавать, и совершать въ то же время обрядъ елеопомазанія.

Всевозможныя мѣры я употреблялъ къ тому, чтобы устранить безпорядокъ при раздачѣ вербы: приглашалъ на помощь церковный причтъ, членовъ попечительства, сельскихъ властей и почетныхъ прихожанъ,—но и они не въ силахъ были удержать напора толпы. Тогда я остановился на слѣдующей мѣрѣ. Предъ началомъ вечерни верба длиннымъ рядомъ раскладывается вдоль церковнаго погоста. Послѣ обычнаго начала и пѣнія тропаря: „Общее воскресеніе“ совершается крестный ходъ вокругъ храма трижды. Послѣ второго *обхожденія* противъ западныхъ вратъ читается молитва: „Господи Боже нашъ, сѣдай на херувимѣхъ“, верба окропляется св. водою, берется въ руки участниками крестнаго хода, и съ

пѣніемъ стихиръ: „Днесъ благодать Св. Духа насъ собра“ всѣ обходятъ въ третій разъ вокругъ храма и входятъ въ храмъ. Верба держится молящимися въ рукахъ все время всеобщаго бдѣнія и не складывается въ кучу для раздачи послѣ чтенія евангелія, а по окончаніи всеобщаго каждый уноситъ свою вѣтвь домой.—Хотя въ данномъ случаѣ и можетъ произойти маленькое отступленіе отъ церковнаго устава, но настолько не важное, что имъ можно, по нашему мнѣнію, поступиться для того, чтобы устранить гораздо больший и положительно нетерпимый безпорядокъ, происходящій во время раздачи вербы въ положенное по уставу время.

Быть можетъ, въ другихъ мѣстахъ существуетъ другой порядокъ раздачи, и предпринимаются другія мѣры, способствующія къ устраненію указаннаго нами безпорядка; поэтому, желательно было бы на страницахъ „Руководства для сельск. пастыр.“ выслушать сужденія сопастырей по затро-нутому мною вопросу. *Сельскій священникъ.*

Народныя уличныя библіотечки.

Въ своихъ архипастырскихъ заботахъ о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи простого народа, преосв. Николай, еп. Таврической, указалъ, между прочимъ, на одинъ въ высшей степени простой и общедоступный способъ распространенія назидательнаго чтенія въ народѣ—на устройство такъ называемыхъ *уличныхъ народныхъ библіотечекъ.*

Уличныя народныя библіотечки устраиваются обыкновенно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, собирается много простого народа, который, въ ожиданіи дѣла, проводитъ время по большей части въ пустыхъ разговорахъ, наприм.: въ почтовыхъ конторахъ и ихъ отдѣленіяхъ, въ казначействахъ, въ пріемныхъ больницъ, въ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ, въ городскихъ и земскихъ управахъ. Съ наименьшею пользою и удобствомъ могутъ устра-

иваться такія библіотечки въ церковныхъ оградахъ, на базарныхъ площадяхъ, въ мѣстахъ стоянокъ извозчиковъ, на пароходныхъ пристаняхъ, на вокзалахъ; равнымъ образомъ—въ сельскихъ школахъ, тюрьмахъ гражданскаго и военнаго вѣдомствъ, въ арестантскихъ ротахъ; наконецъ—въ исправительныхъ колоніяхъ, на гауптвахтахъ, въ богадѣльняхъ, въ домахъ трудолюбія, въ ночлежныхъ пріютахъ, въ казармахъ, въ помѣщеніяхъ пожарныхъ командъ, въ столовыхъ и чайныхъ понечительствъ и обществъ трезвости, на судахъ и пароходахъ военнаго и коммерческаго флотовъ, на заводахъ и фабрикахъ и проч. и проч. Свящ. *Н. Б—скій* на страницахъ Таврическихъ епархіалиныхъ вѣдомостей рекомендуетъ слѣдующіе три способа устройства *уличныхъ народныхъ библіотечекъ*, которыми можно пользоваться, сообразуясь съ тѣмъ или инымъ мѣстомъ, гдѣ онѣ устраиваются.

1) *Шкапикъ*, или *витрины*.—Изъ березоваго или сосноваго дерева устраивается шкапикъ съ рамкой, подъ стекломъ, по размѣру—1 арш. 6 вершк. высоты, 1 арш. 1 верш. ширины и 1 верш. глубины. Рама должна быть ординарная, безъ переплетовъ, которые будутъ мѣшать читающему, на шалнерахъ вмѣсто завѣсъ, и запирается на замокъ. На внутренней сторонѣ такого шкапика, или витрины можно прикрѣпить брошюру въ 16 страницъ или 4 Троицкихъ Листка. Прикрѣплять листки можно кнопками, а еще лучше пользоваться для этого слѣдующимъ способомъ. Берутъ два экземпляра чтеній одного и того же изданія и, аккуратно сложивъ ихъ, разрѣзаютъ на отдѣльные листки; затѣмъ эти листки наклеиваютъ на большомъ листѣ *бѣлой* оберточной бумаги (пудъ ея стоитъ всего 4 руб. 20 коп.) такъ, чтобы полями одного листка покрывались поля другого. *Первая* страница—*нечетная*—берется изъ одного экземпляра, *вторая*—*четная*—изъ другого и т. д. Такъ подбирается вся брошюра въ послѣдовательномъ порядкѣ страницъ столбцами или сверху внизъ, или отъ лѣвой руки къ правой. На первыхъ порахъ, пока народъ пріучится читать, полезно столбцы стра-

ницъ отдѣлять другъ отъ друга полоской цвѣтной бумаги.— Въ мѣстахъ многолюдныхъ,—какъ, напр., на базарныхъ площадяхъ, въ церковныхъ оградахъ, на парходныхъ пристаняхъ и т. п.,—можно ставить витрины двухстороннія и даже трехстороннія. Устройство такого рода витринъ не представляетъ ничего затруднительнаго въ сравненіи съ устройствомъ витринъ одностороннихъ, такъ какъ двухстороннія витрины имѣютъ видъ двухъ скрѣпленныхъ между собою внутреннею общемою стѣнкою рамъ; въ трехстороннихъ же витринахъ рамы скрѣпляются между собою углами (въ видѣ треугольной призмы), имѣя общую крышу и общее дно. Двухстороннія и трехстороннія витрины укрѣпляются на вкопанныхъ въ землю столбахъ, а одностороннія обыкновенно развѣшиваются по стѣнкамъ.

2) *Доски.*—На гладко вычищенныхъ сухихъ сосновыхъ дощечкахъ длиною 1 арш. 10 вершк. и шириною $5\frac{1}{4}$ —6 вершк. (съ *двумя шпонками*, чтобы не коробило) предварительно наклеивается крахмаломъ бѣлая бумага, а на нее—листки для чтенія, которые послѣ наклейки покрываются уже на дощечкахъ желатиномъ или домознымъ лакомъ; еще лучше—листки предварительно наклеить на соответствующей полосѣ *бѣлой* бумаги, покрыть желатиномъ или домознымъ лакомъ и въ такомъ видѣ прикрѣпить кнопками къ доскѣ. Этотъ способъ устройства уличной народной библіотечки одинаково примѣнимъ и къ высокимъ и къ низкимъ рѣшеткамъ церквей, скверовъ, при сельскихъ церквахъ и шеолахъ. При тщательномъ сохраненіи библіотечки эти, несмотря на всевозможныя атмосферныя перемѣны, могутъ быть вполне годны къ употребленію, по меньшей мѣрѣ, въ теченіе *двухъ* лѣтъ. Онѣ, къ тому же, и очень дешевы. Изъ неудобствъ этихъ послѣднихъ библіотечекъ можно указать на одно только то, что ихъ нужно убирать въ дождь, снѣгъ и на ночь.

3) *Библіотечка ручная.*—Листокъ или брошюра наклеиваются въ *два* столбца на картонъ малаго формата (10 вершк. вышины и 6 вершк. ширины); картонъ покрывается сначала

желатиномъ, а потомъ спиртовымъ лакомъ. Листокъ, брошюра или книга берутся въ двухъ экземплярахъ одного и того же изданія; изъ одного экземпляра берутся *нечетныя*, изъ другого—*четныя* страницы. Наклейка производится на обѣ стороны картона по 4 страницы на каждой; слѣдовательно, на двухстороннемъ картонѣ помѣщается *два* Троицкихъ или Авоонскихъ Листка. Если же берется не листокъ, а брошюра или книга въ 16, 24, 32 и болѣе страницъ, то онѣ наклеиваются на *два*, на *три* и болѣе картоновъ съ печатными на каждой сторонѣ картона №№, и тогда картоны связываются вмѣстѣ: съ лѣваго бока картоновъ вставляется вверху и внизу по мѣдному нитону, въ которые и продѣвается шнурокъ, свободно связывающій ихъ въ двухъ мѣстахъ, такъ что картоны перелистываются, какъ страницы обыкновенной книги. Стоимость такого картона—до 23 коп., при наклейкѣ же и отдѣлкѣ картоновъ дамашними средствами стоимость каждаго изъ нихъ удешевляется до 12 коп. Не мѣшаетъ ставить при этомъ на каждой сторонѣ картона послѣдовательно №№ (ихъ можно вырѣзывать изъ старыхъ стѣнныхъ календарей). Наклейка известной книги: „Училище благочестія“, состоящей изъ избранныхъ житій святыхъ и поучительныхъ разсказовъ, обойдется сравнительно довольно дорого—13—14 руб.; но зато же при этомъ способѣ и читать могутъ *одновременно около 80 человекъ*, тогда какъ *два* экземпляра названной книги могли бы читать *одновременно только 2 человека*. Полезно имѣть наклееными на картоны, прежде всего, конечно, книги и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія, напр. слѣдующія: „Житія святыхъ“ на всѣ 12 мѣсяцевъ.—А. Бахметевой, „Народная академія“, „Доброе слово“ изъ поученій прот. Іоанна Сергіева—изданіе Дункевича, книги прот. В. Михайловскаго, свящ. Свирѣлина, Богословскаго и др. (дешевыя изданія); затѣмъ—брошюры и книжки (въ особенности съ рисунками) историческія, патріотическія, по земледѣлію, скотоводству, огородничеству, лѣченію болѣзней простыми средствами, о подаіи немедленной помощи въ несчастныхъ

случаяхъ, о суевѣрїяхъ и т. п. Большой выборъ подобнаго рода брошюръ и книгъ можно найти въ изданїяхъ обществъ: Распространенїя духовно-нравственныхъ книгъ, С.-Петербургскаго комитета грамотности, Комиссїи народныхъ чтенїй, „Общественная польза“, „Народная польза“ и вѣк. др.—Картонъ, приготовленный указаннымъ выше способомъ, употребляются для *ручного* чтенїя. Будучи покрыты желатиномъ и спиртовымъ лакомъ, они долго сохраняются, не грязнятся отъ рукъ, а вслѣдствїе своей значительной величины—не могутъ быть затеряны или съ злонамѣренною цѣлью унесены.

Уличные народныя библіотеки гораздо удобнѣе библіотекъ *неподвижныхъ*, такъ какъ онѣ доступны всѣмъ и каждому во всякое время. Опытъ устройства такихъ библіотечекъ всѣхъ *трехъ* предлагаемыхъ свящ. Н. Б—скимъ видовъ въ г. Симферополѣ далъ прекрасные результаты. Вслѣдствїе этого, нельзя не пожелать самаго широкаго распространенїя ихъ не только въ городахъ, но и въ селахъ и деревняхъ. Инициативу и главное руководство въ этомъ дѣлѣ естественнѣе всего принять на себя приходскимъ священникамъ; въ необходимыхъ же деньгахъ—увѣрены—не откажутъ церковно-приходскїя попечительства, сельскїя общества, попечительства и общества трезвости, наконецъ—отдѣльные добрые люди.

Въ предохраненїе отъ обманщиковъ и кощунниковъ.

Въ послѣднее время по селамъ и деревнямъ появилось много странниковъ, странницъ, убогихъ и т. п. Всѣ эти странники и убогіе (какъ говорятъ сами) идутъ молиться Богу къ мощамъ старца Серафима Саровскаго. „Божьи люди“ собираютъ „подаванїя“, берутъ и деньгами, и саломъ, и яйцами, и холстиной, и даже... пенькой! (хлѣба не берутъ). Ходятъ „Божьи люди“ парочками—обязательно странникъ и странница. Нерѣдко случается, что за одинъ день по деревнѣ пройдетъ болѣе десятка такихъ парочекъ. Странники большею

частью народъ молодой, сильный; рѣдко попадаетъ старичокъ лѣтъ 60-ти; однихъ лѣтъ съ странниками, конечно, и странницы. У крестьянина П.,—пишуть Саратовскія епархіальныя вѣдом.,—заночевала парочка молодыхъ странниковъ (мужчина и женщина). За ужиномъ странники „скоромнаго“ не ѣли и убѣждали со слезами и хозяевъ не „вкусать“ грѣшной пищи. Своими разказами молодой странникъ благочестивыхъ даже въ слезы вогналъ. Послѣ ужина молодая парочка попросила себѣ для ночлега отдѣльное помѣщеніе.— „Мы всю ночь Богу молимся,—заявили они,—а вы будете намъ мѣшать“. Не подозрѣвая ничего дурного, хозяева помѣстили ихъ въ амбаръ, гдѣ хранилось женское имущество. На другой день, часовъ въ 10 утра, хозяева, сготовивъ странникамъ „постной“ пищи, пошли будить ихъ. Но—о ужасъ!—ни странниковъ, ни самыхъ лучшихъ женскихъ платковъ и платьевъ не оказалось!.. Взвыли бѣдняги, да дѣлать-то нечего... Странниковъ искали,—но, конечно, не нашли...

Въ деревнѣ Кривцовой одинъ молодой странникъ, подвыпивши, похвалился собравшимся женщинамъ и дѣвушкамъ, что онъ со старцемъ Серафимомъ вмѣстѣ одиннадцать лѣтъ подвизался въ пустынѣ Аравійской!?. (Это фактъ!). А когда одна изъ женщинъ спросила у него: „Гдѣ эта Аравійская пустынь?“—странникъ важно отвѣтилъ: „Это, чадо, далеко... версть... версть тысячъ сто будетъ... Однимъ словомъ, за городомъ Питеромъ!!!“

Нѣкоторые странники ходятъ съ панорамами, показывая за гривенникъ любопытнымъ крестьянамъ „святые мѣста“, „градъ Константинъ“ и т. под. Когда крестьянинъ, интересующійся посмотрѣтъ „святини“, начинаетъ торговаться съ странникомъ—нельзя ли, молъ, за пятакъ всю премудрость посмотрѣтъ, странникъ обыкновенно, укоризненно покачавъ головою, говоритъ внушительно:— „Ахъ, ты, грѣховодникъ!!! Нечестивецъ ты этакій!.. Да развѣ ты *мнѣ* подаешь? Все равно, твои деньги пойдуть на Божье дѣло!“ Мужичокъ конфузится и, желая загладить свою вину, даетъ страннику

вмѣсто гривенника двугривенный... Есть много такихъ странниковъ, которые, истребивъ предварительно нѣсколько стакановъ водки, настойчиво требуютъ „подаванія“ и, если имъ отказываютъ, грозятъ страшнымъ „проклятіемъ“...

Убогіе ѣздятъ на телѣгахъ, въ такъ называемыхъ „будкахъ“. Самъ убогіи сидитъ въ будкѣ, а два дѣтины, чуть ли не въ сажень ростомъ, собираютъ подаваніе. Хлѣба убогіе тоже не изволятъ брать, а подай имъ сальца, яичекъ, холстинки и т. п. Нерѣдко случается, что вмѣсто убогаго въ „будкѣ“ сидитъ здоровый дѣтина. Въ деревнѣ Панкиной случился такой фактъ. По дорогѣ на тощей клячкѣ, запряженной въ „будку“, тихо ѣхалъ, то и дѣло останавливаясь, „несчастенькій“ убогіи. Голова у несчастнаго была обвязана старой тряпкой, все лицо заклеено бумагой, будто бы на лицѣ были страшныя раны. Ѣхалъ убогенькій по дорогѣ, выкрикивая жалостнымъ, за душу хватающимъ голосомъ: „Мірушка—народушка православный! подайте безногому калѣкѣ милостишку“... Подавали много. Вдругъ въ одномъ домѣ хватились женщины—рубашекъ грязныхъ нѣтъ. Подозрѣніе пало на только-что прошедшихъ „помощниковъ“ убогаго. Собрался народъ. Рѣшено было обыскать „будку“. Несмотря на увѣреніе убогаго, что нельзя выйти изъ „будки“, такъ какъ у него ноги машиной отрѣзало, мужички вытащили убогаго изъ „будки“ и... отступили въ изумленіи назадъ... Передъ ними былъ не безногіи, а здоровый мужичка, не старше тридцати лѣтъ. Какъ оказалось впоследствии, это былъ крестьянинъ Жиздринскаго уѣзда Павелъ Кононь, занимающійся такимъ промысломъ уже нѣсколько лѣтъ!.. Удивительно то, что крестьяне видятъ, какъ разнаго рода проходимцы пропиваютъ собранное тутъ же, у какой-нибудь Акульки, тайно торгующей „монополькой“; а между тѣхъ, ничтоже сумняся, продолжаютъ награждать бездѣльников!..

Да, много соберутъ съ крестьянской массы шарлатаны, отправляющіеся въ Саровскую пустынь, нагло эксплуатируя религиозное чувство темнаго люда.

Люди свѣдущіе, разумные и опытные должны бы предохранять своими разъясненіями темныхъ поселянъ отъ обмана кощунниковъ и шарлатановъ¹⁾.

¹⁾ „Совр. Об.“, 1904 г., № 27-й.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 15-го марта 1905 года.

Цензоръ священникъ Николай Гроссу.
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 15.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года апрѣля 10-го дня.

Содержаніе: Современная драма совѣсти.—Изъ религіозной жизни запада.—
Въ ожиданіи страшной гостыи.—О предначинательныхъ священни-
ческихъ возгласахъ на службахъ.

Современная драма совѣсти ¹⁾.

„Господи! къ кому намъ идти?
Ты имѣешь глаголы жизни вѣчной“
(Іоанн. 6, 68).

Нѣкогда у великой Голгоѣы толпа представителей книж-
нической правды въ самочинной человѣческой гордости про-
изнесла судъ надъ Божественной Истиной. Рѣшивши судъ
смертнымъ приговоромъ Небесной Любви, она отошла отъ
креста, взявши на свою фальшивую совѣсть кровь Правед-
ника-Христа, Искупителя. „Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ
нашихъ“, сказала она...

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ сокращеніи на торжественномъ засѣ-
даніи членовъ Кіевского Религіозно-просвѣтительнаго Общества 27 янв.
1905 года.

Тамъ же, у голгоѣскаго креста, стояли въ то время еще робкіе ученики Господа. Они шли за своимъ Учителемъ до Голгоѣы. Они были на Голгоѣѣ. Они, предавши тѣло Его погребенію; по воскресеніи Его изъ мертвыхъ и вознесеніи на небо, пошли въ силѣ Духа Святого съ огненнымъ словомъ спасенія въ грѣшный міръ, проповѣдуя Бога любви, Христа, Божію силу, Божію премудрость.

Съ того времени прошли вѣка. Лицо земли не однажды измѣнилось. Человѣчество выросло въ огромную культурную силу съ удивительнымъ богатствомъ духовнаго содержанія...

Но и въ этомъ измѣненномъ вѣками обликѣ его мы безъ труда можемъ указать тѣ же основныя черты, которыя пророчественно положены были на его чело голгоѣскими событіями...

Въ нынѣшній вѣкъ, который справедливо считается вѣкомъ историко-философскаго синтеза, временемъ сведенія итоговъ мысли и жизни, это выступаетъ особенно отчетливо. Философское сознаніе нашихъ дней, остановившееся надъ центральной проблемою человѣческаго существованія, ведетъ шумный разговоръ на тему о правдѣ жизни и разумномъ смыслѣ ея путей. И теперь округленіе, чѣмъ когда-либо раньше, договорены на эту тему, повидимому, самыя послѣднія и самыя „нужныя“ слова. Формулировка рѣшеній самой темы уложилась крѣпче, чѣмъ когда-нибудь, въ двойное жизнепониманіе.

Духовные наслѣдники скромныхъ учениковъ Господа побѣдоносно совершили миссію Небесной Любви: потрясли міръ дивнымъ словомъ мира и спасенія, изъ нѣдръ человѣческаго духа извлекли геній религіозной вѣры, родили христіанскую культуру и благодатію свыше крестили человѣчество для служенія идеалу вѣчной правды. На лучезарномъ знамени ихъ дѣла словами вдохновенной искренности было написано: „Ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во

Христъ Исусъ Господъ нашемъ“ (Римл. 8, 38—39). „Живемъ ли, для Господа живемъ; умираемъ ли, для Господа умираемъ; и потому живемъ ли, или умираемъ, всегда Господни“ (14, 8). „Богъ есть Любовь. Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь черезъ Него... Если такъ возлюбилъ насъ Богъ; то и мы должны любить другъ друга“ (I Иоанн. 4, 8—9, 11).—„Если мы въ сей только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастіе всѣхъ человѣковъ“ (I Кор. 15, 19). „Наше отечество на небесахъ...“

Какъ драгоценную святыню, эту великую программу жизни носить въ себѣ и жизненно руководствуется ею совѣсть современнаго христіанина.

Въ тѣневой сторонѣ отъ солнечнаго блеска Евангелія, прикрытыя отъ него плотнымъ покрываломъ, сотканнымъ изъ словъ надменной человѣческой мудрости, нашли себѣ убѣжище духовныя дѣти тѣхъ, которые взяли на себя кровь распятой Любви. Они ушли дальше своихъ отцовъ: какъ тѣ, отвергнувъ Христа, они послѣ Христа отвергли небо вообще, и теперь, безъ Христа и безъ „догматическаго недоказаннаго (будто бы) Неба“, рѣшили совершать великій праздникъ жизни, вмѣстивъ его священнодѣйствія въ узкія границы земли, подобно тому, какъ ихъ родоначальники, обманувши свою совѣсть, пошли отъ креста Небесной Любви совершать пасху во имя земной мечты.

Итакъ, голосъ Неба и голосъ земли. Религія Неба и земли—таковъ великій споръ нынѣшняго времени, въ которомъ трудно не видѣть біенія пульса міровой мысли, упершейся въ сущности въ вопросъ: во имя чего стоить жить?

Мы не беремся охватить этотъ споръ во всей широтѣ его объема—это дѣло спеціальнаго научнаго изслѣдованія, а ограничимся скромною задачею—лишь подчеркнуть особенно вышуклые логическіе и жизненно-порочные просчеты большой мечты жрецовъ второго жизнепониманія съ цѣлью такимъ путемъ поставить въ подній свѣтъ истину евангельскаго на-

чала жизни. Отозваться критически на это жизнепонимание есть особенное побуждение в томъ, что оно составляет острый вопросъ дня для мыслящей части русской свѣтской интеллигенціи, духовныя болѣзни которой всегда были—и должны быть—близки любвеобильному сердцу Церкви Православной и ея вѣрныхъ служителей—православныхъ пастырей.

I.

У Надсона есть слѣдующее прекрасное стихотворение:

Живя, я жить хочу не въ праздномъ опьяненіи,

Боясь себя *зачѣмъ* пытливо спросить,

Но такъ, чтобъ въ каждомъ днѣ и часѣ и мгновеньи

Таился-бъ вѣчный смыслъ, дающій право жить...

Эти слова, разумѣтся, не выраженіе личнаго сознанія поэта. Вѣчный смыслъ, дающій право жить,—искомое общечеловѣческаго духа. Его начало совпадаетъ съ первымъ моментомъ пробужденія самосознающей мысли. Оно въ материнскомъ лонѣ своемъ зачало мировую философію. Оно есть факторъ философскаго творчества прошлаго и отдаленныхъ историческихъ перспективъ будущаго. Отказъ отъ обладанія этимъ искомымъ в томъ или иномъ рѣшеніи равносильна снятію въ концѣ концовъ со счетовъ человѣческаго знанія самого вопроса о необходимости знанія, и для человѣческой совѣсти дѣло немисляемое. И такъ какъ это искомое не предопредѣлено, подобно математическому выводу, въ малоподвижныхъ цифровыхъ предпосылкахъ точной науки, а положено большимъ и нуднымъ вопросомъ на силы свободнаго и въ своей свободѣ измѣнчиваго человѣческаго духа и въ такомъ видѣ предназначено было преломляться и въ личномъ сознаніи отдѣльнаго человѣка, и въ коллективномъ разумѣ цѣлыхъ философскихъ эпохъ, то естественно вполнѣ, если формулы его рѣшенія въ окончательномъ итогѣ были не одинаковы. Въ этомъ заключается видимое оправданіе появленія безрелигіознаго жизнепониманія. Съ другой стороны, такъ какъ это

искомое самыми чувствительными нервами сплетено съ жизнью сердца, то не менѣе естественно, что формулы рѣшенія его не могли быть только безстрастными положеніями резонирующаго ума, но звучали всегда самыми тонкими нотами напряженно-взволнованнаго чувства. Здѣсь лежитъ объясненіе той страстности, съ какой отстаивается названное жизнепониманіе.

Но оправданіе появленія доктрины не есть оправданіе ея смысла и разумности; а субъективная страстность—не всегда признакъ подлинной истины чувства.

Что же даетъ намъ это жизнепониманіе взамѣнъ Евангелія? какое счастье обѣщаетъ? что кладетъ въ фундаментъ зданія этого счастья? какую цѣною возводитъ его стѣны и какъ представляетъ завершеніе его въ будущемъ?

Достоевскій, перестрадавшій и выносившій въ своей великой душѣ тяжелыя проблемы человѣческой совѣсти во всѣхъ ихъ мыслимыхъ постановкахъ, вложилъ въ уста кошмарнаго собесѣдника одного изъ своихъ героев такой отвѣтъ на поставленные выше вопросы: будетъ время, когда „люди совоюпятся, чтобы взять отъ жизни все, что она можетъ дать, но непремѣнно для счастья и радости въ одномъ только адѣшнемъ мірѣ. Человѣкъ возвеличится духомъ божеской, титанической гордости, и явится человѣкобогъ. Всякій узнаетъ, что онъ смертенъ весь, безъ воскресенія, и приметъ смерть гордо и спокойно, какъ богъ. Онъ изъ гордости пойметъ, что ему нечего роптать за то, что жизнь есть мгновеніе, и возлюбитъ врага своего уже безъ всякой мзды. Любовь будетъ удовлетворять мгновенію жизни, но одно уже сознаніе ея мгновенности усилитъ огонь ея настолько, насколько прежде расплывалась она въ упованіяхъ на любовь загробную и безконечную“...

Этотъ отвѣтъ цѣликомъ выраженъ словами разсчитываемаго взгляда. Вотъ перефразировка этихъ словъ, данная, можно сказать, на этихъ дняхъ убѣжденнымъ русскимъ исповѣдникомъ теоріи счастья безъ Бога и безсмертія. „Основ-

ное содержаніе психической жизни—это стремленіе жить, борьба за распространеніе жизни. Конечнымъ объектомъ всѣхъ требованій жизни, послѣдней и высшей цѣнностью является сама жизнь. Безусловная цѣнность—это жизнь для жизни. Идеаломъ жизни человѣка является такая жизнь, въ которой онъ испытывалъ бы максимумъ наслажденія... „Счастье человѣчество можетъ завоевать *на землѣ* путемъ эмпирическаго познанія, техники и художества и, наконецъ, соціального творчества. Идеаль впереди—есть могучій стимулъ къ работѣ. Идеаль надъ нами—лишаетъ насъ необходимости работать... Трагизмъ активнаго реалиста заключается въ признаніи страшной трудности пути, грозныхъ преградъ, стоящихъ стѣной надъ человѣчествомъ; но его утѣшеніе въ сознаніи, что только человѣкъ, только одинъ онъ, своимъ чуднымъ мозгомъ и ловкими руками можетъ завоевать *царство небесное на землѣ*, и никакія силы небесныя не ратуютъ за него“ (А. Луначарскій, „Очерки реалистическаго міросозерцанія“).

Итакъ, расчеты съ Небомъ и безсмертіемъ кончены. Счастье укладывается въ границы земли. Для отдѣльной личности—все на землѣ. Для будущихъ же поколѣній начертывается схема послѣдовательнаго, достигаемаго соціальнымъ творчествомъ, общественнаго улучшенія до осуществленія идеала свободнаго, гордаго и счастливаго человѣчества, умиротвореннаго во всѣхъ своихъ исканіяхъ. Повидимому, все устраивается наилучшимъ образомъ. Раздается побѣдная пѣснь жизни, люди приглашаются воскликнуть „осанна“ земной красотѣ и грядущему счастью...

Если бы нужно было вести теоретически споръ о разумности этого жизнепониманія, то, конечно, легко можно было бы указать его наиболѣе уязвимыя мѣста. Въ противовѣсъ упреку, который дѣлается вѣрующему сознанію въ „мечтательности“ его идеала, можно было бы поставить на видъ то, что идеаль царства небеснаго на землѣ, который человѣчество будто бы завоеуетъ путемъ познанія, борьбы и соціального творчества, есть тоже мечта, тоже идеаль; что

покоится онъ тоже на вѣрѣ болѣе, чѣмъ на наукѣ и знаніи; что въ немъ несравненно болѣе элементовъ чувства, чѣмъ познанія и трезвой увѣренности разума. Можно бы сказать, что присутствіе „мистическаго ясновидѣнія“, если подъ нимъ разумѣть отчетливое представленіе идеала, и тутъ на лицо, только, можетъ быть, слегка прикрашеннаго условною терминологіей; что важно не то, гдѣ поставленъ идеаль—впереди насъ, или надъ нами,—важно, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ есть *данное*, предметъ человѣческихъ стремленій, къ которому ведетъ въ обоихъ случаяхъ не путь „мистическаго экстаза“, а тернистая дорога борьбы и подвига.—Если, словомъ, современную мысль пугаетъ одно слово „религія“, то вѣдь въ сущности элементы религіи есть цѣликомъ и тутъ. Есть нѣкоторое божество, мечтательно-воплощенное въ будущее человечество; есть культъ—служеніе ему путемъ жертвенныхъ подвиговъ отреченія отъ своихъ благъ; есть субъектъ религіозный—человѣкъ настоящаго, поклоняющійся божеству будущаго.

Но теоретическаго спора мы не будемъ вести. Проще исполнить нашу задачу съ той стороны, которая сама собой выступаетъ здѣсь.

Бываютъ моменты трагическаго переживанія болѣзней духа. Человѣкъ, ставши на ложный путь въ своей борьбѣ за мнимые идеалы, останавливается на время въ чувствѣ нѣкоторой самоудовлетворенности и сиѣшить увѣренно объявить, что всѣ вопросы жизни имъ схвачены сполна, всѣ препятствія осилены, всѣ противорѣчія духа сглажены и приведены въ стройную гармонію. Съ фанатизмомъ нетерпимости, съ жаромъ прозелита, приподнято страстный, нервно-лихорадочно онъ бросается въ отчаянную схватку съ каждымъ противорѣчіемъ, не щадя ни доброжелательнаго друга, ни недруга... Ложная идея сжигаетъ его, даже вдохновляетъ. Въ жертву ей онъ готовъ отдать все... Но вотъ полемическій пылъ спалъ. Наступила минута трезваго раздумья. Человѣкъ остается наединѣ съ собою... Снова и снова онъ собираетъ

въ умѣ свои доспѣхи, ищетъ самой сильной брони, чтобы вновь выступить на состязаніе... И вдругъ съ ужасомъ замѣчаетъ, что почва уходитъ у него подъ ногами; оружіе его сломано, — тѣ, чтѣ онъ считалъ особенно несокрушимымъ, есть лишь призракъ силы. Нечѣмъ прикрыть самое чувствительное мѣсто.— Душа ноетъ, мечется въ смертельномъ страхѣ, какъ подстрѣленная птица, теряя энергію и ясность сознанія.

Такую тяжелую душевную драму неизбежно готовить — и уже приготовила — современному человѣчеству ложнопобѣдная пѣснь счастья безъ Неба, съ тою лишь разницею, что здѣсь идетъ дѣло о драмѣ въ безгранично ббльшемъ масштабѣ — о драмѣ общечеловѣческаго духа. Сквозь веселые мотивы этой пѣсни уху нашему слышенъ надтреснутый голосъ искусственнаго паюса; сквозь свѣтлыя краски, положенныя на лицо идеала, просвѣчиваютъ черныя полосы незакрашенныхъ пробѣловъ. Картина счастья лишь въ общемъ фонѣ и издадека манитъ обманчивою цѣльностью эстетическаго наслажденія. Сметая предъ глазами созерцателя художественную иллюзію, вблизи она зіяетъ безобразными обнаженными пустотами, на профилѣ которыхъ, обращенномъ къ суду историческаго безпристрастія, огненными словами выжжена пророческая угроза: *накажетъ тя отступленіе твое* (Іерем.). „Я пришелъ къ вамъ, люди настоящаго... Я взглянулъ на васъ добрыми глазами. Но какъ мнѣ ни было страшно, я разсмѣялся. Никогда я не видѣлъ ничего столь намалеваннаго. Размазанные красками, вы сидѣли, окруженные зеркалами, которыя льстили вамъ, расхваливая игру вашихъ красокъ“... Эти слова, вышедшія изъ скорбныхъ устъ челоуѣка, котораго по справедливости называютъ *символомъ* современнаго больного духа, надломленнаго въ мятежныхъ порывахъ за „свѣтомъ жизни“ (Ницше), и обращенныя къ творцамъ земнаго идеала, звучатъ беспощаднымъ приговоромъ. Кто знаетъ философскую трагедію Ницше, тотъ пойметъ, какой ужасъ слышится изъ его слова: „я разсмѣялся“. Отъ него вѣетъ мо-

гильнымъ, ледянымъ холодомъ, холодомъ отчаянія. Это, бурная, но въ своей страстности послѣдовательная до конца, душа сказала слово правды за все человѣчество. Она вскрыла въ нервныхъ отрывочныхъ фраззахъ подлинный обликъ души, скрытый за надуманной иллюзіей. Краски—а подъ ними язвы больной совѣсти. Краски не смыты, игрой ихъ утѣшаются, но раны уже кровоточатъ, обливая сердце ядомъ и подготавливая неисходное томленіе и катастрофу духа.

Трагическій смѣхъ Ницше, сквозь который слышны кровавыя слезы души,—это ужасный комментарий къ его личному сознанию, ярко освѣтившему предъ собой безвыходную драму Прометеевыхъ мукъ современнаго безрелигіознаго человѣка. Полнѣе, чѣмъ кто-либо другой, онъ болѣзненно-чуткою душою уловилъ всѣ данныя и моменты этой драмы: надменную гордость современнаго человѣка, сознавашаго себя человѣкобогомъ и борющагося съ дѣйствительнымъ Богомъ; желѣзныя цѣпи необходимости, которыми онъ прикованъ къ пустыннымъ скаламъ дѣйствительности, и неумирающую тоску по высшему совершенству, которая сжигаетъ душу, рвущуюся изъ цѣпей. И Ницше былъ правъ. Разсматриваемое жизнепониманіе есть реальная драма Прометея. Прослѣдить существенныя ея моменты—значить упрощеннымъ способомъ обнаружить ея истинное значеніе и рѣшить свою задачу почти сполна.

Споръ жизни разрѣшаетъ сама жизнь—жизнь, во-первыхъ, какъ програмная идея, осмысленная принципомъ разума и безусловными требованіями совѣсти, и во-вторыхъ—жизнь, какъ живой историческій процессъ воплощенія этой идеи.

Слагаемая того, что мы называемъ человѣческой жизнью, суть, прежде всего, самъ человѣкъ, носитель высокихъ идеаловъ разума и нравственныхъ потребностей, и общественная среда, историческая арена, на которой раскрываются человѣческія силы, переплетаясь въ живомъ общеніи съ подобными себѣ силами другихъ и направляясь къ осуще-

ствленію полномѣрнаго и гармоническаго существованія. Когда говорятъ объ идеальномъ смыслѣ человѣческаго существованія, когда начертываютъ идеальное человѣческаго счастья и вѣрятъ, что это счастье—не мечта, а единственно разумная цѣль человѣческихъ стремленій, ищущихъ покоя бытія, мы въ правѣ ожидать и требовать, чтобы этимъ идеаломъ сполна покрывался *весь* человѣкъ во всей полнотѣ своего духа и все человечество во всѣхъ его естественныхъ неотчуждаемыхъ правахъ. Тутъ каждая недомолвка, каждый пробыль роковымъ образомъ могутъ быть опасны.

Что же мы имѣемъ предъ собою на самомъ дѣлѣ?—Вмѣсто содержательной и всеобъемлющей программы жизни, живому человѣку предлагаютъ сухую бухгалтерскую смѣту размѣченнаго по статьямъ подотчетнаго періода земнаго существованія. Съ виду смѣта какъ будто добрая. Статьи заполнены подчасъ поразительно точными цифрами, подсчитанъ активъ и пассивъ человѣческаго благополучія... Но балансъ сведенъ неправильно. Забыта одна статья—самая отвѣтственная, разрушительно посягающая на всѣ итоги: забыть тотъ, кто составлялъ самое ядро смѣты,—забыть внутренній человѣкъ, его настроеніе, свобода, совѣсть, самодѣятельность... Вся смѣта держится условными нитями, завязанными мягкимъ узломъ. Выдержать ли узлы, если нитями этими мы охватимъ человѣческую совѣсть во весь ростъ ея свободныхъ силъ? Она, можетъ быть, не порветъ ихъ сразу. Но если она пойдетъ по указаніямъ ихъ, то дойдетъ до бездны; спустится на дно ея, и если возвратится назадъ къ намъ, „то лишь затѣмъ, чтобы рассказать, что тамъ таится отчаяніе“. И тогда, конечно, она порветъ ихъ... Иначе и быть не можетъ.

Легко сказать въ поэтическомъ воодушевленіи: „жизнь прекрасна, жизнь должна быть сильна эффектами, смыслъ жизни въ усладѣ ощущеніемъ упругостью мускуловъ и мозга“. Можно склонять такую жизнь во всѣхъ падежахъ. Но нельзя забывать, что есть жизнь, какъ понятіе, взятое изъ учебниковъ по біологіи, и которую, очевидно, разумѣютъ въ

данномъ случаѣ,—и жизнь, какъ нравственная обязанность, обращенная къ каждому индивидуальному сознанию, какъ нравственная задача, возложенная на плечи каждаго разсуждающаго человѣка,—задача, которую онъ долженъ сполна и безъ противорѣчій разрѣшить за собственный счетъ и страхъ. Въ этомъ смыслѣ вопросъ о жизни есть міровая проблема. Обойти ее теоретически можно, но устранить изъ личнаго сознанія—немыслимо. Узелъ душевной драмы и завязывается самъ собою съ того момента, когда начинается теоретическимъ разсужденіемъ рѣзать по живому тѣлу этой проблемы. И эту неблагодарную операцію совершаютъ на нашихъ глазахъ.

„Жизнь наиболѣе могучая и свободная, жизнь, въ которой органы воспринимали бы лишь ритмичное, гармоничное, плавное, въ которой самые инстинкты роста и творчества роскошно удовлетворялись бы“... Да, это была бы, дѣйствительно, „блаженная жизнь“. Объ этой жизни, дѣйствительно, мечтаетъ человѣкъ... Не многое мѣшаетъ осуществленію этой мечты. „Страшная трудность пути,—говорятъ,—грозныя преграды, стоящія стѣною надъ человѣчествомъ“. И изъ всѣхъ стѣнъ,—скажемъ отъ себя,—наиболѣе грозная—вопросъ о міровомъ злѣ, о тѣхъ мрачныхъ тучахъ, которыя сгущенными тѣнями, подчасъ нестерпимо тяжело облегаютъ душу, не утратившую способности открытыми глазами глядѣться въ себя и вокругъ себя. Есть ли оправданіе этимъ тучамъ? и что въ силахъ согнать ихъ съ хмураго и требовательнаго лица совѣсти?—Совѣсть нетерпѣлива. Она не умѣетъ ждать. Ея требованія настойчивы. Она требуетъ ритма и гармоніи въ нравственномъ міропорядкѣ и сурово спрашиваетъ о примиреніи въ немъ зла, стоящаго стѣною на пути къ совершенству. Если ей не надиктовать исчерпывающаго отвѣта, она забунтуетъ и разгромитъ все, истекая сама въ собственной крови...

Рѣчь идетъ о землѣ—и только о ней. Пусть. Но тогда, прежде чѣмъ уноситься веселою мыслью въ будущее, надо разобраться въ томъ, что подъ рукою, въ настоящемъ, и за-

писано въ документахъ прошлаго. Совѣсть—слишкомъ зорка: она видитъ глубже глаза и неизмѣримо дальше. За мягкими тонами свѣтлаго, радостнаго отъ ея чуткости не укроется слабѣйшій диссонансъ или фальшивая нота жизненныхъ явлений. И она не можетъ забыть всѣ страшныя видѣнія исторіи, весь ужасъ поруганной личности, не видѣть и не усчитать на своихъ вѣсахъ всѣхъ неоправданныхъ человѣческихъ слезъ и крови, которыми насквозь пропиталась земля въ прошломъ, и которыя льются теперь,—всѣхъ стонувъ незаслуженныхъ страданій, которыя пресытили воздухъ земли отъ вѣка. И вотъ *первый* актъ драмы готовъ. „Они жили“. Говорятъ: ихъ уже цѣликомъ нѣтъ. Но зачѣмъ же они страдали? гдѣ правда? гдѣ искупленіе ихъ слезъ? гдѣ смыслъ? гдѣ гармонія?—Ея нѣтъ, но она *должна* быть... Вопросъ расходится въ пустомъ воздухѣ, на сердце ложится свинцовою тяжестью ядовитый осадокъ недоумѣнія. И это отчаяніе и недоумѣніе тѣмъ безысходнѣе, тѣмъ страшнѣе, что опознанная бессмысленность, торжествующая безнаказанность зла подрѣзываютъ подъ корень и мой личный и главное—неизбытнѣй инстинктъ высшей правды, гасятъ энергію и вдохновеніе, бросаютъ меня подъ колеса какой-то чудовищно-жестовой, слѣпой и глухой силы, которая не видитъ, не замѣчаетъ меня, не слышитъ моихъ законныхъ протестовъ... Некому пожаловаться. Не съ кого спросить. Чувствуется, какая-то „змѣя мечетъ баню“: всѣ заповѣдныя мечты, неясныя упованія, надежды на будущее, довѣріе къ настоящему, благословеніе прошедшему—все послѣдовательно ставится на карту,—и она, медленно вскрытая, безъ улыбки, безъ ироніи и участія, повторяетъ холодными устами: *убита*“ (Герцень). Душа, объятая ужасомъ безнадежности, холоднѣетъ. Руки опускаются, воля сломлена, ядъ отчаянія медленно разливается по сердцу. „Пока можно надѣяться, и не стыдно лгать—можно жить, и не стыдно надѣяться“ (Тургеневъ). Но поднимается истина, возстаетъ требованіе правды—и тотчасъ замыкаетъ намъ уста, связываетъ руки, сводитъ насъ на „нѣтъ“. „Тогда одно остается

человѣку, чтобы устоять на ногахъ и не разрушиться въ прахъ, не погрязнуть въ тинѣ самозабвенія... самопрезрѣнія: спокойно отвергнуться отъ всего, сказать *довольно*—и, скрестивъ на пустой груди ненужныя руки, сохранить послѣднее, единственно доступное ему достоинство—достоинство сознанія собственнаго ничтожества... Слабое достоинство! Печальное утѣшеніе! Несбыточная надежда! Какъ ни старайся проникнуться имъ, повѣрить ему, заговорить себя,—нельзя, нельзя отразить грозныхъ словъ поэта. „Если все такъ, то наша жизнь—одна бродячая тѣнь; жалкій актеръ, который рисуется и кичится какой-нибудь часъ на сценѣ, а тамъ пропадаетъ безъ вѣсти; сказка, рассказанная безумцемъ, полная звуковъ и ярости“ (Тургеневъ). „Ложь и дьяволовъ водевиль“ (Кирилловъ въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго). „Для чего же жить тогда?“—спрашиваетъ Кирилловъ у Достоевскаго. Вопросъ—понятенъ. Отвѣтъ на него страшенъ. Его давно дала классическая эллинская поэзія безнадежнаго пессимизма: „Безразсудны и жалки, я думаю, тѣ, кто продлить хочетъ жизньъ свѣше мѣры, ибо долгая жизньъ—только долгая скорбь, каждый день умножаетъ страданье. А покоя ни въ чемъ все равно не найдешь, если слишкомъ ты много хочешь. Величайшее, первое благо—совѣсть не раждаться, второе—родившись, умереть поскорѣй... И предѣлъ всему послѣдній—одинокая, больная, злая, немощная старость, ненавистная, проклятыя изъ проклятій, мука мукъ“.

Но жить все-таки надо. Душа, не способная заснуть подъ тѣнью этого меланхоличнаго пессимизма, рвется впередъ, требуетъ самооправданія...

Такъ, столкнувшись съ совѣстью, съ законнымъ правомъ человѣка на личное нравственное достоинство, исходная ложь теоріи раждаетъ отчаяніе... „Совѣсть лишь повидимому теряетъ свое оправданіе и смыслъ, но остается жива, какъ провлятіе“ (Гером. Михайль). „Она не можетъ продать свое первородство—сознаніе безусловной вѣчной своей значимости,—не можетъ, будучи заживо погребенной, омыаѣтъ въ

своемъ гробу“... И никакими великими, утѣшительными словами, никакими великими представленіями нельзя опьянить ее или усыпить...

Свящ. *Е. Капраловъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ религіозной жизни запада.

Съ настоящаго года Редакція журнала имѣеть въ виду время отъ времени помѣщать на страницахъ его краткіе отчеты о религіозной жизни за границей. Предметомъ этихъ отчетовъ будутъ служить теченія западной богословской мысли, явленія изъ области практической дѣятельности западныхъ церквей, вопросы изъ жизни инословныхъ миссій и инославнаго духовенства.

Должны ли представлять свѣдѣнія о религіозной жизни запада какой-либо интересъ для сельскаго священника, котораго прежде всего имѣеть въ виду журналъ?

Мы не удивимся, если многіе на этотъ вопросъ отвѣтятъ отрицательно. На него отвѣтятъ отрицательно, вѣроятно, тѣ изъ нашихъ, значительно умножившихся въ послѣднее время, ревнителей блага Церкви, которые хотѣли бы ограничить умственный интересъ пастырей исключительно кругомъ ихъ прямыхъ обязанностей, которые не прочь бы наградить Россію священниками-начетчиками, вышедшими изъ второклассныхъ школъ. Отрицательно отвѣтятъ на указанный вопросъ, безъ сомнѣнія, и тѣ, которые давно уже говорятъ о разложеніи запада, не видя въ немъ ничего хорошаго и считая его только очагомъ духовной заразы...

Но мы думаемъ, что пастырь Церкви Христовой во всемъ долженъ слѣдовать завѣту апостола: все испытывая, добраго держаться. По своему положенію, священнику приходится встрѣчаться съ людьми самыми различными и входить въ самыя разнообразныя отношенія. Онъ долженъ быть готовъ

во всякое время дать отвѣтъ каждому вопрошающему. Въ силу этого, онъ обязанъ пользоваться всѣмъ, что можетъ расширить его кругозоръ, обогатить знаніями и пастырскимъ опытомъ. Образованіе, и притомъ самое разностороннее, не только не убиваетъ пастырскаго духа,—какъ это склонны думать нѣкоторые изъ нашихъ нынѣшнихъ публицистовъ,—напротивъ, можетъ содѣйствовать его возвышенію и углубленію. Пастырская ревность, не соединяющаяся съ широкимъ образованіемъ, легко можетъ выродиться въ фанатизмъ протопопа Аввакума или въ экзальтированное умиленіе сектантскихъ предстоятелей. Но какъ то, такъ и другое, очевидно, противно духу Православной Церкви. Съ этой точки зрѣнія можно пожелать только, чтобы наши пастыри были проникнуты самыми искренними стремленіями къ пополненію своихъ знаній, вынесенныхъ со школьной скамьи, къ ознакомленію со всѣми явленіями современной жизни. Это желаніе, разумѣется, должно относиться и къ священникамъ сельскимъ.—Намъ возразятъ: кругъ идей и событій, которыми живетъ наша деревня, слишкомъ ограниченъ и узокъ, чтобы сельскому священнику полезно было интересоваться современностью въ широкомъ смыслѣ.—Но нельзя забывать, что и въ узкомъ деревенскомъ кругѣ съ наибольшимъ успѣхомъ, безъ сомнѣнія, можетъ дѣйствовать пастырь, обладающій широкимъ взглядомъ, пріобрѣтеннымъ знакомствомъ съ явленіями современной жизни и мысли. Притомъ же, кругъ этотъ не есть тотъ заколдованный кругъ, изъ котораго никогда не будетъ выхода: онъ расширяется съ каждымъ днемъ. Проникающее всюду печатное слово постепенно уравниваетъ большіе города и захолустныя деревни, пріобщая послѣднія къ интересамъ первыхъ, возбуждая среди мирныхъ обитателей „медвѣжьихъ угловъ“ тѣ же самые вопросы, которые волнуютъ и населеніе городовъ. Сельскій священникъ не можетъ отставать отъ этого культурнаго движенія; онъ долженъ быть впереди его, чтобы не оказаться ниже уровня своей паствы и не потерять, вслѣдствіе этого, нравственнаго права на руководство его.

Въ виду сказаннаго, должно горячо желать, чтобы и сельское духовенство возможно шире знакомилось со всѣми явленіями современной жизни, включая сюда и вопросы науки и искусства и разнаго рода общественныя движенія.

Предлагаемая обзорѣнія религіозной жизни запада, между прочимъ, и будутъ имѣть въ виду содѣйствовать сельскимъ пастырямъ въ достиженіи указанной цѣли.

Религіозная жизнь запада представляетъ для насъ много назидательнаго. Здѣсь совершаются тѣ же самыя историческія процессы, которые суждено, вѣроятно, пережить и намъ и, можетъ быть, въ не особенно далекомъ будущемъ. На западѣ зарождались и зарождаются тѣ религіозныя идея, которыя волнуютъ и наше общество. Западъ идетъ впереди насъ въ области мысли и въ области практической дѣятельности. Поэтому, наблюденіе надъ жизнью католичества и протестантства можетъ дать намъ много такого, что слѣдуетъ *принять къ свѣдѣнію*, чему не худо бы и поучиться. Съ другой стороны, это наблюденіе покажетъ намъ настоящую цѣнность строя нашей религіозной жизни. Непредубѣжденное, добросовѣстное сравненіе себя съ другими всегда, съ одной стороны, содѣйствуетъ улучшенію и прогрессу, съ другой—воспитываетъ сознание своего достоинства и самоуваженія... Было время, когда всѣ отношенія христіанскихъ исповѣданій ограничивались спорами о вѣроисповѣдныхъ разностяхъ, взаимнымъ отрицаніемъ и антогонизмомъ. Теперь, повидимому, болѣе выступаетъ,—по крайней мѣрѣ, со стороны православія,—идея единства, сознание, что, при всѣхъ своихъ разногласіяхъ, и православные, и католики, и протестанты ищутъ, по мѣрѣ силъ своихъ, единой, вѣчной и неизмѣнной истины, стремятся, въ мѣру своего разумѣнія, понять единое евангеліе Христово. И дѣйствительно, споры объ опрѣсноккахъ, объ обливательномъ крещеніи и т. п. должны отступить въ настоящее время на второе мѣсто. Теперь всѣ христіанскія исповѣданія принуждены вести напряженную борьбу съ врагомъ, одинаково отвергающимъ и католичество, и протестантство, и правосла-

віе. Этого общій врагъ—отрицаніе самыхъ принциповъ христіанства, какъ религіи богооткровенной, и полный атеизмъ. Борьба съ невѣріемъ такъ же занимаетъ протестантовъ и католиковъ, какъ озабочиваетъ и православныхъ пастырей,—и въ этомъ отношеніи православному пастырю полезно знать, какъ ведется она его западнымъ собратомъ, такъ какъ средства этой борьбы въ общемъ должны быть одинаковы. Конечно, православіе по-своему понимаетъ отдѣльныя истины христіанскаго ученія. Католики и протестанты, полемизируя противъ невѣрія, отстаиваютъ нерѣдко такія положенія, которыя противорѣчатъ православнымъ воззрѣніямъ и представляются критикой послѣднихъ. Поэтому, знакомься съ религіозной жизнью католичества и протестанства, волей-неволей знакомишься и съ критикой православія. У насъ до послѣдняго времени существуетъ опасеніе предъ этой критикой и желаніе, чтобы результаты ея поменьше были извѣстны. Но эти опасенія напрасны и бесполезны. Мы не можемъ оградить себя китайской стѣной отъ этой критики: сколько бы мы ни закрывались отъ нея, идеи ея все равно къ намъ проникнутъ. Лучше, въ такомъ случаѣ, смотрѣть на вещи прямо, чтобы во тьмѣ онѣ не принимали фантастическихъ размѣровъ; полезнѣе не прятаться отъ врага, а изучать его и развѣдывать его силы. Нашей незыблемой опорой въ этомъ случаѣ должно быть убѣжденіе, что истина не боится свѣта, и ложь никогда не можетъ ее задавить. Если православіе есть истина, то оно устоитъ противъ всякихъ нападеній, и *врата ада* его не одолѣютъ. Съ нравственной точки зрѣнія, бесспорно, наибольшую цѣнность имѣютъ тѣ религіозныя убѣжденія, которыя прошли чрезъ горнило искушеній, выдержали напоръ критики, а не сфрмировались при закрытыхъ дверяхъ и вдали отъ свѣта.

—

Въ религіозной жизни современныхъ христіанскихъ обществъ на западѣ существуетъ много самыхъ разнообразныхъ,

теоретическихъ и практическихъ, „больныхъ“ вопросовъ. Но, безъ сомнѣнія, главнѣйшимъ изъ этихъ вопросовъ является, какъ указано выше, вопросъ о борьбѣ съ ученіями, отрицающими самыя основы христіанства—истину богочеловѣчества Христа и совершеннаго имъ чудеснаго дѣла искупленія. Такія ученія, конечно, существуютъ издавна: они стали возникать съ самаго появленія христіанства. Однако, едва ли когда-либо въ другое время подобныя ученія были столь разнообразны и имѣли такой успѣхъ, какъ нынѣ. Откуда не раздуются теперь на западѣ возраженія противъ сущности христіанства?—Противъ христіанства, какъ религія чуда и откровенія, выступаетъ естествознаніе съ его теоріей эволюціи, или непрерывнаго измѣненія всѣхъ формъ жизни, съ его утвержденіемъ существованія въ мірѣ непреложныхъ законовъ, исключаящихъ всякія чудеса—и въ томъ числѣ чудеса христіанскія. Противъ христіанства направляется и распространенная нынѣ эмпирическая философія. Съ точки зрѣнія современнаго эмпиризма, видными представителями котораго являются Махъ и Авенаріусъ, дѣйствительность есть только комплексъ ощущеній. Понятіе абсолютнаго начала бытія не имѣетъ смысла, о потустороннемъ бытіи, постигаемомъ только умомъ, также не можетъ быть рѣчи. Отсюда и всякая религія, а значитъ—и христіанство съ его ученіемъ о потустороннемъ мірѣ, есть только плодъ невѣжества, пережитокъ старины. Было время, когда человѣкъ всѣ факты объяснялъ съ анимистической точки зрѣнія, всюду предполагалъ подобнаго ему человѣкообразнаго дѣятеля. Фантазія древняго человѣка населяла весь міръ привидѣніями, и отъ этой вѣры въ привидѣнія, отъ этого страха предъ неизвѣстнымъ не можемъ отрѣшиться и мы. Но этимъ страхомъ привидѣній держится и религія. Исчезнетъ страхъ, исчезнетъ и религія, уступивъ свое мѣсто точному знанію. Современный эмпиризмъ и ставитъ одной изъ задачъ своихъ освобожденіе человѣчества отъ сковывающаго вліянія религіи.

Столь же враждебно христіанству и другое философское ученіе, имѣющее нынѣ не малое число послѣдователей: это ницшеанство. Оригинальная система Ницше представляетъ прямой протестъ противъ христіанства. По ученію Ницше, христіанство есть міръ иллюзій и фикцій. Богъ, душа, свобода воли, грѣхъ, искупленіе—всѣ эти предметы христіанской вѣры существуютъ только въ воображеніи, а не въ дѣйствительности. Все христіанское міросозерцаніе, по Ницше, есть результатъ невѣдѣнія законовъ естествознанія, невѣрнаго истолкованія явленій фізіологическихъ. Это міровоззрѣніе съ его иллюзіями могло возникнуть, по миѣнію Ницше, только въ средѣ людей вырождающихся, усталыхъ и больныхъ, въ жизни которыхъ сумма страданій превышала сумму радостей, и для которыхъ небытіе было лучше бытія... При этомъ Ницше не только отвергаетъ метафизическія основы христіанства, но и вооружается противъ существа христіанской морали. Христіанская мораль, по нему, есть мораль рабовъ, мораль, способствовавшая развращенію и отравленію нравственной атмосферы современной Европы. Задача будущаго—отвергнуть современную систему цѣнностей, отказаться отъ христіанскихъ идеаловъ и найти новые, которые и указываетъ Ницше.—Очевидно, далѣе идти въ отрицаніи христіанства уже некуда!

Но мы думаемъ, что названные противники христіанства—не самые опасные, и ихъ работа не можетъ быть очень разрушительной. Современный эмпиризмъ и эволюціонизмъ нападаютъ на предпосылки христіанскаго міросозерцанія. Но связь этихъ предпосылокъ съ христіанскими догматами не ясна для обыкновеннаго смертнаго. Не всякій пойметъ, что защищаемая современными философами теорія познанія ведетъ къ отрицанію христіанства... Съ другой стороны, названные противники христіанства совершенно не считаются съ тѣмъ спеціальнымъ обширнымъ матеріаломъ историческихъ фактовъ и свидѣтельствъ, на которомъ опирается христіанская вѣра, и даетъ возможность выставить противъ нихъ этотъ мате-

ріаль. Гораздо опаснѣе въ этомъ отношеніи тѣ противники христіанства, которые принадлежатъ къ числу богослововъ. Почерпая свой матеріаль изъ Свящ. Писаніи и Преданія, пользуясь библейскими терминами и понятіями, но влагая въ нихъ совсѣмъ не христіанскій смыслъ, эти богословы прямо стремятся отнять всякую почву у вѣрующихъ людей и разрушаютъ непосредственныя основы христіанства. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ поправленіи современнаго ападнаго богослова.

Рыб.

Въ ожиданіи страшной гостыи.

Судя по газетнымъ сообщеніямъ, получаемымъ изъ разныхъ мѣстъ нашего отечества, чаша испытаній, постигшихъ нашу родину въ послѣднее время, пока не исполнилась, и весной можно ожидать еще одного бѣдствія—холеры. Сообщенія объ отдѣльныхъ случаяхъ заболѣваній были не такъ давно получены изъ Харьковской губ., Области Войска Донского, Уральской Области и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ. Единичные случаи, конечно, не должны приводить насъ въ смущеніе: быть можетъ, ими только и ограничится это бѣдствіе; тяжелые опыты прошлыхъ лѣтъ, быстрое развитіе медицины въ борьбѣ съ эпидемическими болѣзнями даютъ надежду на то, что бѣдствіе не приметъ грандіозныхъ размѣровъ. Тѣмъ не менѣе, и совсѣмъ закрывать глаза тоже не приходится, такъ какъ въ настоящихъ условіяхъ русской дѣйствительности есть кое-что такое, что можетъ значительно усилить размѣры бѣдствія. На первомъ мѣстѣ среди этихъ условій стоитъ война. Оттянувъ значительный % врачей на театръ военныхъ дѣйствій, война тѣмъ самымъ уменьшила ряды лицъ, способныхъ бороться съ грозящей эпидеміей; и если недостатокъ врачей даетъ уже себя чувствовать въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, то что и говорить о деревнѣ? Не мало есть теперь

деревень, въ которыхъ докторъ—рѣдкій, дорогой гость, такъ какъ за нимъ нужно ѣхать нѣсколько десятковъ верстъ. Война, далѣе, несомнѣнно тяжело отзывается на народномъ благосостояніи, является причиной общаго застоя во всѣхъ коммерческихъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, понизила народный заработокъ, ухудшила условія жизни; а обѣднѣніе и связанное съ нимъ недоѣданіе—лучшій союзникъ всякихъ эпидемій. Наконецъ, тревожное настроеніе общества и народа, массовые беспорядки и забастовки создаютъ весьма удобную почву для такъ называемыхъ холерныхъ беспорядковъ, съ которыми русское общество знакомо уже по опыту прошлыхъ лѣтъ. Нужно, прежде всего, молить Бога, чтобы Онъ, милосердый, пронесъ мимо насъ эту новую чашу горя и испытаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо прилагать и всѣ усилія для борьбы съ надвигающимся бѣдствіемъ, необходимо готовиться къ этой борьбѣ, такъ какъ неподготовленность во всякомъ важномъ дѣлѣ оплачивается, какъ показываетъ опытъ, слишкомъ дорогою цѣною. Принять участіе въ возможной борьбѣ съ эпидеміей нравственно обязано и приходское духовенство, такъ какъ духовенство ближе другихъ сословій стоитъ къ народу, и народъ ему довѣряетъ,—это съ одной стороны. Съ другой, священникъ въ деревнѣ—часто единственный интеллигентный человѣкъ. Проповѣди съ церковной кафедры и частныя бесѣды являются тѣми средствами, при помощи которыхъ священникъ можетъ распространять въ народѣ правильныя понятія о холерѣ и о борьбѣ съ ней. Нѣтъ нужды ждать, пока грянетъ громъ, а потому всего лучше дѣло ознакомленія народа начать заблаговременно. Только недавно Министерство Внутреннихъ Дѣлъ разъяснило, что не встрѣчаетъ препятствій къ разрѣшенію священникамъ, учителямъ, попечителямъ, участковымъ фельдшерамъ и фельдшерицамъ производить народныя чтенія о холерѣ по брошюрамъ, одобреннымъ губернскою санитарной исполнительною комиссіей и давать объясненія по поводу прочитаннаго¹⁾.

¹⁾ См. „Кіевлянинъ“ 1905 г. 28 февраля.

Что же может сдѣлать духовенство въ цѣляхъ борьбы съ холерной эпидеміей?

Первая его задача въ этомъ отношеніи—познакомить народъ съ признаками холеры и съ мѣрами борьбы съ ней. Для этого вовсе не требуется какой-либо спеціальной подготовки отъ священника по медицинѣ, тѣмъ болѣе, что съ элементарныи свѣдѣніями изъ этой науки нѣкоторые священники знакомы изъ семинаріи (въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ медицина преподается). Популярныхъ руководствъ и указаній о томъ, какъ бороться съ холерой, существуетъ не мало; каждый священникъ можетъ найти ихъ у себя подъ руками, въ церковныхъ бібліотекахъ. Въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1892 г. въ №№ 27, 30, 31 были напечатаны „Наставленія для сельскихъ жителей, какъ уберечься отъ заболѣваній холерою“, рекомендованныя для самаго широкаго распространенія въ народѣ, напечатанія въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и отдѣльными листками для раздачи народу,—а также наставленія для производства дезинфекціи жилыхъ помѣщеній, бѣлья, одежды.

Дѣятельное участіе священника въ борьбѣ съ холерой важно въ слѣдующихъ отношеніяхъ. Священникъ, входящій въ близкія отношенія съ крестьяниномъ, скорѣе, чѣмъ кто-либо другой, можетъ знать о появленіи эпидемическихъ болѣзней и доносить о нихъ тому, кому вѣдать это надлежитъ. Крестьяне нерѣдко скрываютъ характеръ болѣзни, и городъ, доктора узнаютъ объ этомъ слишкомъ поздно, когда бороться или локализовать болѣзнь бываетъ уже трудно. Всякое сомнительное заболѣваніе священникъ въ деревнѣ тотчасъ же узнаетъ, такъ какъ его призовутъ напуганнаго больного.

Въ виду отсутствія во многихъ деревняхъ какой бы то ни было медицинской помощи и культурныхъ работниковъ, священникъ можетъ взять на себя обязанность снабжать народъ необходимыми медикаментами. Въ послѣднюю холеру это посредничество духовенства практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и несомнѣнно принесло свою долю

пользы. Не обошли духовенство въ этомъ случаѣ даже земства, почувствовавшія приливъ довѣрія къ духовенству (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земства весьма щедро одѣляли священниковъ дезинфекціонными и другими противохолерными средствами).

Духовенство своимъ участіемъ въ борьбѣ съ холерой значительно можетъ предупредить и парализовать возможность холерныхъ беспорядковъ, такъ какъ къ духовенству народъ болѣе привыкъ, больше ему вѣритъ, чѣмъ рѣдкимъ гостямъ-докторамъ, часто чужой національности.

Есть и еще одна сторона, на которую должно обратить вниманіе духовенство, именно—погребеніе холерныхъ больныхъ, такъ какъ и оно можетъ служить средствомъ распространенія заразы. Всего лучше было бы, если бы епархіальныя начальства издали распоряженія о томъ, чтобы больныхъ, умершихъ отъ холеры, отпѣвали прямо на кладбищѣ, а не на-дому или въ церкви, что дало бы возможность избѣгать большого скопленія народа при отпѣваніи, неизбежной въ такомъ случаѣ духоты и т. д. Разумѣется, такія распоряженія о погребеніи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ можетъ дѣлать и священникъ, но это не всегда удобно и часто рискованно. Не такъ давно одному извѣстному намъ священнику наговорили грубостей за то, что онъ совѣтовалъ нѣкоторыя предосторожности въ домѣ, гдѣ былъ умершій отъ сыпного тифа,—болѣзни, какъ извѣстно, весьма прилипчивой. На частныя распоряженія священника при погребеніи умершихъ отъ холеры могутъ смотрѣть, какъ на его личное желаніе,—распоряженіе же высшаго начальства придастъ ему силу и авторитетъ.

Борьба предстоитъ, быть можетъ, тяжелая и трудная, а дай Богъ, чтобы духовенство, какъ всегда скромно и тихо, выполнило лежащій на немъ долгъ—помочь въ бѣдствіи народу, часто лишенному всякой медицинской помощи и знаній.

Свящ. В. Пестряковъ.

О предназначительныхъ священническихъ возгласахъ на службахъ.

Объясненіе смысла и значенія священническихъ предназначительныхъ возгласовъ дано, между прочимъ, въ *Грамоту Константинопольскаго патріарха Паисія I* къ Московскому патріарху *Никону* по поводу предложенныхъ послѣднимъ на судъ восточныхъ патріарховъ различныхъ недоумѣній изъ области литургической практики. Славянскій переводъ этой грамоты сдѣланъ по распоряженію п. Никова и напечатанъ въ „Скрижали“ въ 1656 г., а русскій съ предисловіемъ изданъ при Спб. дух. Академіи въ 1881 г. По послѣднему мы и цитуемъ слѣдующія строки: „Вечерню, означающую темное и первичное знаніе нашего боговѣдѣнія, начинаемъ возгласомъ: *Благословенъ Богъ нашъ*; утреню, являющую свѣтъ вѣчнаго закона—возгласомъ *Слава Святѣй и Единосущнѣй и Животворящей и Нераздѣльной Троицѣ*; святую же литургію возгласомъ—*Благословенно царство Отца, и Сына, и Святаго Духа*, поелику, во-первыхъ, мы отстали отъ идолослуженія, узнавши, что есть въ мірѣ Богъ истинный, Творецъ всея твари; во-вторыхъ, что Онъ есть Богъ Тріипостасный, согласно съ прикровеннымъ проповѣданіемъ пророковъ; а потомъ, послѣ воплощенія Бога-Слова, открыто намъ ясно, что тѣ Ипостаси Божества—не другія какія-либо, а именно Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, во имя Которыхъ крестившись, мы усовершились въ боговѣдѣніи“ (стр. 28—29).

II.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 3-го апрѣля 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Унивѣрситетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 16.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года апрѣля 17-го дня.

Содержаніе: Пойдите скорѣе и скажите...—Современная драма совѣсти
(продолженіе).—Пасхальная заутреня.

Пойдите скорѣе и скажите...

„Христось воскресъ!“... Съ какимъ священнымъ трепетомъ наслаждаемся мы благоуханіемъ этого пасхальнаго привѣтствія, съ какою восторженною любовью ловимъ его изъ всякихъ устъ и съ какою чистою, дѣтскою радостью спѣшимъ отвѣтить на него: „Воистину воскресъ!“ Кажется, что это ангельское привѣтствіе сливается въ одинъ величественный гимнъ воскресшему Господу всѣ звуки міровой жизни, и мы жадно вливаемъ въ себя чарующія волны торжественной музыки. Кажется, что предъ нами встаетъ изъ глубины вѣковъ то благословенное утро, когда небо сошло на землю, и садъ Іосифа Аримаѣйскаго сдѣлался центромъ вселенной; когда безчисленные полки ангеловъ наполнили здѣсь воздухъ, и на каждомъ шагу были слышны ихъ голоса. Кажется, что въ

нашихъ ухахъ еще раздаются ихъ сладкія рѣчи: „Не бойтесь; Христось воскресъ, какъ сказалъ; подойдите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь. Вотъ новый, высѣченный въ скаль гробъ,—здѣсь было положено Его тѣло, обвитое пеленами по рукамъ и ногамъ, какъ того обычай погребенія требовалъ. Вотъ и камень съ печатью архіерейскою, который былъ приваленъ къ двери гроба. Вотъ и мѣсто, гдѣ стояла кустодія—вооруженные римскіе воины, приставленные стеречь гробъ. Но посмотрите—мрачная смерть была не въ силахъ удержать въ своихъ холодныхъ объятыхъ Начальника жизни. Онъ воскресъ,—и все, говорившее о безславномъ концѣ, исчезло предъ Нимъ, какъ утренній туманъ. Онъ воскресъ—и оживилъ весь міръ лучшею, вышею, совершеннѣйшею жизнью, всему даровалъ духъ обновленія, возрожденія. Онъ воскресъ,—и „зима уже прошла; дождь миновалъ, пересталъ; цвѣты показались на землѣ; время пѣнія настало, и голосъ горлицы слышенъ въ странѣ вашей“. „Пойдите скорѣе и скажите ученикамъ, что воскресъ Христось, и вы всѣ увидите Его въ Галилеѣ“.

Какъ сладокъ этотъ ангельскій голосъ, прорѣзывающій цѣлыхъ двадцать вѣковъ и нынѣ раздающійся въ нашей душѣ явственнѣе, чѣмъ когда-либо! Какъ пріятны эти нѣжныя, ласкающія слова: „вы Его увидите!“ Никогда, кажется, мы не чувствовали такой жажды увидѣть свѣтлый ликъ нашего воскресшаго Спасителя, вложить руку въ Его ребра, припасть къ Его ногамъ и сказать: „Господь нашъ и Богъ нашъ!“ Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всечестные сопастыри, никогда, кажется, въ нашемъ сердцѣ не звучали такъ властно слова: „Пойдите скорѣе и скажите, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ“; никогда такъ живо не ощущали мы въ себѣ дѣйствія того внутренняго огня, который распалилъ женъ-мироносицъ и первыхъ учениковъ Христовыхъ святою ревностью къ благовѣстію о Воскресшемъ. Всегда благовѣствовавшіе въ мѣру своихъ силъ и даруемой намъ благодати, мы чувствуемъ нынѣ потребность съ удвоенною, утроенною энергіей пойти на дѣло

проповѣди о Богѣ любви и всепрощенія, пойти ко всѣмъ нашимъ братьямъ по вѣрѣ и утѣшить ихъ радостною вѣстью, что только Крестъ Господень спасаетъ людей, погрязшихъ въ грязи и крови, что новая жизнь отъ гроба Христова возсіяла. И это—не потребность только нашего сердца, какъ и сердца всякаго вѣрующаго христіанина, это—нашъ долгъ высокій, святой и безконечно-отвѣтственный. Мы должны поснѣшно приняться за свой трудъ, чтобы враги наши не успѣли посягнуть въ народѣ вражды противъ вѣры Христовой, противъ Церкви Православной и ея пастырей; чтобы они не успѣли надѣсть на нашъ многострадальный народъ тяжелыхъ цѣпей рабства произволу новыхъ „освободительныхъ началъ“, къ гибели той истинной свободы человѣческаго духа, *ею-же Господь свободи насъ*.

Русскій народъ вступаетъ на путь широкаго обновленія внѣшнихъ формъ своей государственной жизни,—вступаетъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Конечно, онъ вынесетъ на своихъ могучихъ плечахъ всѣ бѣдствія настоящей минуты, и его гений творчества въ области строенія земли сумѣетъ проявить себя съ такою же силою, какъ и въ былыя времена. Но, во всякомъ случаѣ, великая предстоитъ созидательная работа, отъ которой онъ ждетъ для себя возможнаго довольства и славы. Кто же можетъ выполнить эту работу въ полномъ соотвѣтствіи съ основными началами русской исторіи въ духѣ евангельской любви и мира?—Представители народа, лучшія силы государства, и прежде всего—православное духовенство, которому всегда принадлежала самая выдающаяся роль въ выравниваніи жизни народной, которое и теперь благословясь должно пойти во главѣ движенія въ обновленію, возрожденію Русской земли.

Вѣкъ зоветъ! соврѣло сѣмя!

Созидающее время

Не прощаетъ и не ждетъ!

Многіе вѣка взаимнаго общенія на почвѣ многосложной повседневной жизни связали насъ, пастырей Церкви, съ православнымъ народомъ неразрывными узами любовнаго довѣрія другъ къ другу. Народъ всегда смотрѣлъ—и теперь еще продолжаетъ смотрѣть—на насъ, не только какъ на своихъ духовныхъ отцовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ на своихъ руководителей въ дѣлахъ земныхъ, житейскихъ. Это общенародное къ намъ довѣріе—великая наша сила. Безъ него какимъ тяжелымъ испытаніемъ была бы подвержена вся наша пастырская дѣятельность!.. Но современныя обновительныя движенія начинаютъ угрожать этому нашему вѣковому авторитету не малою опасностью. Противъ него начинаетъ подниматься злоба тѣхъ, которые хлопчуть о немедленныхъ преобразованіяхъ и перемѣнахъ въ своихъ лишь эгоистическихъ, корыстныхъ цѣляхъ, но о которыхъ справедливо говоритъ поэтъ (Майковъ):

Полно, дѣти, въ тщетномъ гнѣвѣ
 Древо жизни потрясать!
 Лишь цвѣты еще на дровѣ!
 Дайте плодъ имъ завязать!

Мы должны имѣть мужество сознаться, что многія наши общественныя группы съ болѣзненно одностороннимъ пониманіемъ задачъ настоящей исторической минуты не стѣсняются говорить открыто о своемъ враждебномъ къ намъ отношеніи, и что православное духовенство дѣятельно должно приготовиться къ защитѣ идеаловъ своего евангельскаго служенія Церкви и народу.

Призывая всѣхъ русскихъ людей къ единому сердцу работѣ творческой, созидательной, мы должны обстоятельно разъяснять народу, что совершается вокругъ него, уяснять ему внутренней смыслъ общественныхъ движеній, въ которыя онъ естественно втягивается все болѣе и болѣе. Нужно помочь ему разобраться въ своихъ дѣйствительныхъ нуждахъ и найти наилучшіе способы борьбы съ ними. Подвергающіяся нынѣ обычной „переоцѣнкѣ“ понятія о собственности, о правовомъ

устройствѣ общественной и государственной жизни, объ отношеніи къ власти, должны сдѣлаться однимъ изъ главныхъ предметовъ церковныхъ поученій и внѣбогослужебныхъ бесѣдъ. Въ противовѣсъ дикимъ мечтамъ о коммунизмѣ, о борьбѣ противъ капиталистовъ, о революціи и т. п., нужно раскрывать значеніе труда и капитала для благосостоянія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, значеніе власти для урегулированія правильныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ. Конечно, проповѣдь на эти жизненные темы должна быть проникнута святостью, любовью къ ближнимъ и полною справедливостью. Особенно же справедливымъ нужно быть, чтобы отъ рѣчи пастыря не получалось впечатлѣнія, будто известныя правовыя начала жизни узаконены только для удовольствія однихъ и какъ бы для озлобленія другихъ. Такое впечатлѣніе легко можетъ получиться, напр., въ томъ случаѣ, если, говоря о правѣ собственности, мы будемъ настаивать только на признаніи этого права со стороны неимущихъ за имущими классами. Справедливость требуетъ, чтобы, призывая однихъ къ уваженію чужихъ правъ, другихъ мы побуждали къ исполненію обязанностей, съ правами соединенныхъ. Можетъ быть, въ настоящее время нужно почаще открывать Слово Божіе на тѣхъ страницахъ, которыя горятъ прещеніемъ Божіимъ противъ людей, живущихъ въ полное свое удовольствіе на счетъ нуждающихся, бѣдныхъ, нищихъ,—противъ злоупотребляющихъ своимъ званіемъ, положеніемъ и состояніемъ. Сознаемся, что неимовѣрно трудно сдѣлать это такъ, что бы не вызвать въ пасомыхъ нѣкотораго взаимнаго раздраженія; но... кому сказано: „будьте мудры, какъ змѣи, и просты, какъ голуби“?

Чтобы всецѣло овладѣть сердцемъ народнымъ, мы должны заставить народъ убѣдиться въ томъ, что пастыри Церкви—истинные радѣтели о благѣ его не только душевномъ, но въ равной мѣрѣ и тѣлесномъ. Для этого въ нашихъ рукахъ самое дѣйствительное средство—широкая благотворительность. Вспоминаются намъ христіанскія общины апостольскаго и первыхъ трехъ вѣковъ. Какое видное мѣсто занимали въ

этихъ общинахъ вопросы о матеріальномъ, экономическомъ благосостояніи вѣрующихъ! Іерусалимъ, Антиохія, Солунь, Коринѣ, Римъ, Карфагенъ, Александрія—вѣдь это своего рода обширныя братства съ цѣлями сколько религіозно-нравственными, столько же и экономическими. Не въ этомъ ли заключается тайна несокрушимой силы Христовой Церкви въ періодъ гоненій? И не въ этомъ ли кроется и тайна сильнаго вліянія на народъ великихъ пастырей Церкви всѣхъ временъ?

Мы убѣждены, что только благотворительныя учрежденія при нашихъ приходскихъ храмахъ, поставленныя на самыхъ свободныхъ и широкихъ началахъ, могутъ внести полное умиротвореніе въ среду народной бѣдности и безысходной нужды; только они могутъ обезпечить и пастырямъ Церкви авторитетное вліяніе на всѣ явленія народной жизни. Но, конечно, къ этому великому дѣлу мы должны прежде всего привлечь имущіе классы, которые, безъ сомнѣнія, охотно пойдутъ навстрѣчу лицамъ, желающимъ серьезно поработать для блага народа. Если для организаціи церковной благотворительности мы будемъ ограничиваться лишь собираніемъ грошей съ бѣдняковъ, то, кромѣ благихъ начинаній, ничего не выйдетъ; только участіе въ этомъ дѣлѣ землевладѣльцевъ и капиталистовъ можетъ быстро подвинуть впередъ его развитіе.

А въ городахъ, гдѣ столько безпокойнаго элемента, легко разстраивающаго теченіе жизни, кромѣ приходской, должна быть организована всесторонняя благотворительность и для той части населенія, на которую не можетъ простираться дѣятельность прихода. Фабрики, заводы, мастерскія, ночлежные дома—сколько въ нихъ нужды и нищеты, сколько ненависти и озлобленія противъ существующихъ порядковъ, и сколько отсюда исходитъ непримиримой вражды противъ Церкви и ея представителей! Сюда-то пастырямъ городскимъ нужно направиться всѣмъ сообща, потому что нельзя же возлагать на священниковъ тѣхъ приходоу, въ территоріи которыхъ названныя учрежденія принадлежатъ, непосильнаго

бремени попеченія о цѣлыхъ арміяхъ рабочаго, бѣднаго люда...

Работая въ такомъ направленіи, мы много добра сдѣлаемъ православному русскому народу, стоящему нынѣ на распутіи... Мы поможемъ ему сохранить спокойствіе духа и внѣшній порядокъ жизни. Мы вдохнемъ въ него надежду, что свободный мирный трудъ все съ собою принесетъ, все перестроитъ по-новому. Мы дадимъ ему увѣренность, что жизни нашей недостаетъ именно всепобѣждающей любви воскресшаго Спасителя, чтобы ей—этой жизни—легко обновиться на началахъ личной свободы.

Объ этой любви мы должны свидѣтельствовать и предъ той частью нашего общества, которая теперь усиленно обсуждаетъ ненормальности нашего общаго церковнаго строя, предлагая намъ разные проекты улучшенія его, обновленія. Мы, конечно, всегда сознавали эти ненормальности, потому что онѣ во многомъ стѣсняли и стѣсняютъ нашу пастырскую дѣятельность, не давая ей возможности развернуться во всю ширь даже у людей выдающейся духовной мощи. Мы горячо желали рѣшительнаго устраниенія и, можетъ быть, даже работали въ такомъ направленіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы хорошо сознавали, что обновленіе церковной жизни не есть дѣло одного или двухъ законодательныхъ актовъ высшей власти, не есть дѣло двухъ или трехъ проповѣдей на тему: „Отложимъ ветхаго человѣка и облечемъ въ новаго“. Въ этомъ сознаниіи мы терпѣливо ждали наступленія „лѣта Господня“, хотя наше ожиданіе и принималось всѣми за признакъ косности, инертности, даже якобы преступнаго равнодушія къ тому, чему служить мы призваны. Теперь же, когда волны преобразовательнаго движенія стали вливаться въ нашу Православную Церковь, вызывая къ новой жизни тѣ ея животворяныя начала, которыя прежде игнорировались, мы должны показать, *чѣмъ мы были живы*, потому что все, дѣлающееся явнымъ, *свѣтъ есть*. Мы должны выразить свое молитвенное пожеланіе, чтобы Господь даровалъ таинственному

Тѣлу Своему—Церкви величіе и красоту, сдѣлалъ ее сообразной воскресшему Своему Тѣлу славы; чтобы съ помощью Божіей каноническія начала нашего церковнаго строя получили полное господство, освободили служителей алтаря отъ необходимости отдавать иногда въ своемъ служеніи предпочтеніе интересамъ мірскимъ, временнымъ, житейскимъ и обезпечили правильное развитіе братскихъ взаимоотношеній между всѣми членами церковнаго клира.

Свящ. Н. Гр.

Современная драма совѣсти.

(Продолженіе¹⁾).

II.

„Счастье можно завоевать на землѣ путемъ эмпирическаго знанія, техники и художества и, наконецъ, социальнаго творчества“... Это вторая ложь и съ нею *второй* актъ драмы совѣсти. Это искусственная повязка, плохо исполняющая свое назначеніе—скрыть собою фальшивую поддѣлку подъ истину.

Знаніе, наука, художество... „Да, эти слова существуютъ, и много людей живетъ ими и для нихъ“. Но...

Есть, говорятъ, картина: съ гордо поднятымъ, сильно развитымъ челомъ и пронизательнымъ взоромъ, одѣтый въ царственную порфиру, сотканную изъ формулъ наукъ и эмблемъ искусства, стоитъ крѣпкій старецъ... Вокругъ—цѣлый арсеналь техническихъ аппаратовъ и памятниковъ художества. Величавымъ жестомъ правой руки онъ показываетъ на трофеи знанія. Въ лѣвой рукѣ—исписанные фоліанты. Предъ нимъ—жадная, любопытная, нестрая толпа... Позади его—съ демонской усмѣшкой стоитъ Мефистофиль; въ одной рукѣ онъ держитъ голый, оскаленный черепъ, а другой показываетъ на безконечную, исчезающую въ густомъ мракѣ перспективы,

¹⁾ См. № 15-й за 1905-й г.

грудю гробовъ съ мертвецами... Впереди толпы, съ лихора-
дочно- блестящимъ взоромъ, обращеннымъ къ старцу, стоитъ
женщина. Лицо ея—одинъ мучительный страстный вопросъ
и страданіе... Смыслъ картины ясенъ. А комментарий къ нему
позвольте взять изъ одной прекрасной художественно-фило-
софской поэмы отечественнаго поэта.—Совѣсть человѣческая
привлекла къ отвѣту служителя науки и искусства ¹⁾. Ты спра-
шиваешь,—говоритъ представитель науки,—гдѣ *правда*, *въ*
чемъ смыслъ жизни?—Мнѣ кажется достойнѣе сознаться, что
цѣль мірозданія непостижима, и затѣмъ уже обратитъ всѣ
силы ума на болѣе скромное изслѣдованіе свойствъ видимаго
міра. Познавать міръ такимъ, какъ онъ кажется, не лгать со-
знательно—конечная цѣль нашей жизни. И это счастье мнѣ
доступно. Природа обнажаетъ передо мною тайну за тайной,
покровъ за покровомъ“. Я превратилъ „солнце въ печатный
становъ, осѣдлалъ волну, скрутилъ буйный вѣтеръ, запрягъ
паръ въ работу, надѣлъ на молнію сумку почтальона; алмаз-
ныя сверла проходятъ теперь сквозь нѣдра скалъ, добываютъ
воду въ знойной пустынѣ; гиганты-молоты шута сплющиваютъ
глыбы металла; телеграфъ, телефонъ, телескопъ уничтожили
пространство; спектральный анализъ опредѣлилъ составъ пла-
нетъ; тысячи фабрикъ съ ничтожной—сравнительно—затратою
мускульной силы выполняютъ работы, которыя не снились
миологическимъ титанамъ“. „Дойти до послѣднихъ предѣловъ
доступнаго знанія, открыть единство элементовъ, единство
силъ—вотъ наслажденіе, счастье“... Грустными глазами посмо-
трѣла на него совѣсть. И горячимъ потокомъ полилась рѣчь ея:
„Знаю тебя, невозмутимый жрецъ науки, много чистѣйшихъ на-
слаждений доставилъ ты мнѣ. Тамъ, въ тишинѣ твоего каби-
нета, среди загадочныхъ ретортъ, гдѣ силы природы, какъ плѣн-
ные въ заключеніи, нехотя открывали тебѣ свои тайны,—тамъ
я, неразлучная съ тобою, испытывала великое наслажденіе, я

¹⁾ Свободная композиція изъ Н. Минскаго: „*При свѣтѣ совѣсти*“;
отчасти изъ Тургенева: „*Довольно*“.

вѣрила, что вотъ, наконецъ, древняя истина сниметъ покрывало, и я увижу ея безсмертныя черты, столь давно предугаданныя мною. Я вѣрила, что ты на днѣ своихъ ретортъ отыщешь не только истину, но свободу и счастье человѣчества. И какъ велико было мое разочарованіе!

„Въ концѣ концовъ ты подвелъ меня къ закрытой двери съ надписью: *тайна*. Тогда ты сказалъ: „дальше не знаю“, и возвращался назадъ, гордо отсчитывая пройденные шаги. Я же не могла возвращаться съ тобою: гдѣ кончалось твое торжество, начиналась моя скорбь. Я скорбѣла оттого, что не понимала, кому нужно, чтобы я жила, окруженная тайнами, не зная своего назначенія въ мірѣ. А ты не только не въ силахъ былъ утѣшить меня, но и не раздѣлялъ моей печали; ты бездушно и грубо насмѣхался надъ ней. Я поняла: твои открытія похожи на тебя и такъ же служатъ безразлично добру и злу, жизни и разрушенію, мирному труду и гибельной войнѣ. Ты снялъ съ божественнаго разума вѣнецъ и надѣлъ его на слѣпой случай и на уродливую пользу, толкнулъ человѣка въ объятія пресыщенія и разврата и въ утѣшеніе бросилъ ему нѣсколько замысловатыхъ игрушекъ. Пускай ты намъ далъ возможность запечатлѣть на вѣки вѣчные не только сказанную фразу, но и всѣ оттѣнки голоса: намъ нечего завѣщать будущимъ поколѣніямъ, кромѣ своей тоски и безвѣрія. Когда я обращалась къ тебѣ за утѣшеніемъ, ты насмѣшливо прогонялъ меня, говоря, что безсмертія и вѣры, безъ которыхъ мы гибнемъ, нѣтъ въ твоихъ ретортахъ. Но пойми, пойми. Смертельно больная правда—не слово, которое можно зачеркнуть,—это—вихрь живого отчаянія, это—сила, сильнѣе твоей истины, такой же полу-истины, какъ и всѣ открытія до тебя. Зачѣмъ я буду ждать, пока ты разгадаешь, единство силъ и элементовъ? Если жизнь безцѣльна, то и наука, какъ часть ея, безцѣльна.

„Но безсмертное искусство,—говоришь ты?—Да, но ты забылъ, или не хочешь понять: рядомъ со мной и съ мертвой природой—оно есть милая сказка, тѣмъ болѣе пріятная, пока

ее читаешь, тѣмъ болѣе страшная, когда оторвешься отъ нея... Только тупые педанты могутъ говорить о вѣчномъ ея смыслѣ. Ты забылъ: природа неотразима въ концѣ концовъ; ей спѣшить нечего, и рано или поздно она возьметъ свое. Ей все равно: чтó она создаетъ, чтó она разрушаетъ, лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ... А потому, она такъ же спокойно покрываетъ плѣсенью божественный ликъ Фидіасовскаго Юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на сѣденіе презрѣнной моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла. Гдѣ же вамъ, бѣднымъ людямъ, бѣднымъ художникамъ, сладить съ этой глухонѣмой, слѣпорожденной силой, которая даже не торжествуетъ своихъ побѣдъ, а идетъ, идетъ впередъ, все пожирая?

„Природа,—говоришь,—прекрасна... Такъ; это, пожалуй, справедливо, но только тамъ, гдѣ нѣтъ личности, нѣтъ чело-вѣка, нѣтъ свободы: чело-вѣкъ не повторяется, какъ бабочка, и дѣло его рухнетъ, его искусство, его свободное твореніе, однажды разрушенное, погибаетъ навсегда...

„Пойми же мою муку, пойми же проклятіе, которое ты мнѣ подсказываешь: я чувствую свое вѣчное предначертаніе, сознаю свое назначеніе, чувствую, „что я сродни чему-то высшему, вѣчному—и живу, должна жить,—говоришь ты,—въ мгновеньи и для мгновенья“... (Тургеневъ). А что за мгновеніемъ? Гробъ, кости и полное небытіе?—Сильное побужденіе жить и метаться въ жару жизни! Гдѣ же гармонія? гдѣ Эдемъ, тоска по которымъ не даетъ мнѣ покоя?—Уничтожь, если можешь, меня, а пока я жива—чтò значать эти блестящія подвѣски, которыми хотятъ обмануть меня, если коршунъ нужды будетъ раздирать мои внутренности и держать меня на волоскѣ отъ *полнаго разрушенія*?—Нѣтъ, твое слово—слово смерти и отчаянія. Я не принимаю его“, сказала со-вѣсть.—„Я не могу принять его“, отвѣтитъ сердце и каждая изъ насъ.

Свящ. Е. Капраловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Пасхальная заутреня.

Пасхальная заутреня выдѣляется изъ ряда прочихъ службъ церковныхъ особеннымъ типомъ своимъ и содержаниемъ. Эти характерныя черты, въ связи съ нѣкоторыми другими особенностями, давно уже обратили на себя вниманіе изслѣдователей богослуженія, заставляя ихъ видѣть въ послѣдованіи пасхальной утрени такіе остатки глубокой литургической старины, какой не сохранила ни одна, пожалуй, праздничная служба.

Прежде всего, бросается въ глаза необычное время начала пасхальной утрени—полночь, чему дается значеніе указанія на торжество и благодать *новой* жизни, открытой міру воскресеніемъ Христа. Однако слѣдуетъ сказать, что начало пасхальной утрени именно въ полночь не составляетъ общей принадлежности древнихъ типиконовъ. Оно составляетъ особенность,—главнымъ образомъ, если не исключительно,—іерусалимскаго типикона и стоитъ въ зависимости частію отъ времени окончанія предыдущихъ службъ, а частію отъ того, какъ тотъ или другой типиконъ относится къ сну въ пасхальную ночь, т. е. допускаетъ, или запрещаетъ его. Богослуженіе Великой субботы оканчивалось въ древности всегда поздно; литургія совершалась только по окончаніи вечерни, за нею слѣдовалъ обѣдъ, далѣе—чтеніе Дѣяній и *агрипнія*. Смотри по тому, рано или поздно оканчивались эти службы, а также—прямо ли послѣ *агрипнія* начиналась утренья, или за *агрипніей* оказывался промежутокъ времени, достаточный для отдыха и сна,—сообразно съ этимъ и пасхальная утренья начиналась не всегда и не повсемѣстно въ одинъ и тотъ же часъ, но иногда позже, иногда раньше полуночи. По ркп. славянскому Уставу Моск. типогр. б. отъ XII в. за № 1206 ¹⁾

¹⁾ Выдержки изъ древнихъ уставовъ касательно пасхальной службы сдѣланы архіеп. *Сергіемъ* въ его трудѣ: „Полный мѣсяцесловъ Востока“, т. I. Владимірѣ. 1901, стр. 459—467.

и Алексѣевскому Уставу отъ того же вѣка изъ Моск. Синод. б. за № 330, пасхальная утренняя начиналась послѣ 2 часовъ ночи, или, какъ тогда считали, „въ третью стражу, рекше въ девять часовъ“. Тогда *будильникъ* („попъ“, по Типогр. Уставу) обходитъ братію по келліямъ и будить ее отъ сна возгласомъ: „Христось воскресе!“ Братія собирается къ утренѣ въ церковный притворъ („наперть“). Такой же порядокъ указанъ и въ „Начертаніи Устава“ пр. Аѳанасія Аѳонскаго. Но „Начертаніе студійскаго Устава“ (по изд. кардин. *Мая*) собираетъ въ церковь монаховъ раньше, именно „по минованіи второй стражи ночи или шестого часа, въ началѣ седьмого“, что, по нашему счету, будетъ равняться двѣнадцатому часу ночи. Тогда „встаетъ“, по знаку водяныхъ часовъ¹⁾, „будильникъ и обходитъ спальни съ свѣчкою, возбуждая братію встать для утренняго славословія“. Если бы не указаніе на сонъ предъ утреней, то можно было бы подумать, что въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ предписаніемъ іерусалимскаго устава: тамъ, согласно съ древнимъ обычаемъ начинать всякое воскресное всенощное бдѣніе въ полночь²⁾, и начало пасхальнаго богослуженія приурочивалось къ этому приблизительно времени. Возможность отдыхать предъ пасхальной утреней и начинать ее въ полночь по „Начертанію студійскаго Устава“ надо объяснить или тѣмъ, что предыдущія службы оканчивались рано, или—что агривнія, требовавшая для своего совершенія не мало времени (въ нее входили—и канонъ, и чтенія изъ св. отцовъ, и евангеліе), не

¹⁾ Водяные часы *κλεψύδρα*. Такъ сначала назывался источникъ въ Аѳонахъ, въ которомъ вода иногда внезапно исчезала. Устройство водяныхъ часовъ было основано на вычисленіи, какое количество воды могло вытечь въ извѣстную единицу времени изъ сосуда, наполненнаго водою. Количество это отмѣчалось на стѣнкахъ сосуда особыми значками, соответствующими, въ общемъ, дѣленіямъ на циферблатѣ нашихъ современныхъ часовъ.

²⁾ „Съ пвнїемъ пѣтуховъ“, по опредѣленію паломницы IV в. Сильвіи Аквитанской. — „Правосл. Палест. Сборникъ“, т. VII, вып. 2. Сиб. 1889, стр. 139.

предваряла пасхальной утрени, какъ въ іерусалимскомъ тиаввы, но совершенно оставлялась. Такъ какъ агрипнія отнимала довольно времени, то не удивительно, что въ іерусалимскихъ уставахъ обители св. Саввы отъ XIV—XVI вв., напр., пасхальная служба начиналась рано, въ четвертомъ, или, по-нашему, въ десятомъ часу вечера ¹⁾.

Такимъ образомъ, насколько можно судить по сохранившимся памятникамъ, современный обычай нашей Церкви начинать пасхальную *заутреню* въ полночь есть наслѣдіе богослужебныхъ порядковъ церкви іерусалимской, въ которой въ это время начиналась пасхальная заутреня. Однако, общераспространеннымъ и общеобязательнымъ современнымъ обычай начинать пасхальную утреню въ полночь сталъ, кажется, у насъ лишь въ недавнее время, съ половины XIX столѣтія, чему содѣйствовали авторитетъ м. Филарета московскаго и введенные имъ порядки московскихъ храмовъ, которымъ подражали повсемѣстно на Руси ²⁾. Уставы же отъ XVI в. указываютъ въ этомъ отношеніи на различіе въ практикѣ относительно окончанія срока говѣнія въ Великую субботу и начала пасхальныхъ службъ и тѣмъ приводятъ въ недоумѣніе, какому порядку слѣдовать и когда именно начинать службу. Вотъ, напр., слова Устава XVI—XVII в., хранящагося теперь въ библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря подъ № 424 (1667): „Вѣдомо же да есть, яко въ завѣщаніи святыхъ апостолъ и индѣ паки отцы до куроглашенія повелѣваютъ отговѣвати вѣрнымъ. Святый же шестый соборъ до полунощи повелѣваетъ. Въ тицицѣ же студійскомъ, іерусалимскомъ и святой Горы до конца третьяго часа ночи глаголетъ совершати службу, и тако ясти ничтоже ино, но хлѣбъ

¹⁾ Полный мѣслщесловъ Востока, т. I, стр. 465.

²⁾ Предисловія м. Филарета (въ мартѣ 1849 г.) начинать благовѣсть ровно въ полночь и предусмотрительно выработанныя имъ мѣры предосторожности противъ возможныхъ непорядковъ на этотъ счетъ собраны въ „Настольной книгѣ для священноцерковнослужителей“ С. Бумакова, изд. 1900, стр. 568, прим. 4.

и овощи и мало вина, яко же мню, за еже не достигати апостольскія и соборныя часы. Друзіи же отъ отецъ, егда меркветъ, рѣша клепати; дондеже совершится чинъ церковный, приходитъ и четвертый часъ ночи. Сія убо мы вся сочтавши и сущимъ у насъ о Христвѣ братіямъ предложихомъ, яко же и прежде речено бысть нами и по отеческому уставу, и яко да купно ввсегда зайдетъ солнце, клепати идѣже доспѣветъ есть отпустить“ (л. 189 об). Изъ Устава не видно, сколько времени занимало послѣ трапезы чтеніе Дѣяній и служеніе полунощницы, а отсюда—и нѣтъ возможности точно опредѣлить часъ начала пасхальной утрени. Въ виду неясности указаній типиконовъ, для совершителей богослуженія открывался широкій просторъ поступать по личному усмотрѣнію и начинать службу утрени то раньше, то позже полуночи.

Всѣ древніе типиконы,—какъ, напр., Константинопольскій, Святотробскій, Алексѣевскій,—начинаютъ пасхальную службу *утреней*. Исключеніе составляютъ іерусалимскіе типиконы обители св. Саввы, въ которыхъ утрениа предваряется особой службой, не точно названной у насъ полунощницею. Не полунощницею слѣдуетъ назвать эту, спѣшно теперь совершаемую, службу, но *агрипніей*, или *панихидой*. Составъ ея не исчерпывался въ старину тѣмъ матеріаломъ, какой она имѣетъ нынѣ. Древніе памятники указываютъ, помимо канона, молитвы, читаемыя священникомъ въ разные моменты послѣдованія агрипніи¹⁾, затѣмъ—чтенія изъ св. отцовъ и

¹⁾ Ἀγριπνία—*бодрствованіе* отъ ἀγρυπνέω—*не сплю, бодрствую*. Παννοχία—*всеношная* отъ πάς—*весь* и νύξ—*ночь*. И то и другое названія указываютъ на ночное время богослуженія, не давая понятія о содержаніи его. Въ широкомъ смыслѣ панихидою надо назвать *совокупность* ночныхъ службъ, которая особенно широко практиковалась въ древнѣйшую пору христіанства. Тогда въ панихиду входила и литургія. Агрипнія—собственно *бдніе*, вечернее или ночное, *безъ литургіи*. Но когда отъ панихиды литургія отдѣлилась, то названія „панихида“ и „агрипнія“ стали употребляться безразлично, просто для обозначенія службы послѣ вечерни и ночной, какъ каждой порознь, такъ и обѣихъ вмѣстѣ. Чины агрип-

евангеліе, которое полагалось среди пѣсней канона (и осл шестой или восьмой). Если принять во вниманіе, что канонъ, по древнему обыкновенію, не читался, а весь сполна пѣлся, то надо признать агрипнію продолжительною службою, болѣе продолжительною, чѣмъ, напр., чинъ погребенія мирянъ, или параклисисъ, которые весьма напоминаютъ, по общей своей конструкціи и расположенію богослужбнаго матеріала, древнюю агрипнію. Въ сущности агрипнія есть та же самая служба, по общей формѣ своей, что и слѣдующая за нею, въ іерусалимскомъ Уставѣ, утренняя и, повидимому, совершенно излишнею оказывается при наличности послѣдней. Но чтобы понять присутствіе агрипніи въ типиконѣ св. Саввы, надо принять во вниманіе строгость отношенія іерусалимскихъ монаховъ ко сну въ предпасхальную ночь, слѣды какового отношенія сохраняетъ намъ даже и нашъ современный типиконъ: „Да не будетъ лѣтъ“, читаемъ въ типиконѣ, „ни единому на сонъ предати себе, боящеся скверны искушителя врага: въ таковыхъ бо временѣхъ и мѣстѣхъ тщится врагъ осквернити нерадивыя, и многосонливыя монаха“ (Типиконъ моск. изд. 1896 г., л. 461 и об.). Съ цѣлью поддержанія бодрственнаго настроенія монаховъ, типиконъ св. Саввы и вводитъ вечеромъ послѣ трапезы и чтенія Дѣяній еще цѣлую службу, предваряя ея пасхальную заутреню. Другіе типиконы не знаютъ агрипніи и прямо начинаютъ пасхальное торжество съ заутрени.

Всѣ типиконы даютъ одинаковое представленіе объ общемъ характерѣ пасхальной заутрени и съ ясностью указываютъ, что она принадлежитъ къ разряду *тѣсненныхъ* службъ. Нѣкогда такія службы были въ самомъ широкомъ употребленіи въ Церкви и пользовались особенною любовью богомоль-

ній—паныхидъ см. въ кн. А. А. Дмитріевскаго: „Богослуженіе Страстной и Пасхальной седмиць во св. Іерусалимѣ IX—X в.“. Казань. 1894, стр. 309—317.—Описаніе литургич. ркп., хранящ. въ библи. пр. Востока, т. II. Кіевъ. 1901, стр. 13.

цевъ, которыхъ привлекали торжественность, мелодичность и знаменательность службъ *пѣсеннаго послѣдованія*; но затѣмъ, съ теченіемъ времени, по разнымъ—болѣе всего внѣшнимъ—причинамъ, онѣ должны были уступить мѣсто *монастырскимъ* службамъ и только кое-когда заявляли о себѣ въ общераспространившемся монастырскомъ типиконѣ. Слѣдь, остатокъ пѣсеннаго строя службъ мы и видимъ теперь, между прочимъ, въ пасхальной утренѣ.

Она начинается въ притворѣ, въ мѣстѣ необычномъ теперь для начала праздничной службы. Но удивляться этому нечего. Изъ объясненій, данныхъ пѣсеннымъ службамъ блаж. Симеономъ Солунскимъ, видно,—такъ же, впрочемъ, какъ и изъ самыхъ памятниковъ пѣсенныхъ службъ,—что притворъ былъ обычнымъ мѣстомъ начала пѣсенной утрени, гдѣ служилась и значительная часть ея, откуда во время пѣнія „непорочныхъ“, предъ канономъ, совершался обставленный торжественно входъ въ самую церковь¹⁾. Всѣ безъ исключенія древніе типиконы указываютъ паперть, какъ мѣсто начала пасхальной утрени. Но не всѣ одинаково объясняютъ, какъ и откуда приходятъ въ притворъ священнослужители. По константинопольскому типикону св. Софїи, священникъ облачается (въ особомъ, вѣроятно, отдѣленіи храма—мутаторїи), кадитъ храмъ и народъ (молча) и, по окончаніи кажденія, становясь предъ царскими вратами въ притворѣ, возглашаетъ: „Благословенно царство“. По Святогробскому типикону, іерусалимскій патріархъ съ торжественною процессіей, въ бѣлыхъ одеждахъ и со свѣчами, въ предшествіи креста, идетъ изъ патріархіи къ церкви св. Воскресенія. Дорогой патріархъ съ клиромъ поетъ стихиру: *Ангель Твой, Господи, воскресеніе проповѣдавъ* и канонъ: *Аще и во гробъ снизшелъ еси*. Окан-

¹⁾ Писанія св. отцовъ и учителей Церкви, относящіяся къ истолкованію православнаго богослуженія, т. II. Сиб. 1856. стр. 485 и дал.— „О пѣсенной утрени“.

чивья кондакъ, подходят они къ затвореннымъ дверямъ храма Воскресенія. Здѣсь протодіаконъ возглашаетъ: *Благослови, владыко*; а протопапа говоритъ: *Слава Святѣй и Единосущнѣй...*, и такъ начинается пасхальная утренняя предъ вратами храма Воскресенія.

Указаніе Святогробскаго типикона на торжественную процессію къ храму Воскресенія предъ началомъ пасхальной утрени особенно должно быть интересно для насъ, такъ какъ оно даетъ возможность объяснить до нѣкоторой степени нашъ крестный ходъ вокругъ церкви предъ пасхальной утреней, который ставилъ въ недоумѣніе еще *И. Д. Мансветова* и побудилъ его создать довольно искусственное объясненіе этого обряда. Покойный литургистъ писалъ въ свое время: „Теперешній крестный ходъ нигдѣ не упоминается въ древнихъ уставахъ и, вѣроятно, обязанъ своимъ происхожденіемъ выходу священника съ кадиломъ изъ алтаря и прохожденію его сѣверною стороною церкви въ притворъ, гдѣ должна была начаться утренняя. Осложненіе этого обряда въ смыслѣ теперешней процессіи вокругъ церкви могло произойти тѣмъ легче, что въ большихъ храмахъ византійской архитектуры устраивались боковые придѣлы, черезъ которые проходили въ нартексъ и дѣлали такимъ образомъ значительный обходъ“...¹⁾ Неупоминанье нашихъ древнихъ славянскихъ, до XV в., типиконовъ о крестномъ ходѣ показываетъ, что крестный ходъ имъ былъ не знакомъ. Это потому, конечно, что наши тогдашніе типиконы воспроизводили практику, главнымъ образомъ, Константинопольской Софіи и Алексѣевскаго монастыря, гдѣ не было предъ пасхальной утреней крестнаго хода, и она начиналась порядкомъ, обычнымъ для пѣсенной утренней службы. Совсѣмъ получилось другое, когда Русская Церковь стала знакомиться съ іерусалимскимъ типикономъ и начала постепенно вводить его въ церковное употребленіе отча-

¹⁾ О пѣсенномъ послѣдованіи. „Прибавл. къ Твореніямъ Св. Отцевъ“ за 1880 г., часть 26, стр. 1003—1004.

сти на мѣсто прежняго типикона, отчасти же въ восполненіе его. Мансветовъ правъ, что лишь „въ уставахъ *іерусалимской редакціи*“ находитъ себѣ мѣсто крестный ходъ. Но, сдѣлавъ такое вѣрное наблюденіе, Мансветовъ оказался не въ состояніи объяснить начальнаго происхожденія разсматриваемаго обычая, такъ какъ не располагалъ необходимымъ къ тому научнымъ матеріаломъ. Теперь мы знаемъ, что начало крестнаго хода надо искать въ древней литаніи къ храму Воскресенія отъ іерусалимской патріархіи, и что крестный нашъ ходъ стремится воспроизвести до нѣкоторой степени эту литанію, которую совершалъ іерусалимскій патріархъ съ своимъ клиромъ на пути къ храму Воскресенія, гдѣ бывала торжественная пасхальная служба¹⁾. Не удивительно, что послѣ того, какъ въ практику Русской Церкви вошелъ обрядъ процессіи предъ началомъ утрени, вся обстановка первой части пасхальной службы получаетъ бѣльшую, чѣмъ прежде, торжественность. Изъ храма выносятся наружу иконы, кресты и свѣтильники („лампады“), и масса народа, озаренная обиліемъ свѣта, медленно движется вокругъ храма... Между тѣмъ, что говоритъ Алексѣевскій, напр., типиконъ о началѣ пасхальной службы?—„Ударяему билу и всей братіи собирающейся въ паперть церкви и молящейся тихо, пощъ кадилъницу въ руцѣ пріимъ, покадитъ первѣе олтарь святыи свѣщамъ ему предыдущимъ и отгуду изъ преднихъ дверей шедъ переходитъ полунощную страну церкви и допедъ царскихъ дверей, изыдетъ ими. Внегда же онъ се творить, приставникъ переходитъ всю братію, по свѣщи, коемуждо брату

¹⁾ Въ составъ древней литаніи непремѣнно входило *евангеліе*. Однако Сватогробскій типиконъ почему-то не говоритъ о немъ. Между тѣмъ, даже новый Уставъ пасхальной службы по чину Великой Константинопольской Церкви указываетъ евангеліе отъ Маттея: *Въ вечеръ субботный* именно въ томъ мѣстѣ службы, гдѣ подобаетъ быть литаніи (Типиконъ Великой Церкви, изд. 1880 г., стр. 191 и 1897 г., стр. 333). Не чувствуется ли въ современной практикѣ Великой Церкви отголосокъ древняго іерусалимскаго обычая, и не слѣдуетъ ли случайными причинами объяснить отсутствіе указанія на евангеліе въ Сватогробскомъ типиконѣ?..

дая. Попъ же, якоже речено бысть, царскими дверми ишедь, покадитъ всю братію, начиная отъ лѣввыя страны и преходя всю паперть, и паки къ царскимъ дверемъ приходитъ; посемъ ставъ предъ дверми възгласитъ: *Слава Святый*“... Начало службы очень скромное. Однако новыя, іерусалимскіе порядки не сразу подчинили себѣ нашу богослужебную практику. Крестный ходъ не во всѣхъ типиконахъ нашель себѣ мѣсто; нѣтъ его даже въ вышеуказанномъ Кіево-Михайловскомъ уставѣ XVI—XVII в. А Мансветовъ привель изъ Минеи XV в. (моск. акад. б. № 77) даже прямое *запрещеніе* „окрытъ Божественныя церкви трижды ходити съ евангеліемъ и крестомъ и иконами“. Но, какъ бы то ни было, іерусалимскій обычай съ теченіемъ времени прочно утвердился въ нашей богослужебной практикѣ, и теперь нѣтъ церкви, гдѣ бы не совершали крестнаго хода предъ пасхальною заутренею, хотя въ дѣйствующемъ Типиконѣ о немъ собственно нѣтъ предписаній и доселѣ...

Священникъ начинаетъ утреню возгласомъ: *Слава Святый*... Такой возгласъ положенъ во всѣхъ типиконахъ, за исключеніемъ Константинопольскаго, гдѣ онъ замѣненъ возгласомъ: *Благословенно царство*. Собственно говоря, послѣдній возгласъ составляетъ необходимую принадлежность всякой пѣсенной службы, которая такъ именно начинается. Но большинство типиконовъ почему-то взяли спеціально-утренній возгласъ и оставили *Благословенно царство*.

Послѣ пѣнія *Христосъ воскресъ* съ извѣстными стихами совершается входъ въ храмъ, произносится ектенія, и начинается канонъ. Таковъ современный порядокъ. Приблизительно таковъ же онъ и по древнимъ типиконамъ. Различія—не существенны, поэтому мы не будемъ на нихъ останавливаться. Гораздо интереснѣе объяснить присутствіе стиховъ изъ пс. 67 и 117, между которыми поется *Христосъ воскресъ*. Намъ кажется, что теперешніе стихи суть остатки всалмовъ, или, по крайней мѣрѣ, напоминаніе о псалмахъ, которые стихословились на пѣсенной утренѣ, перемежаясь

по стихамъ извѣстными припѣвами (на Пасху—тропаремъ *Христось воскресе*). Пѣсенная утренняя, послѣ ектеніи, начиналась тремя псалмами, за которыми, по ектеніи, слѣдовала каѳизма 17 — „непорочны“. Во время пѣнія псалмовъ священникъ читалъ утреннія молитвы. На основаніи показанія Константинопольскаго устава IX—X в., можно съ рѣшительностью утверждать, что нынѣшняя первая часть пасхальной утрени въ притворѣ очень сокращена (можетъ быть, подъ вліяніемъ Алексѣевскаго или даже іерусалимскаго уставовъ) въ сравненіи съ утреней константинопольской: въ названномъ уставѣ ясно говорится, что „на утрени поемъ антифона четыре“, т. е. три обычныхъ псалма и непорочны, во время которыхъ совершается входъ въ храмъ. Изъ Синайскаго Канона IX в. видно, что пѣніе пасхальнаго тропаря *Христось воскресе* въ промежуткахъ псалмовъ *предваряется* ектеніей. Этотъ порядокъ совершенно согласенъ съ чиномъ пѣсенной утрени, которая, по возгласѣ: *Благословенно царство*, начинается не псалмомъ и не тропаремъ, а ектеніей. Не видно, какое положеніе заняла ектенія въ святогробской утренѣ, но въ современномъ послѣдованіи у насъ она переставлена съ своего первоначальнаго мѣста къ канону и произносится уже не въ притворѣ, а въ храмѣ.

Совершая кажденіе, священникъ держитъ въ лѣвой рукѣ трикирій съ крестомъ и иконой на немъ. Что это за особенность? чѣмъ объяснить ее, если мы всѣ привыкли видѣть трикирій теперь только въ рукѣ архіерея и разсматривать эту принадлежность богослуженія, какъ собственно архіерейскую?—Отвѣтъ на эти вопросы даютъ службы пѣсеннаго послѣдованія, изъ которыхъ обнаруживается, что трикирій составлялъ не столько принадлежность іерархическаго лица, сколько извѣстнаго типа службъ—пѣсенныхъ и вообще торжественныхъ. Поэтому, мы видимъ въ древности присутствіе его на совершавшейся всегда торжественно преждеосвященной литургіи; трикиріемъ священникъ осѣнял преклоненный

народъ, возглашая: *Святъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ* ¹⁾); съ трикиріемъ выходилъ и діаконъ для произнесенія этого возгласа ²⁾); трикирій бывалъ иногда въ рукахъ и у мірянъ во время молитвы ³⁾). То обстоятельство, что трикирій употреблялся за торжественными и пѣсенными службами, было причиною сохраненія его впослѣдствіи всегда только при архіерейской службѣ, а при священнической—лишь на Пасху. Это случилось, когда вообще древняя торжественность и изобразительность службъ соборныхъ уступила мѣсто скромности службъ монастырскихъ, такъ что теперь трикирій въ рукахъ священника является однимъ изъ воспоминаній покончившей вообще свое существованіе церковной старины. Устройство трикирія было различно. Но непремѣнную принадлежность его составлялъ крестъ. Иногда онъ занималъ доминирующее положеніе, такъ что свѣчи прикрѣплялись къ его тремъ оконечностямъ, какъ это видно изъ описанія пѣсенной утрени у Симеона Солунскаго ⁴⁾), а иногда крестъ соединялся съ свѣчами такъ, какъ и на нынѣшнемъ пасхальномъ трикирії. Что касается иконы Воскресенія Христова, тоже теперь украшающей трикирій, то возможно, что въ ея присутствіи сказалось вліяніе Іерусалима: тамъ, при службѣ патріарха, а особенно во время торжественныхъ процессій, употребляется

¹⁾ Въ Уставѣ Моск. Синод. б. № 385 конца XIV в., по указанію И. Д. Мансветова, говорится: священникъ беретъ въ правую руку кадило, а въ лѣвую *свѣчи три*.—Приб. къ Тв. Св. О., ч. 26, с. 1005.

²⁾ Въ Служебникѣ XII в. № 343 изъ Московск. Синод. библ. читаемъ: „и шедъ діаконъ съ кадильницею и трети свѣщами, глаголетъ: *Святъ Христовъ*“ и проч.—Опис. Славянск. рки. Моск. Синод. библ., III. Москва. 1869, стр. 8.

³⁾ „Рук. д. с. и.“, 1885, т. I, стр. 294.—„Прибавл. къ Твор. Св. Отц.“, ч. 26, стр. 1005, примѣч. 1.

⁴⁾ „Всѣ вступаютъ“,—говоритъ Симеонъ Солунскій,—изъ притвора „внутрь храма, какъ въ самое небо, слѣдуя за іереемъ, держащимъ крестъ и изображающимъ Господа, крестомъ насъ спасаго. *Въ крестъ утверждены три свѣчи*, знаменующія трисолнечный свѣтъ, ибо и чрезъ крестъ открылось и возсіяло вѣдѣніе Святыхъ Тронцы и слава Ея“ (стр. 488).

эта икона въ оправѣ¹⁾. Изъ рукъ священнослужителя она могла быть перенесена, въ миниатюрѣ, на трикирій, что было очень удобно для церквей съ ограниченнымъ клиромъ, гдѣ могъ ощущаться недостатокъ въ правоспособныхъ носителяхъ священныхъ вещей. Удобства, какія представлялъ собою трикирій съ крестомъ и иконою, сдѣлали его потомъ общепотребительнымъ. Былъ ли такой трикирій въ константинопольской практикѣ, не извѣстно; въ описаніяхъ Симеона Солунскаго не встрѣчаемъ указаній на него. Изъ Солунскаго—повторимъ—одно ясно, что трикирій съ крестомъ составлялъ необходимую принадлежность священника, когда онъ совершалъ пѣсенную службу. Трикиріемъ выражается идея триипостасности Божества. Прославленіе Троицы составляетъ содержаніе пѣсенныхъ службъ,—вотъ почему всѣ онѣ начинаются возгласомъ: *Благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа*, или—рѣже: *Слава Святый*; и вотъ почему, точно также, въ рукѣ священника оказывается не монуалій, не дикирій, а именно—трикирій, символизирующій идею Троицы и, по выраженію Симеона Солунскаго, „трисолнечный свѣтъ“ Божества.

Входъ въ церковь изъ притвора имѣетъ символическое значеніе. Онъ обозначаетъ вступленіе вѣрующихъ въ небесное царство, которое стало открыто для нихъ вслѣдствіе крестныхъ заслугъ Господа. Впереди процессіи, какъ орудіе нашего спасенія, выступаетъ крестъ—или въ соединеніи съ свѣчами, по описанію Симеона Солунскаго, или отдѣльно отъ нихъ. Въ послѣднемъ случаѣ идея *отверзтія* царства небеснаго крестомъ Христовымъ иногда получала наглядное выраженіе: крестомъ тѣмъ отворялись входныя изъ притвора въ церковь двери. „Власть крестомъ двери отворить“, замѣчаетъ, напр., Обиходникъ Кирилло-Бѣловерскаго монастыря²⁾.

¹⁾ „Начало утрени въ первый день Пасхи и крестный ходъ кругомъ храма предъ этимъ началомъ“. А. А. Дмитріевскаго.—„Рук. д. с. п.“ за 1885 г., т. I, стр. 294, примѣч.

²⁾ „Рук. д. с. п.“ за 1885 г., т. I, стр. 294.

Въ современной практикѣ церковей православнаго Востока поддерживается древній обычай обставлять входъ въ церковь тою обрядностью, какая наблюдается у насъ при освященіи церковей: *Возмите врата, князи ваша*, возглашаетъ предстоятель. Народъ: *Кто есть Сей Царь славы?* Предстоятель: *Господь силъ, Той есть Царь славы*. Повторяютъ это три раза. Въ древнемъ Святогробскомъ типиконѣ діалогу между предстоятелемъ и народомъ предшествуетъ обращеніе патріарха къ вратарямъ: *Отверзите мнѣ врата правды, вшедъ въ нея исповѣмся Господеви*. „И тотчасъ,—читаемъ въ названномъ Типиконѣ,—отворяются врата (храма), и войдетъ патріархъ съ клиромъ въ храмъ при пѣвнѣ *Христосъ воскресъ*“¹⁾... Очевидно, вся такая обрядность имѣла одну и ту же цѣль—выразить идею наступившаго для людей царства Христова²⁾. Древнее пѣсенное послѣдованіе приурочиваетъ входъ въ храмъ къ пѣвнѣ „непорочныхъ“—17 каѳизмы. Въ пасхальной службѣ нѣтъ псалмопѣнія; въ стихахъ: „Да воскреснетъ Богъ“ и пр. сохранился теперь одинъ лишь намекъ на нѣкогда вполне развитую часть псалмовъ въ началѣ пѣсенной утрени въ антифонномъ ихъ исполненіи. Но есть ли

¹⁾ „Богослуж. Страстн. и Пасх. седмицъ...“, стр. 414, примѣч. 120 и стр. 185.

²⁾ Объясняя обрядъ первой части пасхальной утрени, митр. московскій Филаретъ въ одномъ изъ своихъ пасхальныхъ словъ говоритъ: „Какъ бы съ обитателями невидимаго міра, на западѣ, во мракѣ ночи, стояли мы предъ затворенными вратами храма, какъ предъ затворенными вратами рай. Черезъ сіе Церковь хотѣла сказать намъ: такъ было до воскресенія Христова. Потомъ славословіе Троицы и Христа воскресшаго, крестъ и кадило намъ отворили врата храма, какъ бы врата рай и неба. Черезъ сіи знаменія Церковь сказала намъ: такъ благодать Пресвятыя Троицы и имя и сила Христа воскресшаго, вѣра и молитва отверзаютъ врата рай и неба. Горящія свѣщи въ рукахъ нашихъ не только знаменовали свѣтъ воскресенія, но въ то же время напоминали намъ о мудрыхъ дѣвахъ, и возбуждали къ готовности, со свѣтомъ вѣры, съ елемъ мира, любви и милосердія, срѣтить второе, славное пришествіе небснаго Жениха въ полночи время и найти для себя отверстыя Его царскія двери.“—Слова и рѣчи м. Филарета, ч. I. М. 1848 г., стр. 52.

какіе-нибудь намеки въ современной пасхальной утренѣ на время входа изъ притвора въ церковь, совершаемаго по пѣсенному чину?—Думаемъ, что они есть еще и теперь. Чтобы опредѣлить ихъ, слѣдуетъ вникнуть въ современное послѣдованіе пасхальной утрени.

Послѣ ектеніи, какъ извѣстно, начинается теперь пасхальный канонъ: „Воскресенія день“. Въ немъ обращаетъ на себя вниманіе необычное число ектеній, произносимыхъ послѣ каждой пѣсни, и разнообразіе священническихъ возгласовъ на этихъ ектеніяхъ. Давно отмѣчено и признается фактомъ, что нынѣшній священническій возгласъ на ектеніи есть окончаніе читавшейся когда-то тайно или даже вслухъ священникомъ молитвы. Современная практика указываетъ отдѣльные примѣры такого порядка, но древняя представляетъ самыя ясныя доказательства, что священническому возгласу всегда предшествовала читавшаяся имъ молитва. Молитвы священническія составляли, какъ и нынѣ составляютъ, непремѣнную принадлежность всякой общественной и частной церковной службы. Смотря по тому, за какою службою молитвы эти читаются, онѣ имѣютъ и общія наименованія—*вечернихъ, утреннихъ, литургійныхъ*. Молитвы первыхъ двухъ категорій въ современномъ служебникѣ соединены вмѣстѣ, въ двѣ общія группы, и читаются теперь подърядъ—вечернія во время предначинательнаго псалма, а утреннія во время шестопсалмія. Но прежнее положеніе названныхъ молитвъ было иное и соотвѣтствовало опредѣленнымъ моментамъ въ вечерней и утренней службахъ, которые не такъ трудно опредѣлить даже непосредственно, на основаніи анализа содержанія самыхъ молитвъ, каковой для располагающихъ древними богослужбными рукописями облегчается существованіемъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, особыхъ надписаній, указывающихъ точно моментъ чтенія извѣстной молитвы¹⁾.

¹ Изгѣдованіе А. А. Дмитріевскаго объ *утреннихъ молитвахъ*— исторической судьбѣ ихъ, содержаніи и положеніи, какое онѣ имѣли въ

На пасхальной утренѣ первый возгласъ, послѣ начальной ектеніи: *Яко подобаетъ Тебѣ всякая слава* есть окончаніе первой утренней молитвы—*Благодаримъ Тя, Господи Боже нашъ, возставившаго насъ отъ ложей нашихъ*, которая вполнѣ причлещуется началу утренней службы, такъ какъ въ ней испрашиваются свыше помощь и благословеніе на собравшихся къ храму, предстоящихъ предъ лицомъ славы Божіей и ожидающихъ отъ Господа богатыя милости: *Даждемъ имъ*,—заканчиваетъ молитва,—*со страхомъ и любовію всегда Тебѣ служащимъ, хвалити неисповѣдимую Твою благодать*. Возгласъ послѣ первой пѣсни канона: *Яко Твоя держава* принадлежитъ третьей утренней молитвѣ—*Отъ ночи утренюютъ духъ нашъ къ Тебѣ, Боже*. Содержаніе этой молитвы близко подходитъ къ прошеніямъ первой молитвы, такъ что надо думать, что эта молитва находится въ связи съ первою молитвою—*Благодаримъ Тя*, составляя какъ бы продолженіе ея. Надо думать, на пѣсенной утренѣ эти обѣ молитвы читались въ началѣ службы; но когда именно?—Первая—послѣ ектеніи, а вторая, вѣроятно, вскорѣ послѣ нея. За начальной ектеніей, по послѣдованію пѣсенной утрени, слѣдовало антифонное исполненіе трехъ псалмовъ: *Господи, что ся умножиша... Боже, Боже мой! къ Тебѣ утренюю... и Се ныне благословите...* Блаж. Симеонъ Солунскій свидѣтельствуешь, что окончаніе пѣнія названныхъ псалмовъ сопровождалось малою ектеніей. Можетъ быть, сюда, къ этой ектеніи, слѣдуетъ отнести молитву—*Отъ ночи утренюетъ?*—Едва ли. Вѣроятно, кромѣ указанной Симеономъ Солунскимъ малой ектеніи, полагались такіе же ектеніи и послѣ каждаго изъ псалмовъ въ отдѣльности. Такъ думаемъ на основаніи усматриваемой въ нашихъ утреннихъ молитвахъ параллели содер-

древнецерковной практикѣ,—къ сожалѣнію,—неоконченное,—печаталось въ нашемъ журналѣ за 1886 г., т. III, стр. 180 и дал.—И. Д. Мансветову принадлежитъ нѣсколько замѣчавій объ утреннихъ молитвахъ въ изслѣдованіи: „Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности“. Москва. 1882, стр. 153—154.

жанія ихъ съ содержаніемъ исполняемыхъ псалмовъ. Молитва—*Отъ ночи утренюетъ* однородна по содержанію со вторымъ псалмомъ антифона—*Боже, Боже мой! къ Тебѣ утренюю*. Если же между молитвами и пѣсеннымъ матеріаломъ было ближайшее соотношеніе, то необходимо допустить, что послѣ каждаго антифона возносилась особая ектенія, отвѣтомъ на которую былъ возгласъ молитвы. Можно ли указать молитву, соотвѣтствующую псалму—*Господи, что ся умножиша?*—Таковою, какъ намъ кажется, является шестая утренняя молитва—*Благодаримъ Тя, Господи Боже спасеній нашихъ*, въ которой читаемъ слѣдующія слова: *препокоилъ еси насъ въ мимошедшее ночи число и воздвиглъ еси ны отъ ложъ нашихъ, и поставилъ еси въ поклоненіе честнаго имени Твоего. Тѣмъ же молимъ Тя, Господи: даждь намъ благодать и силу, да сподобимся пѣти Тебѣ разумно и молиться непрестанно, во страхъ и трепеть свое спасеніе содѣлающе заступленіемъ Христа Твоего: помяни, Господи, и въ ночи къ Тебѣ вопіющыя... и сокруши подъ нозъ ихъ невидимыя и борительныя враги. Ты бо еси Царь мира...* Въ нынѣшнемъ чинѣ утрени возгласъ—*Ты бо еси Царь мира* произносится послѣ шестой пѣсни канона. Но это положеніе молитвы: *Благодаримъ Тя, Господи, Боже спасеній нашихъ*—не всегдашнее; она занимала въ нѣкоторыхъ служебникахъ и другое мѣсто,—напр., въ славянскихъ служебникѣхъ отъ XIV в. помѣщалась послѣ третьей пѣсни канона¹⁾. Предполагаемъ, что на пѣсенной службѣ ей принадлежало мѣсто послѣ исполненія псалма: *Господи, что ся умножиша*, съ которымъ она, испрашивающая у Господа заступленія противъ враговъ, такъ сходна по содержанію.

Какая молитва наиболѣе приличествовала бы окончанію трехъ антифоновъ?—По нашему мнѣнію, молитва—*Блажихъ сокровище*, гдѣ говорится: *Помяни, Господи, бдящымъ и по-*

¹⁾ См. „Порядокъ общественнаго и частнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI в.“ Н. Ѳ. Одинцова, Спб. 1881, стр. 108.

ющыя во славу Твою. Возгласъ этой молитвы: *Яко Ты еси Богъ нашъ* положенъ по третьей пѣснѣ пасхальнаго канона. Такимъ же характеромъ общаго моленія о призывающихъ святое имя Божіе и исполняющихъ благу волю Божию отличается и молитва: *Господи Боже нашъ, помяни насъ грѣшныхъ и непотребныхъ рабъ Твоихъ*, заканчивающаяся возгласомъ: *Яко благъ и человеколюбецъ Богъ еси*. Она входитъ въ составъ вечернихъ молитвъ, но по содержанію своему не имѣетъ ничего, препятствующаго читать ее за утреней. Такимъ же, наконецъ, характеромъ отличается и специально пѣсенная, изъ пѣсенной панихиды, молитва: *Тебе невечерній и невидимый Святъ, Боже нашъ... молимъ*, съ прошеніями о поющихъ псалмы, гимны и пѣсни духовныя, заканчивающаяся возгласомъ: *Яко освятися и прославися пречестное и великолѣпное имя Твое*, который положенъ нынѣ по пятой пѣснѣ канона¹⁾. Каждая изъ этихъ трехъ молитвъ, въ слѣдствіе общаго содержанія своего, могла быть прочитана послѣ антифоннаго гвнїя и малой, завершительной въ этомъ отдѣленіи, ектенїи. Такимъ образомъ, разборъ возгласовъ по шестую пѣснь включительно даетъ намъ твердое основаніе сказать, что до сихъ поръ мы имѣли дѣло какъ бы съ первой частью пѣсенной утрени, совершавшейся въ притворѣ. Возгласы взяты въ пасхальную утреню отсюда. Далѣе, изъ притвора слѣдовалъ входъ въ церковь. Симеонъ Солунскій сообщаетъ, что входъ совершался во время гвнїя „непорочныхъ“, при чемъ священникъ, входя первымъ въ церковь, произносилъ слова: *Благословенъ входъ святыхъ Твоихъ всегда..* и пр. У насъ на пасхальной утренѣ нѣтъ „непорочныхъ“, и входъ не приурочивается къ нимъ. Но въ древнемъ типиконѣ Константинопольской Софіи не напрасно отмѣчается четвертый, послѣ первыхъ трехъ, антифонъ на пасхальной утренѣ: это и есть „непорочны“. Въ современномъ намъ чинѣ пасхальной

¹⁾ „Опис. литург. ркн., хранящ. въ библ. прав. Востока“, т. I, стр. 14 Ркн. X в. Синаиск. б. № 956.

утрени воспоминаніе о „непорочныхъ“ остается въ возгласѣ по седьмой пѣснѣ: *Буди держава царствія Твоего благословенна, относящаяся къ молитвѣ — Боже и Отче Господа нашего Исуса Христа... научи ны оправданіемъ Твоимъ; а воспоминаніе о входѣ въ церковь нельзя не видѣть въ молитвѣ: Господи Боже нашъ, сонное умыніе отнавыи отъ насъ... благослови наши входы и исходы, заканчивающейся возгласомъ: Яко благословися всесвятое имя Твое, который положенъ нынѣ по восьмой пѣснѣ пасхальнаго канона. Въ послѣдованіи обычной утрени возгласъ: Яко благословися... произносится на „непорочныхъ“; очевидно, и здѣсь уцѣлѣла древняя связь „непорочныхъ“ съ древнимъ входомъ въ церковь, о благословеніи котораго, какъ и всѣхъ вообще нашихъ входовъ и исходовъ, возносить священникъ мольбу въ этой молитвѣ. Указаніе на входъ, приуроченный ко времени „непорочныхъ“ и совершавшійся въ предшествіи креста, можно усматривать въ словахъ: *Кресту Твоему поклоняемся, Христе* изъ пѣсни—*Воскресеніе Христово видѣше*, которая на пасхальной утрени занимаетъ мѣсто по чтеніи синаксаря за шестой пѣснью,—и такое мѣсто она занимаетъ не почему-либо иному, какъ именно потому, что пасхальный канонъ, занявши собою всѣ отдѣльные моменты пѣсенной службы, долженъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать имъ мѣсто среди своихъ пѣсней и расположить въ порядкѣ, до извѣстной степени соотвѣтствующемъ естественному и первоначальному. Моментъ входа и поклоненіе кресту приписли по шестой пѣснѣ и отмѣтили возгласомъ: *Яко благословися* и пѣснопѣніемъ—*Воскресеніе Христово*.*

Поклоненіе кресту и слѣдующіе за этимъ 50 псаломъ съ ектеніей и библейскія пѣсни, послужившія въ послѣдствіи основою цѣлыхъ канонныхъ,—все это было переходомъ къ послѣдней части утрени, особенно-торжественной, которая извѣстна подъ именемъ *αἶνοι, laudes*, такъ какъ вся состоитъ изъ хваленій Творцу, Промыслителю и Испытателю рода человѣческаго. Въ пасхальной утрени нѣтъ теперь слѣдовъ покаяннаго псалма,

но въ нѣкоторыхъ тишиконахъ и онъ находилъ себѣ мѣсто, несмотря на ясное противорѣчіе общему характеру службы такого радостнаго праздника, какъ Пасха¹⁾). Библейскія пѣсни въ нынѣшнемъ послѣдованіи разрослись въ высоко-художественное твореніе Дамаскина—канонъ: „Воскресенія день“. А хвалитная часть?—Она начинается послѣ девятой пѣсни; возгласъ тогда: *Яко Тя хвалятъ вся силы небесныя принадлежатъ молитвѣ—Боже, Боже нашъ, умныя и словесныя составившій силы Твоею волею, которая съ древнѣйшихъ поръ соотвѣтствовала хвалитной части утрени и имѣла даже надписаніе: Εὐχὴ εἰς τοὺς αἰῶνες*. Надо однако сказать, что нынѣшняя послѣдняя часть пасхальной утрени—*αἶνοι*—является болѣе сокращенною сравнительно съ прежними чинами ея. Въ ней нѣтъ великаго славословія, положеннаго по „Студійскому“ типогр. Уставу XII в., Алексѣевскому того же вѣка и по Синайскому Канонарю IX в., воспроизводящему практику св. Софїи Константинопольской, какъ и по нѣкоторымъ другимъ памятникамъ²⁾). Пѣніе великаго славословія обставлялось знаменательными обрядами на пѣсенной и на пасхальной утрени, но теперь они не сохранились въ практикѣ. Пѣніе *Слава въ вышнихъ Богу* начиналось пѣвцомъ solo на амвонѣ, при чемъ онъ воздвигалъ поставленный здѣсь крестъ. Весь пѣвческій ликъ продолжалъ хвалебное пѣніе *ἀσρατικῶς*, т. е., примѣнительно къ нашему словоупотребленію, партесно, а священнослужители входили въ алтарь и отсюда подпѣвали пѣвцамъ, стоящимъ среди церкви³⁾). Такимъ образомъ, вся Церковь—и небесная, которую знаменуютъ священнослужители въ алтарѣ, и земная—возносила *едиными усты и единымъ сердцемъ* восторженное и умиленное великое слово-

¹⁾ Напр., въ Начертаніяхъ Студійскаго Устава и пр. Аѳанасія.— „Полный мѣсяцесловъ“, т. I, стр. 464.

²⁾ „Богослуженіе въ Русской Церкви въ первые пять вѣковъ“ А. А. Дмитріевскаго.—„Правосл. Собесѣдникъ“ 1882, т. I, стр. 271.

³⁾ „О пѣсенножъ послѣдованіи“.—„Прибавл. къ Твор. Св. Отц.“, ч. 26, стр. 1000.

словіе — *μεγάλην δοξολογίαν*. Двѣнадцатая утреня молитва: *Хвалимъ, поемъ, благословимъ* по содержанію близка къ великому славословію и несомнѣнно произносилась *εις τὸ Δόξα ἐν ὑψίστοις Θεῷ*, какъ указываютъ надписанія надъ нею въ древнихъ рукописяхъ¹⁾; но нынѣ на пасхальной службѣ мы не слышимъ ея возгласа: *Яко Ты еси Богъ нашъ*, конечно, потому, что великое славословіе не входитъ уже въ составъ нынѣшняго пасхальнаго послѣдованія.

Интереснѣйшую подробность отмѣчаетъ Синайскій Канонарь IX в., передавая чинъ пасхальной утрепи. Онъ говорить, что по исполненіи входнаго тронаря²⁾: *Днесь спасеніе міру бысть* произносится прокимень: *Воскресни Господи Боже мой* со стихомъ: *Исповѣмся Тебѣ*, и затѣмъ читается евангеліе отъ Марка (гл. 23): *Минувшей субботѣ*. Присутствіе евангелія на пасхальной утренѣ,—какъ и всегда, впрочемъ, на пѣсенной утренѣ,—и притомъ—въ моментъ послѣ великаго славословія, должно объяснить намъ трогательный нашъ обрядъ христосованья въ пасхальную утреню послѣ стихирь воскресныхъ на хвалитехъ. Моментъ христосованья выбранъ, очевидно, не случайно, какъ не случайно и евангеліе въ рукахъ священника (или діакона), когда къ нему подходятъ христосоваться. Здѣсь виденъ древній обычай поклоненія св. евангелію и взаимнаго привѣтствованія съ праздникомъ священнослужителей, какъ и всего народа. Обрядъ этотъ, по описанію Синайскаго Канонаря IX в., сначала былъ не сложенъ. По прочтеніи евангелія священникъ выносилъ его къ народу и, держа въ рукахъ, привѣтствовалъ подходившихъ возгласомъ—*Христосъ воскресъ*; „и послѣ цѣлованія весь народъ пѣлъ *аллилуія*, а священникъ произносилъ ектенію и отпустъ“. Съ теченіемъ времени обрядъ осложняется. Кромѣ евангелія, дьяконы выносятъ еще и иконы, а христосованье совершается по выработанному уже чину, который такъ и называется *чиномъ цѣлованія*. Наиболѣе развитымъ онъ оказывается въ монастырскихъ типиконахъ, такъ какъ въ монастыряхъ за правильнымъ порядкомъ совершенія его слѣдили особыя лица—*таксіархи*, блюстители храмоваго порядка. По „Начертанію Устава“ пр. Аѳанасія Аѳонскаго), обрядъ цѣлованія совершался такъ. Въ извѣстное время изъ

¹⁾ „Рук. д. с. п.“ 1886, т. III, стр. 190.

²⁾ *Входнымъ* онъ названъ, очевидно, въ виду пѣнія его при входѣ священнослужителей въ алтарь.

³⁾ По Аѳано-Ватопедск. ркп. XIII—XIV в., № 322. См. „Описаніе литургич. ркп., хранящ. въ библ. прав. Востока“, т. I, стр. XX.

алтаря выходилъ одинъ изъ священнослужителей (λεωιτικῶν) съ евангеліемъ въ рукахъ и становился около алтарной преграды. Къ нему прежде всего подходилъ игумень, цѣловалъ евангеліе, христосовался съ іереемъ и становился рядомъ съ нимъ. Затѣмъ начинали подходить прочіе священники и монастырская братія въ порядкѣ ихъ служебнаго значенія въ церкви и монастырѣ. Поочередно они цѣловали евангеліе, христосовались съ священникомъ и игуменомъ и становились другъ около друга, сообразно съ іерархическимъ достоинствомъ каждаго изъ нихъ. Таксіархи предупреждали возможное при этомъ замѣшательство и наблюдали, чтобы каждый занималъ соотвѣтственное мѣсто. Благодаря этому, всѣ располагались длиннымъ рядомъ, который тянулся отъ царскихъ вратъ къ западной части храма и оттуда возвращался снова къ царскимъ вратамъ. По окончаніи христосованья канонархъ или, вмѣсто него, кто-либо изъ братіи читалъ съ амвона слово Златоустаго: *Аще кто благочестивъ.*

Описаніе чина цѣлованія въ современномъ намъ типиконѣ еще подробнѣе. Кромѣ евангелія, въ немъ указываются еще иконы, а изъ числа подходящихъ къ священнику, держащему въ рукѣ *крестъ*, отмѣчены особо *работницы монастырскіи*, о которыхъ Уставъ повелѣваетъ: *въ томъ же чину да стануть, и другъ друга цѣлующе.*

Объ отсутствіи пасхальной заутрени ничего не говоримъ, такъ какъ никакихъ выдающихся особенностей собою онъ не представляетъ...

Мы указали остатки глубокой церковной старины въ нынѣшнемъ послѣдованіи пасхальной утрени. Слѣдовало бы далѣе говорить объ особенностяхъ пасхальной литургіи, которая нынѣ соединяется съ утреней, образуя такимъ соединеніемъ древнюю *паныхиду* въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но оставляемъ рѣчь о пасхальной литургіи до будущаго времени.

Н. Пальмовъ.

Редакторъ преподав. Кіевской духовной семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 11-го апрѣля 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*
Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVI

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 17.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Киевской духов-
ной Семинаріи.

1905-го года апрѣля 27-го дня.

Содержаніе: Заря новыхъ дней. — Современная драма совѣсти (окончаніе). —
Изъ религіозной жизни Запада. — Еще къ вопросу о проповѣди, какъ
одномъ изъ средствъ пастырскаго воздѣйствія на прихожанъ.

Заря новыхъ дней.

„Гряди скоро“...

„Ей, гряди, Господи Іисусе“ (Апок.
22, 20).

Можетъ быть, нѣкоторые органы и поспѣшили пока за-
явить, что мы находимся „наканунѣ объявленія полной вѣро-
терпимости“. Но движеніе къ расширенію правъ „раскольни-
ковъ и лицъ иновѣрныхъ и инославныхъ исповѣданій“ и къ
освобожденію господствующей Церкви отъ излишней въ этомъ
отношеніи опеки гражданской власти—дѣло уже безповоротно
рѣшенное. Это движеніе имѣетъ свою довольно поучительную
исторію. Еще славянофилы указывали на то, что Церковь со
времени Петра I заняла несвойственное ей положеніе въ го-
сударствѣ. Достоевскій говорилъ, что Церковь со дней имп.

Петра I находится *въ параличѣ*. Съ славянофилами соглашались и западники; только они начало ненормальности въ Русской Церкви относили къ болѣе раннему времени. В. С. Соловьевъ, напр., говоритъ, что духовная власть еще при Никонѣ тянулась за *государственною короною*, потомъ крѣпко схватилась за *мечъ государственный* и, наконецъ, принуждена была надѣть *государственный мундиръ*¹⁾. Но въ концѣ 80-хъ годовъ эти голоса, какъ бы не находя восприимчивой почвы, замолкли. Тѣмъ не менѣе, внутренняя работа мысли продолжалась, „революція въ умахъ“ совершалась. Но слишкомъ былъ толстъ слой всевозможныхъ наростовъ и наносовъ, чтобы можно было скоро выйти наружу этимъ мыслямъ и сдѣлаться общественнымъ достояніемъ. Однако въ началѣ XX столѣтія пробился, наконецъ, источникъ живой мысли. Первый, кто объявилъ объ этомъ, былъ А. М. Стаховичъ, предводитель Орловскаго дворянства. Мы разумѣемъ его надѣлавшій такъ много шуму докладъ, читанный на Орловскомъ мисіонерскомъ съѣздѣ въ сент. 1901 г. Послѣ г. Стаховича вопросъ объ отношеніи гражданской власти къ дѣламъ вѣры подробно дебатировался въ Петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ, особенно по поводу доклада г. Мережковскаго: „Левъ Толстой и Русская Церковь“ (Новый Путь 1903,2) и г. Волконскаго (—1903,3.). Думаемъ, именно на встрѣчу назрѣвшему общественному сознанию шелъ Высочайшій Манифестъ отъ 26 февр. 1903 г., гдѣ читаемъ такіа знаменательныя слова: „Укрѣпить неуклонное соблюденіе властями, съ дѣлами вѣры соприкасающимися, *завѣтовъ терпимости*, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи Россійской, которые, благоговѣнно почитая Православную Церковь первенствующею и господствующею, предоставляютъ всѣмъ подданнымъ Нашимъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій свободное отправление ихъ вѣры и богослуженія по обра-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій, т. III, стр. 214 (курсивъ автора). Относится къ 1881 году.

дамъ оной“. Нужно было много діалектики и прямо казуистики, чтобы извратить прямой смыслъ этихъ великихъ словъ. доказывать, будто они имѣютъ въ виду предоставить свободу, дать облегченіе и льготы протестантамъ, католикамъ, нѣмецкимъ сектамъ даже... язычникамъ, магометанамъ, — словомъ, кому угодно, только не роднымъ намъ раскольникамъ и русскимъ сектантамъ. Всѣ подобныя „кривотолки“ прямо обличаются Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 12 дек. 1904 года, гдѣ въ пунктѣ 6 сказано: „для закрѣпленія выраженного Нами въ Манифестѣ 26-го февраля 1903 г. неуклоннаго душевнаго желанія охранять освященную основными законами Имперіи терпимость въ дѣлахъ вѣры, подвернуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія“.

Комитетъ Министровъ 25 янв. 1905 года выработалъ порядокъ выполненія пункта *шестого* именного Высочайшаго Указа отъ 12 дек. 1904 г.: I. предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ: 1) безъ замедленія и во всякомъ случаѣ не позднѣе 3-хъ мѣсяцевъ со дня утвержденія сего положенія распорядиться отмѣною всѣхъ, кромѣ указанныхъ въ слѣдующемъ пунктѣ (2), стѣсняющихъ свободу исповѣданія вѣры и не основанныхъ прямо на законѣ административныхъ распоряженій, отъ какихъ бы начальствъ они ни исходили; 2) если изъ числа стѣсняющихъ свободу исповѣданія вѣры административныхъ распоряженій окажутся такія, примѣненіе коихъ и впредь, по соображеніямъ государственнаго порядка, онъ признаетъ необходимымъ, то на утвержденіе оныхъ испросить чрезъ Государственный Совѣтъ Высочайшее соизволеніе; 3) принять дѣйствительныя мѣры надзора къ тому, чтобы никакими административными учрежденіями и лицами впредь не устанавливалось какихъ-либо стѣсненій въ области рели-

гій, закономъ не указанныхъ. II. Поручить Министру Внутреннихъ Дѣлъ: 1) не допускать впредь примѣненія къ дѣламъ религіознаго свойства Положеній о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“ („Правительств. Вѣстникъ“ 1905, № 39). Въ виду „исключительной спѣшности предположенныхъ нынѣ мѣръ“, Комитетъ Министровъ, съ своей стороны, занялся обсужденіемъ вопросовъ по 6-му пункту Высочайшаго Указа и 1-го сего марта закончилъ свою работу, которая, прежде всего, коснулась религій нехристіанскихъ. Комитетъ остановился на заключеніи пересмотрѣть правила о сооруженіи молитвенныхъ домовъ иновѣрцевъ и о положеніи духовныхъ лицъ иновѣрныхъ исповѣданій, въ особенности магометанскаго („Правит. Вѣстникъ“ 1905, 47). Было бы странно, конечно, думать, что этимъ только и закончились мѣры по выполненію требованій пункта 6-го. Безъ сомнѣнія, это только первый камень, и то не краеугольный,—это—начало.

Итакъ, уже не далеко то время, когда „первенствующая и господствующая Православная Церковь“ должна будетъ доказывать свое первенство и защищать свое господство среди иновѣрныхъ и инославныхъ исповѣданій и нашего расколотсва орудіями нравственными, средствами духовными, т. е. мѣрами, собственно только и свойственными ей. Мысль объ освобожденіи Церкви отъ излишней опеки государства является дотого назрѣвшей, что она открыто высказывается и духовною и гражданскою властью. Высокопреосв. митрополитъ Антоній прямо высказалъ въ Комитетѣ Министровъ настойчивое пожеланіе, чтобы православное духовенство было избавлено отъ совершенно несоотвѣтствующихъ его сану обязанностей—быть доносителями судебнымъ или административнымъ властямъ на тѣ или иныя дѣйствія старообрядцевъ. При этомъ митрополитъ выразилъ убѣжденіе въ томъ, что *„всякое насиліе или стѣсненіе вообще не умѣстно, а съ точки зрѣнія догматовъ христіанской религіи даже прямо противно, разъ дѣло касается вѣрованія и совѣсти“* (Церковн.

Вѣстн. 1905, № 6). Для опредѣленія точки зрѣнія на дѣло власти гражданской, чрезвычайно характерно Высочайше утвержденное постановленіе Государственнаго Совѣта отъ 10 мая 1904 г. о воскресныхъ и праздничныхъ дняхъ. Указаніе гласитъ: „Добровольное занятіе работою въ воскресные, праздничные и торжественные дни церковные и гражданскіе предоставляется усмотрѣнію каждаго, и никакая власть не должна чинить трудящимся какихъ-либо въ семь препятствій“. Однако, „освященное вѣрою и благоговѣйнымъ въ теченіе вѣковъ почитаніемъ христіанъ начало праздничнаго отдыха должно и впредь оставаться неизблемымъ. Но только это отдохновеніе—въ чемъ заключается его цѣна—ни для кого не можетъ быть принудительнымъ“. Значитъ, Государственный Совѣтъ не противъ того, чтобы праздничные дни посвящались полному „отдохновенію отъ трудовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ набожному благоговѣнію“. Онъ только не хочетъ этого сдѣлать *принудительнымъ*, а предоставляетъ нравственному воздѣйствію разъяснить и свободному убѣжденію рѣшить, въ чемъ заключается *истинная цѣна праздничнаго отдохновенія*. А мѣры нравственнаго воздѣйствія и убѣжденія уже не относятся къ обязанностямъ государства, а только Церкви. И Св. Синодъ, очевидно, вполне раздѣляя точку зрѣнія государства на этотъ предметъ, своимъ опредѣленіемъ отъ 23—30 іюня 1904 г., призываетъ пастырей разъяснять пасомымъ смыслъ и характеръ истинно-христіанскаго празднованія и „съ удвоенною ревностью возжигать въ народѣ готовность къ добровольному служенію Богу“, такъ какъ „новый законъ устраняетъ мѣстную гражданскую власть отъ обязанности наблюдать за храненіемъ праздничнаго покоя“.—Весьма мѣтко по поводу этого узаконенія о праздникахъ и распоряженія Св. Синода говоритъ г. П. Кудрявцевъ („Руков. для с. п.“ 1905 года № 10, стр. 45): „не трудно видѣть, что соображенія, высказанныя какъ Государственнымъ Совѣтомъ, такъ и Св. Синодомъ по частному поводу, имѣютъ *принципіальное значеніе*: ими со всею ясностью устанавливается то положеніе,

что государство и Церковь представляют собою два учрежденія, различныя по своей природѣ...: государство не мыслимо безъ принужденія, въ Церкви нѣтъ мѣста принужденію“.

Истинные служители и чада Церкви, прозирая въ этихъ знаменіяхъ времени „зарю новыхъ дней“ и близость давно желаннаго разсвѣта, конечно, могутъ только радоваться восклицая: „Гряди, Господи!“ Новое время должно! принести и водворить тотъ нормальный порядокъ, необходимость котораго уже давно и настоятельно чувствуется. „Область Церкви,— писалъ въ свое время И. С. Аксаковъ,—есть область духа, та область, гдѣ священнодѣйствуетъ духъ человѣка въ своемъ искреннемъ стремленіи къ истинѣ. Эта область должна быть совершенно изъята отъ полицейской опеки“. Церковь должна быть освобождена отъ всякихъ постороннихъ задачъ, которыя не вытекаютъ изъ ея прямой цѣли. Все это,—говоритъ тотъ же г. Аксаковъ,—„не только должно, но и совершенно вредно въ практическомъ примѣненіи. Это значитъ—смѣшивать царство не отъ міра сего съ царствомъ отъ міра, по-ставлять вѣчное въ зависимость отъ временнаго, непреложное отъ случайнаго, внутреннее отъ внѣшняго, безусловное отъ условнаго, свободу бессмертнаго духа отъ грубой плотской силы. Церковь не можетъ и не должна служить государственнымъ видамъ и соображеніямъ и никакимъ стороннимъ цѣлямъ, кромѣ одной цѣли, указанной ей единою Главою—Христомъ. Если Церковь настаиваетъ на исполненіи гражданами своихъ обязанностей, то не потому, что это выгодно для государства, а потому, что это требуется самимъ Христовымъ завѣтомъ. Она имѣетъ въ виду не гражданъ, а членовъ Церкви,—общество не политическое, а членовъ Церкви“ (т. V, стр. 35). Если же Церковь не можетъ и не должна служить цѣлямъ государства, то, съ другой стороны, она также не должна пользоваться внѣшнею силою гражданской власти при выполненіи своихъ задачъ. Послушаніе вѣрующихъ съ ихъ стороны должно быть свободнымъ, должно вытекать изъ глубокихъ внутреннихъ влеченій, а не изъ

внѣшнихъ побужденій и соображеній. „Апостолы не прибѣгали къ внѣшней власти,—продолжаетъ Аксаковъ:—вся ихъ сила заключалась въ силѣ и духѣ проповѣдуемой ими религии, въ ихъ собственной нравственной мощи и духовномъ авторитетѣ. Власть кесарей была не съ ними, а противъ нихъ,—и они, однако, побѣдили мѣръ. Если Церковь вѣруетъ въ свою внутреннюю духовную силу, то къ чему содѣйствіе силы внѣшней? А если эта сила нужна, то не значитъ ли это, что нѣтъ достаточной внутренней силы? Тогда никакая полиція не оградить вѣрующихъ отъ соблазна и отпаденія“. По остроумному сравненію, гражданская полицейская власть въ рукахъ Церкви—это костыль въ рукахъ здороваго человѣка: онъ только можетъ мѣшать...

Нѣтъ сомнѣній, что грядущіе дни должны будутъ произвести громадную реформу въ жизнедѣятельности пастырей Церкви. Многіе вопросы, которые теперь волнуютъ священнослужителей, должны будутъ получить совершенно иную постановку и другое рѣшеніе, нѣкоторые же изъ нихъ сдѣлаются даже совершенно излишними. Всѣмъ нужно будетъ пересмотрѣть запасъ своихъ знаній, а кое-кому, вѣроятно, придется обновить и восполнить ихъ. Нужно будетъ испытать качество и силу своего оружія, а нѣкоторымъ, можетъ быть, придется, по слову Христа, продать *ризы* и купить *мечъ духовный*, острѣйшій изъ всѣхъ мечей... Конечно, неизвѣстность страшитъ, и всякія перемѣны всегда до нѣкоторой степени болѣзненны. Но всѣ эти тревоги и опасенія съ избыткомъ искупаются тою радостною надеждою, что новое время установитъ болѣе естественный и нормальный порядокъ жизни. Тогда выступать на арену дѣятельности истинные двигатели жизни—трудъ, призваніе и талантъ, какъ залогъ всякаго успѣха. Все идетъ къ тому. Подготавливаются или создаются наилучшія условія для развитія труда—гласность, чувство общественнаго долга и пробужденіе самосознанія. Было много въ прежнее время,—да и теперь, можетъ быть, есть не мало,—такихъ медвѣжьихъ уголковъ въ нашемъ отечествѣ;

гдѣ самая энергичная дѣятельность пастырей тормазилась или даже совершенно парализовалась вслѣдствіе самоуправства и разныхъ „подвоховъ“ различныхъ темныхъ міроѣдовъ и деревенскихъ кулаковъ. Теперь всему этому наступаетъ конецъ: гласность, пробужденіе гражданскихъ чувствъ, подобно лучамъ солнечнымъ, начинаютъ проникать въ самыя темныя мѣста. Благодаря имъ, не только современемъ безслѣдно исчезнутъ грубость и самоуправство, но поднимутся и укрѣплятся энергія и желаніе трудиться. Человѣку и то уже силы придаетъ, что есть свидѣтели подвиговъ его, способные ихъ понять и оцѣнить.

М. П—въ.

Современная драма совѣсти.

(Окончаніе ¹).

Но, говорятъ, будущее, прогрессъ, усовершенствованіе. Пусть жестокость и несправедливость двигаютъ исторіей теперь;—но изъ страха теперешней лжи и нашихъ страданій вырастетъ правда и всеобщее благо въ будущемъ. Пусть мы умремъ безъ конца и сполна;—но у насъ есть утѣшеніе „въ мысли, что мы честно прожили жизнь, честно страдали; что жизнь будетъ безостановочно продолжаться и послѣ насъ, и, благодаря нашимъ жертвамъ, всѣ наши лучшія мысли и труды, все это бессмертное наслѣдіе человѣка и природы— все оно будетъ жить, безпрестанно увеличиваться, передаваться другимъ, не пропадая... (Гюго), а постепенно создавалъ идеальныя формы человѣческаго общенія, постепенно приближая человѣчество къ осуществленію земного Иерусалима...“

Подкупающая сторона этого утѣшенія въ томъ, что оно затрогиваетъ самыя дорогія струны человѣческаго сердца. Сказать человѣку, способному думать и чувствовать по-человѣчески, что его долгъ — любить другихъ, созидать ихъ

¹) См. № 16 за 1905 г.

счастье, что въ этой любви—его подлинная, нравственная, разумная жизнь, значить лишь выразить его внутреннее инстинктивное самоощущеніе, заговорить языкомъ его природнаго чувства. Умѣло тронувши эти струны, легко можно поднять энергію человѣка до вершинъ подвига, дать крылья его творческому вдохновенію. Но тутъ необходимо одно важное условіе. Человѣкъ, живущій непосредственнымъ, нехитрымъ чувствомъ, можетъ отдаться работѣ тоже непосредственно, безудержнымъ порывомъ. Но порывъ неосмысленный—черта неглубокаго характера. Для сильной, развитой натуры—этого мало. Такой характеръ разсуждаетъ приблизительно такъ: творчествомъ движетъ воля, но волю движетъ *отра* въ разумъ, въ цѣль творчества. Только тамъ можетъ быть активная воля, только тамъ могутъ быть разумный подвигъ, сила, вдохновеніе, гдѣ есть осмысленная вѣра..

Второй секретъ уснѣха, которымъ обладаетъ призывъ на работу для будущаго человѣчества, заключается въ томъ, что здѣсь предусмотрѣнно, повидимому, и это условіе—подсказывается вѣра въ обновленіе будущаго человѣчества...

Положимъ на вѣсы разума и совѣсти это третье утѣшеніе, изъ всѣхъ, пожалуй, наиболѣе обольстительное, и тогда предъ нами развернется *третій*, заключительный актъ драмы человѣческой совѣсти—изъ всѣхъ наиболѣе грустный.

Есть, конечно, нѣчто чарующее въ томъ одушевленіи, съ которымъ человѣкъ, окрыленный идеей, работаетъ надъ своимъ усовершенствованіемъ и благомъ ближняго. Безсмертная красота духа, раскрываясь въ своей творческой силѣ отсвѣчиваетъ здѣсь блескомъ небесныхъ лучей. Тутъ источники титанической энергіи, тутъ путь къ дѣламъ героевъ и геніевъ. Но въ этой же точкѣ—поворотъ въ безднѣ жестокаго отчаянія, унынія, полнаго разгрома души. Звѣзда идеала горитъ предъ человѣкомъ и влечетъ къ себѣ. Но одинъ моментъ, одна минута внезапнаго пробужденія—минута сознанія, что звѣзда идеала есть, въ сущности, оптическая иллюзія, блуждающій огонь, горящій надъ пустыннымъ полемъ

могилъ,—и душа затрепещетъ въ ужасѣ. Къ этой могилѣ ужаса, захлаживающей душу, и влечетъ послѣднее утѣшеніе... Въ этомъ утѣшеніи болѣе ярко, чѣмъ гдѣ-нибудь, „разсказъ убѣдительно-лживый изначала развивалъ невозможную повѣсть, и змѣйнаго цвѣта отливы соблазняли и мучили совѣсть“. Свѣтъ идеала, къ которому зоветъ утѣшеніе, есть то подобіе свѣтильника, о которомъ говорится въ Апокалипсисѣ св. Іоанна Богослова: онъ ниспалъ въ концѣ временъ на землю, и отъ него „стали источники ея горьки“.

Основныя данныя и для этого акта тѣ же: непримиримый конфликтъ между отрицаніемъ Бога и безсмертія и утвержденіемъ полноцвѣтности чувства человѣчности (здѣсь уже—какъ обязывающаго чувства нравственнаго долга).

Я долженъ любить ближняго, споспѣшествовать общему росту счастья. Это понятно. Но что должно воодушевлять меня въ активной работѣ любви?—Во-первыхъ, убѣжденіе, что должна быть высшая санкція моему нравственному подвигу, сознаніе, что это побужденіе—не обманъ, а абсолютное, единственно цѣнное въ моемъ существѣ,—и во-вторыхъ, связанная съ этимъ вѣра въ возможность реальной осуществимости добра. И это понятно. Сказанное сознаніе есть неистребимое убѣжденіе моей души, съ которымъ связана мысль о моемъ достоинствѣ, какъ человѣческой личности, и, какъ таковая, есть безусловный законъ для моей воли. Между тѣмъ, вѣра въ осуществимость добра подъ угломъ зрѣнія лишь земного идеала можетъ ли быть вѣрою, оплодотворяющею волю?—Здѣсь несомнѣнная подмѣна понятій, поддѣлка подъ подлинную вѣру, обезпложивающая мой порывъ къ добродѣтели и зачеркивающая логически сполна то, что я инстинктивно чувствую, какъ единственно абсолютную въ себѣ цѣнность, и съ потерей чего изъ меня вынимается все мое человѣческое содержаніе. Почему я долженъ, обязанъ быть нравственнымъ, разъ я существую мгновеніе, разъ на мигъ дано бытіе и міру и всему человѣчеству?—Вотъ новый

узелъ и расходящіяся отъ него нити заключительнаго акта драмы совѣсти.

Избѣгая отвлеченныхъ разсужденій, всегда болѣе или менѣе утомительныхъ, мы еще разъ позволимъ себѣ вскрыть элементы этого акта драмы совѣсти, прибѣгнувъ къ живымъ иллюстраціямъ.

„Еще года нѣтъ, какъ я былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, работалъ этими самыми руками говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, умѣлъ плакать, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе; зналъ прелесть и поэзію тихихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ, какъ въ глаза родной матери... А теперь—о Боже мой!—утомился, не вѣрю, въ бездѣльи провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозгъ, ни руки, ни ноги... Ничего я не жду, ничего ни жаль..., душа дрожить предъ завтрашнимъ днемъ“ („Ивановъ“ Чехова).—Отчего въ началѣ мы, такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30—35 годамъ становимся банкротами? Отчего одинъ гаснетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, циннически топчетъ ногами портретъ своей чистой, прекрасной молодости?.. Отчего?... (Чеховъ, „Разск. неизв. человѣка“). „Сколько бы я ни думалъ, и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что въ моихъ желаніяхъ нѣтъ чего-то главнаго, чего-то очень важнаго“ (Чеховъ, „Случайная исторія“). „Все теперешнее поколѣніе переживаетъ то же, что и я; у него ничего нѣтъ,—въ этомъ его ужасъ и проклятіе... Безъ дороги, безъ путеводной звѣзды, оно гибнетъ невидно и безповоротно“ (Вересаевъ, „Безъ дороги“).—Это грустныя разсужденія литературныхъ героевъ русской интеллигенціи, наиболѣе чуткой къ міровымъ вопросамъ и наиболѣе склонной къ работѣ по идеалу. Мы беремъ именно ихъ здѣсь потому, что русская художественная литература послѣдняго времени—

„литература мертвецовъ“ (по опредѣленію одного изъ героевъ Вересаева)—есть яркій документъ душевной общечеловѣческой драмы, слагающейся на безплодіи вѣры только въ земной идеаль. „Нѣтъ чего-то главнаго, чего-то важнаго... Потускнѣла путеводная звѣзда“,—и человѣкъ оказывается лицомъ къ лицу съ ужасомъ и проклятіемъ. Чего нѣтъ?—Нѣтъ отвѣта на такіе естественные вопросы: во имя чего должно быть единеніе между *я* и *ты*? почему я долженъ видѣть въ другомъ человѣка и брата? во имя чего должно признавать другъ за другомъ безусловную цѣнность? Нѣтъ убѣжденія въ абсолютной обязанности человѣколюбивой работы. Нѣтъ вдохновляющаго принципа. Куда же онъ исчезъ?—Его и не было. Былъ лишь его призракъ. Въ него вѣрили, его, можетъ быть, не разглядѣли, не сознали вполне,—но тщету его почувствовали, а почувствовавши, естественно и поникли душой... А кто разглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ, тотъ говоритъ уже не языкомъ тихой меланхоліи, а съ беспощадною жестокостью разочарованья.

Говорять: „можно устроиться,—разсуждаетъ самоубійца у Достоевскаго,—на научно-вѣрныхъ соціальныхъ началахъ, а не грабежемъ, какъ было донинѣ. Пусть, а я спрошу: для чего? На это ужъ, конечно, никто не сможетъ мнѣ дать отвѣта. Все, что мнѣ могли бы отвѣтить, это—*чтобы получить счастье*. Да, еслибъ я былъ цвѣтокъ или корова, я бы и получилъ счастье. Но, задавая, какъ теперь, себѣ непрерывно вопросы, я не могу быть счастливъ, даже и при самомъ высшемъ и непосредственномъ счастья любви къ ближнему и любви ко мнѣ человѣчества, ибо знаю, что завтра же все это будетъ уничтожено: и я, и все счастье это, и вся любовь, и все человѣчество обратится въ ничто, въ прежній хаосъ. А подъ такимъ условіемъ я ни за что не могу принять никакого счастья. Это чувство, это непосредственное чувство, и я не могу побороть его. Ну, пусть бы я умеръ, а только человѣчество осталось бы вмѣсто меня вѣчно, тогда, можетъ быть,

я все же былъ бы утѣшенъ. Но вѣдь и планета наша не вѣчна, и человѣчеству срокъ—такой же мигъ, какъ и мнѣ. И какъ бы разумно, радостно, праведно и свято ни устроилось на землѣ человѣчество,—все это тоже приравняется завтра къ тому же нулю. И въ этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуваженіе къ человѣчеству, глубоко мнѣ оскорбительное, и тѣмъ болѣе невыносимое, что тутъ нѣтъ никого виноватаго“.

И развѣ этотъ крикъ больной души не основателенъ?—Нѣтъ,—именно любовь къ человѣчеству, уваженіе къ святости своего долга предъ нимъ заставляеть человѣка возмущаться за себя и за человѣчество, трагически протестовать противъ унижительной бессмыслицы косныхъ законовъ природы, влекущей человѣка къ безпросвѣтной могилѣ.

Подъ угрозою завтрашняго нуля, нельзя, конечно, не тѣша себя самообманомъ, работать для призрачнаго счастья своего и общечеловѣческаго. При такомъ условіи мыслимы лишь два выхода: или тотъ, которымъ пошелъ герой Достоевскаго, т. е. путь самоубійства, какъ логически-последовательное устраненіе себя изъ непонятнаго и обиднаго существованія, или путь страдальческаго переживанія противорѣчій земного идеала и совѣсти. Последній путь въ совершенствѣ освѣщенъ тѣмъ же Достоевскимъ. Разъ не признается высшей безусловной санкціи, обязывающей человѣка къ правдивой дѣятельности (а она отрицается окончательно смертью), и тѣмъ не менѣе человѣкъ соглашается жить, тогда близокъ страшный выводъ: человѣку все позволено. „Такъ какъ Бога и безсмертія нѣтъ,—разсуждаетъ одинъ герой Достоевскаго,—то человѣку позволительно стать человѣкобогомъ и ужъ, конечно, въ новомъ чинѣ, съ легкимъ сердцемъ перескочить всякую прежнюю нравственную преграду прежняго раба человѣка, если оно понадобится. Для Бога не существуетъ закона. Гдѣ станетъ Богъ, тамъ ужъ мѣсто Божіе. Гдѣ стану я, тамъ сейчасъ же будетъ первое мѣсто... *все позволительно*—и шабашъ, даже антропофагія!“ (Кошмаръ Ив. Карамаз.). Тогда нѣтъ ничего ни нравственнаго, ни без-

нравственнаго, ни любви, ни ненависти. И если ставится вопросъ о человѣческомъ счастьи, „то ужъ, разумѣется, я скорѣе пожелаю самъ быть счастливымъ—и лишь въ то мгновеніе, пока я существую, а до цѣлаго и его гармоніи мнѣ ровно нѣтъ никакого дѣла послѣ того, какъ я уничтожусь, остается ли это цѣлое съ гармоніей на свѣтѣ послѣ меня, или уничтожится сейчасъ же вмѣстѣ со мною“ (Приговоръ Достоевскій, стр. 350). „Мнѣ жизнь однажды дается, и никогда ея больше не будетъ: я не хочу больше дожидаться *всеобщаго счастья*, я и самъ хочу жить...“ (Раскольниковъ). „Будущее зданіе счастливаго человѣчества... Покамѣсть я живу и желаю,—да отсохни у меня руки, коль я хоть одинъ кирпичикъ на такой капитальный домъ принесу“ („Записки изъ подполья“ Достоевскаго). „Ибо если прогрессъ человѣчества есть цѣль, то для кого мы работаемъ? Кто этотъ Молохъ, который, по мѣрѣ приближенія къ нему труженниковъ, вмѣсто награды пятится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которыя ему кричатъ: *morituri te salutant*, только и умѣетъ отвѣтить горькою насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти все будетъ прекрасно на землѣ?..“ (Булгаковъ). Почему ближній мой имѣетъ больше цѣнности, чѣмъ я самъ? Почему онъ можетъ быть, долженъ быть цѣлью, а я обязанъ быть только *средствомъ*,—почему не наоборотъ?—Затѣмъ: развѣ *многіе* увеличиваютъ по сравненію съ „однимъ“ качество цѣнности? Почему будущія поколѣнія цѣннѣе настоящихъ и прошлыхъ? Развѣ въ „человѣчествѣ“ есть что-то большее, чѣмъ въ „человѣкѣ?“ (Вопросы филос. и психол. 1904 г. кн. 11—12).—Нѣтъ. Одна личность человѣческая и тысячи ихъ—съ моральной точки зрѣнія равноцѣнны. А если такъ, то значить: или будущее всеобщее счастье есть нѣчто желательное, законное, даже обязательное, какъ цѣль моихъ стремленій,—тогда никто не долженъ говорить мнѣ, будто я поступаю незаконно, противонравственно, когда лично для себя *сейчасъ* желаю и добиваюсь такого счастья; или работать для своего счастья худо, не нравственно,—но тогда

худо, безнравственно обязывать меня отдавать свою короткую жизнь, свои труды и страданія для созиданія такого же счастья будущему человѣчеству. Почему тѣ, что я по теоріи обязанъ признавать за недолжное (свое довольство), когда это касается лично меня, перестаетъ быть недолжнымъ—и становится похвальнымъ и обязательнымъ, когда относится къ будущимъ поколѣніямъ?—Нѣтъ, есть разница между вещью и человѣческой личностью: первую можно употреблять, какъ орудіе или средство, вторая имѣетъ самостоятельную цѣнность и достоинство. И всякое сознаніе, какъ бы оно слабо ни было развито, всегда протестуетъ и будетъ протестовать противъ употребленія себя въ качествѣ *только* орудія для чего-нибудь другого. И если ужъ ссылаются на нравственные требованія, то съ какой-угодно точки зрѣнія мы въ правѣ рассуждать такъ: нравственный долгъ предписываетъ человѣку быть орудіемъ, или средствомъ для осуществленія нравственныхъ требованій и включать въ эту сферу благожелательную дѣятельность къ другимъ; но въ то же время онъ *запрещаетъ* забывать, что личность, какъ таковая, имѣетъ свои запросы и интересы, свои цѣли *въ себя*, въ раскрытіи самой себя,—запрещаетъ третировать личность *только* и *исключительно*, какъ одушевленное средство для постороннихъ цѣлей. Въ этомъ смыслѣ самоцѣнна не жизнь отдѣльной личности, а самоцѣнна личность всякаго человѣка. И, какъ такая, ни одна человѣческая личность завѣдомо и насильственно не можетъ быть принесена, безъ уничтоженія въ самомъ основаніи нравственнаго закона, въ жертву или угоду чему бы то ни было—соціальному ли цѣлѣ, или безличному многоголовому человѣчеству будущаго.

Наконецъ, если прогрессъ человѣчества, направляющійся къ „гармоніи“, имѣетъ, какъ думаютъ, значеніе нѣкотораго божества, единственно достопоклоняемаго, то какъ его представлять?—Очевидно, только такъ: онъ или когда-нибудь завершится, или будетъ состоять въ неустанномъ движеніи впередъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ—божество фантасти-

чески-иллюзорное и этически-безобразное, а въ смыслѣ руководящаго принципа, обращеннаго къ волѣ, нѣчто вполне безжизненное. Завершеніе его, т. е. моментъ, когда человечество останется довольнымъ достигнутымъ своимъ совершенствомъ, означало бы мертвую точку, смерть и духовное разложеніе. Служить же смерти—для живой совѣсти—равносильно прочесть смертный приговоръ ей и разуму и парализовать всякое движеніе воли. Рисовать же прогрессъ, какъ неустойчивое движеніе впередъ, и требовать, чтобы человѣкъ жертвовалъ ему всѣми своими силами, значить—обѣщать, что у него возьмутъ все и взамѣнъ ничего не дадутъ: не можетъ же человѣкъ, на какую бы высокую точку онъ ни поднялся, забыть все тотъ же нуль, который грозитъ ему и другимъ ежеминутно? А разъ онъ не забудетъ этого, тогда никакія силы въ мірѣ, никакая логика софизмовъ не въ состояніи будутъ уничтожить ужаса сознанія, что человѣкъ обрекается работать пустому пространству. Мало того,—не только пустому пространству, но несомнѣнно божеству, безнравственному въ высокой степени. Допустимъ, вопреки всему, что человечество когда-нибудь войдетъ въ царство желаемой гармоніи, будетъ сильнымъ, радостнымъ, прекраснымъ. Но вѣдь ужъ одна мысль о томъ, что все это счастье возшло на почвѣ, удобренной нашими страдальческими трупами, политой нашими слезами, потомъ и кровію, представляется невыносимо возмутительной. Можетъ ли человѣкъ, уважающій сколько-нибудь себя, сдѣлать хоть одно движеніе, принести хоть одинъ камень на возведеніе такого счастья,—счастья для какихъ-то вампировъ, питающихся живыми соками предшествовавшихъ поколѣній?

И тѣмъ не менѣе вѣрно, что я *долженъ*, несмотря ни на что, совершенствоваться, долженъ самоотверженно вносить свой вкладъ въ историческій процессъ всечеловѣческаго совершенствованія. Жажда нравственнаго подвига неистребима такъ же, какъ и жажда физическая.

И вотъ теперь поставьте чуткую совѣсть предъ такою, вскрытою до послѣднихъ линій, картиною будущихъ упованій, и мы нисколько не удивимся, если на эту заманчивую картину она отвѣтитъ только душу шемящимъ стономъ трагической растерянности и тоски безысходной,—такимъ стономъ, который вырвался изъ настрадавшейся души Ницше, переболевшаго сполна на себѣ всю ложь хорошихъ словъ теоріи гармоніи и заплатившаго за муки этой болѣзни сначала путаницей своихъ философскихъ парадоксовъ, а потомъ смертью ума. Этотъ стонъ есть выразительнѣйшій заключительный моментъ въ драмѣ больной совѣсти, и потому мы приведемъ его цѣликомъ.

„Гдѣ Богъ?... восклицаетъ устами Ницше *безумецъ* (больная человѣческая совѣсть):—сказать вамъ?—Мы его убили, я и вы, мы всѣ его убійцы. Но какъ мы это сдѣлали? Кто далъ намъ губку, чтобы стереть весь горизонтъ? Какъ мы могли выпить океанъ? Чтѣ мы сдѣлали, когда отдѣлили эту землю отъ ея солнца? Куда стремится она? куда стремимся мы теперь? Не падаемъ ли мы непрерывно назадъ, впередъ, въ стороны, во всѣ стороны? Существуетъ ли еще верхъ и низъ? Не блуждаемъ ли мы въ безконечной пустотѣ? Не объаты ли мы дыханіемъ пустого пространства? Не стало ли оно холоднѣе? Не сгущается ли постепенно мракъ ночи надъ нами?—Развѣ вы не слышите, какъ шумятъ могильщики, роющіе могилу Богу? И мы убили его. Чѣмъ мы утѣшимся, убійцы изъ убійцы! Самое святое существо, которое только было въ мірѣ, истекало кровію? Кто смоетъ съ насъ эту кровь?“...

Итакъ, ключъ къ драмѣ совѣсти найденъ самой совѣстью... Да, утрата Бога, отъ Котораго думаютъ упрятать совѣсть люди земли, есть утрата Солнца; жизнь безъ Бога—блужданіе во мракѣ ночи... А главное—кровь, отъ которой содрогается совѣсть, лишенная Солнца жизни,—развѣ мы не слышимъ, не чувствуемъ, что это та же кровь, которую взяли въ безуміи своемъ на себя отошедшіе нѣкогда отъ креста

Любви и передавшіе ее, какъ страшное наслѣдіе своимъ духовнымъ дѣтямъ... Это она вопіетъ въ больной совѣсти современнаго антихристіанскаго человѣка...

И вопль ея доходитъ до неба. Въ поэтическомъ символѣ Гётевскаго Фауста послѣднее напряженіе этого вопля разрѣшается бодрымъ гимномъ возрожденія... Фаустъ, жестоко разочарованный въ своихъ исканіяхъ правды жизни на путяхъ науки и произнесшій уже страшное слово: *нѣтъ выхода*, подноситъ кубокъ яда къ губамъ. Но вдругъ раздается колокольный звонъ... Онъ прислушивается. Хоръ ангеловъ поетъ пасхальную пѣснь: „Христось воскресъ! Радость смертнымъ, опутаннымъ тайно подкрадывающимися наслѣдственными грѣхами... Христось воскресъ! Блажени любящіе, устоявшіе твердо противъ тяжелыхъ, но спасительныхъ испытаній“. Фаустъ побѣжденъ. Нахлынувшія религіозныя воспоминанія дѣтства возвращаютъ его къ жизни. „О, звучите,—восклицалъ онъ,—звучите, сладкія пѣсни неба! Слезы текутъ по моимъ щекамъ. Я возвращенъ землѣ вновь“.

И не только землѣ. Фаустъ остановился на полупути. Мятущаяся совѣсть поднимается выше этого символа возрожденія. Она влечетъ къ небу, къ полному примиренію. Мы имѣемъ утѣшеніе видѣть это. Чадъ теоретическаго гипноза постепенно исчезаетъ. Сумерки души проясняются. Символы воплощаются въ реальное убѣжденіе жизни, люди честной логики и нравственнаго благородства имѣютъ мужество прямо обратить свои взоры туда, гдѣ лежитъ подлинное разрѣшеніе и освѣщеніе всѣхъ раскрывающихся моментовъ бытія, гдѣ всѣ мучительныя проблемы духа примиряются въ гармоніи стройнаго міропониманія, именно—къ евангельской философіи жизни. И это мы наблюдаемъ около себя. Безпощадно ярко психологически-освѣщенная во всѣхъ своихъ тайныхъ изгибахъ русскимъ анатомомъ человѣческой души (Достоевскимъ) драма больной совѣсти признана въ своей правдѣ русскимъ же изъ всѣхъ наиболее совѣстливымъ и искреннимъ сознаниемъ. Молодое идеалистическое направленіе современной намъ русской

мысли, рѣшительно повернувшее отъ традиціонныхъ кумировъ позитивизма, уже подвело свои безспорные итоги изъ этой философской драмы. Окольными путями горькаго разочарованія, болѣзненнымъ опытомъ опознаннаго безсилія чувства, лишеннаго творчества высшаго духа, прошедшее всѣ кривыя и извилистыя тропинки мысли и жизни, оно подошло къ воротамъ христіанскаго Неба. Пусть оно еще не сказало полностью всѣхъ своихъ словъ. Но оно сказало самое главное слово: всѣмъ больнымъ безвѣріемъ и муками совѣсти указало единственно спасительный выходъ. Въ своей нравственно-философской исповѣди, вылившейся не изъ холодныхъ источниковъ только ума, но еще болѣе изъ горячихъ волненій много пережившаго правдиваго сердца, оно закончило вѣрнымъ эпилогомъ драму Прометей: сложило у подножія Креста Искупителя всѣ мятежныя думы человѣческія и припесло съ собою философское оправданіе святости нашего духа—евангельской истины, начертавъ въ эпитафій своей философіи жизни безсмертныя слова евангельской вѣры:

„Господи! къ кому намъ итти? Ты одинъ имѣешь глаголы жизни вѣчной“.

Свящ. *Е. Капраловъ.*

Изъ религіозной жизни Запада.

Говоря о различныхъ научныхъ теченіяхъ, враждебныхъ христіанству, мы замѣтили, что едва ли не самымъ опаснымъ врагомъ христіанства является въ настоящее время на Западѣ богословская наука.

Что представляетъ собою современная богословская наука на Западѣ?

Прежде всего, должно сказать, что руководящая роль въ области богословія въ послѣдніе годы безспорно принадлежитъ Германіи. Нѣмецкіе богословы не только сильно вліяютъ на нашихъ отечественныхъ, которымъ нерѣдко ставятъ это въ упрекъ, но и ведутъ за собой на буксирѣ бого-

слововъ всѣхъ другихъ странъ. Такъ, въ Англии не только самымъ усерднымъ образомъ компилируются труды нѣмецкихъ ученыхъ, но прямо цѣликомъ переводятся на англійскій языкъ. При этомъ „просвѣщенные мореплаватели“ не останавливаются даже предъ переводомъ такихъ громоздкихъ трудовъ, какъ многотомные комментаріи на Библию. Благодаря этому, вліяніе нѣмецкаго богословія въ Англии чрезвычайно сильно. Въ нѣкоторыхъ областяхъ богословія, напр.—въ экзегетикѣ, англичане только послушные и вѣрные ученики нѣмецкихъ богослововъ, старающіеся ни на шагъ не отстать отъ послѣднихъ въ критическихъ оцѣнкахъ и искусствѣ построять самыя фантастическія гипотезы...

Вліянію протестантскаго нѣмецкаго богословія въ послѣдніе годы начинаютъ замѣтно подпадать даже и ученые католическіе, доселѣ только полемизировавшіе съ протестантствомъ. Во Франціи уже образовалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ либеральная школа среди католическихъ богослововъ, имѣющая своей задачей примирить выводы новой науки съ исконными католическими воззрѣніями.

Столь сильное вліяніе протестантской нѣмецкой богословской науки объясняется, конечно, той высотой, на которой она стоитъ въ настоящее время.

Трудно указать въ области богословія вообще такой вопросъ, который бы не былъ обслѣдованъ нѣмецкими учеными. Что же касается вопросовъ основныхъ, то почти каждый изъ нихъ имѣетъ въ Германіи обширнѣйшую литературу. Съ каждымъ годомъ эта литература возрастаетъ въ такомъ количествѣ, что современному изслѣдователю крайне трудно и почти не возможно быть въ курсѣ ея. Безъ сомнѣнія высокое, развитіе богословской науки въ Германіи объясняется характеромъ нѣмецкой націи—умной по природѣ, серьезной, трудолюбивой и методичной. Не мало содѣйствуютъ успѣхамъ науки въ Германіи и нѣкоторыя внѣшнія условія. Напр., весьма важно, что здѣсь наука развивается органически. Научное движеніе, начатое однимъ, продолжается другимъ, при

чемъ новый камень прикладывается къ старому, пока не вырастетъ цѣлое зданіе. Ученикъ переиздаетъ библейскій комментарий или какой-либо курсъ своего учителя, оставляя его принципы и методъ, но восполняя результатами новыхъ изысканій. Благодаря этому, никакая плодотворная точка зрѣнія, никакая болѣе или менѣе обоснованная теорія не пропадаютъ безслѣдно, не забываются, и наука движется не скачками и порывами, а именно органически, строго-последовательно. Имѣетъ важное значеніе въ данномъ случаѣ и протестантская свобода изслѣдованія. Конечно, всякая свобода опасна тѣмъ, что ею можно злоупотреблять. Но зато существованіе ея даетъ возможность изслѣдователямъ не ограничиваться областью мелочныхъ, безобидныхъ археологическихъ и историческихъ вопросовъ, а браться и за разрѣшеніе основныхъ, наиболѣе запутанныхъ и скользкихъ богословскихъ проблемъ.

Обращаясь теперь къ характеристикѣ современнаго нѣмецкаго богословія, мы должны, прежде всего, указать на слѣдующее. Нынѣ всюду замѣчаются спутанность понятій—и притомъ о такихъ предметахъ, которые, казалось бы, давно уже извѣстны. Такъ, напр, въ настоящее время уже не для всѣхъ стало ясно, что значитъ быть христіаниномъ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ отлученъ былъ отъ Церкви за отрицаніе христіанства гр. Л. Толстой, то многіе искренно негодовали на это потому, что въ ученіи Толстого они усматривали выраженіе *чистѣйшаго* и *подлиннѣйшаго* христіанства. Несомнѣнно, однакоже, что сущностью христіанства должно считать ученіе о богочеловѣчествѣ Иисуса Христа, о Его чудесномъ рожденіи, воскресеніи и вознесеніи на небо. Гдѣ нѣтъ признанія этого, тамъ нѣтъ собственно христіанства, хотя бы употреблялись евангельскіе термины, какъ у Толстого, хотя бы мораль совпадала съ моралью евангельской. Таково, по крайней мѣрѣ, православно-церковное пониманіе христіанства, идущее отъ временъ апостольскихъ.

Какъ же относится къ этому пониманію нынѣшнее западное богословіе?

Мы должны сказать, что въ настоящее время преобладающимъ направлениемъ въ отношеніи къ указаннымъ вопросамъ является направленіе отрицательное. Такимъ направлениемъ характеризуется господствующее теперь въ Германіи богословіе *ричліанское*.

Своимъ именемъ и происхождениемъ это направленіе обязано скончавшемуся въ 1889 г. геттингенскому профессору Альбрехту Ричлю (род. въ 1822 г.). Проложено было это направленіе дѣльмъ рядомъ трудовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера названнаго богослова. Особенное значеніе изъ этихъ трудовъ имѣло сочиненіе: „Христіанское ученіе объ оправданіи и примиреніи“, вышедшее въ *трехъ* томахъ въ періодъ 1870—74 гг., а также работа: „Наставленіе въ христіанской религіи“. Названныя сочиненія, отличающіяся выдающейся ученостью и богатствомъ новыхъ, оригинальныхъ идей, произвели сильное впечатлѣніе въ богословскомъ мірѣ и сразу привлекли къ Ричлю много талантливыхъ учениковъ. Дальнѣйшая литературная дѣятельность Ричля упрочила его авторитетъ и торжество его идей. Ричліанство проникло во Францію, гдѣ его стали распространять Лобштейнъ, Эмери, Бальденшергеръ, Сабатье. Оно нашло себѣ послѣдователей въ Голландіи, Швейцаріи и Америкѣ. Отголоски его можно видѣть и въ нашей русской литературѣ. Особенно успѣшно, конечно, идеи Ричля стали пропагандироваться въ Германіи. Въ послѣдніе годы профессорскія кафедры германскихъ университетовъ занимаютъ преимущественно ученики и послѣдователи Ричля. Къ числу ихъ принадлежатъ такіе видные богословы, какъ Э Ширеръ, Г. Шульцъ, Ю. Кафтанъ, Ф. Герингъ, и хорошо извѣстный въ Россіи Адольфъ Гарнакъ. Послѣдній можетъ считаться главою вышншихъ ричліанцевъ, хотя въ своихъ воззрѣніяхъ онъ нѣсколько уклонился отъ своего учителя А. Ричля.

Сущность ричліанства, какъ богословской системы, сводится къ слѣдующему.

Христiанство есть исключительно религiя практическая, имѣющая въ виду дать средства къ блаженной жизни. Догматико-метафизическая сторона въ христiанствѣ не имѣетъ существеннаго значенiя. „Евангелiе,—говоритъ Гарнакъ,— не есть какое-либо теоретическое ученiе или мiропознанiе. Оно есть настроенiе, потому что говоритъ намъ не о томъ, какова сущность его объектовъ—Бога, Иисуса Христа и др., а говоритъ лишь о томъ, почему цѣнны вещи и силы, съ которыми мы имѣемъ дѣло. Оно говоритъ намъ о томъ, какую цѣнность представляетъ человѣческая душа, смиренiе, милость, чистота, крестъ, и какъ мало цѣнности имѣютъ земныя блага и заботливость о поддержанiи жизни“.

Христiанское исповѣданiе есть только настроенiе, или дѣятельность, согласная съ волей Божiей, а не усвоенiе какихъ-либо теоретическихъ истинъ. На первыхъ порахъ христiанство и существовало безъ догматической стороны. Только благодаря историческимъ обстоятельствамъ, благодаря влiянiю на христiанство греческой философи, въ содержанiе христiанства вошла и догматика, которая получила особенное развитiе въ перiодъ вселенскихъ соборовъ. При этомъ, самое возникновенiе христiанства, по мнѣнiю ричлианцевъ, есть результатъ естественнаго развитiя, а не какого-либо чуда или откровенiя. Послѣдователи Ричля, какъ, напр., Гарнакъ, не допускаютъ откровенiя и не признаютъ богодухновенности Свящ. Писанiя, утверждая даже, что въ Свящ. Писанiи содержится много чуждаго христiанству, имѣющаго языческое происхожденiе.

Исходя изъ указанныхъ принциповъ, ричлианцы самымъ кореннымъ образомъ измѣняютъ традиционныя христiанскiя воззрѣнiя. Такъ, все понятiе о Богѣ они сводятъ къ одной любви, почти совершенно отрицая значенiе остальныхъ божескихъ свойствъ. Догматъ о Св. Троицѣ ими отвергнутъ. Самъ Ричль отрицалъ предвѣчное существованiе Бога-Слова, какъ отдѣльной *Ипостаси*, и Бога-Духа. Еще болѣе рѣшительно это отрицанiе у Шульца. По нему, Сынъ Божiй есть не

Ипостась, а простое обозначеніе откровенія Бога; Духъ Святой есть духъ христіанской общины, тѣ божественные мотивы, осуществленіе которыхъ является цѣлью царства Божія.

Обращаясь далѣе къ личности Іисуса Христа, ричліанцы утверждаютъ, что Онъ можетъ быть названъ Богомъ не въ метафизическомъ смыслѣ, не по существу Своему, а только въ смыслѣ этическомъ, или несобственномъ. Онъ можетъ быть названъ Богомъ потому, что въ Немъ совершеннымъ образомъ открылась божественная воля, что Онъ установилъ отношенія къ Богу, основанныя на любви, осуществилъ идею царства Божія. Названный выше Гарнакъ рѣшительно утверждаетъ: „отнюдь не слѣдуетъ, что мы, дабы быть христіанами, должны вѣровать въ Іисуса Христа, какъ Бога. Напротивъ, мы должны видѣть въ Іисусѣ Христѣ только чело-вѣка, который дѣйствовалъ на другихъ такимъ образомъ, что они могли признать въ немъ вочеловѣчившагося Бога“. По мнѣнію ричліанцевъ, первоначальная христіанская община ничего не знала о божеской природѣ Іисуса Христа, и только въ позднѣйшее время, подъ вліяніемъ греческаго духа, воспитавшагося на языческихъ воззрѣніяхъ, эта мысль появилась въ христіанскомъ ученіи. „Евангельскій образъ Іисуса Христа,—пишетъ Кафтанъ,—не показываетъ никакихъ слѣдовъ всемогущества, всевѣдѣнія и вездѣсуція, такъ какъ всѣ эти атрибуты не соединимы съ природою историческаго чело-вѣка“. Естественнымъ слѣдствіемъ такогѣ воззрѣнія является отрицаніе чудесной стороны жизни и дѣятельности Спасителя. „Историкъ,—заявляетъ Гарнакъ,—не можетъ имѣть дѣла съ библейскими чудесами, какъ несомнѣнно существовавшими историческими явленіями, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ подрываетъ почву, на которой зиждется всякое историческое изслѣдованіе. Каждое отдѣльное чудо, разсматриваемое со стороны исторической, представляетъ изъ себя, поэтому, нѣчто сомнительное“. Въ частности, современные ричліанцы отвергаютъ чудесное рождество Іисуса Христа, Его воскресеніе и вознесеніе. Не будучи чудотворцемъ, Іисусъ

Христость, по ихъ мнѣнію, не былъ и учителемъ въ какомъ-либо особенномъ смыслѣ. Онъ не принесъ ничего новаго въ религіозную область. „То, что Онъ, Исусъ Христость, проповѣдывалъ,—заявляетъ Гарнакъ,—возвѣщаль еще Іоаннъ въ своей проповѣди о покаяніи; то же самое находимъ у пророковъ, у псалмопѣвцевъ и даже въ еврейскомъ преданіи тогдашняго времени. Сами фарисеи обладали уже тѣмъ, что проповѣдывалъ Исусъ Христость“. Въ связи со всѣми указанными воззрѣніями, отвергается ричліанцами ученіе о первородномъ грѣхѣ и объ искупительномъ значеніи крестной смерти.

Въ полномъ согласіи съ названными выше богословами, занимающимися изслѣдованіемъ Евангелія и исторіи христіанства, другая группа нѣмецкихъ ученыхъ направляетъ разрушительную работу противъ Ветхаго Завѣта. Въ настоящее время эта группа очень многочисленна, такъ какъ къ ней принадлежатъ почти всѣ профессора германскихъ университетовъ. Можно сказать, что и вся новѣйшая нѣмецкая литература по Ветхому Завѣту имѣетъ характеръ отрицательный. Нѣмецкая критика почти ничего не оставляетъ отъ Ветхаго Завѣта. Библейскія книги она признаетъ фальсифицированными и въ большинствѣ своемъ происшедшими въ позднѣйшій періодъ; библейскія ветхозавѣтныя чудеса сводитъ къ мифамъ и легендамъ; библейское ветхозавѣтное ученіе считаетъ не плодомъ божественнаго откровенія, а результатомъ естественнаго постепеннаго развитія народа отъ первоначальнаго фетишизма и политеизма. Прежде признавали хоть оригинальный характеръ этого ученія; въ настоящее же время такіе богословы, какъ Деличъ, Циммернъ и мн. др., всѣ усилія напрягаютъ къ доказательству того, что ничего оригинальнаго въ ветхозавѣтномъ ученіи нѣтъ, что все оно представляетъ простую копию вавилонскихъ вѣрованій и понятій. Словомъ, Ветхій Завѣтъ почти лишень современной критикой его религіознаго значенія и превращенъ въ простой памятникъ—древне-еврейской литературы.

Изъ сказаннаго видно, какое положеніе заняла современная богословская наука въ отношеніи къ традиціонному пониманію христіанства и Библіи. Несомнѣнно, современное нѣмецкое богословіе отрицаетъ христіанство, какъ религію богооткровенную. Правда, оно пользуется терминами старыми, говоритъ о Евангеліи, о богочеловѣчествѣ, объ откровеніи и пр.; но оно влагаетъ въ эти термины совершенно иной смыслъ, не имѣющій ничего общаго съ старыми богословскими понятіями.

Въ новомъ богословіи, справедливо замѣчаетъ одинъ авторъ, „Моисей и пророки изгнаны, апостолы низложены, а отъ Христа ничего не осталось, кромѣ человѣческой одежды, которую Онъ имѣлъ“. Должно при этомъ замѣтить, что представители новаго богословія на Западѣ не принадлежать къ тому типу легкомысленныхъ отрицателей, который такъ часто встрѣчается у насъ въ Россіи. Они выступаютъ подъ знаменемъ настоящей науки, во всеоружіи исторіи, догматики, экзегетики и философіи. Борьба съ ними, поэтому, возможна только для такихъ же серьезныхъ богослововъ, какъ они: въ этомъ ихъ сила, въ этомъ и особенная опасность для Церкви.

Люди стараго образа мыслей, ортодоксалы, съ тревогой смсряютъ на успѣхи новаго богословія. „Если либерализмъ и дальше будетъ идти въ этомъ направленіи,—говоритъ одинъ изъ нихъ,—для Церкви пробьетъ послѣдній часъ“. Дѣйствительно, новое богословіе въ настоящее время перестаетъ уже быть ученой теоріей, интересующей только профессоровъ. Изъ стѣнъ аудиторій идеи ричліанства широкимъ потокомъ распространяются въ публику. Новые богословы, не ограничиваясь учеными сочиненіями, въ настоящее время усердно работаютъ надъ созданіемъ популярной, общедоступной литературы въ духѣ своего направленія. Ими издаются „жизни Иисуса“, учебники по свящ. исторіи, по исторіи Церкви и др., предназначенные для школъ и народа. Мало того,—въ послѣдніе годы появляются пасторы,[¶] которые уже съ цер-

ковной кафедрой начинают проповѣдывать идеи новаго богословія. Такъ, пасторъ Морицъ изъ Бремена съ кафедры рекомендуетъ освобожденіе отъ традиціонной христіанской религіи, какъ высшую цѣль.

Въ одной изъ своихъ проповѣдей, вызывающей теперь толки въ духовныхъ журналахъ, онъ позволяетъ себѣ восклицать: „долой христіанство, оно для насъ—ковченное дѣло. Долой эту религію потусторонняго, этотъ романъ о потустороннѣмъ... Мы имѣемъ свою собственную религію—это жизнь“. Подобно этому, пасторъ Шмальцъ въ Мекленбургѣ отрицаетъ въ проповѣдяхъ безсѣменное зачатіе Христа и Его воскресеніе. Пасторъ Хейнъ изъ Грейфсвальда издалъ сборникъ проповѣдей, въ которыхъ объ авторитетѣ Свящ. Писанія и о личности Іисуса Христа говорится въ такомъ духѣ, что Берлинская консисторія должна была отклонить его кандидатуру къ церкви св. Петра въ Берлинѣ. Особенно характерно для современнаго нѣмецкаго богословія дѣло пастора Фишера, надѣлавшее нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ много шума, не законченное еще и теперь. Въ своей рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи, пасторъ Фишеръ провелъ мысли, что никакого божественнаго откровенія для современнаго сознанія не существуетъ; что основой протестантскаго ученія должна быть не Библия, а религія разума; что поклоненіе Христу должно быть оставлено. Рѣчь Фишера произвела большое впечатлѣніе, вызвавъ восторги однихъ и негодованіе другихъ. Кенигсбергскій университетъ удостоилъ Фишера степени доктора богословія *honoris causa*. Но Берлинская консисторія выразила ему свое порицаніе, и притомъ въ сильной формѣ. „Вы,—писала консисторія Фишеру,—едва ли можете скрывать, что ваши разъясненія глубоко оскорбили религиозное чувство всѣхъ вѣрныхъ своему исповѣданію членовъ общины и вызвали широко распространенное раздраженіе. Но такъ какъ ваши разъясненія производятъ впечатлѣніе не только недостаточной обдуманности вообще, но и недостаточной христіански-богословской разсудительности, ясности и

зрѣлости, то мы можемъ допустить, что вы еще находитесь въ стадіи развитія, изъ которой вамъ, при помощи Божіей, можетъ быть, удастся достигнуть пониманія истинной сущности христіанской религіи. Если же вы, напротивъ, окончательно укрѣпитесь на настоящей точкѣ зрѣнія, то должны ожидать, что поступите послѣдовательно и добровольно оставите свое мѣсто въ Церкви, вѣры и исповѣданія которой вы не только не раздѣляете, но даже отвергаете. Во всякомъ случаѣ, мы поставляемъ вамъ на видъ, что мы не потерпимъ, если вы будете въ своей служебной дѣятельности выражать подобныя противорѣчащія общей вѣрѣ христіанской утвержденія и вмѣняемъ вамъ въ обязанность избѣгать всего, что способно оскорбить религіозное чувство пребывающаго въ церковной вѣрѣ общества“. Однакоже, этотъ взглядъ, высказанный Берлинской консисторіей, встрѣтилъ сильную оппозицію въ обществѣ. Сторонниками новаго богословія собраны тысячи подписей въ пользу Фишера. Ими выпущены также летучіе листки, въ которыхъ они всецѣло берутъ Фишера подъ свою защиту. Въ этихъ листкахъ читаемъ: „пока мы, церковные либералы, не вышли изъ мѣстной церкви, пока мы платимъ наши церковные налоги, пока мы считаемъ себя евангелическими христіанами, которые стоятъ на почвѣ Евангелія Іисуса Христа, пока пользуются нашимъ содѣйствіемъ въ церковно-общественной жизни,—мы требуемъ либеральныхъ духовныхъ и богослововъ, которые бы могли представить намъ истину христіанскую не средневѣковымъ, а современнымъ языкомъ и въ согласіи съ современнымъ міровоззрѣніемъ: это наше право, какъ протестантовъ, и мы не позволимъ его у насъ отнять“. Воззрѣнія Фишера встрѣтили поддержку не только среди мірянъ, но и среди пасторовъ. Тридцать пасторовъ въ Берлинѣ составили петицію, въ которой они защищаютъ Фишера во имя независимости ученаго изслѣдованія, „во имя протестантскаго права проповѣдывать Евангеліе соотвѣтственно принципу свободнаго изслѣдованія Свящ. Писанія по разуму и совѣсти cadaго“.

Дѣло Фишера показываетъ, какъ значительны успѣхи новаго богословія въ Германіи. Въ настоящее время представители этого богословія выступили даже съ требованіемъ, чтобы имъ была передана часть церквей, въ которыхъ они, безъ всякихъ стѣсненій, могли бы проповѣдывать свои воззрѣнія. Разумѣется, сами они не считаютъ свое богословіе какой-то новой религіей, отрицаніемъ христіанства. Напротивъ, они объявляютъ себя христіанами „отъ сердца“ и утверждаютъ, что они не противъ христіанства борются, а отстаиваютъ только свое пониманіе Евангелія, свое особое направленіе богословія. Но, очевидно, дѣло идетъ не о спорѣ мнѣній, не о направленіи богословія, а о самомъ существованіи христіанства. Новое богословіе, какъ признаютъ протестанты, создало „осадное положеніе для евангельской Церкви“, которое можетъ разрѣшиться крупной катастрофой. „Можетъ придти день,—говоритъ одинъ публицистъ,—когда общество съ развѣвающимися знаменами покинетъ Церковь“. „Мы могли бы,—замѣчаетъ другой авторъ,—опубликовать цѣлую серію душевныхъ катастрофъ молодыхъ честолюбцевъ, которые потерпѣли крушеніе и не могли болѣе подняться, которые потеряли свой миръ и даже Бога. Мы могли бы показать обществу зрѣлище развалинъ религіозной жизни нашей образованной молодежи, потому что современнымъ богословіемъ она лишена всякой опоры“.

Таковы уже теперь печальные плоды современнаго западнаго богословія.

Рыб.

Еще къ вопросу о проповѣди, какъ одномъ изъ средствъ пастырскаго воздѣйствія на прихожанъ.

Въ заключеніи замѣтки своей: „Церковныя поученія, какъ средство пастырскаго вліянія на прихожанъ“¹⁾, мы пришли къ выводу, что изъ всѣхъ видовъ пастырскаго про-

¹⁾ См. № 50-й „Руков. для сельскихъ пастырей“ за 1904 г.

повѣдничества въ наше время проповѣдничество *de improviso* наиболѣе отвѣчаетъ потребностямъ и запросамъ современной русской простонародно-приходской массы. Однако, это положеніе по существу слишкомъ общаго характера и легко можетъ быть истолковано въ совсѣмъ нежелательномъ духѣ. Поэтому, считаемъ необходимымъ и умѣстнымъ, въ предупрежденіе недоразумѣній по указанному вопросу, сдѣлать нѣсколько разъясненій.

Прежде всего, признавая импровизацію наиболѣе современной формою пастырскаго проповѣдничества, мы это утвержденіе относимъ не столько къ формѣ проповѣди, сколько къ ея духу. Не нужно понимать проповѣднической импровизаціи въ смыслѣ простаго экспромпта, т. е. когда говорятъ на какую-либо тему безъ предварительной подготовки. Въ такомъ смыслѣ проповѣдническая импровизація никогда и нигдѣ почти не будетъ имѣть мѣста, потому что церковное учительство—дѣло чрезвычайно важное и требуетъ для себя, помимо спеціально-богословскаго образованія, еще тщательной подготовки всякій разъ, когда пастырь намѣренъ выступить съ церковной кафедрой въ качествѣ духовнаго учителя прихожанъ. Поэтому, проповѣдническая импровизація въ нашемъ смыслѣ не есть *внезапное*, безъ всякой подготовки церковное учительство; напротивъ, это такое учительство, которое всякій разъ сопровождается надлежащимъ и глубокимъ продумываніемъ предмета, о которомъ намѣренъ говорить пастырь. Мало того, одного продумыванія здѣсь не достаточно, а требуется нерѣдко обширная начитанность, знакомство съ Свящ. Писаніемъ, святоотеческой литературой и современнымъ положеніемъ вещей. Особенно важно въ настоящее время послѣднее, потому что современные условія нерѣдко ставятъ неразвитому уму крестьянъ проблемы чрезвычайно сложныя, въ которыхъ большею частью экономически-матеріальный порядокъ отношеній противопологается нравственно-христіанскому, подчеркивается—иногда очень мѣтко—полное несогласіе этихъ двухъ порядковъ, и, конечно, требуется ихъ примиреніе.

Само собою понятно, что теоретическое разрѣшеніе этой дилеммы очень трудно, а въ проповѣди и совсѣмъ почти не мыслимо, тѣмъ не менѣе отвѣтъ запрашивающимъ душамъ въ современной проповѣди все же нужно дать, притомъ отвѣтъ ясный, глубокий и въ то же время христіанскій. Равнымъ образомъ, нужно удовлетворить мятущееся и нерѣдко оскорбляемое практически чувство прихожанъ изъ простонародья.

Въ виду этихъ цѣлей современной церковной проповѣди, импровизантный ея характеръ нужно понимать не въ общепринятомъ смыслѣ, а совершенно своеобразно, тѣмъ болѣе, что и буквальное значеніе слова „импровизація“ не противорѣчитъ этому пониманію.

Обращая вниманіе на ту непосредственность, которою, несмотря на нѣкоторую культивировку, все же еще дышитъ природа нашего простонародья, мы видимъ, что первая потребность нашихъ прихожанъ въ отношеніи къ церковной проповѣди—это потребность въ непосредственной близости къ душѣ поучающаго, въ сердечной любви пастыря къ пасомымъ, которая бы, связывая ихъ въ одно цѣлое, поселяла въ нихъ полное взаимное довѣріе. При такомъ условіи, все, чему учить пастырь, будетъ безъ критики воспринято любовію прихожанъ, охватитъ ихъ жизнь и души кругомъ, завладѣетъ ими на извѣстное время. Въ такомъ своемъ видѣ проповѣдь—какъ со стороны пастыря, такъ и со стороны пасомыхъ—будетъ не просто проповѣдью, а *переживаніемъ*, сдѣлается частью ихъ жизненнаго синтеза, или проще—тѣхъ частныхъ мгновений, изъ которыхъ составляется жизнь. Какъ такая, проповѣдь не есть нѣчто *предвидѣнное*, потому что жизненные мгновенія не предвидятся—цѣликомъ, по крайней мѣрѣ, а только въ самыхъ общихъ чертахъ. Вотъ почему мы и называемъ такую проповѣдь импровизаціей (*im-provisus*—не предвидѣнный).—Что касается внѣшней формы этой импровизаціи, то здѣсь не можетъ быть установлено особенно строгихъ предписаній ни въ одну, ни въ другую сторону—ни въ направленіи къ „чтенію“ проповѣдей по книгѣ, ни къ произнесенію ихъ „наизусть“. Во всякомъ случаѣ, безусловно не правиленъ тотъ взглядъ, по которому проповѣдническая импровизація непременно произносится безъ тетрадки, не говоря уже о книгѣ. „Намъ кажется,—вполнѣ справедливо замѣчаютъ Орловскія еп. вѣдомости,—что такой взглядъ на проповѣдь, по которому она можетъ быть произносима и по тетради и по книгамъ, еще не исключаетъ возможности для подобнаго способа проповѣданія быть *живымъ словомъ*, равно какъ и проповѣданіе безъ книги и тетради можетъ не имѣть характера жизненности, не быть живымъ, а сухимъ, мертвымъ словомъ. Дѣло въ томъ, какъ относиться къ проповѣдыванію. Одно почтенное и всѣми уважаемое въ нашемъ городѣ лицо (свѣтское) возмущалось такимъ произнесеніемъ проповѣдей по тетради, при которомъ проповѣдникъ, дѣйствительно, является чтедомъ...“ Это, конечно, возмутительно. „Но еще болѣе можетъ возмутить и тотъ беззащитный

церковный ораторъ, который самонадѣянно, иногда въ самообольщеніи отъ своего мнимаго краснорѣчія и мнимаго проповѣдническаго дара, явится на кафедре съ самымъ ограниченнымъ запасомъ однихъ такъ называемыхъ общихъ мѣстъ¹⁾.

Вобщемъ же, должно сказать, что форма произнесенія современной проповѣди-импровизаціи должна быть вполне естественна. Гдѣ уместно и необходимо, пастырь долженъ говорить устно; а гдѣ, наоборотъ, потребна бываетъ книга или тетрадь, тамъ не должно изъ ложнаго стыда отвергать пользование ими, или же дѣлать это тайкомъ и какъ бы мимоходомъ: это не достойно пастыря. Не должно при этомъ упускать изъ виду, что народъ нашъ, въ силу нѣкоторыхъ традицій, иногда прямо-таки требуетъ „чтенія“ проповѣди, а не устнаго ея произношенія. Такъ недавно поступили прихожане одного изъ приходоу Черкаскаго уѣзда, Кіевскои губ.; то же самое замѣчается и въ монастыряхъ, гдѣ бываетъ много паломниковъ, при чтеніи Пролога. Подобные факты, повидимому, свидѣтельствующіе о глубокомъ консерватизмѣ нашего простонародья въ области проповѣди, о предпочтеніи народомъ проповѣдей къ формѣ стариннаго, такъ называемаго „дьячковскаго“, церковнаго чтенія, намъ думается, говорятъ вовсе не противъ нашей импровизаціи, потому что 1) наша импровизаціа не стѣснена формою; 2) указанные факты имѣютъ мѣсто, по всей вѣроятности, тамъ, гдѣ пастырскія импровизаціи слишкомъ поверхностны и носятъ характеръ скорѣе простаго *разлаголствованія*, чѣмъ проповѣди; 3) наконецъ, нужно признать, что наше простонародье слишкомъ ужъ привыкло къ церковному чтенію и иногда не въ мѣру заявляетъ объ этихъ своихъ привычкахъ.

¹⁾ Под. еп. вѣд. 1903 г., стр. 1104.

Редакторъ преподав. Кіевскои духовнои семинаріи Г. О. Булашевъ.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 16-го апрѣля 1905 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.